

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО
МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

200 лет

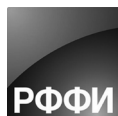
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ
РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА
МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Санкт-Петербург,
Государственный Эрмитаж
3–4 октября 2019 г.*

МОСКВА «ИНДРИК» 2019

УДК 94(47)
Д 233

Сборник материалов конференции
издан при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
по гранту № 19-09-20046/19

Редакционная коллегия:

Сергей Юрьевич Житенёв (ответственный редактор),
Кирилл Алексеевич Вах,
Елена Семеновна Узенёва

**200 лет дипломатической поддержки
русского присутствия на Ближнем Востоке:**
история создания и деятельности Азиатского
департамента МИД Российской Империи //
Материалы Всероссийской научной конференции.
Государственный Эрмитаж. 3–4 октября 2019 г.
Под ред. С.Ю. Житенёва, К.А. Ваха.
М.: Индрик, 2019. — 508 с.

ISBN 978-5-91674-569-6
DOI 10.31168/91674-569-6

Всероссийская научная конференция «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи» проводилась в Санкт-Петербурге в Государственном Эрмитаже 3–4 октября 2019 г. Организаторами Конференции выступили: Международная общественная организация «Императорское Православное Палестинское Общество» (ИППО), Государственный Эрмитаж и Институт славяноведения Российской академии наук. В рамках Конференции прошла книжная выставка, посвященная истории русской дипломатии на Христианском Востоке.

© Авторы, 2019
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ

Степашин Сергей Вадимович, Председатель ИППО	15
---	----

Лавров Сергей Викторович, Министр иностранных дел Российской Федерации	18
---	----

Панченко Владислав Яковлевич, академик РАН, председатель Совета Российского фонда фундаментальных исследований	20
--	----

Силуан, епископ Петергофский, викарий Санкт-Петербургской епархии Русской Православной Церкви, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии	22
--	----

Абдель Хафиз Нофаль, Чрезвычайный и Полномочный посол Государства Палестины в России	24
--	----

Рияд Хаддад, Чрезвычайный и Полномочный посол Сирийской Арабской Республики в России	27
--	----

Доклады и выступления

Бибииков М.В.

Дипломатическая поддержка Азиатского
департамента МИД Российской Империи русского
присутствия в Палестине и на Афоне 41

Рудаков А.Н.

Ближневосточная политика России:
к 200-летию создания Азиатского департамента
МИД Российской Империи 50

Митрофан,

митрополит Мурманский и Мончегорский

Константинопольская дипломатическая миссия
преподобного Феодорита Кольского,
просветителя лопарей в 1556–1557 гг. 53

Гришин Д.Б.

К вопросу о дипломатической деятельности
Великого Князя Сергея Александровича
на посту Председателя ИППО 60

Резван Е.А.

Коллекции дипломатов в собрании
Петербургской Кунсткамеры 69

Пятницкий Ю.А.

Кипрская икона «Святого Маманта»:
путешествие из Александрии в Санкт-Петербург 79

Балдин К.Е.

Содействие русским паломникам в Святой Земле
со стороны российской дипломатии и ИППО
(по мемуарам паломников
второй половины XIX — начала XX вв.) 101

Игнатова О.А.

Музей как хранитель истории
Азиатского департамента МИД России 125

Колобов О.А, Хохлышева О.О.

Дипломаты России и их особая роль в постоянном
обеспечении русского присутствия во Святой Земле
с учетом фактора взаимодействия с Императорским
Православным Палестинским Обществом
на Ближнем Востоке 134

Колобова С.А.

Нижегородское отделение ИППО и его роль
в содействии проектам МИД России, направленных
на утверждение постоянного русского присутствия
в Святой Земле 140

Ливцов В.А., Богатырев Р.А.

Преосвященный Поликарп (Радкевич):
духовное влияние традиций Святой Земли
на формирование историко-культурного наследия
Орловского края 145

Михайлова Е.А.

Палестина Ильи Федоровича Тюменева
(по материалам Отдела рукописей
Российской национальной библиотеки) 156

Бутова Р.Б.

Лекция Николая Николаевича Лисового
«Императорское Православное Палестинское
Общество и Министерство иностранных дел»,
прочитанная в Паломническом центре
Московского Патриархата 13 марта 2008 года 163

Моклецова И.В.

Служба А.Н. Муравьева в Азиатском департаменте
МИД Российской Империи и его вклад в развитие
русского присутствия на Ближнем Востоке 189

Поляков И.А., Смирнова М.А.

Рукописи путешествий в Палестину в XIX столетии.
По материалам фондов Российской национальной
библиотеки 202

Аксёнова Г.В.

Международная деятельность архимандрита
Инокентия (Просвирнина) по сохранению
христианского историко-культурного наследия 209

Вах К.А.

Азиатский департамент МИД и русские паломники
в Палестине: взгляд из Петербурга, Константинополя
и Иерусалима 261

Гагарин Г.Г.

Княжеский род Гагариных на дипломатической
службе Российской Империи в XIX столетии 329

Житенёв С.Ю., Дгебуадзе Н.Ю.

Представители МИД Российской Империи
в Совете ИППО до 1917 г. 335

Зубов Д.В.

События XVII века: истоки палестинского
направления внешней политики России 339

Соловьёв А.П.

Дипломатическая поддержка МИД Российской
Федерации туризма на современном этапе 345

Долгов Б.В.

Россия на Ближнем Востоке и Палестинский вопрос 350

Марченко А.Н., протоиерей

Дипломатические, правовые, организационные
и хозяйственные особенности деятельности
Д.Д. Смышляева по созданию Русской Палестины
в Святой Земле 356

Мельникова Л.В.

Позиция МИДа и Синода по греко-болгарскому
вопросу в ходе и после Русско-турецкой войны
1877–1878 гг., новая дискуссия
с Константинопольским Патриархатом 361

Скурлов В.В. Русское присутствие в Палестине и Кабинет Его Величества в 1881–1917 гг.	373
Смирнова И.Ю. А. Н. Муравьев и «афонский вопрос» (1850–1870-е гг.)	385
Фомин О.И. Роль советских и российских центров культуры и науки (РЦНК) в совместной работе с МИД РФ по расширению российского присутствия на Ближнем Востоке и в Северной Африке (на примере РЦНК в Тунисской Республике)	447
Абакумов С.Н. Взаимодействие Русской Православной Церкви с Восточными Патриархатами во второй половине XIX в. в контексте поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке	454
Сарабьев А.В. Вопрос Органического статута Ливанской автономии глазами российских генконсулов (90-е годы XIX — начало XX вв.)	461
Реброва Т.П. Участие членов Императорского Православного Палестинского Общества в организации просветительской работы и паломничества на Святую Землю среди населения Мордовского края в дореволюционной России	474
Чайковская Н.В., Кузнецов И.В. Популяризация паломничества в Святую Землю Владимирским отделом Императорского Православного Палестинского Общества в конце XIX – начале XX веков	479

Бурдыга Д.О.

Дипломатическая поддержка русского присутствия
на Ближнем Востоке на современном этапе:
взаимодействие МИД России и Императорского
Православного Палестинского Общества
по возвращению Сергиевского подворья в Иерусалиме ... 483

Тончу Е.А.

Азиатский департамент МИД Российской Империи:
история создания 497

Хвалин А.Ю.

Несостоявшейся визит наследника
Цесаревича Николая Александровича в Палестину.
По материалам МИД Российской Империи 502

200 лет

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ
РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА
МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ПРИВЕТСТВИЯ

ПРИВЕТСТВИЕ
Председателя ИППО С.В. Степашина
участникам Всероссийской научной конференции
«200 лет дипломатической поддержки
русского присутствия на Ближнем Востоке:
история создания и деятельности Азиатского
департамента МИД Российской Империи»
3 октября 2019 г. в Государственном Эрмитаже

Дорогие друзья!

Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской империи был создан Высочайшим указом Императора Александра I Павловича 19 апреля 1819 г. Российское государство, естественно, и ранее в течение многих веков активно вело дипломатическую деятельность в Азии и на Православном Востоке. Однако создание специального Азиатского департамента в МИД Российской Империи в тот период было вызвано особыми обстоятельствами, которые требовали повседневного наблюдения, пристального внимания и профессионального анализа за жизнью государств, расположенных в Азии и, прежде всего, Ближнего Востока.

Борьба за освобождение христианского населения на территории Османской империи, возросшие интересы России в Черном море в связи с присоединением Крыма и Северного Причерноморья к территории нашей страны, борьба за освобождение кавказских народов от персидской и турецкой оккупации, налаживающиеся отношения с Индией, Персией, Китаем и государствами Средней Азии и Дальнего Востока, требовали активной дипломатической работы на всем протяжении огромного азиатского континента.

Российские дипломаты вместе с русскими военными и гражданскими специалистами и учеными стали первыми профессиональными исследователями Востока. Наш отечественный дипломатический корпус, не жалея сил и даже жизни, вспомним трагическую гибель русского посольства во главе с Александром Сергеевичем Грибоедовым в Персии, отстаивал державные интересы России на Востоке.

С момента создания Императорского Православного Палестинского Общества в 1882 г. его деятельность всегда координировалась с работой Азиатского департамента МИД Российской Империи. В составе Совета ИППО всегда присутствовал представитель МИД России, с которым согласовывались наиболее крупные внешнеполитические шаги

нашего Общества на Христианском Востоке. Особенно это было важно для деятельности по организации помощи русским православным паломникам, отправкой которых в Святую Землю и на Афон в тот период занималось Палестинское Общество. Совместная работа, несмотря на все трудности нового дела, дала прекрасный результат — общими усилиями ИППО, Министерства иностранных дел России и Русской Православной Церкви была создана во второй половине XIX века Русская Палестина, комплекс зданий и сооружений по приему русских богомольцев в Иерусалиме и более 100 школ по обучению арабского христианского населения.

В советский период наша отечественная дипломатия стремилась сохранить недвижимое имущество Общества в Святой Земле, а также поддерживала его научные программы и проекты на Ближнем Востоке. Начиная с 1992 г., МИД России и ИППО продолжили уже в новых условиях активную совместную работу в Святой Земле, в том числе по развитию православного паломничества и научно-просветительской деятельности. В современном МИД Российской Федерации был создан Департамент Ближнего Востока и Северной Африки, который продолжает вековые традиции отечественных дипломатов Азиатского департамента по поддержанию российских интересов в Библейском регионе.

Благодаря совместным усилиям Министерства иностранных дел Российской Федерации и Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество», в российскую собственность было возвращено Сергиевское подворье в Иерусалиме, построены культурно-просветительские и музейно-парковые центры в Вифлееме и Иерихоне, развивается православное паломничество и религиозный туризм, проводятся научные, культурные и просветительские мероприятия. В этой связи считаю необходимым подчеркнуть, что мы высоко оцениваем внимание Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, который является почетным членом ИППО, к деятельности Общества и его поддержку нашей работы на Ближнем Востоке.

В составе Совета нашей международной организации работают: заместитель Председателя Общества М.Л. Богданов, заместитель министра иностранных дел России, и руководитель Международной секции ИППО А.Н. Рудаков, заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ, которые в настоящее время осуществляют реальную повсеместную связь нашего Общества с МИД России. Среди членов ИППО состоят многие действующие дипломаты, а также Чрезвычайные и Полномочные послы Российской Федерации, которые многие годы представляли интересы нашей страны за рубежом.

Решением Совета МОО «ИППО» 2019 г. объявлен Годом 200-летия дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке. В рамках этого знаменательного юбилея русской дипломатии наше Общество подготовило несколько важных мероприятий, в том числе в мае сего года прошел Международный семинар руководителей региональных и зарубежных отделений и представительств ИППО в Иерусалиме, посвященный 200-летию дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке. Сегодня в зале находятся участники Иерусалимского семинара, которые могут поделиться своими впечатлениями с участниками конференции.

Наши программы и проекты в Святой Земле в сотрудничестве с МИД России и Русской Православной Церковью становятся важным инструментом по поддержанию мира и стабильности в Библейском регионе. Необходимо особо отметить, что между нашим Обществом и Министерством сложились добрые отношения и рабочее взаимопонимание, поэтому надеюсь, что наша совместная и плодотворная работа продолжится и в будущем.

Хочу сказать слова искренней благодарности председателю Санкт-Петербургского отделения ИППО, директору Государственного Эрмитажа **Михаилу Борисовичу Пиотровскому** и его замечательному коллективу за большую помощь в организации нашей конференции! Также хочу отметить большую работу сотрудников Эрмитажа во главе с Михаилом Борисовичем по возрождению культурного наследия Сирии и, прежде всего, античного комплекса в Пальмире. И по поручению Совета Общества разрешите вручить Вам, уважаемый Михаил Борисович, почетный знак памяти Н.Н. Лисового с удостоверением номер один!

Дорогие друзья, сегодня на нашей конференции присутствует академик РАН **Владислав Яковлевич Панченко**, председатель Совета Российского фонда фундаментальных исследований, которому по решению Совета ИППО разрешите вручить почетную награду нашего Общества памяти Великого Князя Сергия Александровича, за возрождение научного конкурса ИППО-РФФИ, посвященный православному востоковедению и исследованиям Святой Земли!

Также мне приятно вручить почетный знак памяти Н.Н. Лисового секретарю Санкт-Петербургского отделения нашего Общества, профессору Санкт-Петербургского университета **Милене Всеволодовне Рождественской**.

От всей души желаю участникам конференции, посвященной 200-летию создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи успешной работы и творческих дискуссий!

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

ПРИВЕТСТВИЕ
министра иностранных дел
Российской Федерации С.В. Лаврова
участникам Всероссийской научной конференции
«200 лет дипломатической поддержки
русского присутствия на Ближнем Востоке:
история создания и деятельности Азиатского
департамента МИД Российской Империи»,
Государственный Эрмитаж, 03-04 октября 2019 г.

Дорогие друзья,

Уважаемые участники и гости Всероссийской научной конференции «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи»! Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) — старейшая общественная организация нашей страны. На протяжении многих лет многогранная деятельность ИППО способствует развитию паломничества на Святую Землю, наращиванию гуманитарных связей с ближневосточными народами, укреплению позиций России на Ближнем Востоке в целом.

Русские паломники посещали Палестину еще с XI-XII вв., а подписанный в 1774 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор, заложивший прочную основу для российского политического и торгового присутствия в регионе, позволил оказывать паломникам и торговым людям необходимую правовую поддержку, в том числе через открытие консульских представительств на территории Османской империи.

За ближневосточное направление в МИД Российской Империи отвечал Азиатский департамент, 200-летие которого мы отмечаем в этом году. В разные времена его возглавляли такие высокопрофессиональные дипломаты, как К.К. Родофиникин, Н.И. Любимов, Н.П. Игнатьев. А также Н.К. Гирс, который после А.М. Горчакова стал

Министром иностранных дел России. Все они прилагали значительные усилия, чтобы помочь христианским народам, стремившимся к независимости, сохранить свою культурно-религиозную идентичность. В Архиве внешней политики Российской Империи хранятся многочисленные документы, связанные с историей русского дипломатического и духовного присутствия на Ближнем Востоке, в том числе на Святой Земле. В их числе — упомянутый Кючук-Кайнарджийский договор, указы Императрицы Екатерины II об учреждении консульских постов в Сайде, Дамаске, Акре, Александрии, Каире. Ценные материалы представлены в таких фондах Архива, как, например, «Посольство в Константинополе», «РИППО», «Санкт-Петербургский Главный Архив», «Канцелярия МИД».

Сегодня Ближний Восток продолжает проходить через серьезные испытания. Грубое вмешательство во внутренние дела суверенных государств, попытки навязать народам региона чуждые им рецепты развития обернулись всплеском терроризма, расширением пространства хаоса и беззакония. В частности, в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки христиане подвергались масштабным преследованиям и гонениям, что привело к их массовому исходу.

Россия не остается безучастным наблюдателем этой трагедии. Ближневосточным христианским общинам продолжает оказываться разноплановая поддержка — от доставки гуманитарной помощи до содействия в восстановлении храмов и монастырей. Наша страна инициировала ряд крупных международных мероприятий по защите христиан, в том числе на площадках ООН и ОБСЕ.

Свою лепту в продвижение межрелигиозного и межкультурного диалога вносит и ИППО. Со своей стороны продолжим способствовать реализации благородных начинаний и программ Общества. Желаю участникам Всероссийской научной конференции плодотворной и успешной работы.

С. ЛАВРОВ

г. Москва, 30 сентября 2019 г.

ПРИВЕТСТВИЕ
В.Я. Панченко, академика РАН,
председателя Совета Российского фонда
фундаментальных исследований, участникам
Всероссийской научной конференции
«200 лет дипломатической поддержки
русского присутствия на Ближнем Востоке:
история создания и деятельности Азиатского
департамента МИД Российской Империи»

Дорогие участники конференции, представители исполнительной и законодательной власти Российской Федерации и Санкт-Петербурга, Высокопреосвященнейшие владыки, глубокоуважаемые Чрезвычайные и Полномочные послы Палестины и Сирии! Позвольте приветствовать Вас от имени Российского фонда фундаментальных исследований!

Ваша конференция, открывшаяся в великолепном Эрмитажном театре, посвящена значимой теме для нашей России и стран Ближнего Востока. Российский фонд фундаментальных исследований гордится тем, что и его скромная лепта дала возможность Вам собраться здесь, чтобы отметить 200-летие дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке. Следует отметить большую роль научного сообщества Императорского Православного Палестинского Общества и его Председателя Сергея Вадимовича Степашина, а также сотрудников Государственного Эрмитажа и его директора академика РАН Михаила Борисовича Пиотровского, в подготовке и проведении конференции.

Палестинское Общество с момента своего основания в 1882 году являлось важным российским научным учреждением. Именно Палестинское Общество организовало систематические научные экспедиции в Палестине, положило начало русской археологии в Святой Земле, поддерживало и само инициировало изучение и издание древнейших русских и европейских памятников письменности с описаниями хождений на Христианский Восток, его научные издания и сегодня остаются образцовыми.

В Палестинском Обществе работали выдающиеся российские ученые, академики: Василий Васильевич Латышев, Иван Васильевич Помяловский, Федор Иванович Успенский, Борис Александрович Тураев, Василий Григорьевич Васильевский, Николай Яковлевич Мар, Игнатий Юлианович Крачковский и другие. Поэтому после 1917 г. Палестинское Общество органично вошло в состав Российской Академии наук, стало фактически одним из его институтов, сохранив и передав

современному поколению ученых изысканные навыки научных исследований. Можно сказать, что Палестинское Общество в советский период было центром классической школы палестиноведения. Поэтому и нынешнее Императорское Православное Палестинское Общество продолжает оставаться частью нашей научной академической среды. И сотрудничество между Российским Фондом фундаментальных исследований и Императорским Православным Палестинским Обществом не только естественно, но закономерно и плодотворно.

Примером этого сотрудничества, (а, вернее, одним из примеров) служит настоящая научная конференция, посвященная 200-летию Азиатского департамента МИД России, и, проходящая на площадке столь уважаемого научного и культурного пространства, которым является Государственный Эрмитаж.

Желаю всем собравшимся от имени Совета Российского фонда фундаментальных исследований плодотворной и успешной работы в продолжение этих двух дней. Уверен, что организованная при поддержке фонда Императорским Православным Палестинским Обществом и Государственным Эрмитажем конференция внесет заметный вклад в развитие современной российской науки и станет важным событием интеллектуальной жизни российского общества.

ПРИВЕТСТВИЕ
епископа Петергофского Силуана,
викария Санкт-Петербургской епархии,
ректора Санкт-Петербургской Духовной академии,
участникам Всероссийской научной конференции
«200 лет дипломатической поддержки
русского присутствия на Ближнем Востоке:
история создания и деятельности Азиатского
департамента МИД Российской Империи»

От имени Высокопреосвященнейшего Варсонофия, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, сердечно приветствую всех Вас, собравшихся в этих исторических стенах Государственного Эрмитажа для участия в работе уникальной и юбилейной Всероссийской научной конференции «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи».

Сложно передать, насколько дороги каждому христианину древние земли Палестины. С далекой древности внутренний взор наших единоверцев был направлен на земли, где писалась Священная история, где сам Господь сошел с Небес и стал человеком ради нашего спасения. Русский народ с момента принятия христианства также стремился приобщиться к этому источнику святой памяти и благодати. Однако непростые вехи мировой истории сделали путь паломников к древним святыням не просто опасным, но и почти безнадежным. Российское государство в течение многих веков вело активную дипломатическую деятельность в Азии и на Православном Востоке, которая была направлена, в том числе на защиту русских богомольцев. Такая деятельность требовала немало усилий и изысканных навыков, ведь наши дипломаты были вынуждены не только отстаивать интересы государства, но и быть защитниками угнетаемых христиан.

Во второй половине XIX века Ближний Восток стал ареной дипломатических баталий, где сталкивались интересы большинства мировых держав. Вопрос о принадлежности храма Рождества Христова в Вифлееме, как известно, стал формальным поводом для начала печально известной в нашей стране Крымской войны 1853–1855 гг. Русская Православная Церковь, осознавая важность этой темы для христианства и для русского государства, со своей стороны приняла участие в создании «Русской Палестины».

Русская Духовная Миссия в Иерусалиме как представительство нашей Церкви на Святой Земле внесла свой заметный вклад

в дипломатическую сферу, в научные исследования Палестины и всего Православного Востока, в развитие межправославных и межконфессиональных отношений. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме состояла в близких отношениях и с русскими дипломатами, и с Императорским Православным Палестинским Обществом. Некоторые члены РДМ, такие как: святитель Феофан (Говоров), епископ Порфирий (Успенский), возвратившись из Палестины, стали видными духовными деятелями нашей страны, а архимандрит Антонин (Капустин) остался лежать в иерусалимской земле и не смог вернуться на Родину, но навсегда оставил добрую память для всех, кто занимается изучением Православного Востока.

Несмотря на печальные для нашей страны события XX столетия, «Русская Палестина» сохранилась и вновь становится центром русского присутствия в странах Ближнего Востока. Однако христианство в этом регионе переживает сложнейшие времена из-за террористической угрозы. Особую опасность представляют группировки, которые в своей преступной деятельности прикрываются религиозной риторикой и пытаются оправдать насилие верой. Общественные силы нашей планеты должны быть направлены на гуманитарную помощь и поддержку угнетенным людям. В таком контексте русская дипломатия должна и сегодня искать непростые решения и решительно отстаивать мир и благополучие на древних землях Библейского региона, где зародилась наша христианская цивилизация.

Со своей стороны мы надеемся на развитие сотрудничества между Русской Православной Церковью и Императорским Православным Палестинским Обществом с целью сохранения исторической памяти и возрождения духовно-нравственных традиций нашего Отечества. В Санкт-Петербургской Духовной академии учатся на постоянной основе и приезжают на кратковременные курсы студенты из Сирийской Арабской Республики. Таким образом, продолжаются не только дипломатические, но и духовно-учебные связи между нашими народами.

В заключение, призываю на Вас Божие благословение и желаю Вам результативной работы, интересных знакомств и плодотворных дискуссий на площадках этого научного форума!

ПРИВЕТСТВИЕ
Чрезвычайного и Полномочного посла
Государства Палестины в Российской Федерации
Абдель Хафиза Нофаля
участникам Всероссийской научной конференции
«200 лет дипломатической поддержки
русского присутствия на Ближнем Востоке:
история создания и деятельности Азиатского
департамента МИД Российской Империи»

Дорогие друзья!

Для меня большая честь участвовать в этом важном и знаменательном мероприятии. Желаю Конференции больших успехов!

История свидетельствует о том, что поток русских паломников на Святую Землю не прекращался начиная с IX века нашей эры. В начале 1820 г. открылось первое Российское консульство в г. Яффа, порт, который принимал потоки паломников, направлявшихся в Иерусалим. Этот шаг стал стимулом для России в деле создания мер всесторонней защиты и покровительства русским паломникам, а также — открытия центров, которые занимались приемом богомольцев и обеспечением их всем необходимым во время пребывания в Палестине. В результате этого, Министерство иностранных дел России и Русская Православная Церковь поручили архимандриту Порфирию (Успенскому) в 1842 г. рассмотреть и изучить все вопросы, связанные с жизнью арабов-христиан и подготовить всё необходимое для приема многочисленных российских паломников, прибывающих на Святую Землю.

В 1847 г. архимандрит Порфирий был назначен первым начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, первого официального представительства России в Святой Земле, которая действовала до начала Крымской войны. В 1857 г. Россия вновь направила в Палестину своих представителей, возобновивших работу Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, перед которой стояла задача строительства большого комплекса построек, включающих храм, здание для проживания сотрудников Российского консульства и Русской Духовной Миссии, а также помещение для проживания русских паломников, включая больницу и другие необходимые службы. Позже этот комплекс стал называться «Москобия» от слова «Москва». Но, очевидно, одним из главных достижений этой Миссии было создание особых отношений с арабами-палестинцами, особенно с христианами, которые всегда сохраняли приверженность Православному Патриархату. Россия

и Русская Православная Церковь предоставляли всяческую поддержку и помощь православным арабам.

На протяжении всей своей давней истории, начиная с 1882 г., Императорское Православное Палестинское Общество осуществляло покровительство паломникам, школам и больницам, построенным Обществом в Палестине, которые развивались с поразительной скоростью так, что к 1907 г. в них обучались более тысячи учащихся. Школы и семинарии были созданы в Назарете, Бейт Джале и других городах. Увеличилось число домов для паломников, которые назывались подворья и могли принимать более 5000 богомольцев. И всё это было сделано, благодаря поддержке России, Русской Православной Церкви и Палестинского Общества, а также пожертвованиям русских людей, прежде всего, Царской семьи.

И по сей день ИППО, возглавляемое господином Сергеем Степашиным, играет огромную духовную и гуманитарную роль в углублении связей между нашими народами и нашими странами, и прилагает все усилия в России и за ее пределами для защиты Святой Земли и законных прав палестинского народа. Россия, российское правительство и российский народ, основываясь на принципиальной и твердой позиции, на протяжении многих лет поддерживает справедливое решение палестинской проблемы. Это происходит на фоне гонений, направленных против христиан и святых мест, в особенности в Священном Иерусалиме, где налицо безобразнейшие действия по притеснению христиан, которые стойко противостоят израильским репрессиям, направленным на изгнание палестинцев из собственных домов, на расширение поселенческой деятельности, на иудеизацию святых мест и вторжение в святые места.

Мы признательны России за эту важную роль, за постоянную поддержку нашего народа и нашей проблемы. Россия была и остается для нас дружественной страной. Русская Православная Церковь пользуется особым авторитетом в наших душах и в нашем сознании, поэтому в ответ на эти добрые дела наш покойный Президент Ясир Арафат, а затем и нынешний Президент Палестины господин Махмуд Аббас вернули Русской Церкви ее собственность в Палестине. В этой связи необходимо подчеркнуть роль русского музейного центра в Иерихоне, отражающего культурное, духовное и историческое присутствие России на Святой Земле.

Несмотря на израильскую оккупацию, исторические палестинско-российские отношения, основанные на духовных связях, на взаимном доверии и постоянном партнерстве, неуклонно развиваются,

о чем, в частности, свидетельствует открытие представительства России в Рамаллахе, а также Многофункционального Центра имени В.В. Путина в Вифлееме, а также других российских центров и школ. Также получают развитие разнообразные формы координации и сотрудничества во всех областях, включая религиозный туризм, в котором мы активно сотрудничаем с ИППО. В настоящее время мы совместно с Обществом работаем над подготовкой проведения в ближайшее время в Палестине Второй Конференции по развитию религиозного туризма. Первая такая Конференция очень успешно прошла в июне этого года в Москве в здании ИППО.

Мы приветствуем роль России в Ближневосточном регионе и надеемся на ее расширение, учитывая высокий авторитет Вашей страны и ее добрые отношения со всеми сторонами, а также ее четкое видение и внешнеполитический курс, основанный на урегулировании проблемы на основе международного права и в рамках международной законности. Мы считаем, что российское присутствие является положительным фактором в укреплении стабильности и безопасности, в сдерживании мировой гегемонии США и стран Запада, поскольку их провальная политика несет народам региона только разрушение и беды.

Мы вновь подтверждаем, что безопасность и стабильность в регионе невозможны без справедливого урегулирования Палестинской проблемы на основе решений международной законности. И поскольку мы категорически отвергаем американскую «сделку века» со всеми ее предпосылками и последствиями, мы вновь решительно подтверждаем наше желание и стремление, чтобы дружественная Россия играла более обширную роль в этом урегулировании, путем созыва Международной мирной конференции, основанной на решениях международного права и создания международного механизма для справедливого и всеобъемлющего урегулирования Палестинской проблемы. Такую постановку вопроса приветствует Москва и отвергают США и Израиль.

ПРИВЕТСТВИЕ
Чрезвычайного и Полномочного посла
Сирийской Арабской Республики в России
Рияда Хаддада
участникам Всероссийской научной конференции
«200 лет дипломатической поддержки
русского присутствия на Ближнем Востоке:
история создания и деятельности Азиатского
департамента МИД Российской Империи»

Уважаемый Сергей Вадимович!
Уважаемый Михаил Борисович!
Уважаемые участники конференции!

Дорогие друзья!

Мне хочется передать Вам наилучшие пожелания и самые теплые поздравления от имени Правительства и народа Сирии по случаю празднования 200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке!

Позвольте в первую очередь почтить память погибших из числа доблестной сирийской и российской армии, которые пролили свою кровь и пожертвовали своими жизнями в защиту человеческой цивилизации в борьбе с самыми жестокими такфиристскими и террористическими организациями. Особенно хочу отметить, что проведение данного мероприятия совпадает с четвертой годовщиной участия в борьбе против терроризма вооруженных сил России, солдаты которых стояли бок о бок с их товарищами из сирийской армии в этой войне.

200-летняя почетная история российской дипломатии на Ближнем Востоке, богатые и яркие образы, которые олицетворяют честь и достоинство в отношениях между нашими странами, привели к сегодняшнему уровню сотрудничества, позволяющему противостоять самому кровопролитному террору в истории человечества, где рычаги трансграничного терроризма уничтожаются и рушится его способность причинять вред и совершать преступления. Также терпят неудачу те, кто делают ставку на развал Сирии в качестве первого шага раздела всего региона и установления контроля над международными отношениями на протяжении всего века в соответствии со стратегиями влияния и гегемонии, а также законами джунглей, которые они стремились навязать вместо того, чтобы опираться на международное право.

Кроме того, тесное сотрудничество между Сирией и Россией сегодня привело к формированию Конституционного комитета, а также общему согласию относительно принципов работы данного комитета так, чтобы сами сирийцы всем руководили и решали без вмешательства извне. Потому что мы стремимся достичь прогресса в политической сфере в нашей стране.

Сирия сегодня продолжает одновременно работать на нескольких треках, в том числе того, что касается политического решения кризиса, противостояния терроризму, выхода всего нелегитимного, иностранного, в том числе незаконного военного присутствия, установления перемирия и восстановления всего того, что было разрушено террором и международной коалицией, опираясь на собственные возможности и поддержку реальных союзников. Хочу отметить, что отношения дружбы и солидарности между народами России и Сирии являются историческими и прочными. Они доказали свою глубину и значимость, отличаются всесторонней координацией и сотрудничеством, основанном на четком двустороннем видении, где две страны совместно работают на региональном и международном уровнях.

Огромная благодарность и признательность народу, армии и руководству братской и дружественной Российской Федерации от сердца каждого сирийского ребенка и каждого гражданина Сирии. Особую признательность хочу выразить руководству Императорского Православного Палестинского Общества, которое оказывало и продолжает оказывать неизмеримую гуманитарную поддержку, которая выражает солидарность российского народа с братским народом Сирии.

Деятельность ИППО в нашем регионе является лучшим доказательством этих исторических отношений, которые берут свое начало в XIX веке, когда Обществом было построено более 80 школ в Сирии. И сегодня Общество продолжает свою гуманитарную деятельность в нашей стране. Мы высоко ценим и никогда не забудем эту высокую помощь.

Мирное сосуществование различных конфессий и этносов сделали из Сирии редкий оазис на Ближнем Востоке. Война, которая ведется силами международного терроризма и их спонсорами против нас была осуществлена с целью уничтожения прекрасной и сложной мозаичной картины. Возможно, самый символический момент общественной сплоченности был в 2013 г., когда сирийцы разных конфессий защищали исторический город Маалула, жители которого до сих пор говорят на арамейском языке Иисуса Христа. Благодаря сплоченности, которая

царит в сердцах сыновей нашего Отечества, город Маалула, его храмы, иконы, кресты и Евангелия сохраняются на века, а жители будут вечно говорить на арамейском языке и непоколебимо стоять против любой агрессии.

Еще раз выражаю благодарность и признательность за позицию Российской Федерации, которая поддерживает исторически сложившиеся гуманитарные отношения с Сирией, уважает суверенитет государств и международное право. Также хочу искренне поблагодарить Православное Палестинское Общество во главе с господином Сергеем Вадимовичем Степашиным, за позицию и поддержку сирийского народа и за многочисленные инициативы, которые он предпринял и продолжает активно предпринимать для поддержки стойкости нашего народа.

Сирийский народ останется верным этим принципиальным и гуманитарным позициям и никогда не забудет пролитую священную кровь погибших Солдат России и Сирии, которая смешалась на сирийской священной земле. Да здравствует российско-сирийская дружба во главе с лидерами Аль-Асадом и Владимиром Владимировичем Путиным!

Директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский,
Председатель Императорского Православного
Палестинского общества С.В. Степашин,
Председателя Совета Российского фонда
фундаментальных исследований, академика РАН В.Я. Панченко
в Государственном Эрмитаже. 3 октября 2019 г.

В.Я. Панченко представляет С.В. Степашину и М.Б. Пиотровскому выставку научных изданий РФФИ. 3 октября 2019 г.

Беседа перед началом Торжественного заседания. 3 октября 2019 г.

Открытие конференции.
3 октября 2019 г.

Приветствия участникам конференции на торжественном открытии.
3 октября 2019 г.

Приветствие Чрезвычайного и Полномочного посла
Государства Палестины в Российской Федерации Абдель Хафиза Нофалья.
3 октября 2019 г.

Приветствие Чрезвычайного и Полномочного посла
Сирийской Арабской Республики в России Рияда Хаддада.
3 октября 2019 г.

Приветствия участникам конференции на торжественном открытии.
3 октября 2019 г.

М.В. Бибилов, заместитель Председателя ИППО,
вице-президент Российского национального комитета византистов.
3 октября 2019 г.

А.Н. Рудаков, заместитель директора Департамента Ближнего Востока
и Северной Африки Министерства иностранных дел РФ,
руководитель Международной секции ИППО. 3 октября 2019 г.

Общее фото участников конференции. 3 октября 2019 г.

ДОКЛАДЫ
и
ВЫСТУПЛЕНИЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА АЗИАТСКИМ ДЕПАРТАМЕНТОМ МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ПАЛЕСТИНЕ И НА АФОНЕ

Формирование Азиатского департамента МИД России в 1819 г., с одной стороны, развивало традиции внешнеполитической деятельности страны в нормативах петровско-екатерининской Коллегии иностранных дел с ее восточным подразделением, сохранявшимся вплоть до 1819 г.², и восходившим еще раньше к активности Посольского приказа (см. его «Греческие дела»³), где до XVIII в. были сосредоточены документы, связанные со Святой Землей, древними Восточными Патриархатами, греческими территориями Средиземноморья, островами и проливами. С другой стороны, — знаменовало начало нового этапа восточной политики России.

К концу первой четверти XIX в. — к эпохе создания Азиатского департамента, восточный театр внешнеполитической деятельности России определялся следующими составляющими⁴. Россия традиционно выступала в качестве покровителя и защитника главных центров Восточного православия: пожертвования в пользу христиан древних восточных патриархатов, монастырей, храмов, контакты с греческими иерархами этих земель, поддержка паломнической активности, — всё это сохраняло свое значение и получало развитие. В ходе многочисленных русско-турецких войн XVIII в. престиж России на христианском Востоке неуклонно растет, когда с 1735 г. с созданием «Палестинских штатов» систематизируется материальная поддержка Россией православных кафедр и монастырей на христианском Востоке, выплаты Константинопольскому патриарху и поддержка единоверцев на территории

---

¹ Бибииков Михаил Вадимович — заместитель Председателя МОО «ИППО», главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, вице-президент Российского национального комитета византинистов.

² Сб. Российская дипломатия: история и современность. М., 2001. С. 218–244.

³ Бантыш-Каменский Н.Н. Реестры греческим делам Московского архива коллегии иностранных дел / Ред. Б.Л. Фонкич. М., 2001.

⁴ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978; История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.

Блестящей Порты⁵. С другой стороны, в результате победоносных русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. были обеспечены: выход России к Черному морю, свобода мореплавания русских судов на Черном море, проникновение российского флота в Средиземное море (экспедиция 1770 г.), постановка вопроса о свободе прохода проливов Босфор и Дарданеллы. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. утвердил российское право опеки христиан в Османской империи⁶.

Первый период русского дипломатического присутствия в Святой Земле (деятельность Яффского вице-консула в 1820–1838 гг. и Бейрутского консульства с 1839 г.) демонстрирует, как отмечал Н.Н. Лисовой, как положительные, так и негативные стороны российской политики на Православном Востоке⁷. Положительным являлась поддержка православного населения в межконфессиональных спорах о святых местах в Иерусалиме и Вифлееме в 1830-е гг., после подчинения Палестины египетской администрации. Свою роль играли и личные связи, установленные со священноначалием Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов. Однако в это время от внимания дипломатов и политиков ускользали часто эгоистические интересы каждого из восточно-патриарших престолов, с одной стороны, и греческой солидарности нередко антирусской направленности, — с другой.

Вместе с тем политическая ситуация и на Балканах не была простой, поэтому правительства Павла I, а затем и Александра I в каких-то случаях поддерживали освободительные движения греков и других балканских народов, но одновременно выступали за сохранение Османской империи как гаранта монархической власти. С созданием Священного Союза, призванного обеспечить коллективные гарантии стабильности, Россия постепенно отходит от масштабной наступательной политики на Ближнем Востоке. Александр I сдержанно относится к греческому восстанию 1821 г. Русско-турецкие войны 1806–1812 и 1828–1829 гг. с подписанием Адрианопольского мира 1829 г. и Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. определили место России в Восточном Средиземноморье этого времени⁸.

⁵ Герд Л.А. Восточный вопрос в русской политике в XVI — начале XX в. // История русского православного зарубежья. М., 2016. Т. I. Кн. I (далее — ИРПЗ). С. 124.

⁶ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955; Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и Восточном Средиземноморье. М., 1989.

⁷ Лисовой Н.Н. Русское православие в Святой Земле в XVII — начале XX вв. // ИРПЗ. С. 407.

⁸ Шеремет В.И. Адрианопольский мир 1829 г. и Россия. М., 1975; Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1–2.

Русское присутствие на Ближнем Востоке не прекращалось и в периоды войн⁹, а после заключения Адрианопольского мира увеличивается число российских паломников на христианский Восток, прибывающих в Константинополь, Афон и Палестину¹⁰. Возникает необходимость создания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Министр иностранных дел К.В. Нессельроде делает доклад о направлении в Иерусалим архимандрита Порфирия (Успенского) и получает высочайшее одобрение 13 июня 1842 г. В конце концов, Русская Духовная Миссия учреждается 11 февраля 1847 г.¹¹ При этом Россия всё время должна была подтверждать перед османскими властями словом и делом отсутствие каких бы то ни было империалистических претензий, строго соблюдать церковно-канонические нормативы взаимоотношений с древними Восточными Патриархатами.

Увеличение потока паломников из России обусловило необходимость возобновления работы российского вице-консула в Яффе, прерванной войнами. В 1830 г. вице-консул Г.И. Мострас возвращается в Палестину после девятилетнего отсутствия¹². Именно на дипломатических представителей в Святой Земле падает задача анализа ситуации с русскими пилигримами с последующей организацией их систематического приема, пребывания, передвижения в регионе, условий возвращения домой.

С 1827 по 1832 гг. составляется несколько весьма важных дипломатических документов о русском паломничестве на Православный Восток: это — донесения посланника А.И. Рибопьера вице-канцлеру К.В. Нессельроде, несколько донесений посланника А.П. Бутенева управляющему Азиатским департаментом МИДа К.К. Родофинкину и др.¹³

Проблемам обеспечения русского паломничества к Святым местам было посвящено специально созданное 22 сентября 1832 г. заседание

---

⁹ Вешняков П.И., Вешняков В.И. Путевые записки во Святой Град Иерусалим и окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и медынского купца Новикова в 1804–1805 гг. М., 1813; Бронников К.И. Путешествие к Святым Местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820–1821 гг. села Павлова жителем Кирием Бронниковым. М., 1824 и др.

¹⁰ Якушев М.М. Русские паломники в Османской империи (1821–1839) // Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. М., 2012. С. 134–149.

¹¹ Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М; СПб., 2009. С. 171.

¹² Якушев М.М. Русские паломники... С. 139–140.

¹³ Там же. С. 138–139.

Совета Министерства Иностранных дел, по итогам которого была одобрена рассмотренная записка «О разных предложениях касательно Российских подданных, отправляющихся к Святым местам на поклонение». Она была создана на базе проекта посланника и полномочного министра действительного тайного советника гр. Г.А. Строганова «О российских поклонниках, отправляющихся в Иерусалим, в Афонскую Гору и в другие места Турецкой империи», разработанного еще в 1816 г. и представленного как раз в Азиатский департамент МИДа в 1819 г. В подкрепление проекта были привлечены записка вице-консула в Яффе Г.И. Мостраса и замечания к проекту Г.А. Строганова А.Н. Муравьева — с 1831 г. столоначальника турецкого стола в Азиатском департаменте МИДа. Совет Министерства одобрил предлагаемые меры, направленные на облегчение положения русских паломников¹⁴.

После кончины Г.И. Мостраса в 1838 г. в Яффу был назначен К.М. Базили, который в конце 1839 г. перевел консульство в Бейрут. В Яффе осталось российское консульское агентство, преобразованное затем в вице-консульство, которое, по ходатайству К.М. Базили и содействию посланника России в Константинополе А.П. Бутенева, возглавил грек Н.С. Марабуги — бывший османский подданный, получивший российское гражданство. В декабре статус «консула в Бейруте и Палестине» К.М. Базили (1839–1853) был повышен до Генерального консула.

Именно К.М. Базили в 1839 г. совместно с наместниками Иерусалимского Патриарха разработал основополагающий правовой проект «Постановления о русских православного вероисповедания поклонниках, пребывающих в Иерусалиме», утвержденного к исполнению российским правительством в 1841 г., а в следующем — императором. Все эти документы упорядочивали, регламентировали и законодательно закрепляли нормы пребывания русских в Святой Земле, правила получения ими паспортов, условия их передвижения и возвращения¹⁵.

Но российская политика осторожной сдержанности правительства сыграла свою роль в условиях начала Крымской войны, когда в 1852 г. турецкие власти под нажимом французской дипломатии, как известно, передали католикам принадлежавшие дотоле православным ключи от базилики Рождества Христова в Вифлееме. Вскоре эскалация конфликта вкупе с другими политико-экономическими причинами, привела к общеевропейскому военно-политическому кризису,

¹⁴ Там же. С. 147–148.

¹⁵ Там же. С. 149.

закончившемуся Крымской войной¹⁶. Основатель ИППО, проницательный исследователь В.Н. Хитрово напишет затем, что «развалины нашего многострадального Севастополя были ответом на вопрос: кому владеть ключами Вифлеемского храма»¹⁷.

С началом периода реформ Османской империи — Танзимата значительно усиливается британское и затем общеевропейское влияние в регионе¹⁸. Правительство Николая I ориентируется в значительной степени на принцип «европейского концерта», когда пять европейских держав должны были решать внешнеполитические проблемы сообща, поддерживая идею европейского равновесия, что фактически привело к ослаблению роли России на европейском Востоке. Эти принципы «равновесия» были сформулированы Николаем I в Петербурге в беседе с английским послом Гамильтоном Сеймуром: «Я не допущу постоянного занятия Константинополя Россией, но тотчас же прибавлю, что никогда Константинополь не достанется ни англичанам, ни французам, ни какой-либо другой великой державе. Опять же я никак не позволю совершиться опыту восстановления Византийской империи или такому расширению Греции, которое преобразило бы ее в могущественное государство. Еще менее позволю я расчленение Турции на небольшие республики, убежище для... европейских революционеров»¹⁹. Министр К.М. Нессельроде вторил: «Мы не хотим Константинополя. Это было бы самым опасным завоеванием, которое мы могли бы сделать... Его Императорское величество считает, что положение вещей, существующее в Османской империи, должно быть сохранено самым строгим образом»²⁰.

Но радикализация противоречий между так называемыми великими европейскими державами привела, как сказано, к Крымской войне,

---

¹⁶ Тарле Е.В. Крымская война. М., 2003; Якушев М.М. Иерусалимский патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики Российской империи накануне Крымской войны // Православный Палестинский сборник. М., 2003. Вып. 100. С. 245–287; Зайончковский А.М. Восточная война. 1853–1856. СПб, 2002. Т. 1–2.

¹⁷ Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле / Сост. Н.Н. Лисовой. // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. М., СПб, 2011. Т. 1. С. 174.

¹⁸ Тодорова М. Англия, Русия и танзиматът. София, 1980; Дулина М.А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984; Фадеева П.Л. Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М., 1982; Виноградов В.Н. Двуглавый орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010. С. 302.

¹⁹ Цит. По: Татищев С.С. Дипломатический разрыв России с Турцией 1853 г. // Исторический вестник. 1892. № 1. С.457. См. : Олейников Д.И. Николай I. М., 2012. С. 303–321.

²⁰ Восточный вопрос во внешней политике России... С. 94.

поражение России в которой, утвержденное Парижским трактатом 1856 г., приводит к принципиальной смене вектора внешней политики России в регионе, с опорой теперь на славян, что станет уже делом правительства Александра II²¹.

С этого времени русская имперская идея сталкивается с другой идеей византийского происхождения — с так называемой Греческой «Великой идеей»²², предполагавшей объединение всех исторически греческих областей в одно Царство со столицей в Константинополе. В результате успехов России в цепи войн с Османской империей и ослабления Турции, а особенно после образования независимого Греческого государства в 1830 г. греческая национальная идея крепнет и развивается. Афинские интеллектуалы — профессора, публицисты, политики вырабатывают концепцию возвращения доминирующего положения греческого народа в восточном Средиземноморье как общего источника православной веры. Эта концепция противопоставлялась идее «панславизма». Под влиянием националистов оказывались нередко и высшие иерархи Константинопольского Патриархата и обителей Афона, затрудняя оказание помощи возрождавшемуся в 1830–40-х гг. на Святой Горе Русскому монастырю св. Пантелеимона.

Начало периода реформ, танзимата, в Османской империи, где до того Константинопольский патриарх был фактически не только церковным, но и гражданским представителем православных христиан перед Портой и одновременно гарантом повиновения правительству, после 1839 г. с очевидностью изменило положение Патриарха, постепенно ликвидировав особое положение Православной Церкви в Османской империи. Так, с одной стороны, ограничивается и минимизируется могущество Константинопольского Патриархата, с другой, — происходит автономизация поместных Церквей, ставших автокефальными — Элладской, Румынской, Сербской, Болгарской. Всё это российская дипломатия, стремившаяся к соблюдению международного политического равновесия, должна была учитывать во взаимоотношениях с Константинопольским Патриархатом и афонской епископией.

Прорывное значение в истории русско-афонских отношений приобрели посещения Афона знатными и влиятельными представителями

²¹ Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 96; Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. М., 1994; История внешней политики России. М., 1995. С. 381 и след. Россия и черноморские проливы...М., 1999.

²² Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010. С. 323–333; Герд Л.А. Ук. соч. С. 97–99.

русской аристократии и, прежде всего, членами царской семьи²³. Посещение Афона и в частности русского Свято-Пантелеимонова монастыря в 1845 г. великим князем Константином Николаевичем, — замечает А.А. Дмитриевский, — подняло престиж русских в глазах греков афонитов, и сами русские афонцы стали с тех пор смотреть на себя как на членов или представителей великой русской нации²⁴.

Такое же значение это имело и для Палестины. Из сообщения архимандрита Порфирия (Успенского) нам известно о готовившемся или планируемом посещении Святой Земли самим Императором Николаем I в 1849 г., о чем архимандрит конфиденциально сообщил Иерусалимскому Патриарху Кириллу II в феврале 1848 г. по прибытии в Святой Град: «Государь Император Николай Павлович намеревается быть в Иерусалиме в следующем году, о чем я слышал от любимой дочери его, великой княжны Марии Николаевны, и просил его (Патриарха) никому не говорить об этом»²⁵.

Уже после Крымской войны в апреле 1859 г. в Палестину направился в ту пору генерал-адмирал, глава военно-морского ведомства, Великий Князь Константин Николаевич с супругой и сыном Николаем²⁶. Подготовка паломничества была непростым делом. Сам великий князь пишет в письме к Александру II: «Три раза являлась эта надежда (т. е. посещение Палестины, — М.Б.), в 1845, когда я был в Архипелаге, в 1846 в Палермо и в 1852 в Венеции, и три раза мне отказывали... Тогда нашей политикой управлял Нессельроде, который боялся как чумы всего, что касалось Востока. Кажется, что теперь времена другие и что мы можем действовать откровенно, не боясь кривых толков Европы»²⁷.

Константин Николаевич был встречен Иерусалимским Патриархом Кириллом, с которым неоднократно общался во время поездки, в храме Гроба Господня. Для Великого Князя неоднократно совершались богослужения, на которых гостей поминали «как поклонников Святого

---

²³ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв. М., 2006. С. 58–60 и др.; Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю / Сост. К.А. Вах. М., 2012 и др.

²⁴ Дмитриевский А.А. Русские на Афоне. М., 2010. С. 155.

²⁵ Еп. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. СПб, 1896. Т. III. С. 214–215.

²⁶ Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю... С. 82 и след.

²⁷ Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. 1857–1861. М., 1994. С. 96–97.

Гроба». Помимо паломнических и дипломатических вопросов в беседах были рассмотрены и вопросы территориальных приобретений Россией в Святой Земле²⁸. Положительное решение этих проблем подвигло на создание Палестинского комитета в 1859 г. под председательством самого Константина Николаевича²⁹. Комитет возглавил деятельность по возведению знаменитых Русских построек в Иерусалиме и окрестностях, завершенных к 1 мая 1864 г.

Не удивительна и последовавшая с конца 30-х — начала 40-х гг. строительная активность и в афонском Россиконе: основывается святомитрофаниевский собор — взамен параклиса св. Митрофана, пересвященного в храм преп. Сергия Радонежского, затем освящается Покровский храм (это, кстати, — первый храм в честь праздника Покрова на Афоне, не считая Хиландарского и Серальского параклисов), объявляется высочайшая милость в дозволении сбора милостыни в России (послан грек Парфений), передаются грекам и многие денежные и материальные пожертвования, присылаемые из России³⁰.

В дальнейшем закладывается храм в память чудесного спасения Александра II от покушения в Париже. Сын Императора — Великий Князь Алексей Александрович совершает летом 1867 г. паломническую поездку по Святой Горе и закладывает собор в честь ап. Андрея Первозванного с приделами во имя небесных покровителей своих родителей — святых Александра Невского и Марии Магдалины. Основываются и растут Андреевский и Ильинский скиты, не забывается и «Скит Богородицы» — место первоначальной обители Россикона, и старый — «Нагорный Русик».

В 1872 г. паломничество в Палестину совершает Великий Князь Николай Николаевич (Старший). Для утверждения же русского православного присутствия на христианском Востоке — в Палестине, на Афоне, на островах — решающим стало паломничество в Святую Землю в мае 1881 г. братьев Императора Александра III Великих Князей Сергия и Павла Александровичей с их двоюродным братом — Великим Князем Константином Константиновичем (известным поэтом «К.Р.», президентом Академии наук), сыном Великого Князя Константина

²⁸ Россия в Святой Земле. Документы и материалы / ред. Н.Н. Лисовой. М., 2000. Т. I. С. 691–719; Крашенинникова Т.И. Русское подворье в Иерусалиме // Великий князь Константин Николаевич... С. 150–177.

²⁹ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке... С. 108–126 и др.

³⁰ Талалай М.Г., при уч. Герд Л.А. и др. Русская Церковь и Святая Афонская Гора в XV — начале XX в. // ИРПЗ. С. 273 и след.

Николаевича, с последующим после их возвращения основанием — при активной подвижнической деятельности В.Н. Хитрово — Императорского Православного Палестинского Общества в 1882 г. во главе с Великим Князем Сергием Александровичем. Новое путешествие уже вместе с супругой Великой Княгиней Елизаветой Федоровной Сергей Александрович совершит в 1888 г., а в 1889 г. в Святой Земле окажется и Великий Князь Александр Михайлович³¹.

Таким образом, то событие, 200-летний юбилей которого мы сегодня отмечаем, прямо или косвенно способствовало успешному становлению и продвижению дела «Русского Афона» и «Российской Палестины», укреплению центров русской православной культуры на христианском Востоке. Эта деятельность, имевшая многовековые традиции в паломнической, межцерковной политической и благотворительной деятельности, в новых условиях становится поистине государственным делом в России. Представители царской семьи сами со своими родными и близкими совершают благочестивые паломнические поездки, становятся во главе вновь образуемых общественных и государственных институтов, осуществляющих политику сближения России с народами Палестины, Греции, Ближнего Востока. Осуществляется масштабная строительная деятельность, укрепляются церковные и монастырские русские центры на Христианском Востоке. Паломническое движение всех слоев российского общества получает невиданный размах.

Воскрешение и развитие этих традиций в наши дни — необходимый элемент отечественного культурного строительства сегодня.

---

³¹ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшие четверть века: 1882–1907. М; СПб., 2008. С. 108–109.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: К 200-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Уважаемые коллеги, рад возможности обратиться со словами приветствия к участникам столь представительной конференции, собравшей ведущих экспертов по различным историко-политическим аспектам, в том числе ближневосточной повестки дня. Деятельность неправительственных организаций является серьезным вспомогательным инструментом российской дипломатии в этом регионе мира. Прежде всего — в силу глубинных исторических и культурных связей России со Святой Землей, развивающихся по линии неправительственных и некоммерческих организаций.

Рекордсменом в этом плане как с точки зрения протяженности, так и объемов своей работы, является Императорское Православное Палестинское Общество, работающее во главе с С.В. Степашиным. Эта организация вносит неоценимый вклад в дело укрепления авторитета и влияния нашей страны в этом важнейшем с геополитической, гуманитарной и религиозной точек зрения регионе.

Российское присутствие в Святой Земле — ключевое направление нашей совместной работы. В июле 2017 г. после продолжительной реставрации открылось здание Сергиевского подворья в Иерусалиме, которое стало новым центром притяжения для многочисленных туристов и русскоязычных израильтян. На этой площадке в центре города регулярно проводятся открытые для посещения публичные культурные мероприятия, встречи проживающих в Израиле ветеранов, организуются музыкальные концерты, разнообразные выставки.

Однако на этом наша работа, естественно, далеко не завершена. Масив вопросов, связанных с урегулированием статуса российской собственности на Святой Земле и ее возвращения, по-прежнему велик. Например, стоит задача решения проблемы с регистрацией законных прав России на Александровское подворье, находящееся вблизи Храма Гроба Господня в Иерусалиме, а также других объектов в этом городе. С целью придания этой работе дополнительного импульса создали в МИД России

---

¹ Рудаков Александр Николаевич — заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки Министерства иностранных дел РФ, руководитель Международной секции МОО «ИППО».

специальный пост Посла по особым поручениям. На эту непростую, но, без сомнения, значимую должность назначен А.Л. Юрков.

Наряду с вопросами практического взаимодействия хотел бы обозначить и обеспокоенность в связи с сохраняющейся в регионе Ближнего Востока и Северной Африки общей политической нестабильностью. К сожалению, реальность такова, что события так называемой «арабской весны» и последствия одностороннего внешнего вмешательства в дела государств региона продолжают оказывать крайне негативное воздействие на судьбы ближневосточных христиан. В условиях активности террористических группировок на Ближнем Востоке сохраняется угроза разрушения православных храмов, физической расправы над христианами. Их отток из региона не прекращается.

В результате варварских действий боевиков ИГИЛ и других террористических организаций многие христианские храмы и монастыри разграблены или полностью разрушены. В Ираке, несмотря на освобождение от террористов значительной части районов исторического проживания христиан, ситуация по-прежнему нестабильна.

Резко ухудшилось положение христианских общин в Египте, где Коптская Православная Церковь подвергается притеснениям со стороны исламских фундаменталистов. В Йемене численность христианской общины неуклонно сокращается, что связано с деятельностью террористов «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове и ИГИЛ в южных провинциях страны.

Одновременно с этим разгром ИГИЛ и других террористических группировок в Сирии при решающей роли России привел к уменьшению уровня насилия в отношении этноконфессиональных меньшинств. На контролируемой Дамаском территории созданы безопасные условия для их возвращения в места своего исторического проживания. Окончательная ликвидация террористического присутствия в этой стране и прогресс в политическом урегулировании кризиса с сохранением территориальной целостности и суверенитета САР будут способствовать устойчивому и долгосрочному улучшению безопасности христианской общины.

Трагическое положение, в котором оказались ближневосточные христиане, вызывает в России серьезную обеспокоенность. Коренных изменений в положении ближневосточных христиан, равно как и долгосрочной нормализации в регионе в целом можно будет добиться только при достижении комплексной нормализации обстановки, которая включала бы снижение конфронтации, урегулирование всех имеющихся проблем политико-дипломатическими методами на основе

международного права и при центральной роли ООН, формирование там инклюзивной архитектуры мира и безопасности.

Россию связывают традиционно близкие отношения со всеми без исключения странами Ближнего Востока и Северной Африки. В отличие от некоторых международных игроков мы не стремимся извлечь выгоды из хаоса и дестабилизации в этом регионе. Не пытаемся утвердить свое влияние через переформатирование ближневосточного пространства. Такие подходы нам чужды. Напротив, Россия заинтересована в скорейшем мирном разрешении всех без исключения кризисов и конфликтов, которыми, к сожалению, столь «богат» сегодня Ближний Восток.

В нашей политике мы исходим из важности уважения суверенитета и территориальной целостности всех ближневосточных государств, необходимости урегулирования любых споров и противостояний через всеобъемлющий диалог и без вмешательства извне, будь то открытая интервенция или навязывание готовых рецептов по иностранным лекалам. Руководствуемся этими принципами в наших подходах к урегулированию конфликтов в Сирии, Ливии, Йемене, Ираке и других частях ближневосточного региона.

Кредит доверия к России, серьезно возросший в контексте нашей твердой и принципиальной приверженности международному праву, укрепляет наши позиции как сильного и ответственного игрока и партнера на пространстве Ближнего Востока и Северной Африки. Рассчитываем, что наши партнеры из среды гражданского общества, а также неправительственные организации, включая МОО «ИППО», продолжат вносить свой традиционный и очень важный вклад в это наше общее дело.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ПРЕПОДОБНОГО ФЕОДОРИТА КОЛЬСКОГО, ПРОСВЕТИТЕЛЯ ЛОПАРЕЙ В 1556–57 ГГ.

В своем выступлении я хотел бы рассказать об одном удивительном эпизоде духовной связи столь географически отдаленных друг от друга мест, — жаркого Ближнего Востока и снежной Лапландии Крайнего Севера Европы. Эту связь удивительным образом установил замечательный святой XVI века, выдающийся подвижник Крайнего Севера преподобный Феодорит, просветитель Кольский.

Воспитанник Соловецкого монастыря, последователь заволжской старческой школы преподобный Феодорит в начале XVI века дерзнул ступить в древние колдовские «вотчины князя бесовского» на Кольском полуострове с проповедью веры Христовой и успешно осуществил миссию по просвещению «полночных» земель Великой Лапландии. Двадцать лет, по словам князя Курбского, старец подвизался в суровых лопарских пустынях, после чего крестил саамский народ — лопарей, создал саамскую письменность и, наконец, построил на Кольском полуострове первые храмы и монастыри.

И вот осенью 1556 года повелением царя Иоанна Грозного и митрополита Московского Макария Феодорит, из лопарских тундр призывается в Москву. Такие поездки для него не были редки, как известно, пустынный и аскет Феодорит был избран митрополитом Московским Макарием в свои духовники. Но сейчас в столицу, к царскому двору этот удивительный старец призывается как высокий богослов и знаток греческого языка, как один из достойнейших представителей плеяды старцев-заволжцев, учеников преподобного Нила Сорского, постигших великую тайну священнобезмолствующих монахов Византии — науку исихазма. Такой срочный вызов был обусловлен тем, что к октябрю 1556 года ожидалось прибытие в Москву очень важного для царя посольства от Константинопольского Вселенского Патриарха во главе с греческим митрополитом Евгрипским и Кизическим Иоасафом.

---

¹ Митрофан, митрополит Мурманский и Мончегорский — кандидат богословия, председатель Попечительского совета Мурманского отделения МОО «ИППО».

Как известно, монахи Заволжья, насельники Нило-Сорской пустыни, раскинувшейся вблизи Кирилло-Белозерского монастыря в наибольшей степени восприняли традиции древних греческих монастырей. Великий учитель скитской простоты и нестяжания, преподобный Нил Сорский, долгое время подвизался на Афоне, и, вернувшись на Русь, свой келиотский монастырь-пустынь он создавал как малый Афон в России. Потому говорить на одном богословском языке с греками лучше всех могли именно монахи-заволжцы. Увы, но к этому времени, после печально известных московских соборов середины XVI века, когда движение заволжцев было осуждено, а сами монахи-нестяжатели сосланы по разным монастырям, их скиты опустели.

Сейчас же при царском дворе формировались крайне важные для судьбы России дипломатические задачи и «паламитское» богословие Феодорита оказалось крайне востребовано. Суть дипломатической проблемы состояла в том, что еще в 1547 году своей волею венчавшийся на царство, молодой царь Иоанн Грозный не обращался в Константинополь за Патриаршим благословением. С одной стороны, таким образом Русская Церковь и Московское государство демонстрировали свою самостоятельность, а с другой — Иоанн Васильевич справедливо опасался, что может получить и отказ.

Однако необходимость законного наследования царского титула «по чину римских кесарей», в активно растущей Российской державе становилась всё более очевидной. Европейские монархи, вынужденные считаться с Российской государственной мощью, тем не менее очень нехотя и «сквозь зубы», именовали Великого князя Московского — Царем. Так недавно, в феврале этого 1556 года вновь возник конфликт по этому вопросу с литовскими послами, прибывшими в Москву договариваться о мире, но при этом принципиально не желавшими именовать Государя Московского — «царем». И как было зафиксировано в Посольских книгах: «От чего был немалый спор и великое мовение»².

И вот, осенью этого 1556 года представился благоприятный случай обратиться за таким благословением к Святейшему Архиепископу Константинополя — Нового Рима и Вселенскому Патриарху Дионисию. От Патриарха за милостыней в Москву прибыл митрополит Иоасаф. Несмотря на прежнюю опалу, призванный в Москву архимандрит Феодорит при царском дворе блестяще провел необходимые переговоры с посольством, и «яко муж искусный и мудрый», оказался идеальной кандидатурой и для поездки в Константинополь с почетной миссией — хлопотать

² Выписка из посольских книг 1556 г. // Сборник князя Оболенского. М., 1836. С. 13.

об узаконении титула «царя Московского» или «Великого Государя Царя всея Руси». Не было сомнений, что именно Феодорит, как никто другой, способен в наилучшем виде представить греческим иерархам как уровень российского богословия, так и зрелый образ старческой духовной мудрости. Препятствием мог оказаться лишь весьма преклонный возраст старца — на момент путешествия в Константинополь Феодориту исполнилось 76 лет. Однако старец всегда мало обращал внимание на свой возраст. Как известно из лопарской присказки, «Феодорит Пустынный широко ходит». Потому, хотя и был он *«уже в старости маститой и в немощем теле»*, но *«повеления царева послушал и пошел с радостью на таковое посольство»*³.

Завершалось весьма долгое, трехмесячное пребывание Константинопольского посольства при дворе Иоанна Грозного. Царь Иоанн проявлял максимальную любезность и при содействии Феодорита в полной мере очаровал греков богословскими беседами, ублажил богатыми милостями и щедрыми дарами. *«И удоволил столom государь митрополита, дарами почтив, отпустил в Цареград»*⁴. Вместе с посольством в обратный путь 1 января 1557 года отправился и Феодорит с наказом непременно получить благословение Патриарха на преемство наследного царского достоинства по чину Римских кесарей.

Этот царский выбор с одной стороны может вызвать удивление, а с другой дает нам ясную характеристику Феодорита-пустынника, просветителя лопарей. Очевидно, что для такой миссии нужен благолепный, видный старец, исполненный даров Святого Духа и, кроме того, могущий красноречиво и грамотно отстаивать достоинство и богословский уровень российского православия. И это не где-нибудь, а в беседах с отцами греческой церкви, гордых своими древнейшими христианскими традициями и эллинской культурой, да еще перед лицом «Вселенского

1.прп. Феодорит просветитель
Кольский. (1481–1571 гг.)

³ Курбский Андрей. История о Великом князе Московском // Памятники Литературы Древней Руси. 2 пол. XVI в. М., 1986. С. 324–347. (Далее по тексту цитаты из этого издания выделены курсивом. В некоторых случаях текст цитат адаптирован автором к современному звучанию слов).

⁴ Кн. Оболенский. Полная Соборная Грамота 1561 года. М., 1850. С. 22.

2. Константинопольская миссия.
Иконная прорись

и как тщательно продумывались возможные варианты развития событий в Константинополе. Кроме официального послания и подробной инструкции о поведении Феодориту была дана и «тайная память», которую он должен был выучить наизусть и, прежде чем пересечь границу Московии, «изодрать в Смоленске». Маршрут следования Феодорита и его спутников пролегал через границу с Речью Посполитой в районе Смоленска, и далее через княжества Молдавии и Валахии, по территории Болгарии, принадлежавшей Османской Империи, и так до Константинополя.

В «тайной памяти» предусматривался вариант, когда Патриарх не сможет сразу дать соборного благословения, в таком случае, если «пошлет

Патриарха». Так что согласитесь, это совсем не просто.

«Царь и Великий Князь Иоасафа митрополита Евгрипского и Кизицкого во Царьград отпустил, да с ним вместе отпустил во Царьград ко Иоасафу Патриарху бывшего Спасского архимандрита Феодорита, и милостыню к патриарху с ним послал. И о своем Царском венчании Царь и Великий Князь к Патриарху Иоасафу с ним приказал, чтоб Иоасаф Патриарх со всем Собором благословение о Царском венчанье ко Царю и Великому Князю грамоту прислал. Да с Феодоритом же послан Вязметин купец Матюшка Волков [купец из Вязьмы Матфей Волков] для рухляди [меха] которая с Феодоритом послана»⁵.

Сохранившиеся подробные инструкции и наставления («памяти»), которые давал царь Иван Васильевич архимандриту Феодориту, свидетельствуют, сколь важной была эта миссия,

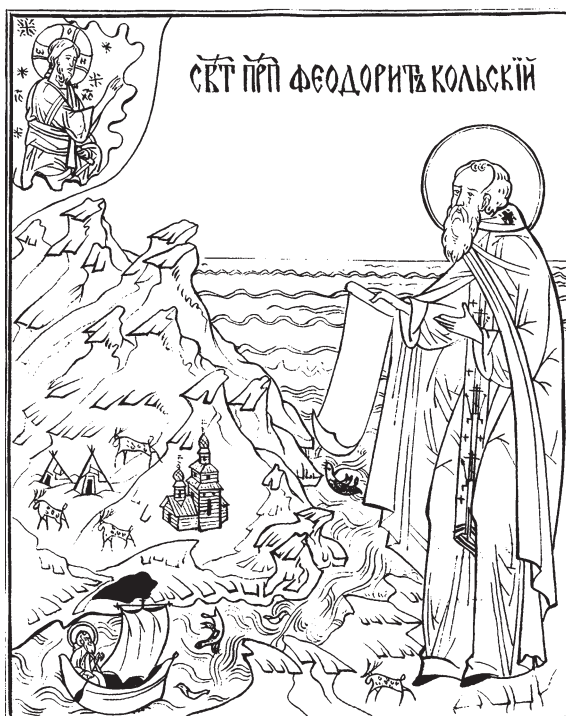
⁵ Кн. Оболенский. Полная Соборная Грамота 1561 года. М., 1850. С. 8.

Патриарх грамоту обычную», то «Феодориту захвати во Святую Гору и посмотреть Хилондаря монастырь, чин Церковный, и всё строение монастырское, и которым обычаем архимандрит и старцы живут, и всё ли у них идет по чину Церковному». То есть провести некое «тайное инспектирование» Хилондарского монастыря на предмет возможности принятия его под полноценное покровительство Российской державы: «а что рассмотрит, то Феодориту тайно у себя записать памяти для, да сказать Царю и Великому князю». С Феодоритом из Москвы

возвращались и афонские монахи, приезжавшие с Хилондарского монастыря к царю за милостынею. «Отпущены старцы святогорцы священник Селевестр с товарищами, а с ними послал царь в Хилондарь монастырь катапетасму и милостыню, и письмо в Хилондарской грамоте»⁶.

Кроме того, повелевалось Феодориту в Константинополе, «разведывать тайно, с кем Турецкий Султан в мире, и с кем не в мире, да в разговоре с Патриархом ненарочным делом повыспрашивать, какие у Турецкого Султана дела-умышления; да всё, что услышит, Феодориту то себе записывать, дабы сказать Царю и Великому Князю. А память сию [запись] держать у себя, да не ведал бы ее никто».

Действительно, Собор греческих иерархов так быстро собрать оказалось невозможным. Патриарх с Феодоритом послал Иоанну «грамоту обычную», в которой, в частности, писал, обращаясь к Царствующему Дому, что все подробности «исповедует вам во всем вернейший вам преподобнейший священноинок Феодорит, и веру имейте ему, как самому духовнейшему молебнику, и он сполна всё расскажет своими

3. Прп. Феодорит просветитель лопарей

⁶ Кн. Оболенский. Полная Соборная Грамота 1561 года. М., 1850. С. 30.

устами». С Феодоритом также передал послание царю и митрополит Евгрипский Иоасаф, в котором, в частности, упоминает о том благоприятном впечатлении, которое произвел на Патриарха и его окружение Феодорит: «молебник твой царский всё, что ты говорил ему, весьма духовно исправил и все с радостию это восприняли».

Касаясь главного вопроса соборного благословения, Иоасаф сообщает: «...о том твоём царском деле соборовати не успели, и потом будет собрание архиерейское и твое Царское дело и грамоты из Собора пришлют... и дело твое Царское совершится во всем»⁷. В конце Государевой «тайной памяти» писалось: «...а захочет Феодорит из Святые горы и во Иерусалиме побывать, Феодориту в том воля». Так что, после посещения Святой горы Афон Феодорит не преминул совершить паломничество и на Святую землю. Можно заметить, что одним из результатов этого «инспектирования» Хиландарского монастыря, видимо, стало произошедшее его объединение с нынешней афонской Русской Пантелеимоновской обителью. Пантелеимонов монастырь, как упоминалось в документах, стал существовать «в союзе» с Хиландаром.

Это царское внимание являло собой заботу о сохранении духа восточного христианства, и о Святой Горе в целом, как об осколке Византийской империи, наследницей которой решительно выступала Российская держава — «Третий Рим» под скипетром Московского царя.

Что же касается Феодорита, то, конечно же, столь дальнее путешествие, длившееся почти целый год, было для него не простым: «...много на пути беды и труды подъял». Добравшись до Константинополя, Феодорит к тому же еще и тяжело заболел, «огненным недугом, аки два месяца объят был», но от всех этих бед «благодатию Божию избавлен, возвратился здрав». Ответственнейшее дипломатическое поручение Феодорит выполнил с честью. С Феодоритом из Константинополя для государя была передана «древняя книга» с чином «венчания императоров византийских» — «Книга царского величества вся».

Патриарх постановил собрать архиереев Греческой Церкви, дабы соборно благословить Великого Князя на возведение в царский сан. Таким образом, идея наследования Московским царством достоинства Византийской империи: «Москва — Третий Рим» получала официальный статус. Как рассказывали уже после возвращения Феодорита в Москву, радуя слух царя Иоанна Васильевича: «...сам Патриарх удивлялся, когда прислушивался к речам и беседам Феодорита премудрым, а также наблюдая его жителство умирное и священнолепное».

⁷ Кн. Оболенский. Полная Соборная Грамота 1561 года. М., 1850. С. 36.

Так что, Царь Иоанн Васильевич был очень доволен результатами миссии Феодорита и щедро одарил его *«тремястами серебряниками великими»*. Но, главное, он преподнес старцу *«кожух драгих соболей»*, крытый парчою (*«аксаминтом»*), и *«к нему такую власть духовную»*, которую тот бы *«захотел»*.

В *«кожухе драгих соболей под аксаминтом»* реально проступали церковные облачения архиерея. Скорее всего, подаренное царем богатое одеяние, действительно более приличествовало сану епископа Церкви, что логически, очевидно, должно было дополнять предложение Иоанна о даровании Феодориту любой *«власти духовной»*. Однако, при этом, не исключено, что царь Иоанн сознательно искушал Феодорита, желая лично убедиться — действительно ли *«жительство»* этого старца такое уж *«умиренное и священнолепное»*.

На все те упомянутые выше искусительные царские милости Феодорит, *«чуть усмехнувшись, отвечал: “Я, Царь, повеления твоего послушался и всё, что ты заповедал мне сделать, исполнил, не обращая внимания на немощи старости моей. Пусть наградю и довольствием мне будет от апостольского наместника, Патриарха Вселенского, данное мне благословение. Даров же от Твоего Величества, так же как и власти для себя, не требую. Даруй их тем, кто просит, и кому оное потребно. Я же серебром, да драгоценною одеждою улаждаться не приучен, поскольку отрекся от всего такового в начале пострижения власов моих. И пекуся о том лишь, как бы украситься внутренне добротой душевною, да благодать Духа стяжать. И только одного прошу — да с покоем и со безмолвием в келье до исшествия моего да пребуду”»*.

Будет справедливым заметить, что подобное предложение, безусловно, было немалым искушением для Феодорита. Нет сомнений, что в своих трудах по просвещению Лапландии Феодорит следовал примеру просветительских деяний Стефана Пермского, и намеревался повторить опыт утверждения епископской кафедры на присоединенных к Православию землях Кольского Севера. И, если бы Господь сподобил, возможно, хотел бы Феодорит стать, как и святитель Стефан в Великой Перми, первым архиереем *«Великой Лапландии»*. Но, увы не всё, что удалось Стефану Великопермскому по созданию полноценной новой епархии, сумел повторить Феодорит Кольский.

Лишь спустя почти четыре с половиной столетия, уже в наше время, в декабре 1995 года, мечта Феодорита воплотилась в жизнь — в этих краях была образована самостоятельная, Мурманская епархия и первым *«архиереем Великой Лапландии»* стал владыка Симон, а ныне и я недостойный сподобился архиерейской власти на этих *«полнощных»* землях.

К ВОПРОСУ О ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИППО

Когда в феврале 2005 года исполнилось 100 лет со дня мученической гибели Великого Князя Сергея Александровича, в Москве состоялась, организованная Императорским Православным Палестинским Обществом (ИППО), Паломническим центром Московского Патриархата и Научным советом РАН «Роль религии в истории» Всероссийская церковно-научная конференция. Обращаясь к ее участникам, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации А.В. Салтанов отметил, что ИППО всегда «верно служило интересам нашего отечества, его внешней политики, исторической науки, осуществляло благородную деятельность по духовному окормлению верующих..., проповедуя идеалы добра и справедливости, терпимости и диалога. Именно этими идеалами вдохновлялись основатели Общества и его первый председатель Великий Князь Сергей Александрович». «Он задал, — подчеркивается в обращении, — своей неустанной деятельностью на благо общества и государства устойчивый вектор движения ИППО. ... Вся эта деятельность как никогда ранее востребована сейчас, когда и наша страна и государства Ближневосточного региона сталкиваются с новыми вызовами и проблемами, рисками и угрозами, в том числе такими опасными, как терроризм и конфликт цивилизаций».

Действительно, роль личности Великого Князя Сергея Александровича на посту Председателя ИППО очень значима, но еще мало изучена. В частности, это можно объяснить тем, что многие его шаги, индивидуальные решения или инициативы сокрыты в официальных документах под массой канцеляризов или оформлены, как действия третьих лиц. Такой подход в оформлении важных деловых бумаг вполне понятен и оправдан, если учитывать все сложности и хитросплетения, затронутых в них вопросов, а также то положение, которое Великий Князь занимал в стране. В личной же переписке с доверенными близкими людьми он, в отличие от других сфер своей службы, почти совсем не касался работы Палестинского Общества.

Тем не менее, сохранившийся комплекс документов позволяет в определенной мере рассмотреть собственные действия Сергея Александровича

---

¹ Гришин Дмитрий Борисович — кандидат исторических наук, член МОО «ИППО», председатель Фонда памяти Великого Князя Сергея Александровича.

на посту Председателя ИППО, включая его дипломатическую практику. Указанный аспект очень важен, ибо не только дает возможность точнее оценить достижения и лучше понять всю сложность работы, но и раскрывает с новой стороны личность Великого Князя, человека стойкого, благочестивого и многоодаренного. Он не был прирожденным дипломатом и не получил соответствующих навыков при учебе, а его известная прямота и честность во всех областях жизни, казалось бы, полностью исключали возможность дипломатической практики. Однако, если обстоятельства требовали того при решении сложных международных вопросов, с которыми приходилось сталкиваться ИППО, Сергей Александрович проявлял себя, как незаурядный деятель внешней политики.

Как известно, через семь лет после создания Палестинского Общества, его успешная работа на Ближнем Востоке дала возможность Председателю поставить вопрос о признании этой организации единственной централизованной структурой, руководящей всей русской работой в данном регионе. В итоге 24 марта 1889 года было принято решение, по которому все дела, имущество и капиталы расформировавшейся Палестинской комиссии при Азиатском департаменте МИД России передавались вместе с ее функциями Палестинскому Обществу.

Перемена была фактически революционной и не могла не вызвать глухого недовольства в аппарате Министерства иностранных дел. Помощнику председателя Палестинского Общества М.П. Степанову вскоре пришлось по поручению Великого Князя напомнить о новом порядке вещей директору Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьеву в связи с продолжающимися распоряжениями иерусалимского консула в зданиях бывшей Палестинской комиссии: «По докладе моем Августейшему Председателю Палестинского Общества, Его Высочество поручил мне просить Ваше Превосходительство разъяснить Консулу, что, по Всеподданейшему докладу Его Императорского Высочества, Государю Императору Всемилоостивейше благоугодно было повелеть «...заведование Русскими Правительственными постройками передать представителю Общества в Иерусалиме...»².

Новый всплеск недовольства вызвала неудавшаяся попытка Великого Князя и М.П. Степанова (1891) добиться того, чтобы русские консулы в Иерусалиме и прилегающих местностях назначались бы при согласовании с ИППО.³ Заметим, что, хотя предполагавшееся изменение

² Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I. Сост.: Н.Н. Лисовой. М., 2000. С. 245.

³ Ламздорф В.Н. Дневник. 1891–1892. Минск, 2003. С. 109.

и шло вразрез с дипломатической практикой, оно потенциально имело бы положительное значение для русской работы в Палестине.

Дальнейшая практика ИППО основывалась на том, чего удалось добиться, и установившийся порядок вещей периодически приводил к трениям между Обществом и министерством. В дневниках В.Н. Ламздорфа, начальника тайной канцелярии (позднее товарища министра), содержится немало критических замечаний в адрес Великого Князя Сергея Александровича, который, вторгаясь в работу МИД, пытался проводить собственную линию в Ближневосточном вопросе.⁴

Однако, если присмотреться к данной проблеме внимательнее, то станет ясно, что перед нами не «вмешательство», а стремление к плодотворному сотрудничеству. И это при том, что согласно положению Великого Князя министры (включая руководителя МИД) получали от него рескрипты, а сами должны были писать ему донесения. Но Сергей Александрович всегда пытался найти компромисс, старался наладить партнерские отношения с дипломатами, избавиться от шероховатостей в совместной с ними деятельности. В письме к министру иностранных дел Н.К. Гирсу, посланном из имения Ильинское 13 октября 1891 года он называет «прискорбными» для себя «пререкания между русскими деятелями в Святой Земле, призванными, безусловно, идти дружно рука об руку». В заключительных строках Великий Князь подчеркивает собственное нежелание того, чтобы ИППО «действовало отдельно от взглядов и предположений вверенного Вам Министерства».⁵

Этот документ появился в связи с тем, что Сергей Александрович решил совместно с МИД контролировать поток денежных средств, выделяемых Российским правительством Иерусалимской Патриархии в качестве доходов таковой с ее Бессарабских имений. Председатель ИППО не только обнаружил, что Россия, выплачивает эти деньги вперед, давая своеобразный заем, но и увидел их нецелесообразное расходование Патриархией, противоречащее, по его мнению, интересам в Палестине, как самой России, так и Православия в целом.

Конфликт зрел давно, и двумя годами ранее вылился в жалобу Иерусалимского Патриарха Никодима министру Н.К. Гирсу. Греческое духовенство на Святой Земле было крайне недовольно тем, что ИППО, взяв на себя заведование русскими паломниками, изменило прежний маршрут, оставив в нем только важнейшие Святые места и реликвии. Менее значимые греческие монастыри оставались для добровольного

⁴ См.: Ламздорф В.Н. Указ.соч.; Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991.

⁵ ОР. РНБ. Ф.253. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 16–17.

посещения, что лишало их привычного источника средств. Патриарх усмотрел в этом ошибочные, враждебные и даже «антиканонические»⁶ шаги, «так как образ действия сего Общества приводит нас в трудное положение, ставит в ответственность перед Оттоманским правительством и дает повод инославным выдумывать против нас разные интриги и сплетни. ... Отечески и по священному долгу просим Ваше превосходительство о принятии попечения и о тщательном постановлении, чтобы согласно церковным правилам каждое действие ИППО в нашем Патриаршем округе совершалось через наше посредство, и мы готовы всегда представлять надлежащие отчеты».⁷ В противном случае Патриархия грозила отказать Обществу в доверии, и фактически своей жалобой пыталась вбить новый клин между ИППО и министерством. Приведенные выше ответные предложения Великого Князя свидетельствуют о том, что ему удалось погасить конфликт и отстоять свою позицию с помощью дипломатических методов.

Одновременно возникло другое поле международных проблем — приобретение Палестинским Обществом земельных участков на Святой Земле и строительство подворий. В 1892 году по ходатайству ИППО многие объекты этой недвижимости, записанные на разных частных лиц в связи с тем, что турецкое законодательство не предусматривало их продажу юридическим лицам, были приняты Сергием Александровичем на свое имя. В данной связи русским генеральным консулам в Иерусалиме и Бейруте были направлены новые доверенности, а российского посла в Константинополе И.А. Зиновьева Великий Князь через М.П. Степанова просил о содействии.⁸ За два года до этого сотрудничество с МИД по схожему вопросу проявилось в рескрипте Сергия Александровича Н.К. Гирсу с просьбой проинформировать посла в Константинополе и консула в Иерусалиме о разрешении Императора использовать недвижимость ИППО в Палестине для извлечения доходов.⁹

Новые сложности появились с началом археологических раскопок на «русском месте» возле храма Воскресения, приобретенном российским правительством еще в 1858 году. Напомним, что Великий Князь Сергей Александрович, живо интересуясь этим участком, взялся финансировать его исследование. Начало было положено в ноябре 1882 года рескриптом Председателя Палестинского Общества на имя министра иностранных

⁶ В реальности никакие канонические нормы Православной Церкви не нарушались.

⁷ Там же. Л. 14–15.

⁸ См.: Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 283–284.

⁹ Там же. С. 271.

дел: «Предполагая на собственные средства поручить произвести с ученой целью раскопки на этом месте, находящемся в заведовании Министерства иностранных дел, и очистить его от векового мусора, обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с просьбою, в личное Мне одолжение, разрешить произвести таковые раскопки и сделать с Вашей стороны зависящее распоряжение, чтоб от нашего Генерального Консула в Иерусалиме оказаны были содействие и помощь лицу, которому поручено будет от Меня производство этих раскопок».¹⁰

Напомним, что длившиеся с марта по июнь 1883 года раскопки, увенчались важными археологическими открытиями и привели к обретению знаменитой святыни — Порога Судных врат. Интересно, что когда возникла необходимость укрыть только что найденную реликвию от непогоды, Великий Князь обратился к управляющему МИД А.Е. Влангали с просьбой «испросить у Государя Императора разрешение Палестинскому Обществу расчищенное им от всякого мусора священное место оставить в его распоряжении до тех пор, пока увеличившиеся средства Общества дадут ему возможность достойным образом почтить это святое место».¹¹ Как видим, Сергей Александрович соблюдает все необходимые правила, никуда не «вмешивается», уважает чужие полномочия и даже, не перескакивая «через головы», к своему царствующему брату просит обратиться министерского чиновника.

Следующим этапом в этой истории стало стремление Сергея Александровича возвести над Порогом Судных врат русское подворье с храмом. Мы не будем подробно останавливаться на дальнейшем ходе событий, детально рассмотренных другими исследователями.¹² Отметим лишь постоянное присутствие в работе дипломатов весьма обоснованных опасений. Угроза запрета или противодействия со стороны турецких властей дополнялась негативной реакцией Иерусалимской Патриархии, заодно вспомнившей свои прежние обиды. Потенциальной, хотя и менее серьезной проблемой, могло стать и беспокойство католического духовенства.

Более трех лет дело продвигалось усилиями консулов, руководителя Азиатского департамента МИД, русского посла в Константинополе,

¹⁰ АВП РИ, Ф. 337/2 (РИППО), Оп. 873/1, Д. 593, Л. 4–4 об.

¹¹ Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 553.

¹² Платонов П.В. От «Русских раскопок» до Александровского подворья Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) в Иерусалиме // Вестник Южно-Уральского профессионального института. Вып. 1(4). 2011. С. 81–106.

уполномоченного ИППО в Иерусалиме и других лиц. Фигура Председателя Палестинского Общества в этой дипломатической игре на первый взгляд не видна, что вполне объясняется особым положением члена Императорской фамилии. Но он постоянно держит вопрос на контроле, и в итоге именно ему 29 июля 1887 года министр иностранных дел докладывает о первом крупном успехе: «Считаю долгом своим довести до сведения Вашего Императорского Высочества, что, согласно телеграмме Посла нашего в Константинополе, Турецкое Правительство разрешило постройку на Русском месте в Иерусалиме с тем, чтобы таковое не было обращено в место поклонения или священнодействия, и что Консулу в Иерусалиме поручено сообщить об этом Уполномоченному Православного Палестинского Общества г. Смышляеву»¹³.

Вместе с тем, тот же особый династический статус Сергея Александровича, несомненно, играл тихую, «заочную» роль в продвижении проекта. Турецкий султан прекрасно знал, кто возглавляет добывавшееся строительства Общество, и не мог не учитывать этого факта, принимая решение.

В данной связи показателен тот прием, который Абдул-Хамид II организовал год спустя Великому Князю во время его второго паломничества на Святую Землю. В Константинополе он давал в честь гостя и его супруги обеды, устроил парад, познакомил со своей семьей, щедро одарил и распорядился на всем дальнейшем пути Августейших русских паломников оказывать им особые почести. «Султан был страшно любезен, — сообщал Сергей Александрович в письме Александру III, — он, что называется «из кожи лез», чтобы нам доставить удовольствие; между прочим, нам показали такие вещи, которые никому не удастся видеть, как, например, правая рука Иоанна Крестителя с древней византийской надписью и т. п.»¹⁴ В том же послании Великий Князь просил царствующего брата: «...Если бы Ты мог послать Султану депешу и поблагодарить его за нас — пожалуйста, сделай это, ибо ему, видимо, этого очень хотелось».¹⁵ Отсюда видно, что Сергей Александрович мог вступать на территорию дипломатии самого высокого уровня, и данное обстоятельство необходимо учитывать при рассмотрении его личной роли в ряде вопросов международных отношений.

¹³ Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 565.

¹⁴ Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 4: 1884–1894. М., 2011. С. 173.

¹⁵ Там же.

Несмотря на оговорки и запреты турецких властей, после сооружения русского подворья возле храма Воскресения, Председатель ИППО поставил четкий вопрос о создании в нем храма, приобретший еще большее значение после кончины Александра III. Министерство иностранных дел России опасалось очередных трудностей и осложнений, и только настойчивость Великого Князя продвигала дело вперед. «Препятствия к осуществлению этого предположения, — писал он Н.К. Гирсу, — действительно будут представлены, но едва ли их можно признать серьезными, а тем более непобедимыми».¹⁶ Итогом стало освящение 22 мая 1896 года на новом русском подворье храма во имя святого Александра Невского.

Соппротивление, оказывавшееся созданию храма со стороны Иерусалимской Патриархии, было устранено, как и предполагал Сергей Александрович, с помощью рычагов финансовой зависимости греческого духовенства от Российской Империи, уже не в первый раз показавших свою эффективность. Причем, преодоленные трения оставили очень интересные и почти неизвестные сегодня документы о личной роли Председателя ИППО в данном вопросе. Напомним, что российским генконсулом в Иерусалиме являлся в то время (1891–1897) Сергей Васильевич Арсеньев, который принимал активное участие в разрешении проблемы с Патриархией. Его действия, включая прямые контакты с Великим Князем, вызвали недовольство российских дипломатов, особенно посла в Константинополе А.И. Нелидова. В результате, новый министр иностранных дел князь А.Б. Лобанов-Ростовский в начале 1896 года начал рассматривать вопрос о замене генконсула, причем дальнейшая карьера С.В. Арсеньева могла быть перечеркнута.

Тогда за своего единомышленника в дипломатии и соратника в делах ИППО¹⁷ вступился Великий Князь Сергей Александрович. Не считая возможным непосредственно обратиться к министру по данному вопросу, он дипломатично направил к Лобанову-Ростовскому дядю генконсула, адмирала Дмитрия Сергеевича Арсеньева, своего друга и бывшего воспитателя. Посланцу поручалось защитить репутацию С.В. Арсеньева и попросить для него должность советника при посольстве в Берлине.

Миссия Д.С. Арсеньева отображена в его собственных письмах Великому Князю Сергию Александровичу. Эти документы, найденные и опубликованные совсем недавно, не только говорят о роли

¹⁶ Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 568.

¹⁷ С.В. Арсеньев был одним из членов-учредителей ИППО, и 1892 году избран почетным членом ИППО.

Председателя ИППО в деле создания храма на Александровском подворье, но и проливают дополнительный свет на ситуацию, сложившуюся в отношениях Общества и МИД России.¹⁸

Так, по словам адмирала, новый министр с подачи посла Нелидова считал генконсула в Иерусалиме «самым отъявленным интриганом, пугаником и недисциплинированным служащим», а ИППО обвинял в разжигании враждебности иерусалимского греческого духовенства. В ответ собеседник, подчеркивая, что действует по поручению Великого Князя, заявил, что «целью создания Палестинского Общества было, главным образом, улучшить участь русских паломников, повысить положение и влияние нашей миссии в Иерусалиме, защищаться от греческой враждебности и парализовать ее; это было желание Императора, которое выполнял Великий Князь Сергей Александрович, и не Иерусалимский Патриарх, а Палестинское Общество всегда подвергалось враждебным отношениям со стороны Патриархата и может на это жаловаться».¹⁹ По поводу действий генконсула было сказано, что «он в конце концов наладил дела согласно воле Императора и Палестинского Общества, Председателем которого является Великий Князь Сергей Александрович, верный исполнитель пожеланий и приказов Императора как Императора Александра III, так и теперешнего Императора!».²⁰

Говорить об ИППО Д.С. Арсеньев не был уполномочен, и потому в следующих письмах оправдывал свои заявления: «Видно, что представления Князя Лобанова очень смутные, что он ничего не знает об обществе, кроме сплетен его служащих и Вам придется его приструнить. Когда он увидит, что хочет Император и что это то, на чем Вы настаиваете, я уверен, что всё изменится!».²¹ В пылу критики Дмитрий Сергеевич назвал причиной трудностей «капризы и самодурство наших послов в Турции» и «глупых, преступно равнодушных к Русским интересам, членов нашего Министерства Иностранных дел». О Лобанове-Ростовском он резюмировал, взывая к Великому Князю: «Вы теперь приватно знаете его теперешнее отношение к этому делу и со своим авторитетом и тактом, и твердостью поставите его на настоящий путь — в деле столь важном и в котором он совершенно равнодушен...».²²

¹⁸ Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 5: 1895–1899. М., 2018. С. 236–241.

¹⁹ Там же. С. 239.

²⁰ Там же. С. 238.

²¹ Там же. С. 240.

²² Там же. С. 241.

Трудно представить, что Сергей Александрович мог бы «приструнить» или «поставить на настоящий путь» главу внешнеполитического ведомства России. Он никогда не позволял себе подобных действий. Реноме генконсула с его подачи было спасено, и в 1897 году, уже при следующем министре, С.В. Арсеньев занял аналогичную должность в Стокгольме. Мог Великий Князь настаивать и на принятии определенных политических решений, включая иностранные дела, но при этом никогда не вторгался в чужую компетенцию.

И здесь особенно интересны те части сообщения адмирала Арсеньева, где он цитирует свои доводы министру в защиту генконсула. «Г-н де Жьен, — заявляет проситель, — выполняя приказ Императора, был в согласии с Великим Князем по всем делам в Иерусалиме и потому г-н Арсеньев, выполняя приказы г-на де Жьена, удовлетворял пожелания Великого Князя, Председателя общества, пожелания, которые были тождественными, и я повторяю: это были приказы Императора!»²³. Далее он утверждает, «что в течение длительного времени Российские Консулы в Иерусалиме действовали против Палестинского Общества и что только недавно, благодаря договоренности между Великим Князем Сергеем Александровичем и г-ном де Жьеном, оба исполняющие волю покойного Императора и теперешнего Императора, что г-н Арсеньев, Российский Консул, действовал как должен был бы действовать Российский Консул в Иерусалиме...».²⁴

Отсюда можно сделать вывод о неофициальном дипломатическом тандеме, который активно продвигал вопрос, и ключевую роль в котором играл Председатель ИППО. Такой подход к делу не противоречил правилам и способствовал большей эффективности в решении непростой задачи.

Итак, рассмотрев факты дипломатической практики в работе Великого Князя Сергея Александровича на посту Председателя ИППО, мы можем говорить о большом значении и даже определяющей роли таковой в русском присутствии на Святой Земле. Она выражалась в разных формах, более или менее видимых, сталкивалась с трудностями и противодействиями, но всегда была направлена на торжество Православия и на благо России.

²³ Там же. С. 238.

²⁴ Там же. С. 239.

КОЛЛЕКЦИИ ДИПЛОМАТОВ В СОБРАНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ

Богатейшие научные коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (на сегодняшний день – свыше 1,2 миллиона единиц хранения) последовательно складывались на протяжении всей его 300-летней истории в первую очередь в результате напряженной экспедиционной и исследовательской деятельности. История России последних трехсот лет – это и история Музея. Он разделил со страной прорыв Петровской и Екатерининской эпохи, великий для российской науки и культуры XIX в., достижения «большой эпохи» советской академической науки. Приоритет науки в системе государственных ценностей, изучение и сохранение национальных культур, межнациональный диалог – ключевые аспекты деятельности Музея. Они всегда совпадали и совпадают сегодня с важнейшими задачами российской государственности.

История формирования коллекций захватывающе интересна, но по разным причинам исследована и описана лишь фрагментарно. Формирование фондов музея связано не только с плеядой великих исследователей и путешественников, стоявших у истоков европейского народоведения, но и с русскими кругосветными путешествиями, с командировками русских офицеров, разведчиков, дипломатов, с деятельностью Русского географического общества, которое активно продолжило работу, начатую во времена Петра.

В целом, с именами 43 русских дипломатов связано 125 коллекций музея, которые были собраны между концом XVIII и началом XXI вв., что говорит не о случайных передачах, а о последовательной многолетней работе по пополнению собраний музея². География этих собраний очень обширна. Коллекции представляют народы, живущие сегодня на территориях: Алжира, Бангладеша, Бразилии, Бурунди, Вьетнама, Ирана, Индии, Индонезии, Исландии, Йемена, Камеруна, Китая, включая Тибет, Северной и Южной Кореи, Мексики, Монголии, России, Сирии, республик Средней Азии, Сенегала, Эфиопии, Японии.

---

¹ Резван Ефим Анатольевич — доктор исторических наук, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения ИППО, заместитель директора по научной работе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).

² Кроме того, тринадцать коллекций были переданы иностранными дипломатами, представлявшими Вьетнам, Иран, Канаду, Мексику, Турцию, Польшу, США, Южную Корею.

Важно, что основные коллекции русских дипломатов, о которых идет речь, поступили к нам в XIX — начале XX в., что, несомненно, связано с деятельностью Азиатского департамента МИД, в первую очередь тех дипломатов, которые работали в Османской Империи, Иране, Индии, Монголии, Китае, Корее, Тибете, Абиссинии. При этом три коллекции поступили к нам в 1842, 1843, 1863 гг. непосредственно от Азиатского департамента МИД. Они были собраны сотрудниками Российской духовной миссии в Пекине.

В рамках краткой статьи у меня нет возможности подробно рассказать обо всех коллекциях русских дипломатов, чья деятельность так или иначе была связана с Большим Ближним Востоком. Я хочу упомянуть здесь только три имени. Александр Алексеевич Адамов (1870–?), Георгий Александрович Астахов (1897–1942) и Олег Герасимович Пересыпкин (род. в 1935). Эти дипломаты принадлежат к трем разным поколениям и своей служебной деятельностью так или иначе покрывают период в 125 лет — с конца XIX в. по сегодняшний день. Важно, что все трое являются не только дипломатами, но и интересными исследователями Востока, которые оставили после себя важные научные труды.

Александр Алексеевич Адамов окончил в 1891 г. факультет восточных языков Санкт-Петербургского Императорского университета (диплом I-ой степени), прослушав полный курс наук по Арабско-Персидско-Турецко-Татарскому языку. С 1892 по 1894 гг. продолжал обучение на Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД, по окончании которого был принят на службу в чине коллежского секретаря с причислением к Азиатскому департаменту МИД. 25 декабря 1894 г., был приведен к присяге и дал подписку, которая гласила: «Я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что ни к каким ма-сонским ложам и другим тайным обществам, под какими бы названиями они не существовали, не принадлежу и принадлежать не буду. Причисленный к Азиатскому департаменту Министерства Иностранных Дел Александр Алексеевич Адамов»³.

Местом службы Адамова стали районы, входившие в состав Османской империи и Персии. Он работал консулом в Басре, Багдаде и Кермане. В ходе сложных переговоров, связанных с проектом

³ Подробнее о нем см.: Сенченко И.П. Российская империя, Аравия и Персидский залив. Коллекция историй. СПб., 2018. Электронную версию см.: <https://iknigi.net/avtor-igor-senchenko/161038-rossiyskaya-imperiya-araviya-i-persidskiy-zaliv-kollekciya-istoriy-igor-senchenko/read/page-3.html> (последнее посещение: 02.10.2019).

1. А.А. Адамов. Палачи. Персия, начало XX в. МАЭ РАН № 1845-19.

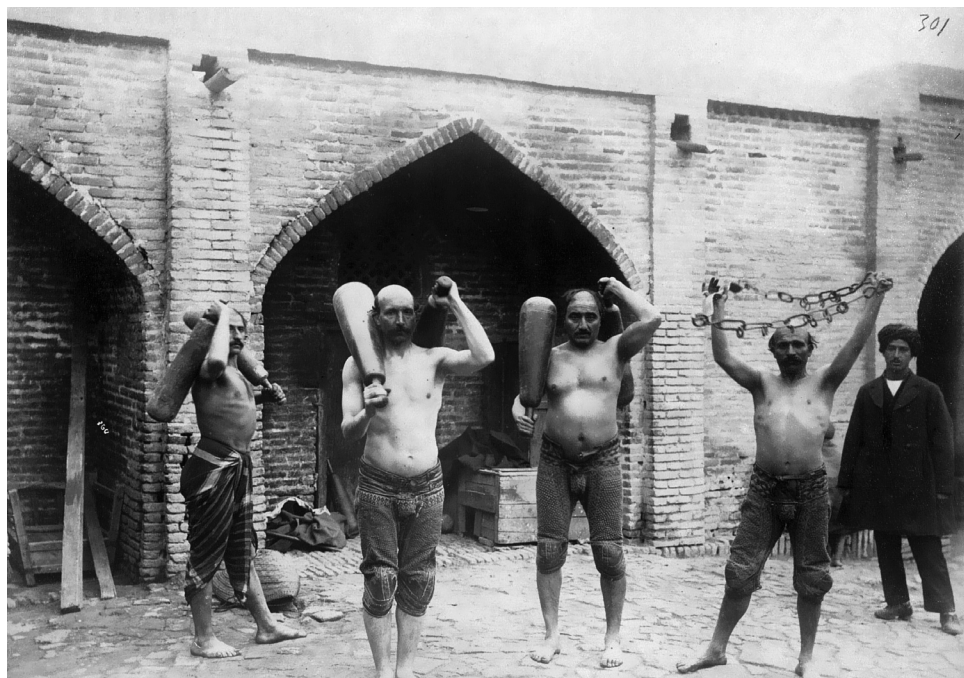
железной дороги от Берлина до Кувейта, при жестком противодействии англичан смог завоевать безусловное уважение иранских властей и местных шейхов, в будущем — основателей правящих династий арабских государств Залива. Накануне Первой Мировой войны был переведен в другую «горячую точку» — в город Эрзурум с многочисленным армянским населением. Донесения Адамова в настоящее время используются в качестве доказательства геноцида армян на территории Османской Империи. В Эрзуруме Адамов также документирует всплеск антирусских настроений, летом 1913 г. фиксирует деятельность эрзурумского проповедника Ахмеда Ихсана Эфенди, по прозвищу Араб Ходжа, который вскоре объявился в Баку, где вел активную агитацию против России и выполнял специальные задания турецких военных властей. В 1914 г. в Карсе и Тифлисе выявил деятельность турецкого разведчика Селима Пулада, установил появление в районе Карса членов младотурецкого движения Сабри Бея и Ибрагима Эфенди Дальзаде, которые вели активную антирусскую пропаганду и т. п.

2. А.А. Адамов. Скороходы. Персия, начало XX в. МАЭ РАН № 1845-42.

З. А.А. Адамов. Борцы-атлеты. Персия, начало XX в. МАЭ РАН № 1845-120.

Адамов, будучи сотрудником МИД, остался в истории не только как действующее лицо архивных записей Министерства иностранных дел, но также как серьезный исследователь Востока⁴. В 1911 г., после завершения работы в Бассорском вилайете Османской империи (нынешнем Ираке) он передал в МАЭ три предметных (46 ед. хр.)⁵ и богатейшую фотоиллюстративную коллекцию (253 ед. хр.)⁶, дополняющую иллюстративный ряд его монографии «Ирак Арабский», опубликованной годом позже.

Даже специалистам остается сегодня практически неизвестной книга Георгия Александровича Астахова (1897–1942) «По

⁴ См., например: Ирак Арабский. СПб., 1912. Электронную версию см.: <http://bookre.org/reader?file=585774> (последнее посещение: 02.10.2019); Электронную версию см.: <https://naukaprava.ru/catalog/435/840/4232> (последнее посещение: 02.10.2019).

⁵ МАЭ № 1846 «Предметы быта, культа, средства передвижения» (39 предметов, 12 номеров); МАЭ № 1844 «Предметы искусства» (5 предметов, 5 номеров); МАЭ № 1843 «Менажницы для сластей» (2 номера, 2 предмета).

⁶ МАЭ № 1845 «Фотографии типов и видов Ирана (Персии)» (253 предмета, 253 номера).

4. Г.А. Астахов.
Еврейские девочки.
Сана, Йемен, 1928 г.
МАЭ РАН № 3926-3.

Йемену», вышедшая в свет в 1931 г.⁷ Астахов — довольно известный востоковед-политолог довоенного периода, автор работ по современному положению Турции, Японии, арабских стран. В годы Гражданской войны он воевал на Кавказе, был редактором газеты «Коммунист» во Владикавказе, возглавлял информбюро РСФСР в Тифлисе (ноябрь 1920); с марта 1922 по осень 1923 г. — заведующий бюро печати полпредства РСФСР в Турции⁸, с марта 1924 — в полпредстве СССР в Германии. Посещал в Берлине восточный факультет университета. В 1930–1933 гг. — советник полпредства в Турции. Среди тем его научных интересов — экспедиция Н.К. Рериха, что, по всей видимости, было связано с обращением последнего к советским властям.

Его упомянутая выше и, безусловно, талантливая книга «По Йемену» связана с двумя командировками автора в эту страну 1928 г., где он сыграл ключевую роль в подготовке и подписании первого двустороннего договора о дружбе и торговле между СССР и Йеменским Мутаваккийским королевством.

Наблюдательность Астахова, занятого в Йемене достаточно напряженной работой, встречавшей серьезное противодействие конкурентов, сделала бы честь этнографу-профессионалу. Так, во время

⁷ Дело в том, что она была опубликована им под псевдонимом: Анкарин Г. По Йемену. М., 1931. Г.А. Астахов публиковался под псевдонимами Г. Гастов, Г. Анкарин, Ю. Тишанский.

⁸ См. Астахов Г.А. От султаната к демократической Турции: Очерки из истории кемализма. М.: Государственное Издательство, 1926. Книга состоит из статей, написанных автором во время пребывания в Турции, начиная с весны 1922 г. до осени 1923 г., и помещенных в периодической прессе и журнале «Новый Восток».

5. Г.А. Астахов.
Группа знатных
йеменцев из г. Манаха.
Йемен, 1928 г.
МАЭ РАН № 3928-26.

караванного перехода из Ходейды в Сану он тщательно фиксирует особенности ночных переходов, поясняет четкое «разделение труда» между верблюдами, ослами и мулами, которые традиционно использовались в караване для разных целей, отмечает смену породы верблюдов при переходе с равнины в горы⁹. Все это — важные и тысячелетиями отработанные элементы организации торговых караванов, которые в своей совокупности были проанализированы в научной литературе сравнительной недавно.¹⁰

6. Г.А. Астахов. Три жителя Тихамы
у шалаша из веток. Йемен, 1928 г.
МАЭ РАН № 3928-25.

По возвращении из Йемена он передал в МАЭ две фотоколлекции (№ 3928 и 3929, всего 47 ед. хр.) и традиционные йеменские сандалии из рыжей кожи (коллекция № 3927).

Говоря о своей миссии в Йемене, автор достаточно подробно пишет о том, что в те годы Турция предоставила в распоряжение Советской России большой политико-дипломатический потенциал в ближневосточном регионе и тем самым в значительной степени способствовала развитию

⁹ Анкарин. По Йемену. С. 31–45.

¹⁰ Подробнее см.: Бухарин, 2009: 20, 25–26, 238–239, 272.

советско-арабских отношений в период 20–30-х гг. XX в. Турецкие дипломаты не только по своим каналам обеспечили предварительные переговоры по организации поездок Астахова в Йемен, но и организовали взаимопонимание на месте. Его vis-a-vis в Йемене был карьерный турецкий дипломат Рагиб-паша, некогда служивший в Санкт-Петербурге и даже немного говоривший по-русски¹¹.

Успех Астахова в Йемене привел к возможности организации в эту страну киноэкспедиции, которую возглавил Владимир Адольфович Шнейдеров (1900–1973), известный всем советским людям как ведущий легендарной телепередачи «Клуб кинопутешествий». Летом 1929 г. «Межрабпром-фильм» совместно с германской компанией «Прометеус» отправил в Йемен киноэкспедицию для изготовления картины, «которая показала бы без прикрас и без неправдоподобной экзотики повседневный быт и героическую борьбу за независимость свободного арабского государства». Результатом работы экспедиции стало появление пяти фильмов «Эль-Йемен» (1929), «Мокко» (1930), «Сана» (1930), «Ходейда» (1930), «Ка-Яхуд», (1930) и книга «Эль-Йемен» (1931) Шнейдерова, вышедшая в свет в 1931 году. Оператором фильмов был Илья Моисеевич Толчан (1901–1989)¹². Сегодня этим документальным кадрам поистине нет цены. Это, безусловно, одна из первых и наиболее качественная профессиональная киносъемка, реализованная в те годы в Йемене.

Наконец, Олег Герасимович Пересыпкин — «один из самых ярких людей в поколении русских дипломатов, благодаря которым мы гордимся не только нашей прошлой политикой на Арабская Востоке, но и ее славным наследием»¹³. О.Г. Пересыпкин — доктор исторических наук, кандидат экономических наук, профессор Дипломатической академии МИД РФ, где сейчас он руководит Центром евразийских исследований имени Н. Бажановой Института актуальных международных проблем, заслуженный работник дипломатической службы России. Работал на дипломатических должностях в Северном Йемене, Ираке, Южном Йемене, в Йеменской Арабской Республике, в Ливии, Ливане. С 1986 по 1993 год — ректор Дипломатической академии и член коллегии МИД СССР. Член Союза журналистов СССР (1964), Союза писателей

¹¹ См. там же: С. 39–40, 55, 174.

¹² Подробнее см.: Выступление Ефима Резвана на ближневосточной экспозиции МАЭ РАН на Дне Йемена в Эрмитаже — <https://www.youtube.com/watch?v=Ij96r2F7RRo> (последнее посещение: 02.10.2019).

¹³ М.Б. Пиотровский. Поздравление О.Г. Пересыпкина с 80-летием. См.: <https://ros-vos.net/xxi/ud/ippo/5/> (последнее посещение: 02.10.2019).

7. О.Г. Пересыпкин. Курильница
для благовоний керамическая.
Йемен, середина XX в.
МАЭ РАН № 6767-33.

8. О.Г. Пересыпкин. Кофейник
из обожженной глины.
Та'из, Йемен, XX в.
МАЭ РАН № 6767-30.

СССР (1982). В переломные 1989–2001 гг. он возглавил Палестинское общество, которому по его инициативе было возвращено историческое имя, и сыграл решающую роль в его возрождении и в развитии новых форм взаимодействия России с арабским миром.

Его перу принадлежит более 20 книг¹⁴ и сотни научных и публицистических статей по ближневосточной тематике. Олег Герасимович внес серьезнейший вклад в изучение Йемена, без его поддержки было бы невозможно создание Советско-йеменской комплексной экспедиции. Именно с Йеменом связана коллекция № 6767, переданная

¹⁴ В том числе: В горах Южной Аравии. М., 1963 (в соавторстве); 10000 км по Месопотамии. М., 1968; Иракская нефть. М., 1969; От гор Синджара до пустыни Руб эль-Хали. М., 1974; Йеменская революция 1962–1975 гг.: Проблемы и суждения. М., 1979; На ближневосточных перекрестках. М., 1979 (1-е издание), 1983 (2-е издание); Сумерки Каира (под псевдонимом Олег Герасимов) М., 1980; Восточные узоры. М., 1984; Из дальних странствий возвратись... М., 2010; «Неформальные заметки» (Бейрут, на ар. яз.); Йемен и йеменцы в воспоминаниях российского дипломата» (Бейрут, на ар. яз.)

9. О.Г. Пересыпкин.
Двухрядная подвеска
на лоб. Сана, Йемен,
начало XX в. МАЭ РАН
№ 6767-13.

О.Г. Пересыпкиным в МАЭ в 1976 г. по возвращении из НДРЙ, где в 1971–1975 гг. — он служил советником посольства СССР¹⁵.

В настоящее время Международный центр исламских исследований МАЭ РАН и Фонд развития научных и культурных проектов AL MAQAM при поддержке губернатора Санкт-Петербурга Александра Беглова, Государственного Эрмитажа, Российского этнографического музея, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук, приступили к созданию в Санкт-Петербурге Музея-института исламской культуры. Несмотря на наличие в музеях страны богатейших коллекций, связанных с миром ислама, в России до сих пор нет профильного государственного музея. Можно говорить лишь о разделах, отдельных залах и экспозициях. При этом исторически сложилось так, что важнейшие в России коллекции, связанные с миром ислама, сформировались именно в Санкт-Петербурге. Музею передается замечательное здание — особняк архитектора А.П. Брюллова (Кадетская линия, д. 21, здесь некогда размещался музей «Старый Петербург»).

Уже сейчас будущий музей формирует свою выставочную программу, и одна из первых выставок, которая запланирована нами к показу, будет посвящена этнографическим коллекциям российских дипломатов, их бескорыстному вкладу в научное изучение народов Востока и популяризацию их культурного наследия.

¹⁵ МАЭ № 6767 «Одежда мужская и женская, женские украшения, сельскохозяйственный инвентарь, посуда, плетеные изделия» (40 предметов, 38 номеров).

КИПРСКАЯ ИКОНА «СВЯТОЙ МАМАНТ»: ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ АЛЕКСАНДРИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В византийской коллекции Эрмитажа хранится небольшая иконка с изображением святого с овечкой на руках, сидящего на грозном льве. В правом нижнем углу, под поднятой лапой льва, — коленопреклоненная фигура донатора, видимо, заказчика иконки (Инв. № - 1-12). Написана она на цельном куске кипрского кедра², имеет неглубокий ковчег со скошенной лузгой. При этом следует отметить одну особенность: боковые (вертикальные) поля ковчега вырезаны из основного массива иконного щита. В то время, как верхняя и нижняя планки полей являются накладными и крепятся на деревянных гвоздиках. Однако и эти планки сделаны из того же дерева — кедра. Ширина полей — 1,0 см. На основу наклеена паволока, которая заходит на боковые вертикальные поля ковчега. Поля и лузга — темно-красного цвета, фон темный, возможно, первоначально был синим. Оборот иконы гладкий, покрыт левкасом, также как и боковые торцы. Размеры: 27,3 × 23,0 × 1,2 см.

На лицевой стороне представлен юный святой верхом на льве, держащий в правой руке крест, а в левой руке овечку и пастуший посох. Вокруг головы святого — золотой нимб, очерченный двойной линией с белыми кружками по внешнему краю (имитация жемчужин). На фоне, по сторонам нимба, — красные надписи на золотом фоне в двух прямоугольных картушах: слева «+ΑΓΙΟΣ», справа картуш поврежден, но хорошо видна буква «М» в середине имени святого, что позволяет реконструировать его как «ΜΑΜΑΣ». Святой молодой, безбородый с курчавыми волосами. Он одет в зеленую тунику, украшенную по подолу широкой орнаментальной полосой охряного цвета, и красный плащ с золотой обводкой и золотым декором по вороту; плащ заколот на правом плече фибулой; на ногах красные с золотом башмаки. Лев крупный, голова изображена в анфас с оскаленными зубами;

¹ Пятницкий Юрий Александрович, старший научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, хранитель византийской и поствизантийской жипописи.

² Основа иконы несколько раз подвергалась анализу для определения породы дерева. Первоначально в 1976 году было дано заключение, что это кипарис или ель, затем в 1990 и 1996 годах — пиния (*Pinus* sp) — и последнее определение попало в публикации; наконец в 2001 году после тщательного исследования было выявлено, что для иконы использован кипрский кедр.

Илл. 1. Икона «Святой Мамант». Кипр, 1240-е годы.
Государственный Эрмитаж.

массивная грива окаймляет морду и спадает ярусами до передних лап; хвост с кисточкой на конце, на лапах — белые крупные когти. Интересно, что хвост льва частично заходит на красное поле лузги и ковчега. По контуру и в тенях фигура льва обведена черной линией. В правом нижнем углу — фигурка в профиль молодого мужчины (донатора), стоящего на коленях с молитвенно поднятыми перед грудью руками:

он обращается с мольбой к святому Маманту. Донатор облачен в западноевропейское платье: зеленую тунику и синий плащ без рукавов типа таперта. Позем покрыт скалистыми горками коричневатого-красноватого тона с крупными плоскими лещадками, пройденными пробелами. Среди скал полупрозрачными линиями намечены несколько кустиков и трав.

Икона была расколота посередине, скол косой, как от удара мечом или саблей. Склеена, но по сколу утрата левкаса и паволоки, из-за чего немного пострадало изображение святого. Утрачен левкас с живописью на верхнем и нижнем поле, значительная утрата в правом верхнем углу, повредившая золотой картуш с именем святого; частично утрачено изображение донатора (ноги). Расколота икона видимо была склеена еще в древности, по крайней мере, в 1861 году, когда она была найдена в Александрии и затем привезена в Россию, никто из упоминавших ее, не писал, что она состоит из двух частей. Со временем старая склейка разошлась, и в 1960 году икона поступила в Реставрационную мастерскую Эрмитажа расколотой на две части. Согласно протоколу № 7903 от 30 мая 1960 года, доска была расколота на два отдельных фрагмента, а живопись по всей поверхности нуждалась в укреплении. Работы проводились со 2 по 8 июня 1960 года одним из лучших реставраторов музея Александрой Маловой. Доска ею была склеена, а живопись укреплена и притерта мастичным лаком³.

В Государственный Эрмитаж икона поступила в 1930 году из Государственного Русского музея, вместе с другими греческими и балканскими иконами. Однако удалось установить, что она была найдена в Александрии весной 1861 года, и проследить ее путь в Санкт-Петербург. В России эта интересная икона появилась благодаря двум выдающимся русским ученым, путешественникам и общественным деятелям: архимандриту (позднее епископу) Порфирию Успенскому и Аврааму Сергеевичу Норову. А в музейную коллекцию она попала благодаря князю Григорию Григорьевичу Гагарину, вице-президенту Императорской Академии художеств, некогда начинавшему свою карьеру секретарем Российского посольства в Константинополе.

Хорошо известны знаменитые путешествия на Восток архимандрита Порфирия Успенского, подробно описавшего их и в книгах, и в своих дневниках, изданных уже после его кончины. В ноябре 1860 года, недавно вернувшийся из почти трехлетнего путешествия по Востоку,

³ Архив Мастерской реставрации станковой живописи Государственного Эрмитажа, протокол № 7903.

Илл. 2. Деталь иконы «Святой Мамант» Государственного Эрмитажа.

архимандрит находился в Одессе, ожидая распоряжений о своей дальнейшей судьбе. Однако по настоянию Министерства Иностранных дел и Святейшего Синода он вынужден был вновь собраться в дорогу и отправиться в Египет. Цель поездки он знал еще в 1858 году — переговоры с коптским патриархом, но всячески старался избежать этой миссии. Строгое повторное распоряжение из Санкт-Петербурга осенью 1860 года заставило его еще раз поехать на Восток. Позднее, в своем отчете он указал: чтобы «возобновить свои сношения с коптским духовенством в Египте»⁴. Архимандрит Порфирий на пароходе «Олег» прибыл 20 ноября в Константинополь, а оттуда 30 ноября, как свидетельствует запись в его дневнике, «в пять часов по полудни австрийский пароход “Люциферо” повез меня в Смирну»⁵. В Смирне он ожидал австрийский

⁴ Порфирий Успенский, архимандрит. Отчет о деловых, ученых и художественных занятиях архимандрита Порфирия с 1855-го по 1863-й год // Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910. С. 695

⁵ Порфирий Успенский, епископ. Книга Бытия моего. Дневники и автографические записки. Т. 7. Часть 1854 года и годы 1855, 1856, 1857, часть 1858 и годы 1859, 1860 и часть 1861-го. СПб, 1901. С. 289.

пароход «Императрица», на котором 6 декабря отправился в Бейрут. Затем на том же самом пароходе прибыл 15 декабря в Александрию, а оттуда 24 декабря 1860 года направился по железной дороге в Каир, выполнять возложенную на него миссию. В Каире он пробыл до 22 февраля 1861 года и вновь вернулся в Александрию.

В своем дневнике 5 марта архимандрит записал, что «Еще в Каире патриаршие клирики говорили мне, что в Александрии, близ Помпеевой колонны, недавно открыта подземельная христианская усыпальница (катакомба) с церковью в ней, с саркофагами и похоронными ложами для мертвых тел, и что это место приобретено патриархией, <...>»⁶. Прибыв в Александрию, архимандрит Порфирий смог своими глазами увидеть и подробно описать эту усыпальницу, а также изучить предметы, найденные в ней. Их, по его свидетельству, было немного: медная монета римского императора Септимия Севера, медная монета византийского царя «Константина Младшего», фрагмент мраморного сосуда в виде большой рюмки, мраморная плитка с прочерченной на ней птицей, небольшая иконка «Святого Мамы, едущего на льве» и «напрестольный покровец с вышитым на нем золотыми нитями ликом Иисуса Христа, как архиерея великого, возлагаемый на Святые Дары по освящении их»⁷. По просьбе отца Порфирия все эти предметы были взяты на сохранение в Генеральное российское консульство в Александрии, секретарем которого был русский немец, протестант Залеман.

Усыпальницу ученый архимандрит осмотрел первый раз 5 марта, в воскресенье, и оставил ее подробное описание, сопровождаемое своими «научными» изысканиями. Для подтверждения своих мыслей и идей он привлекал предметы, найденные в катакомбе⁸. Из этого описания отца Порфирия для нас интересны некоторые детали. Катакомба была расположена близ колонны Помпея, за городскими стенами; причем над нею на поверхности земли он обнаружил остатки мозаичного пола, из чего сделал вывод, что здесь находилось «богослужebное здание». В саму усыпальницу вели две лестницы, вырубленные в породе. Причем первая лестница в девять ступеней вела в первую высокую двухъярусную камеру с высеченными ложами. Вторая лестница в 24 ступени вела во второе отделение, где, по мнению отца Порфирия, происходило прощание с покойником, и которое первоначально было отделено от первой камеры глухой стеною, разломанной впоследствии.

⁶ Там же. С. 362.

⁷ Там же. С. 362.

⁸ Там же. С. 362–370.

Илл. 3. Фигура донатора на иконе «Святой Мамант» Государственного Эрмитажа.

В усыпальнице архимандрит обнаружил три пустых саркофага, «глубоко опущенные в землю», а на потолках и стенах — росписи с ликами святых и сценой «Насыщение хлебами пяти тысяч человек». Оставим без комментариев реконструкцию истории этой катакомбы, предложенную достопочтимым Порфирием, также как и его чтение надписей, в том числе на мраморной пластинке с голубем. Однако важным представляется его наблюдение, что катакомба была замурована, завалена и забыта еще в древности. Он полагал, что это произошло в VIII веке, поскольку этим временем датировал икону «Святой Мамант», которую считал коптской. Действительно, время закрытия катакомбы, скорее всего, указывает именно эта икона. Правда, она, по нашему мнению, является памятником не коптской, а кипрской живописи и более позднего времени — середины XIII столетия. К ее атрибуции мы вернемся немного позднее.

В своем дневнике архимандрит Порфирий довольно подробно описал икону, правда он не разобрал, что в руке у святого белая овечка, приняв ее за «запечатанное письмо» и отсюда сделал фантастический вывод, что святой Мамант развозил царские указы. Правда, он тут же благоразумно добавил, что «Четь-минейных сведений о нем я пока не имею»⁹. Вместе с тем, это первое описание иконы, несомненно, представляет интерес — ведь это свидетельство почти очевидца находки, поэтому позволим привести его полностью: «Ах! Забыл! Вспомнил! Ведь я видел найденную там икону Св[ятого] Мамы. Эта икона, написанная на д[о]ске яичными красками, не древнее восьмого века, в который египетские магометане начали угнетать своих подданных христиан. В сей век или следующий александрийская катакомба была заперта, завалена и потом забыта до наших дней. В ней забыта была и икона Св[ятого] Мамы. Она мала, не изящна, даже невзрачна. Но замечателен на ней лик этого Святого. Он едет на льве, держа в руке запечатанное письмо и развевающийся значок. Стало быть, он, как и мученик Зинов, служил в отряде тех воинов, которые скоро развозили всюду царские указы»¹⁰.

Несмотря на то, что овечку на руках святого отец Порфирий принял за «запечатанное письмо», а пастушеский посох — за «значок», он совершенно правильно определил имя святого (возможно надпись была тогда не столь сильно повреждена), и указал, на важность этого памятника древней живописи. Остается не очень понятным, почему

⁹ Там же. С. 370.

¹⁰ Там же. С. 370.

архимандрит рекомендовал перенести найденные в катакомбе древности в российское консульство и не попытался приобрести их. Возможно, у него не было свободных денег на обязательный в таком случае «бакшиш», возможно, были другие, пока нам неизвестные, причины. Однако именно благодаря настойчивости архимандрита Порфирия, древности оказались на территории российского консульства.

В ноябре 1861 года Александрию посетил Авраам Сергеевич Норов, известный политический деятель, путешественник и ученый. Это был уже не первый его приезд в Египет. Он бывал здесь в 1834–1835 годах, рассматривая поездку по Египту и Нубии, как своеобразное «историческое введение» к будущему посещению Святой Земли¹¹. Когда зимою 1834 года корабль приблизился к берегам Египта, первая встреча с египетским берегом взволновала путешественника; он записал в дневнике: «Я смотрел с восторгом, как солнце, выходя из-за песчаных холмов, увенчанных несколькими пальмами, впервые осветило для моих взоров колыбель наук юного мира! Первые воспоминания, пробудившиеся во мне, были Библейские, — как-бы невольно вылетело из уст моих “Из Египта возвах сына Моего:” тут колоссальный образ Моисея, с распростертыми дланями над народом Израильским, предстал моему воображению!...»¹².

Вид некогда прославленной столицы Египта оставил менее взволнованное впечатление: «Александрия представляет небольшую груду белых зданий, между которыми отличаются на оконечности мыса дворец паши и на отдельной скале крепостца с маяком, — заменившая знаменитый фарос. Левее, перед новою гаванью, выглядывал шпиц обелиска Клеопатры; а вправо, совсем за городом, высилась уединенная колонна Помпеева — всё это на плоском, безжизненном, песчаном берегу, где очень изредка виднелось несколько пальмовых вершин; — всё предвещало знойную Ливию»¹³. Рассматривая панораму Александрии, он также заметил: «К западу, из-за густых пучков пальм, возносится на уединенном холме, между морем и озером Мареотисом, колонна Помпея»¹⁴. Подробно саму колонну он осмотрел только в день отъезда из города: «Я вышел из Александрии чрез ворота, называемые именем Помпея; они окружены пальмовою рощею; <...>. Торжественный памятник, носящий имя Помпея, теперь отброшен за город и стоит

¹¹ Норов А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 г. Ч. 1. // Путешествия А. С. Норова. Изд. 2. Т. 1, 2 СПб., 1853.

¹² Там же. С. 31.

¹³ Там же. С. 32, 33.

¹⁴ Там же. С. 38.

на краю пустыни и мертвого озера Мареотийского. Масса колонны величественна, положение на холме в виду моря, живописно; — воспоминания оттеняют картину своими красками; но уединение этого памятника печаливает зрителя <...>. Теперь даже сомневаются, кому воздвигнут этот памятник? И Помпей, и его победитель, и Александр Македонский, и Фараоны, — все эти имена суть теперь: “яко медь звенящая или кумвал звяцай!” (Посл. Св. Ап. Пав. к Коринф. XIII/1). <...> Но хотя имя Помпея присвоено этой колонне веками, я скорее согласен с теми, которые принимают ее за памятник основателю Александрии, герою Македонскому. Согласно описанию Страбону, здесь должны были находиться царские палаты <...>. Так как катакомбы Некрополиса подходили под самое это место, то вероятно здесь находилась и гробница Александра. <...> По всем соображениям, я полагаю, что колонна стоит на том месте, где стояла гробница Александра, и несомненно есть его надгробный памятник. Всё основание монолита подъедено временем, так, что большая часть колонны касается пьедестала только серединою, и кажется, что малейшее сотрясение должно ее обрушить <...>. Некто заметил, что холм, на котором воздвигнута колонна, есть искусственный, потому что у подошвы его обнаруживается от осыпающейся земли кирпичное основание; но это остатки зданий, которые окружали колонну близ храма Сераписова»¹⁵. Поскольку А.С. Норова торопили выехать из Александрии, из-за боязни чумы, то он не успел внимательно осмотреть развалины: «Я не проникал также в катакомбы, которые, как говорят, простираются очень далеко; они полуобвалились и ничего не заключают замечательного; я удовольствовался прогулкою по грудам Некрополиса»¹⁶. Это описание А.С. Норова представляет для нас определенный интерес. В окрестностях колонны Помпея находились обширные катакомбы, частично обрушенные. Несомненно, что в позднеантичное — раннехристианское время они использовались не только для захоронений, но и для христианских собраний, а некоторые были приспособлены и для богослужения. Аналогичную роль они могли играть и в более поздний период.

Во время второго посещения Александрии в ноябре 1861 года, А.С. Норов не мог не уделить внимания колонне Помпея, поскольку всего несколькими месяцами ранее, в феврале 1861 года, около нее была раскрыта подземная усыпальница. Путешественник записал свои впечатления: «Не более заботится здешнее беспечное правительство

¹⁵ Там же. С. 49–52.

¹⁶ Там же. С. 53.

Рис. 4. Икона «Святой Мамант». Кипр. Вторая половина XIII века.
Церковь Панагии Кафолики, Пелендри.

о классической колонне Помпея, которой недолго остается служить дальнейю целью для жадных взоров пловцов, так трудно различающих с моря плоский берег Египта, основание ее пьедестала со всех сторон подъедено временем, что я заметил уже при первом моем путешествии. Этот памятник при выезде из города к озеру Мареотискому, стоит также пустынно, как прежде. Под холмом, на котором он основан, недавно открыты катакомбы, в которых находилась некогда одна из первоначальных здешних христианских церквей. Некоторые фрески этой подземной церкви еще сохранились, и мы срисовали один из них более уцелевший, изображающий умножение пяти хлебов и семью рыб¹⁷. Надобно заметить, что под этими фресками скрываются еще два пласта других древнейших фресков»¹⁸.

В Генеральном Российском консульстве ему показали древности, найденные в катакомбе. Хотя он с интересом осмотрел их, но высказал порицание. По его мнению, в задачи генерального консульства не входит собирание древних памятников и их хранение в помещении консульства; для этого существуют музеи. Однако, поскольку на тот момент в Александрии соответствующего музея не было, то А.С. Норов решил забрать древности с собою в Россию, чтобы поместить их в надлежащее хранилище. Возвратившись с российскую столицу он, действительно, передал их в Азиатский департамент Министерства Иностранных дел. Из последующих документов, которые мы приводим ниже, следует, что привезены были: икона «Святой на льве», шитое золотом изображение «Иисус Христос Великий Архиерей» и восемь медных монет: три Константина II и по одной — Константина Великого, Юстина I, города Константинополя, александрийская Александра Севера и «сувенир на смерть Константина Великого». Если первые два предмета вне всякого сомнения относятся к находкам в гробнице у колонны Помпея, то к двум монетам, упомянутым архимандритом Порфирием (он определил их как монеты византийского императора «Константина Младшего» и римского Септимия Севера), были добавлены еще шесть древних монет, либо приобретенных самим А.С. Норовым, либо из хранившихся в консульстве, но необязательно найденных в данной гробнице. Судьба мраморной пластинки с голубем и «рюмки» пока не прослеживается. Привезенные А.С. Норовым древности

¹⁷ В тексте А.С. Норова сноска: «Рисунок этот я передал Моск[овскому] Археол[огическому] общ[еству]».

¹⁸ Норов А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878. С. 8.

хранились в Канцелярии Азиатского департамента и не совсем было понятно, что с ними дальше делать. Вмешался случай...

В 1860-х годах в Санкт-Петербурге славились вечера в доме князя Г.Г. Гагарина, вице-президента Императорской Академии художеств. Князь пытался познакомить и объединить всех, кто интересовался изящными искусствами. Поэтому на его вечерах можно было встретить представителей разных слоев общества: аристократов, чиновников, артистов, художников. Одни приходили из любопытства, другие из «уважения» к начальству, третьи, из-за пикантной новизны; однако, несмотря на все усилия хозяев дома, все держались кружками и боялись «потерять лицо». Аристократы были высокомерно холодны; чиновники, как правило, скучны и замкнуты; художники неловки и робки. По-видимому, на одном из таких вечеров во второй половине 1863 года князь Г.Г. Гагарин услышал от своих бывших сослуживцев по Азиатскому департаменту Министерства Иностранных дел о древностях, привезенных из Александрии А.С. Норовым, в частности об иконе с изображением святого верхом на льве. Князь сразу же предпринял попытку заполучить редкости, в первую очередь икону, для своего любимого детища: Музея Древнерусского искусства Императорской Академии художеств. Однако встретил неожиданное препятствие. Как в свое время А.С. Норова смутило хранение в Генеральном Русском консульстве в Александрии «непрофильных» древностей, так и чиновников Азиатского департамента в Санкт-Петербурге смущала «древняя православная святыня»; неопределенность ее статуса — «древность» или «святыня», — не позволяли принять четкое решение о дальнейшем месте хранения иконы. Однако опытный дипломат и царедворец князь Г.Г. Гагарин быстро нашел выход. Он переговорил с директором Азиатского департамента графом Н.П. Игнатьевым и обер-прокурором Святейшего Синода А.П. Ахматовым, и достиг соглашения, что икона будет направлена Азиатским департаментом обер-прокурору, а тот в свою очередь, сразу же передаст ее в распоряжение вице-президента Академии художеств. Так и произошло.

20 января 1864 года в Канцелярию обер-прокурора, вместе с письмом за № 200, подписанным вице-директором Азиатского департамента, были посланы икона святого на льве, шитое изображение Иисуса Христа и восемь медных монет, привезенные из Египта А.С. Норовым.

«Действительный Тайный советник Норов доставил в Азиатский департамент найденный в окрестностях Александрии в древней подземной христианской церкви образ древней иконописи, хранившийся при Генеральном консульстве нашем в Александрии.

Азиатский департамент считает долгом препроводить при сем означенный образ в Канцелярию г[осподина] обер-прокурора Святейшего Синода, в том предположении, что может быть она сочтет возможным найти приличное помещение этой святыне и любопытному остатку древнего искусства»¹⁹.

В свою очередь обер-прокурор А.П. Ахматов направил князю Г.Г. Гагарину письмо за № 464 от 23 января 1864 года с уведомлением о перенаправлении древностей князю, в соответствии с их предшествующей договоренностью. Любопытно, что письмо Г.Г. Гагарину было, по его просьбе, направлено в Кострому, где он находился в то время, а на конверте был указан адрес матушки Марии, игуменьи Богоявленского Андреевского женского монастыря.

«Милостивый Государь,
Князь Григорий Григорьевич.

Действительный Тайный советник Норов прислал в Азиатский департамент найденный в окрестностях Александрии в древней подземной христианской церкви образ древней иконописи, хранившейся при Генеральном консульстве нашем в Александрии.

Образ этот доставлен ныне ко мне в том предположении, что не будет ли признано возможным найти приличное помещение такой святыне и любопытному остатку древнего искусства.

Долгом поставляю, вследствие нашего с Вами разговора икону, а равно и присланные вместе с тем шитое изображение Спасителя и древние монеты препроводить на благоусмотрение Вашего Сиятельства, покорнейше прося о последующем почтить меня уведомлением.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.
А.П. Ахматов»²⁰.

Сами древности, по-видимому, были отосланы из Синода непосредственно в Императорскую Академию художеств, где были осмотрены хранителем Древнерусского музея В.А. Прохоровым, а для монет была проведена экспертиза известного нумизмата, начальника II Отделения Императорского Эрмитажа Б.К. Кёне. По крайней мере уже 27 января, то есть через четыре дня после посылки письма из Синода, князь Г.Г. Гагарин направил благодарственное письмо А.П. Ахматову за № 328.

¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 34 (I отделение). Д. 39. Л. 1. Оригинал.

²⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 34 (I отделение). Д. 39. Л. 2–2 об. Отпуск; РГИА. Ф. 489. Оп. 4-1863 г. Д. 169. Л. 8–8 об. Оригинал с пометами о судьбе монет.

«Милостивый Государь
Алексей Петрович

Получив при письме Вашего Превосходительства от 23 сего января за № 464 найденный в древней христианской подземной церкви около Александрии образ древней иконописи, хранившийся при Генеральном консульстве нашем в Александрии, а равно шитое изображение Спасителя, имею честь Вас, Милостивый Государь, уведомить, что эти любопытные остатки древнего искусства очень приятно иметь для пополнения устраиваемого при Императорской Академии художеств Музея древней иконописи и русских древностей. Что же касается до древних монет препровождаемых при сем обратно, с объяснениями сделанными г[осподином] Кёне, то, они не могут быть полезными Академии, по имению при ней никакого нумизматического собрания.

Примите Милостивый Государь, уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.

Князь Григорий Гагарин»²¹.

Возвращаемые монеты были перечислены на отдельном листе:

«Constantin II. 3 pieces.

Constantin le Grand

Ville de Constantinople

Justin I

En souvenir de le mort de Constantin le Grand

Alexandre Severe. Alexandrie»²².

Дальнейшая судьба монет нам неизвестна. Сведений о передаче в это время каких-либо монет из Синода в Минцкабинет Императорского Эрмитажа в учетных документах не имеется. Возможно, они нашли пристанище либо в музее одной из Духовных Академий, либо в каком-либо нумизматическом или археологическом обществе.

Живописная икона святого на льве и шитый образ Спасителя были приняты на хранение в Древнерусский музей Академии художеств. Атрибуция шитого золотом изображения Иисуса Христа достойна отдельной публикации. Мы же сосредоточим свое внимание на живописной иконе. Поступив в январе 1864 года в Музей Древнерусского искусства, икона «Святой Мамант» растворилась среди других памятников

²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 34 (I отделение). Д. 39. Л. 3–3 об. Оригинал. Помета на л. 3 об.: «Возвращенные 8 монет принял [подпись неразборчива. — П.Ю.]».

²² РГИА. Ф. 797. Оп. 34 (I отделение). Д. 39. Л. 4. Оригинал. Пометы карандашом: «Доставлены эти монеты с письмом», «Все медные представлены Его Пре[восходительству]ву 2 февр[аля]».

византийской, поствизантийской и ранней итальянской живописи. В первом рукописном каталоге, составленном в 1865 году заведующим музеем В.А. Прохоровым, она была описана, как «Св[ятой] (?) сидящий на льве (прислан г[осподином] Норовым. Коптская)»²³. Отнесение к коптской живописи было сделано исключительно на основании находки иконы в Александрии в Египте.

В конце XIX века был положительно решен давно и активно обсуждавшийся вопрос о создании государственного музея национального искусства. Император Николай II подписал 13 апреля 1895 года указ об учреждении «Русского Музея Императора Александра III», которому передавался незадолго до этого приобретенный в казну Михайловский дворец. Для наполнения нового музея было постановлено передать в него произведения русской школы из Императорской Академии художеств, Императорского Эрмитажа и пригородных дворцов. В этих обстоятельствах правление Императорской Академии художеств выступило с инициативой передать в новый музей в полном составе и Музей Древнерусского искусства, который из-за ремонта помещений уже несколько лет находился в упакованном виде. В конце 1897 года его экспонаты были срочно перевезены в Русский музей, где составили Отделение Христианских древностей. Вместе с другими экспонатами была перевезена икона «Святой на льве», которой присвоили инв. № 198. Торжественное открытие для публики Русского музея императора Александра III состоялось 7 марта 1898 года. К нему было издано краткое «Обозрение» залов Отделения Христианских древностей, составленное Н.П. Лихачевым (иконы) и М.П. Боткиным (прикладное искусство). В 1902 году оно было переиздано в связи с изменениями, сделанными в экспозиции. В первоначальную экспозицию 1898 года икона «Святой Мамант», видимо не была включена; по крайней мере она отсутствует в «Обозрении» Н.П. Лихачева 1898 года. А вот уже в издании 1902 года, зафиксировавшем переделанную экспозицию, она упоминается; ее местонахождение в зале можно видеть на старых фотографиях²⁴.

²³ Прохоров В.А. «Каталог Иконописного и русского Археологического музея Императорской Академии художеств». Рукопись. - РГИА. Ф. 472. Оп. 19 (118/955). Д. 38. Л. 8 об.

²⁴ Экспозицию 1900-х годов можно видеть на архивных фотографиях, неоднократно публиковавшихся. Одно из последних воспроизведений: Туминская О.А. Памятники Музея христианских древностей Императорской академии художеств в экспозиции древнерусской живописи в Русском музее // Возвращение к истокам. Воспоминания о Музее христианского искусства Академии художеств: сб. научн. ст. Вып. 1. СПб., 2019. Рис. на с. 15–19, особенно рис. 3, где видна икона «Святой Мамант».

Хотя еще в марте 1861 года архимандрит Порфирий Успенский правильно определил имя святого: «Святой Мама» (Мамант)²⁵, но в Русском музее икону считали изображением святого Герасима. Именно так она была описана Н.П. Лихачевым: «Св[ятой] Герасим, едущий на льве, небольшая икона, интересная по композиции и довольно старая по письму»²⁶. Эту ошибку повторил позднее Н.П. Кондаков в фундаментальном исследовании «Русская икона». Он упомянул памятник «среди любопытных по темам икон греко-восточного пошиба», назвав изображенного святого Герасимом: «юного, аки Георгия, едущего на “стильном” льве и с барашком у пазухи по красным холмам Эздрелонской или Иорданской пустыни, — вероятно палестинская, паломническая икона».²⁷ Н.П. Кондаков совершенно справедливо отметил паломнический характер данной иконы, и, судя по контексту, он рассматривал ее, как памятник собственно Византийского времени. Отнесение же иконы к Палестине произошло из-за неверного определения сюжета, поскольку культ святого Герасима был особенно распространен в Палестине.

Только в Советское время в экспозиции 1928 года Государственного Русского музея, как он стал называться после Октябрьской революции 1917 года, хранитель А.П. Смирнов вновь правильно назвал имя изображенного святого — Мамант. Однако он отнес икону к работе Критского мастера XV века²⁸. Экспозиция просуществовала недолго, она была свернута в 1930 году. Связано это было с «размежеванием» коллекций между Русским музеем и Эрмитажем. Последний передал произведения древнерусского прикладного искусства и археологические находки, а первый — почти все византийские, греческие и балканские иконы. Таким путем образ «Святой Мамант» поступил в 1930 году в Государственный Эрмитаж, где хранится сегодня под инв. № I-12.

С Кипром данный памятник впервые связал Давид Тальбот Райс в 1935 году в своей фундаментальной монографии об иконах Кипра. Он указал, что большинство изображений, где святой Мамант представлен на льве с овечкой и пастушеским посохом в руках, являются кипрскими произведениями. В примечании он добавил «как, например,

²⁵ Порфирий Успенский, епископ. Книга Бытия моего. СПб, 1901. С. 362, 370.

²⁶ Лихачев Н.П. Краткое обозрение икон, находящихся в залах XIX–XXI // Обозрение Отделения христианских древностей в музее Императора Александра III (Краткое описание зал XVIII–XXI, с приложением одной фототипической таблицы). СПб., 1902. С. 13.

²⁷ Кондаков Н.П. Русская икона. Текст. Часть первая. Прага, 1931. Т. III. С. 105.

²⁸ Смирнов А.П. Памятники византийской живописи. Краткий путеводитель. Л., 1928. С. 29. Кат. № 198.

икона в Эрмитаже».²⁹ Несомненно, что речь идет об исследуемом памятнике, поскольку в нашей коллекции нет других икон святого Маманта. Знала об этом произведении и О.А. Белоброва, занимавшаяся «кипрской темой» в древнерусской литературе и искусстве. В 1980-х годах автор данной статьи специально изучал данную икону, рассматривая ее именно как кипрскую. В вопросе о датировке я вначале, вслед за А.П. Смирновым, посчитал ее поствизантийским произведением, возможно XV–XVI веков.³⁰ С этой атрибуцией икона была показана в 1991 году на выставке «Византия и византийские традиции» в Эрмитаже и опубликована мною в путеводителе.³¹ Получив возможность ознакомиться с памятниками, хранящимися в музеях Греции, в монастырях Афона, Патмоса и Синая, я пересмотрел высказанную ранее атрибуцию, и отнес образ «Святого Маманта» приблизительно к середине XIII столетия, продолжая считать его произведением кипрского мастера.³² С этой атрибуцией икона экспонировалась в 2000 году в Эрмитаже на выставке «Синай, Византия, Русь. Православное искусство с VI до начала XX века»³³ и упоминалась в других публикациях³⁴.

В Восточно-христианской Церкви почитаются несколько святых по имени Мамант³⁵. Наиболее развитым и известным является культ

²⁹ Talbot Rice D. The Icons of Cyprus. London, 1935. P. 87 note 3; ошибочно указано, что икона происходит из коллекции Н.П. Лихачева.

³⁰ Пятницкий Ю.А. Кипрская икона «Святой Мамант» // СГЭ. СПб., 1995. Вып. 56. С. 56–58.

³¹ Пятницкий Ю.А. Кипр // Византия и византийские традиции (Памятники из фондов Эрмитажа и Русского музея). Путеводитель по выставке. Л., 1991. С. 36, илл. на с. 69.

³² Пятницкий Ю.А. Икона «Св.Мамант» из катакомб Александрии // Копты. Религия, культура, искусство. Тезисы докладов участников научной конференции, посвященной памяти В. Г. Бока (1850-1899). СПб., 1999. С. 29–31.

³³ Piatnitsky Yu., Baddeley O., Brunner E., Mundell Mango M. (eds.) Sinai, Byzantium, Russia. Orthodox Art from the Sixth to the Twentieth Century. [Exhibition catalogue]. London, 2000. P. 137, 138. Cat. B-113.

³⁴ Piatnitsky Yu. Monuments of Medieval Cyprus // The Hermitage Museum of St Petersburg. The Greek Treasures. Athens, Ephesus Publishing, 2004. P. 250–271.

³⁵ Безобразов П. Византийские сказания. Ч. 1. Рассказы о мучениках. Юрьев, 1917. С. 177–180; Μαράβα-Χατζηνικόλαου Α. Ο Άγιος Μάμας. Αθήνα, 1953. P. 45–100; Réau L. Iconographie de l'art chretien. T. 3. Part 2. Paris, 1958. P. 866–868; Lexikon der Christlichen Ikonographie. Roma; Freiburg; Basel; Wien, 1975. Bd. 7. S. 483–488; Сергей (Спаский) архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Т. 3. Святой Восток. М., 1997 (репринт Владимир, 1901). С. 351–353; Stylianou A. and Stylianou J.A. The Painted Churches of Cyprus. Treasures of Byzantine Art. Second edition. Nicosia, 1997. P. 252–253.

святого Маманта Кесарийского, пострадавшего в III веке; день его памяти — 2 сентября. Изображения этого святого имеются в Гомилиях Святого Григория Назианзина XI–XII веков³⁶, в том числе в рукописях Парижской Национальной библиотеки (gr. 533, f. 34; gr. 550, f. 30)³⁷, монастырей Дионисиат (gr. 61, f. 17) и Святого Пантелеймона (gr. 6, f. 37v) на Афоне³⁸, монастыря Святой Екатерины на Синае (gr. 339, f. 42v, 53)³⁹, библиотеки Иерусалимского патриархата (gr. 14, f. 27)⁴⁰. Во всех этих манускриптах сцены со святым Мамантом носят пасторальный характер. Напротив, в Менологии Василия II около 985 года в Ватиканской библиотеке (Vat. gr. 1613) представлена мученическая кончина святого⁴¹. Особо следует отметить миниатюры грузинской рукописи XII–XIII веков, где святой Мамант изображен и в пасторальных сценах, и верхом на льве⁴². В поствизантийских росписях тема мученичества святого Маманта получит широкое распространение, например, в фресках Янины⁴³. Довольно часто святой Мамант встречается в византийских росписях, особенно в фресках Каппадокии. Обычно он изображался фронтально в рост или по пояс в медальоне. Наиболее

³⁶ Galavaris G. The Illustrations of the Liturgical Homilies of Gregory Nazianzenus. Princeton, 1969. P. 14–16, 99–103; Μαράβα-Χατζηνικολαου Α. Ο Άγιος Μάμας. Αθήνα, 1995. P. 86–91, pl. I–III.

³⁷ Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques franc

³⁸ Μαράβα-Χατζηνικολαου Α. Ο Άγιος Μάμας. Αθήνα, 1995. Pl. XVIII; Pelekanidis S.M., Christou P.C., Tsioumis Ch. and Kadas S.N. The Treasures of Mount Athos. Vol.2. Illuminated Manuscripts. Athens, 1975. P. 416, fig. 107.

³⁹ Μαράβα-Χατζηνικολαου Α. Ο Άγιος Μάμας. Αθήνα, 1995. Pl. XIXa; Weitzmann K., Galavaris G. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: The Illuminated Greek Manuscripts. Vol.1. From the Ninth tot he Twelfth Century. Princeton, NJ.1990. Pl. CXLVI, fig. 475, 476.

⁴⁰ Μαράβα-Χατζηνικολαου Α. Ο Άγιος Μάμας. Αθήνα, 1995. Pl. I; Vokotopoulos P. L. Byzantine Illuminated Manuscripts oft he Patriarchate of Jerusalem. Athens and Jerusalem, 2002. P. 130,131.

⁴¹ Μαράβα-Χατζηνικολαου Α. Ο Άγιος Μάμας. Αθήνα, 1995. Pl. VI; The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. [Catalogue of the Exhibition]. Ed. by Helen C. Evans and William D. Wixom. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1997. P. 100,101.

⁴² Алибегашвили Г.В. Художественный принцип иллюстрирования грузинской рукописной книги. Тбилиси, 1973. С. 119; известно также грузинское серебряное чеканное тондо со святым Мамантом на льве, датировка которого варьируется у разных ученых от VI до XI века.

⁴³ Achemastou-Potamianou M. Saint Nikolas Philanthropinon Monastery // Monasteries of the Island of Ioannina. Painting / general supervision by M. Garidis, Ath. Paliouras. Ioannina, 1993. Pl. 111.

интересные примеры собраны в монографии Анны Мараба-Хатзиниколау, посвященной культу святого⁴⁴. С VI века известен монастырь Маманта в Константинополе, столице Византийской империи. Почитался святой в Италии и, особенно, во Франции, где в соборе Святого Мамме в Лангре хранятся его мощи, принесенные из Византии⁴⁵. Любопытно, что среди серебряных реликвариев XVI–XVII веков, происходящих из Благовещенского собора Московского Кремля, имеется рака, включающая мощи апостола Тита, святых Спиридона Чудотворца, Козьмы Аравийского и мученика Мамонта. Рака исполнена между 1 сентября 1602 и 21 февраля 1603 года⁴⁶.

На острове Кипр почитание святого Маманта отмечено с VII века, но особенно популярным его культ стал в эпоху Крестовых походов. Наиболее значимым центром почитания был и остается Морфу, куда чудесным образом был перенесен мраморный гроб святого⁴⁷. На Кипре известно 48 церквей, посвященных Маманту; он один из наиболее почитаемых святых острова и часто представлен в храмовых росписях. Интересную подборку изображений святого в религиозной живописи острова в свое время опубликовала С. Габелич⁴⁸.

Большое распространение на Кипре получила особая история о святом. В ней переплелись элементы различных литературных версий о Маманте Кесарийском, переработанные на местной почве. Согласно этой легенде, Мамант был отшельником, жившим близ горы Морфу на Кипре. Он питался молоком диких коз, которые безбоязненно подходили к его жилищу. Однажды византийский дука — правитель острова — издал указ, по которому все жители должны были платить особый налог на дороги, пастбища и водоемы. Но Мамант решил, что раз он не пользуется общественными дорогами, водоемами и пастбищами, то он не должен ничего платить и вступил в конфликт со сборщиками налогов. Узнав об этом, дука вызвал его во дворец.

⁴⁴ Μαραβα-Χατζηνικολαου Α. Ο Άγιος Μάμας. Αθήνα, 1995. Ρ. 91–93, pl. IV, V, VII, VIII.

⁴⁵ Durand J. Les reliques de saint Mammès au trésor de la cathédrale de Langres // *Mélanges Gilbert Dagron*. Paris, 2002. Ρ. 181–200.

⁴⁶ Журавлева И.А. Надписи и другие особенности оформления серебряных реликвариев XVI–XVII вв. из Благовещенского собора Московского Кремля // *Россия и восточно-христианский мир. Древнерусская скульптура. Средневековая пластика*. Вып. IV / ред.-сост. А. В. Рындина. М., 2003. С. 138.

⁴⁷ Ιερά Μητροπολις Μορφου 2000 χρόνια Τέχνης καί Αγιότητας. Λευκωσία, 2000. Ρ. 229–239.

⁴⁸ Габелић С. Представе св. Маманта у зиднем сликарству на Кипру // *Зограф*, 1984. Вып. 15. С. 70–73.

По дороге в столицу святой увидел льва, преследующего овцу. Мамант приказал льву оставить свою жертву, взял овечку на руки и, усевшись на льва верхом, отправился во дворец. Увидев юношу, сидящего на льве, правитель простил ему неуплаченный долг и освободил от всяких налогов до конца жизни. Святой Мамант был одним из немногих, кто сумел одержать победу над сборщиками налогов, поэтому он стал своеобразным патроном налогоплательщиков, а его культ получил широкое распространение в различных слоях населения Кипра⁴⁹.

В соответствии с местной литературной основой на Кипре, где культ святого Маманта получил такое широкое распространение, появилась и особая иконография: юный святой верхом на льве с пастушеским посохом и овечкой в руках. Икона данного иконографического типа находится над гробницей святого в Морфу на Кипре. Она датируется XV веком, а сама гробница считается исполненной в XIV–XV веках французскими мастерами⁵⁰. В своей книге «Иконы Кипра» (англ. изд. 1992) греческий ученый А. Папагеоргиу привел иконы святого Маманта на льве в Византийском музее в Никосии, в Византийском музее в Пафосе, иконы XIII и первой половины XVI века в церкви Панагии Кафолики в Пелендри⁵¹. Все эти памятники включила Анна Мараба-Хатзиниколау во второе издание своей монографии о святом, увидевшее свет в 1995 году⁵². В специальной публикации 2000 года, посвященной митрополии Морфу, впервые были воспроизведены интересные произведения из церкви Святого Маманта Кораку, XV века; образ XVI века из церкви святых Варвары и Илариона в Перистерона, житийная икона XIV из церкви Святой Параскевы в Мутулла. Следует отметить любопытную позднюю двустороннюю икону второй половины XIX столетия с живописным и рельефным раскрашенным изображением святого Маманта, где он представлен в традиционной иконографии⁵³. Наиболее популярными в литературе стала икона святого XIII века из Пелендри⁵⁴, к которой

⁴⁹ Μαραβα-Χατζηνικολαου Α. Ο Άγιος Μάμας. Αθήνα, 1995. Ρ. 70–84, 93–97.

⁵⁰ Μαραβα-Χατζηνικολαου Α. Ο Άγιος Μάμας. Αθήνα, 1995. Pl. XI; Papageorghiou A. Icons of Cyprus. Nicosia, 1992. Ρ. 147; Talbot Rice D. The icons of Cyprus. London, 1935. Ρ. 87.

⁵¹ Papageorghiou A. Icons of Cyprus. Nicosia, 1992. Ρ. 147, 154, fig. 105.

⁵² Μαραβα-Χατζηνικολαου Α. Ο Άγιος Μάμας. Αθήνα, 1995. Pl. XXII–XXV.

⁵³ Ιερά Μητρόπολις Μορφου 2000 χρόνια Τέχνης και Αγιότητας. Λευκωσία, 2000. Ρ. 274, 275, no. 15, p. 288, 289, no. 22, p. 316, 317, no. 36, p. 392, 393, no. 73.

⁵⁴ Cyprus. The Holy island. Icons through the centuries 10th — 20th century. [Exhibition catalogue]. The Hellenic centre, [London], 1 November — 17 December, 2000. Nikosia, 2000. Ρ. 156–159, cat. 23.

в 2006 году в книге «Иконы Кипра. Диоцеса Лимасол XII–XVI века» С. Софоклеос добавил произведение конца XV столетия из церкви святых Андроника и Афанасия в Лимасоле⁵⁵. Икона XVI века из церкви Святого Георгия в Ахелейи, близ Пафоса была помещена на обложку международной выставки «Кипр между Византией и Западом в IV–XVI веках», проходившей в 2012 году в Лувре⁵⁶.

Сравнение эрмитажной иконы «Святой Мамант» с памятниками Кипра, однозначно указывает на ее кипрское происхождение. В первую очередь, абсолютно традиционный кипрский вариант иконографии: святой на льве с овечкой на руках и с пастушьим посохом. Мамант изображен спокойно сидящим на оскаленном льве; он облачен в патрицианские одежды; поза спокойна и невозмутима. Лев имеет несколько утрированно устрашающий характер с большой гривой, оскаленной пастью. Вместе с тем в образе зверя есть что-то сказочное. В эрмитажной маленькой иконе, как и в монументальном образе второй половины XIII века из церкви Панагии Кафолики в Пелендри⁵⁷ прослеживается налет незатейливой повествовательности местного сказания о хитроумном юноше. Включение в композицию фигуры донатора хотя и не является исключительной особенностью искусства Кипра, было достаточно широко развито, о чем свидетельствуют многочисленные памятники. В частности, аналогичное изображение с преклоненным донатором имеется на рельефе 1524 года в соборе Честного Креста в Никосии⁵⁸. Размещение надписей в прямоугольных картушах также указывает на кипрскую мастерскую.

Остается прояснить: каким образом кипрская иконка попала в подземную крипту в Александрии в Египте? Позволим высказать предположение относительно этого вопроса. В 1248 году папа Иннокентий IV объявил Седьмой крестовый поход, который возглавил французский король Людовик IX (1226–1270). Непосредственной целью похода был Египет, захват которого обеспечивал освобождение Иерусалима. Отправившись в поход, Людовик IX довольно длительное время провел на острове Кипре (с сентября 1248 по май 1249 года), где были созданы запасы продуктов и всего необходимого для дальнейшего

⁵⁵ Sophocleous S. *Icones De Chypre. Diocese de Limassol 12e — 16e siecle*. Nicosie, 2006. P. 202, 218–220, no. 115, 154, 158.

⁵⁶ *Entre Byzance et l' Occident IVe — XVIe siècle*. Catalogue édité sous la direction de J. Durand et D. Giovannoni. Paris, 2012. P. 361, 362. Cat. 171.

⁵⁷ Sophocleous S. *Icons of Cyprus 7th — 20th century*. Nicosia, 1994. Cat. 27.

⁵⁸ Μαραββα-Χατζηνικόλαου Α. Ο Άγιος Μάμας. Αθήνα, 1995. P. 96, pl. XIIB.

продвижения войск. Одновременно король предавался покаянию и возносил молитвы Господу и святым, прося их помощи в предпринимаемом Крестовом походе. С Кипра войско крестоносцев переправилось в Египет, где захватило Дамьетту и двинулось на Александрию. После поражения при Мансуре тысячи рыцарей во главе с королем попали в плен. Пленные франки в ожидании выкупа были размещены в разных местах Египта, в том числе в Александрии. Можно предположить, что с одним из рыцарей войска Людовика IX, возможно, того самого, который изображен на иконе, как донатор, — эта маленькая портативная икона, написанная на Кипре, вероятно, в Морфу, попала в Египет. Вполне вероятно, что в сражении или во время плена, христианская икона была разрублена саблей неверного. Скорее всего, именно около колонны Помпея был разбит один из лагерей плененных рыцарей, где они ждали выкупа, жили и молились в крипте, приспособленной для богослужения. Надо думать, что судьба владельца иконки сложилась печально, вероятно он умер в плену и был захоронен в крипте. Иначе он забрал бы образ «Святого Маманта» с собою на родину. Крипта была замурована, видимо, тогда, когда рыцари свернули лагерь, а икона осталась в ней, оберегая место богослужения и последнего успокоения своего владельца. Может быть когда-нибудь, нам станет известно его имя... А пока его молящаяся фигурка перед юным, восседающим на льве, святым Мамантом, изображенная на небольшой иконке кипрским мастером, — напоминает посетителям Эрмитажа в Санкт-Петербурге о Крестовом походе, борьбе за Веру, о чудном острове Кипре и хитроумном юноше Маманте, сумевшем укротить не только свирепого льва, но и сборщиков налогов.

**СОДЕЙСТВИЕ РУССКИМ ПАЛОМНИКАМ
В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ СО СТОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ИППО
(ПО МЕМУАРАМ ПАЛОМНИКОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.)**

С середины XIX в. постепенно, но неуклонно увеличивался поток российских паломников в Палестину. Сначала туда ехали десятки богомольцев, потом сотни, а на рубеже XIX–XX веков — тысячи. Лишь единицы из них брали в руки перо для того, чтобы перенести свои впечатления на бумагу. Еще меньше было тех, которые решались отнести их в редакцию какого-либо печатного органа. Но так как паломников становилось все больше, то увеличивалось число людей, готовых поделиться своими впечатлениями с читателями. Некоторые из таких источников личного происхождения со временем превратились в классику жанра и даже выдержали по несколько изданий, это были мемуары А.С. Норова, А.Н. Муравьева, архимандрита Леонида (Кавелина) и др.

Однако среди воспоминаний и дневников гораздо больше почти забытых, которые были однократно опубликованы во всероссийских церковных изданиях («Богословский вестник», «Душеполезное чтение») или в провинциальных («Епархиальные ведомости»). В последние десятилетия они практически не вводились современными историками в научный оборот. Между тем, каждый такой источник интересен, т. к. его автор вносил в описание Святой Земли свои неповторимые детали, ускользнувшие от внимания других паломников. Мемуаристы уделили внимание и русскому дипломатическому присутствию на Ближнем Востоке, и деятельности здесь ИППО.

В данной публикации проанализированы 14 различных источников личного происхождения. Шестеро авторов были мирянами, остальные принадлежали к духовному сословию. Различным был уровень образования паломников, широта их общекультурного кругозора. Мы приведем более или менее подробные сведения о жизни и деятельности лишь тех авторов, чьи биографические данные не появлялись в печати. Они собраны нами из печатных и электронных источников.

---

¹ Балдин Кирилл Евгеньевич — председатель Ивановского отделения МОО «ИППО», доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета.

К сожалению, удалось найти очень мало сведений о паломнике Алексее Артемьевиче Вендеревском, путешествовавшем в Палестину в 1886 г. Он являлся членом ИППО, будучи принят в ряды этой организации архимандритом Антонином (Капустиным) во время паломничества в Палестину². В «Астраханских епархиальных ведомостях» за 1896 г. в списках членов местного отделения ИППО значится купец А.А. Вендеревский³. В 1899 г. его мемуары вышли отдельной книгой⁴.

Отдельные штрихи портрета Николая Григорьевича Гусева были реконструированы в результате фронтального просмотра годовых подшивок «Вятских епархиальных ведомостей». В частности, в списке педагогического персонала Вятского женского епархиального училища содержатся сведения о том, что он окончил Казанскую духовную академию в 1892 г. и поступил на работу в епархиальное училище. Сначала он преподавал только русский язык, но потом ему поручили вести уроки педагогики и дидактики. В 1902 г. он уже пребывал в чине коллежского советника⁵. Кроме непосредственных служебных обязанностей Н.Г. Гусев исполнял различные общественные поручения, которые возлагало на него училищное и епархиальное начальство. В частности, он являлся членом комитета епархиальной библиотеки-читальни⁶. Такие культурно-просветительные учреждения были созданы повсеместно в епархиальных центрах для распространения духовно-нравственной литературы. В 1903 г. он был назначен старшим редактором неофициальной части «Вятских епархиальных ведомостей». В них печатались в том числе воспоминания о паломнических поездках по российским и зарубежным святыням. Типичным примером стала публикация воспоминаний самого Гусева о поездке в Святую Землю⁷. Особенно активной была общественная деятельность Гусева в Вятском отделе ИППО. После вступления в эту организацию, он стал с 1896 г. проводить Палестинские духовно-нравственные чтения. Слушатели с особым вниманием воспринимали рассказы Гусева как очевидца. Чтения проводились

² Астраханские епархиальные ведомости (далее — АстрЕВ). 1887. № 15. Ч. неоф. С. 603.

³ Там же. 1896. № 8. Ч. неоф. С. 353.

⁴ Вендеревский А. Воспоминания из путешествия по Святой Земле и св. Афонской горе, составленные паломником Алексеем Вендеревским. Астрахань, 1899.

⁵ Вятские епархиальные ведомости (далее — ВятЕВ). 1902. № 19. Ч. неоф. Прилож. С. 8.

⁶ Там же. 1907. № 31. Прилож. Ч. оф. С. 17.

⁷ Там же. 1903. № 22. Ч. оф. С. 499.

в Вятском общественном собрании и в епархиальном училище⁸. Помимо этого, автор рассматриваемых мемуаров избирался в ревизионную комиссию Вятского отдела ИППО, на этом посту ему приходилось заниматься финансовыми делами организации. Активная просветительная и организационная работа не осталась без награды. В 1899 г. Н.Г. Гусев был удостоен почетного звания члена-сотрудника ИППО⁹.

Другой мемуарист *Никанор Стефанович Карашевич* окончил Волынскую Духовную семинарию в 1843 г. и стал служить в городе Старо-константинове Волынской губернии¹⁰. В 1852 г. тяжело заболела эпилепсией его трехлетняя дочь, но по молитвам отца она выздоровела, и о. Никанор дал обет возродить в городе Крестовоздвиженский храм. В течение года его трудами были собраны средства и произведены строительные работы, в 1853 г. храм был освящен. В 1872 г. о. Никанор совершил паломничество в Святую Землю и на Афон, а в 1874 г. на страницах «Волынских епархиальных ведомостей» появились воспоминания об этой поездке. Как свидетельствуют статистические данные по Старо-константинову за 1883 г., в это время о. Никанор по-прежнему являлся здесь священником¹¹.

Автором еще одного источника личного происхождения, опубликованного в «Епархиальных ведомостях», являлся *Александр Петрович Касторский*. Он родился в 1886 г. в селе Горки-Чириковы Нерехтского уезда Костромской губернии. О семье А.П. Касторского сведений найти не удалось, но можно предположить, что он происходил из духовного сословия. Фамилия Касторский явно духовного происхождения, такие фамилии часто давали семинаристам. По латыни «кастор» переводится как бобер (*Castor fiber*). В то время, когда было совершено паломничество в Святую Землю в 1907 г., Касторский являлся студентом Казанской Духовной академии, которую окончил в 1910 году. В этом духовном учебном заведении он был одним из лучших, потому что сразу же по завершении образования училищное начальство оставило его на преподавательской работе в академии, сначала доцентом, а в дальнейшем он получил звание профессора.

⁸ Там же. 1898. № 5. Ч. неоф. С. 244; 1902. № 9. Ч. оф. С. 9; 1904. № 9. Ч. оф. Прилож. С. 8.

⁹ ВятЕВ. 1899. № 7. Ч. неоф. С. 211; 1902. № 9. Ч. оф. Прилож. С. 41; 1905. № 13. Ч. оф. Прилож. С. 5–6.

¹⁰ Карашевич Никанор Стефанович. <http://www.rosgenea.ru> (дата обращения: 19.09.2016).

¹¹ Крестовоздвиженский мужской монастырь г. Старо-константинова. <http://www.azbuka.ru/palomnik> (дата обращения: 19.09.2016).

Однако после революции ему пришлось сменить профессорскую кафедру на скромную должность заведующего складом свечного завода, на которой он проработал с 1918 по 1922 год. В 1921 г. А.П. Касторский был привлечен органами НКВД к ответственности по обвинению в нарушении закона об отделении церкви от государства, но отделался очень легко — получил год лишения свободы условно. В 1922–30 гг. он служил священником в Богоявленской церкви г. Казани. В 1923 г. на епархиальном съезде был избран на церковный собор и принимал в нем участие. В 1930 г. он был арестован по обвинению в «создании контрреволюционной организации», но дело было прекращено за недостаточностью улик. После освобождения Александр Петрович служил в Серафимовской церкви Казани, в 1933 г. был награжден церковным начальством митрой. Снова его арестовали 29 декабря 1937 г., и тройка НКВД Татарской АССР 6 января 1938 г. приговорила его к высшей мере наказания. Расстрелян Касторский 14 января 1938 г. Был похоронен в Казани на Архангельском кладбище. Реабилитирован 26 августа 1992 г.¹²

Относительно священника Г. Корельского сведений очень мало, нам даже неизвестно его имя. Он служил в Маслозерском приходе Кемского уезда, который находился в малонаселенной местности около уездного города Кемь¹³. Паломнические записки Г. Корельского были не единственной публикацией этого иерея на страницах местного духовного официоза. В 1912 г., немного ранее своих мемуаров, Г. Корельский напечатал в «Архангельских епархиальных ведомостях» небольшую статью с описанием Никольской церкви на острове Муезере (Карелия)¹⁴.

Игумен *Никандр* (в миру — *Чуватин Николай Андреевич*) родился в 1839 году в городе Слободской Вятской губернии. Образование получил в начальном училище и был принят послушником в Соловецкий монастырь¹⁵. Там он принял монашество в 1872 г., вскоре рукоположен в иеромонаха, затем назначен ризничим. В 1886 году ему дали ответственное поручение — возродить Печенгский монастырь.

¹² Касторский Александр Петрович. <http://www.drevo-info.ru/articles/13676366.html> (дата обращения: 25.09.2019).

¹³ Шахнович М.М. Монументальные каменные кресты Карелии. URL: http://kirjzh.spb.ru/biblio/sh_2.htm (дата обращения: 11.03.2016).

¹⁴ Архангельские епархиальные ведомости (далее — АрхЕВ). 1912. № 13–14. Ч. неоф. С. 385–390.

¹⁵ К 130-летию возрождения Печенгской обители в XIX веке. <http://severeparh.ru/2015/04/12> (дата обращения: 11.03.2016).

Благодаря о. Никандру эта обитель стала духовным центром Кольского полуострова. Учитывая административные способности о. Никандра, духовное начальство отправило его с крайнего севера на юг, где он был поставлен настоятелем Георгиевского монастыря в Балаклаве (Крым). Здесь он с большим размахом сумел организовать в 1891 г. празднование тысячелетия этой обители. Под эту круглую дату удалось провести в монастыре значительные строительные работы¹⁶. В 1899 г. игумен Никандр оставил настоятельскую должность и удалился в Соловецкий монастырь, откуда в 1906–1907 гг. «ходил» в Святую землю. В 1909 г. он скончался в возрасте 70 лет¹⁷.

Иоанн Рыжановский служил священником в селе Полянецкое в восточной части Балтского уезда Подольской губернии. Удалось найти на электронных ресурсах свидетельство о том, что в 1867 г., т. е. сразу же после паломничества, о. Иоанн передал в местную церковь села Полянецкого привезенную с Афона икону Божьей Матери «Достойно есть»¹⁸. О дате рождения автора можно только догадываться. В мемуарах он называет себя «многогрешным стариком», т. е. во время паломничества он находился в преклонном возрасте. Эти слова вряд ли являлись авторским кокетством т. к. паломнические записки не относятся к жанру, в рамках которого такое кокетство возможно¹⁹.

Александр Иванович Трапицын родился в 1862 г. в семье диакона в с. Волма Вятского уезда Вятской губернии. Он учился сначала в духовном училище, а потом в семинарии г. Вятки. Окончив ее, он отправился учиться в Казань, где в 1888 г. закончил духовную академию. Затем стал священником в одной из церквей Вятки и одновременно — законоучителем в Вятском женском епархиальном училище. С 1893 г. он уже преподавал Закон Божий в реальном училище того же губернского города и в следующем году совершил паломничество в Палестину, описанное в его мемуарах. В 1897 г. о. Александра перевели инспектором в Вятскую Духовную семинарию, где он был пострижен в монашество. Довольно скоро духовное начальство назначило его ректором семинарии. Тот же

¹⁶ Тур В.Г. Православные монастыри Крыма в XIX — начале XX в. <http://krimoved-library.ru/books/pravoslavnye-monastyri> (дата обращения: 11.03.2016).

¹⁷ История Соловецкого монастыря в начале XX века. <http://solovkimonastyr.ru/abbey/history/XX> (дата обращения: 11.03.2016).

¹⁸ 14–15 ноября состоялся крестный ход с чудотворной иконой Божьей Матери «Касперовская» <http://missia.od.ua/page,3,1153-14-15-noyabrya> (дата обращения: 07.10.2016).

¹⁹ Подольские епархиальные ведомости (далее — ПодЕВ). 1868. № 7. Ч. неоф. С. 190; 1869. № 8. Ч. неоф. С. 350.

пост он занимал с 1901 г. уже в Калужской Духовной семинарии, получив сан архимандрита. В 1904 г. состоялась хиротония его во епископа Муромского, с 1907 г. он стал епископом Юрьевским. В 1912 г. епископ Александр был назначен епархиальным владыкой и до 1921 г. занимал кафедру Вологодскую и Тотемскую. На некоторое время он ушел за штат от управления епархией, но, тем не менее, в 1923 г. был арестован новой властью по обвинению в «контрреволюционной агитации» и приговорен к 6 месяцам принудительных работ. После освобождения его назначили сначала епископом Ульяновским (Симбирским), а потом Крымским. В 1928 г. был возведен в сан архиепископа и возглавил Самарскую епархию. Через некоторое время назначен епископом Пугачевским, а в 1937 г. снова арестован. На этот раз он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в 1938 г. В 2000 г. архиепископ Александр был канонизирован как священномученик²⁰.

Мемуары перечисленных нами семи паломников увидели свет в местных «Епархиальных ведомостях» и при жизни их были мало известны. У воспоминаний других авторов был гораздо более широкий круг читателей. Так, путевые записки доктора А.В. Елисеева, в которых он рассказывает о своих странствиях по Северной Европе, Азии и Африке, были очень хорошо известны читающей публике в России и выдержали несколько изданий. Его биографические данные можно найти в Интернете, в том числе в Википедии и на других справочных порталах.

Воспоминания священника Е.А. Мерцалова сначала были опубликованы в «Олонецких епархиальных ведомостях», а в 2014 г. они появились отдельной книгой в издательстве «Индрик». Биографические сведения о нем имеются в предисловии²¹.

Подробные данные о жизни и деятельности Н.П. Поливанова, сопровождавшего в 1861 г. в паломничестве своего дядю — известного сановника А.С. Норова, приведены Е.Л. Румановской, опубликовавшей дневник этого путешествия²². Биография известного деятеля русской Палестины Д.Д. Смышляева написана Н.Н. Лисовым²³.

²⁰ Александр (Трапицын). <http://drevo-info.ru/articles/11967.html> (дата обращения: 1.11.2014).

²¹ Балдин К.Е. Предисловие // Мерцалов Е., священник. От Петрозаводска до Иерусалима и обратно. Путевые заметки и впечатления паломника. М., 2014. С. 7–24.

²² Биография Николая Петровича Поливанова // Румановская Е.Л. Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 годах. М., 2006. С. 181–190.

²³ Лисовой Н.Н. От Перми до Иерусалима // Смышляев Д.Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 251–284.

Содержательный очерк об иноке Парфении (Агееве), путешествовавшем в Палестину, составлен А.Н. Паниным²⁴.

Из четырнадцати авторов, чьи записки привлечены нами, девять принадлежали к белому и черному духовенству, пятеро были мирянами. Это общественный деятель, краевед из Перми Д.Д. Смышляев и купец из Астрахани А.А. Вендеревский. Н.П. Поливанов служил офицером, принадлежал к дворянскому сословию. А.В. Елисеев являлся по профессии врачом, но гораздо более известен как путешественник. Он единственный из всех, кого следует назвать скорее путешественником, чем паломником.

В текстах воспоминаний простых провинциальных священников встречается довольно много архаичной лексики и церковнославянизмов. Причиной этого, безусловно, является принадлежность мемуаристов к духовному сословию, а также недостаточный опыт письменного изложения своих впечатлений. В частности, свой багаж Н. Карашевич называет «путешественной сумой». Церковь в Одессе, где он надеялся получить временное пристанище на пути в Палестину, он возвышенно именует «пристанищем труждающихся и обремененных»²⁵. В мемуарах И. Рыжановского также содержится довольно много подобной лексики: «отверз» вместо «отворил», «облобызать» вместо «поцеловать», «генваря» вместо «января» и др. По тексту заметно, что автор пользовался возвышенным стилем преимущественно тогда, когда он рассказывал об особенно чтимых христианских святынях.

Для воспоминаний сельских батюшек характерна некая провинциальность, проявлявшаяся, в том числе в простоте и неискушенности. Общекультурный кругозор их был не очень широким. Судя по всему, круг чтения Карашевича, Рыжановского Корельского ограничивался богослужебными книгами. В тексте И. Рыжановского упоминается лишь одна книга о Палестине. Это считавшиеся тогда классикой жанра «Странствования по святым местам Востока» В.Г. Григоровича-Барского. Для сравнения обратимся к мемуарам, которые написаны священником А. Трапицыным. Они снабжены ссылками на мемуары и научную литературу, прочитанную им. Он часто цитирует «Хождение» игумена Даниила в Палестину, обращается к известной в то время книге А.А. Олесницкого «Святая земля», к «Сообщениям» ИППО и даже к публикациям

²⁴ Панин А. Благословенное странствование инок Парфения // Инок Парфений (Агеев). Странствования по Афону и Святой Земле. М., 2008 С. 197–238.

²⁵ Волынские епархиальные ведомости (далее — ВолЕВ). 1874. № 20. С. 723; 1874. № 21. С. 772.

во французской прессе. Трапицын познакомился и с воспоминания о путешествии в Палестину его предшественников, в частности А.С. Норова и др. А.И. Трапицын, в отличие от А. Рыжановского, имел высшее духовное образование, соответственно его общекультурный и богословский кругозор был шире, чем у сельского иерея.

Обратимся теперь к текстам мемуаров паломников. Некоторые из них сталкивались с отечественной дипломатической службой уже по пути в Палестину. Правда, эти контакты были не прямыми, а скорее косвенными. Все богомольцы останавливались на два-три дня в Константинополе, где они осматривали христианские святыни города. Разумеется, в мемуарах нет подробных данных о деятельности русского диппредставительства в Турции, т. к. она была закрыта для посторонних, но в некоторых источниках есть свидетельства, по крайней мере, о внешнем виде зданий нашего посольства. Е. Мерцалов при прогулке по району Пера в Константинополе увидел здание посольства с большим цветником и лавровыми деревьями перед ним. При сравнении здание английского посольства показалось ему более эффектным в архитектурном отношении, но он счел нужным заметить, что дом нашего диппредставительства относится «к лучшим, величественным, внушительным зданиям Перы». Тот же автор намеревался осмотреть со своими спутниками посольскую церковь, но она и другие здания были закрыты в связи с тем, что на лето наши дипломаты переехали на посольскую дачу Буюк-Дере на берегу Босфора²⁶.

Эту же летнюю резиденцию показывали практически всем паломникам, подходившим к Константинополю на пароходе; упоминание о ней содержится в целом ряде мемуаров. Паломник из Вятки А. Трапицын обратил внимание на находившийся при здании посольства «роскошный» сад, спускавшийся по склону горы крутыми террасами. Это здание на берегу Босфора паломники просто не могли не заметить, потому что многие русские пассажирские пароходы останавливались здесь для того, чтобы передать почту²⁷. Другой богомолец из Вятки Н. Гусев, путешествовавший в 1898 г., свидетельствовал, что их пароход останавливался напротив Буюк-Дере минут на десять. К нему сразу причалила шлюпка, в которой находились человек двадцать русских военным моряков с корабля «Колхида», стоявшего здесь же. Они забрали, по словам

²⁶ Мерцалов Е., священник. От Петрозаводска до Иерусалима и обратно. Путевые заметки и впечатления паломника. М., 2014. С.86.

²⁷ Вятские епархиальные ведомости (далее — ВятЕВ). 1895. № 4. Ч. неоф. С. 130.

Гусева, «письма и газеты из России». Разумеется, это были не только частные письма, но и дипломатическая почта²⁸.

Е. Мерцалов, не попав в посольскую церковь, пожелал осмотреть храм при русском госпитале в Константинополе. Здесь он познакомился со священником, командированным из России. Он отметил образцовую чистоту в больнице и узнал, что она была устроена стараниями русского дипломата Н.П. Игнатьева в то время, когда он был послом в Турции в 1864–1877 гг. Больница была бесплатной и предназначалась для русских паломников, Е. Мерцалов обнаружил в ней также больных греков и «славян». Имелись в виду, наверное, сербы, или болгары, жившие в столице Турции или оказавшиеся в ней проездом²⁹.

В мемуарах паломников говорится о постепенном росте влияния России, о расширении ее присутствия в регионе. Этот процесс просматривается в масштабах Ближнего Востока в целом. Дело в том, что в мемуарах говорится о хождениях россиян по святым местам не только в Палестине. Православные паломники на пути сюда посещали материковую Грецию и острова в Эгейском море, останавливались в портах Кипра и Ливана, нередко ехали в Палестину транзитом через Египет, Синай.

На рубеже XIX–XX в. паломники по пути Палестину всё чаще видели в водах Средиземноморья русские военные суда. О российском военном присутствии пишут паломники Н. Гусев и Е. Мерцалов, которые в конце 1890-х гг. разновременно проезжали через греческие порты. Оба свидетельствуют о том, что при них Пирей и Канею на Крите посещал с визитом русский броненосец «Александр II»³⁰. Эти визиты не были связаны с военными действиями, но имели большое значение как регулярная демонстрация Андреевского флага в данном регионе.

Большое впечатление на Н. Гусева произвело в 1898 г. наблюдаемое им проявление союзнических чувств русских и французов. На пути в Палестину он оказался в египетском Порт-Саиде. Здесь же находилось российское транспортное судно «Херсон», на борту его ехали на Дальний Восток в Порт-Артур около полутора тысяч наших солдат. Стоявшие здесь же французские броненосцы приветствовали русских военных, украсившись флагами расцветки. В ответ на это раздалось громкое «ура» с «Херсона». «Таким образом, далеко от родины мы неожиданно для себя были свидетелями горячего проявления симпатий,

²⁸ Там же. 1900. № 1. Ч. неоф. С. 283.

²⁹ Мерцалов Е. Указ. соч. С. 87–88.

³⁰ ВятЕВ. 1900. № 8. Ч. неоф. С. 341; Мерцалов Е. Указ. соч. С. 104.

связующих два великих народа», — так с гордостью заключал русский паломник свой рассказ об этом показательном эпизоде³¹.

Другие, на первый взгляд, не очень значительные факты о русском влиянии в том же регионе приводит Е. Мерцалов, который в 1900 г. по пути в Палестину останавливался в ливанском порту Триполи и посетил здесь русские школы ИППО. Многие в них свидетельствовало о том, что школы открыты именно россиянами. На видном месте здесь висели портреты Николая II и Александры Федоровны, а в золоченой раме с двуглавым орлом наверху — текст национального гимна «Боже, царя храни». Впрочем, рядом висел портрет султана, т. к. Ливан в то время принадлежал Османской империи³². Оценивая эти факты, нужно учитывать, что русское влияние на Ближнем Востоке распространялось не только с помощью броненосцев или канонерок, но и путем создания школ, в которых обучались арабские дети из православных семей.

Паломники сталкивались по дороге в Палестину и с другими зримыми свидетельствами влияния России на Ближнем Востоке. Это проявлялось в ходе межнационального и межконфессионального общения, как на официальном уровне, так и в повседневной жизни, в том числе в том, что можно назвать мелочами. Наглядное свидетельство тому мы находим в дневнике Н.П. Поливанова, который путешествовал в 1861 г. со своим дядей А.С. Норовым по Ближнему Востоку. Хотя Норов (министр народного просвещения в 1850-х гг.) в это время уже находился в отставке, власти Египта отнеслись с уважением к экс-сановнику. Они специально предоставили в его распоряжение пароход. После того, как Норов вззошел на его борт, на мачте судна был поднят российский флаг. Нужно учитывать, что эти знаки уважения оказывались, несмотря на то, что всего пять лет назад закончилась с печальным для России результатом Крымская война³³.

Известный русский путешественник А.В. Елисеев, хорошо знавший Ближний Восток в целом, был поражен тем приемом, который был оказан ему и его спутникам в Египте. Когда они добирались по нестерпимой жаре из Александрии в Каир, то встретились с египетским полковником, признавшим в них русских. Он гостеприимно приютил их на отдых в своем доме на пути между этими городами.

³¹ ВятЕВ. 1900. № 8. Ч. неоф. С. 346.

³² Мерцалов Е. Указ. соч. С. 110.

³³ Румановская Е.Л. Два путешествия в Иерусалим в 1830-1831 и 1861 годах. М., 2006. С. 129-130.

Это расположение египетского офицера объяснялось тем, что во время русско-турецкой войны 1877–78 гг. он оказался в плену и вернулся на родину полным симпатии по отношению к русским.

Через некоторое время в деревушке рядом с Каиром Елисеев со спутниками встретился с несколькими батальонами египетской армии на марше. Некоторые офицеры и солдаты, узнавшие русских в путешественниках, подходили к ним и выражали свои положительные эмоции, при этом произнося некоторые слова по-русски. Они тоже побывали в России в плену в результате упомянутой выше войны. В столице Египта отношение к русским было разным. По словам А.В. Елисеева, в одном месте в Каире им пришлось спастись чуть ли не бегством от толпы, разогретой каким-то фанатиком-дервишем. В другом же месте арабы узнали русских и удостоили их, по словам путешественника, «оваций» в честь «храбрых московов» и их «великого падишаха»³⁴.

Присутствие России на Ближнем Востоке было заметным не только в гражданской сфере, но и в религиозных кругах, в частности в Иерусалимской и Антиохийской православных церквях. Члены династии Романовых не скупились на пожертвования, которые паломники видели в святынях вселенского христианства. Священник А. Трапицын сразу обратил внимание на изумительные по красоте изображения страстей Христовых, вышитые золотом по бархату и украшавшие стены храма Воскресения Господня в Иерусалиме. Они были подарены императором Александром I. Три паникадила, находившиеся там же, представляли собой дар императора Николая I³⁵. Е. Мерцалов во время приема русских паломников Иерусалимским патриархом с гордостью увидел красовавшиеся по стенам его резиденции портреты российской императорской четы, побывавших в Палестине Великих Князей Сергия Александровича и Павла Александровича, а также Великой Княгини Елизаветы Федоровны³⁶.

На Ближнем Востоке всё более привычными для русских паломников становились специальные богослужения по тем дням, которые назывались в России «высокопраздничными» и были связаны с теми или иными событиями из жизни членов династии Романовых. Священник И. Рыжановский с гордостью вспоминал, что в 1867 г. он служил молебен на следовавшем из Александрии в Яффу пароходе по поводу годовщины

³⁴ Елисеев А.В. По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света. Изд. 3-е. СПб., 1915. Т. I. С. 145–146, 154–155, 166.

³⁵ ВятЕВ. 1896. № 6. Ч. неоф. С. 246–247.

³⁶ Мерцалов Е. Указ. соч. С. 168.

восшествия на престол императора Александра II. На судне среди пассажиров присутствовали русский, американский и голландский консулы. После этого наш консул пригласил священника на завтрак в кают-компанию. Рыжановский составил для консула по его просьбе очерк об этом мероприятии, эта информация по дипломатическим каналам была переправлена в Россию и опубликована в газетах³⁷. Такие хроникальные заметки способствовали распространению в России сведений о русском присутствии на Ближнем Востоке и наверняка вызывали гордость читающей публики за успехи отечественной внешней политики.

В храмах Святой Земли греческое духовенство проводило по аналогичным поводам богослужения совместно с русскими православными священниками из паломников. Игумен Никандр из Соловецкого монастыря в 1906 г. участвовал в литургии на Голгофе в день тезоименитства цесаревича Алексея. Богослужение совершал сам Патриарх Иерусалимский в сослужении с 4 архиереями, 15 архимандритами, во время литургии пели русские певчие³⁸.

Очень показательно, что греческое православное духовенство, в том числе его иерархи, живо интересовалось русской внешней политикой и событиями внутри России. Паломник из Костромы А. Касторский во время пребывания в 1907 г. в Дамаске отвел в своем дневнике особое место беседе с Патриархом Антиохийским Григорием IV. Последний «с симпатией» относился к восстановлению международных позиций России после поражения в русско-японской войне и «со скорбью» следил за «смутой» внутри нашей страны (событиями революции 1905–1907 гг.). Антиохийский предстоятель был в курсе внутренних дел нашей церкви, сочувствовал идее о восстановлении патриаршества, набиравшей тогда популярность в России³⁹.

Чисто дипломатическая деятельность наших консулов на Ближнем Востоке оставалась скрытой от глаз рядовых паломников — авторов мемуаров. Но они воочию наблюдали то, как дипломаты осуществляли функцию организационного сопровождения паломников во время их пребывания на Святой Земле, и авторам воспоминаний казалось, что это и есть чуть ли не единственная функция консульской службы.

Паломники пересекались с последней сразу же по прибытии в Яффу. Большинство их впервые имели дело с таким учреждением как таможня

³⁷ ПодЕВ. 1868. № 6. Ч. неоф. С. 171.

³⁸ АрхЕВ. 1913. № 17. Ч. неоф. С. 477.

³⁹ Костромские епархиальные ведомости (далее — КостЕВ). 1911. № 15. Ч. неоф. С. 466.

и не знали, как вести себя во время досмотра, тем более что многие таможенные чиновники завуалированно или открыто требовали у паломников «бакшиш». Тогда на помощь приходили дипломатические работники. Е. Мерцалов в своих мемуарах замечал, что благодаря присутствию драгомана российского консульства багаж паломников почти не досматривали и быстро выпустили их из порта в город⁴⁰. До начала деятельности ИППО дальнейшие шаги паломников по Святой Земле осуществлялись под надзором консульских работников. Протоиерей Н. Карашевич, посетивший Палестину в 1872 г., пишет, что ему со спутниками отвели комнату в консульстве в Яффе, а на следующий день обеспечили лошадьми, на которых они отправились в Иерусалим⁴¹.

Запомнившейся мемуаристам процедурой, которую они проходили в яффском консульстве, была сдача иностранных паспортов. Когда дорога от Яффы до Иерусалима была не безопасной, паломники сдавали нашему яффскому консулу также значительную часть своих денег, чтобы их не отняли по дороге разбойники. Деньги выдавали паломникам уже у иерусалимского консула. Позже, когда от моря до Иерусалима была проложена железная дорога, паломники всё же оставляли часть своих денег в Яффе на обратную дорогу. Это было необходимо потому, что богомольцы, нерасчетливо потратив свои средства в Святой Земле, оказывались без средств на обратную дорогу. В Яффе некоторые паломники оставляли также теплую одежду и другие вещи, которые были не нужны в их странствиях по Палестине. Об этом обычае дружно свидетельствуют А. Вендеревский из Астрахани, Н. Карашевич из Волыни, монах Парфений (Агеев)⁴².

Таким образом, уже в Яффе — первом городе Святой Земли, который оказывался на пути паломников, они обнаруживали, что не брошены здесь на произвол судьбы. Русских дипломатических работников приехавшие в Палестину простые крестьяне, мещане, сельские иереи воспринимали как некую опору в иноязычной и иноверной среде. Паломники обретали уверенность, что родина поможет им осуществить давно лелеемую мечту — приложиться к христианским святыням.

Разумеется, в обязанности консула не входило сопровождение каждого богомольца в его походах по Святому Городу. В храм Гроба Господня, в Гефсиманию, на Елеон он шел самостоятельно, порой даже

⁴⁰ Мерцалов Е. Указ. соч. С. 119.

⁴¹ ВолЕВ. 1874. № 20. Ч. неоф. С. 733–734.

⁴² АстрЕВ. 1887. № 15. Ч. неоф. С. 600; ВолЕВ. 1874. № 23. Ч. неоф. С. 852; Инок Парфений (Агеев). Странствования по Афону и Святой Земле. М., 2008. С. 157, 183.

не пользуясь услугами консульских кавасов, т. е. охранников. Простым паломникам из крестьян было вполне достаточно посещения святынь вселенского христианства, чтобы почувствовать себя удовлетворенными. Паломники образованные этим не ограничивались и желали посмотреть для расширения кругозора сакральные объекты инославные и даже иноверные, т. е. проблемные или даже опасные для православных. Тогда консульская служба подключалась к решению этих проблем. Е. Мерцалов сообщает, что когда он со спутниками выразил желание осмотреть мечеть Омара в Иерусалиме, то нужно было сообщить об этом сначала соответствующей службе ИППО, которая обращалось к консулу, а он, в свою очередь, запрашивал разрешения у иерусалимского паши. Затем в назначенное время паломники шли в эту мусульманскую святыню в сопровождении каваса⁴³.

Дипломаты оказывали заметно большее внимание богомольцам из привилегированных слоев населения, чем рядовым. Некая анонимная паломница, посетившая Святую Землю в 1882 г., сообщала в своем письме на родину о том, что консул в Яффе сам нанял для нее и ее спутников экипажи, а когда они прибыли в Святой Град, иерусалимский консул, который был в это время болен, прислал чиновника осведомиться, благополучно ли они доехали. Вскоре от консула явился драгоман, который спросил, какие походы к святым местам у них запланированы и снабдил их в том, что он всегда к их услугам⁴⁴.

О том, что паломники ощущали присутствие наших дипломатических структур в целом в Святой Земле, сообщал в первой половине 1870-х гг. Н. Карашевич. Поселившись в Иерусалиме в уютном номере гостиницы на Русских постройках, он отметил, что этот уголок России «живо напоминает отечественную заботливость русского правительства о своих единоверных поклонниках»⁴⁵. То же самое наблюдалось не только в столице Палестины. Д.Д. Смышляев, первый раз приехавший сюда в 1865 г., прибыл с караваном паломников в Назарет и был очень обрадован тем, что сюда же явился для встречи паломников русский консул из Хайфы, он отдал для ночлега автору мемуаров свою комнату в греческом монастыре⁴⁶.

Важным аспектом организационной деятельности русской консульской службы в Святой Земле было установление контактов русских

⁴³ Мерцалов Е. Указ. соч. С. 209.

⁴⁴ Московские церковные ведомости. 1882. № 21. С. 279.

⁴⁵ ВолЕВ. 1874. № 20. Ч. неоф. С. 735.

⁴⁶ Смышляев Д.Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008.

паломников с местными православными структурами Иерусалимского Патриархата. По палестинским храмам и другим сакральным местам паломники ходили самостоятельно, но выход на иерархов осуществлялся через консулов, которые поддерживали постоянные связи с должностными лицами этой церкви.

Игумен Никандр пишет в своих мемуарах, что в русском храме Марии Магдалины на Елеоне после молебна на праздник Покрова русские паломники встречались с Иерусалимским патриархом. Одним из организаторов этого общения стал русский консульский работник Михайлов⁴⁷.

Во время экскурсии русских гимназистов из Казани в Палестину (это было событие совсем не рядовое в истории российского паломничества) наш консул А.Г. Яковлев — «человек очень предупредительный и любезный», взялся сам представить Патриарху эту группу юношей и сопровождавших их лиц, среди которых был и Е. Мерцалов, рассказавший об этом эпизоде на страницах своих воспоминаний⁴⁸.

А. Вендеревский пишет, что он был представлен одному из митрополитов Иерусалимской Церкви русскими дипломатическими работниками — консулом Л.Н. Бухаровым и секретарем консульства Гирсом. Паломник получил благословение митрополита и здесь же впервые познакомился с церковно-дипломатическим угощением, традиционным для Ближнего Востока. Это был виноград, смоквы, варение с водой и кофе⁴⁹.

Наряду с организационной функцией дипломатические работники исполняли также в отношении паломников охранные обязанности. Они учитывали, что люди, приехавшие из России, находились на территории государства не самого дружественного в отношении России. В этой связи в мемуарах появляется, хотя и не вербально, категория «другого». Это «другое» может быть положительным, нейтральным или враждебным, опасным. В данном случае это было «другое», которое выглядело как «чужое», т. к. имелась в виду среда, окружавшая паломников, чуждая им этнически и конфессионально.

Угроза здоровью, кошельку, реже — жизни паломников в самом Иерусалиме была невелика, но во время дальних походов в Вифлеем, Назарет, на реку Иордан такая опасность становилась реальной. Д.Д. Смышляев, впервые прибывший в Иерусалим в 1865 г., сразу столкнулся с проблемами в реализации заранее намеченных планов. Когда

⁴⁷ АрхЕВ. 1913. № 16. Ч. неоф. С. 460.

⁴⁸ Мерцалов Е. Указ. соч. С. 167.

⁴⁹ АстрЕВ. 1887. № 15. Ч. неоф. С. 608.

он сообщил русскому консулу А.Н. Карцеву о том, что хочет поехать из Иерусалима в Бейрут через Самарию и Галилею, его собеседник сразу предупредил, что такой путь не безопасен. Спустя некоторое время Смышляев всё же отправился в это путешествие, но не один, а с большой партией паломников⁵⁰.

Общим местом в мемуарах паломников является упоминание о том, что они совершали дальние поездки по Святой Земле под охраной кавасов. До 1880-х гг. это были консульские охранники, а затем — служившие в ИППО кавасы-черногорцы. Однако в целях максимальной безопасности, этой охраной дело не ограничивалось, потому что в горах и пустынях проживало много арабских племен, которые только считались турецкими подданными, но на самом деле жили по своим законам, изредка нападая на путников. Вооруженные кочевники могли облегчить содержимое их кошельков. Отдельные нападения на одиночных путников порождали слухи, действовавшие на воображение. А.В. Елисеев в своих записках «По белу-свету» отмечал, что по Палестине они путешествовали в сопровождении не только консульского каваса, но и заптия, т. е. жандарма. Раздобыть эту охрану можно было через консульство, которое обращалось за ней в каждом отдельном случае к иерусалимскому паше⁵¹.

Е. Мерцалов не без основания утверждал, что за пределами Иерусалима турецкие законы уже не действовали. В пустынях и горной местности господствовали племена бедуинов, которые почти не подчинялись османским властям. В некоторых случаях русские консулы для того, чтобы обеспечить безопасность паломнических караванов, договаривались через голову властей с шейхами племен о том, что за определенную невысокую плату они дадут проводником одного из своих сыновей. Он сопровождал караван, передвигаясь чаще всего где-либо в отдалении⁵².

О том, насколько действенной была консульская помощь паломникам, свидетельствуют записки инок Парфения (Агеева). Он вместе с другими русскими богомольцами в 1870 г. направлялся в Святую Землю через Грецию и Египет. На турецком корабле, стоявшем на острове Сира в Эгейском море, их ограбили и вдобавок вытолкали с парохода, причем на судне осталось имущество некоторых паломников, оказавшихся на берегу. Парфений со своими земляками обратился к русскому

⁵⁰ Смышляев Д.Д. Указ. соч. С. 73, 177.

⁵¹ Елисеев А.В. Указ. соч. Т. I. С. 333.

⁵² Мерцалов Е. Указ. соч. С. 188.

консулу Дубницкому. Последний вместе с турецким консулом направился в порт для того, чтобы арестовать пароход. К сожалению, он уже вышел в море. Тогда Дубинский отправил телеграмму нашему консулу в Александрии с просьбой задержать шедший туда пароход, сообщил о произошедшем нашим дипломатам в Константинополь и Министерство иностранных дел в Петербург. Оказавшимся без крыши над головой паломникам Дубницкий нанял в Сире жилье, взял у них письменные показания о том, что у них пропало на пароходе. Пострадавшие прожили в этом городе восемь дней, по прошествии которых русский консул устроил их на шедший через Сиру египетский пароход. Их вещи, пропавшие на турецком судне, арестованном в Александрии, всё же нашлись. Так благополучно закончились благодаря дипломатическому вмешательству злоключения русских паломников⁵³.

Функции организационные и охранные в отношении российских паломников, были очень важными, но далеко не единственными в деятельности российских дипломатических работников в Святой Земле и на Ближнем Востоке. Как уже отмечалось выше, их чисто дипломатические обязанности зачастую не носили публичного характера и ускользали даже от внимательного взгляда паломников-мемуаристов. Приведем примеры их, которые всё же нашли отражение на страницах их воспоминаний.

Протоиерей Н. Карашевич, высаживаясь в 1872 г. с парохода в Яффе, обратил внимание на то, что встречавший судно русский консул не уделил много внимания новоприбывшим паломникам. У него было более важное дело — он встречал привезенные на том же пароходе колокола для Троицкого храма при Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Мемуарист сообщал, что средства на эти колокола были пожертвованы московским купечеством⁵⁴.

Еще один эпизод приводит в своих мемуарах Е. Мерцалов. Русский консул в Бейруте получил из России по своим каналам письмо с просьбой о содействии одному из русских студентов, командированному на Ближний Восток для изучения языков. Но кавас консула перепутал и пригласил к нему группу гимназистов из Казани, которые в это время на пути в Святую Землю остановились в Бейруте. Тем не менее, консул был рад видеть земляков, рассказав им о своей миссии в этих местах, о положении православной религии в Восточном Средиземноморье⁵⁵.

⁵³ Инок Парфений (Агеев). Указ. соч. С. 153–155.

⁵⁴ ВолЕВ. 1874. № 20. Ч. неоф. С. 733–734.

⁵⁵ Мерцалов Е. Указ. соч. С. 113.

На страницах изученных нами мемуаров читатель найдет упоминания о целом ряде русских дипломатов, которые работали в Иерусалиме, Яффе, Александрии, Акре, Сире. Чаще всего персонажами рассматриваемых нами воспоминаний являлись иерусалимские консулы. Из 12 должностных лиц, последовательно занимавших этот пост с середины XIX в. до 1917 г., в мемуарах, привлеченных нами, упоминаются пять человек, это А.Н. Карцов, В.Ф. Кожевников, А.А. Гирс, Л.Н. Бухаров, А.Г. Яковлев. Более подробные сведения мемуаристы оставили лишь о Кожевникове и Яковлеве. Остановимся на этих свидетельствах подробнее.

О Василии Федоровиче Кожевникове, являвшимся консулом в Иерусалиме в 1867–1876 и в 1879–1884 гг., повествует в своих путевых записках А.В. Елисеев, который побывал в Палестине в 1881, 1883 и 1884 гг. Каждый раз он общался с этим русским дипломатом, с которым у него сложились не только деловые, но и личные приятельские отношения. При первом посещении столицы Святой Земли консул оказал радушный прием молодому человеку и просил быть его постоянным гостем. Через В.Ф. Кожевникова Елисеев наладил необходимые ему связи с известным археологом Клермоном–Ганно. Консул представил его также иерусалимскому паше. После этого Елисеев стал завсегдатаем в доме консула, совершил с ним ряд экскурсий по Иерусалиму. Фамилия Кожевникова постоянно встречается на страницах записок Елисеева. «Не без чувства сожаления я прощался с о. Антонином и В.Ф. Кожевниковым», — так завершает Елисеев повествование о своем первом посещении Иерусалима⁵⁶. «Добрейший В.Ф. Кожевников» первым приветствовал Елисеева при втором его приезде в Иерусалим, сразу поселил его в апартаментах на Русских постройках и содействовал его новым походам по Святой Земле⁵⁷.

В мемуарах Е. Мерцалова, посетившего Палестину позже, чем Елисеев, несколько раз упоминается консул Александр Гаврилович Яковлев (служил в этой должности в 1897–1907 гг.), который характеризуется автором как «человек предупредительный и любезный». Но один эпизод в общении с ним неприятно поразил мемуариста. На приеме русских паломников у Иерусалимского Патриарха им была предложена Яковлеву коробка с папиросами. Это вызвало немалое удивление Е. Мерцалова, т. к. в русской духовной среде курить, тем более в присутствии иерарха, было не просто неприлично, а абсолютно невозможно. Удивление Мерцалова превратилось в возмущение, когда в ответ

⁵⁶ Елисеев А.В. Указ. соч. Т. I. С. 296, 298, 304, 321, 351.

⁵⁷ Там же. Т. II. С. 264.

на предложение Яковлев, который держал себя в целом очень корректно, ... закурил. Реакция паломника объяснялась незнанием реалий Ближнего Востока, где такое было возможно и не вызывало у местных жителей отрицательных эмоций⁵⁸.

В рассмотренных нами мемуарах содержатся эпизодические данные о русских консулах Лаговском и Лексе в Александрии, Аверино в Акре, Дубницком на греческом острове Сира. Остановимся подробнее на сведениях о двух александрийских консулах, т. к. некоторым русским паломникам приходилось с ними сталкиваться либо путешествуя по христианским святыням Египта, либо находясь в Александрии транзитом в Яффу.

Н.П. Поливанов в 1861 г. встречался здесь с исполнявшим обязанности генерального консула А.Е. Лаговским. Беседа с ним оказалась полезной для паломника, интересовавшегося древностями. Лаговский показал Поливанову образ евангелиста Марка, относившийся к II в., две древние мраморные плиты с надписями, а также византийские монеты Константина Великого. Таким образом, из воспоминаний следует, что наш консул был знатоком древностей и собирал предметы раннехристианского искусства⁵⁹.

А.В. Елисеев во время своего первого путешествия на Ближний Восток в 1881 г. по делам пришел вместе со своим спутником в александрийское консульство и не встретил там того гостеприимного приема, какого ожидал, будучи русским подданным. Сначала величавый консульский кавас вообще не хотел впускать в помещение двух скромно одетых юношей. Когда они все же попали в консульство, то обнаружили, что секретарь вообще не произносил ни слова по-русски. Он обратил на них внимание только после того, как они перешли на французский. Однако, сам консул И.М. Лекс (служил на этой должности в 1868–1883 гг.) встретил их хорошо и обещал им содействие в путешествиях по Египту. В тот же день он выхлопотал им у египетских властей паспорта на свободный проезд по стране и нечто вроде открытого листа ко всем чиновникам Египта с указанием содействовать русским путешественникам⁶⁰.

Из мемуаров паломников мы можем извлечь некоторые сведения и о «материальной базе» русской дипломатической службы, в частности, в Иерусалиме. О том, в каком помещении располагалось здесь русское консульство можно судить сразу по нескольким воспоминаниям.

⁵⁸ Мерцалов Е. Указ. соч. С. 167–168.

⁵⁹ Румановская Е.Л. Указ. соч. С. 108.

⁶⁰ Елисеев А.В. Указ. соч. Т. I. С. 139.

Подробнее всего оно описано у Д.Д. Смышляева, которым долгое время жил в Иерусалиме. Он свидетельствовал, что одноэтажное здание первоначально предназначалось для бани, но потом было отведено под консульство. В нем находились квартиры консула, его секретаря и канцелярия. Южнее помещался небольшой домик для драгомана, а рядом — еще один домик, в котором помещался консульский кавас и привратник⁶¹. Мемуары А. Трапицына и Е. Мерцалова сравнительно немного добавляют к этому описанию помещений консульской службы. Первый из них упоминает о «небольшом садике» около консульства, а второй называет это «молодым парком»⁶².

Эстафету попечения о российских паломниках в 1880-х гг. приняло у дипломатических структур Императорское Православное Палестинское Общество. Оно в значительной степени разгрузило отечественную дипломатическую службу от многочисленных и разнообразных забот о паломниках, ехавших на Ближний Восток.

Начнем с того, что ИППО способствовало значительному удешевлению паломничества, введя разные типы паломнических книжек, рассчитанных на различные по уровню материального достатка слои населения, соответственно, стоимость их была различной. Руководители организации также создали при помощи епархиальных владык разветвленную структуру своих уполномоченных. Последние продавали эти книжки паломникам, снабжая их необходимой для поездки информацией. Многие паломники в своих записках рассказывали, как и у кого они приобретали эти документы, избавлявшие их от многочисленных хлопот и избыточных материальных расходов. А. Вендереvский сообщал, что он купил в 1886 г. книжку в Киеве у протоиерея Софийского собора П.Г. Лебединцева, а Е. Мерцалов в 1899 г. там же в Киеве — в Киево-Печерской Лавре⁶³.

Палестинское общество регулировало поток паломников на Ближний Восток в зависимости от нестабильной эпидемической обстановки в этом регионе. Разумеется, оно, как общественная организация, не могло запретить людям выезд в Палестину, но если заболевания приобретали массовый характер, ИППО прекращало выдачу паломнических книжек, широко оповещая население об этом через местные церковные издания. Так, в начале 1897 г. в «Епархиальных ведомостях» повсеместно было опубликовано постановление руководящих органов

⁶¹ Смышляев Д.Д. Указ. соч. С. 140.

⁶² ВятЕВ. 1895. № 21. Ч. неоф. С. 884; Мерцалов Е. Указ. соч. С. 131.

⁶³ АстрЕВ. 1887. № 14. Ч. неоф. С. 562; Мерцалов Е. Указ. соч. С. 42–43.

общества о приостановке продажи книжек в Палестину и на Афон в связи с разразившейся на Ближнем Востоке эпидемией чумы. Она оказалась затяжной, и только в декабре того же 1897 г. в тех же периодических органах появилось сообщение ИППО о возобновлении продажи книжек⁶⁴. Отличавшийся некоторой мнительностью Е. Мерцалов, прочитав в 1899 г. в газетах сообщения о предполагавшемся введении эпидемического карантина в некоторых портах Ближнего Востока, некоторое время сомневался — стоит ли ехать в Палестину. Но уполномоченный ИППО в Киеве сумел рассеять его сомнения, Е. Мерцалов всё же приобрел здесь паломническую книжку и отправился в Святую Землю⁶⁵.

Абсолютное большинство паломников начинали паломничество из Одессы. Этот этап их путешествия тоже получил свое отражение на страницах некоторых мемуаров. А.П. Касторский сообщал, что партию богомольцев провожал на пароход уполномоченный ИППО в этом городе М.И. Осипов⁶⁶. Его отчеты печатались на страницах «Сообщений ИППО», в них шла речь об интенсивности потока паломников, о пожертвованиях, отправленные через него в Святую Землю, о несчастных случаях с отдельными паломниками и с пароходами, перевозившими богомольцев⁶⁷.

Благодаря ИППО значительно улучшились жилищные условия паломников в Палестине, которых дипломатическая служба была просто не в состоянии обеспечить всеми удобствами. В начале XX в. ИППО принадлежало в Палестине восемь больших подворий для размещения паломников. Шесть из них находились в Иерусалиме, еще два — в Назарете и Хайфе, в это время через них ежегодно проходило около 10 тыс. чел. Подробные описания подворий содержатся в мемуарах некоторых паломников. А. Трапицын, оставил данные об обстановке комнат, относившихся к различным категориям. Не забыл он сообщить и о ценах за эти номера, что являлось полезной информацией для потенциальных паломников⁶⁸.

⁶⁴ См. нап.: Владимирские епархиальные ведомости. 1897. № 4. Ч. оф. С. 86; 1897. № 23. Ч. оф. С. 510.

⁶⁵ Мерцалов Е. Указ. соч. С. 43–43.

⁶⁶ КостЕВ, 1909. № 4. Ч. неоф. С. 96.

⁶⁷ См. например: Отчет уполномоченного Императорского Православного Палестинского общества в Одессе М.И. Осипова за 1898–99 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Март–апрель 1899 г. СПб., 1899. С. 193–221.

⁶⁸ ВятЕВ. 1895. № 21. Ч. неоф. С. 885.

Отзывы отечественных богомольцев о наших подворьях в Святой Земле полны позитивных и даже восторженных эмоций. В чуждой национальной и религиозной среде паломники были особенно чувствительны к проявлениям заботы о них. Вот как Г. Корельский описывает свое пребывание в подворье ИППО в Назарете: «Почувствовав себя среди русских и как бы под родным кровом, мы сразу забыли всю тяготу и знойный вар утомительной дороги»⁶⁹.

В паломнических мемуарах приводится для сравнения описание тех условий, в которых помещались паломники до того, как появились подворья ИППО. А. Трапицын свидетельствует о том, что в греческом монастыре, куда направлялись богомольцы после высадки с корабля в Яффе, им приходилось оставаться некоторое время, пока не соберется партия богомольцев в Иерусалим. Платы за пребывание здесь не взималась, но паломники по сложившейся традиции обязательно оставляли здесь немалые деньги «на свечи», «за поминовение родственников» и т. п.⁷⁰ Бытовые условия для постояльцев в этих монастырях не отличались удобством. Н. Корельский отмечал, что греческий монастырь, расположенный в Тивериаде, был «очень беден и в самом грустном виде»⁷¹.

Сопровождением паломников в их походах по Иерусалиму и в поездках по Святой Земле первоначально занимались консульские кавасы, затем эти функции перешли к служащим ИППО. Кавасы-черногорцы организовывали перевоз паломников с корабля на берег в Яффе, присматривали за ними во время таможенного контроля, заботились о транспортировке багажа и сопровождали во время поездки по железной дороге до Иерусалима. Е. Мерцалов вспоминал, что они по Святому Городу и его окрестностям везде ходили с прикрепленным к ним кавасом⁷². Кавасы являлись одновременно охранниками, экскурсоводами и переводчиками. Н. Гусев, путешествовавший в Палестину в 1898 г., сообщал, что это народ «услужливый и вежливый», что они хорошо знают местные языки и русский, получая от ИППО «очень приличное жалование». Кроме того, кавасы избавляли наших паломников от назойливых местных жителей, которые по любому поводу требовали от русских богомольцев «бакшиш». Группе паломников, в которую входил Н. Гусев, назначили в качестве проводника черногорца по имени

⁶⁹ АрхЕВ. 1912. № 18. Ч. неоф. С. 521.

⁷⁰ ВятЕВ. 1895. № 17. Ч. неоф. С. 715.

⁷¹ АрхЕВ. 1912. № 18, ч. неоф. С. 523.

⁷² Мерцалов Е. Указ. соч. С. 118, 119, 121.

Христо. Паломник отмечал, что он «ухаживал за нами так, как может ухаживать только разве любящая няня за своими питомцами»⁷³.

Большинство русских богомольцев, в том числе авторы мемуаров, прекрасно понимали, что результативность и безопасность их паломничества была в значительной степени обусловлена деятельностью ИППО. Поэтому на страницах их мемуаров встречаются сведения о деятельности этой организации, а также выражение благодарности. В этом отношении характерны слова из воспоминаний архангельского священника Г. Корельского: «Не обойду молчанием тружеников в подворьях Палестинского Общества, чтобы не поблагодарить их за всё то теплое отношение и заботливость, которой они окружают всякого паломника; верится, что не одна рука вознесет о них благодарную молитву»⁷⁴.

Подводя итоги, следует сразу отметить, что для авторов паломнических мемуаров такой сюжет, как деятельность отечественных дипломатов, не являлся приоритетным в их нарративе. Главное содержание мемуаров составляло описание посещенных святынь и впечатления, которые они оставили в памяти и сердцах богомольцев. Что касается всего остального — природы, жилищных условий, встреч с соотечественниками, то в путевых записках это выносилось на второй план как нечто мирское и факультативное в тексте, посвященном сакральным реалиям. Тем не менее в целом ряде рассматриваемых нами мемуаров авторы не только упоминают о своих контактах с отечественной дипломатической службой, но и проводят интересные подробности этих пересечений.

Как же воспринимали паломники наших консульских работников в Палестине и на Ближнем Востоке в целом? Прежде всего, следует констатировать, что вследствие своей скромности и провинциальности богомольцы чаще всего не вступали с ними в контакт по своей собственной инициативе. Паломники, не обладавшие высоким социальным статусом за пределами своего привычного социума (например, провинциальные священники, а их было немало среди мемуаристов), однозначно воспринимали дипломата как «важного начальника». Отношение к нему было соответствующим, эти мемуаристы смотрели на него снизу вверх. В то же время в глазах паломников дипломат отличался от того начальства, с которым мемуаристы имели дело на родине и которого привыкли бояться. Богомольцы догадывались, что этот человек поставлен на свой пост для того, чтобы охранять их в иноземной среде.

⁷³ ВятЕВ. 1900. № 8. Ч. неоф. С. 348, 351.

⁷⁴ АрхЕВ. 1912. № 18. Ч. неоф. С. 527.

Мемуаристы свидетельствуют, что отношение дипломатов к паломникам тоже было различным. Люди, принадлежавшие к привилегированной верхушке общества, встречали внимательное отношение к себе, простые же воспринимались как некая однородная масса, которая, впрочем, объективно нуждалась в руководстве и защите.

Впечатления паломников, отразившиеся в их путевых заметках, свидетельствуют о том, что дипломаты пользовались у них авторитетом. Путевые записки российских богомольцев наглядно показывают, что наши дипломаты являлись статусными фигурами. Им оказывали подчеркнутые знаки внимания и почета иерархии восточных Православных Церквей, османские чиновники. Можно предположить, что эти обстоятельства порождали у паломников чувство гордости за Отечество, т. к. они сознательно или интуитивно воспринимали дипломатических служащих как олицетворение России вдали от ее границ.

Важность мемуаров как исторического источника состоит также в том, что действующими лицами в них являются не абстрактные, а совершенно конкретные работники российского дипломатического корпуса. Довольно интересные сведения, сообщаемые о них в воспоминаниях, невозможно найти в других видах источников — служебных формулярах или дипломатической переписке.

МУЗЕЙ КАК ХРАНИТЕЛЬ ИСТОРИИ АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД РОССИИ

В 1819 г. по указу императора Александра I в составе Министерства иностранных дел Российской империи был учрежден Азиатский департамент. Его образование было связано с активизацией российской внешней политики на Востоке и увеличившейся ролью России в международных отношениях по сравнению с XVIII столетием. В спектр задач Азиатского (с 1897 г. — «Первого») департамента входили политические дела с восточными соседями России, дела русских подданных за границей и подданных восточных стран в России.

Изучение стран и народов Востока, необходимое для построения взаимоотношений с ними, получало государственную поддержку, и особая роль в этом отношении отводилась Азиатскому департаменту МИД. Интересы службы были здесь тесно связаны и во многом неотделимы от научных интересов. Барон К.К. Бодэ, И.А. Зиновьев, В.Ф. Минорский, многие другие дипломаты были авторами важных в научном отношении трудов, среди которых преобладали сочинения по проблемам Ближнего Востока². В начале XIX в. в связи с войнами, которые вела Россия в этом регионе, главным направлением и практической, и научной работы департамента были Турция и Персия. После неудачной для России Крымской войны 1853–1856 гг. особый интерес стали представлять Средняя Азия, Сирия, Палестина, Египет и Афганистан, а с присоединением среднеазиатских ханств внимание департамента расширилось до Дальневосточного региона. Следствием и естественным продолжением практического интереса к изучению всех этих стран было поступление в Россию множества самых разнообразных памятников культуры и искусства, пополнявших впоследствии фонды отечественных музеев.

Среди наиболее известных аспектов этой обширной темы — личные коллекции дипломатов, предметы которых хранятся и изучаются в Государственном Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии (МАЭ), Институте восточных рукописей Российской Академии Наук (ИВР РАН) и других собраниях. Об истории происхождения некоторых коллекций хорошо известно, как, например, о коллекции Генерального

---

¹ Игнатова Ольга Анатольевна — заведующий отделом сектора истории Главного штаба Государственного Эрмитажа.

² История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. Москва, 1997. С. 124.

консула в Кашгаре (Восточный Туркестан) в 1882–1893 г. Н.Ф. Петровского, хранящейся в Государственном Эрмитаже. Будучи участником «Большой игры», дипломат и коллекционер Н.Ф. Петровский с помощью своих агентов собирал памятники письменности и материальной культуры древних оазисов Восточного Туркестана, относившихся, в основном, к буддийской культуре этого региона I-го тысячелетия н.э. Сегодня ряд предметов его собрания представлен на постоянной экспозиции в Государственном Эрмитаже (Хотанский оазис Восточного Туркестана). Многие другие дипломатические коллекции были рассредоточены, имена их составителей — забыты. Именно так произошло с коллекцией тайской скульптуры посланника в Сиаме в 1910–1916 гг. Г.А. Плансона, чья история была заново открыта по документальным материалам учеными и хранителями этих памятников³.

Дипломат, вовлеченный в научные исследования региона своего пребывания, мог выступать не только в роли коллекционера, но и как источник информации для работы российских экспедиций и помощник во временном хранении и транспортировке коллекций. С этим связана другая, и, быть может, менее явная сторона деятельности МИД России в контексте добывания сведений о Востоке, а именно организационная и финансовая поддержка научных экспедиций. История «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях» при МИД (1903–1923) показывает, как государственная поддержка, оказанная посредством этого ведомства, помогла провести множество этнографических, лингвистических и архитектурно-археологических экспедиций как в азиатскую часть России, так и за ее пределы — в Китай и Монголию⁴.

Устав Русского комитета был утвержден императором Николаем II в 1903 г., в комитет вошли представители 5 научных сообществ и 6 министерств, а также отдельные ученые⁵. Министры иностранных

³ См., напр.: Дешпанде О.П., Мельниченко Б.Н. Неопубликованные архивные материалы по истории российско-тайландских культурных связей (история создания тайской коллекции буддийской скульптуры Таиланда из собрания Эрмитажа) // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. 1995. Вып. 15. С. 84–98.

⁴ Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном русском востоковедении (деятельность Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии): дисс. ... канд. ист. наук. Институт востоковедения АН СССР. М., 1984.

⁵ Бартольд В.В. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1903–1909 гг. // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т. IX: Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 504.

дел утверждали состав членов и бюро Русского комитета, в смету министерства для него было включено ежегодное пособие⁶. Зарубежные экспедиции комитета находились под защитой правительства и пользовались поддержкой российских дипломатов, например, таких выдающихся знатоков восточных культур и коллекционеров древностей, как Н.Ф. Петровский и Н.Н. Кротков.

В качестве примера музейного показа материалов, привезенных экспедициями Русского комитета, приведем залы постоянной выставки культуры и искусства Дуньхуана в Государственном Эрмитаже (II Русско-Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга, 1913–1914 гг.). Коллекция с фрагментами настенной живописи, кальками и планами архитектурных памятников, фотографиями хранилась в МАЭ до начала 1930-х гг., когда по решению Президиума Академии СССР наук большинство экспонатов передали в Эрмитаж в связи с формированием в музее Отдела Востока⁷. Рукописи из этой экспедиции хранятся сегодня в ИВР РАН.

Памятники истории и культуры восточных стран поступали на хранение и в сам Азиатский департамент — организационный центр всей российской политики на Востоке. С деятельностью Российской духовной миссии в Пекине связано формирование книжной коллекции Азиатского департамента, в которую входили рукописные и печатные книги, а также карты. По причине того, что большинство сочинений этого собрания было на китайском языке, библиотека в некоторых документах именовалась «китайской библиотекой» Азиатского департамента⁸. Она была частью обширного книжного собрания Азиатского департамента, где хранились путевые заметки и другие сочинения российских дипломатов, отечественная и зарубежная востоковедческая литература.

В 1843 г. был опубликован «Каталог книг, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента»,

---

⁶ Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном русском востоковедении. С. 19.

⁷ Кисляков В.Н. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКСВА) и коллекции по Восточной Азии МАЭ РАН // Кюнеровский сборник: материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований: этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение, 2011–2012. Вып. 7. СПб, 2013. С. 118.

⁸ См., напр.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. IV–33 О. 144. Д. 1. 1864–1865. О передаче Китайской библиотеки Азиатского департамента в Императорскую Академию наук.

составленный востоковедом, миссионером-иеромонахом Аввакумом Честным. В 1844 г. вышло издание каталога на языках оригиналов. Благодаря работе о. Аввакума можно узнать о тематике китайских сочинений в составе 395 ед., хранившихся тогда в библиотеке Азиатского департамента: это были конфуцианские произведения, книги по истории, археографии, географии, статистике, философии, государственному управлению, религии (христианской, буддийской, даосской и исламе), естественным наукам и медицине, сельскому хозяйству и промышленности, математике и астрономии, филологии; художественная литература. Маньчжурская литература в составе 60 ед. была менее разнообразна по тематике, но в ее состав входили книги по военному искусству. Книги и рукописи на монгольском, тибетском, санскрите (в основном по буддизму), географические и астрономические карты составляли 154 ед.⁹

По неимению достаточного места в департаментских кабинетах и по причине малой доступности для ученых, эти сокровища были переданы в Азиатский музей Императорской Академии наук в 1864 г.¹⁰. В это же время миссия вышла из подчинения МИД и утратила свои дипломатические функции, оставшись только религиозно-просветительским учреждением.

Налаживание культурных связей с Китаем составляло важную задачу для нашего МИД, однако более длительной и насыщенной была история внешнеполитических связей России со странами Ближнего Востока. В задачи департамента входило как построение отношений с Турцией и Персией, так и подготовка специалистов для службы в дипломатических представительствах — переводчиков-драгоманов. Для этих целей в 1823 г. было образовано Учебное отделение, или Институт восточных языков при Азиатском департаменте МИД. По воспоминаниям окончившего Учебное отделение дипломата С.В. Чиркина, туда поступали в основном выпускники Санкт-Петербургского Университета и московского Лазаревского института восточных языков — арабисты, желавшие связать свою жизнь со службой в МИД¹¹. По завершении обучения студенты поступали на службу в зарубежные представительства МИД в странах Ближнего Востока. Многие выпускники становились впоследствии

⁹ Каталог книг, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в Библиотеке Азиатского департамента. Санкт-Петербург, 1843. 102 с.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 161. IV-33 О. 144. Д. 1. 1864–1865. Л. 3–3 об.

¹¹ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. СПб., 2006. С. 10–11.

служащими центрального аппарата — Азиатского департамента в Петербурге, или советниками посольств, консулами, генеральными консулами, а также дипломатическими чиновниками при главнокомандующих и наместниках¹². С 1883 г. по 1910 г. в Учебном отделении были открыты трехлетние курсы восточных языков для офицеров разных родов войск, которые поступали затем на службу в российские миссии на Кавказ, в Среднюю Азию и Сибирь¹³.

Основу музея, или нумизматической коллекции с библиотекой Учебного отделения заложил в 1826 г. второй директор Института, известный историк и лингвист Ф.П. Аделунг, который получал поддержку своих начинаний от самого министра иностранных дел К.В. Нессельроде. У коллекции был свой хранитель — секретарь, занимавшийся ведением каталогов библиотеки и нумизматического кабинета. Эта должность была закреплена за одним из помощников столоначальника Азиатского департамента, из сумм Учебного отделения ему была назначена небольшая прибавка к жалованию¹⁴.

Собрание было не только каталогизировано, но и получило подробное обстоятельное описание в серии сборников «Collections Scientifiques de l'Institut des langues orientales» 1877–1897-х гг. Первый выпуск был приурочен к III Международному конгрессу ориенталистов, проходившему в Санкт-Петербурге. Сотрудники Азиатского департамента принимали деятельное участие в его подготовке и работе. К примеру, барон Ф.Р. Остен-Сакен, занимавший одно время должность вице-директора Азиатского департамента, был членом Организационного комитета съезда ориенталистов и генеральным секретарем конгресса¹⁵.

4 сборника «Collections Scientifiques...» были посвящены рукописям: арабским, персидским, и турецким, оставшиеся 4 — нумизматике: монетам и медалям мусульманских государств. Выпуски финансировались МИД и были подготовлены по инициативе директора М.А. Гамазова ведущими востоковедами своего времени — специалистами по восточной литературе и нумизматике В.Р. Розеном, Б.А. Дорном, В.Д. Смирновым и другими учеными.

---

¹² История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 162.

¹³ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. С. 126–127.

¹⁴ История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 156.

¹⁵ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. С. 125.

Коллекции пополнялись в основном благодаря ежегодным плановым закупкам, передаче предметов от преподавателей, бывших учеников Института и использовались в учебном процессе. На 1877 г. собрание Учебного отделения представляло собой библиотеку из 5000 томов с коллекцией арабских, турецких, персидских рукописей¹⁶. Основная тематика произведений — религия (причем не только мусульманство, но и христианство, а также бабизм, суфизм и др.), история и география, юриспруденция, художественная литература, филология, естественные науки. Немногочисленны были работы по военному искусству, каллиграфии и живописи. Имелось в библиотеке и небольшое число эфиопских, коптских, греческих, армянских и других христианских сочинений.

Специфика коллекции полностью отвечала программе Учебного отделения, где из восточных языков первоначально изучались лишь арабский, персидский и турецкий. Нумизматика была также почти полностью укомплектована арабскими, персидскими и турецкими монетами и медалями. На 1891 г. коллекция состояла из 6256 единиц хранения¹⁷. Среди предметов в Институте были история стран Востока, нумизматика, мусульманское и международное право. Особое внимание уделялось изучению классической восточной литературы, в первую очередь — поэзии, проходили занятия арабской и персидской каллиграфией. Профессорами Института в разные годы были: Б.А. Дорн, И.Г. Нофаль, П.И. Демезон, Мирза Джафар Топчибашев, А.К. Казем-Бек и другие авторитетные востоковеды.

Библиотека Учебного отделения вошла в состав фонда Азиатского музея в 1921 г.¹⁸ Одни из наиболее выдающихся в художественном отношении рукописей из этой коллекции были представлены на временной выставке «Кисть и калам» 2018–2019 гг. в Государственном Эрмитаже, среди них — «Шахнаме» Фирдоуси второй четверти — середины XV в., «Уложение Тимура» из Кокандского ханства (?) 1836–1837 гг., «Опочивальня тонких мыслей и цветник словес» Йахйя Сибак Фаттах-и из Египта начала XVI в. и другие шедевры восточной рукописной книги, украшенные миниатюрами.

¹⁶ Collections Scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires Étrangères. Vol. I. Manuscrits Arabes. Saint-Petersbourg, 1877. P. I.

¹⁷ Collections Scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires Étrangères. Vol. VII. Registre general des monnaies orientales etc. Saint-Petersbourg, 1891. P. 7.

¹⁸ История отечественного востоковедения до середины XIX века. С. 161.

В доме Учебного отделения на Морской улице (Большая Морская, д. 20) были как кабинеты для занятий, так и жилые комнаты для студентов. Учебное отделение находилось всего в 300 м. от Дворцовой площади и здания Главного Штаба, где с 1830 по 1917 гг. свою работу вели служащие центрального аппарата МИД Российской империи. Хранящиеся в Музее Академии художеств планы архитектора К.И. Росси здания Главного штаба с предварительным распределением помещений показывают, что первоначально комнаты Азиатского департамента планировалось разместить в анфиладе по наб. р. Мойки¹⁹. Однако более поздние свидетельства говорят о другом. Комнаты Азиатского департамента занимали центральное положение в анфиладе по Дворцовой площади. По воспоминаниям С.В. Чиркина, Азиатский департамент был расположен на 3 этаже. В одной комнате (на начало XX в.) были Среднеазиатский, Персидский, Японский и Китайский столы, в другой — отделение Ближнего Востока с Турецким и Балканским столами. В этой же анфиладе, по соседству с рабочими комнатами, находились кабинеты директора и вице-директора. По другую сторону коридора была регистратура и помещение чайного общества МИД («ЧАДО»), в котором члены общества во главе с вице-директором департамента завтракали и пили чай²⁰.

Обстановка одного из кабинетов начала 1830-х гг. показана на литографии «Азиатский департамент Министерства иностранных дел под управлением К. Родофиникина» с изображением известных исторических деятелей и служащих департамента²¹. Среди них — директор департамента в 1819–1837 гг. К.К. Родофиникин, будущий директор (1841–1848 гг.) Л.Г. Сенявин; греческий богослов и филолог, просветитель К. Иконому; поэт, писатель и историк Церкви, автор книги «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» А.Н. Муравьев.

Когда в 1988 г. восточное крыло здания Главного штаба стало частью Государственного Эрмитажа, в нем было решено открыть музей нового и современного искусства. Вместе с этим, нельзя было оставить в стороне то обстоятельство, что здание имело богатейшую историю,

¹⁹ Научно-исследовательский музей Академии художеств (МАХ). А № 334. План третьего этажа с показанием распределения помещений. 1828 г.

²⁰ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. С. 48.

²¹ Опубликовано в книге «Portraits et tableaux appartenant aux Archives : Ouvrage édité par les soins de la Commission instituée pour la publication de chartes et traités près les Archives principales du Ministère des Affaires étrangères à Moscou», 1898 г. Р. I. XVII.

связанную с расположением здесь Министерства финансов и Министерства иностранных дел. Комнаты Азиатского департамента, имевшие и без того скромную отделку, не сохранили своего убранства (сохранилась лишь одна печь). С 2017 г. эти залы занимает уникальный в общероссийском контексте музей Российской императорской гвардии. Иная ситуация наблюдалась в соседних представительских помещениях квартиры первого министра, проживавшего в ней, — канцлера К.В. Нессельроде. В хорошем состоянии дошли до нас живопись и скульптурная отделка присутственной галереи — кабинета, секретарской и приёмной министра. Когда после тщательной реставрации все эти залы были открыты, в них разместились постоянные экспозиции «Под знаком орла. Искусство ампира» и «Министерство иностранных дел Российской империи».

На выставке «Министерство иностранных дел Российской империи» музейные предметы рассказывают о становлении и развитии отношений с западными и восточными соседями России. Большая часть экспонатов — это произведения искусства, попавшие в Эрмитаж в результате дипломатической деятельности, так называемые дипломатические дары. Будучи подарками членам императорской семьи, восточные дары рассматривались как часть их личных собраний²². Подношения имели довольно камерный характер, и эта практика плохо отражается в документах, что несомненно усложняет работу по атрибуции даров. Такие вещи не были рассчитаны на любование кем-либо, кроме монарших особ и их приближенных.

На временной выставке «Дары Востока и Запада» (2014–2016) было показано еще больше даров от правителей восточных стран. Примечательно, что выставка проходила на территории бывшего архива МИД на втором этаже Дворцовой анфилады в Главном штабе. Дальний Восток и Юго-Восточная Азия на выставке (Китай, Япония, Сиам) были представлены шедеврами декоративно-прикладного искусства, в меньшей степени — оружием и нумизматикой. Дары из Ближнего Востока и ханств Средней Азии — это, в первую очередь, оружие и ювелирное искусство.

Осмысление опыта взаимодействия МИД и музеев в XIX в. позволяет проследить связь между процессом пополнения музейных фондов, научными и практическими целями по выстраиванию отношений с восточными соседями России. Сегодня музеи сохраняют память об истории

²² Иванов А.А. Дары императорам от стран Востока // Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет: Кат. Выст. СПб, 2014. С. 67.

Азиатского департамента. С одной стороны, это выполняется посредством музейного хранения, изучения, реставрации и экспонирования памятников, оказавшихся в их фондах, благодаря деятельности служащих Министерства иностранных дел и, в частности, Азиатского департамента. С другой стороны, с помощью практики показа дипломатических даров в музейной экспозиции возможен рассказ об этапах развития взаимоотношений нашей страны с восточными соседями.

Затронутый нами исторический контекст имеет особую значимость для постоянных экспозиций в Главном штабе Государственного Эрмитажа. Именно здесь, в восточном крыле здания Главного штаба в 1830–1917 гг., работали сотрудники Азиатского департамента. Их служебная и научная деятельность находила отражение в памятниках, которые являются сегодня достоянием нескольких отечественных музеев.

**ДИПЛОМАТЫ РОССИИ И ИХ ОСОБАЯ РОЛЬ
В ПОСТОЯННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ ВО СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ
С УЧЕТОМ ФАКТОРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С ИМПЕРАТОРСКИМ ПРАВОСЛАВНЫМ ПАЛЕСТИНСКИМ
ОБЩЕСТВОМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

Министерство иностранных дел России фактически создано в 1802 году, придя на смену Коллегии иностранных дел, учрежденной императором Петром I. Сама история этого ведомства и концептуальная деятельность в рамках его великого множества дипломатов весьма впечатляет своими достижениями. К одному из таковых следует отнести утверждение постоянного присутствия в Святой Земле совместно с Императорским Православным Палестинским Обществом (ИППО), образованным в 1882 году¹. Данное обстоятельство является императивом внешней политики государства в течение весьма длительного времени. Оно остается в высшей степени значимым до сих пор. «Паломничество по Святым местам, — подчеркивает известный российский общественный деятель и публицист Н. Стариков, — в колыбель христианства, всегда играло большую роль для Православной России. Путешествие занимало много времени, оно дорого стоило, было опасным по многим причинам. В частности потому, что контроль над Иерусалимом находился в руках турок. Сделать паломничество простым, недорогим, безопасным, а заодно показать мощь и красоту Российской империи не только единоверцам, но и всему миру — вот задача, решить которую было призвано Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО). Укрепиться в таком месте, «пустить корни», создать Русскую Палестину было важно и с точки зрения духовности. Собирались пожертвования, покупались участки земли. Строились храмы, странноприимные дома, подворья — и всё, что прямо в центре Иерусалима рядом со всеми знаковыми местами. К началу

---

¹ Колобов Олег Алексеевич — доктор исторических наук, председатель Нижегородского отделения МОО «ИППО», член Совета ИППО, профессор факультета международных отношений Национального исследовательского института Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

² Хохлышева Ольга Олеговна — доктор исторических наук, зав. кафедрой Мировой дипломатии и международного права Национального исследовательского института Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Первой мировой войны Русская Духовная Миссия (РДМ) и Императорское Православное Палестинское Общество имели на своем балансе 37 участков земли с восемью храмами и несколькими часовнями, странноприимными домами. На территории Сирии и Палестины работали бесплатно русские школы, которые не только расширяли присутствие там православия, но и были важнейшим элементом усиления влияния Российской империи. Революция и постреволюционная смута привели к запустению Русской Палестины. Но она не умерла — она просто ждала своего часа. В 1948 году Палестина оказалась в самом центре мировой политики. Решение ООН о создании двух государств — Израиля и Палестины наряду с Иерусалимом под международным контролем — так никогда и не было выполнено. На следующий день после провозглашения Израиля началась война, которая в разных формах продолжается и по сей день. В тот момент большое присутствие России уже под названием СССР в этой ключевой точке мира было бы как нельзя кстати»³.

Во все времена Императорское Православное Палестинское Общество действовало и продолжает действовать совместно с Министерством иностранных дел в Святой Земле и на всем Ближнем Востоке. По существу оно является важнейшим дипломатическим инструментом, позволяющим исключительно эффективно отстаивать государственные интересы России на Ближнем Востоке. Не случайно практически многие его руководители имели и продолжают иметь прямое непосредственное отношение к дипломатической службе⁴. Это и позволяет самоотверженно отстаивать Русскую Палестину как уникальный феномен, материально состоящий из сложной инфраструктуры русских храмов, монастырей, земельных участков и подворий, собранных и созданных на русские деньги, трудом и энергией Российского государства, Русской церкви и культуры⁵.

Среди движущих факторов создания и укрепления Русской Палестины следует выделить ведущую роль государственных структур, вдохновляемых, безусловно, духовными интересами и опирающихся, в том числе в финансовом отношении, на религиозные чувства народа. Как писал академик Ф.И. Успенский, «при подведении итогов этой деятельности нужно иметь в виду, что Палестинское общество (это

³ Стариков Н. Ненависть. Хроники русофобии. СПб, 2019. С. 338–345.

⁴ Лисовой Н.Н. Русское присутствие в Святой Земле: учреждение, люди, наследие. Рукопись.

⁵ Там же.

относится ко всем российским — дипломатическим, церковным и гуманитарным учреждениям) работало на чужбине в условиях, далеко не благоприятных, в постоянной борьбе с враждебным к нему отношением как со стороны местного духовного и светского правительства, так и иностранных учреждений и заведующих ими лиц, с завистью и недоброжелательностью относившихся к русскому делу. Нужно при этом помнить, что на Востоке это было единственное русское насаждение, пытавшееся дать твердую постановку государственно-народным русским интересам». И далее: «Палестинское Общество и Русский археологический институт в Константинополе — это два учреждения, при посредстве которых мы вели конкуренцию с западными державами, и при том на весьма боевых в разных отношениях местах: в Иерусалиме и в Константинополе. Эта конкуренция велась больше четверти века и прошла — смело можно сказать — с честью для России»⁶.

Сегодня ИППО, действуя на Большом Ближнем Востоке совместно с МИД России и Русской Православной Церковью, имеет высочайшую степень международного доверия⁷. При этом следует отметить заметный рост активности и влияния в гуманитарной сфере как на Ближнем Востоке, так и в России⁸. Усиливается и роль ИППО в деле защиты и поддержки христиан в ближневосточном регионе, которые сегодня подвергаются постоянному геноциду в Сирии, Ираке и других странах⁹. Широкомасштабное сотрудничество МИД России с ИППО является императивом современной дипломатии России.

«В иерархии российской внешней политики, — справедливо отмечает известный публицист Д. Тренин, директор Московского центра Карнеги, председатель научного совета и руководитель программы «Внешняя политика и безопасность», — Ближний Восток, как правило, располагается за Америкой, Европой, Китаем и ведущими странами Азии. Но теперь, когда Кремль поставил задачу добиться признания России в качестве глобальной великой державы, Москва больше не может игнорировать такой географически близкий, богатый углеводородами и нестабильный в социальном и политическом плане регион,

⁶ Там же.

⁷ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, возглавляющий Комитет почетных членов ИППО. Слово на заседании по случаю 135-летия Императорского Православного Палестинского Общества 2 июня 2017 г. Материал пресс-службы Московского Патриархата. Рукопись.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

как Ближний Восток. Отказавшись от военно-политического присутствия на Ближнем Востоке в начале Войны в Персидском заливе, Советский Союз утратил свои позиции не только в регионе, но и в мире. Возвращая Россию на Ближний Восток, президент Путин собирается восстановить то, что было утрачено при Горбачеве: статус державы, чье влияние простирается за пределы бывшего СССР. В 2015 году, с началом военной операции в Сирии и сопутствующих ей российско-американских дипломатических действий, Ближний Восток стал полигоном, на котором Россия тестирует свои возможности для возвращения на глобальную арену в качестве одного из ведущих игроков».

Иными словами, основная цель Путина на Ближнем Востоке — повысить статус России и закрепить за ней роль значимой внешней силы в одном из самых нестабильных регионов мира. Есть и другие важные задачи:

- Сдерживание и ослабление исламского экстремизма и радикализма, влияние которых может распространиться на территорию России и ее ближайших соседей из числа республик бывшего СССР.
- Поддержка дружественных сил и режимов в регионе, создание долгосрочных геополитических альянсов.
- Обеспечение ограниченного военного присутствия России в регионе и на его границах.
- Расширение российского присутствия на региональных рынках вооружений, ядерного топлива, нефти и газа, продовольствия и др.
- Привлечение в Россию инвестиций, в том числе и из богатых стран Персидского залива.
- Поддержание цен на энергоносители путем координации действий с ключевыми поставщиками нефти и газа в странах Персидского залива.

Приоритеты Москвы на сегодняшний день включают: совместный с США поиск путей мирного урегулирования в Сирии; расширение и укрепление связей с Ираном, с которого вскоре будут сняты санкции; поддержание тесных отношений с Египтом, Ираком и курдами — как сирийскими, так и иракскими; создание оси дружественных стран от Тегерана до Каира; по мере возможности — установление прагматичных отношений с Саудовской Аравией и прочими государствами Персидского залива; координация действий с Израилем.

Таким образом, кремлевская политика на Ближнем Востоке строится, прежде всего, на геополитических стимулах. Не последнее значение имеет для Москвы и фактор внутренней стабильности самой Российской Федерации. В состав России входит несколько республик,

населенных преимущественно мусульманами, — от Чечни и Дагестана на Северном Кавказе до Татарстана и Башкортостана в Поволжье. 12% населения РФ исповедуют ислам. Количество мигрантов из мусульманских стран Центральной Азии и Азербайджана исчисляется миллионами, причем многие из них находятся в России нелегально. Традиционно далекие от ислама регионы от Урала до Дальнего Востока постепенно «зеленеют» по мере роста числа мигрантов-мусульман с Кавказа и трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Боевики, всё еще действующие на Северном Кавказе, присягнули самопровозглашенному «Исламскому государству». Радикализм распространяется по территории России; террористическая угроза с 1990-х продолжает висеть над всей страной, в особенности — над крупными городами.

Вовлеченность России в события на Ближнем Востоке имеет глубокие исторические корни. Более двухсот лет главной задачей российской внешней политики было вытеснение Османской империи с Балкан и из Черноморского региона. Персия была фактически поделена на российскую и британскую зоны влияния. Вступление России в Первую мировую войну было связано, прежде всего, с претензиями на Константинополь и Босфор с Дарданеллами. Активное вмешательство Советского Союза в ближневосточную политику началось в середине 1950-х и быстро переросло в напряженное соперничество с США. Отдельные арабские страны — прежде всего Алжир, Египет, Ирак, Ливия, Южный Йемен и Сирия — некоторое время входили в орбиту советского влияния и были фактическими союзниками СССР в холодной войне. Советский Союз способствовал созданию государства Израиль, однако впоследствии разочаровался в нем и предпочел поддерживать арабские страны из числа врагов Израиля, а также и Организацию освобождения Палестины.

До сих пор специалисты по Ближнему Востоку, прежде всего арабисты, входят в число наиболее значимых российских экспертов в области внешней политики и безопасности. Самым авторитетным из них был покойный Евгений Примаков, возглавлявший поочередно Службу внешней разведки, Министерство иностранных дел и Правительство РФ, — влияние на Кремль он сохранял вплоть до своей кончины в 2015 году. Война в Сирии и непосредственное вмешательство в нее России вновь выдвинули дипломатов и кадровых разведчиков на передний край формирования и реализации внешнеполитического курса РФ. Сегодня здесь активнее, чем когда-либо, задействованы и сотрудники Минобороны и Генерального штаба.

Война в Сирии дала российской армии, еще не завершившей процесс постсоветской трансформации и модернизации, шанс вернуться в глобальную премьер-лигу, пусть пока и в относительно скромных масштабах. Россия впервые ведет боевые действия в арабской стране, главным образом с моря и с воздуха. Государства Ближнего Востока и Северной Африки — крупные потребители российской оборонной продукции. В 2015 году на их долю пришлось 36% поставок вооружений из РФ — они оказались на втором месте после стран Азии (42%). Алжир, Египет, Иран, Ирак и Сирия — основные покупатели российского оружия на протяжении многих десятилетий. Российские производители рассчитывают, что продемонстрированные в Сирии тактико-технические достоинства их оружия, равно как и последовательная поддержка, которую Путин оказывает союзнику в Дамаске, укрепят престиж российского вооружения в регионе и приведут новых клиентов, прежде всего из стран Персидского залива.

Есть свои интересы и у других российских компаний. Например, «Росатом» уже построил для Ирана АЭС в Бушере и работает над получением в этой стране новых контрактов. Кроме того, у «Росатома» есть проекты в Турции и Иордании. В Ираке активно работает частная российская нефтяная компания «Лукойл». «Газпром» — основной поставщик газа в Турцию; в прошлом рассматривались планы строительства газопровода в страны Юго-Восточной Европы по территории Турции или прилегающих к ней районов. Катар и Иран, наряду с Россией, составляют костяк Форума стран — экспортеров газа. Россия, как один из крупнейших экспортеров нефти, заинтересована в налаживании контактов с Саудовской Аравией и прочими членами ОПЕК из числа государств региона. Кроме того, Россия — основной поставщик зерна в Египет. До 2015 года несколько миллионов российских туристов ежегодно отдыхали в Турции и Египте. И наконец, Россия заинтересована в технологическом сотрудничестве с Израилем, с которым у нее установлен безвизовый режим¹⁰.

Суммируя изложенное выше, следует подчеркнуть, что взаимодействие ИППО с МИД России на Ближнем Востоке олицетворяет силу и мощь российского государства в различных измерениях и, прежде всего, в дипломатическом, что положительно влияет на усилия всех людей доброй воли, направленные на утверждение мира во всем мире.

---

¹⁰ Тренин Д. Россий на Ближнем Востоке: задачи, приоритеты, политические стимулы. Доклад 21 апреля 2016 г. Рукопись.

НИЖЕГОРОДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИППО И ЕГО РОЛЬ В СОДЕЙСТВИИ ПРОЕКТАМ МИД РОССИИ, НАПРАВЛЕННЫХ НА УТВЕРЖДЕНИЕ ПОСТОЯННОГО РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Основание Императорского Православного Палестинского Общества в мае 1882 года было вызвано крайней необходимостью поддержания постоянного русского присутствия в Святой Земле, расширению спектра тех важных российских государственных и общественных дел, которые имеют непосредственное отношение к православному паломничеству на Ближнем Востоке в целом. Нижегородский отдел ИППО изначально выполнял те уставные организационные задачи, которые обеспечили то активное действие Российской империи в Святой Земле, которое предусматривало единение Русской Православной Церкви и консолидацию духовных и мирских усилий в Палестине при соответствующем взаимодействии с МИД России². По существу, такая миссия оказалась непрерывной с 1882 года по настоящее время, не взирая на революционные события и средоточение деятельности Общества под эгидой Академии наук СССР в годы советской власти³.

С 1974 года Нижегородское отделение ИППО действует в структуре влиятельнейшей международной организации весьма масштабно⁴. Оно регулярно проводит международные научные конференции, организует паломнические проекты в Святую Землю, издает монографии, книги, статьи, полагаясь на поддержку всех своих усилий на Ближнем Востоке со стороны МИД РФ и Русской Православной Церкви непосредственно⁵.

¹ Колобова Светлана Анатольевна — доктор политических наук, секретарь Нижегородского отделения МОО «ИППО», профессор кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

² Подробнее см. Архимандрит Тихон (Затекин) История создания и деятельности Нижегородского отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Нижегородская старина. С. 51–52. 2017. С. 118–143.

³ См.: Святого Духа Благодать (об основных направлениях деятельности НО ИППО с момента основания до наших дней). Научное издание. Коллектив авторов под общей редакцией академика О.А. Колобова председателя Нижегородского отделения Императорского Православного Палестинского Общества (НО ИППО). — Дипломатический институт св. блгв. кн. А. Невского, 2017, Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь. 2017. С. 7–264.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 4–7.

При этом Нижегородское отделение ИППО имеет весьма высокую степень доверия в Святой Земле, являясь действенным инструментом российского государства. Во многом это заслуга нынешнего председателя ИППО Степашина С.В., который был главой Правительства РФ, владеет безупречно международной тематикой, имеет связи, влияние, авторитет в различных кругах Российского государства и того явления, которое теперь называют «русский мир»⁶.

Не случайно ИППО и его региональные отделения, включая Нижегородское, активно реализуют программу «Россия во Святой Земле» совместно с МИД РФ и РПЦ, предпринимая различные усилия для укрепления русского влияния и православного присутствия на Ближнем Востоке, у гроба Господня⁷. Особое значение при этом имела международная научная конференция «Русская Палестина: Россия в Святой Земле», проведенная в Москве Советом ИППО, Российским гуманитарным научным фондом, Домом русского зарубежья и Паломническим центром МП в октябре 2009 года⁸. Научная конференция проходила в преддверии Московской встречи по ближневосточному урегулированию и была призвана подтвердить искреннюю заинтересованность России в справедливом решении палестинской проблемы, ее внимание к региону, который, являясь колыбелью трех авраамических религий, остается одним из подлинно узловых для всей системы международных отношений.

Международное мероприятие ИППО собрало политических и общественных деятелей, глав дипломатических миссий, многих представителей Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского Патриархатов и других Поместных Церквей, Русской Православной Церкви и Совета муфтиев России, российского и международного научного сообщества, средств массовой информации⁹. В течение двух дней работы международной конференции состоялся насыщенный диалог самых разных сторон, заинтересованных в разрешении ближневосточной проблемы. На помощь политикам приходят представители публичной дипломатии, одним из рычагов которой является деятельность Императорского Православного Палестинского Общества, собравшего в своих рядах мощные дипломатические, научные, общественные и церковные силы России. Представительный форум еще раз продемонстрировал усилия нашей страны в неуклонном поступательном движении на пути

⁶ Там же. С. 8–19.

⁷ Там же. С. 20–21.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

к миру в регионе, занимающем особое место в системе международных приоритетов, на основе уважения к историческим и духовным традициям народов, населяющих Святую Землю¹⁰. Работа Международной конференции «Русская Палестина: Россия на Святой Земле» широко освещалась в средствах массовой информации. Доклады ее участников были опубликованы в специальном научном сборнике. Привлечение внимания мировой общественности к проблемам палестинского государства и соседних с ним стран является необходимым условием для принятия взвешенных политических решений с целью уменьшения напряженности на Святой Земле¹¹.

Основным итогом конференции стало принятие совместного заявления ее участников, в котором говорится: «Выражая наше беспокойство в связи с продолжающейся напряженной обстановкой на Святой Земле, угрозами безопасности ее населения и святынь трех авраамических религий, мы заявляем о поддержке курса внешней политики России на Ближнем Востоке. Взрывоопасный ближневосточный регион со святой для миллиардов людей землей должен быть превращен в безъядерную зону. Арабо-израильский конфликт, который вот уже более шестидесяти лет накаляет обстановку на Святой Земле и в мире в целом, может и должен быть урегулирован. В этом заинтересованы палестинцы, израильтяне и всё человечество. Мы, участники конференции, высказываемся в поддержку проведения в Москве представительной Международной конференции по Ближнему Востоку, выражая надежду на то, что она станет важным шагом в достижении мира, спокойствия и стабильности на Святой Земле»¹².

Подвижнические усилия ИППО в целом и Нижегородского отделения в особенности четко зафиксировали в следующем выступлении его Председателя профессора О.А. Колобова на второй (отчетно-выборной) конференции ИППО 04 мая 2012 года: «Глубокоуважаемый Сергей Вадимович, уважаемые дамы и господа коллеги. Выступая в прениях, я хотел бы особо подчеркнуть значительный вклад Председателя ИППО С.В. Степашина в том форсировании деятельности, которое и осуществилось в нашей организации за прошедшие пять лет. Хотел бы также отметить согласованную работу всех звеньев ИППО, которые обеспечили не только структурное взаимодействие, но и усилили концептуальный смысл того, что мы с вами делаем.

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Там же. С. 27–28.

¹² Там же. С. 27.

С удовольствием приношу слова благодарности за ту поддержку, которую оказало Управление делами Общества, Михаил Иванович Калинин, Игорь Васильевич Петраков, Юрий Алексеевич Грачёв. Особенно хотел бы отметить членов ИППО, которые нашему отделению все время помогают и здорово с нами взаимодействуют, это Чрезвычайный и Полномочный посол Олег Борисович Озеров, Павел Платонов, с которым у нас региональные связи Олег Герасимович Пересыпкин, который с нами взаимодействует очень давно как старейший член Общества, Олег Иванович Фомин, наш дорогой друг, который тоже очень давно с нами взаимодействует.

Почему я акцентирую на это внимание? Не для того, чтобы сказать слова благодарности, это может и тривиальным показаться, а для того, чтобы подчеркнуть, что Общество в своей новой фазе демонстрирует удивительный аккорд, я бы сказал даже такой хороший пример симфонии, который подчеркивает сложение усилий Русской Православной Церкви, власти и Общества.

Мы действуем на славной Нижегородской земле с 1974 года, стараюсь выступать по законам жанра. Я являюсь членом ИППО с 1974 года, создал факультет международных отношений, создал и основал научную школу, подготовил 37 докторов и 128 кандидатов, из которых многие обуты на правый ботинок американистики, а многие — на левый ботинок арабистики. Был создан тот самый уникальный ресурс, который позволяет нам достаточно хорошо и интересно действовать, полагаясь на поддержку властей. Мы заседаем в Кремле, действуем вместе с Валерием Павлиновичем Шанцевым, бывшим москвичом и нашим Нижегородским губернатором, и у нас есть тесные взаимоотношения со священнослужителями Православной Церкви, митрополитом Нижегородским и Арзамасским Георгием, который стал действительным членом нашего Общества, в этом зале присутствует епископ Городецкий и Ветлужский Августин, настоятель Федоровского монастыря, где почил в Бозе святой благоверный князь Александр Невский.

В разных векторах работы мы имеем результат. Проводим Елисаветинские и Серафимовские чтения, издаем книги, издаем журнал международных отношений и приложение „Восточного вектора”. Почему так эмоционально об этом говорю? Главный аспект нашей работы — это акцент на молодежь. Мы готовим карьерных дипломатов, и у нас они получают поддержку и духовное окормление, когда они узнают об Обществе, они становятся лучше, действуют достаточно масштабно, в том числе в „горячих точках”. Их не так много, но они есть, так же как, например, появилась кафедра восточных языков и центра арабистики в Нижнем Новгороде.

Приняли мы дважды послов Палестины, что было нелегкой задачей для закрытого города Горького в свое время и тоже нелегкой задачей для открытого города Нижний Новгород. Но, тем не менее, два посла у нас были и заключили договоренности с Нижним Новгородом, о котором еще Павел Пестель во времена декабристов говорил, что это будет Северный Иерусалим. Может быть, он и не стал Северным Иерусалимом, но смысл деятельности его состоит в том, чтобы укрепить контакты и усилить то, о чем говорили здесь ответственные выступающие, подчеркивая значительные достижения Общества за прошедшие пять лет.

Сергей Вадимович, Общество — это мегапроект, он стал уже таким, хотите, назовем его федеральным проектом, требующим особого финансирования по госбюджету в рамках особых расходов. Ведь действительно, нет ничего важнее и значительнее того, что мы называем культурной дипломатией, того, что мы называем просветительством на Святой Земле. Нас рано еще заносить в „красную книгу” в этом плане. Наше уникальное Общество может быть олицетворением тех инноваций, которые мы готовы позиционировать всем. А в сетевом взаимодействии мы уже работаем с разными региональными центрами. На центр мы смотрим всегда внимательно, относясь с пиететом к тем достижениям, которые продуцировал в науке Ленинград — Санкт-Петербург и Москва, МИД — естественно, мы взираем на него с трепетом, потому что у него труднейшие задачи, и мы готовим для него кадры»¹³.

Следует подчеркнуть, что практически все аспекты деятельности Нижегородского отделения ИППО соответствует полностью уставным требованиям организации, постоянно действует активно во взаимодействии с МИД РФ и РПЦ во Святой Земле, отстаивая позиции российского государства, вызывая к людям доброй воли: «Не умолкну ради Сиона и Иерусалима не успокоюсь!» Так было всегда. Так будет и в грядущее время на Большом Ближнем Востоке.

---

¹³ Там же. С. 69–70.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ПОЛИКАРП (РАДКЕВИЧ): ДУХОВНОЕ ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ОРЛОВСКОГО КРАЯ

Начало формирования Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в XIX в. было связано с важными событиями как в российской, так и в мировой истории. Менялась международная ситуация, кардинально трансформировались и судьбы людей. Одной из ярких личностей в церковной истории того периода, вовлеченной в вихрь бурных исторических событий, был Преосвященный Поликарп (Радкевич) (1798–1867), судьба которого оказалась неразрывно связана с Православным Востоком, а затем и с Орловской кафедрой, находясь на которой он инициировал создание целого ряда замечательных храмов, объектов культурного наследия. Его деятельность как на международной арене, так и на Орловщине, сыграла важную роль в русской церковной истории, а неординарная личность нашла свое отражение в произведениях русской классики.

Родился Преосвященный Поликарп 14 августа 1798 г. (по другим данным в 1795 г.) в предместье г. Каменец-Подольский Подольской епархии в семье священника Иоанна Радкевича. При Крещении был наречен Феодосием — в честь преподобного Феодосия, игумена Печерского. В сентябре 1808 г. он поступил в Подольское Духовное училище, которое было тогда соединено с семинарией. Учился «охотно и преуспевал изрядно». Учителя и наставники отмечали, что он «препонятен, с особливими дарованиями...». В 1819 г. Феодосий, один из лучших студентов Подольской семинарии, был послан в Киевскую Духовную академию для получения высшего образования. Окончил академию он в 1823 г. со степенью старшего кандидата и с правом получения степени магистра, которую и получил в 1827 г. Затем он был послан в Волынскую семинарию на должность профессора философии и еврейского языка, где 23 февраля 1824 г. в возрасте 25 лет постригся в монашество. При иноческом постриге был наречен Поликарпом — в честь священномученика Поликарпа, епископа Смирнского, память которого отмечалась в день пострига 23 февраля.

---

¹ Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя Орловского отделения ИППО, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала РАНХиГС.

² Богатырев Роман Автандилович — заместитель председателя Совета Орловского отделения ВООПИиК.

Вскоре комиссией духовных училищ он был определен в Оренбургскую семинарию также на кафедру церковной истории и еврейского языка. Здесь преосвященный Амвросий, епископ Оренбургский, обратил внимание на его наставнические труды, наградив набедренником, и определил его членом Оренбургской Духовной консистории. В 1829 г., по распоряжению комиссии духовных училищ, Поликарп был переведен из Уфы в Могилевскую Духовную семинарию в качестве ректора и профессора богословских наук с поручением настоятельства над Могилево-Братским и Буйницким Святодуховским монастырями. Вскоре по прибытии в Могилев по указу Святейшего Синода от 30 августа 1829 г. был произведен в архимандриты. Начальство не оставляло без внимания труды архимандрита и вскоре представило его к ордену св. Анны 2-й степени, а за попечительство о заключенных в тюрьмах объявило Поликарпу «Высочайшее благоволение». На данном поприще он служил около 7 лет, а затем был переведен на те же должности в Смоленскую семинарию с поручением заведовать Спасо-Авраамиевым второклассным монастырем.

Вскоре последовали значительные изменения в жизни архимандрита Поликарпа. Указом Святейшего Синода от 2 января 1843 г. он был определен настоятелем российского посольского храма в Королевстве Греческом. Это соответствовало его горячему желанию видеть святыне места на Востоке и поклониться Гробу Господнему. С согласия посланника русской миссии о. Поликарп исполнил свое давнее желание — посетить Иерусалим и другие святыне места. Он побывал в Палестине, в Сирии, в Аравии, во всех расположенных там древних обителях³. За время своей службы в Королевстве Греческом и в период посещения им Святой Земли, будущий епископ отмечал для себя те черты, которые сохранились с глубокой древности в православных церквях Востока: общежитийный устав, традиции духовного подвижничества. Не оставались без его внимания и благочестивые нововведения, способствующие развитию веры за границей, например христианская периодическая печать, которая позволяла мирянам знакомиться с жизнью Церкви. Свой опыт, полученный за время путешествий по Святой Земле, он позже применил в дальнейшем служении.

В должности настоятеля российского посольского храма он пробыл семь лет (1843–1850) и затем, согласно своему прошению, указом Святейшего Синода от 8 марта 1850 г. был уволен от должности. За свои труды в Греции он был «Высочайше причислен» к ордену св. Владимира III степени.

---

³ Полидоров Петр. Преосвященный Поликарп — епископ Орловский и Севский. Орел, 1870. С.17.

Возвратившись из Греции, архимандрит указом Синода был назначен настоятелем Нежинского второклассного монастыря. Он искал уединения и просил Синод уволить его от настоятельства и направить на жительство в Бахчисарайском Успенском ските Таврической губернии, известном, как «Русский Афон». Получив разрешение, Поликарп поселился в горах Тавриды. Знаменитый архиепископ Херсонский Иннокентий, причисленный к лику местночтимых святых Одесской епархии Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, знавший Поликарпа, убедил его принять настоятельство над Бахчисарайским Успенским скитом и подчиненными ему киновиями. В это время началась Крымская война и сопряженные с ней бедствия. За усердное служение и пастырские подвиги в героическом Севастополе, осажденном в ходе Крымской войны, молодой архимандрит получил орден св. Анны I степени.

Высочайшим указом ему было велено стать викарием Херсонской епархии с наименованием Епископа Одесского. Его рукоположение совершил архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий в Одессе 05 июля 1853 г. В это время окончилась Русско-турецкая война 1853–1856 гг. После проигрыша в Крымской войне Россия на Парижском конгрессе потеряла право покровительства христианам Оттоманской империи, поскольку именно это и стало поводом для начала самой войны. Турция обязалась улучшить положение христиан живших в их стране, а великие державы намеревались это обязательство контролировать. Но ни одна страна теперь не имела права претендовать на привилегии. В этих условиях после вынужденного перерыва снова начала действовать Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Знаменитый деятель Русской Православной Церкви второй половины прошлого века митрополит Никодим (Ротов), который также возглавлял Миссию в Иерусалиме, в своей работе «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме» по этому поводу пишет, что в связи с данными трагическими событиями открылась история новых отношений к Православному Востоку и надо было всё начинать с начала⁴. Давно существовала необходимость оформить официальное признание Миссии со стороны турецких властей. Константинопольское посольство вскоре добилось успеха, и оттоманское правительство «выдало визириальные письма по сему предмету на имя генерал-губернатора и Иерусалимского Патриарха». Порта признала существование Миссии в Иерусалиме, а также ее право на самостоятельную деятельность и давала ей

⁴ Безобразов П.В. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, М., 2005. С. 311.

возможность сноситься с Патриархом Иерусалимским «на основании совершенного равенства, вне всякой зависимости»⁵. До этого Миссия проживала в Иерусалиме негласно. Пока шли разговоры в Константинополе о самостоятельности Миссии от греков, в Петербурге подбিরали состав членов Миссии, который должен был отправиться в Святую Землю. Сложность состояла в том, что Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме учреждало Министерство иностранных дел лишь по согласованию с обер-прокурором Синода. Даже право выбора главы будущей Миссии, для Церкви, было ограничено.

Наиболее очевидной кандидатурой для назначения на этот пост был известный церковный дипломат, знаток и Палестины, и Востока, архимандрит Порфирий (Успенский), который уже был ранее первым начальником Миссии. За время пребывания в Иерусалиме он получил бесценный опыт и пользовался симпатиями как Святोगробского, так и неправославного духовенства и жителей Иерусалима. Сам он также горел желанием послужить интересам Православия в Святой Земле. В это время архимандрит Порфирий проживал в Петербурге без должности. Но, несмотря на то, что первенствующий член Синода Петербургский митрополит Григорий (Постников) поддерживал кандидатуру о. Порфирия, он в Иерусалим назначен не был, поскольку Обер-прокурор Синода граф Д.А. Толстой решил, что Порфирий недостоин назначения.

Тогда кандидатом в начальники Миссии был «предизбран» Одесский епископ Поликарп (Радкевич) за свою, как справедливо считал Д.А. Толстой, праведную жизнь, как пример подвижника и молитвенника. К тому же Поликарп уже был хорошо знаком с Православным Востоком, со времени его служения в должности настоятеля российского посольского храма в Греции. 24 марта 1857 г. Поликарп был назначен начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В то же время министр иностранных дел князь А.М. Горчаков и граф Д.А. Толстой желали, чтобы в составе Миссии был и опытный архимандрит Порфирий, но на вторых ролях.

«Боже мой! — восклицал с обидой и недоумением о. Порфирий в своем дневнике, почему же хотят послать туда преосвященного мальчика и приставить к нему Высокопреподобного дядьку? Не лучше ли неумного заменить разумным? Избравшие Поликарпа говорят, что он свят и сами же договаривают, что святость его не изведена ими лично. Какое противоречие, какое легкомыслие! Кто свят на земле? Кто из вас чист перед Богом, Который в самих ангелах усматривает пятна,

⁵ Там же. С. 315.

как это сказано в священной книге Иова? Святые существуют на небе, а на земле все грешны более или менее. Известно, что Поликарп не исцелил и ни одного больного, не воскресил ни одного мертвеца. Чем же он исправит будто бы худые нравы иерусалимских греков, как это ожидают от него? Сухоядением? Земными поклонами? Частыми службами на Голгофе, у Гроба Господня и в Гефсимании (чего, однако не позволят ему католики, армяне и турки). Смиреной наружностью? Уклонением от общения с людьми? Это ли нужно в Иерусалиме, где посты издавна соблюдаются строго, богослужение совершается ежедневно, смирение свойственно всем под турецким игом, одиночество обратилось в привычку и еще, несмотря на то, Православная Церковь, как 38-летний расслабленный лежит у купели Силоамской и вопиет: «не имам человека, да ввержет мя в купель». Там нужнее просвещение, богатая милостыня бедным, снабжение больных даровыми лекарствами, разгадывание замыслов всякой враждебной Православию пропаганды и соображение средств к уничтожению их. Там нужнее та общительность, которую имел апостол Павел и по которой он был всем вся»⁶.

Хотя, в суждениях о. Порфирия о епископе Поликарпе сквозит неприязненное чувство, вызванное тем, что из-за него Порфирий не может в Иерусалиме сделать то, к чему имел призвание, но и его рассуждения не лишены логики. Однако и Поликарп, вызванный в Петербург, очевидно, не желая вступать в конфликт с предшественником, отказался от поездки в Иерусалим «по болезни». Архимандрит Порфирий утверждал, что при личном знакомстве Поликарп был забракован и князем Горчаковым, который и ранее считал, что «епископ Поликарп не имеет той силы ума и воли, той сметливости, той вкрадчивости и дара слова, кои нужны на дипломатическом поприще»⁷.

Когда стало понятно, что епископ Поликарп возвращается домой, и в Иерусалим не поедет, Святейший Синод, остановился на другой кандидатуре. В результате соглашения Министерства иностранных дел и Обер-прокурора Синода начальником Иерусалимской Миссии был назначен архимандрит Кирилл (Наумов) с возведением в сан епископа.

30 сентября Поликарп был возвращен к прежнему месту служения. Пять лет он был викарием Херсонского Владыки. Затем последовал Высочайший указ, которым Преосвященный Поликарп был определен

⁶ Порфирий, Епископ. Книга бытия моего (Дневник и автобиографические записки) в 8-ми частях (извлечение из книги, изданной имп. Палестинским общ.). СПб, 1896. Т. 1. С. 350.

⁷ Полидоров Петр. Преосвященный Поликарп — епископ Орловский и Севский. Орел, 1870. С. 25.

на Орловскую кафедру. После первой своей Божественной литургии в Орловском Кафедральном Борисоглебском соборе, Поликарп приветствовал паству словами апостола Павла: «Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа»⁸.

Сразу после назначения на кафедру он внимательно ознакомился с поданным ему рапортом о состоянии Орловской епархии. Приступив к работе в новой должности епископ Поликарп не щадил сил. Особой его заботой стало строительство Кафедрального орловского собора, заложенного еще в 1797 г. При затрате огромных средств, строительство не было завершено до поступления на Орловскую кафедру Поликарпа. Такая же ситуация была с приютом для девиц духовного звания. Однако новоназначенному епископу удалось воплотить начинания своих предшественников в жизнь и, используя свой многолетний опыт работы в Королевстве Греческом и посещения Святой Земли, привести важные изменения в религиозную жизнь порученной ему в управление епархии.

Епископ Орловский и Севский Поликарп стоял у истоков создания первого православного периодического издания в Орле — «Орловских епархиальных ведомостей». Издание этого журнала было важным для духовного просвещения населения. Кроме того, печатное слово духовных пастырей помогало ведению борьбы с раскольниками на территории губернии. Орловщина считалась одним из оплотов раскола. После отмены крепостного права многие крестьяне отказывались исполнять свои православные послушания и впадали в ересь. Поликарп подает в Синод представление о разрешении издавать «Епархиальные ведомости». Решение об их создании Синод принял в 1864 году, а 1-го января 1865 года вышел в свет первый номер этого периодического издания. Первым редактором журнала был протоиерей Петр Полидоров — один из самых близких епископу Поликарпу людей. Первоначально журнал имел три раздела: распоряжения Святейшего Синода и постановления правительства, епархиальная хроника и назидательное чтение. Но со следующего года структуру журнала для удобства приблизили к светским изданиям: официальный раздел (распоряжения, епархиальные известия и другие официальные сведения) и неофициальный (известия, обращения архиереев к пастве, заметки, хроника, объявления и др.).

С журналом тесно сотрудничал Орловский краевед, историк церкви, один из первых специалистов по сохранению культурного наследия в Орловской губернии, преподаватель Духовной семинарии

⁸ Там же. С. 27.

Г.М. Пясецкий. Он опубликовал более 50-ти работ, в том числе исторических публикаций и статей, например: «Материалы для истории Орловского края», «О церковной иерархической зависимости Орловского края» и др. До сих пор подшивки «Орловских епархиальных ведомостей» являются одним из главных источников по истории Орловской епархии дореволюционного периода.

По воспоминаниям редактора журнала протоиерея Петра Полидорова, епископ Поликарп «в полном смысле был аскет, с тем только отличием, что носил архиерейский сан, исполнял пастырские обязанности и жил среди общества»⁹. Классик русской литературы и орловец Н.С. Лесков был скуп на похвалы, но епископа Поликарпа также считал подлинным подвижником благочестия и на страницах своих произведений много места уделил его деятельности. Так, в «Мелочах Архиерейской жизни» он пишет о скромной, доходящей до аскетизма, жизни этого архиерея: «преосвященный Поликарп, как о нем говорили, «был не богаче церковной мыши»: этот архиерей был до такой степени беден, что сам занимал у своих подчиненных...»¹⁰

В период управления епархией епископа Поликарпа стала бурно развиваться строительная деятельность. Поскольку строительство Петропавловского собора затягивалось, епископ Поликарп решает строить Архиерейский собор на обширной территории Архиерейского Дома (бывшего Успенского монастыря) находившегося на окраине города, во имя Святой Живоначальной Троицы¹¹. Первоначально для постройки планировалось снести малую поминальную Троицкую церковь — воздвигнутую орловским губернатором, а позже сенатором Аркадием Васильевичем Кочубеем над прахом его домочадцев (сохранилась до настоящего времени). Однако, этого не произошло.

По совету прозорливого старца, жившего в Успенском монастыре (Архиерейском Доме), место для строительства Троицкого собора было определено в нескольких метрах севернее Троицкой усыпальницы в «верхнем саду» архиерейской резиденции. Предварительное освящение места для нового храма произвел сам епископ Поликарп в мае 1859 г. Троицкий собор был заложен 5 июня 1860 г. по проекту архитектора

⁹ Полидоров Петр. Преосвященный Поликарп — епископ Орловский и Севский. Орел, 1870. С 29.

¹⁰ Лесков Н.С. Мелочи архиерейской жизни // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. М., ГИХЛ, 1957. Т. 6. С. 393.

¹¹ Церкви и монастыри города Орла: библиографический справочник / Сост.: О.Н. Носов, Р.И. Реуцкая, В.Г. Сидоров. 2 изд., доп. Орел, 2007. С. 85.

Н. Ефимова. В 1865 г. приехавший для освидетельствования состояния орловских церквей архитектор Маевский запретил возведение каменных купольных сводов собора, во избежание их обрушения. По просьбе епископа Поликарпа был разработан проект устройства над собором деревянных куполов с последующей штукатуркой их с внутренней стороны и обшивкой железом снаружи. Собор был великолепен. Выполненный в русском стиле, он напоминал храм Христа Спасителя в Москве. Этот огромный пятиглавый храм стал настоящим украшением города и долгое время считался символом Орла. Его освятили 29 июня 1879 г. уже после кончины архипастыря. К сожалению, в советский период российской истории, в 30-е годы XX века, это великолепное сооружение было взорвано. Однако от него сохранились подклеты под алтарными апсидами, с прекрасными сложными сводами. В настоящее время они приняты на государственную охрану, как памятник архитектуры регионального значения.

Однако продолжал архипастырь опекать и строительство собора в городе Орле. Оно затягивалось. После каждого ремонта на здании образовывались всё новые трещины и храм снова закрывали на ремонт. Проблемой было и то, что собор был посвящен Павлу Исповеднику, в честь восшествия на престол Павла Первого. День этот не являлся выходным, в связи с чем было трудно добиться присутствия губернско-го чиновничества на престольный праздник. Поэтому епископ вышел с предложением в Синод о переименовании храма в Петропавловский. В 1861 г. решение Синода состоялось. Главный престол освящается во имя Первоверховных Апостолов Петра и Павла. Поскольку этот праздник считался Великим, трудности посещения прихожанами в период празднования его престола были преодолены.

Другим важным проектом епископа Поликарпа стало завершение строительства прекрасного шатрового храма на территории Введенско-Христорождественского женского монастыря. При настоятельнице игуменьи (1858–1867) Мелитине (1869) над святыми воротами была устроена и 24 августа 1865 года освящена лично епископом Поликарпом Тихвинская церковь. Позже в нижнем этаже, где ранее были проездные святыя ворота, на пожертвования монахини Епифании (Черепенниковой) был освящен Свято-Троицкий храм (1886–1887) (ныне переосвящен, как Введенский), в склепе которого положены останки особо почитавшейся схиигуменьи Серафимы (Соковниной), перенесенные с городского кладбища по многочисленным просьбам сестер. Этот храм чудом сохранился до настоящего времени, и сейчас является собором женской обители. Он стал неотъемлемой частью

силуэта города и также принят на государственную охрану, как памятник архитектуры регионального значения.

В 1867 году женский монастырь возглавила игумения Амфилохия (Объедкова) (1824–1874), постриженица Смоленского в честь Вознесения Господня монастыря, ученица оптинского иеромонаха преподобного Илариона (Пономарева). Руководствуясь советами старца Илариона и епископа Поликарпа, игумения пыталась ввести в монастыре общежитийный устав, и ей удалось привнести в жизнь обители некоторые его элементы. К началу 70-х гг. XIX в. в монастыре проживало более 230 человек.

24 мая 1867 г. орловский архипастырь освятил, наконец, и новое здание приюта иконой Божией Матери «Споручница грешных» (список с чудотворной иконы, находился на территории епархии, в Карачевском Николаевском Одрине монастыре) и в тот же день отправился для обозрения епархии. Объехав в течение полутора месяцев уезды — Елецкий, Ливенский, Малоархангельский и часть Мценского и Орловского, он возвратился в Орел.

По приезде в город епископ еще раз посетил приют. Преподав благословение начальствующим приюта, он отправился в епархию, где занимался делами консистории, беседовал с ректором о новом уставе семинарии. Однако утром обнаружилось, что Владыка потерял дар речи и не владеет правой рукой. Вскоре его состояние ухудшилось — он не мог ходить без посторонней помощи. На другой день он дал понять, что хочет причаститься Святых Христовых Таин, что и было исполнено. Так он поступал вплоть до своей кончины. Вследствие болезни теперь Преосвященный большую часть времени спал. Однако, когда наступало время богослужения, приходил в себя и требовал знаком, чтобы его вели в храм. Несмотря на немощь, он не хотел оставлять молитвы до последнего издыхания. Также ежедневно он требовал, чтобы его подводили к иконам, находившимся в большом количестве в его покоях, и с благоговением целовал их. Ему становилось то лучше, то хуже. Врачи не теряли надежды на благоприятный исход. Однако 22 августа 1867 г. в 2 часа пополудни Преосвященный Поликарп, епископ Орловский и Севский, уснул навеки. Вечером того же дня его тело было перенесено в Благовещенскую Крестовую церковь Архиепископского Дома, где находилось до погребения. 25 августа в Орел прибыл Тульский Владыка Никандр (Покровский) и отслужил панихиду по почившему. Отпевали Поликарпа 27 августа в отремонтированном кафедральном Петропавловском соборе (окончательно собор был освящен полным чином лишь в 1895 году). На отпевании архипастыря было очень много народа. Останки почившего погребли в Успенской

церкви Архиерейского Дома за правым клиросом. Над могилой была положена чугунная доска с изображением креста Господня и надписью: «Здесь погребено тело епископа Поликарпа, управлявшего епархией 9 лет, скончавшегося на 73 году своей жизни, 22 августа 1867 года».

После 1917 года некрополь при Успенском монастыре (Архиерейском Доме) сильно пострадал. В 1920-е годы надгробия с могил пошли на ремонт плотины через Оку. В 1932 году оставшиеся надгробные памятники сбросили в реку. Комплекс Архиерейского Дома использовался для размещения различных учреждений. В послевоенные годы здесь находилась детская воспитательно-трудовая колония. В 1980 году Успенская церковь, являвшаяся архиерейской усыпальницей, была снесена.

В годы перестройки в 1990 году началась расчистка остатков Успенского храма, а 28 августа 1991 года на его фундаментах был совершен первый молебен. 13 февраля 1992 года комплекс сохранившихся сооружений Успенского монастыря принимается под охрану государства постановлением главы Администрации области № 61 «О мерах по улучшению охраны и использования памятников истории и культуры». 20 апреля 1992 года по постановлению мэра города Орла территория Успенского монастыря была передана Орловской епархии¹² с последующим выведением с нее всех посторонних служб.

В августе 1994 года архиепископом Орловским и Ливенским Паисием во время соборного служения духовенства города Орла было совершено перезахоронение праха архиереев, чьи оскверненные и разграбленные останки, в годы гонений на веру, были обнаружены верующими при расчистке завалов на месте снесенных храмов. Это были кости епископов Никодима (Быстрицкого), Ювеналия (Карюкова) и Ириней (Орды), а также викарного епископа Митрофана (Землянского)¹³. Одним из перезахороненных архиереев был и Поликарп (Радкевич), так много сделавший для развития духовной культуры Орловской губернии.

Успенский монастырь вновь открыт постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви от 9 июня 1998 года.

Сегодня могила епископа Поликарпа с восстановленной надгробной плитой является значимым памятным местом и святыней Орловской епархии. А исторический и духовный опыт преосвященного Поликарпа, как и оставленные им замечательные сооружения — объекты историко-культурного наследия, до сих пор способствуют делу воспитания и духовного просвещения.

¹² Русская Православная Церковь. Монастыри. Энциклопедический справочник. М., 2000. С. 202.

¹³ Ливцов В.А. «Прости беззакония наша» // Просторы России. 1994. 26 сент.–2 окт.

Список использованной литературы и источников

1. РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 763. О постройке новой церкви при Орловском Архиерейском Доме. 1856–1857 гг.;
2. ГАОО. Ф. Р–3899 по истории и восстановлению Успенского мужского монастыря в г. Орле за 1987–1994 гг.;
3. Орловские епархиальные ведомости. 1866. №1;
4. Безобразов П.В. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, М., 2005;
5. Воробьев В. 427 лет духовной жизни // «Российский инвалид» — №25 (27), 1993;
6. Добрынин Д.С. Успенский монастырь при Архиерейском Доме в г. Орле (Исторические сведения о нем) // Орловские губернские ведомости. 1860. № 25;
7. Лесков Н.С. Мелочи архиерейской жизни // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11 томах. М., 1957. Т. 6;
8. Ливцов В.А. Орловский некрополь. Орел, 2011;
9. Ливцов В.А. Монастырская старина // Культура и город. Сб. материалов обл. научно-практической конференции Орл. обл. отделения Российского творческого Союза работников культуры (г. Орел, 24 июня 1993 г.). Орел: Орловское областное управление статистики, 1994. С. 33–37;
10. Ливцов В.А. «Прости беззакония наша» // Просторы России. 1994. 26 сент. — 2 окт.;
11. Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского / ред. П.В. Безобразов. Т. 1–2. СПб, 1910.;
12. Порфирий, Епископ. Книга бытия моего (Дневник и автобиографические записки) в 8-ми частях (извлечение из книги, изданной имп. Палестинским общ.). СПб, 1896, Т. 1;
13. Неделин В.М., Ромашов В.М. «Архитектурные древности Орловщины». Орел, 1998;
14. Полидоров Петр. Преосвященный Поликарп — епископ Орловский и Севский. Орел, 1870;
15. Пушилов К. Свидание с Орлом // Собеседник. 1990. Июнь. № 23;
16. Русская Православная Церковь. Монастыри. Энциклопедический справочник. М., 2000. С. 202.
17. Церкви и монастыри города Орла: библиографический справочник / Сост.: О.Н. Носов, Р.И. Реуцкая, В.Г. Сидоров. 2 изд., доп., Орел, 2007.

ПАЛЕСТИНА ИЛЬИ ФЕДОРОВИЧА ТЮМЕНЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ)²

Во второй половине XIX века, как известно, увеличивается количество поездок наших соотечественников на Восток и, в частности, в Палестину. Это уже не только паломнические поездки, но и «паломническо-туристические» путешествия, а также путешествия с профессиональными целями. Так, в конце XIX века на Святую Землю едет много художников, чтобы не только увидеть, но и зарисовать святыне места и яркие образы Христианского Востока. Каждое такое паломничество – отдельное информационное «звено» в нашем знании о Русской Палестине (в широком смысле слова). Причем большое значение имеет не только история самой поездки, но и тот контекст, в котором она была совершена, события, ей предшествовавшие, — всё это добавляет определенные штрихи в общую картину. Данная статья посвящена путешествию на Святую Землю одного из интереснейших людей второй половины XIX — начала XX.

Илья Федорович Тюменев (1855–1927) — представитель богатого купеческого рода. Но известность он получил благодаря своим талантам в различных областях творчества. Тюменев знают многие, однако, в основном, как представителя лишь одного художественного направления. Для музыкантов он — либреттист опер Н.А. Римского-Корсакова «Пан Воевода» и «Царская невеста», переводчик оперных либретто на русский язык, в том числе опер «Орфей» Х.В. Глюка, «Дон Жуан» В. А. Моцарта, произведений Р. Вагнера. Кроме того, он сам является автором оперы «Еретики». Для художников Тюменев — выпускник Академии художеств и близкий друг мастера русской исторической живописи Андрея Петровича Рябушкина. В литературоведении же Илья Федорович известен как автор повести «Халдей» и многочисленных историко-этнографических журнальных публикаций.

Но Тюменев был еще и путешественником. Используя литературный и художественный таланты, а также дневники, которые он вел с юных лет, Илья Федорович составлял удивительные описания своих путешествий,

---

¹ Михайлова Елена Андреевна — кандидат искусствоведения, научный сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41009.

обладающие прекрасным слогом и сопровождаемые зарисовками мест, которые он посетил и которые привлекли его внимание. Тюменев много путешествовал по России, публиковал описания этих путешествий с иллюстрациями из собственных зарисовок³ и сохранил множество рисунков (как собственных, так и своих друзей), связанных с русскими городами и разными уголками нашей страны⁴. Но ездил он и по святым местам. Кульминацией этих паломнических поездок стало так называемое «восточное путешествие» и посещение Палестины.

Несмотря на свои незаурядные таланты, на активную творческую и общественную деятельность, Илья Федорович Тюменев главным «героем» исследований никогда не становился. Нет его научной биографии. Поэтому обстоятельства его жизни и отдельные направления деятельности можно восстановить лишь обратившись к архивным источникам. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится большой архивный фонд Тюменева, и «сердцем» этого фонда, уникальным документом, является его труд под названием «Моя автобиография» — 10 больших рукописных томов, над которыми он работал в конце XIX — начале XX века, используя свои дневники, письма и все материалы, сохранившиеся за долгие годы. Эта автобиография и другие материалы архива дают возможность понять, каким образом Палестина возникла в жизни Ильи Федоровича, что привело к решению ехать на Святую Землю. Анализ документов говорит о том, что здесь сказалась и семейная обстановка, и его собственные творческие устремления.

Про свою мать (мамашу — как он ее называл), Марию Маркеловну⁵, Тюменев пишет так: «Еще задолго до кончины перестала она танцевать и посещать театры, концерты и т. п., а время свое проводила в чтении св[ятого] писания. С наибольшею любовью читала она толкования на Евангелии и Псалтырь Иоанна Златоустаго, в последнее время она почти не выпускала его из рук <...>; много, много часов проводила она также в беседах с монашествующими»⁶. И действительно, по воспоминаниям Ильи Федоровича, монахи находились в их доме постоянно.

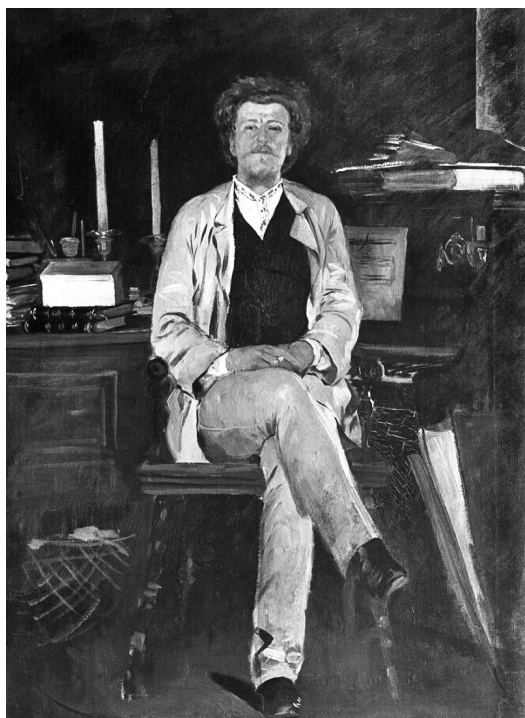
³ См., напр.: Тюменев И.Ф. По пути из «варяг в греки». (Путевые впечатления) // Исторический вестник. 1893. Т. 51. № 3. С. 804–828; Т. 52. № 4. С. 133–156.

⁴ См., напр.: коллекция рисунков «По Руси». ОР РНБ. Ф. 796 (Тюменев И.Ф.). Оп. 1. №№ 266–281.

⁵ Тюменева (в девичестве Эзелева) Мария Маркеловна. Умерла, когда Илье Федоровичу было 15 лет.

⁶ ОР РНБ. Ф. 796 (Тюменев И. Ф.). Оп. 1. № 7. Лл. 125–125 об.

И.Ф. Тюменев (1855-1927)

Отец же, Федор Ильич Тюменев, был страстным путешественником. «Трудно и сосчитать количество верст, которые он изъездил на своем веку,» – отмечает Илья Федорович⁷. Одним из генеральных направлений поездок отца были путешествия по монастырям. Добавим к этому еще один факт: в 1862 году, когда Илье Федоровичу было 7 лет, его старший брат Федор (13-ти лет) сбежал на Валаам ради иноческой жизни. И с тех пор каждый год, а часто и по 2 раза в год, семейство Тюменевых посещало Валаам. Причем не просто посещало: Тюменевы жили там по несколько недель.

Таким образом, расположенность Ильи Федоровича к святым местам уже была заложена интересами родителей. Сам же Тюменев с раннего детства очень любил рисовать и собирать картины. Влияние родителей пересеклось с устремлениями сына: одной из главных коллекций было собрание картин с видами монастырей.

Любопытно проследить, как в жизни Тюменева появляется сначала образ Палестины, а затем и сама Святая Земля.

Среди многочисленных монахов и духовных лиц, посещавших дом Тюменевых, Илья Федорович выделяет игумена Парфения, «из раскольников». Еще в 1855 году он издал книгу «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» в 4-х частях⁸. Последняя часть этого труда была посвящена странствию в Иерусалим и в Святую Землю. О. Парфений был любимцем Ильи

⁷ ОР РНБ. Ф. 796 (Тюменев И. Ф.). Оп. 1. № 7. Л. 28.

⁸ Парфений (Аггеев П.). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле: в 4-х ч. / [соч.] постриженника святой горы Афонския инока Парфения. М., 1855. Т. 4.

Федоровича: «В то время как обыкновенно монашеств[ующая] братия вела с воздыханиями разговоры из душеспасит[ельной] метафизики, о. Парфений б[ольшей] частью рассказывал что-нибудь о своих путешествиях и самые душеспасительные разговоры часто оживлялись примерами из виденного и слышанного. <...> Я... любил его более остальных гостей, и как только, бывало, он придет к нам, я уже бросаю свои игрушки и занятия и отправляюсь сидеть с ним целый вечер»⁹. По всей видимости, это первое яркое соприкосновение маленького мальчика с описанием Святой Земли не по духовным книгам, а в живых рассказах, услышанных от человека, посещавшего эти места.

Еще одно запомнившееся детское впечатление связано с рассказами бабушки Василисы Васильевны — «женщины старой и крайне недалекой, которая, однако, как-то ухитрилась побывать в Иерусалиме»¹⁰. Она много вспоминала о своем путешествии, и Тюменев подчеркивает, что, хотя он с сестрами и «подтрунивал» над ней, но слушать ее рассказы очень любил. Очевидно, они носили несколько наивный и «простоватый» оттенок: «с нею всё делались чудеса, о кот[орых] она рассказывала оч[ень] серьезно и с полной верою»¹¹. Например, Василиса Васильевна уверяла, как «она сама была у двери в юдоль плачевную в Иерусалиме, в самом Храме Гроба Господня. Дверь простая железная, а за нею ясно слышно, как, точно ветер, воют души терзаемых в аду грешников»¹². Или другая история. По дороге на Иордан бабушка с некоей странницей отстали от каравана и очутились одни в пустыне. Они стали плакать и молиться. «Вдруг является мальчик в белой рубашечке — ангел (вероятно, посланный кавасом), в руке у него пруттик, и он начинает подгонять упрямого ослика. Тот прибавляет шагу; вскоре они нагоняют караван и спасаются от опасности, “ангел” же, сделав свое дело и, вероятно, скрывшись в толпе погонщиков, стал вдруг невидимым»¹³. Такие рассказы, хоть и несколько экзальтированные, добавили особенных красок в образ Палестины, складывающийся в сознании восьмилетнего мальчика, каким был тогда Илья Федорович. Скорее всего, он выслушивал много подобных историй — но эти ему запомнились особенно, поэтому именно они и были внесены в автобиографию.

⁹ ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 24.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 64

¹¹ ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 64 об.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Наконец, в самом начале 1872 года в Палестине побывали отец и брат И.Ф. Тюменева. По первоначальным планам в поездку на Восток и на Святую Землю с ними должен был поехать и сам Илья Федорович. В то время, когда он писал автобиографию, обстоятельства, по которым поездка состоялась без него, забылись. Но в одном из писем, адресованных Тюменеву его хорошим знакомым, Василием Николаевичем Савичем, есть такие строки: «Я очень рад был, узнавши, что Вы не едете с Федором Ильичем на Восток, а употребите золотое время молодости на приготовление к университету»¹⁴. Скорее всего, именно эта причина — подготовка к поступлению в университет — и стала основной в принятии семейного решения. Тюменев специально подчеркивает, что это было желание и его самого — т. е. на тот момент поездка в Палестину его не особо привлекала.

Илья Федорович получает письма отца и брата из их путешествия. Первая часть поездки — Константинополь, Смирна, Александрия, Каир, Суэц, «отшельническая обитель Синайская». Вторая — святые места Палестины. Из Яффы путники отправились в Иерусалим, по традиции прибыли в Патриархию. «На другой день, — пишет отец, — повели с пением в Храм ко Гробу и к прочим великим св[ятым] местам». Отец, Федор Ильич, и старший брат Федор оказались в Палестине как раз в праздник Входа Господня в Иерусалим. «Праздник Входа в Иерусалим, — сообщают они, — совершен был торжественно: служили Патриарх; 7 архиереев, 78 иеромонахов, 16 дьяконов и много стихарных участвовали в церемонии. После обедни был крестный ход»¹⁵.

После посещения Палестины родные И.Ф. Тюменева отправились на Афон. Любопытно, что в своих воспоминаниях письма, в которых речь идет о посещении Синая и Иерусалима, Тюменев приводит в тексте, а вот об афонских лишь упоминает. Это говорит о личных приоритетах Ильи Федоровича.

В следующем, 1873 году, отец И.Ф. Тюменева вновь едет на Афон и, вероятно, хочет, чтобы там побывал и младший сын. По крайней мере из писем ясно, что Федор Ильич дарит Илье Федоровичу 1000 рублей именно на поездку на Афон. Но тут случается событие в жизни Тюменева, значение которого сложно переоценить: весной 1874 года он знакомится с художником, инспектором академических классов Академии художеств Павлом Алексеевичем Черкасовым, который стал Тюменеву одним из самых близких друзей. Черкасов незадолго до этого вернулся из Лондона, где заведовал русским отделом художественной выставки.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 207

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 217 об.

Буквально через несколько дней после знакомства состоялась и вторая встреча Тюменева с Черкасовым. Илья Федорович вспоминает об этом так: «Поздоровались, и я остановился в кружке его лондонских знакомых (случайно бывших в саду), которым он рассказывал, что в продолжении 3-х летних месяцев намерен объехать Восток, Палестину, Египет с Суэцким каналом, Италию, Швейцарию, побывать в Вене, Праге, Дрездене, Берлине и к началу сентября вернуться в Петербург.

Программа была слишком заманчива, чтобы мне не соблазниться! Вернувшись домой, я рассказал обо всем папаше, и он тотчас дал свое полное разрешение»¹⁶. Надо отметить, что дело было, конечно, не только в программе, но и в самом напарнике — художнике, и возможности с практикующим художником посетить упомянутые места.

Черкасов согласился принять Тюменева «в компаньоны», и в мае 1874 года они отправились в путешествие. Поездка получилось не совсем такой, какой была задумана: до европейских стран паломники так и не доехали. Сев на пароход в Одессе и посетив Константинополь, Смирну, Латакию и ряд других городов, Тюменев с Черкасовым прибыли в Яффу. После посещения Иерусалима и Святой Земли через Порт Саид, Суэц, Каир и другие города вернулись в Константинополь, завершив свое путешествие вновь в Одессе. Вследствие такой географии Тюменев называет эту поездку «Восточным путешествием».

На протяжении всего пути Тюменев вел подробный дневник. Но к огромному сожалению, описание пребывания на Святой Земле, а также блокнот с зарисовками этих мест не сохранились. «Палестинский» эпизод – посещение Иерусалима и Святой Земли – записан Тюменевым по воспоминаниям и с учетом небольших заметок из записных книжек, которые не были утрачены.

Путешествие Тюменев с Черкасовым совершили летом. В Яффе они оказались 19 июня и, после посещения Палестины, вновь вернулись в этот город, 3 июля выехав в Порт Саид, т. е. непосредственно на Святой Земле они находились две недели. В архиве Тюменева сохранилась роспись этих двух недель по дням, и можно проследить точную схему их «экскурсионных» передвижений по Палестине¹⁷.

20 июня, приехав в Иерусалим, путешественники остановились в Русской Миссии и в тот же день познакомились с о. Антонином (Капустиным). Им очень помогло предшествующее путешествие отца Ильи Федоровича, которому удалось сойтись с выдающимися людьми.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 1. № 8. Л. 20.

¹⁷ См.: ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 1. № 8. Л. 36 – 36 об.

Тюменев пишет: «В Константинополе нас принял и обласкал о. Макарий, а здесь о. Антонин, у которого мы были в гостях неск[олько] раз и который сам лично руководил нашими экскурсиями, а в некот[орые] места, напр[имер] в Горнее и на Элеон, ездил даже сам с нами». И далее: «О. Антонин занимался археологией Палестины и востока и сообщил нам много ценных сведений о прошлом тех мест, которые мы посещали»¹⁸. За время пребывания в Палестине они увидели, кроме упомянутых мест, русские постройки, естественно, «Храм св[ятого] Гроба», съездили в Иерихон, на Иордан и Мертвое море, в Вифлеем, посетили Гефсиманию и Кедронскую долину. Довольно тесно путешественники общались с о. Антонином в неформальной обстановке. В конце «палестинской» части воспоминаний читаем: «Много раз бывали мы по вечерам у о. Антонина, познакомились с регентом русского хора (при церкви русск[их] построек), играли у него на фисгармонике разные духовные пьесы, пели и приятно проводили время»¹⁹.

Также они встречались и с русским консулом в Иерусалиме, Василием Федоровичем Кожевниковым²⁰, с которым познакомились еще на пароходе, идущем в Яффу.

Поскольку это не дневник, а воспоминания, то подробно описаны лишь некоторые моменты путешествия: путь из Яффы в Иерусалим, крестный путь и Храм Гроба Господня, поездка на Иордан и Мертвое море. В мемуарном повествовании, созданном талантливым литератором, перед нами предстает образ дороги и гостиниц, стоящих вдоль нее; ощущения, испытанные Тюменевым — человеком светским, но воспитанным в христианских традициях — от движения по крестному пути.

После посещения Палестины интерес Ильи Федоровича к этим местам не угасал еще многие годы. Ко всему прочему он был и коллекционером изобразительных материалов, и сохранил огромное количество как рисунков — Черкасова, Рябушкина, Павлова и других художников, — так и фотографий, открыток и даже вырезок из газет. Материалы эти хранятся не только в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, но и в отделе эстампов РНБ, а также огромная коллекция сохранилась в Российском этнографическом музее. И среди всех этих материалов немало изображений святых мест и образов, связанных с Палестиной.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 1. № 8. Л. 40 об.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 1. № 8. Л. 46.

²⁰ Василий Федорович Кожевников управлял Российским консульством в Иерусалиме с 1867 по 1876 и с 1879 по 1884 гг.

**ЛЕКЦИЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛИСОВОГО
«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ
ОБЩЕСТВО И МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ»,
ПРОЧИТАННАЯ В ПАЛОМНИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА
13 МАРТА 2008 ГОДА**

9 января 2008 года во время заседания Научной секции Императорского Православного Палестинского Общества Заместитель Председателя ИППО, доктор исторических наук Николай Николаевич Лисовой объявил о своих планах чтения цикла лекций под названием «История Императорского Православного Палестинского Общества».

Надо сказать, что цикл такого содержания предпринимался им не впервые, да и сама форма была ему известна и близка. На протяжении 1970–1980-х годов пользовались большой популярностью публичные лекции Лисового в ВООПИК, Политехническом и Историческом музеях, посвященные культуре Древней Руси, русской книжности XI–XVII вв., истории ИППО, циклы лекций «16 веков Византии», «А.С. Пушкин — историк Православной России» и другие. В 2006 году Д.В. Сафонов, ныне известный московский священник и сотрудник Общецерковной аспирантуры, даже впервые публично назвал Николая Николаевича «Московским златоустом». Это действительно было так. Еще в начале 1990-х годов Центральный лекторий общества «Знание» в Политехническом музее предоставлял Николаю Николаевичу полный карт-бланш относительно тематики, формы и жанра предлагаемых лекций. Так, в 1994 г. вместе с известным российским византистом И.С. Чичуровым они опробовали небывалый еще в анналах русских публичных чтений вариант дуэта — чтение лекций не по очереди, а каждую лекцию — вместе, вдвоем, подхватывая и развивая друг друга, в современном сегодня стиле джем-сейшен. Планировалось, что со временем лекции будут отредактированы и подготовлены к публикации, но работа всё откладывалась — и отложилась до самой безвременной кончины обоих.

Точно так же случилось и в этот раз. Много лет Николай Николаевич собирал материал по истории ИППО, апробировал его в своих

---

¹ Бутова Ритта Борисовна — кандидат исторических наук, секретарь Научной секции МОО «ИППО», старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

статьях, выступлениях на научных конференциях, лекциях, собираясь подготовить и опубликовать большую монографию. В несколько усе-
щенном виде темы, поднятые во время цикла 2008 года, публиковались,
но полная работа так и не была закончена².

² См. например: Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, на-
следие // Отечественная история. 2003. № 2. С. 19–37; № 3. С. 84–103.

«Президенты Палестины». Памяти первых председателей ИППО
Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Преподобно-
мученицы Елизаветы Федоровны // Православный Палестинский сборник.
Вып. 100. М., 2003. С. 103–131.

Василий Николаевич Хитрово — основатель Императорского Право-
славного Палестинского общества // Хитрово В.Н. К Животворящему Гробу
Господню. Рассказ старого паломника. М., 2003. С. 5–59. — То же. Изд. 2.
М., 2006.

Императорское Православное Палестинское Общество: русский след
на Святой Земле // Церковь и время. 2004. № 2. С. 147–177.

Из истории руководства Императорского Православного Палестинского
Общества: четыре секретаря (М.П. Степанов — В.Н. Хитрово — А.П. Беляев —
А.А. Дмитриевский) // Православный Палестинский сборник. Вып. 102.
М., 2005. С. 6–35.

Великая княгиня Елизавета Федоровна — председатель Императорского
Православного Палестинского Общества (1905–1917 гг.) // Отблеск Нетвар-
ного Света. (Материалы VI юбилейных Свято-Елизаветинских чтений).
М., 2005. С. 69–93.

Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле
и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М. 2006.

Архимандрит Антонин (Капустин) и строительство церкви в память
императрицы Марии Александровны в Гефсимании на Елеонской горе //
Строительство церкви святой Марии Магдалины на Елеонской горе в Иеру-
салиме в фотографиях из альбома Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.
1885–1888. М., 2006. С. 9–20. — В соавторстве.

Церковь святой Марии Магдалины в Гефсимании // Строительство церк-
ви святой Марии Магдалины на Елеонской горе в Иерусалиме в фотографи-
ях из альбома Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1885–1888. М., 2006.
С. 95–100.

Императорское Православное Палестинское Общество: 125 лет служе-
ния Церкви и России // Дмитриевский А.А. Императорское Православное
Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века.
1882–1907. М. — СПб., 2008. С. 371–432.

Русское паломничество в Святую Землю в XIX–XX вв. // Тысяча лет рус-
ского паломничества. Каталог выставки. Государственный Исторический
музей. 24 ноября 2009 г. — 28 февраля 2010 г. М., 2009. С. 18–23. — В соавт.

В поисках модели русского научного присутствия на греческом Востоке:
ИППО и РАИК // Труды Второго российско-греческого форума гражданских
обществ «История российско-греческих отношений и перспективы их раз-
вития в XXI веке» (Петербург, 15–16 июня 2009 г.). М., С. 229–235.

Православное востоковедение и русское присутствие на Востоке: опыт
ИППО // VITALIUS. Сборник статей, посвященный 70-летию В.И. Шеремета.
М., 2010. С. 215–231.

Сергиевское подворье — судьба, история, перспективы // Православный Палестинский сборник. Вып. 107. М., 2011. С. 15–53.

ИППО и РДМ в Иерусалиме: между МИДом и Синодом // Православный Палестинский сборник. Вып. 107. М., 2011. С. 113–140.

В.Н. Хитрово — основатель Императорского Православного Палестинского Общества // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем в 3-х томах. Т. 1. Православие в Святой Земле. М.–СПб., 2011. С. 5–48. Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем в 3-х томах. Т. 1. Православие в Святой Земле / Сост., подг. текста и комм. Н.Н. Лисового / Отв. ред. Л.В. Мельникова. М.–СПб., 2011.

Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем в 3-х томах. Т. 2. Статьи о Святой Земле. Из истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю / Сост., подг. текста и комм. Н.Н. Лисового / Отв. ред. Л.В. Мельникова. М.–СПб., 2011.

Москва — Иерусалим. Из истории Московского отделения ИППО. М., 2012.

Подворья ИППО в Иерусалиме. М., 2012.

Палестинское Общество: национальный проект в центре мира, у Гроба Господня // Россия в Святой Земле. К 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока. Каталог Международной юбилейной выставки. М., 2012. С. 12–135.

Николаевское подворье ИППО в Иерусалиме // Православный Палестинский сборник. Вып. 108. М., 2012. С. 85–98.

Императорское Православное Палестинское Общество в оценке друзей, врагов и конкурентов // Православный Палестинский сборник. Вып. 108. М., 2012. С. 197–202.

Русская Палестина как национальный проект: к концепции ИППО вчера и сегодня // «Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность в Святой Земле. К 130-летию со дня основания». (Труды конференции в ИРИ РАН, 10 ноября 2011 г.). М., 2012. С. 59–68; То же // Великоросс. Литературно-исторический журнал. 2012. № 3 (5). С. 45–52.

Д.Д. Смышляев и Императорское Православное Палестинское Общество // От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д.Д. Смышляева. К 180-летию со дня рождения. Материалы церковно-научной конференции. Пермь, 26 марта 2008 г. Пермь, 2012. С. 26–42.

Взаимодействие и отношения ИППО и РДМ в Иерусалиме по неизвестным документам АВП РИ / Публ. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 108. М., 2012. С. 107–130.

Русская собственность в Святой Земле по документам Государственного архива Израиля / Публ. Ю.А. Грачева, Н.Н. Лисового, И.Ю. Смирновой // Православный Палестинский сборник. Вып. 108. М., 2012. С. 131–163.

Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия // Сост., подг. текста и комм. Н.Н. Лисового и Л.А. Герд / Отв. ред. Л.В. Мельникова. М.–СПб., 2012.

М.А. Черкасова и школы Императорского Православного Палестинского Общества в Бейруте // Встречаясь друг в друга. Россия и арабский мир: взаимное восприятие. М., ИВ РАН. 2013. С. 430–463.

А.А. Дмитриевский и русская просветительская работа в Святой Земле // Дмитриевский А.А. Палестинское общество и русские школы на Востоке. М.–СПб., 2014. С. 5–16.

Палестинское общество // Большая российская энциклопедия. Т. 25. М., 2014. С. 147–149.

В одном из интервью Николай Николаевич говорил, что многие его научные работы и целые книги сложились и оттачивались на основе лекций и публицистики. При этом он сомневался, стоит ли тратить время на подготовку лекций, уверенный в отсутствии научного отклика и реального и объективного обсуждения поднимаемых проблем.

Из истории Российского Палестинского Общества при АН СССР. Часть 1. Документы 1950–1976 гг. / Подг. текста, коммент. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. 2014. С. 309–362.

Из истории Российского Палестинского Общества при АН СССР. Документы из архива РПО. Часть 2. 1979–1985 / Подг. текста, коммент. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 110. 2014. С. 245–274.

Императорское Православное Палестинское Общество // Музей Императорского Православного Палестинского Общества. Каталог. М., 2015. С. 6–19.

Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. I. / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М.: Изд-во «Индрик», 2015.

Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев в его переписке с В.Н. Хитрово и М.П. Степановым // Подарок ученым и утешение просвещенным: сб. ст., посвящ. 90-летию профессора Анны Аркадьевны Долининой. СПб., Петерб. востоковедение, 2016. С. 303–377.

Императорское Православное Палестинское Общество в Москве: из истории Московского отделения. М., 2017. — В соавт.

Сергиевское подворье. Судьба, история, перспективы. М., 2017.

Императорское Православное Палестинское Общество в новой исторической реальности: 1917, первый акт // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. М., 2017. С. 33–44.

Памятники Романовского Иерусалима. К 160-летию со дня рождения основателя и первого Председателя ИППО Великого князя Сергея Александровича // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. М., 2017. С. 55–144. — В соавт.

Письма секретаря ИППО В.Н. Хитрово к профессору С.-Петербургского университета И.В. Помяловскому (1881–1899 гг.) / Подг. текста Р.Б. Бутовой, Н.Н. Лисового, И.Ю. Смирновой; предисл. и комм. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. М., 2017. С. 147–201.

Неизвестные документы экспедиции ИППО под руководством Н.П. Кондакова (1891) / Подг. текста и предисл. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. М., 2017. С. 202–219.

Время О.Г. Пересыпкина. Документы РПО при АН СССР (1989–1992) и ИППО (1992–2000) (Продолжение) / Сост. и комм. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. М., 2017. С. 223–243.

Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. II. Документы по истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М., Изд-во «Индрик», 2017.

Сергий Александрович (орфоэпический этюд) // Православный Палестинский сборник. Вып. 115. М., 2018. С. 31–46.

Под знаком Тавифы: к 125-летию освящения Русской церкви в Яффе // Православный Палестинский сборник. Вып. 115. М., 2018. С. 125–155.

Это его останавливало. Ему нужен был серьезный, аргументированный и документированный разговор, чтобы его не только с пониманием выслушали, но и могли «на полном серьезе», одно из его любимых выражений, возразить. Но в 2008 году таких исследователей Русской Палестины еще не было совсем.

Первоначально планировалось, что Н.Н. Лисовой в Паломническом центре Московского Патриархата прочитает 4 лекции, но интерес хотя и небольшой, но очень заинтересованной аудитории заставил Николая Николаевича расширить тематику. Всего он выступил 6 раз:

29 февраля «Императорское Православное Палестинское Общество на фоне времени»;

13 марта «ИППО и МИД»;

20 марта «ИППО и Св. Синода»;

3 апреля «Вертикаль управления ИППО»;

10 апреля «Архитектурно-строительные проекты ИППО в Святой Земле»;

17 апреля «Русские школы на Ближнем Востоке».

Было записано и по горячим следам расшифровано 5 лекций из 6, записи первой — не существует.

Думаю, что тем читателям, которые никогда не бывали на лекциях Николая Николаевича, будет интересно познакомиться с этой неизвестной гранью его научного наследия. Редактирование текста произведено с минимальным вмешательством, в полной мере сохранен стиль лекций, их драматургия и накал. Нужно добавить, что публичная лекция, как жанр, подчинена другим законам, нежели научная монография, да и вообще текст. Необходим прямой контакт с аудиторией, определенные приемы, чтобы держать внимание своих слушателей. Этим искусством Н.Н. Лисовой в полной мере владел. Но именно эти отличия живого слова от текста научной статьи следует учитывать, тем более, что данное выступление так и не было отредактировано автором для последующей публикации.

Что касается содержания, то оно несколько устарело в той оценке, которую дал Н.Н. Лисовой положению России на Ближнем Востоке по состоянию на 2008 год. Напротив, с активизацией российского присутствия в регионе Палестинское Общество вновь оказывается востребованным и апробированным инструментом политики России. Большое внимание в лекции уделено специфике взаимодействия государственных, церковных и общественных институтов в управлении в Палестине и дальнейшие исследования Н.Н. Лисового подтвердили универсум.

Н.Н. Лисовой

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО И МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Мы продолжаем наш разговор об истории Императорского Православного Палестинского общества, который в целом имеет подзаголовок «Между МИДом и Синодом». То есть мы пытаемся выяснить взаимодействие и взаимопротиводействие государственных (светских) и церковных структур в русской внешней политике на Ближнем Востоке. Наверное, если бы этого взаимодействия было больше, а взаимопротиводействия меньше, мы бы большего результата могли достигнуть. И это относится не только к тому, что происходило 150, 100 или 125 лет назад, когда возникло Палестинское Общество. Сверхзадача наша состоит в том, чтобы показать, что это один из постоянно действующих факторов в русской внешней политике, особенно в регионах с традиционно сильным религиозным влиянием России, а может быть и не только.

Дело заключается в том, что катастрофическое падение русского влияния в мире, которое происходит сегодня, во многом обеспечено тем, что наша дипломатия не оказалась готова использовать ресурс русского религиозного, православного влияния в мире. На самом деле в мире сегодня русских и русского православного влияния гораздо больше, чем было 100 лет назад. Тогда Россия была достаточно изолированной страной. Кроме большой колонии русских аристократов в Париже, Ницце, Баден-Бадене нигде русских не было. И, тем не менее, осуществлялось в очень значительной степени православное присутствие в мире. Я не говорю уже о первой волне эмиграции, которая была наиболее церковна и которая опиралась на те храмы, монастыри и миссии, которые существовали к 1917 году. Я не говорю даже о второй и о третьей волне эмиграции. Но даже сейчас ново-русские столько уже создали, по существу, колоний, постоянно живущих и действующих во всем мире, что конечно, если бы по-настоящему мы могли опираться на этот потенциал, наше присутствие в мире выглядело бы по-другому, чем оно выглядит сегодня. Поэтому вопрос действительно достаточно актуальный.

С другой стороны, это относится не только к внешней политике. Во внутренней политике тоже достаточно актуальны разговоры о том, как государство должно относиться к Церкви, как Церковь должна

относиться к государству, и при этом недовольные находятся и с той, и с другой стороны. Одни недовольны, что церковь плохо относится к государству, другие недовольны тем, что церковь слишком сервильно относится к государству. Третьи недовольны тем, что Президент или правители наши стоят со свечами в церкви, а четвертые недовольны, что они не постоянно там стоят — надо было бы, как при царе Алексее Михайловиче, с утра до вечера там стоять, а они вот только на Пасху и на Рождество приходят. То есть эта невыясненность, парадокс — две тысячи лет существуем как христиане; 1600 лет, шестнадцать веков, существуем как Православная Империя, со времен Константина Великого и Феодосия Великого; 1000 лет существует Православие в России; 500 лет, со времен Ивана Грозного, существует Православное Царство, по-настоящему говоря, Православная Империя в России — и до сих пор так и не выяснили, в каких мы должны быть отношениях, как и что должно взаимодействовать или наоборот, не действовать. Разумеется, это в полной мере сказывается на результатах нашей внешней политики.

Я начну, может быть, с пары цитат, чтобы не утомлять. В 1908 году вышла книга Юрия Сергеевича Карцова — это тот самый, который был молодым другом Константина Леонтьева. Леонтьев его называл «Тигренком», он сам работал на Ближнем Востоке много лет. Книга называлась «В чем заключаются внешние задачи России». И автор задавался таким вопросом: «Спросите англичанина, как понимает он английские интересы — ответ вы получите ясный и стереотипный. То есть все англичане знают, в чем состоят интересы Британской Империи. Сколько бы русских вы ни спросили, каждый ответит по-своему и совершенно различно. Русское простонародье горячо любит свою родину, но ему неизвестно, в чем заключаются его интересы. Этого не знает и наша витающая в отвлеченностях интеллигенция, не знают этого и те, кому по долгу службы ведать сие и надлежало бы — политики-профессионалы». Это 1908 год.

Примерно к этому же времени относится такое совершенно печальное, горестное признание другого известного политолога. Это книга Г.А. Евреинова «Идеология Ближневосточного вопроса», автор которой писал: «Международная политика русского правительства на всем почти протяжении истекшего столетия страдала бессистемностью и беспринципностью, чем и объясняются ее печальные результаты. Плыть в пучинах международной политики без определенной цели, на авось, или в кильватере за немцами или за французами, нельзя, не подвергая государственному кораблю опасности крушения».

Вот теперь, после этого, давайте посмотрим, так ли действительно уж печально обстояло дело, потому что на самом деле это люди все очень знающие. Это люди, выстрадавшие свои суждения. Скидывать их со счета мы не можем. Но так ли это действительно катастрофически обстояло? На самом деле, конечно, некоторая равнодействующая русской политической работы и на Востоке, и в мире в целом, конечно, была.

Вопрос заключается в том, что не было продуманной и единообразной системы, той самой вертикали, о которой у нас теперь модно говорить, вертикали — как эта политика должна осуществляться и кем она должна осуществляться. И тут возникают все эти «проклятые» вопросы. Тот самый человеческий фактор. Мы теперь обобщенно говорим «человеческий фактор», Сталин говорил: «Кадры решают всё», — что то же самое. А святые отцы говорили, что всё по грехам нашим.

Вот идеальная схема есть. Идеальная схема, которую исповедовал МИД, российский МИД, до 1917 года состояла в том, что есть Государь Император, ему как помазаннику Божью принадлежит прерогатива определять и внутреннюю, и внешнюю политику Российской Империи. Для этого — для того, чтобы ее осуществлять — у него есть подручные орудия, в том числе, для внешней политики таковым подручным средством является МИД. Государь диктует свою волю, свое желание, министру иностранных дел или другим крупным МИДовским чиновникам, они осуществляют эту его волю, а затем докладывают о результатах и сообщают сведения, которые необходимы для дальнейшего планирования и осуществления этой самой внешней политики. Как видно, схема достаточно проста и, наверное, результативна, когда внешней политикой руководит, скажем, Петр Великий или Екатерина Великая, которая действительно диктовала министрам иностранных дел, что надо делать, и то же самое делал император Петр Великий.

Но когда этого нет — Россия-то была династической монархией, в ней не работал византийский принцип. Византийский принцип империи действует как? Как только глава государства оказывается нефункционирующим или дает сбой, его убирают без жалости. Из 108 византийских императоров 33 человека умерли в своей постели. Две трети были низложены, убиты, зарезаны, оскотелены, ослеплены, усечены руки-ноги, сброшены с башни, уморены голодом — любыми средствами. Но вот Империя, как старая мудрая змея, сбрасывала свою шкуру, верхние слои своей кожи, то есть элиту, правящую элиту, всё время обновляясь. А вот появился просто хороший генерал — скажем,

это может быть Василий Македонянин, просто конюх, ставший императором, или армянин Ираклий, или еще кто-нибудь, просто маршал Жуков, — вот он появился, вот он разгромил арабов или разгромил еще кого-нибудь — и его ставят императором. Если он подтвердит свое достоинство, он может стать основателем короткой — обычно короткой — династии. Его сын и внук тоже могут вызывать какое-то доверие. Нет — значит всё! То есть, когда мадам Сталь говорила о том, что в России форма правления — «самодержавие, ограниченное удавкой», на самом деле это никакой не цинизм, это никакая не острота французская, хотя мы ее так воспринимаем, просто дама сказала, как было на самом деле. Это и есть византийский принцип — самодержавие, ограниченное удавкой. В России она работала исправно: Петра III убрали, Павла I убрали — ну, не буду перечислять всех, кого убрали со времен еще Владимира Красного Солнышка, который сам пришел к власти, убив братьев, и потом, соответственно, его сыновья между собой воевали и резали друг друга и так далее. Не будем так далеко уходить. Во всяком случае, вот нормальная модель. Тогда мы можем требовать и ожидать, что этот харизматический, или военный, или еще какой-то лидер, который приходит к власти, сможет осуществлять действительно, в том числе и внешнюю политику на должном уровне.

Если этого нет, что происходит? Представьте себя на месте царя. Вы царь. У вас должны быть источники информации для того, чтобы управлять страной и внешней политикой. И у вас должны быть исполнители, которые бы даже мудрое и правильное ваше решение смогли бы осуществить. К сожалению, и то, и другое — человеческий фактор. Багдадские халифы, как вы помните, сами переодевались нищими, или купцами, или оборванцами и ходили по Багдаду, собирали сведения. Русский посол Н.П. Игнатьев почти такую практику осуществлял в Константинополе в 1860–1870-е годы. То есть имел огромную сеть и прямой агентуры, и общения на разных уровнях с турецкой знатью, и со всем дипломатическим корпусом, и со всеми возможными авантюристами, которые готовы продавать информацию.

Делал ли кто-либо из русских императоров такое же? И мог ли? А не мог. Ну, просто не мог. А это означает, что император получал крайне дозированную и крайне тенденциозную информацию до самого 1917 года. Вся комедия с Февральской революцией отчасти этим объясняется. Что даже в самый ключевой, казалось бы, момент истории всей монархии царь не имеет ни достоверной информации, ни достоверного совета, на который мог бы опереться. А учитывая, что такой еще царь, который и волей не обладает — тогда всё, тогда катастрофа.

Таким образом, внешняя политика Российской Империи оказывается уделом очень ведомственного, очень корпоративного, как сейчас по-современному говорят, учреждения, которое называется «Министерство иностранных дел». Еще для Александровского времени историки отмечали, что нигде не было столько людей с нерусскими фамилиями, как в МИД. И действительно, можно перечислить: послы во всех, во всяком случае, во всех европейских государствах — обязательно с нерусскими фамилиями. Как раз, кстати, Восток был больше вотчиной русских людей, потому что эти господа не очень интересовались делами Востока. А в целом, МИД был полностью под влиянием, скажем мягко, нерусского фактора.

Я вообще не хочу ничего сказать плохого про тех иностранцев, которые честью и правдой служили Российской Империи. В основном, они были такими. Вопрос в другом: даже человек, который действительно по своему субъективному убеждению служит честно и правильно, он всё равно остается чуждым русскому менталитету, русской системе ценностей, русскому пониманию, в том числе, наших обязанностей и задач и на Востоке, и в других местах. Ведь политика — это не только интересы, это обязанности. Вообще Россия всегда строилась как государство обязанностей, тягловое государство. Крестьяне должны хлеб выращивать, помещики, которые над ними, должны служить империи, поставлять офицерство, правящую элиту, правящая элита должна выделять из себя первый эшелон власти — министров, руководителей внешней и внутренней политики — и так далее. То есть вот в таком, тягловом государстве, конечно, очень важно, чтобы человек с молоком матери впитывал свои русские интересы, свои русские задачи и обязанности.

Есть очень хорошая система служебного отношения — немецкая. Есть такое понятие “Soldatentum”, солдатство духа. Но, тем не менее, ни один немец никогда не покончил с собой в результате проигранной войны, проигранного сражения, или не желая сдаваться врагу. Ни один. Это можно проследить на протяжении всей военной истории Германии. Никакого самоотверженного отношения как у нас, но, соответственно, их и не наказывали. Их бы не казнили, как воеводу Шеина, который в 1634 году был вынужден сдаться со своей армией под Смоленском. Я только хочу сказать, что очень сложно говорить о каких-то решающих моментах, которые определяли бы ту самую провальную политику, о которой мы сказали. Вот почему политика оказывалась провальной? И почему реально идеальная схема МИДа (государь император, МИД и внешняя политика) почти не работала?

Ну, во-первых, я сказал уже: не у каждого императора была своя концепция внешней политики. Второе — отсутствие информации. Третье — отсутствие не только информации, но и отсутствие прямых рычагов воздействия на все уровни исполнения. Да, конечно, государь император мог однажды старого и всем надоевшего Карла Васильевича Нессельроде сменить на Александра Михайловича Горчакова. Это мог сделать лично государь император. Но государь император лично не мог пронизать своим взглядом всю структуру, всю вертикаль и посмотреть, где хороший консул, где плохой, где очень хороший посол, а где не очень хороший — и кем его заменить, и какие, собственно, критерии для того, чтобы его заменить в нужный момент.

Приведу только один пример, расскажу одну историю: был в Бейруте замечательный генконсул Константин Михайлович Базили. Он православный грек, много сделал для установления добрых отношений с Иерусалимским и Антиохийским Патриархатами. И вот однажды государь император Николай I посылает на Ближний Восток своего личного эмиссара, графа Ржевусского. Граф Ржевусский посещает Бейрут, Иерусалим, это была очень быстрая командировка, за два месяца он объехал весь Ближний Восток. Везде побывал, пообщался со всеми в Константинополе, Александрии, Иерусалиме, Бейруте, Дамаске и так далее. Он возвращается. И за чашкой чая государю императору говорит: «Есть такой консул Базили, молодой совсем еще, подающий надежды, талантливый, но у меня есть впечатление, может, я не прав (*дословно цитирую его докладную записку*), что он преследует французские, а не русские интересы на Ближнем Востоке. А более всего он преследует свои личные, коммерческие интересы», — как оно действительно и было, потому что Базили потом в Одессе был одним из самых влиятельных и богатых людей, когда закончил свою дипломатическую карьеру. И Ржевусский рассказывает государю, в том числе, приводит конкретные примеры. Государь император возмущен и говорит: «Надо же было посылать такого дурака», — *дословно цитирую*. Забыв о том, что четыре года назад он сам назначил Базили. Конечно, по докладу Нессельроде, но он же его послал, забыв далее об этом на другой день... Константин Михайлович Базили оставался нашим генеральным консулом в Бейруте до начала Крымской войны, до 1853 года. То есть еще 13 лет после командировки Ржевусского. В чем дело, почему, как? Я не берусь судить. Это нужно специально писать монографию о самом Базили. Опять-таки, Базили — не самый худший пример! Были и гораздо более вопиющие. Тем не менее, я могу сказать только одно: что даже сам государь император мог сказать: «Зачем такого дурака туда послали?» — и ничего не сделать.

Даже выговора Константин Михайлович Базили никакого не получил. Да, два старых друга, граф Ржевусский и император Николай Павлович поговорили, повздыхали о том, *как не с кем работать, вот какие у нас люди на Ближнем Востоке* и так далее, и этим всё кончилось. Этим всё кончалось слишком часто.

И вот в эти отношения вдруг оказывается вплетено наше родное Императорское Православное Палестинское Общество. Мы закончили прошлую беседу разговором о геополитике и о русских интересах на южных рубежах империи. Так вот, если вспомнить, что к 1882 году происходит, практически весь этот период, с середины XIX века и до возникновения нашего Палестинского Общества. Да, безусловно: стратегические интересы России состояли в том, чтобы с одной стороны бороться за выход к проливам, за Константинополь, с другой стороны за выход на Памир. Плюс конкуренция с Англией в Центральной Азии. Вот два основных направления. Потом, в конце XIX века, приплетется еще вариант с Японией, который оказался проигрышным, как мы знаем.

В результате, эти два направления были ослаблены довольно существенно. И по существу получается, что наше решение вопросов на Ближнем Востоке, в частности, в Иерусалиме, осуществляется на общем фоне русского *“Drang nach Süden”*. Этот наш «дранг», конечно, осуществлялся потихоньку. То есть в ближайшем регионе, в Персии, шла постоянная борьба с Англией, то, что потом англичане назовут в своей литературе «большая игра». Афганистан — «большая игра». На Памир всё время выходят наши генералы со своими планами похода в Индию. О походе в Индию говорили еще в начале царствования Николая I, потом — во время Хивинской операции и в последующее время. Потом, во время Крымской войны, генерал Чихачев разрабатывает план вторжения в Индию в качестве побочной операции, для того, чтобы нанести удар в тыл английским войскам и так далее.

Почему ничего этого не осуществилось? И опять два фактора. Первый фактор. Почти все историки, в том числе военные, говорят: «Да нет, это была всё попытка с негодными средствами, не было у России средств, сил и прочее». Ну, не верю я в это! Потому что на самом деле, как мы теперь говорим, не было политического решения, не было политической воли. Практически всё царствование Александра I, а потом по инерции до самого Венгерского похода и все царствование Николая I прошло под знаком, так называемого легитимизма. То есть поддержания всех и всевозможных монархических режимов в Европе и не только, но даже того же турецкого султана и прочее. И не дай Бог, чтобы мы выступили в качестве союзника или невольного союзника

для местных революционных движений, которые могли бы быть направлены к тому, чтобы свергнуть какую-либо из этих монархических властей. Это очень существенный момент. Второй момент, еще более существенный — не было политической воли и политического решения, не было, как я сказал, и четкой политической концепции.

Когда Карцов в 1908 году разводит руками и говорит, что даже наши дипломаты не понимают и не могут объяснить никому, что такое интересы России — вот это серьезно, это страшно. Но это действительно так. Когда Николай II в 1915 году в разговоре с французским послом Палеологом говорит: «Да нет у нас никаких интересов в Палестине и в Сирии, делайте там, что хотите. Нам вот только проливы отдайте и всё», — это, конечно, непозволительная роскошь. Это означает, что концепции действительно не было. А результат известный: так называемое соглашение Сайкса-Пико-Сазонова просуществовало ровно до Февральской революции, потом было отброшено, как никому не нужное и никем не подтверждаемое.

Таким образом, Россия пыталась работать на Востоке в самом широком смысле: в пределах Турецкой Империи, и соседнем Иране, и соседнем Афганистане, и до Памира включительно, собственно говоря, Кушку присоединили в 1883 году, а Палестинское Общество возникло в 1882 году. То есть всё одновременно делалось. Но при этом ни в одном официальном документе не упоминается Иерусалим вообще и русские интересы в Палестине.

Поговорим о Восточном вопросе. Написано много, библиотека трудов. Двадцать лет назад в нашем Институте Российской истории вышла коллективная монография, которая называется «Русская политика в Восточном вопросе» — и там не упоминаются: ни Бейрут, ни Иерусалим, ни Ближний Восток в нашем современном понимании вообще.

И при этом совершенным особняком стоит Василий Николаевич Хитрово, который в 1881 году говорит в своей книге «Православие в Святой Земле», что турок можно бить не только на Дунае, но и на Иордане, и на Средиземноморском побережье, и интерес России и будущее Азии, может быть, будет решаться совсем даже не где-либо еще, как вот здесь. И он одинок. Глас вопиющего в пустыне. И МИД — практически на всех уровнях — против Палестинского Общества настроен категорически. Ну, мало того, что вообще какие-то ребята-самозванцы пришли — хотя и очень титулованные иногда — но пришли Бог знает откуда. К нашей корпорации, к нашему ведомству не относятся, никаким доверием МИДовских чиновников не обременены. И они еще будут нам что-то советовать. Или рекомендовать. Да ни в жизнь.

А вот теперь давайте посмотрим реально. Казалось бы, создается новое Общество, до этого в Иерусалиме действуют Русские Постройки, так называемые: русские подворья, странноприимные дома, храмы. И всё это подчиняется МИДу. Всем этим управляет Палестинская Комиссия Азиатского Департамента МИДа. И в этой ситуации появляется какое-то Палестинское Общество. Что оно может делать, и как оно должно работать? Мы возвращаемся к 21 мая 1882 года, когда нужно собрать 40 человек (ну, там по списку было около 48) членов-учредителей, которые должны были собраться и провозгласить открытым Православное Палестинское Общество. Государь Император за две недели до этого 8 мая утвердил Устав и даже уже назначил Сергея Александровича, великого князя, его Председателем. Кто эти господа, члены-учредители, которые учреждают Палестинское Общество? Вот давайте посмотрим.

Вроде бы, с одной стороны, это Православное Палестинское Общество и речь идет о взаимодействии с Патриархатами Востока и о работе с русскими православными паломниками. А с другой стороны — это Общество, которое собирается работать в Палестине, то есть в одном из регионов Турецкой Империи, которая связана с внешнеполитическими интересами и представителями. Так вот, среди учредителей нет ни одного духовного лица и ни одного представителя Святейшего Синода, с одной стороны, и с другой стороны, нет ни одного дипломата. Кроме отставных, как, например, адмирал Путятин. Есть все, кто хотите. Есть генералы — много представителей генералитета: от генерал-лейтенанта до генерала от инфантерии, генерала от артиллерии и так далее... Есть адмиралы, правда, не действующие уже. Упомянутый уже адмирал Путятин, замечательный русский человек, который в свое время первые договоры заключил с Японией и с Китаем, границу с Китаем по существу наметил и провел. Есть адмирал Арсеньев Дмитрий Сергеевич, который не участвовал ни в одной войне, не выиграл ни одного сражения морского... Он просто известен тем, что был воспитателем Великих Князей Сергея Александровича и Павла Александровича. И потом, когда они выросли, его назначили начальником морского кадетского корпуса. Да, он адмирал.

Есть ученые, есть ученые-византинисты, академик Васильевский знаменитый отец русского византиноведения, есть профессор Иван Егорович Троицкий Петербургской Духовной Академии, есть ученые-лингвисты, филологи, есть люди, которые занимались изучением древнерусских хождений. Дипломатов нет и представителей Церкви нет.

Это очень существенный момент. Это сигнализировало о том, что Палестинское Общество не собирается в дальнейшей своей деятельности повторять ошибок Палестинского комитета или Палестинской комиссии и не будет работать с оглядкой ни на МИД, ни на Святейший Синод. Притом, устав Палестинского Общества был представлен государю императору кем? Обер-прокурором Святейшего Синода Победоносцевым Константином Петровичем. Но Победоносцева нет среди учредителей.

То есть действительно, если угодно, некая революционная ситуация. Вдруг возникает Общество, которое ставит своей задачей работать на Ближнем Востоке, выполнять в известном смысле функцию русского присутствия в регионе — и не ориентироваться на МИД. А с другой стороны — быть православной активной силой, работать с восточными Патриархатами, сотрудничать с Русской Духовной Миссией, опекать и обустривать русских православных паломников — и не ориентироваться на Святейший Синод. Для тогдашнего времени, вот можете себе представить, что это ситуация трудно представимая.

И, конечно, естественно, что Палестинское Общество, на первых порах особенно, воспринималось достаточно сложно. В частности, например, самое простое и главное, что ему было собственно в Палестине работать первые годы почти запрещено. *Вот есть Палестинская комиссия, она по-прежнему занимается тем, что у нас есть в Палестине, а вы, господа, раз вы образовались, то занимайтесь, чем вы считаете нужным, чем хотите.* Палестинское Общество решает заниматься тем, чем хочет. И чем же мы хотим заниматься? Мы — первое — мы хотим заниматься паломниками. Но в Иерусалиме нам к ним доступа нет. Мы будем ими заниматься в России. Мы заведем паломнические книжки, мы договоримся с железными дорогами, и для этого среди учредителей есть представители правлений железнодорожных обществ — это же были частные общества — и так далее. Мы облегчим паломникам путь на Ближний Восток. И облегчили. А что мы можем делать в Иерусалиме? Ну, в Иерусалиме сначала — с самого начала — мы попробуем копать. Никто никогда в Иерусалиме не пробовал производить научно-археологические раскопки. Мы попробуем копать. И результат: буквально в 1883 году, то есть меньше, чем через год, раскопки начались, и был раскопан знаменитый порог Судных Врат, одно из самых интересных археологических открытий в Иерусалиме.

Что мы еще можем попытаться сделать? Мы попытаемся, все-таки, что-то делать в Иерусалиме для паломников. Палестинская комиссия нас не подпускает к тому, что там ей подчинено, Русским Постройкам?

Мы сначала поэкспериментируем насчет того, что вот Палестинская комиссия 25 лет работает в Иерусалиме, а баню для русских паломников не построило. Мы построим баню. Не озаботились, чтобы кипятилок для самовара? А русский чай без самовара — какой же русский человек не любит? Мы поставим титан, чтобы можно было русскому человеку иметь самовар за 12 копеек. Далее: для того, чтобы все это осуществлять, мы пошлем в Иерусалим своего представителя, уполномоченного.

Это, кстати, очень существенный момент, потому что пока нет уполномоченного в Иерусалиме, говорить вообще не о чем. А мы пошлем такого уполномоченного! И мы его найдем, желательно, конечно, чтобы это был не граф и не князь, который ничего делать не будет, и даже не духовное лицо, которое своими духовными делами будет заниматься, — нужен купец. Нужен практик. Среди учредителей Палестинского Общества два или три таких есть — купца. Ну, хотя бы по происхождению купца, чтобы закалка была. Уполномоченным ППО становится Дмитрий Дмитриевич Смышляев, который в 1885 году приезжает в Иерусалим.

Сначала он приезжает просто с поручением от Великого Князя прокурировать вот это создание самовара, создание бани и еще там чего-нибудь. Но он приезжает, начинает на месте работать, он говорит: «Господи, Боже мой, да надо же немедленно расширять помещение для паломников», — а Палестинская комиссия говорит: «Нет, мы не можем. Мы не хотим, и что хотите, то и делайте». И Смышляев, настоящий русский купец-первопроходец, он рядом с Русскими Постройками находит незанятый участок, который можно купить, его начинает торговать. Естественно, в Иерусалиме практически все наши покупки так шли: по мере того, как продавец убеждался, что мы хотим купить, он начинал подымать цену. Ну, поторговались-поторговались, купили участок, на котором сейчас стоит знаменитое Сергиевское подворье. Это Смышляев: он на месте присмотрел, он на месте оговорил этот участок. Когда не хватило денег, он занял у еврейского банкира Валеро деньги, который дал под честное слово 4 тысячи рублей. Купил.

И Палестинское Общество сразу начинает строиться на этом новом приобретенном участке. Точно так же там, где раскопали порог Судных Врат, как надо работать? Работать надо медленно, но планомерно. У Министерства иностранных дел, как у любого министерства, у него принцип какой? Не будем это делать сегодня. Вдруг завтра отменится, и не нужно будет вообще делать? А у подвижника у русского, у него принцип наоборот: давайте сделаем сегодня, а глядишь, завтра возможности в результате и расширятся, и сделаем и это, и это, и это. Вот так работает Палестинское Общество...

И в результате, действительно, раскопали порог Судных Врат. Начинаем говорить: ну, вообще такая ценная археологическая зона, ну, хотя бы каким-то архитектурным футляром покрыть ее надо? Надо. Начинается обсуждение этого вопроса в МИДе. МИД говорит: «Ну, ребят, вы опять нам головную боль создаете, это мы опять должны перед Портой, входить с ходатайством. У Гроба Господня, Патриарх Иерусалимский против, Паша Иерусалимский против, а мы должны там...», по существу практически та же ситуация, которая за 10 лет до этого была, когда даже послом в Константинополе был знаменитый Н.П. Игнатьев, который был личным другом архимандрита Антонина (Капустина), лучшим личным другом, и тем не менее, когда Антонин приобрел Мамврийский дуб в Хевроне, ему с упреком Игнатьев пишет: «Ну вот еще Вы сейчас начнете всю турецкую империю скупать, а что мне потом делать с вашими покупками, и как я их должен юридически оформлять там» и так далее. Не хотят! Ну не хотят оформлять. Не надо. Точно так же здесь: «Нет! Ну, вы же знаете, что нельзя, не решено» и так далее.

Что делает Палестинское Общество? Палестинское Общество уверяет, что оно не собирается строить храма над порогом Судных Врат, что это будет просто архитектурный футляр для ценных археологических находок. Разрешают. Тогда постепенно внутри конструкции начинают создавать будущий храм. К 1890-ому году планировалось, что цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II, приедет в Иерусалим. Поездка отменилась, что отозвалось потом в 1917 году. Надо было ехать в Иерусалим, а не в Японию. Тем не менее, сложилось так. Уже готов храм. И В.Н. Хитрово пишет, размышляя: «В первую очередь и немедленно, как только будет первая возможность, ночью, надо водрузить крест над Александровским подворьем, и чтобы наутро он уже был, приглашать Патриарха освящать церковь».

То есть по существу всё делается исподволь. Всё делается в круговой обороне. Против греков, против французов, которые очень ревностно следят, а что это там русские строят, против турецкого паши, и что самое досадное — против русского консульства. Потому что приходит на постройки консул Бухаров и говорит: «Ха, кто разрешил? Немедленно прекратить строительство! Я буду жаловаться! Я в Петербург буду жаловаться! Я Султану буду жаловаться!» Ну, я шучу, конечно, но имеется в виду «В Константинополь буду жаловаться». Вот. Приходится его обманывать, говорить: «Да нет, Вы не так поняли. Ну, это на самом деле тут никто не собирается ничего строить. Просто вот...»

В результате — 90% времени уходит на борьбу не с турками, не с французами и англичанами, не даже с греками православными Иерусалимского Патриархата — со своими родными дипломатами. И это на протяжении вот всей линии развития Палестинского Общества.

Все-таки, построили. Мы построили Александровское подворье в Иерусалиме. Мы построили Сергиевское подворье. Мы построили, в 1885 году заложили. Приезжал еще раз Сергей Александрович с Елизаветой Федоровной, он уже женатым был, и с Павлом Александровичем на освящение храма Марии Магдалины, в 1888 году. Уже начинаем по всей России продавать паломнические книжки. Люди начинают их с удовольствием покупать и ехать в Палестину по льготным ценам. И вот только тогда постепенно Палестинское Общество осуществляет второе наступление против МИДа.

Второе очень существенное будет наступление. То есть сначала почти пробный камень, когда строилась Мария Магдалина. Сергей Александрович даже специально обратился к консулу Дмитрию Николаевичу Бухарову почти с личной просьбой: «Я просил возглавить строительство и наблюдать за строительством Архимандрита Антонина (Капустина). Вы все знаете, какой это замечательный человек. Он, конечно, очень ранимый, очень чувствительный человек, поэтому я Вас прошу: не вмешивайтесь. Вы со стороны смотрите, Вы пишите свои донесения в Петербург, как консулу положено, но не вмешивайтесь».

Ну, естественно, что МИД же не вмешиваться не может. Его о. Антонин называл «Министерство Не Своих Дел». Ну, «иностранных» — это значит «не своих» в дословном переводе. Вот, поэтому МИД не вмешаться не мог. В результате скандал. В результате специальные гневные письма идут на имя Бухарова от руководства Палестинского Общества, чтобы он оставил старика Антонина в покое и не мешал ему строить русскую церковь в Гефсимании. А должен приезжать в Иерусалим на освящение церкви, как я сказал, Сергей Александрович. И Сергей Александрович пишет рескрипт. Вот что придумал Василий Николаевич Хитрово, чтобы нейтрализовать МИД. Министры иностранных дел Сергию Александровичу пишут донесение, а Сергей Александрович им, министрам, пишет рескрипт, который обязателен к принятию.

И Сергей Александрович пишет министру МИД Гирсу. Я выше упоминал о нерусских фамилиях. Вот одной из нерусских фамилий был Гирс Николай Карлович. Пишет Гирсу, что «ежели я приеду

в Иерусалим, а там будет оставаться консул Бухаров, то будет публичный скандал». И МИД убирает консула Бухарова. Причем убирает медленно, тянет до самого приезда Сергея Александровича. То есть Сергей Александрович, когда приедет, должен прямо в квартире этого консула Бухарова поместиться. И вот ему завтра приезжать вообще, надо мебель заготовить и прочее, а только-только Бухаров выехал, мебель никуда не годна, в результате Смышляеву приходится наскоро всё делать. Но убирают. И вместо него встречает Сергея Александровича наш консул, наш — то есть Палестинского Общества. Он не консул еще, он только управляющий консульством, Алексей Петрович Беляев.

Вот я упомянул «наш» — это вторая фишка, которая была заготовлена Василием Николаевичем Хитрово. Постоянная, иногда изнурительная, но, тем не менее, очень важная работа с людьми. Мы же сказали... Что больше всего мешало? Мешал человеческий фактор. Для этого нужно было с людьми работать. И вот Василий Николаевич с людьми работает, и в результате у нас в Бейруте свой консул — Константин Дмитриевич Петкович, который там 25 лет сидел с 1870 до 1896 года. Но он полностью наш. Он абсолютно проводит во всем политику Палестинского Общества. Он способствует открытию наших школ в Галилее, в Бейруте и в других местах.

Алексей Петрович Беляев потом будет назначен нашим консулом в Дамаск. С его помощью Палестинское Общество осуществит церковную революцию в Антиохийском Патриархате. Будет прекращена 250-летняя практика избрания греческих Патриархов на Антиохийский престол и впервые будет избран Патриарх Мелетий Думани, первый араб на Антиохийском престоле. Это наша победа, это победа не только Беляева как консула российского, но и Палестинского Общества, инструкции которого Беляев выполнял.

...И соответственно, когда приезжает Сергей Александрович, он видит уже два подворья, недостроенные, еще только строившиеся, но тем не менее. Он участвует в освящении церкви Марии Магдалины, побеждает в борьбе со злополучными консулами. Ровно через полгода, в марте 1889 года, происходит второй акт генерального сражения с МИДом.

Генеральное сражение с МИДом состояло в том, чтобы на фоне этих чрезвычайных, и быстрых, и эффективных успехах Палестинского Общества и на фоне абсолютного бездействия Палестинской комиссии, которая за 25 лет своего руководства привела в аварийное состояние наше Мариинское и Елизаветинское подворье — и ничего не делала для того, чтобы их расширять, ремонтировать и прочее — вот на фоне того и другого Сергей Александрович ставит перед императором вопрос

о ликвидации Палестинской комиссии, то есть о прекращении двоевластия на Ближнем Востоке, и о передаче всех прерогатив, задач, капиталов и имуществ Палестинской комиссии Палестинскому Обществу.

Министерство иностранных дел стоит насмерть. Гирс и его товарищ министра (заместитель) Владимир Николаевич Ламздорф, два таких немца крепких, ну, я не буду говорить, что к этой же компании и русский Иван Алексеевич Зиновьев относится, который начальствовал в это время в Азиатском Департаменте, и целый ряд других деятелей, но тем не менее. И вот начинается. День за днем: совещания, обсуждения, согласования, пробивания и так далее. Уже вот завтра государь император должен подписать, наконец, указ. Вопрос не решен. Последнее заседание.

Есть уникальный документ: дневник Владимира Николаевича Ламздорфа. Это человек по-своему очень интересный: пунктуальный немец, он тоже служака настоящий, он лучше всех знал все дела МИДа, весь персонал МИДа, на память его знал, потому что долгие годы заведовал канцелярией. Почти, как говорят про Наполеона, что он своих старых ветеранов в лицо знал, так Ламздорф всех знал, и в лицо, и по именам. Но он был настоящий немец, не имевший никакого представления о русском православном движении на Восток, о русском православном менталитете. Ему это всё было не надо, а тем более Николаю Карловичу Гирсу, его непосредственному шефу, да еще и больному уже в это время — уже через несколько лет он умрет, усталый, старый, больной.

Но они стоят насмерть. Они против. «Как же так, — говорят они, — государь император назначил Палестинскую комиссию. Эта Палестинская комиссия, непосредственно входящая в структуру Азиатского Департамента МИДа, должна решать все эти вопросы». В дневнике Ламздорфа буквально чувствуется эта свинцовая, грозовая атмосфера. «И вот напротив нас сидит этот противный князь Сергей Александрович», — вот почти дословно цитирую. «Этот противный князь надменный, которого терпеть все не могут. Вот он сидит напротив нас и давит, и давит».

...И продавил. 24 марта 1889 года государь император по докладу Великого Князя Сергея Александровича издает указ, первый пункт которого гласит, что Палестинская комиссия, созданная в 1864 году, упраздняется, все ее функции, капиталы и постройки, ей принадлежащие передаются Палестинскому Обществу. Палестинское Общество имеет право отныне называться Императорским, и, соответственно, государь император лично утверждает Председателя Палестинского Общества и вице-председателя.

Сделано. Единственно, чего, конечно, удалось МИДу добиться — и не только МИДу, потому что тут уже были задействованы и интересы Святейшего Синода — было решено, этого в указе не говорилось, но было решено: в совет Палестинского Общества в качестве обязательного, постоянного и неперменного члена должен входить представитель Министерства иностранных дел. Точно так же, как должен входить постоянный представитель, назначаемый Святейшим Синодом. Ну, а потом, чуть позже, с 1898 года, когда очень расширится школьная сеть Палестинского Общества, будет введен точно так же назначаемый постоянный представитель от Министерства народного просвещения. Вот это как бы то, что государство вставляет от себя в деятельность, в некие рамки Палестинского Общества.

Что надо сказать в связи с этим? Здесь тоже срабатывает человеческий фактор. Казалось бы, очень тяжелый случай. Назначили бы в совет Палестинского Общества человека типа Ламздорфа — беды не оберешься. Тогда бы Палестинское Общество работало «в режиме 24 марта» все последующие годы. Но назначают просто добросовестного чиновника Дмитрия Львовича Лисовского, который постоянно угрюмый, постоянно хмурый, с большой печенью. 90 раз в течение 12 лет до того, как он умер, он присутствовал в Совете Общества, ни разу ничего не сказал, ничего не предложил, но и ни против чего не проголосовал.

Вот в чем была победа. Не в том, что там появился назначенный представитель в Совете Общества от МИДа, а в том, что он не считал нужным, видя, что происходит и как происходит, он не счел нужным в чем-либо мешать Палестинскому Обществу. И поэтому Палестинское Общество продолжало спокойно работать, несмотря на известные очень сложные отношения с наиболее крупными руководителями МИДа.

Эта победа для Сергея Александровича стала пирровой победой. В 1891 году он будет назначен Московским генерал-губернатором. Казалось бы — как хорошо, что назначили Председателя Палестинского Общества Московским генерал-губернатором. На самом деле, петербургская правящая элита, и руководство МИД в первую очередь, озаботились, чтобы Сергея Александровича от решения политических и внешнеполитических вопросов отстранить.

Да, конечно. Очень важно и полезно, чтобы был хороший генерал-губернатор в Москве. При этом, если вы вспомните мемуары, то в Москве Сергея Александровича встретили очень недоброжелательно. В Москве всегда не москвичей плохо встречают. Вдруг назначили командира Преображенского полка, Председателя какого-то Палестинского Общества — к нам, в Москву, генерал-губернатором. То есть

на самом деле для Сергея Александровича, реально говоря, это было не повышение, это была почетная ссылка. Не говоря уже о том, что ничего реально он в Москве, помимо того, что в Петербурге решалось в министерстве Внутренних Дел и во всех других государственных структурах, он от себя ничего особенного сделать не мог. Да, конечно, он пытался, и мы можем ему поставить в заслугу, что, действительно, где только мог, он что-то делал.

Но реальная работа была чуть позже, с того момента, как его в 1896 году назначили еще и главнокомандующим Московского военного округа. Это, конечно, имело большее значение. Но, во всяком случае, то, что Палестинское общество с его переездом в Москву ослабило свое положение и свой победоносный натиск на иерусалимском направлении, это не подлежит сомнению. Даже элементарно сама система внутренней работы Палестинского общества: уехал Сергей Александрович, уехал с ним его ближайший помощник Михаил Петрович Степанов, «alter ego великого князя», как его Антонин называл. Решение всех оперативных вопросов переводится на систему курьерных донесений или в лучшем случае телеграфных решений.

То есть для Палестинского Общества это хуже. И постепенно, постепенно так и будет, что и сам натиск Палестинского Общества будет ослабевать со временем. Есть, конечно, основание считать, что он ослабевал бы в любом случае. Просто приближалось крушение.

В 1889 году приезжает в Иерусалим еще один Великий Князь, еще одно августейшее паломничество. Великий Князь Александр Михайлович. И всё равно опять начинается — а кто тут, в Иерусалиме, главный? А кто должен решать вопрос о встрече Великого Князя и с кем должен в первую очередь общаться и встречаться Великий Князь? Опять начинаются те же самые разговоры, та же самая история.

Дальше что будет? Дальше будет, соответственно, размежевание. Вот это тоже сумело добиться Палестинское Общество: принципиальное размежевание, даже территориальное. Что принадлежит в Иерусалиме Русской Духовной Миссии, то есть Церкви, что принадлежит консульству, то есть правительству, государству — и что принадлежит собственно Палестинскому Обществу. Это размежевание медленно осуществляется. Палестинская комиссия целый год не передает своих дел и своих построек Палестинскому Обществу. То есть всё очень потихоньку, всё исподволь делается, но, тем не менее, делается.

Назревают следующие проблемы. Мы сказали о том, что, например, Александровское подворье так и не освящено пока что, вернее его освятили именно только как подворье, это называлось «Русский

дом». Но там же церковь уже существует, уже подготовленная, есть иконостас, правда, пока приваленный к стене. Уже Николай Андреевич Кошелев написал или пишет свой знаменитый «Страстной цикл», уже петербургский художник-иконописец Пасхин все иконы написал и для иконостаса, и для стен. МИД ничего не делает. МИД говорит: «Нет, мы не можем. Ну, вы же знаете, мы не можем. Ну, это еще 10 лет назад об этом говорилось. Ну, вы же обещали, что вы не будете там церковь делать. Нельзя».

Шесть лет уходит у Сергия Александровича, у брата царя, а с 1894 года у дяди царя — на то, чтобы провалить МИД, а МИД, соответственно, чтобы провалил Высокую Порту, и Высокая Порта чтобы дала фирман — и, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, умер император Александр III, который так и не дождался открытия Александровского подворья своего имени. Оно стало Александровским как мемориал, и именно в честь Александра Александровича, создателя Палестинского Общества. И тогда Сергей Александрович опять пишет очень жесткое, очень горестное письмо, опять рескрипт на имя Министра иностранных дел, в котором говорит: «Ну, вы же прекрасно знаете, как мой покойный брат, государь император Александр Александрович хотел довести до конца дело с освящением церкви у порога Судных Врат, как мы этого добивались, и вот теперь он уже умер, и вы знаете, что государь император Николай Александрович очень хочет, чтобы была освящена эта церковь, да еще во имя святого Александра Невского, то есть в память его усопшего родителя, государя императора Александра III». Только через шесть лет, 22 мая 1896 года, храм Александра Невского на Александровском подворье будет освящен.

К этому времени Палестинское Общество обладает несколькими десятками школ — в самой Палестине, в Иудее в Галилее, в Ливане, особенно в Бейруте, пять школ было, учрежденных Марией Александровной Черкасовой, и в Сирии, почти во всех епархиях Антиохийского Патриархата были русские школы, и они существуют все, как подснежники. Просто делается так: «Ага, вы открыли школу? Вы дали денег? Вы содержите учителей? Ну, чего вам еще надо?» Юридического права за русскими иметь школы на Ближнем Востоке не было. При том, что это уже было за французами, за англичанами и так далее. Там это было как государственное дело. Мы — существовали как подснежники. МИД ничего не делает. То есть нельзя сказать, что ничего не делает: как это они могут, например, Сергию Александровичу взять и грубо отказать? Они не отказывают. Они просто не делают. «Да, вы знаете, очень трудно, очень сложно. Мы вот опять, да, конечно, мы сейчас снова начнем...»

Только в 1902 году, уже смертельно больной, Василий Николаевич Хитрово приезжает в Константинополь и, имея над собой личное поручение Сергия Александровича, и согласование личное с царской семьей, продавливают константинопольского посла, Ивана Алексеевича Зиновьева. Иван Алексеевич Зиновьев оправляет свои пышные белые усы, идет к султану и добивается в одночасье. Султан подписывает, Порта оформляет русские школы именно как русские учреждения на турецком Востоке, имеющие все юридические права и льготы, которые имеют просветительные и благотворительные учреждения всех европейских стран. В одночасье делается.

И вот в результате, Василий Николаевич Хитрово одному из своих друзей пишет письмо замечательное, в котором говорит: «Да, конечно, многое мы сделали, мы добились, что у нас 10 тысяч учащихся в наших школах на Ближнем Востоке. Мы добились, что у нас 10 тысяч паломников в год бывает. Мы добились, что мы в Антиохийском Патриархате араба Мелетия сделали Патриархом. И это была, может быть, главная политическая победа нашего Палестинского Общества. И что вы думаете, дорогой Степан Иванович? — пишет он ему. — Что вы думаете? Что русское общество это заметило? Этого никто не заметил. И я прихожу к мнению, что либо это только мне одному нужно и только для меня одного важно, либо мы делаем что-то не то, либо у нас с обществом и правительством что-то не то и не так. И обратите внимание, что это результат не нашей работы. Это результат 50-летней работы Порфириев, Антонинов, Мансуровых, которые работали, наслаиваясь поколение на поколение. И обратите внимание, что всё русское дело в Палестине — как оно делалось? Порфирий ненавидел Алексея Михайловича Кумани, Кумани платил ему тем же. Мансуров Борис Павлович ненавидел Антонина, и двадцать лет только и пытался закрыть Духовную Миссию. А Антонин, который всю жизнь боролся с Мансуровым, кончил тем, что решил, что Мансуров, все-таки, был лучше Хитрово, которого сам же вызвал к жизни. И я думаю, — говорит он, — что всё это было допущено Богом для того, чтобы ни один из них не подумал, что это его заслуги, а не Божьи, что это не по Божьей воле всё совершилось.

А возьмите, — говорит он, — как раскладывается наше время. Как расходуются наше время». Василий Николаевич, надо отдать ему справедливость, он вообще был по профессии бухгалтер, такого высокого класса бухгалтер, высокий чиновник министерства финансов, создатель первых русских ссудных касс, он любил всё раскладывать по процентам, и вот он говорит: «Возьмите вот год нашей жизни. Ну,

допустим, что из этого года я один день кладу на борьбу с турками. Один месяц кладу на борьбу с инославными исповеданиями, с конкурентами нашими. Ну, самое большее три месяца на борьбу с Иерусалимским Патриархатом греческим. Остальное время — шесть месяцев — уходит на борьбу с нашим родным Министерством иностранных дел». Вернее, скажу честно, Хитрово так прямо не говорит, он пишет: «Полгода уходит на борьбу со своими. А почему, — говорит, — так происходит, судите сами».

То ли это особенность — это уже я за него комментирую — нашего менталитета, то ли неустройство, несогласование внутри корпоративных интересов, корпоративных ведомственных интересов — и МИДа, с одной стороны, и Синода, с другой стороны, которые так и не поняли до самого 1917 года, что параллельные линии, как в геометрии Лобачевского, сходятся только в одном — что есть единое историческое действие православной империи. Нет МИДа самого по себе. И нет Синода самого по себе. В отличие от Римского Папы и от католицизма, Православие дано нам только внутри империи. Так Господь судил, что вот для того, чтобы могла существовать Православная церковь на Земле до Второго Пришествия, ей нужна некая государственная система, государственное пространство спасения, которое и называется «православная империя». И Синод этого не понимал до самого 1917 года. Да нет, до сих пор не понимают. МИД этого не понимал до самого 1917 года. И сегодня не понимают. Что на самом деле есть ситуации, когда полноценной, и почти единственной, и наиболее эффективной возможностью осуществлять русские интересы и русское присутствие в мире есть только церковное православное присутствие в мире. Вот попробуйте объяснить это сегодняшнему МИДу. И точно так же наоборот: попробуйте Синоду и церковным нашим деятелям объяснить, что есть только одна эффективная и апробированная возможность осуществления церковного присутствия — это только если Церковь пользуется поддержкой и влиянием Российского государства. Без государства Церковь не может, и не могла никогда ничего. А, тем не менее, пойдите сегодня на любую философскую, богословскую, историческую конференцию, связанную с церковно-историческими проблемами — и вам опять «запоют» и про реформы Петра Великого, и про Синодальное пленение Русской Церкви, и Поместный Собор 1917 года, из которого половина участников станут потом священномучениками и новомучениками, исповедниками российскими, и весь этот собор хором вопит: «Как нам плохо было при самодержавии, царское самодержавие выклевало сердце русского Православия!» — цитирую дословно. Мой

любимый богослов Илларион Троицкий делает 23 октября 1917 года доклад на Соборе, обосновывая необходимость восстановления патриаршества и говорит вот дословно так, как царское самодержавие выклевало сердце русского Православия.

Чего вы хотите после этого? Какого вам Иерусалима вообще? За что? Вот за это за все? И ни один человек, кроме Сергия Александровича, Василия Николаевича Хитрово и нескольких еще людей, даже близко не подошли к пониманию того, что вот этот мощный вектор русского воздействия — он может складываться только из параллельно и соподчинено действующего государственного МИДовского фактора и церковного фактора, и только там и тогда, когда они взаимодействуют, когда они об одном, а не каждый о своем, только тогда они побеждают.

**СЛУЖБА А.Н. МУРАВЬЕВА
В АЗИАТСКОМ ДЕПАРТАМЕНТЕ МИД
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ
РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

Судьба свела известного писателя-паломника Андрея Николаевича Муравьева (1806–1874) с выдающимися деятелями культуры, литературы, науки и образования, светского общества, церковных кругов, что определило круг его общения в России и за ее пределами. Он отдал служебный долг двум императорам Александру и Николаю Павловичам, посветив службе 45 лет, из них 40 лет — отечественной дипломатии.

Начало дипломатической службы Муравьева, согласно его Послужному списку, относится к 1828 году: 10 августа он был определен в ведомство Коллегии иностранных дел с причислением к дипломатической канцелярии главнокомандующего 2-ой армии графа Петра Христофоровича Витгенштейна². Таким образом, он оказался на театре Русско-турецкой войны 1828–1829 годов и после заключения Адрианопольского мира 14 сентября 1829 года, 190-летие которого мы отмечаем нынче, отправился на Святую Землю в качестве паломника.

Возвращение Муравьева на родину в 1831 году было триумфальным: его богомолье возбудило немалый интерес в высшем обществе, он стал одним из востребованных молодых людей в северной столице. Свои впечатления от поездки Муравьев изложил в книге «Путешествие ко святым местам в 1830 году» (1832), которая составила ему славу писателя-паломника и на многие годы определила его жизненный путь.

Поклонение святыням Православия, профессиональный и человеческий интерес Муравьева к Ближнему Востоку не прошли мимо внимания Государя Императора, по личному распоряжению которого 20 мая 1831 года Муравьев был определен столоначальником

---

¹ Моклецова Ирина Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

² См.: Послужной список титулярного советника Андрея Муравьева // И.В. Моклецова Русские духовные традиции в литературном контексте XIX века и творческом наследии А.Н. Муравьева. Монография. 2 изд., испр. и доп. М., 2014. С. 302. Даты в статье даны по ст. ст.

Турецкого стола в Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской Империи. Так начался новый период муравьевской биографии, который продлится до 1866 года, когда дипломат — согласно собственному прошению — уйдет в отставку и покинет Азиатский департамент, безупречно прослужив там 35 лет.

На своем дипломатическом поприще Муравьев проходил службу под началом двух министров иностранных дел Карла Васильевича Нессельроде (1816–1856) и Александра Михайловича Горчакова (1856–1882), а также семи директоров Азиатского департамента, таких как Константин Константинович Родофиникин (19.04.1819–11.05.1837), Лев Григорьевич Сенявин (16.04.1841–12.06.1848; управлял с 21.12.1837), Яков Андреевич Дашков (06.12.1848–26.02.1852), Николай Иванович Любимов (26.02.1852–20.09.1856), Егор Петрович Ковалевский (02.10.1856–30.08.1861; и. д. с 02.06.1856), Николай Павлович Игнатьев (21.08.1861–14.07.1864, впоследствии граф), Петр Николаевич Стремоухов (28.11.1864–02.12.1875).

Оценка службы Муравьева в Азиатском департаменте со стороны непосредственного его начальства была удовлетворительной: он был служака честный, добросовестный. Его деятельность в этот период в послужном списке кратко характеризуется такими словами: «Вне службы не был». Там же отмечено, что он всегда без опозданий возвращался из отпусков.

В Азиатском департаменте МИД Российской Империи Муравьев сделал успешную карьеру: занимал должность чиновника по особым поручениям; дослужился до чина действительного статского советника, гражданского чина 4-го класса Табеля о рангах (1724–1917, Российская империя), дававший право на потомственное дворянство и соответствовавший чинам генерал-майора в армии и контр-адмирала во флоте; 21 мая 1836 года Высочайше пожалован в звание камергера двора Его Императорского Величества. Титуловался «Ваше превосходительство». Лица, имевшие этот чин, занимали должности директоров департаментов, губернаторов, градоначальников и др.

Муравьев не был заурядным службистом или карьеристом. Как показало время, главным в его службе было творческое начало, которое буквально пронизывало все его действия и начинания. Это, впрочем, не мешало ему стать чиновником, оказавшим действенное влияние на развитие русской ближневосточной политики. Служба и положение Муравьева в Азиатском департаменте имела ряд особенностей, о которых необходимо вспомнить, чтобы оценить его вклад в общую копилку усилий русских людей в развитие присутствия России на Ближнем Востоке.

Свои служебные и отпускные поездки писатель сочетал с посещением святых мест как в России, так и в других регионах мира. Это явилось для него источником вдохновения при написании полюбившихся публике сочинений самых разных жанров: путешествий ко святым местам, стихов, пьес, церковно-исторических, миссионерских, катехизаторских, агиографических, гимнографических. Например, «Путешествие по святым местам русским» (1836), «Письма о Богослужении Восточной Церкви» (1836), «Священная история» (1842), «История Святого града Иерусалима» (1844), «Жития святых Российской Церкви. Также иверских и славянских» (1855) и др.

Так сложилось, что Муравьев оказался в стенах Московского архива Коллегии иностранных дел Российской Империи 14 января 1822 года³ и в ближайшее время начал вести разговоры о переводе на военную службу, что и произошло в 1823 году, 7 мая он был зачислен юнкером 34-го Егерского полка⁴. Таким образом, Муравьев принадлежит к так называемым «архивным юношам», прослужив в Московском архиве 1822–1823 годы. По остроумному выражению друга Пушкина Сергея Александровича Соболевского (1803–1870), самому там служившему с 1822 года, так стали называть образованных молодых людей, принятых в Московский архив Коллегии иностранных дел в начале 1820-х годов. Это прозвание получило широкое распространение в истории русской культуры благодаря тому, что среди этой молодежи оказались ее будущие выдающиеся деятели. А.С. Пушкин посвятил им несколько стихов в романе «Евгений Онегин»: «Архивны юноши толпою / На Таню чопорно глядят / И про нее между собою / Неблагосклонно говорят...»⁵.

Среди них было много отлично образованных выпускников Московского университета и Университетского благородного пансиона: Алексей и Дмитрий Веневитиновы, Н.А. Мельгунов, А.И. Кошелев, И.В. Киреевский, С.А. Соболевский, В.П. Титов, В.Ф. Одоевский, С.П. Шевырев. Не слишком обременительная служба, которая требовала их присутствия не более двух раз в неделю по вторникам и четвергам, давала возможность посвятить себя творчеству, в первую очередь — разным видам искусства, философским поискам.

³ Хохлова Н.А. Андрей Николаевич Муравьев — литератор. СПб, 2001. С. 36.

⁴ См.: Послужный список титулярного советника Андрея Муравьева. // И.В. Моклецова. Там же. С. 302.

⁵ Пушкин А.С. Евгений Онегин. / А.С. Пушкин. Полн. собр. соч.: В 10 томах. 3 изд. М., 1964. Т. 5. Гл. VII. Стрфа XLIX. С. 161.

Некоторые из «архивных юношей» становятся участниками основанного московским переводчиком, литератором и педагогом Семеном Егоровичем Раичем литературного «Общества друзей», известного также как «Кружок Раича». Членов кружка объединял общий интерес к вопросам эстетики, литературы и теории искусства. Наибольшую известность приобрели следующие его ученики: Ф.И. Тютчев, князь В.Ф. Одоевский, А.Н. Муравьев, Д.П. Ознобишин, М.П. Погодин, М.А. Дмитриев, А.И. Писарев, В.П. Титов, С.П. Шевырев, А.М. Кубарев, Авр.С. и Ал.С. Норовы, М.А. Максимович и многие другие. Такой круг общения позволил Муравьеву завязать не только литературные, но и дипломатические контакты. Со многими из этих людей он годами переписывался, долее всех с Михаилом Петровичем Погодиным. Он познакомился с семейством Норовых, Авраам Сергеевич Норов и Владимир Павлович Титов составили впоследствии кружок «присных», который собирался у Муравьева в Петербурге в 1850-х годах⁶.

В 1823 году товарищи создали еще одно «общество», главной задачей которого было изучение и пропаганда трудов западных философов, в первую очередь представителей немецкого идеализма, в особенности Ф.В. Шеллинга. Молодые люди называют себя не «философами», а «любоумудрами», а свой кружок — «Обществом любоумудрия». Его членами стали В.Ф. Одоевский (председатель общества), Д.В. Веневитинов (секретарь), И.В. Киреевский, Н.М. Рожалин, А.И. Кошелев, В.П. Титов, С.П. Шевырев, Н.А. Мельгунов. Близки обществу были М.П. Погодин и А.С. Хомяков. Этот кружок собирался тайно, и о его существовании любоумудры никому не рассказывали. Андрей Муравьев весной 1823 года отправляется на военную службу, но связи с московским обществом не теряет, отпуска проводит в Москве, погруженный во все предприятия и начинания своих друзей.

Любовь к литературным занятиям и интерес к философии у молодых людей поколения 1820-х годов можно рассматривать как интересную особенность дипломатической службы того времени, когда выдающиеся впоследствии литераторы показали себя также хорошими дипломатами. На сайте МИДа РФ этой теме посвящена отдельная публикация: «На всех этапах своего развития российская дипломатия была неотделима от национальной культуры и литературы, черпала в них духовную энергию, пассионарность и, в свою очередь, обогащала культурную и литературную жизнь новыми идеями, широким международным кругозором.

⁶ Хохлова Н.А. Там же. С. 36.

Профессия дипломата, предполагающая налаживание связей с другими странами, культурами, цивилизациями, изучение жизни других народов, стимулировала художественное воображение. На обращение к литературному труду настраивала и одна из основных задач дипломатии — привлечь внимание зарубежных партнеров к достижениям отечественной культуры, ее вкладу в общемировое развитие, способствовать росту интереса в мире к изучению русского языка.

Неразрывно связаны с дипломатической службой имена таких поэтов и писателей, как Д.И. Фонвизин (секретарь главы Коллегии иностранных дел Н.И. Панина), А.С. Грибоедов (посланник в Персии и автор Туркманчайского трактата), Ф.И. Тютчев (секретарь миссии в Мюнхене и Турине). В Азиатском департаменте МИД, а затем в консульствах России на Балканах в 1860–1870-е годы работал писатель, публицист и философ К.Н. Леонтьев, которого Н.А. Бердяев называл «предшественником Ницше», «одним из самых блестящих русских умов». Это далеко не полный перечень, его можно продолжать, вспоминая блестящие умы российского прошлого.

Яркие и талантливые произведения Д.В. Дашкова, В.Г. Теплякова А.Н. Муравьева, Д.И. Долгорукова, А.С. Стурдзы, М.А. Гамазова и М.А. Хитрово занимают свое место в русском литературном наследии⁷.

Деятельность Муравьева-писателя в Азиатском департаменте получила еще такую форму, как написание записок по поводу тех или иных процессов, шедших в международной политике его времени. Он превосходно знал историю взаимодействия не только дипломатических служб, но также историю христианских конфессий и других религий и верований, которые во многом определяли политику тех государств, с которыми Российская Империя имела дело. Хорошее знание культуры древнего мира (Древнего Востока, Египта, Античной Греции, Древнего Рима) позволяло Муравьеву нарисовать в своих сочинениях картину жизни начальных веков христианства, выявить те глубинные потоки взаимодействий различных народов, которые спустя века продолжали оказывать глубокое воздействие на выработку российской политики в ближневосточном регионе и Средиземноморье, в Европе и на Балканах.

⁷ https://idd.mid.ru/sobytia-i-imena/-/asset_publisher/5H3VC9AbCsvL/content/rossijskie-diplomaty-pisateli-xviii-xix-vv-?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Fidd.mid.ru%3A443%2Fsobytia-i-imena%3Fp_id%3D101_INSTANCE_5H3VC9AbCsvL%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1.

Значение деятельности Муравьева в дипломатическом ведомстве России получило в дореволюционный и советский периоды неоднозначную и неполную оценку. В постсоветское время обнаруживаются все большие достижения и заслуги дипломата — писателя, паломника, путешественника — перед русской культурой и дипломатической службой и главным делом его жизни — приближению русского паломника в деле спасения души к святым местам Ближнего Востока.

В дореволюционный период Муравьева ценили, скорее, как писателя-паломника, именно за паломническое сочинение «Путешествие ко святым местам в 1830 году» он был избран членом Академии наук. В «Обзрении для публичного заседания Академии 29 декабря 1874 г.» ординарного академика Александра Васильевича Никитенко отмечается незаурядность личности Муравьева, его труды на поприще отечественной словесности: «достойн занять одно из почетных мест в ряду достопримечательных мужей нашего отечества»⁸. Особо отмечается религиозный характер творчества и деятельности Муравьева, подчеркивается, что он как человек и незаурядный писатель был лишен ложного мистицизма, которым страдали и представители образованного общества, и народных слоев Александровского времени.

Не оставлено без внимания современников и служение Муравьева на церковном поприще. В 1833–1842 годах он был чиновником Священного Синода на различных должностях. Удивительно, но Муравьев одним из немногих всячески поддерживал решения и предложения митрополита Московского Филарета (Дроздова); в противостояниях Обер-Прокурора Священного Синода и священноначалия всегда становился на сторону последнего. Его усилия обнаруживаются также и в церковной дипломатической истории, о чем свидетельствуют многочисленная переписка Муравьева с церковными иерархами, решения Священного Синода по оказанию помощи братским Церквям, которые поручалось исполнить Муравьеву. Но и по своей инициативе он много участвовал в восстановлении православных монастырей и храмов. Им собраны коллекции икон, церковной утвари, рукописей, древних книг⁹, которые были завещаны

⁸ Никитенко А.В. Обзорение для публичного заседания Академии 29 декабря 1874 г. / Обзорение деятельности Второго Отделения Императорской Академии наук в 1874 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Апрель. С. 102.

⁹ Тысяча лет русского паломничества: [Каталог выставки. Гос. Ист. музей. 24 ноября 2009 г. — 28 февраля 2010 г.] / Сост. и науч. ред. Е.М. Юхименко, авт. вступ. ст. С.Ю. Житенев, Р.Б. Бутова, Н. Н. Лисовой, Е.М. Юхименко; Мин. культуры РФ, ГИМ, Паломнический центр Московского Патриархата. М., 2009. С. 139–148.

Свято-Успенской Киево-Печерской Лавре¹⁰. Привезенные им частицы святых мощей до сих пор являются сокровищем и украшением древних обителей России, в Серапионовой палате Троице-Сергиевой Лавре и сегодня можно приложиться к деснице Первомученика Стефана, привезенной Муравьевым и пожертвованной им в любимую обитель.

Написанное Муравьевым наследие насчитывает более 50 томов, в него входят паломнические, катехизаторские, церковно-исторические, агиографические сочинения. Поэтому Муравьев по праву был назван современниками «защитником Православия» в те драматические моменты русской и мировой истории, участником которых он являлся. В начале XX в. кружок памяти Муравьева начал переиздание его многочисленных трудов, но этому проекту помешала революция, долгие годы имя Муравьева находилось под запретом.

Советский период для биографии Муравьева оказался гнетущим, его ожидало полное забвение, вычеркивание из литературы, истории и науки. Как показало время, полностью забыть Муравьева не получилось, слишком часто встречалось его имя и дела в русском историческом процессе. В первую очередь, конечно, это была сфера русской литературы, ее романтический период. Муравьев был одним из тех ее авторов, которые стояли у истоков русского романтизма, он внес свой вклад в издательскую и в образовательную деятельность своей эпохи, который не отрицали и создатели советских культурно-исторических и филологических концепций. Правда, произойдет это в послевоенное время усилиями ленинградской филологической школы (Вадим Эразмович Вацуро и его ученики, в том числе и Н.А. Хохлова).

Не менее важную работу в сохранении и возвращении творческого наследия, дипломатических достижений Муравьева проделали и советские арабисты, специалисты по Ближнему Востоку (Б.А. Тураев, Б.М. Данциг, Ю.М. Кобищанов, Л.Е. Куббель, А.Б. Давидсон, В.В. Наумкин, Ю.А. Петросян и др.). И здесь на первый план выдвигаются ученые, которые трудились в рамках переформатированного в советское время ИППО — Палестинского общества: историки, дипломаты, журналисты-международники, философы, филологи. Шло целенаправленное возвращение муравьевского времени в общую историю страны и народа, о чем свидетельствуют материалы, опубликованные, например, в Палестинском сборнике.

¹⁰ Петров Н.И. Муравьевская коллекция в Церковно-археологическом музее при Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. 1878. № 7. С. 193–216.

В начале 1990-х годов стали появляться репринтные переиздания наиболее известных сочинений Муравьева. Хотя делалось это бессистемно, в условиях информационного церковного «голода» они тоже сыграли свою позитивную роль в широкомасштабном возвращении церковной традиции в русское общество. Основным стимулом интереса к Муравьеву стало возрождение церковных форм жизни, в первую очередь, храмов и монастырей, а также паломнической традиции, крестных ходов, дискуссий с инаковерующими¹¹.

И только в постсоветский период появилась возможность полноценно оценить труды Муравьева, чем вскоре и занялись члены Императорского Православного Палестинского Общества, к тому времени вернувшего историческое название и возродившегося в той форме, которая была возможна в сложившихся условиях и максимально приближена по своим целям и задачам к первоначальной. Одним из первых обратился к муравьевскому творчеству Игорь Сергеевич Чичуров (1946–2008), который, по его словам, на одной из конференций ИППО сделал доклад о творчестве Муравьева и его книге о поездке на Святую землю в 1830 году. Было бы интересно и полезно ознакомиться с текстом доклада, который может храниться в архиве покойного исследователя.

Первая научная секция, посвященная памяти А.Н. Муравьева, прошла на международной конференции «Феномен творческой личности в культуре» 17–18 мая 2005 года, организованной кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова. В ее работе приняли участие Н.В. Масленникова, Н.Н. Лисовой, Н.А. Хохлова, И.В. Моклецова. Итогом стала публикация докладов «А.Н. Муравьев о Новом Иерусалиме» Н.В. Масленниковой и «Проблемы изучения творчества А.Н. Муравьева» И.В. Моклецовой¹². Участниками секции

¹¹ Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским. СПб, 1846. Репринт. М., 1990; Муравьев А.Н. Письма о Богослужении: в 2-х т. Т. 1. Репринт. СПб, 1882; Т. 2. Репринт. СПб, 1883. М., 1993; Муравьев А.Н. Жития святых Российской Церкви, также иверских и славянских и местно чтимых подвижников благочестия. СПб, 1855–1859. Репринт. М., 1993–1994; Муравьев А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году // Путешествия в Святую землю: Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 87–103; Муравьев А.Н. Об иночестве // Авель (Ванюков), иером. Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся. М., 1860. Репринт. М., 1996. С. 195–211; и др.

¹² Масленникова Н.В. А.Н. Муравьев о Новом Иерусалиме // Сб. «Феномен

было принято решение более масштабно отметить 200-летие со дня рождения Муравьева.

К этому моменту вышла в свет монография Н.А. Хохловой «Андрей Николаевич Муравьев — литератор» (СПб., 2001), посвященная биографии и творчеству Муравьева 1820–1830-х годов. Также 103-й выпуск Православного Палестинского Сборника ИППО¹³ (М., 2005) был целиком посвящен памяти Муравьева как «выдающего русского писателя-паломника и церковного историка». Для нас наибольший интерес представляют статьи Н.Н. Лисового, И.Ю. Смирновой, З.И. Платоновой, которые отражают деятельность Муравьева именно в Азиатском департаменте МИДа.

В 2006 году усилиями директора Паломнического центра МП, члена Совета ИППО С.Ю. Житенева и его сотрудников состоялись торжества, посвященные 200-летию со дня рождения А.Н. Муравьева. 15 мая была проведена международная научная конференция «Рыцарь Гроба Господня: К 200-летию со дня рождения выдающегося русского церковного и общественного деятеля, поэта, писателя, паломника Андрея Николаевича Муравьева (1806–1874)», собравшая ученых Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Сергиева Посада, а также Киева, труды которой, к сожалению, большей частью так и не были опубликованы.

Таким образом, имя Андрея Николаевича Муравьева стало возвращаться в нашу действительность. Н.Н. Лисовой прямо называет период 1830–1840-х гг. *муравьевским периодом русско-иерусалимских отношений*, до появления Преосвященного Порфирия (Успенского) в качестве руководителя Духовной миссии в Иерусалиме, об открытии которой так хлопотали и Муравьев, и А.С. Норов. Труды Муравьева в 1829–1843 гг. много значат для истории развития русского присутствия на Святой земле и навсегда вписали имя этого выдающегося человека в отечественную и мировую историю¹⁴.

Летописи жизни Муравьева пока не существует. Стоит обратить внимание на своеобразие его деятельности в Азиатском департаменте МИД России, которая до сих пор не получила должного освещения

Творческой личности в культуре» (К юбилею профессора В.И. Фатющенко): Материалы I-ой международной конференции: 17–18 мая 2005 г. / Отв. ред. А.В. Ващенко, М.Д. Потапова. М., 2005. С. 209–217; Моклецова И.В. Проблемы изучения творчества А.Н. Муравьева // Там же. С. 218–223.

¹³ Православный Палестинский Сборник. Вып. 103. М., 2005.

¹⁴ См.: Муравьев А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году / Предисл. и коммент. Н.Н. Лисового. М., 2007.

в науке. Одна из ее сфер отдана аналитике, базирующейся на доскональном знании исторического, политического и церковного процессов, которые в жизни теснейшим образом переплетаются и не существуют отдельно друг от друга. Это очень хорошо понимали издатели и авторы 103-го номера Императорского Палестинского Сборника, включив в него переписку Муравьева с российским консулом в Бейруте Константином Михайловичем Базили¹⁵ и аналитическую записку Муравьева «Ответ г-ну Э. Боре на вопрос о святых местах»¹⁶ (с. 106–129).

Ценностью по истории Азиатского департамента, конечно, обладают оба указанных материала, но мне хочется обратить ваше внимание именно на записку о святых местах, которая сослужила службу для нашего дипломатического корпуса в те сложные предвоенные годы середины XIX века. Автор публикации З.И. Платонова высоко оценила деятельность Муравьева в Азиатском департаменте при «подготовке внешнеполитических решений, связанных с развитием церковных связей России с Православным Востоком»¹⁷. Его записку она называет «солидным трактатом на французском языке», полемически обращенным против брошюры Эжена Боре, известного французского востоковеда и миссионера католической конгрегации св. Лазаря (лазаристов). Французский автор, по мнению Муравьева, сформулировал претензии своего правительства на владение святыми местами, из-за чего на Порту было оказано беспрецедентное давление, что стало главным поводом объявления войны России. Записка датируется 1851 годом, в ней Муравьев обосновывает права православных верующих на данные святыни. Сама по себе записка представляет немалый интерес в качестве и своеобразного духовного поединка, и отражения развития разразившегося религиозно-цивилизационного столкновения¹⁸. Платонова указывает на широкое использование текста записки Муравьева внешнеполитическим ведомством, нашим посольством в Стамбуле

¹⁵ Переписка Константина Михайловича Базили и Андрея Николаевича Муравьева (1839–1852). Подг. текста и примеч. И.Ю. Смирновой // Православный Палестинский Сборник. Вып. 103. М., 2005. С. 42–101.

¹⁶ Муравьев А.Н. Ответ г-ну Э. Боре на вопрос о святых местах / Пер. с фр. и подг. к печ. З. И. Плановой // Православный Палестинский Сборник. Вып. 103. М., 2005. С. 106–129.

¹⁷ Платонова З.И. А.Н. Муравьев и вопрос о святых местах Палестины в канун Крымской войны // Православный Палестинский сборник. Вып. 103 М., 2005. С. 102.

¹⁸ Там же. С. 103.

«для распространения православной точки зрения на проблему святых мест среди представителей церковной иерархии и дипломатического истеблишмента»¹⁹.

Наше внимание привлекла еще одна записка Муравьева, которая составлена им в 1847 году и представляет собою не только дань памяти Крестителю Руси св. блгв. князю Владимиру. Муравьев обращается к Михаилу Семёновичу Воронцову-Дашкову, который в 1823 году был назначен Новороссийским генерал-губернатором и много сделал для развития края, в том числе Одессы, Крыма. Муравьев вынужден обратиться к вельможе с просьбой защитить древний Херсонес от размещения на его развалинах чумного лазарета, появление там которого скрыло бы от потомков место крещения князя Владимира навсегда. В данной записке говорится не только о необходимости принять срочные меры по спасению культурного и церковного памятника. Воздается честь его хранителям и возобновителям, в том числе свт. Иннокентию (Борисову). Эта часть текста приписана позже, потому что сама записка датируется 1847 годом, а Святитель скончался в 1857 году, после окончания Крымской войны.

Замечу, что Муравьев начинает свои хлопоты о спасении Херсонеса в 1847 году, за год до посещения этих мест святителем, поездка которого в 1848 году окончательно утвердила в его намерениях восстановить монашескую жизнь в Крыму²⁰. В письме Муравьева к Воронцову-Даш-

¹⁹ Там же.

²⁰ Одной из главных забот И. на Херсонской кафедре стало восстановление древних христ. памятников в Крыму и основание там мон-рей. И. впервые совершил поездку по Крыму летом 1848 г. Впосл. ежегодно, а иногда дважды в год путешествовал по Крыму, любил верхом или пешком добираться до диких, неприступных мест, чтобы осмотреть развалины храмов, пещеры, источники и урочища, почитаемые с древности. 9 авг. 1849 г. жители Крыма обратились к И. с прошением принять меры к восстановлению 10 древних христ. храмов. В нояб. того же года он подал в Синод это ходатайство вместе со своей запиской о создании в Крыму «Русского Афона» (Соч. 1908. Т. 6. С. 970–979). В числе первоочередных мест, подлежащих восстановлению, И. называл Успенскую скалу близ Бахчисарая, одно из первых греч. святилищ, в к-ром уцелела высеченная в скале церковь с написанным на стене чудотворным образом Божией Матери; ц. св. Анастасии между Чатырдагом и Бахчисараем; источник св. бессребреников Космы и Дамиана (Савлух-Су); развалины 4 церквей в Херсонесе; церковь в Инкерманской скале; часовню св. Иоанна Предтечи над источником близ дороги, ведущей из Байдарской долины в Севастополь и Балаклаву; ц. св. Матфея в Судакской долине. По примеру афонского пустынножительства И. предлагал поселить в этих местах по 1 монаху и неск. «не постриженных в монашество, но истинно монашеской жизни старцев» и составить из них единое иноческое братство с центром в Бахчисарайском Успенском скиту, «прочие же священные места с их

кову в августе 1847 года выявляется видение Муравьевым будущего России в Черноморском регионе, в Крыму, на Кавказе. На последнее указывает его рассуждение о восстановлении православия среди кавказских народов, например, храма в Пицунде, как он указывает, «для просвещения Абхазии». Крымский проект Муравьева несет на себе еще отпечаток его синодальной деятельности, но размах его размышлений, касающихся развития целого региона, граничащего с Османской империей, свидетельствуют о том, что перед нами дипломат, погруженный в мировую политику и знающий цену мирному времени в преддверии глобальных столкновений.

Несомненно, Андрею Николаевичу Муравьеву выпало служить в Азиатском департаменте МИДа в те годы, которые отмечены как взлетами, так и падениями российской дипломатии. Ему выпала честь участвовать в становлении полноценной многопрофильной российской политики на Ближнем Востоке в 1830–1840-е годы, что позволило Н.Н. Лисовому назвать этот период «муравьевским».

церквями и часовнями будут почитаться его отраслями, под названием киновий». И. наметил и круг занятий братии: соби́рание исторических преданий, описание древностей, писание икон, прием странников, соби́рание целебных трав и оказание помощи больным, разведение винограда, смокв и проч. Указом Синода от 4 мая 1850 г. И. было разрешено открытие Бахчисарайского Успенского скита с киновиями. 15 авг. того же года состоялось торжественный крестный ход из Бахчисарая в Успенский скит и освящение скита. И. лично заботился о привлечении в скит истинных подвижников, назначил настоятелем архим. Поликарпа. На первоначальное обустройство скита И. выделил 8 тыс. р., а всего на восстановление крымских обителей — до 60 тыс. р. из личных средств, предлагал основать капитал, на проценты с к-рого будет существовать Таврическое братство. Составил описание скита (опубл.: Матеевич. 1907. С. 111–127). В кон. 1851 г. И. писал, что «пустынничество Таврическое» уже состоялось, но для его развития требуются мн. десятилетия. Главной проблемой была нехватка людей, способных вынести тяготы еще не обустроенной монашеской жизни. Тогда же И. представил Синоду ходатайство о передаче «священных развалин» Херсонеса и Инкермана из ведения Морского мин-ва в ведение епархии для устройства новых киновий. Первоначально намеревался построить на развалинах одной из 4 церквей в Херсонесе ц. равноап. блгв. кн. Владимира и в 1852 г. составил проект в стиле визант. базилик IX в., однако был выстроен только небольшой храм с кельями, к-рые И. освятил 28 февр. 1853 г., и открыта Херсонесская киновия (во время Крымской войны храм и кельи были разрушены). Также И. учредил в Крыму Инкерманскую, Катерлезскую, Кизилташскую и Космодамиановскую киновии, составил для Николая I по его поручению описание «О крымском источнике святых Козмы и Дамиана» (опубл.: Там же. С. 103–110). И. часто посещал Космодамиановское урочище; храм, гостиницы для богомольцев и кельи для братии были выстроены в 1857 г. См.: <http://www.pravenc.ru/text/389617.html> (дата посещения: 26.09.2019).

Вклад Муравьева в содержание деятельности Азиатского департамента состоит также в том, что он мог сочетать в своей дипломатической работе все достоинства, которыми обладал: аналитический ум, организаторские способности, прекрасную память, знание иностранных языков, в том числе древних, а также культуры и вероисповедания самых разных народов как европейских, так и ближневосточных. На службе в Азиатском департаменте МИД России он использовал свое писательское дарование, подчинив его не только теме паломнической традиции, но и проблемам взаимодействия различных конфессий и верований в плане дипломатии. Его знания по истории Ближнего Востока, связей с Западной Европой, умение находить общий язык с противником, не уступая ни на йоту своего, делало его видной фигурой в дипломатической и политической среде.

Многие его аналитические материалы применялись для служебного пользования в Азиатском департаменте, посольствах и консульствах Российской Империи. Например, «Ответ г-ну Э. Боре о святых местах», его переписка с церковными представителями, предстоятелями поместных Церквей, дипломатическими представителями разных стран.

РУКОПИСИ ПУТЕШЕСТВИЙ В ПАЛЕСТИНУ В XIX СТОЛЕТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ)²

Одной из актуальных задач в рамках исследования проблемы русского присутствия в Палестине является изучение рукописных и печатных описаний паломничеств на Святую Землю. Некоторые из них стали известны сразу после написания, были напечатаны и быстро вошли в литературную традицию. Другие, наоборот, сохранились в единственном экземпляре и не нашли своего читателя. За период XIX — начала XX вв. сохранился целый ряд подобных памятников. Эти источники крайне неоднородны по своему составу. Они создавались представителями всех сословий Российской империи для разных целей. В одном случае это могли быть путевые записки наподобие дневника, имевшие большое значение для самого автора, в другом — мемуары для ознакомления всех интересующихся читателей. На сегодняшний момент значительная часть этих памятников введена в научный оборот³. Между тем, особым направлением

¹ Поляков Иван Анатольевич и Смирнова Мария Александровна — кандидат исторических наук, научные сотрудники Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41009.

³ См. исследования: Житенёв С.Ю. История русского православного паломничества в X–XVIII в. М., 2007; Балдин К.Е. Русские в Святой Земле: Паломнические дневники как источник // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 2. С. 45–62; Он же. Паломнические мемуары конца XIX–начала XX века как исторический источник // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 3(7). С. 15–28; Он же. Мемуары священника Иоанна Рыжановского о паломничестве в Палестину и на Афон (1867 г.) // ППС. Вып. 112. М., 2016. С. 89–115; Он же. Русские в Святой Земле: Паломнические мемуары как источник // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 3(10). С. 35–48; Федорова И.В. «Путешествие в Святую Землю и Египет» князя Николая Радзивилла и восточнославянская паломническая XVII — начала XVIII в. СПб, 2014; Она же. «Путешествие в Иерусалим девицы Анны Алексеевны и вдовы Параскевы Степановны» (РНБ, собр. Титова, № 1307) в контексте русской паломнической литературы // IX Чтения по истории и культуре древней и новой. М., 2016. С. 244–263; Цысь В.В., Цысь О.П. Паломничество жителей Западной Сибири в Палестину в конце XIX — начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. 2014. № 6 (61). С. 73–90; Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 г.). М., 2016; Клементьев А.К., Скворцова О.В.

является поиск и выявление неизвестных ранее рукописных описаний поездок на Святую Землю и дневников паломников. В рамках данной работы коллективом сотрудников Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (далее РНБ) была предпринята попытка произвести подобное исследование на материалах собраний Отдела. Одним из ее результатов стало обнаружение нового памятника рукописной книжности, посвященного описанию посещения Святой Земли.

Рукопись «Описание святых Палестин и святого града Иерусалима» была создана крестьянином Пермской губернии Иваном Николаевичем Бушуевым под впечатлением от паломничества на Святую Землю в 1859 г.⁴ Этот источник был обнаружен при исследовании фонда советского педагога и музейного работника А.П. Серебренникова на предмет поиска материалов по истории Русской Палестины. Рукописное описание представляет собой тетрадку из 16 листов с обложкой. Текст написан каллиграфическим почерком писца, имеются незначительные правки. К сожалению, рукопись еще до момента поступления на хранение в Отдел рукописей была серьезно повреждена грызунами и имеет целый ряд невосстановимых утрат текста. Также на листах тетради содержатся следы от залитий и загрязнений, многие слова затерты и с трудом поддаются расшифровке.

Важно отметить, что между листами 4 и 5 находится вложенный черновик, состоящий из тетрадного разворота и нескольких небольших листов. Черновик содержит одну из ранних редакций памятника и включает в себя многочисленную тематическую и стилистическую правки, что позволяет исследователям определить характер работы Бушуева над созданием «Описания». Текст памятника условно можно разделить на несколько тематических блоков. В начале произведения

Иеромонах Маркиан (Попов). Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 1 (17). С. 158–163; а также последние публикации памятников: Норов А.С. Путешествие к семи церквам. М., 2005; Румановская Е.Л. Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 годах. М., 2006; Скалон Д.А. Путешествие по Востоку в свите вел. кн. Николая Николаевича в 1872. М., 2007; Горов А.С. Путешествие в Св. земле в 1835 году. М., 2008; Леонид (Кавелин), архим. Старый Иерусалим и его окрестности: из записок инок-паломника. М., 2008; Адлерерг Н. Из Рима в Иерусалим М., 2008; Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в 1858 и 1859 гг. в Иерусалим и гору Афонскую. М., 2014; Соколов К.А. Путевые впечатления по Палестине и Сирии весной 1853 г. / Подг. к публ. К.А. Вах. М., 2017 и др.

⁴ ОР РНБ. Ф. 692. Д. 135.

Иван Бушуев подробно рассказывает о причинах, побудивших его отправиться в паломничество на Святую Землю из Нижне-Чусовских городков Пермской губернии: «в 1854 году у меня заболела правая нога, сделалась сильная ломота в ней, вследствие чего нога была недвижима, так что я не мог ходить и слег в постель. Обращался я к лекарям много раз за помощью, жившим в с. Верх. Городках, пользы мне от них не было. Наконец, мне пришла мысль дать обещание сходить в Верхотурье поклониться мощам св. прав. Симеона, да и к тому родители мои ранее давали обещание свозить меня к мощам Симеона Праведного, но почему-то откладывали»⁵. Посетив мощи Симеона Верхотурского, Иван Бушуев возвращался домой, однако на «на возвратном пути из Верхотурья поселилась мысль в мою голову, и я объят был каким-то особенным желанием и ревностью видеть гроба Спасителя нашего Иисуса Христа и поклониться всем местам палестинским»⁶.

В конце 1858 г. крестьянин решил осуществить свое намерение и отправился в паломничество. Согласно «Описанию», его путь на Святую Землю лежал через Пермь, Казань, Москву, Киев и Одессу. Из Одессы Иван Бушуев с группой паломников отплыл на пароходе в Константинополь. Далее автор кратко описал события, случившиеся с ним на морском пути через Смирну, Александретту, Латоки, Триполи, Бейрут. Высадившись в Яффе, 2 марта 1859 г. паломники отправились в Иерусалим. В целом в Палестине помимо Священного города Иван Бушуев посетил Рамлу, Хеврон, Вифлеем, Самарию, Севастию, Назарет, Кану Галилейскую, побывал на р. Иордан.

Характер сведений позволяет нам сделать ряд предположений о процессе создания памятника. Большинство записей о посещении городов и святых мест достаточно краткие и носят скорее информативный, нежели эмоциональный характер. Они, преимущественно, содержат дату посещения, описание пути, обстоятельства приема группы паломников и совершенные на месте богослужения. В некоторых случаях автор приводит библейские сюжеты, связанные с посещаемой святыней. Иногда он указывает случаи, произошедшие с группой паломников, а также цены на тот или иной товар. Однако, многие эпизоды путешествия не получали достаточно полного описания. К примеру: «29-го. Отправились на Фаворскую гору, где Спаситель преобразился, тут тоже вечером служили всенощну, а утром — молебен. 30-го числа

⁵ ОР РНБ. Ф. 692. Д. 61. Л. 26 об.-27.

⁶ ОР РНБ. Ф. 692. Д. 135. Л. 1 об.

отправились обратно в Иерусалим в числе 150 человек поклонников. 3-го числа апреля по обозрении святых мест снова приехали в град Иерусалим»⁷.

Наверное, единственным исключением можно назвать подробнейшее, на несколько листов, описание сошествия благодатного огня в Храме Гроба Господня на Пасху 1859 г. Из текста памятника следует, что к рукописи был приложен план Храма Гроба Господня, однако он, к сожалению, не сохранился до нашего времени⁸.

Последующие листы сочинения посвящены описанию обратного путешествия крестьянина в Пермскую губернию. Особое внимание в этом тематическом блоке Иван Бушуев уделил реликвиям, взятым им из святых мест. Так, из Иерусалима он привез флаги от Гроба Господня, а также священный огонь, которым он зажигал лампы у близких и знакомых в Одессе, Киеве и других городах. На страницах памятника он сообщает читателям, что священный огонь затух под Саратовом, и он не смог донести его до дома. Ивану Бушуеву также удалось сохранить у себя турецкий паспорт, который он обязан был сдать в Одессе, но не сдал, благодаря вмешательству влиятельных особ⁹. Свой текст автор завершает рассказом о возвращении домой и просьбой не критиковать его за столь скудные сведения о путешествии, так как он «человек совсем малограмотный и путешествие к святым местам было еще в первый раз»¹⁰.

Характер сочинения позволяет предположить, что в ходе путешествия Иван Бушуев вел что-то наподобие книги расходов или записной книжки, в которой он мог точно отмечать дату и время посещения каждого места в ходе своего пути. Вероятно, свои эмоциональные впечатления от некоторых моментов паломничества — к примеру, пасхальной церемонии в Иерусалиме, он мог подробно записать там же. Небольшие эпизоды, касающиеся его пути, приема паломников, забавные случаи он мог писать по памяти. Так, сравнение чернового и белого варианта показывают ряд таких тематических вставок — в ходе работы над текстом Бушуев вспоминал целые эпизоды из своего путешествия. В целом весь памятник может стать очень интересным источником для специалистов по истории Русской Палестины, так как содержит в себе впечатления простого паломника, его взгляд на многие вещи,

⁷ Там же. Л. 13.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ ОР РНБ. Ф. 692. Д. 61. Л. 28.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 692. Д. 135. Л. 17 об.

известные нам из других источников — к примеру, из «Книги странствий» Иеронима Суханова, вместе с которым он одновременно оказался в храме Гроба Господня на Пасху 1859 г.¹¹

В рамках исследования памятника также была поставлена задача определить обстоятельства создания и ввести его в исторический контекст. В связи с этим была предпринята работа по нескольким направлениям: поиск сведений о самом И.Н. Бушуеве, выявление информации из других источников о его паломничестве, а также изучение обстоятельств поступления рукописи в фонды РНБ. Комплексная работа по этим направлениям дала определенные результаты.

Как уже упоминалось выше, сочинение Ивана Бушуева было обнаружено в фонде А.П. Серебренникова, советского педагога и музейного деятеля, чьи материалы поступили в Отдел рукописей в 1945–1953 гг. Вместе с его личными и служебными документами, работами и материалами к ним, в архиве сохранились документы родственников: родителей, деда и двоюродного деда. Члены семьи Серебренниковых: отец Павел Петрович, дед Петр Павлович и двоюродный дед Алексей Павлович на протяжении XIX — начала XX вв. были священниками разных приходов в Пермском крае¹².

Есть основания предполагать, что И.Н. Бушуев состоял в дальнем родстве с Серебренниковыми. Об этом свидетельствует переписка некоего Александра Бушуева с Петром Серебренниковым — в письмах А. Бушуев называет Петра и Алексея Серебренниковых своими братьями¹³. В конце жизни И.Н. Бушуева Павел Серебренников был его духовным отцом.

Однако, наиболее важные сведения о биографии И.Н. Бушуева содержатся в «Церковно-приходской летописи» Богоявленской церкви в Нижнем Чусовском городке, где долгое время был священником отец Павел Серебренников¹⁴. Из нее мы узнаем не только даты жизни крестянина: он родился там же в 1815 г., а умер в 1886 г., но и некоторые сведения о его паломничестве и дальнейшей деятельности. Согласно этому источнику, путешествие Ивана Бушуева глубоко повлияло на его поведение и жизненную позицию. В 1859 г. он на свои средства

¹¹ Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в 1858 и 1859 гг. в Иерусалим и гору Афонскую. М., 2014. (Рукопись: НИОР РГБ. Ф. 218. Д. 925.2).

¹² Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии / Сост. И. Шестаков. Пермь, 1900. С. 23, 32, 38.

¹³ ОР РНБ. Ф. 692. Д. 104.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 692. Д. 61.

и пожертвования отремонтировал и надстроил бывший дом Строгановых, который стал использоваться как дом для ночлега и приюта странников¹⁵. Повторная перестройка дома завершилась незадолго до смерти Бушуева, в 1884–1885 гг., причем для ее осуществления ему пришлось обратиться за финансовой помощью к графу А.С. Строганову, княгине Е.Х. Абамелек-Лазаревой и к благотворительным обществам¹⁶.

По воспоминаниям современников, «во время пребывания богомольцев Ив. Ник. заботился, чтобы они не были голодными, поил чаем, кормил обедом, ужином, давал и хлеба на дорогу. Через реку он нанимал от себя перевозчика, которому сам платил, а от богомольцев брать ему не велел»¹⁷.

По-видимому, Бушуев был впечатлен увиденными на Святой Земле традициями гостеприимного приема православных паломников и постарался перенести их на свою малую родину. «Церковно-приходская летопись» содержит даже упоминание случая, когда в 1881 г. Бушуев был посажен на полтора месяца в острог за несогласованный сбор средств и продуктов в пользу нуждающихся богомольцев¹⁸. «Сердечный привет, ласковое слово, готовый спокойный ночлег, обильная пища — вот чем привлекал, чем встречал и провожал покойный Иван Николаевич каждого странника»¹⁹.

Биографические материалы И.Н. Бушуева попали в «летопись» не случайно. По-видимому, поиск информации о его паломничестве и других аспектах деятельности был связан с запросом управляющего Добрянским заводом П.И. Сюзева. Последний в 1889 г. организовал при заводе музей, в котором, по мысли создателя, «собирается всё, что относится до истории Строгановых»²⁰. Вероятнее всего, поиск и подготовка информации о паломничестве И.Н. Бушуева были частью этой работы.

¹⁵ Новикова Н.Н. Из истории православных церквей Чусовского района // Пятые районные краеведческие Киреевские чтения / Сост. Л.К. Колосова. Горнозаводск, 2005. С. 31; Быль Чусовских Городков / Под ред. А.И. Воробьева. Екатеринбург, 2000. С. 124.

¹⁶ Шерстобитов И.Д. Исторический очерк села Нижне-Чусовских городков // Пермские губернские ведомости. 1865. 30 июля. № 31. С. 127.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 692. Д. 61. Л. 29 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Попов В. Прошлое и настоящее села Нижне-Чусовских городков, Пермского уезда, по поводу освящения 13 сентября 1892 г. придела во имя св. праведного Симеона, Верхотурского чудотворца: Отд. отт. из Пермских епархиальных ведомостей. Пермь, 1893. С. 4.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 692. Д. 61. Л. 28б.

Об этом свидетельствует письмо Сюзева к Серебренникову с просьбой дать сведения о биографии крестьянина и об устройстве странноприимного дома по его инициативе²¹. Среди материалов сохранился записанный со слов Бушуева рассказ о его трудах по устройству странноприимного дома и черновик завещания, составленного в 1886 г.

Обнаруженная информация позволяет более детально взглянуть на обстоятельства создания «Описания». По-видимому, по возвращении из Святой Земли Иван Бушуев получил предложение от какого-то лица или от самого Павла Серебренникова написать небольшой рассказ о поездке и поделиться впечатлениями от увиденного. Этот памятник создавался в несколько этапов. Сохранившиеся листы черновика говорят о том, что сам Бушуев (или переписчик, записывающий его слова на слух) вносили в первоначальный текст многочисленные правки. Текстологический анализ позволяет констатировать, что первый вариант текста отличался краткостью и сбивчивостью — обилием простых несвязных предложений, отсутствием притяжательных и указательных местоимений, что серьезно затрудняло чтение и понимание текста. На следующем этапе в черновик была внесена как стилистическая, так и фактологическая правка, а также были добавлены некоторые крупные эпизоды, которые вспомнил автор. Имеющаяся перед нами рукопись — это чистовой вариант, подготовленный для дальнейшего издания. Он был переписан профессиональным писцом и содержит большинство содержащихся в черновике правок. По-видимому, памятник был подготовлен для печати через некоторое время после возвращения Бушуева, однако так и не был издан. Возможно, в ходе поиска сведений о жизни и деятельности Бушуева по запросу Сюзева памятник был присовокуплен к церковно-приходским материалам священника Павла Серебренникова. После его смерти он остался в составе бумаг служителя и перешел по наследству к его потомкам.

Подводя итоги, можно еще раз отметить, что в ходе исследования фондов Отдела рукописей РНБ на предмет поиска и выявления материалов по истории русского присутствия в Палестине было обнаружено неизвестное ранее «Описание» паломничества пермского крестьянина Ивана Бушуева. Несмотря на то, что оно не содержит подробного рассказа обо всех обстоятельствах его путешествия, рукопись представляет собой ценный источник для специалистов, так как позволяет посмотреть на русское организованное паломничество на Святую Землю глазами обычного паломника-крестьянина.

²¹ Там же. Л. 28а–28б об.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТИЯ (ПРОСВИРНИНА) ПО СОХРАНЕНИЮ ХРИСТИАНСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

«Нельзя без корней приносить плоды»
Архимандрит Иннокентий (Просвирнин).
Из рапорта митрополиту
Волоколамскому и Юрьевскому
Питириму (Нечаеву).

«Сейчас время синтеза,
нужно обобщить наследие отцов».
Архимандрит Иннокентий (Просвирнин)

«Научные поиски отца Иннокентия
были направлены именно на то,
чтобы памятники мысли и
духа стали «говорящими»
и для современного человека».
Протоиерей Михаил Дронов.

Жизнь и служение архимандрита Иннокентия (Просвирнина)

Памятная дата — 25-летие со дня безвременной кончины и 80-летие со дня рождения архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (1940–1994) — «монаха-подвижника»², педагога, ученого-богослова, историка Церкви, источниковеда, историографа и археографа, книговеда и издателя, обладавшего «особой мировоззренческой концепцией, своим взглядом на историю»³, «стяжавшего неведомое для мира

---

¹ Аксенова Галина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и права Московского педагогического государственного университета, член МОО «ИППО».

² Платон (Игумнов), архим. Надгробное слово архимандрита Платона (Игумнова), произнесенное 14 июля 1994 года в Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря при отпевании архимандрита Иннокентия // Памяти архимандрита Иннокентия: К пятой годовщине со дня кончины. М., 1999. С. 1.

³ Платон (Игумнов), архим. Указ. соч. С. 1.

духовное сокровище, духовное дарование»⁴ — стала поводом не только для воссоздания его образа, но и для оценки его вклада в сохранение всемирного христианского историко-культурного наследия. Член Археографической комиссии РАН, член Правления Международного фонда славянской письменности и культуры, инициатор создания Славянского фонда России, активный участник Международного центра информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья (СИБАЛ), участник мероприятий, проводимых Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), участник Международных съездов славистов, Международного конгресса византистов и Международного семинара «Проблемы изучения и издания памятников славяно-русской письменности», участник Фонда гуманитарных инициатив, Член Рабочего президиума и редакционной группы Комиссии Священного Синода по подготовке и проведению 1000-летия Русской Православной Церкви, создатель Музея Библии и Международного Волоколамского краеведческого общества на базе Иосифо-Волоколамского монастыря, архимандрит Иннокентий, по мнению академика С.О. Шмидта был «воплощением живой творческой связи современных гуманитарных наук с магистральными двухвековыми традициями изучения памятников истории и культуры нашего Отечества»⁵.

Архимандрит Иннокентий (Анатолий Иванович Просвирнин) родился 5 мая 1940 г. в Омске. В 1958 г. поступил в Московскую Духовную Семинарию, затем, в 1964 г. — в Московскую Духовную Академию, обучение в которой завершил в 1968 г. защитой диссертации «Введенская Оптина Пустынь в истории русского монашества» и получил степень кандидата богословия. С 1968 по 1987 гг. преподавал в Московской Духовной семинарии и Московской Духовной Академии, читал курс по истории Русской Православной Церкви и пробный источниковедческий курс⁶.

В годы учебы в Семинарии, начало 1960-х гг. Анатолий Просвирнин стал иподьяконом владыки Питирима (Нечаева), а в годы обучения в Духовной академии в 1966 г. был «зачислен в штат редакции»⁷ «Журнала Московской Патриархии» и стал сотрудником Издательского отдела

⁴ Там же.

⁵ Шмидт С.О. Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 117.

⁶ См.: Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Послужной список. 1993 г., август 13 // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 1. Ед. хр. 37.

⁷ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Краткая автобиография. 1983 г. // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 1. Ед. хр. 22.

Московского Патриархата (ИОМП). Церковно-издательскому и христианско-просветительскому делу архимандрит Иннокентий отдал 30 лет, сначала заведя отделами проповеди и богословия «Журнала Московской Патриархии», затем войдя в состав редколлегии ежегодного сборника «Богословские труды» и заняв должность заместителя главного редактора по научной работе.

Архимандрит Иннокентий принимал участие в подготовке важнейших изданий Московского Патриархата: Библии (изд. 1969 г.), Нового Завета (изд. 1976 г.), «Настольной книги священнослужителя» (1977–1988), Триоди, Октоиха (изд. 1981 г.), Ирмология (изд. 1983 г.), книги-альбома «Троице-Сергиева Лавра» (1985). В составе творческой группы архимандрит Иннокентий работал над изданием богослужебных Миней (1978–1989) и, изучив опыт работы и наследие архиепископа Сергия (Спасского)⁸ и епископа Афанасия (Сахарова)⁹, внес огромный вклад в формирование современного Месяцеслова русских святых. Он инициировал издание исследования митрополита Сергия (Страгородского) «Православное учение о спасении» и публикацию текста Беседы Высокопреосвященного Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского «Указание пути в Царствие Небесное». По его инициативе в «Журнале Московской Патриархии» была осуществлена публикация текста «Песни канона преподобным Кириллу и Мефодию» митрополита Филарета (Дроздова)¹⁰. Одними из крупнейших, инициированных им проектов, стали «Русская Патристика»¹¹, «Русский Пантелеймонов монастырь на Афоне» и «Афон»¹².

⁸ Сергей (Спасский И.А.), архиеп. Верный Месяцеслов всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно, составленный по донесениям Святейшему Синоду преосвященных всех епархий в 1901–1902 годах. М., 1903.

⁹ См.: Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Карточная опись архива Афанасия (Сахарова, Сергея), епископа Ковровского. 1960–1970-е гг. // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 43. Ед. хр. 1. 998 лл.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 10. Ед. хр. 4.

¹¹ См.: Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Русская патристика. (Источниковедческий обзор) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Сборник статей: К 60-летию со дня рождения Н.Н. Покровского. Новосибирск, 1990. С. 183–189.

Также см.: Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Картотека «Русская Патристика» // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 17–19.

¹² См.: Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Краткая характеристика книги-альбома АФОН. 1983 // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 3. Ед. хр. 46.

Издание уникальных памятников древнерусской книжности явилось еще одним направлением научно-популяризаторских трудов архимандрита Иннокентия. Общими усилиями Русской Церкви и ученых удалось факсимильно воспроизвести (с научным сопровождением) Остромирово (1056–1057 гг.) и Мстиславово (начала XII в.) евангелия.

Архимандрит Иннокентий составил библиографические указатели «Афон и Русская Церковь», «Труды архимандрита Леонида Кавелина» и «Труды архиепископа Димитрия (Самбикина)», инициировал работу группы ученых-архивистов над многотомной справочной серией «История Русской Православной Церкви в документах архивов России и федеральных архивах»¹³.

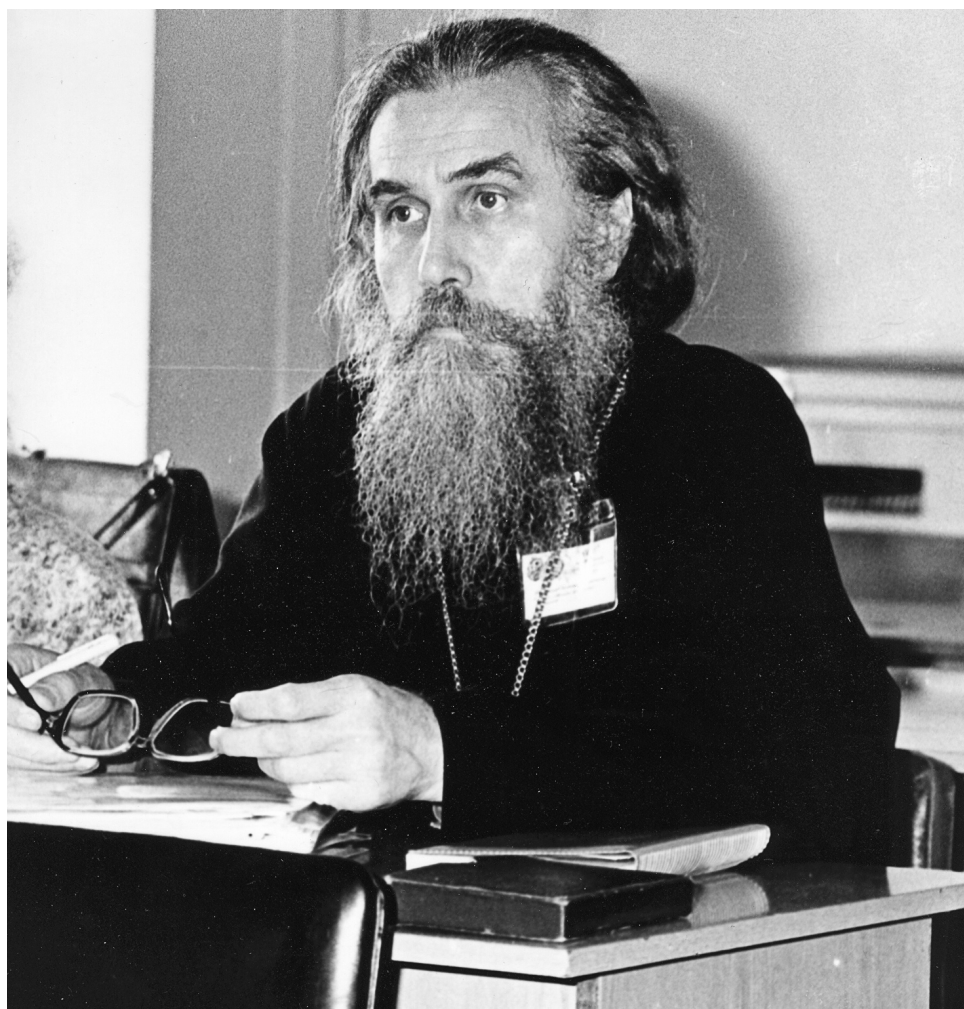
Заботясь о молодых священниках, нуждающихся в помощи и учительской опеке, тех священниках, которым необходимо передать накопленный многими поколениями опыт церковного служения, просветительства и заботы о сохранении историко-культурного наследия, архимандрит Иннокентий (Просвирнин) вместе со своим учеником протоиереем Борисом Пивоваровым составил проект издания «Сибирский Церковный вестник»¹⁴, а также план-проспект издания «Миссионерское служение Русской Православной Церкви»¹⁵. После кончины отца Иннокентия его ученик продолжил работу, и в 1998–2000 гг. вышли книги «Из духовного наследия алтайских миссионеров» и «Свет Христов просвещает всех. Памятники миссионерской письменности»¹⁶. В пре-

¹³ История русской Православной Церкви в документах региональных архивов России: Аннотированный справочник-указатель / Научный руководитель архимандрит Иннокентий Просвирнин. М., 1993; История русской Православной Церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга: Аннотированный справочник-указатель / Научный руководитель архимандрит Иннокентий Просвирнин. М., 1995.

¹⁴ Иннокентий (А.И. Просвирнин), архим., Пивоваров Б., протоиерей. Проект издания «Сибирский Церковный вестник». 1989. 93 лл. // ОР РГБ. Ф. 862. К. 42. Ед. хр. 4.

¹⁵ Иннокентий (А.И. Просвирнин), архим., Пивоваров Б., протоиерей. Миссионерское служение Русской Православной Церкви План-проспект издания. 1987. 16 лл. // ОР РГБ. Ф.862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 42. Ед. хр. 5.

¹⁶ Из духовного наследия алтайских миссионеров: Сборник / Сост. вступ. статья и примечания протоиерея Б.И. Пивоварова. Новосибирск, 1998; «Свет Христов просвещает всех». Памятники миссионерской письменности / Сост. протоиерей Борис Пивоваров, ред. Н.Г. Горелова. Новосибирск. В этот сборник вошли миссионерские творения, принадлежащие перу просветителей народов Сибири, Дальнего Востока и Америки: Григория Новицкого, митрополита Иннокентия (Вениаминова), архимандрита Макария Глухарева, архиепископа Вениамина (Благодравова), протоиерея Михаила Чевалкова, митрополита Макария (Невского) и митрополита Нестора (Анисимова).

Архимандрит Иннокентий. На заседании XVIII Международного конгресса византинистов в Москве в 1991 г. Фото.

дисловии ко второй из названных книг особенно подчеркнута роль отца Иннокентия в исследовании православного миссионерства на дальних рубежах России и за рубежом: «Идея возрождения издания памятников миссионерской письменности получила благословение и поддержку архимандрита Иннокентия Просвирнина (1940–1994), который всегда обращал особое внимание, как на опубликованные труды миссионеров Русской Православной Церкви, так и на миссионерские архивы.

Архимандрит Иннокентий, занимаясь в библиотеках, музеях, архивах, составил библиографическую и биобиблиографическую картотеку

русских святых (более 4000 карточек)¹⁷, одновременно с этим публикуя на страницах «Журнала Московской Патриархии» и «Богословских трудах» агиографические статьи¹⁸.

Огромную роль архимандрит Иннокентий (Просвирнин) сыграл в подготовке юбилейных изданий, приуроченных к 1100-летию со дня кончины равноапостольного Мефодия (1985 г.), 1000-летию Крещения Руси (1988 г.), 400-летию установления Патриаршества в Русской Церкви (1989 г.), приняв участие в подготовке и проведении международных конференций, прошедших в Регенсбурге и Софии, разработав специальные выпуски «Журнала Московской Патриархии», участвуя в заседаниях историко-канонической подкомиссии, в составлении «Службы в память 1000-летия Крещения Руси и всем святым, в земле Российской просиявшим» и «Чинопоследовании панихиды по предстоятелям Русской Православной Церкви, по подвижникам благочестия Земли Российской и по всем благочестивым предкам нашим в память 1000-летия Крещения Руси». Он потрудился над составлением Житий и служб новопрославленным святым — преподобному Андрею Рублеву, святителю Игнатию Брянчанинову, Блаженной Ксении Петербургской, Макарию, митрополиту Московскому, преподобному Максиму Греку, старцу Паисию Величковскому, святителю Феофану, Затворнику Вышенскому¹⁹.

В 1988 г., в год 1000-летия Крещения Руси, исполнялось 45 лет возобновлению Издательского отдела Московской Патриархии. Владыка Питирим вместе с архимандритом Иннокентием начали новый проект «Об издательской деятельности Русской Православной Церкви», посвященный этому событию²⁰.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 16. Ед. хр. 1; К. 17. Ед. хр. 1; К. 18. Ед. хр. 1; К. 19. Ед. хр. 1; К. 20. Ед. хр. 1.

¹⁸ См.: Печатные труды (в хронологическом порядке) // Иннокентий (Просвирнин), архимандрит. Блаженны чистые сердцем: Сб. статей / Вступ. ст. и сост. О.В. Курочкиной. М., 2008. С. 434–439.

¹⁹ См.: ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 8. Ед. хр. 13–15, 18–24.

²⁰ О работе над этим проектом свидетельствует сохранившийся в архиве отца Иннокентия текст доклада митрополита Питирима «Об издательской деятельности Русской Церкви». В докладе представлена структура будущего издания. Она следующая: Исторический очерк (с примечаниями); Издательская деятельность Русской Церкви (1918–1988): книгоиздательство, периодическая печать, научная деятельность, информационная работа, кино и телевидение, слайд-фильмы, фотослужба, выставки, отдел звукозаписи и музыкальная редакция, зарубежные связи. В Приложении даны: 1. Издания богослужебных книг московской печати XVI–XVII веков; 2. Издания, подготовленные Издательским отделом Московского Патриархата за всё время

Архимандрит Иннокентий был одним из тех пастырей и церковных подвижников, кто понимал, что в деле просвещения и сохранения национальных традиций и национальной культуры необходимы совместные усилия исследователей духовного сана и «светских» ученых. Неслучайно председатель Археографической комиссии Института истории АН СССР академик С.О. Шмидт отметил, что «архимандрит Иннокентий, пожалуй, первым из наших священнослужителей стал деятельно участвовать в научных начинаниях (конференциях, изданиях) Академии наук и государственных хранилищ — архивов, библиотек, музеев. Много содействовал он и тому, чтобы участие сотрудников таких учреждений стало заметным явлением в научных работах, возглавляемых Московским Патриархатом, и чтобы об этой стороне деятельности священнослужителей был более осведомлен широкий читатель»²¹. Вот почему в 1990 г. именно архимандрита Иннокентия ввели в состав членов Археографической комиссии от Издательского отдела Московского Патриархата. Это событие стало одним из значимых шагов по пути «сотрудничества академических учреждений с Церковью»²².

С 9 декабря 1977 года по 18 июля 1992 года отец Иннокентий «являлся насельником Троице-Сергиевой Лавры»²³. Без исключения из состава братии монастыря его командировали в храм пророка Илии в Черкизове (Москва)²⁴, над спасением и реставрацией которого ему пришлось много потрудиться. Два года архимандрит Иннокентий (Просвирнин) состоял в братстве Успенского ставропигиального

существования: книги Священного Писания и молитвословы, богослужебные книги, труды иерархов Русской Православной Церкви, церковно-общественный материал, справочные издания, издания памятников письменности, совместные с иностранными фирмами издания (для всех изданий указан тираж); 3. Пластинки, выпущенные Издательским отделом Московского Патриархата к 1000-летию Крещения Руси и ранее. См.: ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 1. Ед. хр. 45.

²¹ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 118.

²² Журнал «Отечественные архивы» к юбилею Археографической комиссии. Интервью с С.О. Шмидтом, С.М. Каштановым и В.А. Черных // 50 лет Археографической комиссии / сост. А.В. Мельников. М., 2006. С. 26.

²³ Иннокентий (Просвирнин), архимандрит. Справка в том, что он являлся насельником Троице-Сергиевой Лавры. 1993 июля 23 // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 1. Ед. хр. 31.

²⁴ Иннокентий (Просвирнин), архимандрит. Рапорты, служебные записки. 1986 г. // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 2. Ед. хр. 9. Л. 11.

монастыря преподобного Иосифа Волоцкого и занимался там хозяйственными и реставрационно-восстановительными работами. В монастыре он создал научный центр — «Музей Библии», при котором продолжал заниматься издательской деятельностью. Плодом его миссионерского и просветительского служения стало упомянутое в начале статьи Международное Волоколамское краеведческое общество.

Несколько месяцев отец Иннокентий провел в древнем Киккском монастыре на Кипре, совершил паломничество на Святую Землю, молился на Голгофе и у Гроба Господня, побывал на священной горе Синай, в монастыре святой великомученицы Екатерины.

В 1993 г. он вышел на покой и был принят в Московском Новоспасском ставропигиальном монастыре, проведя в трудах последние полгода в келье епископа Порфирия (Успенского), которого благоговейно почитал.

Международная деятельность архимандрита Иннокентия в рамках ИОМП, направленная на сохранение культурного наследия

В издательской деятельности Московского Патриархата международная информационная работа всегда была одной из составляющих. Цель этого направления в одной из служебных записок митрополит Питирим (Нечаев) определил, как донесение «информации о жизни Русской Православной Церкви и других Церквей, а также религиях и религиозных объединениях в СССР»²⁵. Возможности проведения подобной высококвалифицированной информационной работы Издательский отдел имел практически с момента своего официального учреждения в 1940-х гг. Так, например, «Журнал Московской Патриархии», издававшийся с 1943 г. и рассылавшийся в 37 стран мира, в 1971 г. начал выходить и на английском языке (3 тыс. англ. экземпляров с распространением в 30 странах мира). В 1987 г. начал выходить в свет на шести языках мира (в том числе и на арабском) «Московский церковный вестник».

За рубежом Московским Патриархатом издавалась такая периодика как «Голос Православия» (Берлин); «Единая Церковь» (США); «Церковная хроника» (Венгрия); «Вестник Западно-Европейского

²⁵ Питирим (Нечаев), митр. О работе Издательского Отдела Московского Патриархата в области международной информации. Служебная записка. 1988 г. // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 1. Ед. хр. 50. Л. 1.

экзархата» (Франция); «Православный вестник» на английском языке (Канада); Журнал «Православный вестник» («Сейкё Дзихё», Япония); «Вестник подворья Московского Патриархата в Токио» (Япония); Православный церковный календарь на немецком языке (ГДР, Дрезден)²⁶.

Русской Православной Церковью был предпринят ряд проектов с зарубежными издательствами, посвященных русскому церковному искусству и древним монастырям²⁷. Распространению информации и раскрытию уникальных фондов способствовали фотослужба, звукозапись теле-, видеозапись, документальное и любительское кино, а также демонстрация кинофильмов, телефильмов, слайдфильмов, организация фотовыставок.

Немаловажным направлением в международной деятельности стало участие ИОМП во Франкфуртской книжной ярмарке и Московской книжной выставке. Особую роль сыграла книжная ярмарка 1983 г. во Франкфурте-на-Майне, проходившая под лозунгом «Древние религии в новом мире».

Благодаря «постоянно проводимой работе с представителями религиозной и светской печати, с посольствами иностранных государств в Москве», благодаря «проведению консультаций с представителями советских средств массовой информации, систематическому ознакомлению их с церковно-общественными мероприятиями, совместным работам с ТАСС, АПН, Гостелерадио, Госкино и др.»²⁸ появились широкие возможности для ведения информационно-просветительской работы, направленной на раскрытие значения христианского историко-культурного наследия.

Немаловажная роль в деле распространения информации не только о Русской Православной Церкви, но и о христианском историко-культурном наследии, связанном с ней теснейшим образом, отводилась Союзу советских обществ дружбы и Советскому Комитету защиты мира (Общественной комиссии Советского комитета защиты мира

²⁶ Питирим (Нечаев Константин Владимирович), архиепископ Волоколамский. Справка о работе Издательского отдела Московского Патриархата. 1983 января 31 // ОР РГБ. Ф. 862. К. 1. Ед. хр. 45. Л. 1.

²⁷ Это издательство «Отто Лембек Ферлаг», ФРГ, издательство «Орелль фюсли» в Цюрихе, издательства «Паулинус», издательство «Хердер», ФРГ; издательство «Пакс», Польша. См.: Питирим (Нечаев), митр. О работе Издательского Отдела Московского Патриархата в области международной информации... Л. 11.

²⁸ Питирим (Нечаев), митр. О работе Издательского Отдела Московского Патриархата в области международной информации... Л. 1.

Прием в Московской Патриархии.

В центре - архимандрит Иннокентий, справа — Председатель ОВЦС, митрополит Минский и Белорусский Филарет (Вахромеев). 1984, 26 марта.
Фото.ОР РГБ. Ф. 862. К. 58. Ед. хр. 7.

по связям с религиозными кругами, выступающими за мир), а также Советскому фонду культуры. Работа, направленная на популяризацию и сохранение духовного наследия, велась и в рамках Всемирного Совета Церквей, Комитета коммуникаций, Всемирной ассоциации христианских коммуникаций (ВАХК/Европа), Экуменического круга по информации в Европе (ЭРКИЕ)²⁹.

Изучению и публикации общеславянского и древнерусского книжного наследия в 1980-е гг. способствовало плодотворное сотрудничество с такими крупнейшими научными организациями и книгохранилищами как Археографическая комиссия АН СССР, Институт рукописей АН Грузинской ССР, Центральная научная библиотека АН Украинской ССР; Библиотека Академии наук СССР,

²⁹ В справке, подготовленной митрополитом Питиримом упоминаются также и такие организации, как Конференция Европейских Церквей, Христианская Мирная Конференция, Христианская теле неделя, Международная книжная ярмарка во Франкфурте-на-Майне, Фонд за выживание человечества, Кирхентаг Евангелической Церкви Германии, ФРГ, Форум публицистов и богословов, Всехристианский собор за мир, Комиссия по спутниковому телевидению, Фонд Ла Пиры, Объединенные библейские общества. См.: Питирим (Нечаев), митр. О работе Издательского Отдела Московского Патриархата в области международной информации... Л. 4–5.

Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (в наст. время — Российская национальная библиотека), Отдел рукописей Государственного Исторического музея, Комиссия по изучению наследия святых Кирилла и Мефодия (Болгария), Центр источников Балкан и Средиземноморья (СИБАЛ); Богословские факультеты Афинского и Салоникского университетов (Греция).

Новая техническая революция, начавшаяся в конце 1970-х гг., привела к возникновению новых форм сохранения исторической памяти. Вот почему сотрудники ИОМП стали активными участниками международных конференций и научно-исследовательских мероприятий, организуемых Международной организацией по изучению славянских рукописей (СИБАЛ). Эта форма работы позволила ставить и решать вопросы, связанные с созданием общих информационных книжных фондов, заниматься организацией фонда сохранности и созданием единой информационно-поисковой базы.

Огромный интерес архимандрит Иннокентий проявил к деятельности международной конференции «Международный банк для изучения средневековых рукописей», главной целью которой анонсировалась «организация сотрудничества, исправление, собирание, хранение и распространение информации»³⁰. Он понял значение этой организации, стремящейся объединить усилия ученых всех стран мира (текстологов и кодикологов, арабистов, востоковедов, медиевистов, архивистов и компьютерщиков) в создании единого фонда сохранности историко-культурного наследия.

Эта конференция явилась результатом совместной инициативы Института исследований и истории текстов (IRHT/Париж), Международного центра информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья (СИБАЛ, София) и Католического университета Неймегена. Она поддержана (финансирована) Национальным центром научных исследований (CNRS, Франция), СИБАЛ (совместно с ЮНЕСКО), Королевской Нидерландской Академией наук, Нидерландской организацией для проведения независимых исследований (ZWO), Нидерландским министерством образования и науки, а также Католическим университетом³¹.

³⁰ «Международный банк даны для изучения средневековых рукописей». Рабочая конференция. Проект работы конференции. Список участников. 1987 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 6. Ед. хр. 13. Л. 1.

³¹ См.: «Международный банк даны для изучения средневековых рукописей» ...

Лесная промышленность, 24 декабря 1987 г.

Гостинная «III»

Архимандрит ИННОКЕНТИЙ:

«Миру нужен мир»

В наступающем году будет отмечаться 1000-летие Крещения Руси. О значении этого события для истории, культуры, политики нашего государства корреспонденты газеты Н. ЗЮКОВ-БАТЫРЕВ и С. СОБОЛЕВ попросили рассказать одного из видных историков Русской Православной Церкви архимандрита ИННОКЕНТИЯ ПРОСВИРНИНА.

— Крещение Руси князем Владимиром в 988 году стало эпохальным событием не только в истории Отечества, но и в мировой истории. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в этом году Ассамблея ЮНЕСКО приняла резолюцию праздновать эту дату во всех странах — членах ЮНЕСКО.

До 988 года уже более чем на протяжении 200 лет между Русью и кельбейно православия — Византией — существовали тесные связи. И когда перед Владимиром встал вопрос, какую религию выбрать для русской вместо пришедшего и кризису языческого культа, и сам князь, и его окружение склонились к христианству — наиболее прогрессивной и гуманной религии. В ней отсутствовали человеческие жертвоприношения.

Любовь человека к богу и людям нашла иное выражение в христианской религии. В ней бог приносит себя в жертву человечеству, принимает скорбь и страдания людей.

Крещение князя Владимира и его дружины стало священным актом, оно еще более укрепило княжескую

ли русские священники, велик их материальный вклад в общее дело разгрома фашизма. На средства церкви была построена танковая колонна «Дмитрий Донской», авиаскадрилья «Александр Невский», верующие сдавали в фонд обороны деньги, драгоценности, сражались на всех фронтах плечом к плечу и с атенстами, и с людьми других вероисповеданий, отстаивая свободу и независимость своей исторической Родины.

сам исторический Договор по ракетам средней и меньшей дальности. Как Церковь расценивает это событие?

— С огромным удовлетворением и радостью. В этой связи был отслужен особый молебен в Богоявленском Патриаршем соборе в Москве. Верующим была разъяснена сущность этого исторического акта, еще раз подчеркнута приверженность Русской Православной Церкви к миролюбивой политике Советского государства. Следует отметить, что в своих проповедях и богослужениях служители Церкви постоянно разъясняют отношение Церкви к текущим событиям, объясняют суть проходящей в стране перестройки, деятельными участниками которой являются верующие. Что касается непосредственно заключенного между двумя руководителями великих держав договора, то могу лишь повторить слова пророка Исаии из священной для христиан книги — Библии: «Придет время, когда люди перекуют мечи на орала и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меч, и не будут более учиться воевать». Похоже, что такое время наступает. И мы от всего сердца приветствуем его приход. Миру нужен мир.

— С каждым годом все теснее становится контакт человека с природой. И, к сожалению, от этого контакта природа нередко страдает. Как, по вашему мнению, можно совместить требования научно-технического прогресса с понятием нравственности, которое проповедует христианство?

Архимандрит Иннокентий. «Миру нужен мир».
Интервью газете «Лесная промышленность». 1987. 24 декабря.
Вырезка из газеты. ОР РГБ. Ф. 862. К. 11. Ед. хр. 9.

Архимандрит Иннокентий, деятельно участвовавший в издательских и научно-исследовательских проектах, огромное внимание уделял Библейскому направлению, которое он связал не только с изданием Книг Священного Писания, а также памятников древнерусской богослужебной и богословской письменности. Этот вид деятельности позволил создавать банк данных по основным рукописным текстам Русской Библии, начиная с Евангелия X–XI в. («Саввиной книги»), сначала — в виде цветных микрофильмов³², а затем — и на электронных носителях.

³² Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Информационное сообщение о Библейской работе в ИОМП с 1967 по 1990 гг. 1990 июля 18 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 1. Ед. хр. 48. Л. 1.

Отчитываясь в 1990 г. о проведенной Библейской работе, отец Иннокентий отметил следующее: «4. Проведено исследование первого точно датированного Евангелия-Апракос 1056–1057 гг. — вклада Новгородского посадника Остромира, и осуществлено его издание совместно с издательством «Аврора» (М.; Л., 1988).

5. Проведено исследование, подготовлено к изданию и сдано в производство Евангелие Апракос 1117 г. (полный апракос), вклад святого благоверного князя Мстислава, во святом Крещении Теодора, в храм Благовещения Пресвятой Богородицы. В качестве научного сопровождения, в ряду других, — фундаментальная работа русского слависта-археографа Капитона Ивановича Невоструева «Исследование о Евангелии». Изучение работы К.И. Невоструева позволит по-новому взглянуть на многие аспекты истории Славянского Библейского текста и его изучения. Рукопись Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ф. 193, к. 3, № 1, 650 стр. маш.) подготовлена к печати и сдана в производство.

6. Начато исследование первой русской Библии 1499 года Святителя Геннадия, архиепископа Новгородского вслед за Описанием Синодальных рукописей профессора протоиерея А.В. Горского и К.И. Невоструева. Исследование проводится в сравнении с Библией Троице-Сергиева монастыря (ГИМ, Син. 3.) и Библией Иосифо-Волоколамского монастыря (ГИМ, Син. 2).

7. На основе Геннадиевской Библии 1499 года подготовлено издание иллюстрированной Русской Библии в десяти томах (70 x 108/8), с параллельным синодальным переводом Русской Библии. Тома 7-й и 8-й, в состав которых входит Новый Завет (соответственно 50 и 64 печ. л.) сданы в производство. Продолжается работа над остальными томами, включая научное сопровождение к Русской Библии.

8. Создан банк данных по миссионерским изданиям Русской Православной Церкви за всё время работы Русских духовных миссий на языках народов, населявших Россию (для последующего ввода в ЭВМ).

10. Сделаны микрофильмы с рукописей, требующих издательской подготовки к печати, (из разных хранилищ СССР), в целях решения национальных, научных и богословских проблем. Банк данных в ИОМП»³³.

³³ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Информационное сообщение о Библейской работе в ИОМП с 1967 по 1990 гг. 1990 июля 18 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 1. Ед. хр. 48. Л. 2–3.

В 1989 г. по благословению Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II (Ридигера) был учрежден Международный фонд славянской письменности и культуры, членом правления которого стал архимандрит Иннокентий. Он активно включился в работу Фонда и за первые полгода сумел решить несколько серьезных вопросов, связанных с популяризацией национальной культуры, раскрытием основных событий русской истории и изданием уникальных памятников древнерусской культуры.

В июле 1989 г. в письме, адресованном академику Н.И. Толстому, он отмечал:

1. достигнута договоренность с дирекцией Производственно-издательского комбината ВИНИТИ, с участием ГБЛ СССР (в наст. время РГБ — Г.А.) и ИОМП о создании издательско-полиграфического объединения в рамках будущей работы Международного Фонда славянской письменности и славянских культур;

2. достигнута договоренность со специалистами в области компьютеризации и библиотечного дела о создании в МФСПСК информационно-библиотечного сектора;

3. согласована серия Фильмов, посвященных славянской письменности (ответственные — Н.Н. Лисовой / А.И. Просвирнин);

4. проработана программа СКРИПТОРИЙ с организацией книгописных палат в Иосифо-Волоколамском монастыре, возрождающейся Киево-Могилянской академии;

5. начата проработка программы ХЕРСОНЕС по возрождению археологических и архитектурных памятников Причерноморья, Киевской Руси и др.

6. достигнута договоренность по взаимодействию нашего Фонда с Грецией (монастырь Параклит, греческий комитет «Восток-Запад», ТПП, общество «Друзья Святой Горы Афон» и др.);

7. достигнута договоренность по взаимодействию МФСПСК с мэрией г. Уналашка, обществом «Гордость Уналашки», Братством святого Пантелеймона при храме Вознесения в г. Уналашка, приходом свяителя Иннокентия в г. Анкоридже (Аляска) и др. (г. Ситха)³⁴.

Частью программы, направленной на возрождение и популяризацию национальных православных традиций, стал проект «Неугасимая лампада», одним из авторов которого был архимандрит

³⁴ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Рапорты, служебная записка об издательской деятельности; о командировке в Болгарию, на Аляску, в Архангельскую область. 1989 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 2. Ед. хр. 12. Л. 13.

Иннокентий. В 1992 г. в канун Дней славянской письменности и культуры в Москве, он предложил пронести «Лампаду, возженную в Константинополе, по всем регионам России»³⁵. Он совершенно справедливо считал, что «таким образом, БЛАГОДАТНЫЙ ОГОНЬ к Празднику ПРОСВЕЩЕНИЯ — в честь просветителей славян Равноапостольных Кирилла и Мефодия, 24 мая 1992 года, сможет возжечь сердца людей и их лампы повсеместно. Когда НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА со Святынями Славянских стран пройдет путь Равноапостольных Братьев и прибудет в Троице-Сергиеву Лавру, а затем — в Большой Успенский собор Кремля и на Славянскую площадь Столицы, к памятнику Просветителей славян Равноапостольных Кирилла и Мефодия — православный мир в едином порыве сможет вознести ХВАЛУ ГОСПОДУ»³⁶.

Как член Комитета защиты мира 1987 г. архимандрит Иннокентий написал одну из своих программных заметок, связав решение назревших вопросов по сохранности культурно-исторического наследия с решением вопросов о мирном сосуществовании. Он указал, что, сохраняя памятники истории и культуры, раскрывая их содержание, мы можем способствовать мирному решению многих политических проблем современности. Он также отметил: «Русский Православная Церковь всегда стояла против сил зла и неправды, против всяческих разновидностей клеветы на человека. Начиная со “Слова о законе и благодати” гениального русского писателя XI в. митрополита Илариона русская православная мысль со всей прямоотой и категоричностью высказалась за благодать и свободу против ветхого “закона” и рабства, за историческое творчество против косности и застоя. Великая рублевская “Троица” стала символом и свидетельством всему миру русской души, русского характера: осуждающей рознь и ненависть — благословляющей любовь и единение в союзе мира; осуждающей порабощение и иго — благословляющей свободу жертвенного подвига»³⁷.

³⁵ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Служебная записка Его Святейшеству, святейшему патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. 1992 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 2. Ед. хр. 18. Л. 3.

³⁶ Там же.

³⁷ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Международное планирование науки: политическая и гуманитарная перспектива. Заметка. [не ранее сентября 1987 г.] // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 14. Ед. хр. 20. Л. 2.

Вопросы сохранения исторического наследия Святой Горы Афон в международной деятельности архимандрита Иннокентия

«Будучи связана теснейшими вековыми
узами с Афоном, Русская Православная
Церковь хочет продолжать эти связи,
ибо православной русской душе Афон,
как величайшая всеправославная свя-
тыня и оазис стяжания вечной жизни,
остается особенно близким и дорогим».
Из Речи Патриарха Пимена (Извекова)
в Протате Святой Горы Афон в Карее
23 октября 1972 г.

«...не дать угаснуть нашим русским
лампадам, которые теплятся и свиде-
тельствуют живую веру нашего народа
столько веков».

Из письма митрополита
Ленинградского и Новгородского
Никодима от 27 марта 1969 г.

Веками Афон как «всемирно-исторический центр православного монашества»³⁸, как «величайшая всеправославная святыня»³⁹, не подвластная мирским установлениям»⁴⁰, как «светильник, тысячи лет озаряющий, согревающий сердца православных людей во всем мире»⁴¹, «как всенациональный духовный источник, многие века питавший верующих»⁴², «оазис стяжания вечной жизни»⁴³, как «драгоценный памятник вневременного и сверхнационального единения»⁴⁴, как «синтезатор общественного мнения»⁴⁵ способствовал формированию «светло-

³⁸ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 3. С. 7.

³⁹ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 5. С. 26.

⁴⁰ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 3. С. 16.

⁴¹ Там же. С. 8.

⁴² Там же. С. 7.

⁴³ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 5. С. 26.

⁴⁴ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 3. С. 20.

⁴⁵ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Краткая автобиография. Русская Православная Церковь — ктитор Русского Пантелеймонова

го духа доброго братского сожительства, душевной взаимности, любви, кротости, смирения»⁴⁶.

В 1974 г. на страницах «Журнала Московской Патриархии» архимандрит Иннокентий опубликовал свой труд «Афон и Русская Церковь», начав серьезный разговор о судьбе христианского Афона, его наследии и значении в созидании Русской Церкви, о необходимости сохранить эту монашескую республику, сохранить все монастырские, церковные и скитские строения, ценнейшие собрания, произведения церковного искусства, без которых немыслима история человечества. Отец Иннокентий писал: «Нельзя представить без Афона историю нашей Церкви. Бывали времена обильных и плодотворных духовных связей между Русской Православной Церковью и Святой Горой, бывали и трудные годы. Но особенно горько видеть суровый жребий святогорских обителей в наши дни, когда зачастую отсутствие любви и различные, чуждые духовной жизни соображения некоторых официальных кругов в Греции становятся на пути афонского подвижничества»⁴⁷.

Как источниковед, археограф и ученый-богослов, тяготевший еще со времени обучения в Духовной Академии к изучению истории монашества и православного миссионерства, внимательно изучавший историю святых, часто в своих лекциях утверждавший, что «история Церкви — это история ее святых»⁴⁸, отец Иннокентий четко и логично структурировал огромный исторический, политический и юридический материал, предпослав обширную историческую часть анализу проблемной ситуации, сложившейся в мире и в Греции по отношению к святогорскому братству в XX в., накануне и после окончания Первой Мировой войны. Рассказав в вводной части о значении Афона в истории православного мира, о «сверхнациональной особенности афонского подвижничества»⁴⁹, он перешел к повествованию об истории монастырей и современным вопросам пополнения монастырской братии, дал характеристику состояния Русского монастыря, скитов и келий

монастыря на Афоне [не ранее 21 апреля 1986 г.] // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 2. Ед. хр. 3. Л. 32. Л. 2

⁴⁶ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1974. № 3. С. 7.

⁴⁷ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1974. № 3. С. 2.

⁴⁸ Платон (Игумнов), архим. Надгробное слово архимандрита Платона (Игумнова)... С. 1.

⁴⁹ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1974. № 3. С. 3.

на Святой горе. Главную опасность ситуации, современной времени написания статьи, отец Иннокентий увидел в угрожающей тенденции «эллинизации» Афона, в превращении Афона как «средоточия монашества всех Поместных Православных Церквей» <...> в «гражданский придаток Греческого государства», что может привести к «безвозвратной утрате всемирно-исторического центра православного монашества, всенационального духовного источника, многие века питавшего верующих всех стран Восточной Церкви»⁵⁰.

Уделив небольшое внимание дохристианской истории Афона, он перешел к рассказу о созидании «Сиона истинной веры», появлению первых русских монахов и строительстве «обители Русского». В поисках ответов на многие вопросы, связанные с приобретением земель, ведением хозяйства, пребыванием на Святой Горе подвижников Русской Православной Церкви, отец Иннокентий привлек обширнейшую историографию, архивные материалы и огромный пласт письменных источников. Это позволило ему ярко охарактеризовать «вклад русского иночества в созидание всецерковных афонских святынь»⁵¹. Не обошел вниманием ученый и те древнейшие источники (в основном, актовый материал), в которых «перечислены книги русские». Дать яркую характеристику Святогорского братства, монастырских собраний и афонской книжности позволило архимандриту Иннокентию проведенное им исследование наследия архимандрита Леонида (Кавелина) и составление полной библиографии его трудов⁵², а также сравнительно-аналитическое исследование трудов митрополита Макария (Булгакова) и академика Е.Е. Голубинского⁵³.

Труд отца Иннокентия отличается энциклопедизмом. В нем есть все необходимые сведения, связанные с историей взаимоотношений Руси-России и Афона, перечень монахов, пришедших на Русь с Афона или побывавших там, указания на суммы пожертвований, отправленных русскими правителями и государями, описание «традиционной благотворительности по отношению ко всей святогорской многонациональной братии»⁵⁴.

⁵⁰ Там же. С. 7.

⁵¹ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 3. С. 18.

⁵² Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Труды архимандрита Леонида (Кавелина) (1822–1891) // Богословские труды. М., 1972. Сб. IX. С. 226–240.

⁵³ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Митрополит Макарий (Булгаков) и академик Е.Е. Голубинский // Журнал Московской Патриархии. 1973. № 6. С. 66–78.

⁵⁴ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 3. С. 24.

С большим вниманием прослежена судьба Русского Пантелеймонова монастыря с XVIII до начала XX в., когда греческие войска в 1912 г. заняли Афон⁵⁵. «Таким образом, в первой четверти XX в. проблема Афона сосредоточилась на вопросе положения собственно святогорского братства, его состава и гражданской юрисдикции его членов»⁵⁶, — указывал отец Иннокентий. Одной из главных заслуг проделанного архимандритом труда является анализ мер, предпринятых русским правительством и Русской Православной Церковью в деле сохранения монашеской республики и указание на необходимость использования опыта XIX — нач. XX в. в урегулировании вопросов, связанных с сохранением мирового церковного историко-культурного наследия, каковым является Афон. В третьей части своего труда архимандрит Иннокентий обобщил весь имеющийся комплекс юридических документов, связанных со статусом и изменениями в статусе Афона на протяжении XX в.⁵⁷ (до 1974 г.). Он обратил особое внимание на заботы Патриарха Алексия (Симанского) и митрополита Никодима (Ротова) в деле пополнения монашеского братства Русского Пантелеймонова монастыря, что должно было позволить не только поддерживать молитвенное служение, но и сохранять общекультурные ценности, спасать и сохранять Афон «от всякого злого обстоятельства на радость всех русских людей для назидания многим»⁵⁸.

Итак, в этом программном материале, определившим на многие годы деятельность архимандрита Иннокентия по спасению духовного и материального наследия Святой Горы, Афон предстал как центр Вселенского Православия, как «место, наполненное чем-то возвышенным, выходящим за пределы грешного существования»⁵⁹. Раскрывая историю взаимосвязи России и Афона, он подчеркнул каноническое, литургическое и храмовое единство. Также была показана роль Афонских монастырей в монастырском строительстве Руси (Антоний Печерский, Досифей, Лазарь Муромский, Арсений Коневский, Дионисий Святогорец, Сергей Нуромский и др.), в утверждении на русской земле правил «святогорского жительствова»; раскрыта роль Русской государственности

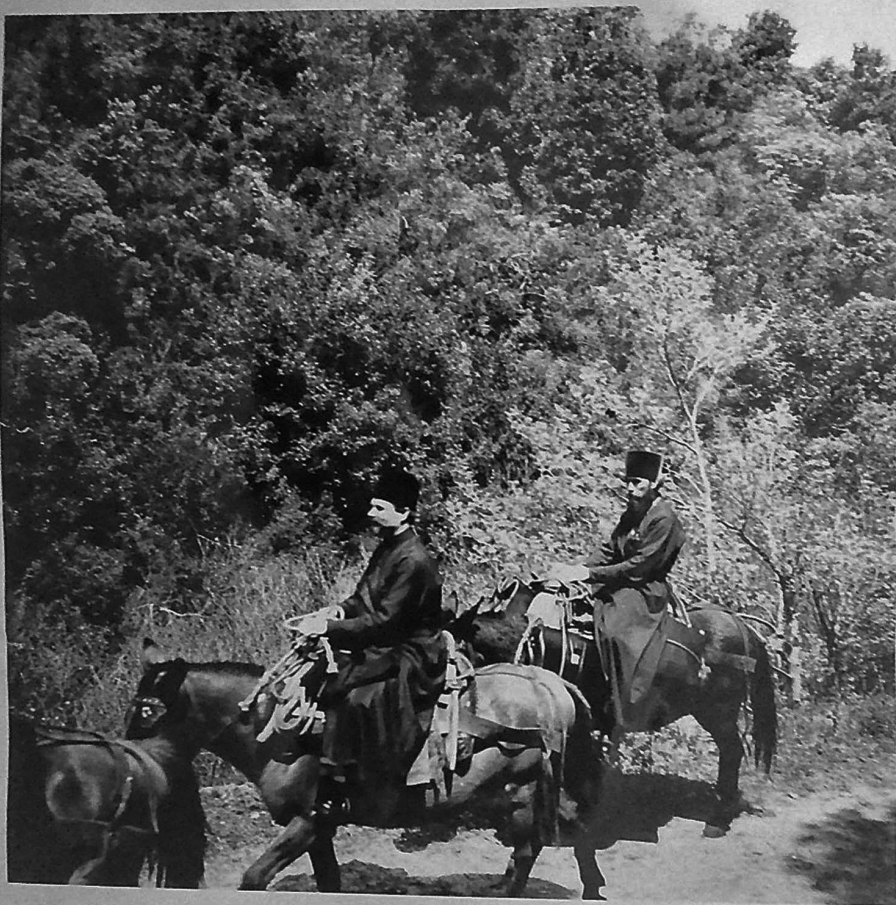
⁵⁵ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 4. С. 5–15.

⁵⁶ Там же. С. 15.

⁵⁷ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 5. С. 8–12; № 6. С. 12–28.

⁵⁸ Никодим (Ротов Б.Г.) Юбилейное послание братии Русского Пантелеймонова монастыря в связи с его 800-летием. Цит. по: Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 6. С. 25.

⁵⁹ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 3. С. 10.

6 мая 1975 года. Св. Гора Афон.
На пути из болгарского монастыря Зограф
- Велько-мученика и Пелеевского Георгия,
на пристань этого монастыря.

Тренин.

На пути из монастыря Зограф на пристань. 1975 г., май. Фото.
С подписью-автографом о. Иннокентия (Просвирнина).
ОР РГБ. Ф. 862. К. 58. Ед. хр. 43.

в сохранении Афона в тяжелые времена, особенно после падения Константинополя и захвата Балканского полуострова турками-османами, когда русский государь стал «кормителем и ктиторм»⁶⁰, «непосредственным покровителем»⁶¹ Святой Горы, делая крупные денежные вклады, открывая в Москве Афонское подворье⁶².

Опубликованный в «Журнале Московской Патриархии» труд «Афон и Русская Православная Церковь» был направлен не только на «защиту всеправославного светоча»⁶³, но и на сохранение тысячелетнего христианского историко-культурного наследия, без которого немислим разговор о настоящем и будущем всемирного Православия и нашего Отечества. В завершении статьи «Афон и Русская Православная Церковь» архимандрит Иннокентий привел слова Патриарха Пимена (Извекова), произнесенные в октябре 1972 г. на приеме в Протате Святой Горы Афон в Карее: «На Святой Горе должны пребывать сложившиеся с древних пор традиции привилегии жизни ее обитателей. Афон должен быть сохранен как всеправославный монашеский центр с веками освященной независимостью и свободой, со своеобразным традиционным самоуправлением. И мы глубоко верим, что Святая Афонская Гора не только была, но и будет оплотом православного иночества всех национальностей»⁶⁴.

***

Главным материальным богатством Афона отец Иннокентий считал книги и библиотеки, архивы, иконы и фрески, храмовые и монастырские строения. Всё это требовало и до нашего времени требует спасения. По мнению отца Иннокентия (и с этим нельзя не согласиться), содействовать сохранению христианского историко-культурного наследия можно:

- пополняя братию афонских монастырей;
- раскрывая значение такого явления как Афон через публикации книг, брошюр, статей, съемки документальных и видео фильмов;
- отправляя квалифицированных специалистов для реставрации и описания памятников;

---

⁶⁰ Там же. С. 23.

⁶¹ Там же. С. 22.

⁶² Там же. С. 24.

⁶³ Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 6. С. 14.

⁶⁴ Пимен (Извеков С.М.). Речь произнесенные на приеме в Протате Святой Горы Афон в Карее. 1972 г., 23 октября // Журнал Московской Патриархии. 1973. № 4. С. 9; Просвирнин А., свящ. Афон и Русская Церковь... № 6. С. 26.

– занимаясь фотофиксацией предметов церковного декоративно-прикладного искусства, фресок, икон, делая обмеры архитектурных сооружений;

– копируя актовый и книжный материал, имеющиеся архивные фонды.

Также необходимо способствовать решению политических межгосударственных вопросов, препятствующих сохранению величайшего мирового христианского историко-культурного наследия, путем коллективного действия представителей и глав всех Поместных Православных Церквей. Русская Православная Церковь, занимаясь вопросами сохранения Русского Афона, должна принимать активное участие в работе всемирных организаций (ЮНЕСКО, СИБАЛ, ССОД и т. п.), способных влиять на принятие решений.

В 1988 г., после предпринятых паломнических поездок и командировок, а также научной экспедиции на Святую Гору, отец Иннокентий откликнулся на приглашение журнала «Наше наследие» и ответил на беспокоивший мировую культурную и научную общественность вопрос корреспондента В. Дунаева о «дальнейшей судьбе Русского афонского монастыря и его культурных богатств»⁶⁵.

Указывая на последствия политических шагов греческого правительства в отношении монашеской республики, как ученый и монах, архимандрит Иннокентий написал: «Там почти всё в запустении. В Россиконе, библиотека которого занимает четвертое место среди других кириархальных (главных) монастырей, монументальные шкафы с изумительными переплетами драгоценных рукописных и печатных книг разьедаются шашелем. Мы увидели превратившиеся в «вату» рукописи в шкафах библиотеки Россикона. Некоторые из них уже не поддаются фотофиксации, чтобы сохранить их содержание для истории. Пусты инкрустированные футляры в разных углах ризницы. Когда-то в них хранились бесценные кресты, потиры и другие драгоценные предметы.

Это еще не всё. На Афоне сожжены типография, царская гостиница для именитых лиц, а также большая часть гостиницы для паломников. Разрушены лучшая в Греции фотолаборатория Русского Пантелеимонова монастыря, разорены кожевенный завод, маслобойня, столярный цех. В бедственном положении многие хозяйственные постройки. Пришли в запустение Старый, или Нагорный, Руссик, скит Ксилургу, скит апостола Андрея Первозванного — вот печальный неполный перечень того, с чем пришлось соприкоснуться». Он особо подчеркнул,

⁶⁵ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Интервью журналу «Наше наследие» [1988] // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 11. Ед. хр. 16.

что «памятники истории и культуры Русского Пантелеймонова монастыря принадлежат уже не отдельному народу, а всему человеческому сообществу». Поэтому «было бы своевременным в настоящее время обратиться к Международному фонду за выживание и развитие человечества с предложением образовать совместно с ЮНЕСКО и Советским фондом культуры международную комиссию при поддержке ООН по рассмотрению положения дел в Русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне — одной из мировых исторических сокровищниц, которая является достоянием не только Греции, но и всего культурного мира. Необходимо вернуть Афону международный статус и сохранить его таким, каким знали его наши отцы»⁶⁶.

Но вернемся к практической (не кабинетной) научно-исследовательской деятельности архимандрита Иннокентия, связанной с сохранением афонского наследия. Впервые он побывал на Святой горе Афон в составе паломнической группы в апреле-мае 1975 г., через год после публикации материала в «Журнале Московской Патриархии»⁶⁷. Следующая командировка в Грецию состоялась в 1981 г.⁶⁸ По итогам второй поездки архимандрит Иннокентий составил две докладные записки, одна из которых была адресована митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму (Нечаеву), вторая — митрополиту Минскому и Белорусскому Филарету (Вахромееву)⁶⁹.

В них, в частности, говорилось: «СВЯТАЯ ГОРА АФОН в сознании международной общественности сформировала за истекшую 1000-летнюю историю особое представление о Православии и тех духовных и общекультурных ценностях, средоточием которых она является. Не случаен ныне всё возрастающий интерес определенных кругов Греции

⁶⁶ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Интервью журналу «Наше наследие» ...

⁶⁷ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Анкета. 1987 мая 5 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 1. Ед. хр. 25. Л. 2; Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Краткая автобиография. 1983 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 1. Ед. хр. 22.

⁶⁸ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Анкета. 1987 мая 5 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 1. Ед. хр. 25. Л. 2; Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Краткая автобиография. 1983 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 1. Ед. хр. 22.

⁶⁹ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Записка Председателю Отдела Внешних сношений Московского Патриархата митрополиту Филарету о Святой Горе Афон. 1981 августа 28 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 3. Ед. хр. 29; Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Докладная записка Архиепископу Волоколамскому Питириму. 1981 августа 28 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 3. Ед. хр. 30.

На Святой Горе Афон. Архимандрит Иннокентий в храме. 1983 г.
Фото. ОР РГБ. Ф. 862. К. 58. Ед. хр. 44.

и Европейского Экономического Сообщества (жертвующего два миллиарда драхм) к своеобразной “Монашеской республике” на Афоне. Не был случайным и приезд на Афон 5–6 августа 1981 г. президента Греции К. Карманлиса с министром иностранных дел Греции и некоторыми чиновниками... <...> К голосу Афона прислушиваются во всем христианском мире. От святогорцев, зарекомендовавших себя строгой монашеской жизнью, во многом зависит общественное мнение в православной среде. Авторитет Афона сложился исторически и потому укрепление Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, как одной из существенных единиц в ряду кириархальных святогорских монастырей, сейчас особенно необходимо. Тем более это связано с обращенностью многих греков к России. <...> Греки русофильского направления, или вообще благожелательно расположенные к Русской Церкви, готовы всячески содействовать, чтобы в Греции не чинили препятствий в пополнении из России Русского Пантелеимонова монастыря, для прохождения в нем монашеских подвигов.

Очень важно теперь, пока живы надежды греческих монахов, расположенных к России, подкрепить самым делом эти надежды и дать им возможность, или точнее — побудить их к формированию положительного общественного мнения о небезразличном отношении Русской Церкви к особой “Монашеской республике” — Святой Горе Афон и ее культурно-историческим ценностям».

После констатирующей части последовало несколько предложений, связанных как с необходимостью пополнения монашеской братии и активизацией деятельности Афонского подворья в с. Лукино (ст. Переделкино) под Москвой, которая должна быть направлена на подготовку монахов к пребыванию на Святой Горе. Также архимандрит Иннокентий счел возможным предложить следующее: «Необходимо подготовить не менее трех русских монахов, со знанием греческого языка, для проведения научной работы в условиях Русского Пантелеимонова монастыря, чтобы они могли обработать и сохранить общекультурные ценности русской обители для последующих поколений. Вместе с тем, они должны иметь издательскую практику работы, с пониманием отечественной и международной конъюнктуры (на православной церковной основе), чтобы составить необходимое звено в общем патриотическом фронте за границей, в ответ на неблагожелательную пропаганду против нашей Родины»⁷⁰.

В 1981 г. началась подготовка к проведению научной экспедиции на Афон с целью которой собрать материал для книги-альбома «Русский Пантелеимонов монастырь», а также описание книжных и архивных собраний Россикона, возможную фотофиксацию, микрофильмирование и ксерокопирование имеющихся материалов для создания фонда сохранности и копийного фонда, которые позволят любому ученому мира работать с ценнейшими малодоступными рукописями. При обосновании необходимости проведения срочных исследовательских и фотофиксирующих работ, отец Иннокентий обратился к богатому опыту российских ученых: «В XIX — начале XX в. на Афоне работала блестящая плеяда отечественных ученых (светских и духовных) — славистов и византинистов, среди которых достаточно назвать имена В.И. Григоровича, Антонина (Капустина), Порфирия (Успенского), Леонида (Кавелина), П.И. Севастьянова, П.А. Сырку, А.А. Дмитриевского, Н.П. Кондакова, П.А. Лаврова. Важную роль в изучении культурных сокровищ Афона сыграл созданный в конце XIX в. Русский Археологический институт в Константинополе (существовал до 1914 г.), которым руководил выдающийся византинист, академик Ф.И. Успенский»⁷¹. Последняя научная экспедиция на Афон была организована В.Т. Георгиевским в канун Первой Мировой войны, и ее главной целью было исследование

⁷⁰ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Докладная записка Архиепископу Волоколамскому Питириму. 1981 августа 28 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 3. Ед. хр. 30. Л. 1–4.

⁷¹ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Справка о поездке первой рабочей группы на Афон (Греция). 1986 [январь] // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 4. Ед. хр. 1. Л. 1–2.

произведений церковно-изобразительного искусства. По ее итогам в 1914 г. издали альбом «Фрески Панселина в Протате на Афоне»⁷².

Крайне тяжелое состояние монастырских строений на Святой горе Афон как «обширное хранилище материальных и духовных ценностей, общий объем и значение которых и в наши дни не вполне поддается окончательной оценке»⁷³, требовали проведения срочных научно-исследовательских работ.

Научная экспедиция, первая за все годы советской власти, организованная по инициативе Издательского отдела Московского Патриархата при поддержке Московского Патриархата, АН СССР, Министерства культуры СССР, при содействии Совета по делам религий при Совете Министров СССР, состоялась осенью 1983 г. В ней приняли участие не только сотрудники Издательского Отдела, но и ученые-археографы Н.Б. Тихомиров, А.А. Турилов, А.В. Лебедев и фотограф В.П. Казанцев. Вспоминая об этой экспедиции, А.А. Турилов писал: «В начале 1980-х годов отец Иннокентий был инициатором и главной движущей силой первой научно-исследовательской экспедиции на Афон, закладывая в те годы основы для плодотворного сотрудничества церковных и светских исследователей. Симпатичная и симптоматичная черта его научных поисков — любил отыскивать свидетельства приоритетов русских церковных исследователей в различных областях гуманитарных знаний».

Занимаясь сбором материала для совместного издания книги-альбома «Русский Пантелеимонов монастырь на Афоне», участники экспедиции изучили каталоги и состав библиотеки Русского Пантелеимонова монастыря, ознакомились с тетрадями входящих и исходящих бумаг монастыря, с картами земельных владений и с сохранившимися планами монастырских строений. Члены экспедиции провели текстологическое сравнение наиболее значимых оригинальных актов Русского Пантелеимонова монастыря с их публикациями. Акты Русского Пантелеимонова монастыря отсняли для предполагаемого факсимильного издания. С наиболее ценных рукописей сняли ксерокопии. Греческие пергаменные кодексы отсняли на цветную и черно-белую пленки. Не обошлось и без серьезных открытий. Сотрудники экспедиции обнаружили и описали ранее неизвестный автограф Арсения Суханова и архимандрита Паисия (Величковского), письма архимандрита Леонида (Кавелина).

⁷² Георгиевский В.Т. Фрески Панселина в Протате на Афоне: Альбом. СПб., 1914.

⁷³ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Справка о поездке первой рабочей группы на Афон (Греция). 1986 [январь] // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 4. Ед. хр. 1. Л. 1

В справке о «Предварительных итогах ознакомления с рукописным собранием библиотеки Пантелеимонова монастыря на Афоне» участники экспедиции указали: «В результате предварительного изучения библиотеки Русского Пантелеимонова монастыря (Россикон) на Афоне в сентябре-октябре 1983 г. выяснилось, что по отношению к данным каталога С. Ламброса (1900 г.) собрание рукописей пополнилось шестью пергаменными кодексами XI–XIV вв. и 290 рукописями, написанными на бумаге. Собрание греческих рукописей насчитывает 1270 кодексов (не считая отрывков, упомянутых С. Ламбросом суммарно).

Предварительное знакомство с рукописным собранием Россикона позволило внести существенные коррективы в каталог славянских рукописей А. Тахиаоса (Фессалоники — Лос Анжелес, 1981). Конкретные данные приводятся в примечаниях к докладу. Дополнительно выявлены 84 славянских рукописи (из них 20 отрывков).

Составлена таблица соотношений печатного каталога С. Ламброса и рукописных (не изданных) материалов к каталогу архимандрита Порфирия Успенского (+1885 г.)⁷⁴ По общему числу рукописей — 1270 греческих, 158 славянских, 1 древнееврейская, 2 румынские — Библиотека Россикона занимает четвертое место на Афоне, после Великой Лавры (2048 ркп.), Иверона (свыше 2000 ркп.), Ватопеда (свыше 1700 ркп.), и третье место по числу славянских рукописей, после Хидандаря (830 ркп.) и Зографа (320 ркп.). Наиболее ценные рукописи в художественном отношении отсняты на цвет, в целях последующего их издания. В качестве примера исторического обоснования взаимодействия византийско-славянских культур может служить уникальная рукопись сербско-греческого сборника служб XIV века покровителю Россикона — великомученику Пантелеймону (№ 9)⁷⁵.

Итак, «за 32 дня пребывания там ее участники проделали огромную работу, — писал архимандрит Иннокентий в справке о поездке первой рабочей группы на Афон. — Было установлено подлинное число рукописных книг в собрании, значительно превышающее имевшиеся ранее сведения: греческих — 1300 (в каталоге, составленном в 1900 г. С. Ламбросом, описана 1000 книг), славянских — 158 (в каталоге А.-Э. Тахиаоса

⁷⁴ 18 апреля 1985 года исполняется 100 лет со дня кончины этого выдающегося ученого, известного во многих областях науки. (прим. архимандрита Иннокентия — Г.А.)

⁷⁵ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Предварительные итоги ознакомления с рукописным собранием библиотеки Пантелеимонова монастыря на Афоне (по материалам 1983 г.) [1983] // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 3. Ед. хр. 42. Л. 8–9.

В монастыре святой равноапостольной Фёклы во время командировки в Сирию. 1982 г. Фото. ОР РГБ. Ф. 862. К. 58. Ед. хр. 48.

(1981 г.) — 74 книги). Славянские рукописи, вошедшие в каталог А.-Э. Тахиаоса, пришлось описывать заново; на вновь найденные были составлены описания (или собраны материалы для них). Для греческой части собрания была проведена работа по соотнесению рукописей с подробным рукописным каталогом Порфирия (Успенского, хранящимся в Ленинграде (по ксерокопии). Было просмотрено собрание старопечатных книг и на 100 ценнейших составлен инвентарь. С наиболее интересных в научном отношении рукописей (насколько позволило время) были сделаны микрофильмы и ксерокопии (поступившие в Библиотеку Академии наук СССР в Ленинграде), скопированы планы земельных владений монастыря и ряд архивных документов, имеющих историческое и культурное значение. Монастырские акты XI–XVII вв., хранящиеся в ризнице, были отсняты на цветные слайды. На цветную пленку были отсняты также произведения живописи и церковная утварь, хранящиеся в ризнице и храмах. Помимо этого, удалось установить наличие русских рукописных книг XVI–XVIII вв. в библиотеках монастырей Дохиар и Ставроникита, и в ските Ксилургу — ознакомиться с богатым собранием славянских изданий XVI–XVIII вв.»⁷⁶.

⁷⁶ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Справка о поездке первой рабочей группы на Афон (Греция). 1986 [январь] // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 4. Ед. хр. 1. Л. 5–6.

Об объемах проведенной научной экспедицией работы свидетельствует и «Акт о передаче материалов Афонской экспедиции Библиотеке Академии наук СССР». Из документа следует, что были сделаны ксерокопии 37 славянских рукописей, среди которых Псалтири и Часословы, Тропари и Служебники, Прологи и Октоихи, различные сборники. Были ксерокопированы материалы епископа Порфирия (Успенского), архимандрита Леонида (Кавелина), Акты Русского Пантелеймонова монастыря⁷⁷. В феврале 1984 г. микрофильмы и ксерокопии экспедиции составили фонд под названием «АФОН» в Отделе редкой и рукописной книги БАН СССР, «который обеспечивает доступ для дальнейшей научной обработки и изучения их более широким кругом ученых»⁷⁸.

Паломничество на Афон, организация и участие в научных экспедициях позволили отцу Иннокентию сформулировать меры для решения основных вопросов, направленных на сохранение христианского историко-культурного наследия. В их числе:

«5. Сосредоточить информацию по координации всех действий, связанных с научным освоением культурного наследия Афона, Синая и других хранилищ отечественных памятников мировой культуры (и возможных материальных данностей) в информационном центре ИСМП с соответствующим взаимодействием с заинтересованными научными учреждениями и предполагаемым Афонским подворьем (на положении ответственного партнера возможного межведомственного органа).

---

⁷⁷ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Акт о передаче материалов Афонской экспедиции Библиотеке Академии наук СССР. 1984 февраля 28 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 3. Ед. хр. 43.

⁷⁸ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Предварительные итоги ознакомления с рукописным собранием библиотеки Пантелеимонова монастыря на Афоне (по материалам 1983 г.) [1983] // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 3. Ед. хр. 42. Л. 9.

«Результаты первой афонской экспедиции получили высокую оценку советской научной общественности. Сообщению о ней были посвящены заседания в Государственном историческом музее (ноябрь 1983 г.), в Археографической комиссии АН СССР (декабрь 1983 г., хронику заседания см.: Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985) и в Библиотеке АН СССР при передаче туда фонда копий, доставленных с Афона (февраль 1984 г.). Кроме того, по результатам экспедиции ее участники сделали доклад на проходящей в Ленинграде в марте 1985 г. международной конференции Комиссии рукописей СИБАЛ (о ней см.: Вопросы истории, 1985, № 6; Советские архивы, 1985, № 5; Вестник АН СССР, 1986, № 1)». См.: Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Справка о поездке первой рабочей группы на Афон (Греция). 1986 [январь] // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 4. Ед. хр. 1. Л. 8.

6. Иметь разрешение на разработку проекта межведомственного органа, с участием Академии наук СССР, Министерства культуры СССР, Совета по делам религий при Совете Министров СССР и Московского Патриархата — с целью культурного освоения Афона и других хранилищ отечественных памятников мировой культуры — в рамках хозрасчетной организации, финансирование которой должно осуществляться за счет доходов от издательской деятельности»⁷⁹.

Архимандрит Иннокентий планировал продолжить работу с документами, хранящимися в афонских монастырях. Разработав план дальнейших исследований, он писал о необходимости создания специальной «греческой программы». Он писал: «Эта программа должна учитывать как интересы русской науки в области византиноведения и неоэллинистики, так и особенности греческого рукописного фонда РПМ, а также историю формирования фондов советских хранилищ греческих рукописей»⁸⁰. Работу предлагалось продолжить в рамках создания Мирового фонда греческих рукописей и Мирового фонда славянских рукописей⁸¹. А перспективным завершением исследований, начатых на Афоне, должно было стать «объединение имеющихся подразделений Археографической комиссии АН СССР в Институт рукописей АН СССР»⁸². Но плану, к сожалению, не удалось осуществиться.

Завершая размышления об истории Святой Горы, судьбах святогорского братства в XX столетии, о значении Афона для русского православного человека и необходимости спасения всеправославного наследия, отец Иннокентий еще в 1974 г. в своем труде «Афон и Русская Церковь» писал: «Святая Гора должна оставаться общеправославным вселенским средоточием для иночества всех православных стран и народов, с сохранением для существующих на ней монастырей всех привилегий, связанных исторически с отдельными Поместными Православными Церквами»⁸³.

⁷⁹ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Русская Православная Церковь — ктитор Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне [не ранее 21 апреля 1986 г.] // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 3. Ед. хр. 32. Л. 4.

⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 3. Ед. хр. 41.

⁸¹ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Проект дальнейшего взаимодействия в изучении Афона [1983] // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 3. Ед. хр. 36.

⁸² Там же.

⁸³ Просвирнин А., священник. Афон и Русская Церковь... № 6. С. 28.

Сохранению уникальных сокровищ Россикона может способствовать, как справедливо отмечал ученый-богослов, создание фонда сохранности и копирование сохранившихся на Афоне книжных и архивных материалов. Решению этой задачи, безусловно, могут способствовать статьи и публикации в средствах массовой информации и в различных церковных изданиях. В материалах подобного рода обязательно должно уделяться внимание вопросу раскрытия содержания памятников книжного и изобразительного искусства, которые хранятся во всех монастырях и скитах Афона, и, конечно же, в Россиконе.

Святая Земля. Наследие христианской Сирии

Сирия — одно из тех государств Ближнего Востока, которое по праву называют колыбелью христианства. Вместе с Израилем, Палестиной, Ливаном и Иорданией является Святой Землей. Многие события Библейской истории разворачивались на этой территории. Это родина таких христианских подвижников как Ефрем Сирин, Исаак Сирин, Иоанн Дамаскин, Симеон Столпник. Здесь проповедовал Иоанн Златоуст. Здесь находится могила Иоанна Предтечи.

Такие сирийские города и места как Дамаск, Емес (Хомс, или Кадеш), Маалюля, Сайедная, Пальмира упоминаются в текстах Священного Писания. Их древние храмы и монастыри с первых христианских времен стали местами паломничества: храмы святого апостола Анании, во имя святого пророка Иоанна Крестителя, мечеть Омейядов в Дамаске; храмы в честь Пояса Пресвятой Богородицы (Умм Зунар) и святого мученика Илиана из сорока севастиийских мучеников в Хомсе; монастырь святого великомученика Георгия Победоносца в городке Эль-Хумаира; монастыри святой равноапостольной Феклы Иконийской и Святых Сергия и Вакха в Маалюле; Сайданайский монастырь, монастырь Херувимов в Сайеднаи, Антиохийская Церковь — одна из древнейших в мире.

Святая Антиохийская земля, сирийские святыни вызывали всегда на Руси живой интерес, который связан с историей Крещения и началом формирования Русской Православной Церкви. О сирийских христианских святынях писал в XII в. игумен Даниил, в середине XVII в. Арсений Суханов. Дважды во второй половине XVII в. в Россию приезжал Антиохийский Патриарх Макарий, путешествия которого описаны архидиаконом Павлом Алеппским. Огромную роль в развитии паломничества и российско-сирийских духовных связей

сыграло Императорское Православное Палестинское Общество, которое способствовало созданию на древней христианской земле целой сети православных школ и училищ. На протяжении всей истории Российско-сирийских и советско-сирийских отношений руководители обоих государств огромную роль отводили Церкви, считая ее служителей «послами доброй воли», «посланцами мира» и его «поборниками». В XX столетии после окончания Второй Мировой войны, выполняя важнейшие дипломатические функции по сохранению мира на Ближнем Востоке, в Святой Земле, иерархи Русской Православной Церкви вошли в состав Всемирного Совета Мира, Советского комитета защиты мира и в Союз Советских Обществ дружбы. И их участие в переговорах и культурных исторических акциях способствовало принятию многих мирных решений и сохранению исторической памяти.

Архимандрит Иннокентий в одном из своих интервью, посвященных участию Русской Православной Церкви в защиту мира, указав на роль высшего духовенства в решении этого вопроса, обратился за примером к истории служения Патриарха Алексия (Симанского), пережившего ленинградскую блокаду и возглавившего Русскую Православную Церковь в 1945 г. Патриарх «одним из первых церковных деятелей во всем мире выдвинул идею объединить представителей всех религий в общей борьбе за мир»⁸⁴. Патриарх Пимен (Извеков) также «подчеркивал приверженность Русской Православной Церкви к миролюбивой политике»⁸⁵.

В 1982 г. верховный муфтий Сирии доктор Ахмет Кефтару в интервью архимандриту Иннокентию подчеркнул, что «борьба за мир во всем мире» возможна только «под знаменем сотрудничества всех религий мира». И продолжил: «Я надеюсь, что Бог осуществит через нас — духовных деятелей — а также через сторонников мира во всем мире то, что Он хочет для всех нас. <...> То, чего я жажду и на что надеюсь, — это достижение мира усилиями религиозных форумов и религиозных деятелей, усилиями всех поборников мира. Эта идея заботит представителей всех религий»⁸⁶.

⁸⁴ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Миру нужен мир. Интервью газете «Лесная промышленность». 1987. 24 декабря // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 11. Ед. хр. 9.

⁸⁵ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Миру нужен мир...

⁸⁶ Интервью архимандрита Иннокентия у Верховного Муфтия доктора Ахмета Кефтару // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 2. Ед. хр. 3. Л. 12.

Добрососедство, мир церковный (межконфессиональный) и политический, необходимость решения всех возникающих вопросов мирным путем — это то, что необходимо должно быть на Святой Земле. Вот почему по линии Союза Советских обществ дружбы и по линии общества дружбы СССР–Сирия представители Издательского отдела Московского Патриархата с выставками и лекциями посетили Сирийскую Арабскую Республику. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) и епископ Уфимский и Стерлитамакский Анатолий (Кузнецов) в 1982 г. приняли участие в открытии выставки о религии в СССР в Советском культурном центре в Дамаске⁸⁷.

Освещая ход официальных мероприятий, епископ Анатолий (Кузнецов), назвал основные состоявшиеся мероприятия, встречи и визиты: в Советское посольство в Дамаске, в Министерство вахуфов⁸⁸, посещение мечети Омеядов, Советского культурного центра, визит к Блаженнейшему Патриарху Антиохии и всего Востока Игнатию IV, визит вежливости председателю церковной общины при Представительстве Русской Православной Церкви в Дамаске мадам Елене Хабиб, посещение монастыря святой первомученицы равноапостольной Феклы в Маалюле, прием у пронунция Анджело Педрони, посещение средней духовной школы, встреча с высокопоставленными шейхами, встреча с ректором, проректором и ведущими профессорами на факультете Исламского права Дамасского университета.

В связи с юбилейной выставкой в Советском культурном центре, в открытии которой «приняли участие посол СССР в Сирии В.И. Юхин со своими сотрудниками, Министр вахуфов д-р Муххамед Аль-Хатиб с представителями Министерства вахуфов, высокие представители ислама, пронунций монсиньор Анджело Педрони, Ассирийский Патриарх Игнатий IV Закка с сопровождающими его духовными и светскими лицами, а также представители широкой сирийской общественности»⁸⁹, были показаны два кинофильма, рассказывающих о современной церковной истории («Ислам в СССР» и «60 лет восстановленного

⁸⁷ Анатолий (Кузнецов Е.В.), еп. Уфимский и Стерлитамакский. Отчет о поездке в Сирийскую Арабскую Республику на открытие выставки в Советском культурном центре в Дамаске с 18 по 25 октября 1982 г. // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 2. Ед. хр. 3. Л. 1–7.

⁸⁸ Вакуф (вакф, араб. فاقو, множ. араб. فاقوا, аукаф; тур. vakıf: остановка, приостановление, удержание) — в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

⁸⁹ Анатолий (Кузнецов Е.В.), еп. Указ. соч. Л. 4–5.

У памятного Креста. 1989 г. Фото
ОР РГБ. Ф. 862. К. 58. Ед. хр. 51.

Патриаршества»). После вернисажа была совершена Божественная литургия в храме священномученика Игнатия Богоносца Представительства Московского Патриархата при Патриархе Антиохийском и состоялась пресс-конференция.

Оценивая проведенные мероприятия и состоявшиеся встречи, епископ Анатолий (Кузнецов) писал: «...мы имели возможность установить широкие связи с самыми разнообразными слоями общественности, представителями духовенства, общественными и религиозными деятелями и пригласить их на выставку»⁹⁰. Это всё было чрезвычайно важно для решения вопросов, связанных не только с развитием отношений между церквями и организацией паломничества, но и с сохранением общехристианских святынь под общим церковным патронатом. В течение недели архимандрит Иннокентий, приняв участие во всех

⁹⁰ Анатолий (Кузнецов Е.В.), еп. Указ. соч. Л. 2.

официальных мероприятиях, совершил еще несколько важных дел. «В целях расширения связей с сирийской общественностью он посетил Исламское Общество при Дамасском университете по изучению религиозных обрядов», по предложению представителей Министерства вахуфов посетил Национальный музей в Дамаске. Совместно «с представителями СКЦ (Советский культурный центр — Г.А.) проехал в город Босра, где в античном амфитеатре, который является местом проведения народных собраний и культурных мероприятий, провел репортаж о национальных особенностях сирийцев», взял интервью Главного Муфтия Ахмеда Кефтаро⁹¹.

Состоявшийся визит в Сирию позволил отцу Иннокентию сформулировать предложения «о развитии дружественных отношений Антиохийской и Русской Православных Церквей, в форме изучения жизни и святынь братской Церкви», «укреплении установленных контактов с представителями Христианских Церквей, Исламского духовенства и влиятельной общественности Сирии и Ливана» и «проведении аналогичной работы от лица Русской Православной Церкви через Представительство Московского Патриархата в Бейруте»⁹².

Архимандрит Иннокентий, говоря о необходимости развития церковных отношений с Ближневосточными Православными Церквями, разработал детальную программу паломничества в Ливан и Сирию на Страстную и Светлую Седмицы мая 1983 г. Помимо богослужений и встреч в Ливане с митрополитом Епифанием Зайяда (Аккарская епархия), митрополитом Илией Ауди (Бейрутская епархия), архимандритом Трифоном Нахра, митрополитом Жоржем Ходр (епархия Гор Ливанских), митрополитом Спиридоном Хури (Захлейская епархия), митрополитом Илией Курбаном (Триполийская епархия), митрополитом Павлом Хури (Тиро-Сидонская епархия); в Сирии — митрополитом Илией Иосифом (Аллепская епархия), митрополитом Иоанном (Латокийская епархия), митрополитом Алексием Абдель-Карима (Емесская епархия), митрополитом Афанасием Скафа (Хамская епархия), митрополитом Василием Сабахи (Хауранская епархия), в программу были включены выставка, представляющая «Русскую Православную Церковь в СССР» в Представительстве Московской Патриархии и ознакомление

⁹¹ Анатолий (Кузнецов Е.В.), еп. Указ. соч. Л. 2, 3, 4, 5.

⁹² Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Предложения, сформулированные по итогам работы в Дамаске (Сирия) митрополиту Минскому и Белорусскому Филарету // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 2. Ед. хр. 3. Л. 8

с местами памяти Георгия Победоносца⁹³. В паломническую программу включались мероприятия в Дамаске в память Равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Был также предложен «Проект рабочей программы в решении Ближневосточных проблем», которая необходима «для укрепления установленных контактов с представителями Христианских Церквей, Исламского духовенства и влиятельной общественностью в Сирии и Ливане»⁹⁴. В ней, в частности, говорилось о «введении в штат ОБЦС МП новой единицы — ответственного за организацию работы в Ливане и Сирии, который бы живо воспринимал происходящие события и своевременно входил с проектами своих предложений и решений», о «введении в штат Издательского отдела арабиста с богословскими и церковно-историческими знаниями — для организации научного решения теоретических и практических вопросов», о «предоставлении возможности выпускникам МДА (намеченным к работе в секторе Ближнего Востока) проходить спец-минимум арабского языка в Институте стран Азии и Африки» и усилении изучения в Семинарии и Академии Истории религий. Архимандрит Иннокентий предложил также «просить Совет по делам религий при Совете Министров СССР о содействии в организации систематических консультаций у специалистов Института стран Азии и Африки, Института Восточной литературы, Московского и Ленинградского университетов (у арабистов) по вопросам, требующим неотложных решений»⁹⁵.

Итак, краткосрочный визит архимандрита Иннокентия в Сирийскую Арабскую Республику способствовал тому, что он счел необходимым начать серьезный разговор епископата Русской Православной Церкви с правительствами двух стран о необходимости включения христианских святынь Сирии и Ливана в молитвенную жизнь православных людей. Этот важный шаг мог бы поспособствовать не только духовному обогащению верующих людей и их христианскому просвещению, но также жизни и сохранению святынь. Ведь они живы, пока мы им поклоняемся, помним и заботимся.

⁹³ Там же. Л. 9–10.

⁹⁴ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Проект рабочей программы в решении Ближневосточных проблем // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 2. Ед. хр. 3. Л. 11.

⁹⁵ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Проект рабочей программы в решении Ближневосточных проблем // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 2. Ед. хр. 3. Л. 11.

**«От Анги до Уналашки»⁹⁶:
к вопросу о сохранении наследия
святителя Иннокентия (Вениаминова)**

В 1977 г. к лику святых Русской Православной Церкви причислили «неутомимого труженика», «великого миссионера», «пророческого миссионера», «духовного отца России»⁹⁷ — святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского.

Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (в миру Иван Евсеевич Попов-Вениаминов) (1797–1879), уроженец села Анга Иркутской губернии, выпускник Иркутской духовной семинарии, начал свое миссионерское служение в 1824 г. на острове Уналашка в Русской Америке. Просвещал обитателей Камчатки, Алеутских островов, Северной Америки, крестил тысячи людей, строил храмы, при которых основывал школы и сам обучал в них детей. С 1834 г. после перевода на остров Ситху просвещал колошей. В 1840 г. стал первым православным епископом Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки. Как сподвижник генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского участвовал в 1858 г. в переговорах с Китаем об установлении межгосударственной границы.

Священник Стефан Лонгинов, размышляя о заслугах митрополита Иннокентия перед Россией и Русской Православной Церковью, писал, что его жизнь, «полная чрезвычайных трудов и лишений, невольно останавливает на себе внимание, как в высшей степени поучительный пример того, как люди должны относиться к своим обязанностям. Она поучительна и для каждого человека, какое бы общественное положение он не занимал, но особенно поучительна для нашего священства, которому приходится трудиться на пользу церкви в условиях, до некоторой степени сходных с теми, в каких работал покойный в сане иерея, далеко от своей родины, среди дикарей-алеутов»⁹⁸.

⁹⁶ Так называется очерк академика А.П. Окладникова, посвященный жизни и служению святителя Иннокентия (Вениаминова). Этот очерк вошел в состав сборника «Первопроходцы», выпущенного издательством «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» в 1982 году. См.: Окладников А.П. От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова // Вопросы истории. 1976. № 6. С. 121–129; Окладников А.П. Иннокентий Вениаминов // Первопроходцы. М., 1983. С. 130–161.

⁹⁷ Лонгинов Ст., свящ. В память десятилетия кончины Высокопреосвященнейшего Иннокентия, Митрополита Московского // Якутские епархиальные ведомости. 1890. № 3. 1 февраля. С. 47; № 4. 16 февраля. С. 55.

⁹⁸ Лонгинов Ст., свящ. В память десятилетия кончины... № 3. 1 февраля. С. 44.

Высокую оценку государственному служению святителя дал академик А.П. Окладников, указавший, что благодаря «участию Вениаминова в освоении Амура и Приморья в 50-е годы XIX в. <...> была восстановлена историческая справедливость. <...> Исконно русская земля, приобретенная еще храбрейшими землепроходцами XVII столетия, мужественно защищалась русским народом от маньчжуро-китайских агрессоров-феодалов, окончательно и навечно была возвращена России». Именно академик А.П. Окладников отметил не только дипломатический и политический дар святителя Иннокентия, но и дар прозорливости. «Вениаминов не только остро чувствовал политическую ситуацию того времени, когда уже шла ожесточенная борьба капиталистических держав на Дальнем Востоке, но и смотрел далеко вперед»⁹⁹.

Не меньшее значение имеют замечание А.П. Окладникова, что святителю Иннокентию «принадлежат планы <...> устройства селений и городов, в том числе Благовещенска»,¹⁰⁰ и указание отца Иннокентия на то, что основание Благовещенска стало «ярким выражением значения деятельности святителя Иннокентия в освоении Амура. <...> Благовещенск был не только основан по его плану, но и назван в его честь»¹⁰¹.

Возвращаясь к анализу международной деятельности архимандрита Иннокентия (Просвирнина) по сохранению христианского историко-культурного наследия, укажем на следующие, значимые, факты его биографии, задавшие вектор его работ. 22 февраля 1970 г., в день празднования обретения мощей святителя Иннокентия, епископа Иркутского, Анатолия Просвирнина рукоположили в сан пресвитера. 22 декабря 1977 г. отца Анатолия постригли в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры в монашество с именем Иннокентий в честь святителя Московского Иннокентия (Вениаминова, †1879), уроженца Иркутской земли.

В одном из своих выступлений на научных конференциях, подчеркнув духовную связь и преемственность в служении двух миссионеров и проповедников, отец Иннокентий отметил, что святитель Иннокентий Иркутский и в наши дни был и остается «покровителем нашей

⁹⁹ Окладников А.П. От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова // Вопросы истории. М., 1976. № 6. С. 129.

¹⁰⁰ Окладников А.П. Указ. соч. С. 129.

¹⁰¹ Иннокентий (Просвирнин А.И.), игумен. «Пастырей путевождь»: доклад к 100-летию со дня преставления Святителя Иннокентия, митрополита Московского. 1979, декабря 14 // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 15. Ед. хр. 4. Л. 9.

Богословской науки», «Небесным заступником и вдохновителем патриотического служения в Забайкалье»¹⁰². «Иннокентий, Митрополит Московский — покровитель и путевождь пастырства. <...> защитник русских границ по Амуру и горячий патриот в борьбе с врагом»¹⁰³.

Отдельным и важнейшим делом в области международных исследований, направленных на сохранение и увековечивание памяти величайших церковных подвижников и государственных деятелей XIX века, стала мемориализация имени и трудов святителя Иннокентия (Вениаминова), чье имя пресвитер Анатолий Просвирнин принял в монашеском постриге.

14 декабря 1979 г., выступая с докладом на конференции, посвященной 100-летию со дня преставления святителя Иннокентия, митрополита Московского, архимандрит Иннокентий, подчеркивал значение трудов выдающегося духовного подвижника-миссионера, «Апостола Америки и Сибири» и на примере его деятельности показал необходимость изучения исторического опыта служения: «Святитель Иннокентий, Митрополит Московский был прекрасным хозяином и незаменимым пастырем. Он вобрал в себя, как в фокус, пастырский опыт миссионеров, самоотверженно трудившихся до него и вместе с ним. И из этой сокровищницы пастырской мудрости он раздавал всем подвизающимся на пути спасения. Через многие миссионерские издания, периодическую печать святитель делал общим достоянием большой пастырский опыт русских миссионеров. Для него дорого было каждое доброе начинание; даже в малом движении души к Истине — Христу Спасителю, озарявшему мир, он ободрял, отдаваясь великому делу служения ближним, часто брошенным и никому ненужным»¹⁰⁴.

К сбору и исследованию материалов, связанных со святителем Иннокентием (Вениаминовым), архимандрит Иннокентий обратился в 1970-е гг., в период подготовки к канонизации митрополита Московского и Коломенского, а также в связи с работой над изданиями третьего и четвертого томов «Настольной книги священнослужителя» и многотомных богослужебных Миней, куда по инициативе отца Иннокентия были вновь включены многие службы русским святым.

Кропотливая исследовательская работа архимандрита Иннокентия (Просвирнина) способствовала написанию двух статей, посвященных святителю Иннокентию (Вениаминову). В первой ученый-богослов

¹⁰² Там же. Л. 3

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. Л. 12–12 об.

проследил путь высокого пастырского и «архипастырского Вениаминова служения» и смог указать на особенности его духовного подвижничества. Вторая статья связана по тематике с церковным краеведением и повествует о московском подворье митрополита Иннокентия (Вениаминова)¹⁰⁵.

По инициативе архимандрита Иннокентия в 1975 г. в «Журнале Московской Патриархии» в его «Богословском отделе» впервые за весь период Советской власти была осуществлена публикация текста Беседы Высокопреосвященного Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского «Указание пути в Царствие Небесное»¹⁰⁶. Постоянно радевший о сохранении памятников нашего Отечества архимандрит Иннокентий четко осознавал необходимость сохранения всего, что связано с митрополитом Иннокентием Московским — уроженцем Анги, начавшим свой миссионерский путь на Уналашке. Вот почему он обратился с письмами в Центр сохранения историко-культурного наследия Иркутской области и к ученику академика А.П. Окладникова А.К. Конопацкому. В переписке с Центром сохранения историко-культурного наследия Иркутской области речь шла о сохранении дома святителя Иннокентия на его родине в Анге и создании на его основе мемориального музея¹⁰⁷. У А.К. Конопацкого архимандрит Иннокентий спрашивал о судьбе работы академика А.П. Окладникова над книгой о святителе Иннокентии (Вениаминове)¹⁰⁸.

В июне 1989 г. архимандрит Иннокентий в составе небольшой группы сотрудников Издательского отдела Московского Патриархата¹⁰⁹ был командирован на Аляску. За короткий срок была проделана огромная работа, направленная, в том числе, и на выявление новых материалов, связанных с деятельностью «Апостола Сибири и Америки»,

¹⁰⁵ Иннокентий (Просвирнин), архим. Подворье московских митрополитов в Черкизове // Архитектура и строительство Москвы. М., 1988. № 6. С. 12–13.

¹⁰⁶ Журнал Московской Патриархии. 1975. № 3. С. 66–79.

¹⁰⁷ Центр сохранения историко-культурного наследия Иркутской области. Письмо к архимандриту Иннокентию. 1990, апреля 13 // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 57. Ед. хр. 2. 2 л.

¹⁰⁸ Конопацкий А.К. Письмо к архимандриту Иннокентию о работе академика А.П. Окладникова над книгой о Святителе Иннокентии (Вениаминове). 1981, ноябрь 30 // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 54. Ед. хр. 17. 1 л.

¹⁰⁹ В состав группы вошли: архимандрит Иннокентий Просвирнин, зам. главного редактора Журнала Московской Патриархии; В.В. Зайцев, зав. английской редакции Журнала Московской Патриархии; диакон Иоанн Сирота, зав. фотоотделом и М.Я. Щербачев, референт ИОМП по линии Фонда социальных изобретений.

и сохранение историко-культурного наследия, связывающего народы России и Северной Америки.

В рапорте¹¹⁰, составленном по итогам поездки, в первую очередь отмечались результаты, связанные с формированием «деловых контактов с Православной общиной святителя Иннокентия, Митрополита Московского, Апостола Америки и Сибири в г. Анкоридже, во главе с ее настоятелем протоиереем Николаем Валентиновичем Молодыко», с Православным приходом при храме Вознесения Господня в городе Уналашка, с мэрией города и с обществом «Гордость Уналашки», с алеутскими приходами в Кенае (Анкориджского благочиния), с протоиереем Макарием Танским и архимандритом Иннокентием Фринчко (о. Кадьяк).

На основе возникшего взаимопонимания, по мнению отца Иннокентия, возможно было выстраивать «взаимодействие ИОМП с данной общиной по линии издательской»:

- публикация на английском языке книги-альбома «Троице-Сергиева Лавра»,
- устройство типографии при храме Святителя Иннокентия,
- издание Нового Завета, Евангелия-Апракоса, с параллельными текстами на греческом, русском, алеутском и английском языках, Четверо-Евангелия с параллельными текстами на греческом, русском, алеутском, алеутско-лисьевском,
- издание трудов Святителя Иннокентия, в числе которых «Грамматика алеутско-лисьевского (алеутского, кадьякского) языка» и «Указание пути в Царствие Небесное».

Далее в рапорте отмечалось, что «представители старшего поколения из России рады участвовать в программе “По стопам Святителя Иннокентия”, по линии Фонда социальных изобретений, и в программах Международного фонда славянской письменности и славянских культур для ежегодного проведения одноименного Праздника 24 мая, в день памяти первоучителей славян равноапостольных Кирилла и Мефодия»¹¹¹. Также в рапорте было указано на имеющуюся возможность «начинать работу по взаимодействию со старообрядцами в Канаде и Америке» именно с Николаевским старообрядческим селением на Кенае, как места, наиболее доступного и прогрессивного»¹¹².

¹¹⁰ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Рапорт Митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму о командировке на Аляску. 1989 // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 2. Ед. хр. 12. Л. 4–9.

¹¹¹ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Рапорт... о командировке на Аляску... Л. 8.

¹¹² Там же.

За неделю, проведенную в Православных центрах Русской Америки, связанных с пастырским служением святителя Иннокентия, архимандрит Иннокентий проделал огромную работу по увековечиванию памяти величайшего подвижника и мемориализацией Иннокентьевского исторического пространства, как в Северной Америке, так и в России (СССР). Так, например, «для предполагаемого музея “Аляски” в “Центре русско-американских культурных и духовных связей в Черкизово” привезены: Евангелие от Матфея на алеутско-кадьякском языке (СПб., 1848), Алеутско-кадьякский букварь (СПб, 1848), Молитвы на колошинском наречии (Ситха, 1895), Сборник церковных песнопений и молитвословий на колошинском наречии (С.-Франциско, 1896), Молитвы и песнопения Православной Церкви на Алеутском наречии (Нью-Йорк, 1898), Молитвы и песнопения на квизнакско-кускоквимском наречии (1896)»¹¹³ и др.

Значимыми стали дело оказания «поддержки Обществу “Гордость Уналашки” и мэрии города в деле возрождения “русского кладбища”, “Дома епископа” и организации при нем общего и литературного краеведения Аляски и Уналашки, в частности»¹¹⁴ и поддержки такому начинанию Вознесенского прихода как возрождение «Общества святого Великомученика Пантелеймона прежде бывшего при храме»¹¹⁵. Пребывание группы сотрудников Издательского отдела Московского Патриархата во главе с архимандритом Иннокентием поспособствовало наведению порядка в архиве храма Вознесения Господня (Уналашка), который хранился в алтаре. При разборе остатков архива «привели в систему сохранившиеся метрические книги за 1871–1919 гг., а также разрозненные книги за последующие годы, сделали ксерокопии наиболее значимых материалов информационного порядка»¹¹⁶.

Важным шагом в деле прославления имени святителя Иннокентия было финансовое предложение: распределить доход от продажи 2-го завода издания книги-альбома «Троице-Сергиева лавра» в пользу храма Святителя Иннокентия, для завершения его строительства и «в пользу ИОМП на развитие издательского взаимодействия с общиной Святителя Иннокентия в рамках совместно разработанной программе “По стопам Святителя Иннокентия”, в рамках общей программы фонда социальных изобретений “Сибирь — Аляска” и фонда “Народная дипломатия”»¹¹⁷.

¹¹³ Там же. Л. 8.

¹¹⁴ Там же. Л. 7.

¹¹⁵ Там же. Л. 6.

¹¹⁶ Там же. Л. 7.

¹¹⁷ Там же. Л. 5.

Раскрытию истории служения святителя Иннокентия (Вениаминова) на всех его поприщах (в Русской Америке, в Якутии и на Дальнем Востоке) способствовало изданию его трудов, созданию музеев, мемориализация исторического пространства, связанного со служением и деятельностью митрополита Московского и Коломенского, строительству храмов, как в России, так и в Америке, проведению ряда международных научных конференций, в которых приняли участие ученые многих европейских и американских государств.

Масштаб международных мемориализационных трудов архимандрита Иннокентия, направленных на прославление дела святителя Московского Иннокентия (Вениаминова), раскрывают материалы, находящиеся в его архиве. Помимо вышеназванных статей, докладов и писем, в фонде имеются фотокопии шести писем святителя за 1856, 1857 и 1865 годы, а также Метрическая книга Северо-Американской митрополии, данная епископом Аляскинским (оригиналы хранятся в РГИА)¹¹⁸, статья представителя Православной Церкви в Америке, профессора истории русского языка и литературы в Джорджтаунском университете в Вашингтоне, настоятеля Вашингтонского Свято-Николаевского кафедрального собора, протоиерея Дмитрия Дмитриевича Григорьева (1919–2007)¹¹⁹; вариант речи, произнесенной Димитрием Голубинским 31 марта 1880 года на месте погребения его в Филаретовской церкви Троице-Сергиевой Лавры¹²⁰; фотопортрет митрополита (фотокопия)¹²¹ и фотографии Дачи Московских митрополитов (Дома

¹¹⁸ Иннокентий (Вениаминов Иоанн), епископ Аляскинский. Письма // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 48. Ед. хр. 8.

¹¹⁹ Григорьев Димитрий, протоиерей. Митрополит Иннокентий: Пророческий миссионер. Статья. Перевод с англ. // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 64. Ед. хр. 2. 29 л. Машинопись, рукописная правка; приложен оригинал на англ. яз.

¹²⁰ Голубинский Димитрий. Слово на день кончины Высокопреосвященнейшего Иннокентия, Митрополита Московского. 1880, 28 марта (машинописная копия архивного документа, 1980-е гг.) // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 63. Ед. хр. 13. 12 л. Машинопись.

Найденный в архиве и скопированный отцом Иннокентием материал отличается от опубликованного и степенью полноты текста, и степенью подробности описания биографии Святителя, и наличием справочного аппарата, и комментарием, расположенным в подстрочнике. Материал, найденный и скопированный архимандритом Иннокентием, остался в его архиве и, к сожалению, мало известен, но дает возможность понять, как шла работа над составлением «Слова» и на какие стороны жизни и деятельности митрополита Димитрий Голубинский считал необходимым обратить внимание.

¹²¹ ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 59. Ед. хр. 36.

Святителя Иннокентия) в Черкизове, сделанные архимандритом¹²². Сохранившиеся фотографии Дома митрополита Иннокентия, зафиксировавшие ее состояние на 1980-е гг. и статья о Даче, с предложенным планом реставрации и развития, являются свидетельством того, как вел работу архимандрит Иннокентий, стремясь сохранить церковное историко-культурное наследие нашего Отечества, позволяющее раскрыть роль Русской Православной Церкви в формировании мирового духовного пространства.

Заключение

Архимандрит Иннокентий, как «истинный пастырь Святой Церкви, настоящий монах-подвижник, стяжавший неведомое для мира духовное сокровище, духовное дарование», как ученый-исследователь, бережно относящийся к наследию, оставленному нашими предками, много потрудился на российском и международном поприще во имя спасения уникальных памятников христианской культуры. Он принял участие в научных поездках и экспедициях, исследовал библиотечные собрания и архивохранилища в России (СССР) и за рубежом. В его докладах на научных конференциях не только были озвучены вопросы охраны памятников и сохранения православного историко-культурного наследия, но и показаны пути их сохранения.

Одним из самых значительных шагов в его международной деятельности стала экспедиция на Афон 1983 г., позволившая не только описать имеющиеся книжные собрания и актовый материал, но и начать работу по созданию фонда сохранности.

Поездка в Русскую Америку по следам святителя Иннокентия (Вениаминова) в 1989 г. пополнила ранее неизвестными науке и Русской Православной Церкви материалами о деятельности этого подвижника на Аляске и Алеутских островах, способствовала в период после прославления святителя созданию мемориального пространства на его родине в селе Анга. В ходе этих экспедиций, командировок и поездок были не только получены уникальные сведения о православном наследии, но и путем копирования книжных и архивных материалов удалось их ввести в научный оборот и, сделав доступными для исследователей, сохранить их для потомков. Отец Иннокентий, высоко оценивая труды одного из выдающихся церковных деятелей второй половины XIX в.,

¹²² ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 59. Ед. хр. 37.

автора-составителя уникального «Месяцеслова святых, всей Русской Церковью или местночтимых...» архиепископа Димитрия (Самбикина), в своей статье о нем писал: «Ученая деятельность, овеянная церковностью, изумляет многоплановостью и высочайшей плодотворностью»¹²³. Также можно охарактеризовать ученую и издательскую деятельность архимандрита в 1960-е — 1990-е гг.

Архимандрит Иннокентий скончался 12 июля 1994 г. в день памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Его отпевание совершил наместник монастыря архимандрит Алексей (Фролов) в Спасо-Преображенском соборе обители. Во время отпевания в алтаре молился Высокопреосвященный митрополит Питирим. Проститься с почившим в обитель прибыл ее Священноархимандрит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

После ухода отца Иннокентия остались не только его труды, осталась любовь к нему и память о нем. В 1996 г. его архив был передан в Российскую государственную библиотеку, в Отдел рукописей, в читальном зале которого он так любил работать.

---

¹²³ Иннокентий (Просвирнин), архимандрит. Труды и дни архиепископа Димитрия (Самбикина) (1839–1908). // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 15. Ед. хр. 23. Опубликовано: Архимандрит Иннокентий (Просвирнин). Труды и дни архиепископа Димитрия (Самбикина. 1839–1908): О деятельности этого выдающегося церковного историка, археографа, просветителя / Публ., предисл. и прим. Г.В. Аксеновой // Московский журнал. 2015. № 6. С. 52–66.

Приложение 1

В фонде архимандрита Иннокентия (Просвирнина) имеется объемный комплекс материалов, связанных с Афоном и Святогорским братством. Часть из них касается организации, проведения и подведения итогов Афонской научной экспедиции 1983 г. Среди них Справка «Об исследованиях на Афоне», отправленная в Академию наук СССР в 1986 г.¹

Л. 1

АН СССР
1986. 04

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА АФОНЕ (ГРЕЦИЯ)

Огромное историческое и культурное значение Афона как многовекового центра международных связей и своеобразного заповедника памятников мировой культуры диктует **необходимость изучения, охраны и сбережения его сокровищ**. Опыт первой советской экспедиции на Афон (1983 г.) показал, что памятники отечественной истории и культуры разбросаны практически по всей территории полуострова, а не ограничиваются лишь стенами Русского Пантелеимонова монастыря. Их выявление, учет и исследование, безусловно, является важным вкладом в дело изучения памятников отечественной культуры за рубежом в целом. Задача представляется особенно актуальной в свете близящегося (1988 г.) двойного юбилея — 1000-летия принятия Русью христианства и 1000-летия русской книги.

Изучение памятников культуры на Афоне должно затрагивать все стороны культурной жизни. Первоочередное значение имеет исследование памятников письменности (как документального, так и литературного характера), содержащих сведения по отечественной истории нашей страны. С выявленных материалов такого рода должны быть изготовлены копии, которые пополнят фонд копий с афонских рукописей, хранящийся в библиотеке Академии Наук СССР в Ленинграде.

Чрезвычайно важным и перспективным представляется также выявление и изучение на Афоне памятников отечественной музыкальной культуры, изобразительного и прикладного искусства. Памятники русского искусства XV–XVIII вв. хранятся во многих монастырях Афона, а некоторые рукописи, хранящиеся в Пантелеимоновом монастыре,

¹ Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Справка «Об исследованиях на Афоне» (Греция) [1986] // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 4. Ед. хр. 2.

сохранили множество редких, зачастую забытых распевов. Поэтому представляется необходимым включение в состав будущей экспеди-

Л. 2

ции на Афоне искусствоведа и желательным — музыковеда.

Опыт первой экспедиции показывает, что для осуществления подобной задачи потребуется напряженная работа нескольких групп последовательно. На первом этапе было бы целесообразно общее выявление и фиксация памятников в масштабах всего Афона, однако в реальности программы, несомненно, будут корректироваться на месте, в зависимости от позиции каждого из 20 монастырей по данному вопросу.

С этими вопросами тесно связана проблема изучения и пропаганды значения вклада отечественной науки в дело освоения культурных богатств Афона, занимавшей в конце прошлого и начале нашего столетия ведущее положение в данном вопросе. Хранящиеся в нашей стране архивные материалы отечественных исследователей Афона до сих пор не утратили своей научной ценности.

Изучению памятников отечественной культуры, хранящихся на Афоне, безусловно, может способствовать практическое участие и помощь советских специалистов **в деле охраны и спасения афонских культурных богатств**. В первую очередь это касается рукописных книг и документов, которые страдают от разного рода вредителей (плесень, книжные черви и т. д.). Греция не располагает высококвалифицированными кадрами реставраторов рукописей, тогда как наши специалисты имеют большой опыт в этой области (в том числе и в деле реставрации византийских рукописей). По договоренности рукописи могли бы направляться для реставрации в Москву, либо наши специалисты могли заниматься этой работой в Фессалониках (их непосредственная работа на Афоне в настоящее время почти полностью исключена, т. к. ведущие специалисты в этой области (напр. Г.З. Быкова, И.П. Макрецева) — женщины, въезд которым на Афон строго воспрещен. Желательно было бы также, чтобы среди лиц, отпра-

Л. 3

ляющихся на Афон в качестве новых насельников Пантелеимонова монастыря нашелся человек, который бы прошел краткий **курс подготовки в реставрационных мастерских** и имел некоторое представление о реставрации рукописей. Помимо гарантии сохранности библиотеки русского монастыря это способствовало бы повышению авторитета

монастыря на самом Афоне и содействовало его постепенному превращению в центр научных занятий.

Большое значение в деле «освоения» культурных богатств Афона может иметь также **сотрудничество советских реставраторов с организацией КЕДАК** (занимающейся вопросами охраны и реставрации памятников Афона) **в деле реставрации памятников афонской архитектуры и живописи** (станковой и монументальной).

Важную роль в деле налаживания контактов советских специалистов с населением и администрацией Афона может сыграть также мероприятие, тоже носящее отчасти реставрационный характер. В XIX и начале XX в. исследователи и путешественники, посещавшие Афон (это относится не только к нашим соотечественникам), нередко (в научных целях) похищали отрывки рукописей. В настоящее время эти отрывки находятся в хранилищах Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы. Возвращение на место первоначального хранения фото- или ксерокопий этих рукописей несомненно будет расценено на Афоне положительно и создаст благоприятную обстановку для работы советских исследователей.

Для успешного осуществления программы исследования памятников отечественной культуры на Афоне целесообразным представляется **создание Афонского общества**. В его организации должны принять участие Академия Наук СССР, Министерство культуры СССР, Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Московский патриархат. Задача общества должна состоять в изучении культурных сокровищ

Л. 4

Афона, в первую очередь — хранящихся там памятников отечественной истории и культуры. Общество должно координировать связи советских исследователей с зарубежными и международными организациями, такими, как Центр по изучению источников по истории Балканского полуострова и Средиземноморья (СИБАЛ) при ЮНЕСКО, зарубежными центрами византиноведения и славистики, Патриаршим институтом патристических исследований в Фессалониках и др. Общество должно будет существовать на принципе самокупаемости, за счет взносов своих членов и дохода от изданий (подобно Хиландарскому обществу в Югославии). К числу изданий первостепенной важности относятся книга-альбом о Пантелеимоновом монастыре, каталог славянских рукописей того же монастыря, составленный в 1983 г., ставшие библиографической редкостью работы отечественных исследователей об Афоне. Часть доходов общества должна идти на поддержку Пантелеимонова монастыря (в первую очередь — библиотеки и музея).

Приложение 2

В фонде архимандрита Иннокентия (Просвирнина) сохранился документ, состоящий из отчета о командировке в Сирию с выставкой в 1982 г. и приложений, в составе которых докладная записка Председателю ОВЦС МП митрополиту Минскому и Белорусскому Филарету (Вахромееву) с предложениями о развитии сотрудничества «с представителями Христианских Церквей», проект рабочей программы в Ливане и Сирии и предложения по решению Ближневосточных проблем¹.

Л. 8

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,
МИТРОПОЛИТУ МИНСКОМУ И ФИЛАРЕТУ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОТДЕЛА
ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ
Архимандрита Иннокентия

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В связи с успешным завершением работы, проведенной в Дамаске с 18 да 25 ноября 1982 г. по линии Общества советско-сирийской дружбы, во главе с епископом Анатолием (Кузнецовым), посвященной 60-летию образования СССР, представляется возможным:

1. Провести аналогичную работу от лица Русской Православной Церкви через Представительство Московского Патриархата в Бейруте — учитывая преобладание христианского населения в Ливане (Проект рабочей программы Приложении I).

2. Продолжить начатую работу в Сирии, но по линии укрепления дружественных отношений Антиохийской и Русской Православных Церквей, в форме изучения жизни и святынь братской Церкви (Проект в Приложении II).

3. Укрепить установленные контакты с представителями Христианских Церквей, Исламского духовенства и влиятельной общечественности Сирии и Ливана.

---

¹ Анатолий (Кузнецов Е.В.), еп. Уфимский и Стерлитамакский. Отчет о поездке в Сирийскую Арабскую Республику на открытие выставки в Советском культурном центре в Дамаске с 18 по 25 октября 1982 г. // ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин А.И.)). К. 2. Ед. хр. 3. Л. 8–11.

ПРОЕКТ РАБОЧЕЙ ПРОГРАММЫ В ЛИВАНЕ И СИРИИ
с 5-го по 30-е мая 1983 г.

4 мая,	среда	– прибытие в Представительство МП в Бейруте. Согласование Богослужений и встреч должно быть проведено с Патриархом Игнатием IV до Великого Поста.
5 мая,	Великий Четверг	– Божественная литургия в Представительстве.
6 мая,	Великая Пятница	– открытая программа. В порядке пожелания — ознакомиться с местами памяти Георгия Победоносца.
7 мая,	Великая Суббота	– у митрополита Епифания Зайяда (Аккарская епархия) с целью укрепления у него, как старейшего иерарха Антиохийской Церкви, русофильского направления (принять во внимание его рекомендации).
8 мая	ПАСХА	
9 мая,	понедельник	– Богослужение в Представительстве МП. День основной работы совместно с Советским культурным центром в Бейруте (далее: СКЦ). Открытие выставки «Русская Православная Церковь в СССР» в Представительстве МП. Прием.
10 мая,	Светлый Вторник	– Богослужение и встреча с богословами Ливана — Митрополитом Илией Ауди (Бейрутская епархия), Архимандритом Трифоном Нахра и др.
11 мая,	Светлая Среда	– Богослужение с Митрополитом Жоржем Ходр (епархия Гор Ливанских). Посещение г. Библаса.
12 мая,	Светлый Четверг	– Богослужение с Митрополитом Спиридоном Хури (Захлейская епархия).
13 мая,	«Живописный Источник»	– Богослужение с Митрополитом Илией Курбаном (Триполийская епархия). Встреча с семьей Климовых.
14 мая,	Суббота	– Богослужение с Митрополитом Павлом Хури (Тиро-Сидонская епархия). Встреча со Священником Александром аль- Фарой. Отбытие в Дамаск.

Л. 10

Приложение II

СИРИЯ

15 мая,	воскресенье Антипасха	– за Богослужением Патриарха Антиохии и всего Востока Игнатия IV провести репортажную фотосъемку.
16 и 17 мая,	понедельник и вторник	– программа Патриарха.
18 мая		– у Митрополита Илии Иосифа (Аллепская епархия).
19 мая		– у Митрополита Иоанна (Латокийская епархия).
20 мая		– у Митрополита Алексия Абдель-Карима (Емесская епархия).
21 мая		– у Митрополита Афанасия Скафа (Хамская епархия).
22 мая,	воскресенье	– у Митрополита Василия Сабахи (Хауранская епархия)
23 мая,	понедельник	– подведение итогов в Представительстве МП в Дамаске с сотрудниками Советского посольства. Прием в честь Патриарха Антиохийского и всего Востока Игнатия с приглашением прихожан Представительства, представителей Советского посольства и СКЦ в Дамаске.
24 мая,		– в память Равноапостольных Кирилла и Мефодия Богослужение в Представительстве МП в Дамаске. Кофе с прихожанами. Обед в честь сирийской общественности — Министра вакуфов и др. представителей Министерства (зам. министра, директора Издательства и информации), представителей Христианских Церквей и Исламского духовенства (в ресторане.....).

Ливан

25 мая,	среда	– возвращение в Бейрут. Открытие в Советском культурном центре выставки: «Религии в СССР» (постоянно действующей).
26-29 мая		– работа с русскими раскольниками по программе, разработанной на месте. Пресс-конференция.
30 мая		– отбытие на Родину.

Л. 11

ПРОЕКТ РАБОЧЕЙ ПРОГРАММЫ
В РЕШЕНИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ПРОБЛЕМ

Для укрепления установленных контактов с представителями Христианских Церквей, Исламского духовенства и влиятельной общественности в Сирии и Ливане представляется целесообразным следующее:

1. Ввести в штат ОВЦС МП новую единицу — ответственного за организацию работы в Ливане и Сирии, который бы живо воспринимал происходящие события и своевременно входил с проектами свою предложений и решений (в порядке рекомендации может быть назван на эту должность Денисов Владимир Алексеевич; героически проявивший себя в Ливане в период Израильской блокады; выдержка и опыт его работы заслуживают всяческого уважения). Сейчас выполняет обязанности секретаря Представительства МП в Бейруте.
2. Ввести в штат Издательского отдела аналогичную единицу — арабиста с богословскими и церковно-историческими знаниями — для организации научного решения теоретических и практических вопросов.
3. **Просить Совет по делам религий при Совете Министров СССР о содействии в организации систематических консультаций у специалистов Института стран Азии и Африки, Института Восточной литературы, Московского и Ленинградского университетов (у арабистов) по вопросам требующих неотложных решений.**
4. Предоставить возможность выпускникам МДА (намеченным к работе в секторе Ближнего Востока) проходить спец-минимум арабского языка в Институте стран Азии ж Африки.
5. В Семинарии и Академии **усилить изучение Истории религий**, с привлечением разработок Казанской Духовной Академии, хранящихся в Государственном архиве ТАССР и Казанском университете (соответствующие фонды передать на временное хранение и обработку в фонды Издательского отдела МП)

АЗИАТСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД И РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ В ПАЛЕСТИНЕ: ВЗГЛЯД ИЗ ПЕТЕРБУРГА, КОНСТАНТИНОПОЛЯ И ИЕРУСАЛИМА²

*Господи, хорошо нам здесь быть;
Сделаем три кущи...
Мк. 9:5-6*

Азиатский департамент МИД России, который в известной степени руководил и посольством в Константинополе и, через представителей посольства, а иногда и посредством прямых указаний, направлял деятельность отдельных консульств на Христианском Востоке, держал под пристальным контролем ситуацию с русским паломничеством ко святым местам Палестины. Тема эта присутствовала в повестке дня дипломатического ведомства постоянно, практически с первых дней создания этой структуры в 1819 г.

Первым директором Азиатского департамента стал Константин Константинович Родофиникин (1760–1838)³. Грек по происхождению из небогатой и не родовитой семьи, прошедший службу в армии и на флоте, постигавший искусство дипломатии на практике в действующей армии и далее, находясь при российском посланнике А.Я. Италинском в Константинополе, он своими способностями обратил на себя внимание двух императоров (Павла I и Александра I) и снискал покровительство могущественных сановников (канцлера А.А. Безбородко, А.Р. Воронцова, А. Чарторыйского, Н.П. Румянцева). В период царствования Николая I К.К. Родофиникин стал ближайшим сподвижником К.В. Нессельроде. Неоднократно временно управлял Министерством иностранных дел (в 1832, 1833, 1835, 1837 и 1838 гг. вплоть до дня кончины). В истории русского паломничества Родофиникин сыграл заметную роль, хотя имя его в этом контексте практически никогда не упоминается исследователями.

---

¹ Вах Кирилл Алексеевич — заместитель руководителя Научной секции МОО «ИППО», член Совета Московского отделения МОО «ИППО», генеральный директор Научно-издательского центра «Индрик».

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-09-41008.

³ Назначен на эту должность 19 апреля 1819 г.

Информация о русских паломниках, стекалась в Азиатский департамент из различных источников. Не довольствуясь официальной корреспонденцией, поступавшей от российских дипломатических представителей, греческих иерархов и духовенства на Православном Востоке, МИД направлял ко святым местам, причем с завидной регулярностью, особых «инспекторов»⁴, в задачи которых входило собирание сведений о положении русских паломников на Святой Земле. К ним можно отнести Д.В. Дашкова (1820–1821), А.Н. Муравьева (1830), А.С. Норова (1834–1835), Стефана, постригшегося в Иерусалиме с именем Серапион (1835), иеромонаха Аникиту (Ширинского-Шихматова) (1836) и, наконец, архимандрита Порфирия (Успенского) (1842–1843), который сам называл себя «соглядатаем Востока»⁵, намекая на образ библейских разведчиков, отправленных в Землю обетованную.

О существовании проблем, связанных с русскими паломниками на Православном Востоке в России было известно и до создания Азиатского департамента⁶. Все они касались защиты прав и обеспечения безопасности паломников на территории Османской империи. И в XVIII веке, и в начале XIX столетия способы для их решения оставались неизменны. Русское правительство заключало с турками двусторонние государственные договоры, в которых прописывались права и преимущества подданных Российской империи на территории Турции, а непосредственный контроль за соблюдением этих прав в местах поклонения, размещение паломников и управление ими в период их пребывания на Святой Земле — предоставлялось православному греческому духовенству. «Известна забота, с которой императорское правительство во все времена стремилось оказать тем из своих подданных, кто отправляется в паломничество на Святую Землю, необходимое им покровительство для исполнения их задачи, и что с этой целью, а также по причинам, относящимся к тождественности нашей народной религии с религией народов Востока, оно всегда придавало большое

⁴ Подробнее см.: Вах К.А. Путь в Иерусалим. Материалы к биографии Авраама Сергеевича Норова. Часть вторая. Соглядатаи Востока // ППС. Вып. 117. С. 83–97.

⁵ Дмитриевский А.А. Епископ Порфирий (Успенский) как инициатор и организатор первой Духовной Миссии в Иерусалиме, и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения Христианского Востока // Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М. — СПб., 2009. С. 49.

⁶ См.: Становление института русского паломничества на Ближнем Востоке: от Кючук-Кайнарджийского трактата до консульской экспедиции Д.В. Дашкова в Восточное Средиземноморье // Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 гг.). М., 2018. С. 119–190.

значение тому, чтобы восточное греческое духовенство в Иерусалиме сохраняло свои прежние prerogatives в отношении Святого Гроба и божественной службы в часовнях и церквях Иерусалима. Посольство в Константинополе было вынуждено отстаивать эти интересы и предохранять наших соотечественников и единомышленников от всяких нововведений, которые могли бы стеснить их в актах благочестия в Святых местах. Вмешательства посла Его Императорского Величества при Высокой Порте чаще всего было достаточно для того, чтобы мы могли достичь этой цели, поскольку Сирия и Палестина находились под властью Султана, и его приказы исполнялись там быстро и точно. Наши отношения с турецким правительством давали нам средства, чтобы уберечь русских поклонников не только от угнетения и жадности оттоманских чиновников, но и от претензий, которые приверженцы других обрядов во все времена выдвигали в отношении святых мест»⁷.

Казалось бы, созданная система должна была хорошо работать, но как раз такое положение вещей порождало новые проблемы с русскими паломниками на местах. Греческие церковные власти смотрели на русских паломников как на источник поступления средств в казну Иерусалимской Патриархии. В остальном паломники пользовались в Палестине практически полной свободой, а те из них, кто по каким-либо причинам был полезен для Патриархии, например, как нелегальный сборщик милостыни у себя на родине, находились под протекторатом греческих иерархов, вне зависимости от их нравственных качеств и способов, которыми эти люди пользовались для достижения своих целей.

Естественно в таких условиях среди паломников регулярно случались скандальные истории, доходившие и до посольства в Константинополе и до властей в России. Г.И. Мострас, первый российский вице-консул в Яффе и Иерусалиме (1820–1838), как официально именовалась его должность⁸, оставил неутешительный рассказ о положении русских паломников в Святой Земле, имеющий отношение к ситуации в 1820–1821 г. Приводим его слова, начиная с описания прибытия паломников в Яффу: «На берегу паломников принимают в греческом монастыре, где им дают ужасный обед, а потом им предоставляют ночлег по большей части под навесом, на земле, если у них не из чего сделать

⁷ К.К. Родофиникин — А.М. Базили. Отношение от 19.10.1834 г. АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 1-1 об.

⁸ М.И. Якушев, со ссылкой на архивный источник, пишет, что Г.И. Мострас приступил к службе в «Южной Сирии». Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М., 2013. С. 306.

постель. На следующий день богомольцы отправляются в Иерусалим, щедро расплатившись с монастырем за то малое, что они получили. Уехав из Яффы, они останавливаются в деревне Рамля в трех часах езды от Яффы на ночлег. То же самое отношение к ним, те же самые расходы. Утром они садятся на лошадь и вечером прибывают в Иерусалим. Здесь их принимают с притворной, с позволения сказать, вежливостью. Паломников размещают на ночлег по двадцать человек, как попало, в совершенно пустых комнатах и за это их заставляют платить по 40 турецких пиастров с человека. Ужасный суп и немного хлеба, это всё, что им дают, к тому же не каждый день. Жаловаться бессмысленно, всё бесполезно. Смешивание двух полов является еще одним пугающим фактором. Каждый год бывают скандалы и заканчиваются всегда одинаково. Никто о них не заботится, никто не ухаживает за больными, и, если кто-то случайно заболевает, этого человека сразу можно считать покойником, так как к нему близко не подходят, и если один из его товарищей не идет за его порцией еды, он вынужден умереть от голода. <...> По окончании пасхальных праздников, богомольцы возвращаются в Яффу раздетыми, без копейки денег и без малейшей провизии. Необходимо посадить их на судно, предоставить им пищу и отправить их в Константинополь»⁹.

Мострас предлагал учредить специальные правила для паломников, суть которых сводилась к тому, чтобы не выпускать их из Константинополя без необходимой суммы денег, организовать их прибытие в Яффу в одной или в двух больших группах, для чего собирать караваны еще в Константинополе, обязать паломников по прибытии в Яффу оставлять необходимый для обратной дороги денежный депозит у вице-консула, выделить средства на обеспечение сбора, проживания и отдыха паломников в Яффе после возвращения из Иерусалима и до отправки в Константинополь, добиться от Иерусалимской Патриархии передачи в ведение вице-консула одного монастыря для русских паломников, размещать паломников мужчин в комнатах отдельно от женщин, поселить в этом монастыре иеромонаха и дьякона для совершения службы на русском языке¹⁰. Не трудно заметить, что именно эти предложения легли в основу «Правил» для русских паломников, разработанных десять лет спустя, сменившим Мостраса К.М. Базили.

⁹ Цит. по изд.: Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 гг.). М., 2018. С. 449–450.

¹⁰ Там же. С. 450–454.

В связи с событиями вокруг греческой войны за независимость и связанными с ней русско-турецкими войнами российским властям до начала 1830-х гг. не удавалось заняться проблемой русского паломничества к святым местам в полной мере. Египетская оккупация Сирии и Палестины, а также успешная высадка русских войск на Босфоре в 1833 г. позволили дипломатам в новых политических условиях начать наверстывать упущенное время. Основным стал вопрос о сохранении прав русских паломников в Палестине и, как следствие, неприкосновенность владений святыми местами духовенством Иерусалимской Православной Церкви. Директор Азиатского департамента К.К. Родофиникин опасался, что армянская община в Иерусалиме воспользуется влиянием своего единоверца при дворе египетского правителя Мехмеда-Али Юсуфа Богоса чтобы добиться новых приобретений на святых местах, в первую очередь в Вифлееме и в Иерусалиме. Он поручил генеральному консулу в Египте О.А. Дюгамелю проинформировать Мехмета-Али об этих озабоченностях российского правительства чтобы «с одной стороны, дать понять нашим единоверцам на Востоке, что, несмотря на политические потрясения, которые привели Палестину под власть египетского паши, российский двор может по-прежнему оказывать им плодотворное покровительство»¹¹.

Тактические задачи для русских дипломатов в отношении Святой Земли были описаны Директором Азиатского департамента достаточно прямо: «Чего хочет императорское правительство, так это того, чтобы с русскими поклонниками, которых благочестие призывает в провинции, подчиненные Мехмету-Али, обходились там благожелательно, чтобы им было дозволено беспрепятственно исполнить цель своего путешествия, а духовенство греческого обряда при этом пользовалось уважением и сохранило свои права в церквях Святого Гроба, а именно свое превосходство, которым оно обладало на протяжении стольких веков и которого оно не может быть лишено без того, чтобы подобное изменение не произвело бы самое неблагоприятное впечатление на греческое православное население на Востоке»¹².

«Особый интерес» Азиатского департамента к обеспечению прав русских паломников и привилегий греческого духовенства на святых местах по-видимому не может быть объяснен только задачами внешней политики России.

В конце 1830-х годов в официальных документах МИД впервые появляются заключения о падении нравственного уровня среди русских

¹¹ К.К. Родофиникин — А.М. Базили. Отношение от 19.10.1834 г. АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 2.

¹² Там же. Л. 70.

богомольцев из простого народа. А именно эта категория и составляла большую часть паломников. Однако, причину всех нестроений в среде русских паломников, дипломаты долгое время искали внутри самой паломнической среды. Получалось, что свои проблемы паломники приносили с собой из России.

В свою очередь, правительство в Петербурге не могло допустить мысли о том, что богомольцы, которые в глазах императорской власти оставались носителями национального религиозного духа, в массе своей состояли из пораженных различными пороками людей. И только в конце 1830-х годов, в МИД возобладало мнение, что для борьбы со злом необходимо менять условия пребывания паломников на местах, хотя именно эта сторона паломничества была целиком и полностью отдана в руки принимающей стороны — греческого иерусалимского духовенства, именовавшегося в дипломатических документах Свято-гробским братством или монастырем Святого Гроба.

Первым шагом российского правительства, связанным с попыткой изменить условия организации русского паломничества на Православном Востоке стало создание полноценного консульского представительства в Святом Граде. В 1838 г. было решено открыть, наконец, консульство в Иерусалиме, который был центром притяжения и конечным пунктом для подавляющего большинства богомольцев из России. Однако, практически сразу в МИД изменили собственное решение. Вместо этого было открыто генеральное консульство в Бейруте, в юрисдикцию которого вошла и Палестина. Открытие русского консульства непосредственно в Иерусалиме было отложено ровно на двадцать лет.

Реформы К.М. Базили в 1839–1841 гг.

Несмотря на фактическое местоположение в Бейруте, консульство официально называлось «в Сирии и Палестине», консула именовали консулом в Иерусалиме, и первым же поручением, выданным Азиатским департаментом вновь назначенному консулу Базили было как раз выявление причин беспорядков, происходивших с русскими паломниками в Иерусалиме¹³. Поэтому, Базили, едва прибыв в Бейрут, вынужден был сразу же выехать в Иерусалим. 6/18 февраля посланник в Константинополе

¹³ «При отправлении отсюда вновь назначенного в Палестину консулом кол сек. Базили, вменено ему было в непрременную обязанность собрать достоверные сведения о положении подданных империи, ежегодно приходящих на поклонение Святым местам». АВПРИ. СПбГА II-9. ОП. 46. 1816. Д. 3. Ч. 5. Л. 3.

А.П. Бутенев отправил в Петербург канцлеру К.В. Нессельроде донесение, полученное им от Базили¹⁴. В донесении, датированном 21 декабря 1839 / 2 января 1840 г.¹⁵, содержался отчет о мерах, принятых консулом и его предложения по организации быта и пребывания русских паломников в Иерусалиме. А 30 апреля 1840 г. появился документ, утвержденный Николаем I. «О монастырях, назначенных в Иерусалиме для помещения поклонников». Копия его¹⁶ была отредактирована канцлером Нессельроде. Всё это на наш взгляд свидетельствует о том, что проблемы с русскими паломниками были не новы и о них хорошо знали в МИДе.

Прибыв в Святой Град, вероятно до Рождества, в декабре 1839 года, Базили застал врасплох и греческое духовенство и паломников. Картина, открывшаяся его глазам, была очевидно удручающей. Всех паломников греческие духовные власти селили в одном монастыре «без различия пола» и, вероятно, в страшной тесноте, учитывая слова консула Базили о том, что он нашел в Иерусалиме «довольно значительное число поклонников наших»¹⁷. Чтобы хоть как-то оправдать греческое духовенство, Базили в своем донесении сразу же упомянул, что за такое размещение греки брали с паломников весьма умеренную плату, а неимущих селили и содержали даром. Неспособность же греческих духовных властей навести порядок и держать паломников в узде он объяснил тем, что «в глубокой преданности и признательности к высочайшему двору они боялись навлечь на себя неудовольствие укрощением своеволия и предосудительных поступков некоторых поклонников»¹⁸.

Процитированная выше фраза была изъята им из рапорта, который канцлер представил на утверждение императору. Она сохранилась лишь в черновике. Придуманное Базили оправдание бездействию греческого духовенства, которое в глазах российского правительства официально приняло на себя обязательства по приему русских паломников, могла вызвать у Николая I негативную для греков реакцию. И канцлер решил смягчить сердце самодержца чтобы получить его согласие на проведение необходимых реформ. Тем более, что сам Нессельроде с предложенными мерами уже согласился.

¹⁴ АВПРИ. СПБГА II-9. ОП. 46. 1816. Д. 3. Ч. 5. Л. 1-2 об.

¹⁵ Там же. Л. 34-47. *Copie d'un rapport du consul Basily a m-r envoye de Bouteneff en date de Baurout 21 decembre / 2 janvier 1839/40.*

¹⁶ Там же. Л. 3-7 об. О монастырях, назначенных в Иерусалиме для помещения поклонников.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 3 об. Фраза зачеркнута.

В чем состояли предложения Базили? Не считая возможным полностью игнорировать вину греческого иерусалимского духовенства в сложившейся ситуации, он объяснил ее тем, что греки «не имели ни власти ни довольно твердости» для обеспечения порядка в среде русских паломников «в отсутствие консула нашего». С учреждением такого консульства и назначением на эту должность Базили эта проблема устраняется сама собой. Теперь русские паломники в Иерусалиме будут не только формально, но и фактически подчинены консульской власти, и представитель консула будет постоянно присутствовать в Иерусалиме. Из числа паломников Базили выбрал отставного гвардейского унтер-офицера Туманцева и назначил его смотрителем за паломниками. В обязанности смотрителя входило «надзирать за поведением поклонников и удерживать их от всякого предосудительного поступка»¹⁹. Кроме этого Базили предполагал наладить постоянную связь с представителями святогробцев, чтобы оперативно реагировать на возникающие проблемы.

Другой не менее важной, по мнению Базили, причиной «происходивших беспорядков было помещение всех вообще поклонников в одном и том же монастыре и неимение за ними надлежащего надзора»²⁰. Само по себе совместное размещение мужчин и женщин не было новостью для Петербурга, но Азиатский департамент не раз в категорической форме предписывал «предместнику» Базили покончить с подобной практикой²¹. Предместником Базили, о котором упоминает рапорт Нессельроде, вероятно нужно считать консула Мостраса. Однако Мострас не имел, очевидно, возможности заставить греческие духовные власти выделить дополнительные помещения. «Однако что делать, когда ничего нет, и всё находится в беспорядке» — сетовал он еще в 1821 г.²² Базили, облеченный официальными полномочиями и назначенный на свое место в том числе и для решения проблем русского паломничества, нашел необходимые аргументы. Остается только гадать, что именно сказал консул такого, что Святогробцы мгновенно выделили в его распоряжение один из лучших и наиболее значимых монастырей, — Св. Авраама, — примыкавший к входу в храм Воскресения. Базили даже успел перевести в него всех женщин, оставив в Феодоровском монастыре только мужчин.

¹⁹ Там же. Л. 4 об.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Там же.

²² Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 гг.). М., 2018. С. 450.

Авраамиевский монастырь имел несомненно уникальное местоположение, «представляющий то важное удобство, что живущие в нем могут сообщаться с церковью и не имея надобности проходить по улицам весьма опасным во время заразы»²³. Упоминания о «заразе» в документе, предназначенном для одобрения царя не случайно. Предшественник Базили Мострас, как и большая часть его семьи, умер в Яффе во время чумы²⁴. Передача русским паломникам столь значимого по своему местоположению монастыря должна была смягчить впечатление от общей картины неустроенности русских паломников в Иерусалиме. Судя по всему, Базили перевел женщин-паломниц на жительство в Авраамиев монастырь еще в декабре 1839 года и как минимум до конца апреля 1840 года такое положение вещей оставалось неизменным.

Другой, не менее важной частью донесения Базили, было предложение провести ремонт в двух занимаемых теперь русскими паломниками монастырях, так как в своем нынешнем состоянии они не могли обеспечить условия для здорового проживания паломников. Точнее Базили высказывал два возможных способа создания новой русской паломнической инфраструктуры в Иерусалиме. А именно об этом и шла речь в его донесении. Первым вариантом, представлявшим, по словам Базили, различные сложности, была покупка одного из греческих монастырей в Иерусалиме, срытие его до основания и постройка на его месте нового здания для размещения паломников. Второй путь — реконструкция двух монастырей: Св. Авраамия и Св. Феодора.

Все эти варианты он обсудил с греческим духовенством Святого Гроба еще в декабре 1839 года. Вероятно с их помощью были произведены предварительные расчеты затрат на ремонты в двух монастырях, оказавшиеся очень незначительными — около 3 000 руб. серебром или 40 000 турецких пиастров. Кроме этого, после ремонта за счет российской казны, греки обязывались передать оба монастыря «в вечное пользование исключительно российским подданным»²⁵, а в дальнейшем взять на себя все будущие поправки зданий. Плата за проживание устанавливалась по соглашению с русским консульством неизменной и небольшой. В заключении Базили считал необходимым «для вящего обеспечения заключить со старшинами иерусалимского духовенства

²³ АВПРИ. СПбГА II-9. ОП. 46. 1816. Д. 3. Ч. 5. Л. 4–4 об.

²⁴ Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М., 2013. С. 373. Прим. 32.

²⁵ АВПРИ. СПбГА II-9. ОП. 46. 1816. Д. 3. Ч. 5. Л. 6 об.

контракт по принятому в Турции порядку и изложить в оном те основания, на коих упоминаемые монастыри поступают в полное распоряжение консульства нашего»²⁶. Таким образом российское консульство получало возможность полного контроля за паломническими приютами в Иерусалиме.

«Сею благоразумною распорядительностью положена преграда существовавшим беспорядкам и возникавшие прежде на молельщиков наших жалобы в последнее время совершенно прекратились»²⁷. Это утверждение, вероятно дословно перенесенное в доклад Нессельроде из текста донесения Базили, кажется теперь и наивным, и излишне самонадеянным. Тем не менее, благодаря этим энергичным действиям в Иерусалиме и правильно написанному донесению, Базили приобрел в министерстве авторитет человека, умеющего быстро и качественно решать сложные задачи. Что же касается самого Базили, то можно предположить, что мысль о том, что именно ему в глазах министерства удалось решить проблему организации русского паломничества в Иерусалим, повлияла на его отношение ко всем, кто впоследствии пытался критиковать реальную ситуацию с русскими богомольцами на Православном Востоке. Поэтому столь высокомерно и холодно он позднее будет отзываться и о предложениях А.Н. Муравьева и об инициативах архимандрита Порфирия (Успенского), да и всех вообще, кто будет пытаться продолжить начатые им реформы с целью их улучшения.

О полученном от императора разрешении профинансировать все нужные поправки в иерусалимских монастырях на сумму 40 тысяч турецких пиастров Нессельроде информировал Бутенева 7 мая 1840 года.²⁸ Бутеневу поручалось снабдить Базили необходимыми инструкциями «для совершения указанных поправок с соблюдением при том как казенного интереса, так и всех условий необходимых к упрочению поклонникам нашим в Иерусалим выгодного и удобного помещения»²⁹. Однако летом 1840 года никаких работ организовать не удалось. Возможно, политическое обострение в Сирии и смена посланника в Константинополе стала тому причиной³⁰. Хотя более вероятным

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 4 об.

²⁸ См. черновик отношения К.В. Нессельроде. Там же. Л. 8–10 об.

²⁹ Там же. Л. 10.

³⁰ «Случившиеся в прошлом году политические события в Сирии принудили Миссию отсрочить до удобнейшего времени исполнение вышеизложенной Высочайшей воли; но как скоро судьба Сирии решилась, то действительный

кажется то, что процесс затормозило греческое святогробское духовенство. 13 февраля 1841 г. посольство в Константинополе предложило Патриарху Афанасию рассмотреть проект официального соглашения между Иерусалимским Синодом и российским правительством³¹. Документ содержал семь пунктов, которые ранее Базили уже обсудил со святогробцами в Иерусалиме:

1. Два монастыря передаются «отныне навсегда»³² для жительства исключительно русских паломников. Исключение составляет игумен и прислуга;

2. Строго соблюдается раздельное помещение женщин и мужчин;

3. С российской стороны выделяется 40 000 пиастров для ремонта зданий и закупки необходимого оборудования единовременно. Все же остальные расходы «необходимые как на первый раз, так и впоследствии»³³ берет на себя греческое иерусалимское духовенство;

4. Плата за проживание устанавливается умеренная «по соглашению с консульством, приняв в основание существовавшую доселе цену по 50 пиастров с каждой особы или кровати за всё время богомолья»,³⁴ и не может изменяться;

5. Неимущие и нищие поселяются даром;

6. «Посуда, мебель и прочее» хранится в монастырях по описи, «не позволяя устранять их на какую-либо необходимость, исключая употребление поклонников».³⁵

7. Наблюдение за поклонниками «будет поручено предпочтительно одному из членов Синода, который в случае беспорядков между ними будет сноситься с консулом или откомандированною от него для надзора <за> благочинием поклонников особою.

Однако, из донесения В.П. Титова канцлеру Нессельроде от 13 июня 1841 года³⁶ следует, что в таком виде соглашение не устраивало Патриарха, и консул Базили получил из Иерусалима новые предложения,

---

статский советник Титов не замедлил приступить по сему предмету к переговорам с Патриархом Иерусалимским». Там же. Л 31–31 об. О монастырях, назначенных в Иерусалиме для помещения поклонников, черновик Всеподданнейшего доклада К.В. Нессельроде от 12 июля 1841 г.

³¹ Там же. Л. 23–26 об.

³² Там же. Л. 23.

³³ Там же. Л. 42 об.

³⁴ Там же Л. 24–25.

³⁵ Там же. Л. 26.

³⁶ Там же. Л. 13–16 об.

коренным образом отличавшиеся от первоначальных условий. Греки не соглашались передать для русских паломниц монастырь св. Авраама, а вместо официального «контракта» с российской стороной предлагали заключить письменное соглашение «с Иерусалимским Патриаршим Престолом или Синодом»³⁷.

Патриарх Иерусалимский Афанасий категорически отклонил возможность заключения официального контракта о передаче монастырей русским паломникам и настоял на том, чтобы все расходы на ремонт проведены были за счет иерусалимского духовенства «желающего сею малою жертвою доказать свою признательность к многочисленным благотворениям России»³⁸. За российским правительством оставалось лишь снабдить монастыри утварью и всем необходимым для размещения паломников³⁹. Вместо монастыря св. Авраама Патриарх Афанасий предложил использовать для размещения паломниц-женщин монастырь св. Екатерины⁴⁰. Титов подключил к переговорам с Патриархом архиепископа Фаворского Иерофея «лично известного в России», который в итоге помог выполнить щекотливую миссию — пересмотреть уже утвержденное решение императора Николая I в более выгодную для греческого духовенства сторону. Донося о новых договоренностях в Петербург, Титов упомянул и о выгодах для казны и о бесполезности настаивать на стесняющих Патриарха строгих формах контракта⁴¹.

В марте 1841 года Титов поручил Базили выработать окончательное соглашение с Иерусалимским Синодом и «сообразить наилучшие меры для закупки пожитков, необходимых для пристойного помещения наших богомольцев»⁴². Базили вновь посетил Иерусалим на Пасху 1841 года и провел все необходимые переговоры с Синодом. Соглашение между русским консулом и святогробцами состоялось. Об этом Титова проинформировал лично Патриарх Афанасий⁴³. 21 апреля 1841 года Базили сообщал Титову, что оба монастыря (св. Феодора

³⁷ Там же. Л. 14.

³⁸ Там же. Л. 14 об. На самом деле турецкое законодательство позволяло согласно принятым в Турции обычаям, признать владельцем здания того, кто его ремонтировал. Греки опасались, что в таком случае собственником монастырей может быть официально признано российское правительство.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 15.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 15 об.

⁴³ См. Перевод письма Патриарха от 3 марта 1841 г. Там же. Л. 21–22 об.

и св. Екатерины) официально отведены для размещения русских паломников и ремонтные работы в них начались⁴⁴. О том же в июне 1841 года Титову вновь пишет Патриарх Афанасий, прибавив, что отныне русские паломники будут находиться в отведенных для них монастырях «под сению попечительности августейшего монарха... и будут пользоваться всяким духовным пособием со стороны Преосвященного митрополита Пертского Мелетия, который на себя принял особое попечение о набожных российских богомольцах»⁴⁵. Вероятно с этого момента и нужно вести отсчет деятельности легендарной среди русских паломников всех рангов личности Святого Петра.

Кроме этого Патриарх сообщал, что по договоренности с консулом Базили, иерусалимский Синод согласился взять на свой счет содержание доктора, которому поручено безвозмездно лечить всех православных, и особенно русских паломников⁴⁶.

8 мая 1841 года вместе с рапортом Титову консул Базили прислал в Константинополь правила для паломников, разработанные им совместно с иерусалимским Синодом. Этот документ должен был стать «руководством для российско-подданных православного исповедания, кои посещая святыя места будут иметь жительство в тех монастырях»⁴⁷. Копию «Правил» Титов отправил в Петербург, сообщая, что утвержденные совместно консульством и иерусалимским духовенством, они будут иметь обязательную силу для последнего и заменят собой «тот контракт, которым первоначально предполагалось упрочить за нашими поклонниками исключительное право пользоваться пристанищем в тех двух монастырях»⁴⁸. С этими «Правилами» Титов предлагал знакомить паломников в Коммерческой канцелярии в Константинополе и в главных приморских городах юга России «откуда ежегодно отправляются наши богомольцы на Восток с тем, чтобы они заранее были приготовлены к послушному оных соблюдению»⁴⁹.

Естественно, этот документ, даже если бы он был утвержден в Петербурге на самом высоком уровне, не имел юридической силы на территории Османской империи. Титов, как и Базили, не мог этого

⁴⁴ Там же. Л. 15 об.

⁴⁵ Там же. Л. 19. Перевод с письма Иерусалимского Патриарха Афанасия к императорскому поверенному в делах в Константинополе. ... июня 1841 г.

⁴⁶ Там же. Л. 20–20 об.

⁴⁷ Там же. Л. 11–11 об. В.П. Титов — Л.Г. Сенявину 5 июля 1841 г.

⁴⁸ Там же. Л. 11 об.

⁴⁹ Там же. Л. 12.

не знать. Оставалось лишь уповать на добровольное соблюдение своей части «Правил» греческим духовенством Иерусалима. Однако есть еще одно обстоятельство, которое связано с разработкой и введением этого документа. Согласие с ним Иерусалимского Патриарха и его Синода свидетельствовало о том, что греки согласны были допустить российские официальные власти в лице консула и его доверенных представителей в свои взаимоотношения с русскими паломниками в Иерусалиме и на Святой Земле. Идея совместного с российским консулом управления паломниками при соблюдении основных интересов греческого духовенства получила документальное выражение. Хотя применение «Правил» на практике встретило, практически сразу, вполне ожидаемые затруднения, нужно признать, что именно Базили удалось сломать вековые взаимоотношения между русскими паломниками и греческим духовенством в Святой Земле.

«Правила для русских православного исповедания поклонников, прибывающих в Иерусалим»⁵⁰ заключались в 68 параграфах и отражали интересы как российских властей, так и греческого духовенства в Иерусалиме. По сути они стали результатом компромисса, на который готов был пойти Иерусалимский Патриарх Афанасий в вопросе о разделении власти и контроля за русскими паломниками в Святой Земле. Духовный надзор за всеми русскими паломниками в Иерусалиме оставался за руководством «греческого монастыря Гроба Господня»⁵¹, однако юридическая власть над паломниками принадлежала недавно созданному в Бейруте российскому консульству «под ведомством коего состоят по высочайшей воле все подданные Его Императорского Величества в сей стороне»⁵². Согласно тем же «Правилам», собственно «русским», т. е. человеком на которого распространяется покровительство российской консульской власти, признавался только тот, кто представит вице-консулу в Яффе российский паспорт, в обмен на который консульство бесплатно выдает паспорт паломнику на арабском языке («тескере»), действительный на всё время паломничества⁵³. В вице-консульстве в Яффе паломники обязаны были оставлять деньги, необходимую для оплаты обратного проезда в Россию. Отметка

⁵⁰ Там же. Л. 48–67. «Правила» впервые были опубликованы М.М. Якушевым: Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 гг.). М., 2018. С. 455–466.

⁵¹ Там же. Л. 48.

⁵² Там же. Л. 48 об.

⁵³ Там же. Л. 50.

об оставленных на хранение средствах делалась непосредственно в паспорте. Всякий, у кого не было российского паспорта или выданного консульством «тескере» объявлялся бродягой и мог быть выслан из Иерусалима. Однако в случае утери документов консульство имело возможность проверить и восстановить их.

Для управления паломниками консул назначал надзирателя из среды поклонников, которому они должны были повиноваться и к которому должны были адресовать свои требования и жалобы. Надзирателю «за труды» полагалось денежное вознаграждение «по мере его заслуг и по усмотрению г. консула»⁵⁴. Его права и обязанности были прописаны «Правилами» довольно подробно. Со стороны Патриархии так же назначался монах-переводчик, к которому паломники могли обращаться «с законными и рассудительными требованиями»⁵⁵. Обращаться за чем-либо к турецким властям напрямую паломникам строго воспрещалось⁵⁶. В случае необходимости пожаловаться на кого-то из иноверцев паломник должен был обратиться к святогробскому «духовному начальству», которое или удовлетворит их жалобу «немедленно» или передаст дело консулу⁵⁷. Таким образом документ сохранял за греческим иерусалимским духовенством статус посредника при решении споров с местным населением и властями. Зато каждый богомолец имел право «излагать письменно г-ну консулу или агенту его в Яффе жалобы свои на надзирателя, равно как и неудовольствие свое на монастырское начальство»⁵⁸. Таким образом, консул признавался высшей инстанцией при разрешении вопросов, связанных с пребыванием российских паломников на Святой Земле.

«Правилами» подробно регламентировалось проживание паломников в монастырях, их размещение в келиях и оплата. Причем делался упор не только на строгое разграничение проживания мужчин и женщин, но и на ограничение посещений родственников, проживавших в двух разных монастырях и даже на совместное паломничество вне стен Иерусалима. Количество запретов может говорить о том, что эта проблема действительно сильно волновала как консульство, так и Патриархию. При утверждении этих «Правил» Азиатскому департаменту пришлось даже вступить за паломников, напомнив,

⁵⁴ Там же. Л. 67.

⁵⁵ Там же. Л. 48–48 об.

⁵⁶ Там же. Л. 50 об.

⁵⁷ Там же Л. 51.

⁵⁸ Там же. Л. 49.

что они не монахи и тотальное ограничение ни в чем не опорочивших себя людей не может быть признано полезным. Об этом еще будет сказано ниже.

Отдельным пунктом «Правил» стал вопрос о посещении паломниками Иордана, Назарета и Синая. Вопрос этот, несомненно, был поднят Патриархией, которая организовывала караваны богомольцев в эти отдаленные и всё еще опасные места. При этом у святогробцев нередко возникали конфликты с паломниками, не желавшими долго ждать, подозревавшими что плата за участие в караване слишком велика и делавшими попытки посетить Иордан самостоятельно. «Да ведают поклонники, что в сей стороне путешествия сопряжены с большими опасностями, как от хищных бедуинов, так и от часто бунтующих жителей, а подвергать себя опасностям такого рода, когда православный монастырь мудрыми мерами и большими издержками обеспечивает своевременно безопасность своих поклонников, не есть подвиг христианского благочестия, но дело безумия, а потому не только воспрещается, но в случае если кто будет замечен в возбуждении неудовольствия между своими за назначенную монастырским начальством отсрочку сего поклонения — будет немедленно выслан из Иерусалима как человек беспокойный»⁵⁹. Посетить Синай бывает возможно не каждый год «по причине политических обстоятельств края». Поездку на Синай организует консул и объявляет об этой возможности поклонникам, которые не должны «проситься туда» сами⁶⁰.

Отдельным разделом «Правил» стал вопрос о пожертвованиях на Гроб Господень. Этот раздел, по всей видимости, включен по настоянию Патриархии и призван был урегулировать различные споры и конфликты с паломниками. Жертва на Гроб Господень признавалась благочестивой традицией, существующей с давних пор. Все приношения объявлялись только добровольным делом, и никто не имел права принуждать паломников делать взнос или укорять в недостаточно большом пожертвовании. «Казна монастыря Гроба Господня есть одна и нераздельная и потому все денежные взносы, в какое бы из святых мест не поступали, обращаются в монастырскую казну, которая с своей стороны обеспечивает по возможности нужды духовенства, представленного к святым местам, и расходует ежегодно огромные суммы без коих святыни давно бы перешли к иноверцам. На сем основании предпочтительно чтобы взносы делались в присутствии Синода

⁵⁹ Там же. Л. 54 об.-55.

⁶⁰ Там же.

иерусалимского»⁶¹. Поклонник, привезший дар из России от другого лица обязан сразу по прибытии в Иерусалим объявить об этом Синоду и сдать его греческим властям. Никто не вправе уклоняться от сдачи привезенных подарков или пожертвований «под предлогом недоверчивости к лицам, к кому вещи поступают, ибо всякая вещь, объявленная и сданная в синодальное присутствие, делается уже собственностью православного монастыря Гроба Господня и обеспечена от всякого злоупотребления»⁶². Жертвователь имеет право объявить, куда именно он желает, чтобы его дар поступил. «Но сие нисколько не дает ему права требовать немедленного к тому распоряжения и еще менее настаивать на таковое назначение подарка, когда монастырское начальство, соображаясь с местными обстоятельствами, весьма уважительными, хотя и непонятными для человека новопривывшего в Иерусалим, откажет в помещении подарка в желаемом месте. Так, например: в таких из святых мест, кои принадлежат разным христианским исповеданиям вместе, число и размеры икон и количество ламп строго и обстоятельно постановлены и нарушать существующий порядок невозможно без нарушения мира. С другой стороны, поклонники должны иметь ввиду, что ризница Гроба Господня есть одна для всех святых мест, подведомых монастырю и что Блаженнейший Патриарх Иерусалимский и его епископы вправе во всякое время, судя по обстоятельствам, перемещать из одного места в другое, брать на сохранение в ризницу или выдавать из оной принадлежащие монастырю вещи»⁶³.

12 июля 1841 года император одобрил новый порядок для размещения паломников в Иерусалиме, предложенный Базили и Титовым⁶⁴. Однако «Правила» для паломников такого утверждения не получили. Вероятно, этот вопрос казался более техническим и менее принципиальным, а может быть «Правила» сочли недостаточно проработанными. В любом случае текст «Правил» был отдан на утверждение в МИД. 23 сентября 1841 г. директор Азиатского департамента направил Титову комментарии к «Правилам» и просил его обязать Базили внести все замечания в проект и вновь прислать его для утверждения в МИД⁶⁵.

⁶¹ Там же. Л. 61.

⁶² Там же Л 61 об.

⁶³ Там же. Л. 62–63.

⁶⁴ Там же. Л 31–33. О монастырях, назначенных в Иерусалиме для помещения поклонников.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. СПбГА II–9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 4.

Замечания Азиатского департамента, внесенные Базили по требованию МИД и присланные при его Рапорте от 8 мая за № 37⁶⁶, позволяют судить о собственных взглядах МИД на русское паломничество, которое не всегда совпадало с предложениями Базили и греческого духовенства в Иерусалиме. Кроме незначительных редакторских уточнений, все поправки по существу представляли собой попытку смягчить отношение к паломникам в Иерусалиме и усилить роль «начальства» в разрешении проблем русских людей на Святой Земле. «Вообще следует подвергнуть на месте еще раз строгому обсуждению все меры о надзоре за поклонниками и постановить только такие, которые были бы удобоисполнимы, ибо в земле, столь мало устроенной как Палестина, невозможно вводить такой порядок, который с трудом мог бы быть соблюдаем и внутри Империи. В сем отношении нельзя не заметить, что в России монахи и монахини свободно выходят из монастырей, по одному и по два, а поклонникам едва ли следует воспрещать свободу, доколе они не подадут повода к сомнению в их поведении»⁶⁷.

Кроме этого, был и другой важный аспект в новой редакции «Правил», предложенный Азиатским департаментом МИД. Во-первых, из текста документа были аккуратно изъяты упоминания о *не русских* представителях православия в Российской империи⁶⁸. Во-вторых, Азиатским департаментом была сделана попытка дифференцированного подхода к правам паломников из разных социальных слоев, поскольку без этого «Правила» напоминали собой скорее воинский устав, конечно более удобный для консула и греческого духовенства, но совершенно не отражавший реалий и потребностей паломнической среды. «Власть светского надзирателя не может распространяться на духовных лиц, приходящих на поклонение. При том же духовным лицам не следует ли предоставить избрать себе жительство в различных монастырях и подчинить их только наместникам патриаршим? А к консулу они могут прибегать в случае нужды с просьбою о защите и покровительстве»⁶⁹. Такие же исключения, по мнению МИД нужно было сделать

⁶⁶ АВПРИ. Ф. СПБГА II-9 Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 21-39 об. Замечания Азиатского департамента, публикуемые в тексте «Правил» в приложении к настоящей статье, даны курсивом и заключены в квадратные скобки.

⁶⁷ Комм. к статье № 24 «Правил».

⁶⁸ См. статью № 16 «Правил» и комментарий к ней Азиатского департамента МИД.

⁶⁹ Комм. к статье № 59 «Правил».

«в пользу почетных лиц, которым предоставить жить в Патриархии или где пожелают, и вообще не делать сим никакого стеснения»⁷⁰.

23 марта 1842 г. Титов писал Л.Г. Сенявину, что получил от Базили новый вариант Правил, но предупреждал, что они не были согласованы с греческим иерусалимским духовенством из-за «дальности пребывания нашего консула и неудобству входить с ними в подробную переписку»⁷¹. В связи с этим Титов предлагал отложить утверждение Правил в МИД до возвращения Базили из планируемой им поездки в Иерусалим и до возвращения в Константинополь из Иерусалима настоятеля русской посольской церкви иеромонаха Амвросия, «который может быть сообщит какие-либо дополнительные рассказы о теперешнем состоянии наших богомольцев в Святой Земле»⁷². Вероятно, в контексте обсуждавшихся проблем с русскими паломниками в Иерусалиме, иеромонаху Амвросию, настоятелю русской посольской церкви в Константинополе, который должен был быть хорошо знаком с ситуацией, директор Азиатского департамента Л.Г. Сенявин предписывал «чтобы он имел осмотрительность в поведении своем и строгим исполнением монашеских обязанностей старался поддержать то уважение, какое единоверцы наши на Востоке питают к православному русскому духовенству»⁷³. Отец Амвросий посетил Иерусалим на Пасху 1842 года.

7 июля 1842 года Титов отправил в Азиатский департамент МИД два донесения Базили из Иерусалима. Первое касалось различных запретительных мер, которые консул предлагал установить в России для ограничения выезда за границу на богомолье нищих и неблагонадежных лиц. Вероятно за этим можно видеть попытку консула продолжить реформу русского паломничества. Предложения ограничить выезд паломников из России будут еще не раз всплывать в официальных документах и консульства и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Посланник в Константинополе В.П. Титов так же считал, что строгие правила и ограничения при выезде из России могут сослужить негативную службу для судьбы русского православного паломничества. Воздерживаясь от собственных суждений, он уповал лишь на мудрость «высшего» начальства, а именно предоставлял вопрос на рассмотрение в Азиатский департамент МИД, где он не встретил никакого одобрения.

⁷⁰ Комм. к статье № 15 «Правил».

⁷¹ АВПРИ. Ф. СПбГА II-9 Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 5 об.

⁷² Там же.

⁷³ Л.Г. Сенявин — В.П. Титову. Отношение 13 января 1842 г. Черновик. АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп 46. 1837 г. Д. 14. Л. 8–8 об.

Во втором донесении Базили предлагал учредить в Иерусалиме местопребывание постоянного чиновника консульства «для полицейского надзора за поклонниками, а также и для дружелюбного, при случае, содействия греческому духовенству»⁷⁴. Со своей стороны Титов, видимо, был согласен с Базили и предлагал на эту роль вице-консула в Яффе Марабути с прибавкою к его жалованию в 300 испанских талеров еще 400 талеров.⁷⁵ Можно предположить, что это предложение было принято в министерстве, хотя документального подтверждения этому обнаружить не удалось. Российский вице-консул Марабути по национальности был греком, и так же как и Базили должен был казаться удобной фигурой для греческого духовенства в Иерусалиме. Во всяком случае вице-консульство в Яффе стало с этого момента «местоблюстителем» русского консула в Палестине. В свою очередь такое положение подготовило почву для создания собственно иерусалимского консульского поста в будущем.

До начала Крымской войны, пока Базили занимал должность консула, а потом и генерального консула в Сирии и Палестине, разработанный им порядок в отношении русского паломничества в Иерусалиме продолжал существовать. Жизнь вносила свои коррективы, но на бумаге всё оставалось по-прежнему гладко. Однако уже с 1848 г. в Иерусалиме появилась Русская Духовная Миссия, в обязанности которой входил надзор и окормление русских паломников. Это конечно нарушало прежние договоренности Базили с Патриархией. В свою очередь и греки не во всем придерживались «Правил». Русские паломники селились в различных греческих монастырях и подвергались всевозможным поборам со стороны их игуменов не имея никакой защиты в Иерусалиме. Поэтому новая реформа была лишь вопросом времени.

Русские паломники в Иерусалиме после Крымской войны в 1857–1859 гг.

По окончании Крымской войны в Петербурге всерьез озаботились защитой собственных интересов на Православном Востоке и, в первую очередь, в Святой Земле. «Россия пользуется еще на Востоке глубоким и повсеместным сочувствием и доверием, но в последнее время даже в православных лицах и народах стали обнаруживаться недоверие

⁷⁴ АВПРИ. Ф. СПбГА II-9 Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 6 об.

⁷⁵ Там же. Л. 6 об.-7.

и неприязнь к России и противодействие ей. Теперь настала решительная пора. И друзья и недруги наши с напряженным вниманием чего-то ждут и от действий нашего правительства и нашей Миссии зависит, будет ли могущество России на Востоке восстановлено и утверждено к торжеству Православия, или поколеблено и уничтожено на радость врагам Церкви» — писал из Иерусалима, едва приехав в Святой Град, начальник Русской Духовной Миссии епископ Кирилл (Наумов)⁷⁶. 20 сентября 1858 г. в Иерусалиме наконец был поднят флаг над только что созданным русским консульством. Об учреждении консульства просил Иерусалимский Патриарх, об этом говорили и в Петербурге и в Константинополе.

Проблема русского паломничества упиралась в экстерриториальные права самих паломников, закрепленные в международных договорах России и Турции. Власть над русскими подданными на территории Османской империи принадлежала российскому императору и его официальному представителю — российскому консулу. До поры до времени право опекать и судить российских подданных в Иерусалиме можно было доверить Православной Иерусалимской Патриархии, поскольку паломничество само по себе признавалось духовным подвигом и делом церковным. Однако такой порядок был ущербен в своей основе. Греческое духовенство Иерусалима не могло ни судить, ни защищать русских подданных, поскольку само оно находилось в униженном и бесправном положении. Оно вынуждено было договариваться с турецкими властями по сути о том, каким образом совместно использовать приходящих в Святой Град богомольцев с целью извлечения из этого максимальной выгоды. Так многие столетия был устроен мир паломничества в Иерусалиме, где богомольцы были единственным источником пополнения казны и кошельков местного населения.

Из многочисленных документов, записок и проектов о русском паломничестве, появившихся в России во второй половине XIX столетия, нас в настоящий момент интересуют те материалы, в которых можно увидеть преемственность вопросов и проблем, затронутых «Правилами» Базили.

То, что проблемы с паломниками в Иерусалиме не прекратились стало заметно уже на Пасху 1857 г. Сохранилось письмо статского советника Рашета, направленное вероятно в Азиатский департамент МИД осенью 1857 года. Можно предположить, что появлению этой записки способствовало появление в Константинополе чиновника

⁷⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. 2. Ст. 2. Д. 373 б. Л. 36 об.-37.

Морского министерства Б.П. Мансурова, готовившего по поручению великого князя Константина Николаевича проект новой реформы русского паломничества на Православном Востоке. Анализ письма позволяет сделать вывод о том, что Рашет был или чиновником консульства, или служащим Коммерческой канцелярии в Константинополе. Очевидно, что ему были известны «Правила» Базили. Копия письма Рашета, озаглавленная — «Меры к пресечению злоупотреблений, вкравшихся в обычай поклонения Гробу Господню» — без подписи и обычного обращения, была сообщена обер-прокурору Синода графу А.П. Толстому для прочтения 24 ноября 1857 года⁷⁷.

Основные причины, которые порождают проблемы с русскими паломниками на Востоке, Рашет видел в том, что места паломничества сильно удалены от России, средства многих поклонников недостаточны для совершения такого путешествия, масса богомольцев не образованна и часто имеет ложное понятие о религиозном значении паломнического подвига. Кроме этого, большое зло представляли, по его словам, «нищие и тунеядцы», сделавшие странствование по святым местам и сбор подаваний на Гроб Господень способом для извлечения выгоды и средств к существованию. «Что в особенности поражает в Константинополе и в Иерусалиме в наших богомольцах, это нечистота, изнуренный вид и нищенское одеяние большинства их, не соответствующее понятию, которое составляют себе заграницею о могуществе, богатстве и благоденствии русской нации и представляющие разительную противоположность с опрятностью, достатком, здоровьем и веселом виде поклонников других стран, стекающихся в Палестину»⁷⁸. Особенное внимание начальства Рашет пытается обратить на сводничество и внебрачные связи, распространенные в паломнической среде: то самое зло, которое должно было быть уничтожено после введения в действие в Иерусалиме «Правил» Базили. Поскольку зло явно пережило и самого Базили и его «Правила», Рашет предлагал установить новую процедуру получения разрешения на выезд паломников за пределы России: проводить с желающими совершить паломничество разъяснительную беседу, требовать от них подтвердить финансовые возможности, не разрешать выезд на богомолье женщинам моложе сорока лет, и отбирать у паломников деньги, необходимые для оплаты обратной дороги. Можно сказать, что ничего особенно нового он и не предлагал. В том или ином виде эти же меры предлагал

⁷⁷ АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 9. Л. 1.

⁷⁸ Там же. Л. 1 об.

реализовать и Базили. Вице-консул в Яффе даже и реализовывал их частично: например, при выдаче паспорта забирал у паломников деньги на обратный проезд, а иногда и высылал из Иерусалима провинившихся паломников в Константинополь, для дальнейшей депортации их на родину. О таких высылках Рашет упоминает в своем письме. Другое дело, что возможностей для сдерживания и контроля паломников у вице-консула явно не хватало и, желающие всегда находили возможность ускользнуть из-под попечительства консульства.

Однако в глазах автора письма мало было просто отфильтровать и подготовить паломников на выезде из России. Важно создать для них приемлемые условия во время их странствия. Основная масса паломников направлялась на Восток через Константинополь. В Константинополе делами русских паломников занималось консульство и Коммерческая канцелярия. Последняя давно уже перестала справляться с теми задачами, ради которых была когда-то создана. «Помещение для богомольцев в доме Коммерческой канцелярии нашей здесь ныне весьма жалко и недостаточно, так что иногда 20 и 30 человек принуждены тесниться в двух крошечных и голых комнатах без различия пола, звания и возраста, лишенные кроватей, столов, скамеек, необходимой утвари и топлива в ненастные зимние дни, лишения заставляющие многих предпочитать негостеприимному русскому дому разные притоны турок или набережную в гавани под открытым небом; что иногда приезжают поклонники не из простого класса, но не довольно богатые, чтобы при здешней дороговизне нанимать номер в гостинице и которые были бы рады найти в доме Канцелярии приличный и чистый уголок; что иногда случаются больные между ними, которых, за неимением своего госпиталя, отправляют или в греческую больницу, дурно содержимую, или в французскую сестер милосердия, отличную во всех отношениях, но где продолжительное пребывание не без опасности для поколебания православия от ловких внушений представительниц неутомимой пропаганды римской, — всё это указывает на необходимость устроить в доме Канцелярии для поклонников наших поместительные палаты для простолюдинов и две или три комнатки для чиновных с кухнями, простою меблировкой и утварью, снабжать их топливом и, кроме того, учредить небольшой лазарет на пять кроватей с необходимой прислугой и прикомандированием двух сестер и под верховным надзором врача Миссии, который будет пользоваться больных. Места на всё довольно»⁷⁹.

⁷⁹ Там же. Л. 5 об. — 6 об.

По верхнему полю на первой странице копии письма сделана запись, которая позволяет судить об общем отношении к паломничеству российских властей. Подпись, к сожалению, неразборчива. «Ни в коем случае не должно ограничивать число желающих поклониться Гробу Господню потому только, что есть люди, которые во зло употребляют это дозволение. О госпитале и странноприимном доме делаются распоряжения»⁸⁰.

Если Рашет описывал положение, которое он мог наблюдать в Константинополе, то свидетельство первого русского консула в Иерусалиме В.И. Доргобужина касается ситуации, существовавшей непосредственно в Святом Граде, которую он мог наблюдать непосредственно с момента его прибытия⁸¹ по средину декабря 1858 г. Обстановку в городе и в целом в Палестине он характеризует как постоянную войну множества разнородных групп друг с другом, «состоящую из глухих интриг, и где ложь царит во всех взаимоотношениях местных обитателей, которых деспотизм за много веков приучает лгать, чтобы выжить»⁸².

Доргобужин застал в Иерусалиме большое число паломников из России, число немногим менее 500, из которых 152 человека составляли мужчины и 337 — женщины. Последних, как видно, было вдвое больше. Именно они вызвали у консула больше всего беспокойства, поскольку мужчины, размещенные в монастыре Михаила Архангела, совместно с некоторыми членами Русской Духовной Миссии, находились под постоянным присмотром последней.

«Паломницы распределены по трем обителям — монастырю Св. Феодоры, специально отведенному для наших поклонников, Св. Екатерины и Св. Георгия, служащих вспомогательными для первого, где число келий недостаточно велико... В Св. Екатерине и Св. Георгии Патриархия поселяет своих греческих поклонниц, а русские там в меньшинстве. Согласно паломническому уставу, составленному господином Базили, вход в женские монастыри мужчинам запрещен и наоборот. Однако вся охрана обители сводится к одной-единственной привратнице из числа самых старых, самых мягких и самых

⁸⁰ Там же. Л. 1.

⁸¹ В.И. Доргобужин въехал в Иерусалим в качестве консула 17 сентября 1858 г., а 20-го сентября над его домом был впервые поднят российский флаг. См. донесение В.И. Доргобужина — А.П. Бутеневу от 29 сентября 1858 г. АВПРИ. Ф. СПбГА IV-2. Оп. 119. 1858 г. Д. 22. Л. 7-12.

⁸² Тут и далее цитаты из этого донесения В.И. Доргобужина приводятся по тексту документа, публикуемого в «Приложении» к настоящей статье без дополнительных указаний на архивный источник.

бедных поклонниц и одного греческого настоятеля, который очень заботится о том, чтобы взять с них то, что причитается Патриархии, которая старается выставить свои монастыри гостеприимными, отдавая их на откуп тем, кто щедрее всего платит, а посему он весьма заинтересован, чтобы привлечь туда как можно больше народу, делая ему все возможные уступки относительно правил поведения. При таком положении вещей привратница никого не стесняет, и русские и греческие послушники — самый праздный и испорченный класс в городе — избирают своим местом жительства женские монастыри. Если у них спрашивают, что они там делают, то ответ всегда один: они пришли выпить чаю к землячке. Но вместо чая пьют водку и, напившись, дают волю рукам. Иногда эти шумные чаепития кончаются менее трагически, и участники отправляются на увеселительную прогулку за ограду — в Гефсиманию, Бетанию, в Св. Иоанна Пустынника, чтобы разыграть пасторальную сцену под оливами».

Поскольку для встречи первого русского консула в Иерусалим из Константинополя приехал Иерусалимский Патриарх, подобная ситуация не могла укрыться и от него. Блаженнейший даже сам завел об этом разговор, на что консул предложил объявить греческим настоятелям тех монастырей, в которых размещаются русские паломницы, официальный приказ Патриарха: если информация о беспорядках дойдет до консула прежде, чем ему об этом объявит греческое начальство этих обителей — они будут давать объяснение в Патриаршем Синоде, как соучастники таких беспорядков. Таким образом консул попытался изменить общий порядок вещей, но без успеха. «Все восхищались прозорливостью моего замечания, с ним соглашались, но всё остается, как прежде, и за полтора месяца с тех пор, как состоялся этот разговор, мой хранитель печати разбирался в четырех драках, а настоятель монастыря, где всё происходило, ничего не сделал, чтобы известить консульство».

Нежелание Патриархии навести порядок среди русских богомольцев, и даже потворство проявлению естественных человеческих страстей в Святом Граде среди русских паломников и греческого духовенства Доргобужинов объяснял наличием у святогробцев определенных целей. Патриархия «желает отбить у нас часть поклонников ко времени планируемого открытия приютов в Иерусалиме. Нет ни малейших заблуждений насчет возможности соперничества между крупномасштабным безвозмездным предоставлением приюта, осуществляемым государством при помощи средств такой великой империи, как Россия, и гостеприимством на греческий лад, с жильем грязным, тесным, от которого за версту несет его хозяином-ростовщиком, однако

рассчитывают на низменные человеческие инстинкты, которые беспрерывно и бесстыдно эксплуатируют, чтобы одержать верх над нашим будущим приютом».

«Греки, подчиняющие всё материальным соображениям, с большим неудовольствием ожидают того времени, когда окончательное устройство запланированных нами учреждений в Иерусалиме позволит нам бесплатно оказывать нашим поклонникам гостеприимство, которое столько веков было выгодно Патриархии. <...> Но самая заветная ее мечта — статус-кво в отношениях с нашими поклонниками, и чтобы его сохранить или, на худой конец, удержать хоть какие-то его обрывки, все средства хороши, даже интриги и клевета. Тут бесконечно трудятся, чтобы настроить наших паломников против епископа и меня. Впрочем, обстоятельства тому прекрасно способствуют: во все времена русские в Иерусалиме не обращали внимания на власти и творили, что хотели, а когда дело заходило слишком далеко, всегда была возможность с помощью денег договориться с греческими монахами, общепризнанными покровителями наших подданных. Посему не приходится удивляться, что водворение русских властей в Святом Граде вызывает очень мало сочувствия у большинства наших паломников, а Патриархия схватывает налету самые первые проявления их недовольства в отношении к нам, чтобы использовать его с выгодой для своих дальнейших планов. Строгие меры, установленные консульством, находят в монастыре толкователей в сутане, которые воздевают руки к небу, стенают от сострадания и извращают их смысл из-за чрезмерного сочувствия к тем, на кого они распространяются. На все бесчинства, вредные для нравственности и доброго имени русских поклонников, закрывают глаза, но, если вдруг проступок, кажется, дурно отразится на интересах синодального казначейства, требуют вмешательства консульства и прячутся за его спиной. О том, чтобы простить обиды, помиловать виновных и прочие евангельские истины, обязательные для Божьих людей, они забывают — за исключением той, что предписывает умыть руки и осудить меня перед лицом виновных, когда я являюсь восстановить порядок и дело заходит слишком далеко, так что я не могу уже отступить, не поправ достоинства возложенных на меня обязанностей».

Информация, собранная Доргобужинным, прямым образом дополняла рассказ начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме епископа Кирилла (Наумова). Его наблюдения были сделаны еще летом 1858 г. Донесение начальника Миссии поступило в Азиатский департамент МИД, оттуда было доставлено обер-прокурору Синода,

который в свою очередь счел необходимым познакомить с этой информацией министра внутренних дел Ланского⁸³. По своей собственной инициативе обер-прокурор предпринял ряд мер в пределах полномочий своего ведомства:

«Из сведений, доставленных Духовною Миссиею нашей в Иерусалиме, видно, что поведение некоторых из поклонников наших как светского, так и духовного звания крайне неодобрительно и, тогда как принадлежащие к более образованным классам общества обнаруживают или вольнодумство или пристрастие к иноверию, низший класс предается распутной и невоздержанной жизни, бродяжничеству и даже краже и буйству. Св. Синод по доведении о том до сведения его, признал необходимым принять меры по недопущению в Иерусалим духовных лиц неблагонадежного поведения, предписал епархиальным преосвященным строго наблюдать, чтобы из духовных лиц были увольняемы впредь на поклонение к святым местам те только, нравственное состояние коих совершенно им известно, и чтоб при отправлении увольняемых делалось было им пастырское внушение о важности предпринимаемого ими путешествия и о той ответственности, которой они подвергнут себя в случае если дойдут сюда сведения о неблагоприятных поступках их за границей; что же касается до лиц светского звания, отправляющихся в Иерусалим, то Св. Синод предоставил мне о всем вышеизложенном сообщить на усмотрение Вашего Высочайшего восходительства с тем, не изволите ли и Вы, Милостивый Государь, признать необходимым принять и в отношении их какие-либо меры из коих надежнейшею представляется поставление правилом, чтобы для простого народа не иначе были выдаваемы паспорта для отправления в Иерусалим как по предъявлении желающих туда отправиться свидетельств местных церковных причтов о ежегодном исполнении ими исповеди и причастия Св. Таинств, ибо нельзя ожидать чтобы того, кто не исполняет сего христианского долга, влекло в Иерусалим набожное чувство а не какие-либо житейские побуждения».

Ланской переправил бумаги Управляющему II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии барону М.А. Корфу, прося его высказать свои соображения, поскольку сам вероятно не имел по этому поводу какого-либо суждения. Ответ Корфа датирован 28 августа 1858 года за № 748.

⁸³ АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 7-7 об., 62. Копия с отношения г. обер-прокурора Св. Синода к министру внутренних дел от 5 августа 1858 г. № 5043.

«Нельзя утверждать, — заявил Корф, — что тех, кто соблюдает исповеди и причастие побуждало отправиться в Иерусалим именно набожное чувство. Тем более что предложение касается только простого народа, а не высшего класса общества и других сословий. Правильнее было бы пойти по пути Св. Синода и так же требовать от лиц, выезжающих за границу свидетельства об их благонадежности. Но и эта мера представляет разные затруднения. Проще всего для русских подданных, оказавшихся виновными в распутном поведении и бесчиниях, а тем паче в преступлениях, высылать из Иерусалима с означением в паспортах как причины их высылки, так и запрещения впредь их туда допускать»⁸⁴.

Как видно из последней цитаты для решения означенной проблемы в Министерстве внутренних дел были склонны уповать на действия консулов на Востоке, в то время, как и в Иерусалиме и в Константинополе предлагали начинать решать проблемы с паломниками еще в России. С последним был, кажется, согласен и обер-прокурор, но ввиду разногласий с Ланским, Толстой решил обратиться за поддержкой к А.М. Горчакову в МИД.

Мнение Корфа вместе со своим письмом обер-прокурор направил Горчакову 9 октября 1858 года⁸⁵. Горчаков ответил 23 октября 1858 года. Опытный чиновник хорошо знал бюрократические правила и не собирався учить жить других так же, как и не горел желанием усложнять жизнь своему ведомству. По его мнению, право принимать обеспечительные меры «принадлежит исключительно тем ведомствам, в ведомстве которых состоят эти поклонники»⁸⁶. «Что же касается до пребывающих за границу лиц, во время которого они могут состоять под наблюдением наших дипломатических агентов»⁸⁷, то для прекращения беспорядков, замеченных Духовной Миссией нашей в Иерусалиме, можно было бы принять по МИД следующие меры:

1. Поручить консульствам нашим в Сирии и Палестине, чтобы они имели попечение по мере возможности о поклонниках в этом крае находящихся, и поставляли бы им, когда признают это нужным на вид необходимость воздерживаться от всего, что могло бы дать повод к нареканиям.

2. Предоставить сим консульствам согласно заключения г. Управляющего II Отделением Собственной Его Императорского Величества

⁸⁴ Там же. Л. 61 об.

⁸⁵ Там же Л. 9.

⁸⁶ Там же. Л. 10.

⁸⁷ Выделенная курсивом фраза зачеркнута в тексте.

канцелярии действительного тайного советника барона Корфа право удалять из Иерусалима и святых мест русских поклонников, которые замечены в зазорном поведении с означением при том в паспортах причины их высылки»⁸⁸. При этом Министерство иностранных дел обязывалось информировать о высланных паломниках те ведомства, к которым таковые относятся.

Министр внутренних дел Ланской сообщил Горчакову 15 апреля 1859 года, что и он сам, и обер-прокурор Толстой, считают меры, предложенные Горчаковым вполне достаточными⁸⁹. Таким образом в результате почти полугодового обсуждения вопроса, синклит трех министров принял соломоново решение: ничего не менять по существу.

В то время, о котором идет речь, вопрос о святых местах, ставший поводом для Крымской войны, приобрел в российском истеблишменте новое звучание. Национальное унижение, результат проигранной войны, требовало компенсации, хотя бы в коллективном сознании российского общества. В этих условиях проблема организации русского паломничества в Святую Землю из сугубо прагматической стала идеологической. Оказалось, что такая трансформация не требует серьезных усилий. Достаточно было объявить паломничество сферой национальных интересов государства, которое было обязано заботиться о защите и благополучии своих граждан так же, как это делают другие правительства. А поскольку новый национальный проект требовал координации действий нескольких ключевых министерств империи, был создан новый орган: Палестинский комитет, деятельность которого контролировал лично император, а возглавлял брат царя великий князь Константин Николаевич. Благодаря этому Комитет сразу получил статус надпривительственной организации, а его решения, после утверждения императором, становились обязательными для исполнения.

Именно комитет нашел финансирование на содержание штата русского консульства в Иерусалиме, поскольку министр иностранных дел ссылаясь на отсутствие у него средств для открытия там дипломатического представительства. Избранный формат для деятельности Палестинского комитета оказался очень эффективным, не смотря на холодность, с которой следили за этим выскочкой в других министерствах. Ничего подобного раньше не удавалось сделать ни дипломатам, ни Церкви. За четыре с небольшим года своего существования (1859–1864) Палестинский комитет наладил регулярное пароходное

⁸⁸ Там же. Л. 10 об., 60.

⁸⁹ Там же. Л. 11–11 об.

сообщение от Одессы до Яффы, сумел создать необходимую инфраструктуру для приема и размещения паломников от Яффы до Иерусалима, приобрел первые земельные участки в Святой Земле, на которых в будущем предполагалось создавать паломнические центры и развивать собственно российские системы коммуникации⁹⁰. В самом Иерусалиме, возле Яффских ворот, был построен целый русский город, прозванный местными арабами — Москобией. Обнесенный стеной, он включал здание Русской Духовной Миссии с домовою церковью, пятиглавый Троицкий собор, больницу, мужской и женский приюты для паломников, здание для консульства, помещение для драгомана и канцелярии.

Однако деятельность Палестинского комитета вызвала ревность и серьезное противодействие А.М. Горчакова. Приданные Русской Духовной Миссии от Министерства иностранных дел еще при ее создании слишком обширные полномочия и завышенный статус начальника Миссии спровоцировали епископа Кирилла на открытый конфликт с деятелями Палестинского комитета в Иерусалиме: консулом В.И. Доргобужинным и управляющим комитетом Б.П. Мансуровым. В итоге сложной бюрократической интриги, жертвой которой стали и консул Доргобужиннов, и епископ Кирилл, и даже великий князь Константин Николаевич, Палестинский комитет в 1864 г. был ликвидирован, а его функции по управлению русским недвижимым имуществом на Востоке перешли к Палестинской комиссии, которая вошла в состав Азиатского департамента МИД и подчинялась его начальнику. Всё вернулось туда же откуда, казалось бы, только что ушло. Проблемы русских паломников опять были подвешены между МИДом и Синодом, а сложности во взаимодействии между российскими властями способствовали успешным интригам греческого духовенства в Иерусалиме.

Вопрос о русской колонизации Палестины: 1860-е–1870-е гг.

Тем временем паломничество из России в Палестину постепенно разрасталось. Деятельность консульства, Русской Духовной Миссии, Палестинской комиссии объективно способствовали увеличению числа паломников в Иерусалиме, а отношение к этому явлению государства

⁹⁰ Например, в Кайфе был приобретен участок на побережье, где предполагалось устроить порт для приема русских паломнических и торговых кораблей.

оставалось традиционно благожелательным. Нужно указать и на еще одну традицию, немаловажную для описания общей картины. Замечали негативные стороны в русском паломничестве и выдвигали предложения по их устранению только те, кто работал в Святой Земле или вообще на Востоке и напрямую сталкивались с богомольцами. К ним можно отнести посольство и консульство в Константинополе, консульство и Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, а также некоторых великосветских паломников из России. В Петербурге русское паломничество рассматривали сквозь призму важной для страны идеологии и отказывались как-либо ограничивать его популярность на территории России, предоставляя решать проблемы тем, кто сталкивался с ними на местах.

А на местах старые проблемы иной раз приобретали новые формы и очертания. В 1871 году консул в Иерусалиме В.Ф. Кожевников, представляя в Палестинскую комиссию статистический отчет о посетивших Святую Землю в 1870–1871 году паломниках, поднял вопрос о новом явлении — колонизации русскими паломниками Иерусалима. Речь шла о том, что значительное число, в первую очередь паломниц, покупали у Патриархии право пожизненного проживания в греческих монастырях. При этом такие паломницы полностью выходили из-под контроля и российского консульства и Русской Духовной Миссии, хотя могли оказывать влияние на паломников, проживавших на Русских постройках. Патриархия это поощряла. Через таких «духовных дочерей» греческое духовенство напрямую, минуя российские власти, получало пожертвования и информацию из России и пыталось противодействовать деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Колонизация русскими паломниками Святой Земли — явление еще не изученное, поэтому стоит немного остановиться на нем. Собственно колонизация Палестины выходцами из Европы началась довольно давно и естественным образом распадалась на два направления: колонизация Обетованной земли иудеями с одной стороны и христианами различных конфессий и наций с другой⁹¹. В данном случае религиозный мотив был важной составляющей, именно поэтому мы делаем на нем такой акцент. Среди представителей европейских христиан можно также заметить два принципиальных отличия. Православные и католики имели в Палестине исторические корни и держались за существующие

⁹¹ Чтобы не углубляться в проблему, мы пока не будем рассматривать представителей других древних не православных Христианских Церквей: армян, коптов, абиссинцев, сириан и т. д.

церковные структуры, такие как Греческая Патриархия и францисканский Орден Хранителей Святой Земли. Долгое время и для католиков и для православных эти религиозные общины олицетворяли собой принцип церковного единоверия без национального различия.

Европейские христиане-протестанты, отколовшиеся от Католической Церкви, утратили и свои исторические корни в Святой Земле, и право на общее наследие. Кроме этого, специфика протестантской религиозной доктрины вообще отвергала возможность поклонения святыням. Святая Земля для них не могла быть местом поклонения, но могла стать местом проповеди Евангелия нехристианскому населению края. Поскольку за проповедь христианства среди мусульман и особенно за крещение мусульман в Османской империи полагалась смертная казнь, открытыми для деятельности протестантских миссионеров оставались палестинские иудеи и христиане. Для этого в Иерусалиме учреждаются первые протестантские церковные структуры.

Однако для населения протестантских стран открытие миссионерских представительств мало что меняло. Религиозное стремление увидеть землю, где жил Иисус Христос, память об историческом прошлом, о Крестовых походах и древних паломничествах была жива среди населения католической Европы. «Из Франции, Бельгии, Сардинского королевства и католических земель Германии, от Папского престола в Сирию и Палестину поступали народные милостынные сборы и значительные пожертвования»⁹². Противоречивая информация о бедственном положении Палестины, убожестве и запустении Иерусалима, о котором говорили проповедники, иллюстрируя этим слова Писания о наступивших последних временах — всё это побуждало выходцев из протестантских стран отправляться в евангельскую страну, чтобы увидеть ее своими глазами. Очень скоро в Палестине стали появляться национальные сельскохозяйственные общины протестантов. Поселяне их стремились соответствовать собственным религиозным убеждениям, рассчитывали своим трудом вернуть жизнь в страну, некогда процветающую и счастливую. Их защиту и право экстерриториальности гарантировали им их государства и их дипломаты. Так складывалась специфическая производственная инфраструктура протестантских колоний в Святой Земле.

В случае с русскими православными паломниками ничего подобного быть не могло. Правительство никогда не поощряло идею поселения русских подданных в Святой Земле. В пределы Османской

⁹² Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М., 2013. С. 305.

империи бежали как раз те, кого в России преследовали: старообрядцы-некрасовцы, польские националисты, дезертиры и т. п. В создании независимой русской колонии в Иерусалиме не были заинтересованы и греки. Но они разрешали русским селиться в своих монастырях за деньги и при условии безусловного контроля над ними со стороны греческого духовенства. Именно об этом явлении доносил в Палестинскую комиссию консул Кожевников.

Однако Кожевников не заметил того, что увидел начальник Духовной Миссии архимандрит Антонин (Капустин). Консул считал, что поселившимися в Иерусалиме паломниками руководит корыстный мотив и склонность к распущенности. Возможно, со своей стороны, он даже был прав. Но у этого явления были совершенно иные религиозные мотивы, которые консул просто не принимал в расчет: желание остаться в Святой Земле, потому что всё здесь приобрело новый смысл, жизнь начинала новый отсчет, а сам паломник переставал принадлежать кому-то, кроме себя самого. Личность немедленно отделялась от государства, религиозность каждого переставала быть коллективной, обязательной. Когда приходило понимание произошедшей перемены — возникал сильный соблазн остаться или хотя бы иметь возможность всё время возвращаться сюда.

Архимандрит Антонин не считал русское паломничество в Святую Землю национальной идеей и потому считал деятельность Палестинской комиссии бесполезной по сути, и вредной по существу. У него в жизни была совершенно иная мечта, практически сверхзадача. Он хотел основать Русскую Палестину как религиозную общину Святой Земли, такую же, какими были орден францисканцев и православное братство Святого Гроба. Последнее, согласно Антонину, просто присвоило себе древний титул Иерусалимской Церкви: на деле же православный монастырь храма Гроба Господня мало чем отличался от Ордена Хранителей францисканцев, разве что был заражен греческим национализмом, и потому не представлял из себя собственно Церкви⁹³.

В этих суждениях архимандрита Антонина содержится упрек греческому духовенству Палестины, ограничившему круг своей деятельности задачей удержания святых мест в собственности православной общины и растерявшей собственно Иерусалимскую Церковь, т. е. свою

⁹³ Подробно о взглядах Антонина (Капустина) на греческую Иерусалимскую Патриархию см.: Вах К.А. Борьба за Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме: эпоха архимандрита Антонина (Капустина). 1865–1894 гг. // К.П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. М., 2017. С. 505–508.

православную паству, местное православное население. Взгляд этот был провидческим, поскольку теперь, почти через 150 лет, в центрах, где по традиции большинство населения составляли православные арабы, как, например, в Вифлееме и Назарете, процент их сократился катастрофически и продолжает снижаться, перейдя за необратимую черту.

Когда о. Антонин понял, что позиция греческого святогробского духовенства осознанная и неизменная, и что сами они являются заложниками чуждой принципу церковной соборности идеи панэллинизма, появился его совершенно автономный проект русского церковного пространства в Иерусалиме и Палестине. Заметим, не представительства Русской Церкви при Патриархе Иерусалимском, а экстерриториального русского церковного пространства, населенного российскими монастырскими общинами. Именно так он решал вопрос колонизации русскими паломниками Святой Земли⁹⁴. О каноничности и законности такого пути мы говорить не будем, но по факту в результате его деятельности и при его жизни и уже после его смерти, в Святой Земле появилось несколько крупных российских монастырей и созданы все необходимые инфраструктурные условия для создания новых. Правда, Антонин не мог предвидеть столь сильных геополитических изменений в мире, в силу которых этот процесс затормозился.

Мы коснулись истории колонизации Палестины так подробно специально, чтобы показать его значение для судеб православия в Святой Земле; значение, которое, похоже, мало кто из современников о. Антонина понимал. Российские власти видели в каждом конкретном случае скрытое неповиновение российских подданных своему правительству или лазейку для их фактического перехода в другую церковно-политическую юрисдикцию. В Петербурге не без основания опасались активизации бесконтрольного сбора пожертвований на Гроб Господень в России при помощи подобных русских агентов греческого духовенства. Контроль за средствами Иерусалимской Патриархии, которые поступали из России, был единственным инструментом давления на греков, оставшимся в руках российского правительства после поражения в Крымской войне.

Палестинская комиссия, получив отчет Кожевникова от 10 августа 1871 г. № 287, действовала в духе всех ведомств Российской империи. Сочтя, что проблема колонизации не может быть сферой ее ответственности «так как описанные консулом нашим явления в среде паломников, происходят не в тех странноприимных заведениях, которые находятся под ее непосредственным наблюдением, а сосредотачиваются

⁹⁴ Там же. С. 522–528.

главнейшим образом в местных греческих монастырях»⁹⁵, комиссия передала этот вопрос в Азиатский департамент МИД.

Правда Б.П. Мансуров, управлявший комиссией после расформирования Палестинского комитета, по-видимому, помог начальнику департамента сформулировать основные предложения по решению этого вопроса. По сути он попытался сделать пугало для Патриархии, заявив о том, что русские паломницы, живущие у греков, на имя которых приходят пожертвования из России, будут тратить их на собственные нужды и тем самым могут пострадать финансовые интересы греческого духовенства.

В остальном позиция Азиатского департамента отражала общую позицию правительства в отношении поклонников: административные или полицейские меры в России к ним применять невозможно, поскольку такие шаги правительства будут крайне отрицательно восприняты обществом. «Для многих лиц, не знающих истиной сути дела, эти меры могли бы показаться несоответствующими нравственному чувству и посягательством на свободу совести в деле религиозном»⁹⁶. Единственным средством остается нравственное убеждение паломников уже в Иерусалиме, «объясняя им бесплодность того нравственного подвига, на который они обрекают себя, а также безнравственность поступков их относительно сборов в России подаяний, которые они обращают на собственное свое содержание, вместо того, чтобы доставлять их всецело по назначению»⁹⁷. «Нравственное убеждение паломников», а точнее паломниц, предлагалось возложить на начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина), который по словам директора департамента П.Н. Стремоухова «обрашает мало внимания на эту сторону его деятельности»⁹⁸.

Предложения Стремоухова были попыткой переложить ответственность за всё, что происходит с паломниками в Иерусалиме на ведомство Св. Синода и Духовную Миссию в Иерусалиме. Посол России в Константинополе Н.П. Игнатъев, которому Стремоухов направил свои соображения 8 января 1872 года, раскритиковал этот подход в ответном отношении от 8 февраля 1872 года. «Нельзя в самом деле рассчитывать на успех нравственного назидания со стороны начальника Духовной Миссии нашей, так как поклонники, остающиеся в Иерусалиме на постоянное

⁹⁵ АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 11. Л. 1-1 об.

⁹⁶ Там же. Л. 1 об.

⁹⁷ Там же. Л. 2.

⁹⁸ Там же.

жительство, проживают вне всякого надзора Миссии и духовниками своими имеют лиц из местного духовенства; притом побуждение о. Антонина объяснять поклонникам бесплодность нравственного подвига, на который они себя обрекают — зависит не от императорского посольства, а от Святейшего Синода нашего. Что же касается переговоров с Иерусалимским Патриархом, касательно запрещения с его стороны нашим поклонницам селиться на постоянное жительство в греческих монастырях, то можно наперед быть уверенным что мы не сумеем убедить Его Блаженство и что настояния наши послужат лишь к возбуждению неудовольствия греческого духовенства и к распространению между нашими поклонниками различных неблагоприятных толков»⁹⁹.

«Зло», как именует Игнатьев проблемы русского паломничества, в том числе имея ввиду и его нравственную деградацию, происходит не от поселения «50-ти или 60-ти русских в Иерусалиме»¹⁰⁰. Его причина кроется в ежегодном бесконтрольном увеличении числа поклонников, в отсутствии помещений для них на Русских постройках, которыми управляет Палестинская комиссия, в общем низком нравственном уровне паломников, их нищете и необразованности. «Следя на месте за поклонническим делом и всматриваясь в некоторые прискорбные проявления благочестивого, но по большей части ложно понимаемого народными массами, желания посещать христианские святыни, легко понять, что при указанных выше условиях поклонничество сопряжено со вредными последствиями и что было бы полезно положить преграду дальнейшему его развитию, не сосредоточивая исключительно внимания почти на неизбежное последствие одного — поселение нескольких русских в Палестине»¹⁰¹.

Все эти проблемы, и даже более подробно, уже были описаны начальником Русской Духовной Миссии о. Антонином. На основании его «Записки» Игнатьев еще 28 мая 1868 года отправил в Азиатский департамент свои предложения, сводящиеся к нескольким пунктам: «1) при выдаче заграничного паспорта поклонникам отбирать от них потребную на путевые расходы сумму денег (не менее 100 руб.), которую препровождать нашему консульскому агенту в Яффе для обеспечения каждом поклоннику средств к существованию в Палестине и возвращению на родину; 2) выдавать пропускные билеты для проезда в оба конца с объяснением, что они могут иметь силу лишь в течение определенного времени, необходимого для посещения святых

⁹⁹ АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 12, 14-14 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 15.

¹⁰¹ Там же. Л. 16-16 об.

мест; 3) ограничить срок всякого поклоннического паспорта двумя, тремя, много шестью месяцами; тем из поклонников, которые не выедут в срок объявлять, что проживая в Иерусалиме известное число месяцев свыше срока означенного в паспорте (например три месяца), без законной причины, как то — болезни, они лишатся права на русское покровительство; наконец, 4) для прекращения разных злоупотреблений, указанных о. Антонином, не давать вторичного позволения на поклонническое странствие в Иерусалим лицу уже посетившему святые места, прежде истечения известного срока»¹⁰².

Предложения Игнатьева, сделанные в 1868 году, остались без последствий, и он, пользуясь случаем попробовал вновь возбудить тот же самый вопрос об ограничениях паломничества на государственном уровне или о принятии хоть каких-то мер «в том же смысле для возвращения русскому поклонничеству того нравственного значения, которое оно утрачивает»¹⁰³.

Эпилог

К сожалению, камнем преткновения, на котором заканчивали свою судьбу все поступавшие в Петербург с Православного Востока предложения, служило почти сакральное отношение к паломничеству со стороны государства. Паломники представляли собой религиозную основу верховной власти в России, ту мистическую живую среду, из которой вырастали Церковь и государство. Ограничивать его не решались. Правительство блокировало все предложения по ограничению паломничества в России, предлагая дипломатам и духовенству бороться с негативными явлениями на местах. За 50 лет, которые мы попытались охватить в настоящей статье, т. е. с 1820-х по 1870-е гг. включительно справиться с негативными проявлениями в паломнической среде не удавалось. Нужен был какой-то иной, новый инструмент, который мог обеспечить реформирование паломничества, не подставив под удар общественной критики чиновников и государственную власть. Таким инструментом стало, по сути воссоздание в 1882 г. Палестинского комитета, но в новом образе неправительственной общественной организации Православного Палестинского Общества под председательством брата следующего русского царя — Великого Князя Сергея Александровича.

¹⁰² Там же. Л. 17–17 об.

¹⁰³ Там же. Л. 19.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сопроводительное письмо
А.П. Бутенева — К.В. НессельродеПера
№ 26

6/18 февраля 1840 г.

Ваше Сиятельство.

Консул Базили только что направил мне донесение из Бейрута, датированное 21 декабря / 2 января за № 24, в котором он обращает мое внимание на срочную необходимость провести ремонтные работы в монастырях Иерусалима, которые должны принимать наших поклонников. В самом деле, складывается впечатление, что в нынешнем состоянии эти здания не могут даже предоставить богомольцам достаточного укрытия от непогоды, а посему просто необходимо провести починки. Г-н Базили пускается в своем донесении, копию которого я имею честь приложить, в рассуждения, которые, как я надеюсь, заслужат внимания Вашего Сиятельства. Граф Медем, которому г-н Базили также представил свои проекты, со своей стороны их полностью одобряет и настоятельно мне их рекомендовал. Наш консул в Бейруте предлагает два выполнимых плана, как я должен полагать на основании его глубокого знания местности и ресурсов этого края. Со своей стороны, я между тем полагаю, что первый и наиболее простой из них предпочтительнее, и что полного ремонта двух монастырей, Св. Феодора и Св. Авраама, было бы достаточно, чтобы обеспечить нашим паломникам крышу над головой и удобства, которых они могут справедливо ожидать. Никоим образом не предвосхищая решения Императорского министерства, я ограничился тем, что передал г-ну Базили, что представил Вашему Сиятельству его донесение и дождусь распоряжений, которые Вашему Сиятельству будет угодно сделать. Осмеливаюсь надеяться, что Ваше Сиятельство сооблаговолит вскоре сделать так, что я смогу ответить г-ну Базили, тем более, что будет невозможно слишком быстро принять меры, цель которых состоит в том, чтобы сократить многочисленные лишения, которым подвергаются благочестивые люди, посещающие Святые места.

С глубочайшим почтением и искренней преданностью имею честь оставаться Вашего Сиятельства покорнейшим и смиреннейшим слугою,
А. Бутенев

Копия донесения К.М. Базили А.П. Бутеневу

Бейрут
№ 24

21 декабря / 2 января 1839/1840 г.

В исполнение распоряжений, содержащихся в письме, которое Ваше Превосходительство сооблаговолило отправить мне 27 мая / 8 июня сего года, за № 346, относительно учреждения приюта в одном из иерусалимских монастырей для наших поклонников обоего пола, во время своего пребывания в этом городе я собрал необходимые сведения, которые считаю нужным дополнить полученными в дальнейшем справками и обогатить многочисленными примерами приезда наших поклонников и последствиями принятых мною мер для того, чтобы обеспечить соблюдение ими порядка во время пребывания в Иерусалиме, а также преимуществ, полученных ими в результате заботы со стороны нашего правительства.

Спешу предложить вниманию Вашего Превосходительства резюме своих наблюдений на этот счет.

В самом городе Иерусалиме православное духовенство владеет десятком монастырей. Все эти сооружения обветшали, а большая часть разваливается на глазах. Запрет на всякую починку с мусульманского завоевания до реформ, проведенных последним Султаном, а также безденежье православного монастыря в последние два десятка лет достаточно объясняют это запустение церковного имущества. В прошлом греческое духовенство в Иерусалиме было очень многочисленно, но преследования, которым оно подвергалось с 1821 года до Адрианопольского мира, значительно сократили его численность. Пребывающие в Иерусалиме епископы и все служители храма проживают в самом монастыре Св. Гроба или в патриаршей обители, в то время как остальные практически пустуют, не имея в отсутствие поклонников иных монахов, кроме настоятеля или сторожа. В монастырях, предназначенных для женщин, есть несколько русских, греческих, валашских и сербских монахинь, число коих равняется двум десяткам на три монастыря.

Таким образом, единственная польза от всех этих строений, содержание которых, между тем, требует больших расходов, заключается в том, чтобы предоставлять ночлег поклонникам на протяжении нескольких месяцев в году. Их там селят за добровольную плату, которая обычно не превышает 50 пиастров для тех, кто договаривается между собой занять одну комнату в числе, установленном церковными властями. Впрочем, эти комнаты есть не более, чем едва ли пригодные для жилья сараи,

особенно зимою, суровость которой живо ощущается в этом горном районе. Монастырь Св. Феодора, считающийся одним из лучших и занимаемый до моего приезда нашими поклонниками обоего пола, а в настоящее время одними мужчинами, так же обветшал, как и другие, как и монастырь Св. Авраама, который с недавних пор предназначен для приема русских поклонников, в соответствии со временно введенными мною мерами, которые я имел честь изложить Вашему Превосходительству в своем предыдущем донесении от 9/21 октября сего года за № 11.

Среди поклонников всех наций наши, несомненно, являются теми, кто больше всех страдает от дурного состояния жилья. Закаленные северной зимой, они, однако, привычны к хорошо отапливаемым домам у себя на родине, тогда как в этих иерусалимских монастырях они едва укрыты от ветра и снега, а отапливать их невозможно, даже если бы к тому были средства.

Посему человечность, равно как национальная гордость, делают достойным забот Вашего Превосходительства вопрос о незамедлительном улучшении этого положения вещей.

Самое простое и самое надежное средство достичь этой цели, которое не повлекло бы за собой бесчисленных затрат и неудобств, связанных с каким-либо имуществом нашего правительства в Иерусалиме, заключается, как я полагаю, в том, чтобы произвести починки и необходимые улучшения в двух монастырях Св. Феодора и Св. Авраама, которые таким образом предназначались бы исключительно для приема наших поклонников обоего пола и находились бы под особым присмотром нашего консульства.

Если вместо одного приюта, как сказано в вышеуказанном письме Вашего Превосходительства, я беру на себя смелость предложить два, так это потому, что необходимость полностью разделить два пола в Иерусалиме становится очевидной после фактов, которые я имел честь сообщить Вашему Превосходительству в вышеназванном донесении от 9/21 октября за № 11 и, несмотря на все встреченные мною до сих пор трудности при введении нового порядка среди наших паломников, я почти уверен, что мало-помалу добьюсь результата со всею осторожностью, которой требует, как опыт, так и слабое управление православного духовенства.

Я сам осмотрел два вышеуказанных строения настолько тщательно, насколько было возможно, однако не пускался в бессмысленные толки, которые непременно пересказывались бы в городе, где рвение различных христианских обрядов к постройкам зачастую превращается в источник споров и судебных тяжб и всегда разжигает взаимную ревность.

Я также выяснил компетентное мнение церковнослужителей, которые руководили строительством, предпринятым монастырем в разные периоды, и я не преминул собрать необходимые сведения о ценах на материалы и рабочую силу в Иерусалиме. Из сего следует, что обязательные расходы на починку двух монастырей составят 35 тысяч турецких пиастров, две трети этой суммы пойдет на починку дверей и изготовление стеклянных окон, которых обычно лишены иерусалимские монастыри.

Таким образом, два отремонтированных здания смогут предоставить удобное, чистое и здоровое жилье для всех наших поклонников, число которых обыкновенно достигает 150 мужчин и 100 женщин. Что касается благородных путешественников, которых благочестие призывает в Иерусалим, то они помещаются в хорошо поддерживаемом и недавно отремонтированном на средства монастыря приюте, который предназначен для их приема наподобие приюта при латинском монастыре этого города.

Подобные ремонтные работы могут быть проведены следующим летом.

Было бы излишним утверждать, что у нашего правительства будут все законные гарантии использования выделенных для этой цели средств. Между тем, поскольку обязанности моей должности, несомненно, не позволят мне инспектировать работы и у меня нет необходимого опыта в предприятиях такого рода, это неудобство можно было бы исправить с помощью комиссии, состоящей из епископа и двух других членов, также избранных из духовенства, выбор которых одобрил бы г-н граф Медем, который прекрасно знает православное духовенство Иерусалима. Я в таком случае оставлю за собой надзор на местах за всеми расходами, обстоятельное и подтвержденное документами, состояние которых будет представлено императорской миссии.

Впрочем, принимая во внимание огромные суммы, ежегодно уходящие на нужды Св. Гроба в Иерусалиме, и еще более — готовность православного духовенства дать свидетельства своей преданности России за великодушное покровительство, которое оказывает ему наше правительство, можно быть уверенным, что св. отцы-управляющие сами приложат всё свое внимание и самое бескорыстное усердие для попечения об этом благочестивом начинании.

Когда проект ремонта двух монастырей будет окончательно составлен, прежде чем перейти к его исполнению, будет крайне важно засвидетельствовать в законной форме перед судом мехкеме¹⁰⁴ документы

¹⁰⁴ Духовный суд.

на владение церковной собственностью, чтобы на будущее исключить возможное оспаривание, и в том же суде мехкеме заключить договор с монастырем, чтобы гарантировать наши права в такой форме вечной арендной платы, которую мусульманский закон признает применительно к церковной собственности.

Я изложил св. отцам-управляющим этот проект лишь в общих чертах, однако, судя по объяснениям, которые они сооблаговостили мне дать, я имею основания надеяться, что не встречу с их стороны никаких препятствий для того, чтобы заключить с монастырем договор, чтобы гарантировать на будущее наши права на оба монастыря, которые будут отремонтированы на средства нашего правительства.

Положения такого договора были бы следующими:

1. Поскольку необходимые починки будут сделаны за наш счет, оба монастыря будут предназначаться исключительно для русских паломников.

2. В случае если бы остались свободные квартиры после того, как все русские поклонники будут удобно размещены, их уступили бы только довольно благородным поклонникам, которые бы полностью удовлетворяли требованиям, применяющимся к русским поклонникам.

3. Арендная плата будет установлена для каждой квартиры, в зависимости от числа человек, которых она может вместить, и, чтобы предупредить любые злоупотребления со стороны ответственных лиц монастыря и возможные жалобы со стороны наших поклонников, обстоятельное описание квартир и цен на русском языке, утвержденное консульством, будет храниться у ответственных лиц обоих монастырей, которые ни в коем случае не должны будут требовать у наших поклонников больше установленной таким образом платы.

4. Поскольку починки и улучшения в двух монастырях обеспечиваются исключительно заботой нашего правительства о поклонниках нашей Империи, они должны быть предоставлены им в пользование и цены на жилье не могут быть подняты. Таким образом, нынешняя цена в 50 пиастров на человека за всё время паломничества станет основанием для установления планируемых цен на отремонтированное жилье.

5. Монастырь обязуется бесплатно селить самых неимущих из наших поклонников. На самом деле, это практикуется и сегодня, между тем, вероятно, будет нелишним по такому случаю закрепить этот обычай в качестве принципа на будущее.

6. Починки, которые понадобятся в будущем для поддержания здания и террас, внутренних и внешних, на куполах и цистернах, будут производиться за счет монастыря, а починки случайных

поломок — поклонниками или любыми другими их виновниками, консульство берет на себя только побелку стен и некоторые другие мелкие починки время от времени.

7. Утварь, необходимая для обоих приютов, как скатерти, обычная мебель, матрасы и несколько ящиков (всё приблизительно на сумму в 4–5 тысяч пиастров), которую консульство передаст ответственным лицам в обоих монастырях, будет рассматриваться как собственность консульства и ни в коем случае не может быть использована не по своему первоначальному назначению.

Как только эти основные положения договора будут утверждены императорской миссией, в дальнейшем их можно будет изложить более развернуто.

Кроме того, будет также весьма полезно подготовить обстоятельные правила поведения наших поклонников во время их пребывания в Иерусалиме и полицейские меры, безотлагательность коих очевидна. Действительно, с тех пор, как эти меры были предварительно введены во время моего пребывания в Иерусалиме и изложены в моем донесении за № 11, в их среде не произошло ничего возмутительного, а строгости, применявшиеся вплоть до этого дня, ограничивались высылкой одной поклонницы, которая, впрочем, сама чувствовала необходимость уехать, и заключением одного типа в келье на 24 часа. Между тем такое положение дел носит характер временный. До сих пор я мог лишь радоваться прекрасной покорности наших поклонников и соблюдению ими предписаний консульства. К сожалению, иначе обстоит с предписаниями духовных властей, которые также имеют отношение к поддержанию порядка. Отнести это можно лишь на счет неопытности греческого духовенства, совсем не знающего наш народ, его мысли, привычки, взгляд на вещи, равно как и на счет самодовольства поклонников всех национальностей, проистекающего из того факта, что они делают пожертвования духовенству. Само благочестие порой сбивает этих людей с верного пути и склоняет к беспорядкам. Поэтому совсем недавно мне пришлось написать письма по-русски, чтобы с помощью увещаний, советов и угроз помешать им предпринять в этом году паломничество на гору Синай из-за политических обстоятельств в Сирии и убедить их дожидаться распоряжений монастыря относительно безопасности паломничества в Назарет и к Мертвому морю. Особые правила на русском и греческом языке, составленные в консульстве, и размещенные в монастыре Св. Гроба много способствовали бы поддержанию порядка, служили бы образцом поведения для паломников, а церковные власти почерпнули бы там принцип заботы и мирского

надзора, которые этим властям пришлось бы осуществлять, пока у нас нет представителя в Иерусалиме.

Таким образом, предлагая Вашему Превосходительству сведения, которые вы соблаговолили затребовать, о возможности устройства приюта в Иерусалиме, я посчитал необходимым присовокупить к ним сведения о мерах, которые следует принять для поддержания порядка среди наших поклонников. К тому же, два эти вопроса, внешне различные, связаны друг с другом и лучше всего могут быть рассмотрены лишь вместе.

Если Ваше Превосходительство соблаговолит одобрить изложенные здесь принципы, ожидая ваших дальнейших распоряжений о выделении необходимых средств, я приступлю к составлению упомянутых правил, которые также буду иметь честь представить на ваш суд, и поручу унтер-офицеру Туманову, которого я поместил здесь за комиссара полиции для наших поклонников — на счет него я имел честь сообщить Вашему Превосходительству в моем донесении № 11 — остаться в Иерусалиме, чтобы со скорым приездом поклонников исполнять обязанности, которые он уже исполняет с большим усердием, а станет еще лучше, благодаря опыту, приобретенному в этом году. В таком случае я буду также ходатайствовать о назначении ему скромного содержания из средств, выделяемых на помощь поклонникам, которые в этом году будут весьма мало израсходованы ввиду принятых мною мер. Также было бы справедливо и необходимо после Пасхи ассигновать в счет чрезвычайных расходов вознаграждение от 300 до 400 турецких пиастров монаху из монастыря, который хорошо говорит по-русски и которому св. отцы-управляющие поручили вести все дела наших поклонников. В этом году в Иерусалиме, как и во всей Сирии, много болезней. Из наших поклонников скончались двое. Выздоровление других, в их числе офицера в отставке, ветерана 1812 года, произошло во многом благодаря усердию и бескорыстным заботам этого монаха.

Дабы дополнить сведения, содержащиеся в этом донесении, считаю своим долгом сообщить Вашему Превосходительству два следующих факта:

1. В случае, если наше правительство будет расположено ассигновать на сооружение приюта в Иерусалиме значительную сумму вместо восстановления двух монастырей, Св. Феодора и Св. Авраама, которые никогда не будут выглядеть красиво, было бы возможно заново отстроить один из совершенно разрушенных монастырей. На это потребовалось бы не менее полумиллиона пиастров.

2. Помимо поклонников, которых благочестие ежегодно влечет в Иерусалим, там проживает несколько монахов и монахинь. Ссылаясь на то, о чем я имел честь докладывать Вашему Превосходительству на их счет в своем вышеупомянутом донесении за № 11, беру на себя смелость добавить, что одной из самых действенных мер для достоинства имени России в Иерусалиме было бы собрать вместе всех этих монахинь в одном из женских монастырей и ввести там строгую дисциплину, которая соблюдается в таких благочестивых заведениях в России, и впредь не позволять русским монахиням или называющимся таковыми проживать в иных местах, кроме этого монастыря.

Если Ваше Превосходительство соизволит уделить некоторое внимание последнему соображению, я почту за честь изложить его подробнее.

Также направляю копию сего донесения г-ну графу Медему, который, возможно, соизволит высказать свое компетентное мнение об изложенных здесь фактах и который, пользуясь полным доверием православного духовенства Иерусалима, сможет способствовать преодолению возможных трудностей при исполнении сего плана.

Имею честь оставаться и пр.

АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 5. Л. 34–47.

Перевод с франц. И.К. Мироненко-Маренковой

О монастырях, назначенных в Иерусалиме для помещения поклонников.

На подлинном собственною
Его Императорского Величества
рукою написано: и с п о л н и т ь.

В С. Петербурге
Апреля 30 дня 1840.

При отправлении отсюда вновь назначенного в Палестину консулом кол<ежского> сек<ретаря> Базили, вменено ему было в непременную обязанность собрать достоверные сведения о положении подданных империи, ежегодно приходящих на поклонение святым местам. Во исполнение сего консул Базили немедленно по прибытии к своему посту отправился в Иерусалим и нашел там довольно значительное число поклонников наших. Все они помещены были без различия

пола в отведенном для сего греческим духовенством монастыре св. Феодора; платили за то весьма умеренную цену, а неимущие получали не только квартиру, но и содержание безденежно. Заботясь таким образом о доставлении богомольцам нашим пристанища, старшины православного духовенства в Иерусалиме не имели ни власти ни довольно твердости для соблюдения между ними в отсутствие консула нашего, порядка и благочиния, [ибо в глубокой преданности и признательности к высочайшему двору они боялись навлечь на себя неудовольствие укрощением своеволия и предосудительных поступков некоторых поклонников]¹⁰⁵. Поклонники, живя все вместе, нередко позабывали благочестивую цель совершенного ими пути и поведением своим подавали повод к соблазну и помрачению имени русского, тем более что к ним присоединялись люди без надлежащих видов, беглые солдаты и праздношатающиеся. По личному убеждению, и объяснениям греческого духовенства, консул Базили утвердился в мысли что существенною причиною происходивших беспорядков было помещение всех вообще поклонников в одном и том же монастыре и неимение за ними надлежащего надзора. Приняв в руководство данные его предместнику неоднократные предписания о совершенном отделении в Иерусалиме мужчин от женщин, кол<ежский> сек<ретарь> Базили решился немедленно привести меру сию в исполнение. А как греческому духовенству принадлежат весьма многие монастыри, остающиеся незанятыми, то по его настоянию отведен для помещения поклонниц монастырь св. Авраама, смежный с храмом Гроба Господня и представляющий то важное удобство, что живущие в нем могут сообщаться с церковью и не имея надобности проходить по улицам весьма опасным во время заразы.

Переведя в оный женщин, консул Базили оставил мужчин в монастыре св. Феодора и избрав из среды их отставного гвардейского унтер-офицера Туманцева, известного своею доброю нравственностью и благочестием, поручил ему надзирать за поведением поклонников и удерживать их от всякого предосудительного поступка. Сею благоразумною распорядительностью положена преграда существовавшим беспорядкам и возникавшие прежде на молельщиков наших жалобы в последнее время совершенно прекратились.

Свидетельствуя о том консул Базили изъясняет, что занимаемые ныне поклонниками нашими два монастыря, хотя и лучше прочих

¹⁰⁵ Фраза зачеркнута. Тут и далее зачеркнутый в рукописи текст помещается в квадратные скобки, о чем делается примечание.

зданий, принадлежащих в Иерусалиме православному духовенству, но тем не менее находятся в совершенной ветхости и едва обитаемы в зимнее время, при существовавших прежде со стороны турецкого правительства строгих запрещениях производить поправки в церковных зданиях, почти все они пришли в разрушение и с трудом поддерживаются единственно для принятия поклонников, ибо число греческих иноков в прежние годы весьма значительное, ныне очень ограничено. Не имея денежных средств греческое духовенство, при искреннем усердии к России, не может произвести на свой счет самых необходимых поправок в монастырях св. Авраама и св. Феодора, а потому помещаемые в оных поклонники наши подвергаются влиянию неблагоприятного климата, [летом не находят защиты от зноя, а зимою от стужи и непогод]¹⁰⁶, и нередко испытывают тяжкие болезни. В прошлом году несколько человек умерли несмотря на доставленные им медицинские пособия.

Зная попечительность правительства о подданных империи, приводимых чувствами благочестия в Палестину, консул Базили озабочился изысканием средств к обеспечению их положения. Для сего, по мнению его, представляется два способа: или приобрести на счет казны один из разрушающихся монастырей в Иерусалиме и срыв оный до основания, выстроить дом для приема поклонников, или совершить в двух вышеупомянутых монастырях все нужные поправки.

Исполнение первого предположения представляет однако же важные неудобства, ибо кроме того, что на сооружение дома потребовалось бы до 500 тыс. турецких пиастров, правительство наше встречало бы со стороны местных властей немалые затруднения для спокойного владения и управления сим домом. При том же опыт достаточно убедил в необходимости помещать совершенно отдельно мужчин от женщин, а этого едва ли можно бы было достигнуть в одном здании.

Приведение же в действие второго предположения было бы весьма удобно и для казны нашей необременительно. По собранным консулом Базили на месте сведениям о цене материалов и о плате работникам, все нужные в монастырях св. Авраама и св. Феодора починки обошлись бы не более как в [35 или]¹⁰⁷ 40 тыс. пиастров или три тысячи рублей серебром. Употребив сию незначительную сумму правительство доставило бы поклонникам на будущее время приличное и здоровое

¹⁰⁶ Фраза зачеркнута.

¹⁰⁷ Фраза зачеркнута.

помещение; по предварительному же совещанию со старшинами православного духовенства в Иерусалиме, консул Базили нашел со стороны их совершенную готовность предоставить означенные монастыри, по исправлении их на счет российской казны, в вечное пользование исключительно российским подданным. Взямая с них весьма умеренную, самим консульством нашим назначенную единовременно навсегда плату, а неимущих поклонников обязываясь содержать безденежно, православное духовенство приняло бы на себя все починки, которые впоследствии времени оказались бы нужными. При столь выгодном для нас условии консул Базили полагает полезным для вящего обеспечения заключить со старшинами иерусалимского духовенства контракт по принятому в Турции порядку и изложить в оном те основания, на коих упоминаемые монастыри поступают в полное распоряжение консульства нашего.

[Посланник тайный> советник> Бутенев, рассмотрев с особым вниманием сие последнее предположение консула Базили, нашел оное удобоисполнительным и во всех отношениях выгодным. Требуемая на починки монастырей сумма весьма незначительна и доставит правительству возможность прекратить на будущее время те лишения и нужды, коим доселе подвергались поклонники наши в Иерусалиме, а потому посланник Бутенев ходатайствует о разрешении коллежскому> секретарю> Базили принять нужные меры для совершения в нынешнем лете всех поправок в монастырях св. Феодора и св. Авраама.

Всеподданнейше донося о сем Вашему Императорскому Величеству имею счастье присовокупить, что с своей стороны вполне разделяю мнение посланника Бутенева и полагал бы приличным приступить немедленно к восстановлению упоминаемых монастырей с отнесением потребной на сие суммы на счет чрезвычайных издержек Константинопольской миссии]¹⁰⁸.

Находя весьма основательным таковое представление консула Базили, подкрепляемое и посланником Бутеневым, я приемлю смелость довести об оном до сведения Вашего Величества и испрашивать Высочайшего повеления привести оное в исполнение, отнеся потребные на поправку монастырей сорок тысяч турецких пиастров на счет чрезвычайных> издержек миссии в Константинополе.

АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 5. Л. 3-7.

¹⁰⁸ Текст зачеркнут.

Копия донесения К.М. Базили В.П. ТитовуИерусалим
№ 29

21 апреля / 3 мая 1841 г.

В исполнение распоряжений, которыми Ваше Превосходительство почтило меня в своем письме от 11/23 марта сего года за № 111, я только что заключил окончательное соглашение с Иерусалимским синодом по поводу предстоящего ремонта в двух монастырях Св. Феодора и Св. Екатерины, предназначенных для приема наших поклонников. Характер работ, которые должны быть произведены за счет монастыря Св. Гроба, в соответствии с инструкциями, которыми Его Святейшество Патриарх соблаговолил снабдить управляющих, также был определен с учетом помещений, занимаемых нашими гражданами, и их потребностями, а также всей возможной экономии. Я продлил свое пребывание в Иерусалиме лишь для того, чтобы своим присутствием ускорить работы, к которым уже приступают и которые должны быть завершены к предстоящему прибытию поклонников, и чтобы окончательно договориться с достопочтенными отцами-управляющими относительно дисциплинарного уложения для поклонников и некоторых второстепенных деталей.

В соответствии с планом, который я наметил вместе с архитектором монастыря, и с общего согласия достопочтенных отцов, в монастыре Св. Феодора будет 32 жилые комнаты на 140 мест. В монастыре Св. Екатерины, к которому потребовалось присоединить соседний дом, принадлежащий монастырю, — 24 комнаты на 70 мест.

Следовательно, остается лишь вопрос о мебели, который упомянут в вышеуказанном письме Вашего Превосходительства, равно как в письме Его Святейшества Патриарха.

Эта мебель будет заключаться в матрасах, столах, стульях или табуретках, деревянных тазах и тарелках. Возможно, будет излишним оснащать ими все комнаты на полное число кроватей, которые должны там помещаться, поскольку, во-первых, есть кельи, где нет места ни для стола, ни для стула, и, во-вторых, поскольку у многих паломников есть постели. Полагаю достаточной для употребления нашими паломниками следующую утварь, примерную цену которой считаю необходимым указать сразу же, включая транспортные расходы для предметов, которых нет в Иерусалиме.

150 матрасов, набитых хлопком, по 30 п[иастров],

Всего

4500

20 столов по 25 п.	500
100 стульев по 15 п.	1500
50 деревянных тазов по 10 п.	500
30 дюжин тарелок по 10 п.	300
Итого: 7300 п.	

Быть может, эту утварь можно будет выгоднее приобрести в Константинополе и отправить пряником в Яффу. В противном случае, если Ваше Превосходительство одобрит этот список, я буду ожидать ваших распоряжений, одновременно прося сообразовоить вручить моему уполномоченному необходимую сумму, чтобы я мог незамедлительно приступить к покупке, изготовлению и отправке этой утвари ко времени скорого прибытия поклонников.

Имею честь...

*АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 5. Л. 27–29 об.
Перевод с франц. И.К. Мироненко-Маренковой*

Правила для русских паломников в Иерусалиме¹⁰⁹

I. ОБЩИЕ ПРАВИЛА.

1. Духовный надзор за всеми русскими паломниками в Иерусалиме принадлежит руководству «греческого монастыря Гроба Господня».

2. Присмотр за паломниками осуществляет греческий монах-переводчик, к которому они могут обращаться «с законными и рассудительными требованиями».

3. Со стороны российского консульства «под ведомством коего состоят по высочайшей воле все подданные Его Императорского Величества в сей стороне» назначается надзиратель из среды поклонников.

4. Все действия назначенного надзирателя суть «точное исполнение предписаний консульской или духовной власти», а потому поклонники обязаны повиноваться ему не зависимо от того класса к которому они принадлежат.

¹⁰⁹ Приводим краткое изложение всех пунктов правил, сделанное автором настоящей статьи. Текст «Правил» опубликован: Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 гг.). М., 2018. С. 455–466. Полу жирным курсивом выделены замечания Азиатского департамента, внесенные Базили по требованию МИД и присланные при его Рапорте от 8 мая за № 37. Текст замечаний публикуется впервые в соответствии с оригинальным документом: АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 21–39 об.

5. Каждый паломник имеет право «излагать письменно г-ну консулу или агенту его в Яффе жалобы свои на надзирателя, равно как и неудовольствие свое на монастырское начальство». «А жалобы неосновательные и ябеды навлекут только стыд на виновного пред начальством, пред православным монастырем и пред его соотечественниками и даже наказания». ***Подчеркнутые слова приличнее будут выражены словом: ответственность.***

6. «Время пребывания своего в Иерусалиме поклонники должны исключительно посвящать исполнению христианских обязанностей и духовной пользе, а часы отдыха проводить в назидательной беседе между собою и не заводить никаких связей с иноплеменными помня, что в этой чужой стороне далеко от отечества они составляют как бы одно семейство, над коим бдит неусыпное око Отца Государя». ***Параграф сей как содержащий в себе собственно совет, а не правило может быть уничтожен. В случае нужды сам надзиратель над поклонниками будет делать им приличные внушения о их обязанностях.***

7. Строжайше воспрещается сношение с бродягами и даже иноками, говорящими по-русски, но которые бежали или были высланы из России. ***Запрещение это в таком только случае может быть действительно, когда бродяги будут изобличены начальством, ибо поклонники сами едва ли в состоянии распознать их, а потому следовало бы сделать некоторое изменение в редакции сего пункта.***

8. «Русским вправе называть себя только тот, кто представил в императорское консульство (в Яффе — *надпись карандашом — К.В.*) законный свой вид и на сем основании пользуется правами и преимуществами, предоставленными всем русским попечительством правительства».

9. На основании этого «вида» консульство бесплатно выдает «тескере» или паспорт на арабском языке на всё время паломничества.

10. В «консульской канцелярии в Яффе» на паспорте делается запись об оставленных в консульстве суммах и об их употреблении в случае смерти паломника.

11. Всякий, кто не снабжен паспортом объявляется бродягой и может быть выслан из Иерусалима, однако в случае утери паспорта консульство имеет возможность проверить и восстановить документ.

12. Паломникам запрещается обращаться за чем-либо к турецким властям напрямую.

13. В случае необходимости пожаловаться на кого-то из иноверцев паломник должен обращаться к святогробскому начальству, которое или удовлетворит их жалобу немедленно или передаст дело консулу.

II. О ЖИТЕЛЬСТВЕ ПОКЛОННИКОВ,
О КЕЛИЯХ И О ПЛАТЕ ЗА КЕЛИЮ, О ПОКЛОНЕНИИ В ИОРДАН,
В НАЗАРЕТ И НА СИНАЙСКУЮ ГОРУ.

14. Для проживания мужчин в Иерусалиме назначен Феодоровский, а для женщин Екатерининский монастыри.

15. Вне этих монастырей жить не разрешается. *Из этого правила должно делать исключение в пользу почетных лиц, которым предоставить жить в Патриархии или где пожелают и вообще не делать сим никакого стеснения.*

16. Исключением из этого правила признаются паломники «Бессарабские, Крымские, Марианупольские жители и вообще те поклонники, кои не принадлежат к коренному русскому племени». *Исчисление это казалось можно бы опустить тем удобнее, что последующее объяснение достаточно показывает какие именно поклонники не будут помещаться в двух монастырях иерусалимских, собственно для русских предоставленных.*

17. Совместное проживание мужчин и женщин не разрешается ни в каком случае.

18. Правило это распространяется даже на близких родственников: мать и сына, мужа и жену и т. д.

19. Правило это вводится для прекращения в будущем бесчестия русского имени. «Русские должны помнить строгий быт монастырский в православном своем отечестве..., а тем более пребывая в Иерусалиме и живучи в монастырях должны они соблюдать спасительные правила русского монастырского быта».

20. Для ухода за больными с собственного согласия в мужском монастыре могут жить одна или две женщины «лет пожилых и степенного поведения», которые «посветили бы себя смотрению за больными вообще, а не для такого-то или другого лица исключительно».

21. Прочим женщинам ходить в Федоровский монастырь можно лишь в случае болезни близкого родственника и только в условленные часы и с позволения своего игумена и игумена Федоровского монастыря не иначе как в присутствии игумена или надзирателя.

22. Мужчины могут посещать Екатерининский монастырь для свидания с родственницами по тому же порядку.

23. Всякая отлучка из монастыря кроме посещения храма и рынка может происходить только с разрешения игумена.

Правила, содержащиеся в ст. 18–23, кажутся слишком строгими, ибо поклонники не монахи и не должны быть подвергаемы монастырскому уставу. И потому сии правила следует сообразить

еще раз и поставить такие, которые были бы удобоисполнимы и клонились единственно к соблюдению благонравия. Людям семейным в случае их желания нельзя, кажется, отказывать в дозволении жить вместе, если они имеют средства, но следует наблюдать лишь, чтобы поведение их не подавало повода к нареканию. (Не приличнее ли будет в женском подворье начальство и надзор поручить игуменни, а не игумену)¹¹⁰.

24. Мужчинам и женщинам запрещается ходить на поклонение святым местам вне города, кроме того, когда поклонение это совершается под присмотром «монастырского начальства». В последнем случае число поклонников обоего пола должно быть не менее 20 человек. *Неудобным кажется определять число поклонников, идущих за город, и слишком строгие меры предосторожности тем менее уместны, что окрестности Иерусалима ныне безопасны от бедуинов. Вообще следует подвергнуть на месте еще раз строгому обсуждению все меры о надзоре за поклонниками и постановить только такие, которые были бы удобоисполнимы, ибо в земле, столь мало устроенной как Палестина, невозможно вводить такой порядок, который с трудом мог бы быть соблюдаем и внутри Империи. В сем отношении нельзя не заметить, что в России монахи и монахини свободно выходят из монастырей, по одному и по два, а поклонникам едва ли следует воспрещать свободу, доколе они не подадут повода к сомнению в их поведении.*

25. Желающие посетить Иордан или Назарет должны записать имена у переводчика, сдать необходимые деньги и ждать, пока не будет организован караван. «Да ведают поклонники, что в сей стороне путешествия сопряжены с большими опасностями, как от хищных бедуинов так и от часто бунтующих жителей, а подвергать себя опасностям такого рода когда православный монастырь мудрыми мерами и большими издержками обеспечивает своевременно безопасность своих поклонников, не есть подвиг христианского благочестия, но дело безумия, а потому не только воспрещается, но в случае, если кто будет замечен в возбуждении неудовольствия между своими за назначенную монастырским начальством отсрочку сего поклонения — будет немедленно выслан из Иерусалима как человек беспокойный».

26. Посетить Синай бывает возможно не каждый год «по причине политических обстоятельств края». Поездку на Синай организует консул и объявляет об этой возможности поклонникам. Сами паломники

¹¹⁰ Фраза в скобках в оригинальном документе зачеркнута.

«проситься туда» не должны. При отправлении русских на Синай консул своевременно снабдит их фирманом от Дамасского паши. ***Последний пункт сей статьи может быть опущен, ибо нельзя запрещать проситься в Синай, трудно даже убедить в невозможности туда отправиться людей, движимых простым чувством благочестия, но начальство должно само принимать меры и определять кого и когда можно отпускать в Синай.***

27. Каждая келия имеет номер и определенное количество лиц для проживания в ней.

28. «**Православный монастырь**» обременен расходами, а потому собирает деньги с принадлежащих ему монастырей, в которых размещаются поклонники: за каждую келию положена плата по числу размещаемых в ней поклонников. ***Вместо православный монастырь справедливее сказать: духовное начальство в Иерусалиме.***

29. Плата эта не имеет ничего общего с добровольным благочестивым взносом в синодальную казну или в храм Воскресения за помин души.

30. Плата определена по 50 пиастров или 3 руб. серебром с чело- века за всё время, т. е. с приезда до Воскресения Христова и сверх того по 10 пиастров игумену на содержание церкви. Если кто-то имеет возможность остаться на второй год, он обязан вновь внести 50 пиастров. ***Не должно ли делать различия в плате между теми, кто приезжает с осени и теми, кои приходят только к Пасхе? Так как одни живут почти 8 месяцев, а другие гораздо меньше времени, то несправедливо было бы подвергать их одинаковому платежу.***

31. У игуменов монастырей хранятся описи келий с обозначением числа проживающих в них на русском и греческом языках скрепленные печатью консула. Каждый паломник имеет право проверить этот список.

32. В каждой келии полагается по числу поклонников простая утварь, означенная в описи. В случае потери или повреждения отвечают за утварь живущие в келии.

33. За разбитые стекла, поврежденные окна двери и замки отвечают живущие в келии.

34. Поклонники могут выбирать келии для совместного проживания по предварительному согласию.

35. Можно занимать келию в меньшем, против прописанного в ней числе, но тогда нужно оплачивать полную сумму за всех отсутствующих.

36. Если случится, что паломников в келии размещено больше, чем установлено для этой келии — никто не может требовать платы больше чем положено за келию.

37. Если поклонников много, то начальство вправе подселить их к тем, кто живет в меньшинстве против положенного числа, а деньги, заплаченные за пустые места, будут возвращены.

38. Правила относительно проживания в келиях приняты чтобы прекратить любые споры и не подлежат изменению.

39. Большой против установленного взнос за келию почитается добровольным пожертвованием и не дает поклоннику никаких прав.

40. Разумеется, что паломник должен еще в России запастись суммой достаточной для «честного совершения своего подвига... Отправляющийся в путь в надежде на милостыню не имеет равной заслуги с честным поклонником, который совершает путь свой деньгами, нажитыми своим трудом, а к тому же делает бесчестие русскому имени нищенством своим между иноплемениками. Положения эти могут быть опущены, тем более, что предшествующий пункт вполне достаточен. По уважению тому, однако, что иногда приходят в Иерусалим поклонники в крайней бедности, соотечественники их в таком случае должны обращаться с таковыми как с своими братьями и, имея возможность исполнять учение Спасителя в самом месте его страданий, должны им помогать, уделяя из избытков своей пищи и принимая безденежно на жительство в своей келии».

41. Монастырское начальство обещается в случае, если русские не захотят — приять нищего и разместить за свой счет.

42. Плату за келии получают игумены.

43. Игумен делает отметку в арабском паспорте поклонника о внесенных деньгах.

III. О ДЕНЕЖНЫХ И ДРУГИХ ВЗНОСАХ.

44. Обычай жертвовать в пользу Гроба Господня существует издревле.

45. Все эти пожертвования суть только добровольные. Никто не может принуждать или упрекать в малости пожертвования.

46. «Казна монастыря Гроба Господня есть одна и нераздельная и потому все денежные взносы, в какое бы из святых мест не поступали, обращаются в монастырскую казну, которая с своей стороны обеспечивает по возможности нужды духовенства, приставленного к святым местам, и расходует ежегодно огромные суммы без коих святыни давно бы перешли к иноверцам. На сем основании предпочтительно, чтобы взносы делались в присутствии Синода иерусалимского».

47. Поклонник, доставляющий дар из России от кого-то другого обязан объявить об этом немедленно по прибытии в Иерусалим, когда его пригласят по обыкновению в Синод.

48. Никто не вправе уклоняться от сдачи привезенных подарков или пожертвований «под предлогом недоверчивости к лицам, к кому вещи поступают, ибо всякая вещь, объявленная и сданная в синодальное присутствие, делается уже собственностью православного монастыря Гроба Господня и обеспечена от всякого злоупотребления». По желанию может быть выдана расписка.

49. Поклонник, приносящий подарок, имеет право объявить, куда именно он желает, чтобы подарок поступил.

50. «Но сие нисколько не дает ему права требовать немедленного к тому распоряжения и еще менее настаивать на таковое назначение подарка, когда монастырское начальство, соображаясь с местными обстоятельствами, весьма уважительными, хотя и непонятными для человека новоприбывшего в Иерусалим, откажет в помещении подарка в желаемом месте. Так, например: в таких из святых мест, кои принадлежат разным христианским исповеданиям вместе, число и размеры икон и количество ламп строго и обстоятельно постановлены и нарушать существующий порядок невозможно без нарушения мира. С другой стороны, поклонники должны иметь ввиду, что ризница Гроба Господня есть одна для всех святых мест, подведомых монастырю и что Блаженнейший Патриарх Иерусалимский и его епископы вправе во всякое время, судя по обстоятельствам, перемещать из одного места в другое, брать на сохранение в ризницу или выдавать из оной принадлежащие монастырю вещи».

51. Монастырское начальство из уважения к русским паломникам будет стараться учитывать пожелания жертвователя.

IV. О НАКАЗАНИИ ОСЛУШНИКОВ.

52. В Феодоровском и Екатерининском монастырях отведены «темные келии» для заключения ослушников данных постановлений. **Таких келий учреждать не следует. И одно заключение в особливой, но светлой келье должно быть наказанием.**

53. При явном неповиновении и буянстве надзиратель имеет право арестовать провинившегося немедленно и донести о том монастырскому начальству.

54. В остальных случаях наказание по мере вины определяют епитропы или тот архиерей, кому вверен надзор за русскими паломниками.

55. Кроме духовной епитимии виновный будет наказан арестом и содержанием на хлебе и воде.

56. В случае упорства и вторичного неповиновения виновный будет выслан из Иерусалима и заключен в обитель Св. Саввы или в монастырь Пророка Илии.

57. За совершенное преступление виновный связанным будет отправлен в Яффу, откуда, смотря по роду вины, в кандалах будет выслан в Россию.

V. ОБЯЗАННОСТИ НАДЗИРАТЕЛЯ.

58. Надзиратель назначается консульством ежегодно.

59. Ему вверен надзор как за поведением, благочинием, так и за точным исполнением правил паломниками. Он проявляет внимание к их нуждам и готовность быть полезным всякому русскому по мере сил и средств.

Власть светского надзирателя не может распространяться на духовных лиц, приходящих на поклонение. При том же духовным лицам не следует ли предоставить избрать себе жительство в различных монастырях и подчинить их только наместникам патриаршим? А к консулу они могут прибегать в случае нужды с просьбою о защите и покровительстве.

60. Все действия надзирателя основаны на правилах для паломников. За что он отвечает перед консульством.

61. «Более всего он должен действовать ласкою, советом и убеждением», опираясь на умнейших и старейших особ духовного чина поклонников.

62. Надзиратель сам выбирает способ воздействия на паломников: увещательный или административный.

63. Надзиратель подчиняется епитропам и должен исполнять их приказания в отношении паломников.

64. Надзирателю запрещено напрямую обращаться к турецким властям, ограничиваясь донесением монастырскому начальству и консулу.

65. Дважды или трижды в неделю надзиратель обязан вместе с игуменом посещать Екатерининский монастырь и осведомляться о поведении поклонниц и об их нуждах.

66. Надзиратель еженедельно отправляет рапорт консулу о состоянии поклонников и о всех происшествиях с ними. Рапорт препровождается под открытою печатью к агенту консула в Яффе.

67. В случае чрезвычайного происшествия надзиратель обязан немедленно донести консулу.

68. Надзирателю за труды назначается содержание «по мере его заслуг и по усмотрению г. консула»

Письмо с.с. Рашета о богомольцах¹¹¹

«МЕРЫ К ПРЕСЕЧЕНИЮ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ, ВКРАВШИХСЯ В ОБЫЧАЙ ПОКЛОНЕНИЯ ГРОБУ ГОСПОДНЮ»

Потребность посещать места, освященные учением, страданиями и смертью Божественного Искупителя рода человеческого и почерпать там для души исцеление принадлежит к благороднейшим стремлениям истинного христианина и потому заслуживает похвалы и поощрения.

Этот обычай искони существовал в православном народе русском и поныне сотни странников из необъятного отечества нашего устремляются через моря во Святой Град хотя, к сожалению, не всегда с подобающим благочестием. Причина тому заключается главнейше в отдаленности сих мест от России, в недостаточности средств многих поклонников, совершающих это странствие, в участии, которое принимают в них из праздности нищие и тунеядцы, равно как в невежестве и часто ложном понятии о самом подвиге.

Обыкновенно осенью и весною стекаются богомольцы с разных концов России в Таганрог и Одессу для отправления оттуда в Иерусалим и на Афонскую гору и, если средства большинства достаточны и оправдываются совестью, то есть, к несчастью, немалое число и таких, которые из лени и отвращения к труду не гнушаются обращаться святой обычай сей в предмет личной спекуляции, собирая, под предлогом на Гроб Господень, подаяние для удовлетворения порочных своих наклонностей.

Что в особенности поражает в Константинополе и в Иерусалиме в наших богомольцах, это нечистота, изнуренный вид и нищенское одеяние большинства их, не соответствующее понятию, которое составляют себе заграницею о могуществе, богатстве и благоденствии

¹¹¹ Письмо скорее напоминает писарскую копию «Записки». Подпись и обычные обращения отсутствуют. Сверху карандашом надписано: «Письмо С.С. Рашета (надпись неразборчива, возможно: Рамета? или Ренета?) о богомольцах». Судя по контексту, автор — статский советник, служащий консульства или Коммерческой канцелярии в Константинополе.

Слева на полях приписка: «Сообщено обер-прокурору Св. Синода гр. Толстому для прочтения 24 ноября 1857 г.» По верхнему полю документа сделана запись, возможно А.П. Толстого. Подпись неразборчива.

«Ни в коем случае не должно ограничивать число желающих поклониться Гробу Господню потому только, что есть люди, которые во зло употребляют это дозволение. О госпитале и странноприимном доме делаются распоряжения».

русской нации, и представляющие разительную противоположность с опрятностью, достатком, здоровом и веселом виде поклонников других стран, стекающихся в Палестину.

Кроме того, поведение многих далеко не назидательно и нередко дом Коммерческой здесь канцелярии нашей, временное их пребывание на пути в Иерусалим и обратно, оглашается бранью и ссорами богомольцев в пьяном виде, помрачающие святую цель принятого ими обета. Так некоторые, собирая на пути через Россию милостыню для совершения странствия и благочестивые приношения для Гроба Господня с поручением помянуть там в молитвах своих жертвователей, достигают Иерусалима с значительными средствами, но, утаивая назначенное для престола Спасителя или для других святынь, прожигают вверенные им дары на удовлетворение порочных привычек своих и возвращаются в Константинополь без средств или прикидываясь неимущими в ожидании, пока миссия отправит их на своем иждивении в отечество. Этим легким способом, достоверность которого подтверждается другими богомольцами, многие из них имели возможность быть по два и по три раза в Святом Граде. Другие, поверив легкомысленно ложным слухам, будто поклонники наши пользуются из Константинополя от миссии нашей даровым проездом в Иерусалим и обратно и содержатся бесплатно в монастырях последнего, бросают работу и занятия свои и отправляются из России почти ни с чем, не стыдясь просить подавания на улицах Константинополя, по пути и в самом Святом Граде, позорят русское имя своим поведением и являются сюда вновь в лохмотьях, покрытые насекомыми, больные, вводя миссию в непредвиденные издержки на излечение их и отсылку обратно в Россию.

Есть и такие поклонники, которые следуя из России с паспортами на коих по непростительному упущению прописано: «для поступления в монашество», по неведению ли законов, запрещающих пострижение вне отечества, или по легкомыслию, во время пребывания их на Афонской горе или в Иерусалиме принимают там пострижение и, лишая себя в новом их звании права возврата на родину, по истощении средств к пропитанию, впадают в предосудительный образ жизни, пятнающий имя русское на Востоке. Очевидцы, заслуживающие доверия, рассказывают, что в Иерусалиме многие богомольцы из простого звания и обоего пола, просят по улицам подавание, тунеядствуют, промышляют разными средствами, проводят время в келиях в игре, невоздержности, в распутстве с монахами на иждивения, собранные ими в России, часто довольно значительной милостыни

и пожертвований, за что подвергаются исправительным наказаниям от местного духовного начальства, тюремному заключению и не редко высылке из Святого Града.

Вообще заметно между поклонниками из простого класса гораздо более женщин, нежели мужчин и даже девушек, из коих многие возвращаются из Иерусалима безбрачными матерями или в ожидании вскоре сделаться ими. Некоторые из старух поклонниц для прокормления себя в пути и обеспечения средств к существованию сманивают в России юных родственниц или других молодых ехать с ними на богомолье и пользуясь их неопытностью, а иногда по добровольному соглашению, употребляют их для корыстолюбивых видов своих и эти несчастные, возвращаясь в Константинополь, и чтобы скрыть свой позор, делаются жрицами здешних вертепов Изиды. Число сих жертв, исторгнутых из отечества нашего в Иерусалиме и в особенности здесь, как говорят, крайне значительно. Множество примеров могут подтвердить всё вышесказанное.

Одна мещанка, ездившая несколько раз на поклонение к святым местам и постригшаяся там в монахини, была изгнана за дурное поведение из Иерусалима и скитается теперь многие годы по Константинополю в предосудительных связях, живя подаянием, обманом и разными низкими проделками. Другое лицо, обыватель Тульской губернии, постригшийся на Афоне, шляется здесь также уже несколько лет, интригуя и прокармливая себя продажей образков, подложных мощей и отличаясь докучливым всем нахальством. Недавно еще имели здесь случай видеть возвратившегося с богомолья из святых мест одного коллежского регистратора в таком жалком рубище и до того грязного и покрытого насекомыми, что миссия должна была его тотчас отправить на свой счет в Одессу, чтобы не подвергать имени русского насмешкам и нареканиям здешней черни. Еще одна богомолка, подполковница и сестра милосердия, бывшая при защите Севастополя, как видно из носимого ею наперстного креста и медали, и совершившая недавно третье странствие в Иерусалим, не устыдилась вымолить у посланника нашего по приезде из Одессы несколько денег для дальнейшего пути, притворяясь без средств и проводя с товарищами своими разгульную жизнь. Наконец в нынешнем году был сделан миссии запрос г. таганрогским градоначальником о безвестном нахождении мужа таганрогской мещанки Ефросиньи Кучеренковой Евдокима и брата его Назара Кучеренкова и оказалось, что они постриглись в монахи на Афоне, первый при живой жене, и, покинув монастырь, последний умер, а Евдоким неизвестно куда девался. Эти примеры кажутся достаточны, чтобы показать сколь неприлично и обидно для достоинства целой нации поведение многих

поклонников наших на Востоке и как было бы желательно пресечь это зло благоразумными мерами правительства.

Не стесняя нисколько святого чувства, влекущего многих русских поклонится Гробу Господню, можно допустить некоторые ограничения и меры предосторожности, которые поведут к желанной цели. В пространной России столько мест, прославленных веками своею святынею и подвигами угодников, что они вполне могут удовлетворить благочестивым желанием каждого православного, не отвлекая его с ущербом от мирских его обязанностей и не вводя в разорительные издержки, неизбежные с каждым странствием в Иерусалим. На совершение этого богомолья необходимо по меньшей мере от 120 до 150 руб. сер. и многие ли из простого звания могут располагать такою суммою, приобретенною честным трудом? Поэтому поклонение это доступно только достаточному классу людей, а не простолюдинам, для которых делается источником всяких бедствий. Но, допуская исключения, было бы полезно для поддержания доброй славы русских, удостовериться предварительно в приличном поведении, набожности и честности каждого странника, оставляющего отечество для поклонения святым местам и не допускать женщин моложе сорока лет на это богомолье. Для достижения сего необходимо предписать гг. начальникам губерний выдавать позволения на выезд в Иерусалим и на Афон по предварительном наставлении о сопряженных с этим странствием обязанностях для каждого только таким лицам, которые бы имели на то разрешение от своих духовных пастырей, слыли всегда добрыми и беспорочными гражданами и могли предъявить около 130 руб. сер. на совершение пути. Таможенным же и карантинным властям в портах черноморских, поставлялось бы в обязанность, по прибытии туда поклонников поверять вновь средства их пред отплытием за границу, состояние их здоровья, и достаточно ли они снабжены приличною одеждою и бельем, а Коммерческой канцелярии в Константинополе и консульству в Яффе разрешено удерживать у каждого богомольца, следующего в Иерусалим, первой 8 руб. а последнему 15 руб. для обеспечения возврата их в Россию. Тунеядцев же и нищих, живущих без дела, отнюдь не допускать к этому странствию. Кроме того, так как помещение для богомольцев в доме Коммерческой канцелярии нашей здесь поныне весьма жалко и недостаточно, так что иногда 20 и 30 человек принуждены теснятся в двух крошечных и голых комнатах без различия пола, звания и возраста, лишённые кроватей, столов, скамеек, необходимой утвари и топлива в ненастные зимние дни, лишения, заставляющие многих предпочитать негостеприимному русскому дому разные притоны турок или набережную в гавани под открытым небом; что иногда приезжают поклонники не из простого класса,

но не довольно богатые, чтобы при здешней дороговизне нанимать номер в гостинице и которые были бы рады найти в доме Канцелярии приличный и чистый уголок; что иногда случаются больные между ними, которых за неимением своего госпиталя отправляют или в греческую больницу, дурно содержимую, или в французскую сестер милосердия, отличную во всех отношениях, но где продолжительное пребывание не без опасности для поколебания православия от ловких внушений представительниц неумолимой пропаганды римской, — всё это указывает на необходимость устроить в доме Канцелярии для поклонников наших поместительные палаты для простолюдинов и две или три комнатки для чиновных с кухнями, простою меблировкой и утварью, снабжать их топливом и, кроме того, учредить небольшой лазарет на 5 кроватей с необходимой прислугой и прикомандированием двух сестер и под верховным надзором врача Миссии, который будет пользоваться больных.

Места на всё довольно. Устройство такого заведения тем ощутительнее, что все почти иностранные миссии имеют здесь свои госпитали и было бы несовместно с достоинством такой великой державы как наша отстать от прочих в благотворительности и лишить своих многочисленных подданных в Турции усладительной помощи в тяжкие минуты страданий на чужбине.

Такими мерами устранились бы навсегда те, к несчастью, повторяющиеся часто случаи, помрачающие добрую славу русского народа за границу и богомольцы наши перестали бы быть предметом невыгодных для отечества нашего отзывов чужеземцев, неудовольствий и затруднений для духовенства Святого Града, миссии нашей и консульств на Востоке.

АВПРИ. Ф. СПБГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 9. Л. 1-7.

**Копия донесения консула в Иерусалиме В.И. Доргобужина
посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу**

Иерусалим
№ 39

16/28 декабря 1858 г.

Господин посланник!

Если в первые три месяца моего пребывания в Иерусалиме я не представил просвещенному вниманию Вашего Превосходительства своих соображений о местных людях и обстановке, то это потому,

что со времени моего неожиданного поступления на консульскую службу я посчитал своим долгом компенсировать свою неподготовленность к возложенным на меня полномочиям точностью сведений, которые я буду сообщать императорской миссии.

Я посчитал, что обязательно должен воспользоваться этой паузой в переписке, чтобы сблизиться и пригласить к себе разных местных знатных лиц, и думаю, что мне это удалось. Некоторым из них я обязан сведениями, которые позже смог сопоставить с информацией, добытой из других источников, и неоднократно сравнить с собственными наблюдениями. Этот подготовительный труд — единственное имеющееся в моем распоряжении средство, чтобы придать фактам, которые я собираюсь сообщить, характер относительной достоверности, единственно возможной в такой стране, как Палестина, где столько разнородных групп ведут друг с другом войну, состоящую из глухих интриг, и где ложь царит во всех взаимоотношениях местных обитателей, которых деспотизм за много веков приучил лгать, чтобы выжить.

Это значит, господин посланник, что, не гарантируя совершенной достоверности сведений, которые я буду сообщать в своих депешах, я искренне стремлюсь выбрасывать из них, насколько возможно, все поспешные выводы и оценки, сделанные в раздражении. Об этот камень преткновения с самых первых шагов на Святой Земле споткнулось столько европейцев, боровшихся с неискренностью греков и арабов. Завершая эту долгую преамбулу, уверяю Ваше Превосходительство, что моя последующая корреспонденция будет состояться с полным осознанием ее важности. Раз существует убеждение, что дипломатические успехи миссии всегда определяются более или менее глубоким знанием страны, где она ведет свою деятельность, то соответствующие исследования ее допускают разделение труда, и если большая обобщающая работа применительно ко всей стране делается несколькими выдающимися людьми под руководством Вашего Превосходительства, то, как мне представляется, консулы способствуют ей, поставляя сырые материалы. Им принадлежит инициатива сообщать детали, а точность их донесений начальству иногда способствует уточнению исходящих приказаний, которым они подчиняются.

Ныне, когда разрешение больших вопросов, касающихся Святых мест, кажется, отложено, я особенно занимаюсь положением наших поклонников в Иерусалиме. В настоящий момент их насчитывается 489, из коих 152 мужчины и 337 женщин. Первые проживают в монастыре Св. Михаила напротив особняка нашей Духовной Миссии. Эта близость наших достойных монахов — некоторые из них живут в самом

монастыре, — оказывает благотворное воздействие на наших поклонников, которые в монастыре ведут себя спокойно и за любовными утехами ходят в иные места. Однако женские монастыри вызывают у меня беспокойство. Паломницы распределены по трем обителям — монастырю Св. Феодоры, специально отведенному для наших поклонников, Св. Екатерины и Св. Георгия, служащих вспомогательными для первого, где число келий недостаточно велико, чтобы принять всех русских женщин, число которых вдвое больше наших поклонников-мужчин. В Св. Екатерине и Св. Георгии Патриархия поселяет своих греческих поклонниц, а русские там в меньшинстве.

Согласно паломническому уставу, составленному господином Базили, вход в женские монастыри мужчинам запрещен и наоборот. Однако вся охрана обители сводится к одной-единственной привратнице из числа самых старых, самых мягких и самых бедных поклонниц и одного греческого настоятеля, который очень заботится о том, чтобы взять с них то, что причитается Патриархии, которая старается выставить свои монастыри гостеприимными, отдавая их на откуп тем, кто щедрее всего платит, а посему он весьма заинтересован, чтобы привлечь туда как можно больше народу, делая ему все возможные уступки относительно правил поведения.

При таком положении вещей привратница никого не стесняет, и русские и греческие послушники — самый праздный и испорченный класс в городе — избирают своим местом жительства женские монастыри. Если у них спрашивают, что они там делают, то ответ всегда один: они пришли выпить чаю к землячке. Но вместо чая пьют водку и, напившись, дают волю рукам. Иногда эти шумные чаепития кончаются менее трагически, и участники отправляются на увеселительную прогулку за ограду — в Гефсиманию, Бетанию, в Св. Иоанна Пустытника, чтобы разыграть пасторальную сцену под оливами.

Во время своего пребывания здесь Иерусалимский Патриарх говорил мне о некоторых скандальных сценах в монастырях, в которых вроде участвовали русские женщины. Я заметил Его Блаженству, что охрана монастырей набирается греческими настоятелями, которые там проживают, и что консульство могло бы вмешаться в происходящее только вследствие поступившей оттуда жалобы, следовательно, священникам надлежит без промедления доводить до моего сведения любой повод к скандалу, поданный русскими, и, чтобы раз и навсегда покончить с этими шумными чаепитиями, Патриарх хорошо сделал бы, если бы объявил греческим монахам, что всякий раз, как случатся беспорядки среди проживающих в монастыре русских и новость

о них дойдет до консульства прежде, чем священник подаст жалобу, последний предстанет перед епитропами с объяснениями своего сговора с виновными. Все восхищались прозорливостью моего замечания, с ним соглашались, но всё остается, как прежде, и за полтора месяца с тех пор, как состоялся этот разговор, мой хранитель печати разбился в четырех драках, а настоятель монастыря, где всё происходило, ничего не сделал, чтобы известить консульство.

Этот факт, сам по себе весьма незначительный, приобретает важность, если рассматривать его наряду с другими мелкими поступками Патриархии, которые время от времени проясняют ее отношение к нашему епископу и русскому консульству. Греки, подчиняющие всё материальным соображениям, с большим неудовольствием ожидают того времени, когда окончательное устройство запланированных нами учреждений в Иерусалиме позволит нам бесплатно оказывать нашим поклонникам гостеприимство, которое столько веков было выгодно Патриархии. Она бы охотно обошлась без нашей Духовной Миссии. Что касается русского консульства, оно ее устраивает в качестве институции, которая будет служить ей точкой опоры в спорах с пашой.

Но самая заветная ее мечта — статус-кво в отношениях с нашими поклонниками, и чтобы его сохранить или, на худой конец, удержать хоть какие-то его обрывки, все средства хороши, даже интриги и клевета. Тут бесконечно трудятся, чтобы настроить наших паломников против епископа и меня. Впрочем, обстоятельства тому прекрасно способствуют: во все времена русские в Иерусалиме не обращали внимания на власти и творили, что хотели, а когда дело заходило слишком далеко, всегда была возможность с помощью денег договориться с греческими монахами, общепризнанными покровителями наших подданных. Посему не приходится удивляться, что водворение русских властей в Святом Граде вызывает очень мало сочувствия у большинства наших паломников, а Патриархия схватывает налету самые первые проявления их недовольства в отношении к нам, чтобы использовать его с выгодой для своих дальнейших планов. Строгие меры, установленные консульством, находят в монастыре толкователей в сутане, которые воздевают руки к небу, стенают от сострадания и извращают их смысл из-за чрезмерного сочувствия к тем, на кого они распространяются. На все бесчинства, вредные для нравственности и доброго имени русских поклонников, закрывают глаза, но, если вдруг проступок, кажется, дурно отразится на интересах синодального казначейства, требуют вмешательства консульства и прячутся за его спиной. О том, чтобы простить обиды, помиловать виновных и прочие евангельские

истины, обязательные для Божьих людей, они забывают — за исключением той, что предписывает умыть руки и осудить меня перед лицом виновных, когда я являюсь восстановить порядок и дело заходит слишком далеко, так что я не могу уже отступить, не поправ достоинства возложенных на меня обязанностей.

Все эти порывы сострадания и попытки поменяться ролями, когда Патриархия стремится разыгрывать из себя защитницу наших поклонников от злых намерений епископа и русского консула, объясняются гипотезой, быть может химерической, о том, что она желает отбить у нас часть поклонников ко времени планируемого открытия приютов в Иерусалиме. Нет ни малейших заблуждений насчет возможности соперничества между крупномасштабным безвозмездным предоставлением приюта, осуществляемым государством при помощи средств такой великой империи, как Россия, и гостеприимством на греческий лад, с жильем грязным, тесным, от которого за версту несет его хозяином-ростовщиком, однако рассчитывают на низменные человеческие инстинкты, которые беспрерывно и бесстыдно эксплуатируют, чтобы одержать верх над нашим будущим приютом. У русских поклонников там будут божественные службы на русском языке и исповедники-соотечественники, просторные, чистые комнаты, с деревянным полом и потолком, проветриваемые и отапливаемые зимою, а еще аптека и больница, и за всё это не придется платить. Те, кто предпочтет этой «золотой клетке» берлогу с соответствующими вольностями, смогут купить ее у греков, которые рассчитывают на это, но они не получают содействия русских властей, которых перед Богом и совестью нельзя упрекнуть в чрезмерном потакании своим соотечественникам.

Надеюсь, что Ваше Превосходительство не составит себе ложного представления о подлинной цели сего описания положения вещей. Повторю, что краски ничуть не сгущены. Если я поставил себе целью описать его Вам таким, каково оно есть, это, конечно, никак не для того, чтобы дискредитировать в Ваших глазах большинство наших поклонников, а еще менее для того, чтобы подорвать мысль о братской солидарности между нами и греками, которую примитивные традиции нашей политики на Востоке объявляют законом совершенной необходимости. Первое было бы достойно интригана, который, сильно принижая уровень нравственности доверенных ему собратьев, стремился бы добиться в дальнейшем почестей благодаря своим вымышленным успехам на пути их наставления. Второе пристало бы глупцу, который слишком стремится стать новатором в той сфере, где ему следует всему учиться.

И того, и другого было бы достаточно, чтобы навсегда лишить меня Вашего доверия. Посему, если в нынешней депеше я не прибег ни к оговоркам, ни к недомолвкам, то это потому, что в глубине души я сознаю, что самая неприглядная правда, как простое перечисление фактов, всегда тем ценна, что служит предостережением, которое станет полезным в соответствующее время и в соответствующем месте. К тому же, нынешние и будущие уловки Патриархии никогда не смогут отвлечь меня от той умеренной и примирительной роли, которую мне отводят местная обстановка и люди. Всё, что я здесь вижу, укрепляет меня в мысли, что для нас наилучший способ плодотворно действовать в Палестине — это заручиться уважением и, насколько возможно, доверием греческого духовенства: моя программа поведения, которую Вы, господин посланник, соблаговолили наметить во время моего пребывания в Константинополе, во всех пунктах полностью подтверждается нуждами нашего нынешнего положения в Иерусалиме.

Я счастлив завершить данную депешу, предложив вниманию Вашего превосходительства некоторые данные относительно наших поклонников и дающих им кров лиц, чтобы смягчить дурное впечатление от вышеизложенного.

Поведение большинства наших паломников редко оставляет желать лучшего. Если в их общем числе и встречаются некоторые индивиды, особенно женщины, которых достаточно трудно призвать к порядку, то число этого разнузданного люда не более 10, а пропорция 10 к 500 вполне удовлетворительна. Единственное серьезное наказание, которое я посчитал необходимым наложить со времени своего вступления в должность, касалось монаха, который в полном опьянении в монастыре Св. Иоанна принялся оскорблять достойных паломников, которые пили чай, не предлагая ему. Он обещал им в самом ближайшем будущем, чтобы научить их жизни, множество неприятностей в связи с отменой крепостного права, и всё это в присутствии десятка наших крестьян, которые слушали его разглагольствования, но не поддакивали. Два дня спустя после этой глупой выходки этот человек был выслан в Россию. Между тем, видя раскаяние преступника, я позаботился получить у нашего достойного епископа обещание не сообщать о случившемся его епархиальному начальству. Судя по всему, не нанеся непоправимого ущерба будущему этого человека, я добился своей цели, и эта высылка произвела очень благотворное впечатление на наших местных бонвиванов. До меня недавно дошли сведения, что один из таких господ, которому кто-то угрожал русскими властями в Иерусалиме, отвечал: «даже не говорите мне об этом, их столько понаехало, что уже

не стоит приезжать сюда». Хотел бы я в это верить, и как только это правильное решение, которое ныне выражено только словами, воплотится в дела, я посчитаю себя вправе пропеть *nunc dimittis*¹¹².

Патриархия делает что может, чтобы пристойно разместить наших поклонников. Комнаты, хоть и не такие, какими мы желали бы их видеть, при всем том пригодны для жилья. Кроме 3–4 комнат в монастыре Св. Михаила, более сырых, чем остальные, и где много недель никак не закончат изготавливать деревянные кровати, все остальные комнаты сносные. В них страдают от сквозняков из-за плохо сделанных оконных рам и дверей, но санитарное состояние для наших подданных от этого почти не страдает. Из ста больных, имевшихся с мая месяца, умер лишь один. Этим прекрасным результатом мы, по большей части, обязаны неустанному, бескорыстному и поистине евангельскому усердию доктора Мазараки, доктора греческого монастыря и нашей маленькой больницы. Позвольте, господин посланник, вернуться к этой теме в моей следующей депеше, поскольку этот в высшей степени честный человек заслуживает наших симпатий по множеству причин.

Его Преосвященство Кирилл еще не вернулся из своего путешествия в Дамаск.

Патриарх Валерга, нанеший мне визит, вернулся на прошлой неделе из Бейрута, где дела греков-униатов требовали его присутствия.

Заканчиваю просьбой к Вашему Превосходительству сообразовать отправить мне, если это возможно, французскую версию хатти-шерифа гюльхане, которую я не смог найти ни в одной канцелярии моих здешних коллег.

Примите, господин посланник, уверения в моем глубочайшем почтении, с коими имею честь быть Вашего Превосходительства...

ГАТО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 322. Л. 79–83 об.

Выписка из донесения в сокращении:

АВПРИ. Ф. СПб ГА. II–9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 10. Л. 3–8 об.

Перевод с франц. И.К. Мироненко-Маренковой.

¹¹² Ныне отпускаеши (лат.)

КНЯЖЕСКИЙ РОД ГАГАРИНЫХ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX СТОЛЕТИИ

Князья Гагарины — древний род удельных князей Рюриковичей, прямые потомки князя Рюрика, стоявшего у истоков Древнерусского государства. Род князей Гагариных восходит от Владимира Мономаха, через Юрия Долгорукова к Великому Князю Владимирскому Всеволоду Большое Гнездо. Младший сын Великого Князя Всеволода Иван Всеволодович получил в наследство Стародубское княжество и городок Стародуб-Кляземский, став родоначальником князей Стародубских. Один из его потомков, князь Михаил Иванович Голибесовский, живший во второй половине XV века, имел прозвище Гагара. Он имел сыновей — Василия, Юрия и Ивана, от которых ведут свой род все последующие князья Гагарины. Таким образом, с конца XV столетия и до настоящего времени в истории России известны более 650 представителей известного княжеского рода Гагариных.

Во времена Великого Княжества Московского и Московского царства, в XV–XVII вв. князья Гагарины не занимали какое-либо видное положение при государевом дворе, не поднимаясь в чинах выше стольников. Начиная с петровского времени, в период расцвета Российской Империи, в XVIII–XIX вв. княжеский род Гагариных дал нескольких выдающихся представителей, в том числе на дипломатическом поприще. Представим некоторых из этих талантливых и замечательных сынов России.

Князь Григорий Иванович (1782–1837), получил образование в Московском университетском благородном пансионе, который окончил с золотой медалью. В июне 1797 г. он поступил на службу юнкером в Коллегию Иностранных дел, а 1 октября 1798 г. — назначен переводчиком в Московский архив и уже 19 октября 1800 г. он был награжден орденом св. Иоанна Иерусалимского. Назначенный 13 мая 1802 г. состоять при российской миссии в Вене, он через три года был переведен в Константинополь.

Во время войны с наполеоновской Францией в 1806–1807 гг. князь Г.И. Гагарин состоял при главнокомандующем генерале от кавалерии

---

¹ Гагарин Григорий Григорьевич — князь, член Совета ИППО, председатель Савеловского местного отделения Общества в г. Москве.

бароне Л.Л. Беннингсене и в 1807 г. был награжден за храбрость орденом св. Владимира 4-й степ. Во время мирных переговоров с Францией в Тильзите (июнь 1807) он состоял при российском уполномоченным князе Я.И. Лобанове-Ростовском; в октябре того же года был назначен секретарем посольства в Париже. В 1809 г. князь Григорий Иванович женился на Екатерине Петровне Соймоновой (1790–1873), дочери сенатора, действительного тайного советника Петра Александровича Соймонова. В апреле того же года князь был пожалован званием камергера и вскоре переведен в Санкт-Петербург, в Коллегию Иностранных дел, откуда в октябре 1810 г. перешел на службу в Министерство финансов. Произведенный в январе 1811 г. в статские советники, 26 октября того же года он был назначен статс-секретарем Государственного совета Российской Империи по Департаменту законов.

В начале Отечественной войны 1812 г. князь Григорий Иванович занял патриотическую позицию. 6 июня 1812 г. был издан Высочайший Манифест Императора Александра I, предписывавший дворянам формировать ополчение из своих крепостных, самим вступать в него и выбирать командующего над собой. Князь Г.И. Гагарин взял на себя формирование и финансирование I-ого егерского полка. В благодарность за это ему Высочайше было велено именоваться шефом своего полка.

Карьера князя Г.И. Гагарина поначалу складывалась успешно. Однако в 1813 г. на него обратила «особенное внимание» знаменитая красавица Мария Антоновна Нарышкина, любовница Александра I. Император дал волю оскорбленным чувствам, вскоре после рождения у Нарышкиной сына Эммануила, она была отправлена в ссылку в Таганрог. А статс-секретарь Государственного совета Г.И. Гагарин получил отставку.

В январе 1816 г. действительный статский советник князь Г.И. Гагарин отправился с семьей за границу. Он поселился в Италии, купил в Риме виллу, сошелся со многими известными людьми, вошел в круг итальянской элиты. Он охотно принимал соотечественников, помогал русским художникам-стипендиатам, договариваясь для них о возможности ознакомления с частными художественными коллекциями.

Князя Григория Ивановича Гагарина вернули на службу в России только через 10 лет. В апреле 1822 г. он был назначен советником русского посольства в Риме, и практически вел все текущие дела, так как престарелый посол Андрей Яковлевич Италинский, которому было уже за 80 лет, физически не справлялся со своими обязанностями. В 1827 г., после смерти посла А.Я. Италинского, он занял пост чрезвычайного посланника и полномочного министра, который оставил

лишь в апреле 1832 г. В 1828 г. князь Григорий Иванович стал тайным советником. В 1832 г. он был направлен посланником при Баварском дворе, который занимал до конца жизни. Скончался князь Григорий Иванович 12 февраля 1837 г.

В браке с Екатериной Петровной он имел пять сыновей, двое из которых посвятили свою жизнь, по примеру отца, дипломатической деятельности. Старший из его сыновей, князь Григорий Григорьевич (1810–1893), стал наиболее ярким представителем княжеского рода Гагариных. Князь Григорий — дипломат, генерал-майор, тайный советник, обер-гофмейстер, вице-президент Императорской Академии художеств, известный русский художник. Он родился в Санкт-Петербурге 29 апреля 1810 г. С детства много рисовал, оформлял домашние спектакли. Великий русский художник Карл Павлович Брюллов, будучи в Риме, где он был на стажировке по окончании Академии художеств, увидев работы двенадцатилетнего Гриши, начал его учить. Они вместе ходили на этюды, их дружба продолжалась до самой кончины Карла Павловича Брюллова. В 1824 г. Григорий поступил в колледж Птолемео в Сиене, где он проучился два года, а потом возвратился в родительский дом в Риме.

В 1829 г. князь Григорий Гагарин был причислен к посольству барона Поццо ди Борго в Париже в должности актуариуса. В этот период он начал посещать Сорбонну, где избрал курс архитектуры и строительного дела, а также слушал лекции по математике, праву, филологии и философии. В 1830 г., в связи с революционными событиями в Париже, отец увез Григория и Евгения в Италию. Два года провел Григорий в поездках по Европе, в путешествиях он не расставался с альбомом для набросков, занося туда свои дорожные художественные впечатления.

В 1832 г. Григорий Григорьевич вместе с семьей вернулся в Санкт-Петербург и поступил в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел. В светском обществе Петербурга он быстро завоевал репутацию искусного рисовальщика. Следуя совету отца, князь Григорий искал общества «зрелых и достойных людей». В круг его знакомых входили Жуковский, Пушкин, Одоевский и многие другие деятели культуры и искусства. А.С. Пушкин пригласил молодого Г.Г. Гагарина для художественного оформления прижизненного издания своих книг. Князем Григорием были оформлены произведения великого поэта. От денег, которые ему предлагал А.С. Пушкин, Григорий отказался, сказав, что для него эта работа большая честь. Они дружили до самой кончины Александра Сергеевича.

В 1833 г. князю было пожаловано звание камер-юнкера. В 1834 г. он был послан на дипломатическую службу в Константинополь, куда плыл на бриге «Фемистокл» из Афин. Он получил разрешение вывезти из Греции своего учителя, тяжело заболевшего К.П. Брюллова, чем спас его жизнь. Командиром брига был капитан В.А. Корнилов, впоследствии герой обороны Севастополя. В Константинополе он участвовал в экспедициях по Ближнему Востоку, где началось его увлечение византийской архитектурой.

Император Николай I, в знак своего доброго отношения к его отцу, пригласил князя Григория Григорьевича участвовать в своей первой поездке на Кавказ в 1837 г. И в дальнейшем государь Николай I интересовался его судьбой. В связи с болезнью отца в 1837 г. он был переведен в Мюнхен, где занимал должность секретаря при российском посольстве до 1839 г.

В мае 1840 г., по просьбе князя Г.Г. Гагарина, он был назначен чиновником особых поручений при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и откомандирован к барону П.В. Гану. В том же году участвовал в Чиркеевском походе. В 1842 г. участвовал в экспедиции князя А.И. Чернышёва в Дагестан, в частности, посетил аул Тидиб. На Кавказе князь Григорий подружился с М.Ю. Лермонтовым. С апреля по июнь 1841 г. он служил в составе Черкеевского отряда участвовал в военных действиях против горцев и за личную храбрость и хладнокровное мужество награжден орденом св. Анны 3-й ст. с бантом. В связи с награждением, при личном участии Императора Николая I, он был произведен в поручики лейб-гвардии Гусарского Его Императорского Величества полка и причислен к канцелярии военного министра для особых поручений. В 1842 г. он был произведен в штабе-ротмистры, участвовал в экспедиции князя А.И. Чернышёва в Дагестане.

В 1848 г. он был прикомандирован к князю М.С. Воронцову в Тифлис, «в ученом и художественном назначении быть употребленным». Кроме военных и административных обязанностей, князь Г.Г. Гагарин много работал как архитектор и художник. В Тифлисе по его проекту построен театр, также восстанавливал фрески в Сионском соборе и в старых грузинских монастырях. В 1850 г. он участвовал в Чеченском отряде генерала Нестерова в делах против горцев и за отличие произведен в полковники.

В 1854 г. князь Григорий Григорьевич был переведен с семьей в Санкт-Петербург и назначен состоять при президенте Императорской Академии художеств Великой Княгине Марии Николаевне. 30 августа 1858 г. он был произведен в звание генерал-майора с зачислением

в свиту Его Императорского Величества. 27 мая 1859 г. он был назначен на должность вице-президента Императорской Академии художеств. 4 ноября 1864 г. ему был присвоен придворный чин гофмейстера Высочайшего Двора, а также — гражданский чин тайного советника, которые соответствуют армейскому чину генерал-лейтенанта. 19 апреля 1872 г., из-за того, что был заблокирован его вариант устава, он оставил должность вице-президента Императорской Академии художеств. 19 февраля 1880 г. он был Высочайше пожалован в обер-гофмейстеры. Князь Григорий Григорьевич был женат дважды: первый брак — на княжне Анне Николаевне Долгоруковой, и второй брак — на Софье Андреевне Дашковой.

Скончался князь Григорий Григорьевич 30 января 1893 г. в Шателро во Франции, накануне вечером он закончил расписывать православный храм, лег спать и не проснулся. Он сам и его семья принимали активное участие в деятельности ИППО, в частности его жена и дочь участвовали в изготовлении ковра для храма св. Магдолины в Иерусалиме.

Князь Евгений Григорьевич Гагарин (1811–1886), второй сын князя Григория Ивановича Гагарина и Екатерины Петровны Соймоновой, родной брат князя Григория Григорьевича Гагарина, также был русским дипломатом. Детство он провел в Италии, воспитывался в Швейцарии, в частном пансионе Феленберга, куда отец отвез его в начале 1818 г. В 1829–1830 гг. князь Евгений служил в российском посольстве в Париже. В 1832 г. он был прикомандирован к российской дипломатической миссии в Баварии. Через год переведен в Вену и пожалован в камер-юнкеры. В середине 1830-х он жил в Санкт-Петербурге и служил чиновником Министерства иностранных дел Российской Империи, получив чин статского советника.

В 1838 году он женился на Марии Александровне (1820–1890), дочери Александра Скарлатовича Стурдза, принадлежавшего к древнему молдавскому боярскому роду. После женитьбы князь Е.Г. Гагарин вышел в отставку и с семьей поселился в Одессе. Покинув службу, он занялся сельским хозяйством. Жил жизнью богатого сибарита. По отзывам знавших его современников был «человеком самого счастливого характера». Вместе с женой князь Е.Г. Гагарин основал Одесскую Стурдзовскую богадельню сердобольных сестер и вместе с княгиней Е.К. Воронцовой стал ее попечителем в 1854 г. В 1882 г. он был Высочайше пожалован в действительные статские советники.

Князь Е.Г. Гагарин скончался 15 (27) августа 1886 г. в Одессе и был похоронен на кладбище при храме Воскресения Христова.

Литература

1. Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1. С.201–202.
2. Гагарин, Григорий Иванович // Русский биографический словарь : в 25 томах. СПб.; М., 1896–1918.
3. Гагарин, Григорий Григорьевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.) СПб., 1890–1907.
4. Гагарин Григорий Григорьевич // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М., 1969.
5. Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003.
6. Корнилова А. Григорий Гагарин. М., 2004.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВЕТЕ ИППО ДО 1917 г.

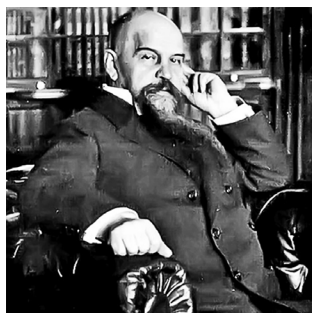
В первые тридцать пять лет деятельности Императорского Православного Палестинского Общества оно тесно сотрудничало с Министерством иностранных дел Российской Империи. Общество, как известно, было создано 21 мая 1882 г. по монаршей воле Всероссийского Императора Александра III Александровича и по инициативе известного русского государственного и общественного деятеля В.Н. Хитрово. Первым Председателем Общества был избран Великий Князь Сергей Александрович, который с самого начала своей работы уделял большое внимание выполнению уставных задач организации и, в первую очередь, вопросам поддержания Православия в Святой Земле, а также помощи русским богомольцам в осуществлении их путешествий в Палестину. Эти вопросы касались важных аспектов международной политики и дипломатической деятельности, которые входили в круг обязанностей Министерства иностранных дел Российской Империи. Справедливости ради необходимо отметить, что руководство МИД России до последнего сопротивлялось созданию Общества, и было вынуждено смириться с его возникновением, только после Высочайшего решения Императора Александра III.

Взаимодействие Общества с МИД России не всегда было равным, плодотворным и конструктивным, особенно в первые годы работы ИППО на Ближнем Востоке. Это обстоятельство объяснялось ревностью к его деятельности как руководителей МИДа, так и русских дипломатов, которые работали на Ближнем Востоке и считали, что их ведомство за рубежом максимально полно представляет интересы России в Палестине, являвшейся в тот период частью территории Оттоманской Порты. В первые годы работы ИППО руководство МИД России дистанцировалось от Общества, и только вынужденно входило с ним в контакт. Разногласия, существовавшие между МИД России и Палестинским Обществом, постепенно сглаживались и нормализовались,

---

¹ Житенёв Сергей Юрьевич — заместитель руководителя Научной секции ИППО, советник директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва.

² Дгебуадзе Надежда Юлиановна, член Совета Московского отделения ИППО, руководитель Паломнической секции Московского отделения ИППО, советник президента Международной общественной туристской академии (МТА).

Николай Генрихович
Гартвиг

благодаря твердой, но конструктивной и благожелательной позиции Великого Князя Сергия Александровича, а также эффективной деятельности представителей Общества в Святой Земле.

Благодаря успешным действиям Общества в Святой Земле, Высочайшим повелением³ Императора Александра Александровича от 24 марта 1889 г. Обществу было присвоено наименование «Императорское», кандидатуры вводимых в состав Совета ИППО от МИД России должны были с того времени назна-

чаться, по представлению Председателя Общества, Всероссийским Императором. Такое положение дел в корне изменило отношение российского дипломатического ведомства к сотрудничеству с ИППО, которое стало носить более стабильный и конструктивный характер.

Первым представителем Министерства иностранных дел Российской Империи в Совете Императорского Православного Палестинского Общества с 11 июня 1889 г. стал Дмитрий Львович Лисовский (†26.12.1900), который был направлен для работы в нем Министром иностранных дел России Н.К. Гирсом по рекомендации директора Азиатского департамента И.А. Зиновьева. Д.Л. Лисовский двенадцать лет, до самой своей кончины, был членом Совета ИППО, представляя в нем российское внешнеполитическое ведомство. Общество высоко оценило его работу, он стал с 21 мая 1892 г. почетным членом ИППО и по праву считался важным деятелем Общества.

В.Н. Хитрово в своем докладе на Общем собрании ИППО 08 апреля 1901 г. с большой благодарностью и теплотой упоминает имя Дмитрия Львовича Лисовского, ушедшего к этому времени в мир иной. Василий Николаевич с горечью говорил о том, что лично для него Дмитрий Львович был многолетний и ближайший сотрудник, потеря которого чувствительно отозвалась в его сердце. «Д.Л. Лисовский в течение почти 12 лет, со дня передачи в Общества обязанностей Палестинской Комиссии, был в нашем Совете представителем Министерства Иностранных дел. В течение этого времени было до 90 заседаний Совета, ни одного из них он не пропустил, за исключения последнего, бывшего за два дня до его смерти, но и тут среди тяжелых страданий

³ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 15 сентября 1889 г. № 103. Ст. 858. С. 2038–2039.

он прислал перед заседанием написанную дрожащею рукою записку: «Болен тяжело, кланяйтесь всем»⁴.

По мнению В.Н. Хитрово, положение Д.Л. Лисовского в Совете ИППО «особенно на первых порах, было крайне щекотливое: с одной стороны, Общество, которое, упоенное первыми успехами своего дела, очень часто не знало ни границ, ни мер своих пожеланий, с другой стороны, Министерство Иностранных дел, которое, по всей справедливости, не могло с полным доверием относиться к только что основанному частному Обществу. И вот именно в первый период деятельности Общества высказалась вся заслуга Дмитрия Львовича перед ним. Никогда, ни одним словом, ни одним действием своим он не ухудшил этих отношений между министерством и Обществом, что не преминуло бы произойти, если бы вместо Д.Л. был иной, более горячий, более страстный человек. В последние годы он сжился с Обществом и считал себя как бы сроднившимся с ним»⁵.

Эти слова В.Н. Хитрово очень честно, справедливо и ярко характеризуют деятельность Д.Л. Лисовского в Обществе, направленную, прежде всего, на создание подлинно партнерских и человеческих отношений между МИД России и ИППО. Имя Дмитрия Львовича навсегда увековечено в мемориале ИППО на Александровском подворье в Иерусалиме.

Следующим представителем МИД Российской Империи в Совете ИППО был Николай Генрихович Гартвиг (1857–1914), который был введен в состав Совета ИППО в мае 1898 г., будучи вице-директором Азиатского департамента МИД, но при этом официальным представителем министерства в Совете оставался Д.Л. Лисовский, продолжая быть в таком качестве до самой своей смерти в 1900 г. До этого Н.Г. Гартвиг продвигался по дипломатической лестнице следующим образом, в 1879 г. был назначен консулом в Бургас, а затем — в Бейрут, с 1897 г. — вице-директором и в 1904–1906 гг. директором Азиатского (Первого) департамента МИД России.

Николай Генрихович был избран действительным пожизненным членом ИППО с 17 мая 1898 г., а в 1901 г. стал почетным членом Общества. Основатель Общества В.Н. Хитрово высоко ценил Николая Генриховича за его неизменную поддержку деятельности ИППО на Ближнем Востоке. В 1903 г., после смерти В.Н. Хитрово, Н.Г. Гартвиг выступал

---

⁴ Хитрово В.Н. Доклад на Общем собрании Общества 08 апреля 1901 г. // Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия. Сост., подг. Текста и комментарии Н.Н. Лисового и Л.А. Герд. М.; СПб., 2012. С.297.

⁵ Хитрово В.Н. Там же. С. 297.

против назначения А.П. Беляева секретарем ИППО, отмечая его низкий профессиональный уровень как дипломата, что впоследствии получило свое подтверждение. Он получил известность как автор статей в славянофильской газете «Новое Время». В своих статьях Н.Г. Гартвиг критиковал тогдашнюю политику России в отношении стран Ближнего Востока. Многие рассматривали Н.Г. Гартвига как правую руку Министра иностранных дел России графа В.Н. Ламздорфа, который разделял многие идеи своего сотрудника и соратника.

Н.Г. Гартвиг считался творцом Балканского союза⁶, разгромившего Османскую империю и решившего почти полностью вековой вопрос о владычестве Турции в Европе. Долгое пребывание Н.Г. Гартвига во главе Азиатского департамента, создало ему на Ближнем Востоке и Балканах огромный круг его друзей и почитателей.

В 1906–1908 гг. он был посланником в Персии, а в 1909–1914 гг. — посланником в Сербии, где умер от разрыва сердца накануне Первой мировой войны. По просьбе сербского правительства Н.Г. Гартвиг был похоронен в Белграде. На похоронах присутствовали многие высшие должностные лица страны, включая премьер-министра Н. Пашича, а также многие жители столицы Сербии. В 1939 г. на могиле Н.Г. Гартвига на деньги правительства Сербии и добровольные пожертвования русским архитектором Г.П. Ковалевским был воздвигнут выразительный памятник.

Литература

- Бухерт В.Г. Примечания: Туркестанские письма Н.Ф. Петровского. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2003. С. 511–517.
- Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б. Памятники Романовского Иерусалима. // Православный Палестинский Сборник. Выпуск 113. К 135-летию ИППО. Отв. ред. Н.Н. Лисовой. М.: Индрик, 2017. С. 115.
- Искендеров П.А. Николай Генрихович Гартвиг. // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 35–44.
- Шевцова Г.И. Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М., 2010.

⁶ Балканский союз, военно-политический блок Сербии, Черногории, Греции и Болгарии, направленный против Турции на протяжении Балканских войн 1912–1913 гг., который поддерживала Российская Империя. Во время войны объединенные армии балканских государств разбили турецкие войска и фактически уничтожили османское правление в Европе.

ИСТОКИ ПАЛЕСТИНСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

По признанию академика М.Н. Тихомирова с 1497 г. начался патрональный период взаимоотношений России с Афоном и Палестиной² в целом. Сохранилась запись 1497(1) [1.45] в Никоновской летописи от 7004–7005 гг. (о послах в Волохи) о прошении игумена Росикона Паисия милостыни Росикону и другим Афонским монастырям у Иоанна III Васильевича (1462–1505). Милостыня была дана. Прибыл в Москву игумен Паисий по рекомендации Валашского воеводы Иоанна Радула Великого (1495–1508). К Валашским воеводам Афонские монастыри (в т. ч. и Росикон) обращались не однажды. Молва о милостыне, полученной Паисием от Российского царя, быстро распространилась по Афону. В 1509(14) г. [1.48; 7.12] зафиксирована благодарственная грамота Прота Паисию за общую милостыню Афону. Но регулярные прошения от Афона стали поступать после совместного визита 1514(1, 2) [1.288] к Царю лаврского старца Мелетия и Ватопедского старца Нифонта.

Наши исследования показали, что все Афонские монастыри получали помощь от России, или целевым образом, или в составе общеафонской милостыни (например: Григориат). В Царской канцелярии не всегда обеспечивался четкий учет поступающих грамот, их хранение, учет отправляемых грамот. Сохранилась запись 1515(6) [1.50] «о потерянных грамотах с которыми приезжали к Великому Князю Василию III Иоанновичу старцы Афонской Лавры и Ватопеда. Каждого посланника нужно было принять, дать кров, покормить. Сохранились запросы 1627(20) [1.88] «Из Разряда, что дано жалованье и поденного корму в бытность в Москве Ватопедского монастыря игумену Никодиму, также и иным приезжающим духовным чужестранным властям», 1652(11) [1.367] «по чему давало приезжим духовным и светским послам в стола место корму и пития в праздники Новолетия, Рождества Христова, Богоявления Господня, Цветоносной недели, Светлого Воскресения и Государева Ангела».

Администрация испытывала много трудностей на границе (Путивль, Трубчевск). Периодически выявлялись лжеперсоны различного уровня: от простого монаха до митрополита.

---

¹ Зубов Дмитрий Васильевич — кандидат экономических наук, член МОО «ИППО», директор по научной работе Института Истории Афона.

² В то время под «Палестиной» понималась Родина православных монастырей Древних Патриархий.

Приводим краткий перечень:

1604(3)	Лжеплемянники м-та Пелагонского Иеремии
1625(5)	Зографского м-ря лжестарец Мелетий
1624(5)	Лжемитрополит Синайский Иеремиа
1628(3)	Лжем-т Метаморфорсский Неофит (проломил стену)
1634(5)	Лже православный патриарх Сербский Авраамий (Унитат) через Архангельск
1636(4) (5)	Лжеигумен Зографа Неофит
1642(5) (13)	Лжеприглашенный архим. Филофей Сербский
1648(1-4)	Лжеигумен и лжестроитель прибыли в Путивль
1653(6)	Лжекнязь рострига Милорадович Михаил
1654(8)	Лжекнязь Шуйский — Тимошка Акиндинов
1660(7)	С Гетманскими посланцами прибыл лжеслуга гетманский Николай Ризов (от Юрия Хмельницкого)
1693(7)	Лжеепископ Арсений Андусийский (направлен в Новоспасский монастырь)
1700(1)	Лжечеркашенин Михаил Дмитриев Волошенин бежавший из Никольского монастыря
1725(7)	Лжеепископ Чигиринский (сослан в Соловецкий монастырь) Епифаний
1728(2)	Лжеархиепископ Симеон Филиппольский
1757(8)	Лжеепископ Запорожский (сеча) — архимандрит Анатолий

Как пример посильной селекции ходатаев, прибывающих из палестинских монастырей, приводим акт 1631(5) [8.123] Отказ в Путивле Царя Михаила Феодоровича иеромонаху Введенского монастыря (Хиландара) в милостыне, т. к. «не имел сведений ни о Турской земле, ни о Литовской земле».

Московские власти испытывали и некоторые неудобства в связи с проживанием значительного числа греков или испрашивавших милостыню 1673(2) [4.178] или прибывавших с законными или незаконными товарами, да и проживание греков на выделенных им подворьях не всегда проходило гладко. Так, например, сохранилось «Дело (1661(6)) [4.133] о ... взятии скаски с живущих в Москве греков, дабы они табаку у себя отнюдь не держали и русским людям оно не продавали».

Сохранилось «Дело (1673(2)) [4.178] о заделании в Спасском и Никольском монастырях в Китай-городе, где имеют жительство приезжие греки, пробитых через городовую стену окон и непозволения впредь пристраивать никаких к городской стене хором и пр.» Факт некоторой непосредственности греков граничащей с вандализмом.

Отсутствие достаточно четкого учета подаваемых документов и жалованных милостынных дач, широкий спектр личных интересов посланников с одной стороны и искреннее желание оказать помощь монастырям, находящимся под трудно преодолимым турецким игом, некоторая заинтересованность России в получении оперативной информации о положении дел вне России, вблизи от ее границ, с другой стороны, понуждали не перекрывать эти информационные каналы, но их в значительной мере упорядочить.

1688(1) Грамота [4.199] Государей Софья (1682–1689), Иван V (1682–1689), Петр I (1682–1725) устанавливают регулярные выплаты Палестинским монастырям, в т. ч. Афонским, по 30 р. в год, а Ватопедскому монастырю 125³.

1706(10) [1.144] Петр I подтверждает необходимость дачи денег архимандритам греческих монастырей, приехавшим в Москву за милостыней.

1718(2) [1.149] Петр I повелевает осуществлять дачу приезжающим архимандритам афонских и македонских монастырей денег по 15 рублей и соболей от 17 до 20 руб.

1725(4) [10.159] Указ Императрицы Екатерины I, подписанный еще Петром I, но не вступившим в силу при нем, согласно которому все посетители Палестинских монастырей переводились из ведения Коллегии иностранных дел в ведение Синода. В связи с упорядочением Палестинского штата начался процесс снижения роли подворий в Москве, как Иверского, так и Хиландарского.

Известен акт 1556(1) [1.58]. Жалованная данная грамота Царя Иоанна IV Васильевича Хиландарскому монастырю Паисия на Двор в Москве Китай-городе, по правую сторону Богоявленского монастыря возле Устюжского Двора с требованием заздравных и заупокойных молитв по членам Царского рода. А в грамоте 1684(4) [1.134] [7.108] Царей Ивана V и Петра I и царевны Софьи Алексеевны архимандриту Хиландара Гавриилу о замене права пользования двором на милостыню 30 р. Известен также акт 1556(7) [11.105] Царя Ивана IV Васильевича о передаче монастыря Большие Главы под временное пребывание монахам

³ Известно Дело о появлении в Москве Святыни — Главы Иоанна Златоуста в 1555 (2, 3) г. стараниями игумена Ватопеда Никодима впервые прибывшего в Москву в 1622 (7) г. и временно игуменствовавшим в Угрешском монастыре. Нами собрано 15 актов по этому Делу. Акт 1879 (2) — Благодарность от Царя Феодора Алексеевича (1676–1682) Ватопеду за согласие о пребывании святыни в Москве. Разрешение приезжать за милостыней (500 р.) каждые 4 года (Романенко, Турилов 2002, С. 152).

с Афонской Горы, в т. ч. и Иверскому монастырю. В отличие от Хиландарских монахов Иверские еще долго держались в этом подвории.

Таким образом, окончательное формирование государственной функции (направления) внешней политики России под наименованием «Палестинское» было определено Актом-Законом 1735(3) [12.519] Императрицы Анны Иоанновны Высочайше утверждавший «Штат» милостынной раздачи палестинским духовным властям и монастырям и прогонных и кормовых денег лицам, от них за милостынею присылаемым, о назначении за сей предмет 5000 рублей ежегодно в распоряжение Синода из Коллегии экономии («Палестинские⁴ штаты Императрицы Анны Иоанновны»).

Истоки палестинского направления внешней политики России (Азиатского Департамента) формировались с XV в. по XVIII в.

Отдельные византийцы в России в период действия Палестинского штата

Иоанн III

Посол к дожам, к Миланскому Герцогу, к Римскому папе — Георгий Паргамоте, Дмитрий Ралеви, Мануил Ралеви, Мануил Ангелов.

Посол у Цесаря (Фредерик), посол в Дании — Юрий Траханиот (София Палеолог).

Василий III

Хранитель печати, казначей — Юрий Малый Траханиот;

Писатель — прп. Максим Грек (Михаил Триволис).

Михаил Федорович 1628 г.

Математик 1628 г. — геометр

Ивашко князь Елизаров, сын Альбертус Долмацкий.

Муравьев А.Н. сообщает (М., 1860 г., т. II, с.174, 175), что по справке в Посольском приказе примерно, какое давали жалованье в прежние годы за привозимую святыню, оказалось: «что в 1633 году приезжал в Москву, с Турским послом и Гречанином Фокою Кантакузиным, некто Грек Ермолай Ранговей, который привез Государю часть мощей

⁴ Следует для некоторых читателей уточнить значение этого слова. Здесь это слово применено во втором его значении: «Отечество, отчизна, Родина». Даль В. Толковый словарь... СПб, М., 1912 г.

главы Иоанна Предтечи, и святых апостолов Петра, Андрея и Евангелиста Матфея, и получил соболями порознь: за Предтечевы на пятьдесят рублей и по тридцати пяти рублей за каждые из Апостольских, а всего сто пять рублей; по сему соображению Государь приказал выдать дьячку Иоанну, соболями или деньгами, двадцать пять рублей за мощи св. мученицы Анастасии; довольно замечательно здесь, как оценились мощи, по большой или меньшей важности Святого». (Связка 14-я № 7).

1636 год

Посол в Монголию — Степан Гречанин.

1658 год

Командир греческой роты и основатель Ачинского острога в Красноярском Крае — Юрий Иванов.

1684 год

Добыча Серебра на Аргуни (приток Амура) — Александр и Вениамин Левандиани.

Петр I и после 1687 года

Основатели Славяно - Греко - Латинской академии — Иоантикий и Софроний Лихуды.

Петр I

Старший врач Первого Госпиталя в СПб — Антон Севасто.

1708 год

Строитель галер — Иван Бацис офицер Венецианец.

Анна Иоанновна

Придворный медик — Иван Мелиссино с Ионических островов;
Один из первых директоров Московского университета — сын Иван Мелиссино младший;
Генерал от Артиллерии — сын Петр Мелиссино младший.

1787 год

Севастополь первый бургомистр — Димитриос Кази офицер с Пелопонеса.

Литература

1. Зубов Д.В., Пирогов В.Н. Свод документов Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне (до 1735 года). Святая Гора Афон, 2018.
2. Азария Понцов. Акты Русского на Святом Афоне монастыря св. вмч. и целителя Пантелеимона. Киев, 1873.
3. Азария Понцов. По поводу вопросов об Афонском монастыре св. Пантелеимона. СПб, 1874.
4. Бантыш-Каменский. Реестры греческим делам. М., 2001.
5. Бибилов М.В. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I, М., 2004; Т. II, М., 2009; Т. III, М., 2018.
6. Каштанов С.М. Россия и греческий Мир. М., 2004.
7. Леонид, архимандрит Кавелин. Историческое обозрение Афонских славянских обителей: болгарский — Зограф, русский — Русика, Сербский — Хиландаря // ХЕВ, Одесса, 1867, № 6.
8. Муравьев А.Н. Сношения России с Востоком по делам Церковным 2.1 СПб, 1858; СПб, 1860.
9. Волынцев А. Греческий «призыв» при русском дворе. Профиль №34. М., 2019. С. 55–59.
10. Православная Энциклопедия Т. IV, С. 159. М., 2002.
11. Николаевские монастыри, М., 1897.
12. Полное собрание Законов Российской Империи СПб, 1830.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА МИД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ТУРИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время в Российской Федерации большое внимание уделяется государственной политике в сфере внутреннего и въездного туризма. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, туризм рассматривается как существенная составляющая инновационного развития нашей страны.

Необходимо отметить, что процессы мировой глобализации и упрощение визовых формальностей снимают административные барьеры для продвижения отечественного туристского продукта, как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Однако для дальнейшего перспективного развития туризма необходимо устранение ряда проблем, связанных с условиями пребывания туристов, и в первую очередь — это модернизация материально-технической базы, использование передовых инновационных технологий в сфере туризма и адаптация туристского продукта запросам современного российского и иностранного потребителя. Одним из важнейших показателей, влияющих на конкурентоспособность туристского продукта, является качество средств размещения.

Сегодня общепризнанно, что туризм — это перспективная, динамично развивающаяся отрасль, которая во всем мире входит в тройку доноров национальных экономик. Туризм стимулирует развитие 53 отраслей экономики, что дает гигантский синергетический эффект, причем практически мгновенный. Поэтому широко известно, что в туризм можно весьма эффективно инвестировать.

Если сегодня создать интерес и предоставить потенциальным путешественникам через все инициативы и ресурсы ответы на вопросы, зачем, где и как отдыхать в России, то завтра мы можем получить устойчивую тенденцию, а затем и традицию ездить по стране. Там, где рост турпотока становится постоянным, появляются инвесторы,

---

¹ Соловьёв Андрей Петрович — кандидат педагогических наук, заместитель директора Федерального ресурсного методического центра развития образования в сфере культуры и искусств Министерства культуры Российской Федерации (Москва, Россия), член МОО «ИППО», ответственный секретарь Президиума Международной общественной туристской академии.

инфраструктура, рабочие места. Одновременно туризм — это самый мощный и эффективный инструмент популяризации нашей отечественной истории, культуры и духовных ценностей.

Поэтому в настоящее время перед современным сообществом стоит главная цель — сделать туризм одной из самых доходных областей нашей экономики. Для этого необходимо строить новые туристские кластеры, повышать уровень индустрии гостеприимства, создавать принципиально новые предложения для туристов, эффективно представлять туристский потенциал регионов на внутреннем и международном рынках. Работа уже активно идет, но пока эта стадия на начальном этапе.

Развитие внутреннего туризма органами федеральной законодательной и исполнительной власти, общественными организациями, отраслевым бизнес-сообществом до настоящего времени практически рассматривается как перспективное, динамично развивающееся экономическое явление, но малодоступное для слабо защищенных слоев населения. Эта отрицательная тенденция проявляется в форме существующего социального неравенства и порождает/усиливает общественную напряженность в том числе в межнациональных и межконфессиональных отношениях.

Россия обладает неограниченными природными, историческими достопримечательностями, объектами религиозного поклонения и паломничества, уникальными национальными и этническими традициями и обычаями. Становится актуальной проблема более эффективного использования этого социально значимого потенциала на благо российских граждан средствами внутреннего туризма. И значимую роль в этом процессе оказывает Министерство иностранных дел Российской Федерации (далее МИД РФ).

МИДом РФ проделана активная и большая работа со многими странами мира по подписанию и последующей реализации соглашений о сотрудничестве в сфере туризма. В частности, в этих соглашениях речь идет:

- о сотрудничестве в сфере туризма на основе равноправия и взаимной выгоды;
- о расширении сотрудничества между государственными органами управления туризмом и другими организациями обоих государств, связанными с туризмом, в том числе созданию совместных предприятий по оказанию туристских услуг между хозяйствующими субъектами обоих государств, а также осуществлению капиталовложений в сферу туризма;

- о стремлении к упрощению визовых, таможенных и иных формальностей, связанных с туристскими поездками из обоих государств;

- об организации, как организованного группового, так и индивидуального туризма, а также обмена специализированными группами для посещения спортивных мероприятий, музыкальных и театральных фестивалей и организации туристских выставок, симпозиумов и конгрессов;

- о поощрении и поддержании обмена между своими государственными органами управления туризмом статистической и другой информацией в сфере туризма, в том числе о законодательных и иных нормативных актах, регулирующих туристскую деятельность в государствах Сторон;

- о развитии национального законодательства, в отношении защиты и сохранения природных и культурных ресурсов, являющихся туристскими достопримечательностями;

- об использовании туристских ресурсов;

- об опыте управления гостиницами и другими средствами размещения туристов;

- об обмене справочными, информационными и рекламными материалами;

- об оказании взаимной помощи в подготовке профессиональных кадров для сферы туризма, в обмене представителями государственных органов управления туризмом, экспертами по туризму и журналистами, а также взаимодействии всесторонним контактам и совместной деятельности между российскими и иностранными организациями, осуществляющими научные исследования в сфере туризма;

- о координации сотрудничества между государственными органами управления туризмом в рамках Всемирной туристской организации (ВТО) и других международных правительственных и неправительственных туристских организаций;

- о организации совместных конференций по развитию туризма с целью содействия взаимовыгодному сотрудничеству в сфере туризма между сторонами;

- о содействии государственным органам управления туризмом в открытии официальных представительств по туризму на территории государств. Организация и рамки деятельности представительств согласовываются между государственными органами управления туризмом и регулируются внутренним законодательством государства пребывания.

Данные Соглашения вступает в силу с даты, когда обе Стороны по дипломатическим каналам письменно уведомят друг друга о выполнении внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

Обычно такие Соглашения заключаются сроком на пять лет и автоматически продлеваются на последующие аналогичные периоды, если ни одна из Сторон не уведомит другую Сторону по дипломатическим каналам в письменной форме не менее чем за шесть месяцев до истечения очередного периода о своем намерении прекратить его действие.

На развитие внутреннего туризма в нашей стране в ближайшей перспективе, безусловно, будет оказывать существенное влияние развитие международного туризма и его рынка. Прогнозы на ближайшее десятилетие показывают, что ведущая роль в туризме будет принадлежать таким странам, как Китай, Индия, Франция, Италия, Испания, Саудовская Аравия, Гонконг, Великобритания, Турция, США.

Внутренний туризм в последние годы активно стал развиваться в нашей стране за счет следующих трендов:

- достигнуто на всех уровнях, включая и средства массовой информации, понимание важности и необходимости совместного обсуждения проблем развития внутреннего туризма, создания в стране современной туристской индустрии, которая является одной из приоритетных отраслей экономики, имеющей значимый мультипликативный эффект и стимулирующей развитие смежных отраслей, способствующей развитию международных контактов и обеспечению занятости населения, увеличению доходов в бюджеты всех уровней, повышению уровня жизни населения, имиджа регионов и страны в целом;

- отмечен положительный опыт государственного регулирования в сфере туризма в части использования эффективного механизма привлечения инвестиций в туризм на основе государственно-частного партнерства, формирования цивилизованного туристского рынка, включая реализацию правовых норм по защите прав и законных интересов потребителей туристского продукта, качества и безопасности туризма, внедрения новых стандартов и классификации объектов туристской индустрии, новых информационных технологий, развития региональных программ развития туристской деятельности;

- приняты нормативные правовые акты, сформировавшие в нашей стране основы цивилизованного туристского рынка, включая отражение и решение проблем развития туризма на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе, расширение международного сотрудничества с Китаем и Монголией.

Важно отметить, что в сентябре 2019 г. Правительством Российской Федерации была утверждена Стратегия развития туризма в России до 2035 г. (Распоряжение от 20 сентября 2019 года №2129-р.). Стратегия направлена на развитие внутреннего и въездного туризма за счёт создания и развития туристских территорий специальных преференциальных режимов, реализации комплексных проектов создания туристской и обеспечивающей инфраструктуры, формирования и продвижения качественного и конкурентоспособного туристского продукта на внутреннем и международном туристских рынках, увеличение доступности туристских услуг, отдыха и оздоровления для российских граждан. В результате реализации Стратегии к 2035 году количество внутренних туристских поездок на одного жителя увеличится более чем в два раза, экспорт туристских услуг — более чем в три раза, инвестиции в сферу туризма — в три раза. Существенную роль в реализации данной Стратегии будет играть МИД РФ, взаимодействуя совместно с Министерством экономического развития РФ, а также с Ростуризмом.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 28.12.2016 г.) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/, свободный. (Дата обращения: 21.05.2019).
2. Государственная программа «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/11936/>, свободный. — (Дата обращения: 21.05.2019).
3. Проект Распоряжения Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» (подготовлен Ростуризмом 14.08.2017 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/56724252/>, свободный. (Дата обращения: 21.05.2019).
4. Концептуальные подходы к формированию новой модели развития российского туризма для XXI века. // М.Б. Биржаков, С.Ю. Житенёв, Е.М. Николаев, В.С. Новиков, М.С. Кирова, Ю.С. Путрик, А.П. Соловьёв. // Российские регионы: взгляд в будущее. М., 2017. Т. 4. № 1. С. 128–137.
5. Путрик Ю.С. Туристская политика РФ: региональный аспект. // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 1. С. 44–50.

РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС

Палестинская проблема является одной из ключевых в регионе Ближнего и Среднего Востока и во многом остается таковой в геополитике. Россия стояла у ее истоков и была одним из инициаторов попытки решения этой проблемы, имеющей ряд аспектов, связанных как с израильской и палестинской государственностью, так и с тем, что Палестина является колыбелью трех мировых религий — христианства, ислама и иудаизма.

На всех этапах истории России Ближний Восток всегда занимал важное место в ее внешней политике. После принятия в 988 г. в Древней Руси христианства в XI–XVI вв. это был интерес, прежде всего к Палестине, как Святой Земле, на которой возникла христианская религия. Великий Князь Владимир в 1001-м году посылал на Ближний Восток посольство. В 1062-м году, киевский инок Варлаам совершил паломничество к святым местам Палестины, и уже к XII веку паломничество приобрело массовый характер². Из древнерусской литературы известно о «Хождении игумена Даниила», который в 1106–1108-х годах тщательно обошел с «дружиной» (т. е. со спутниками), составленной из людей разных мест России, всю Святую Землю. Сохранились также записки купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова, посланных царем Иваном IV в Царьград (Константинополь), Иерусалим и Антиохию для поминания сына царя царевича Ивана.

В XVII–XVIII вв. жизненной необходимостью и внешнеполитическими приоритетами для России было освоение Причерноморья, освобождение Крыма, а также выход России к Азовскому, Каспийскому, Черному морям и впоследствии в Средиземноморский бассейн. Началом осуществления этих задач стали Азовский, Прутский и Персидский походы царя Петра I, освобождение г. Азова русской армией в 1696 г., создание Азовского флота и его базы Таганрога, взятие Дербента, Решта и Баку в 1723 г. и переход под юрисдикцию России юго-западного побережья Каспийского моря. Наибольшие успехи в реализации вышеуказанных целей были достигнуты в период правления императрицы

---

¹ Долгов Борис Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

² Вейнберг П.И. «Путешествия русских людей за границу. По произведениям русской литературы» // «Нива» 1889 г. № 2. С. 54–58.

Екатерины II (1762–1796). В 1771 г. русская армия под предводительством князя Потемкина освободила Крым³. С основанием в Крыму российской военно-морской базы Севастополя, российский Черноморский флот получил возможность контролировать черноморский бассейн и выйти в Средиземное море. В тоже время Восточно-грузинское царство, стремясь оградить себя от внешней угрозы, заключило в 1783 г. с Россией союзнический договор (Георгиевский трактат) и перешло под протекторат России. В результате грузинским дворянам были предоставлены все привилегии русского дворянства, грузинские купцы получили возможность вести свободную торговлю в России. В начале XIX в. в результате успешных действий России вся Грузия, а также Дагестан и Северный Азербайджан, на основе Гюлистанского договора с Ираном перешли под юрисдикцию России. В результате успехов русских войск в военных действиях против Ирана, которого на войну с Россией подталкивала Англия, к России в 1827 г. были присоединены Эриванское и Нахичеванское царства. Наряду с этим Россия оказывала финансовую поддержку Восточным Патриархам, которых встречали всегда с большим почетом и приглашали участвовать в Поместных Соборах Русской Церкви.

Ключевым пунктом международной политики XIX в. являлся так называемый «Восточный вопрос», во многом обусловленный соперничеством ведущих европейских держав — Англии, Франции и Австрийской империи за влияние в регионе восточного Средиземноморья, номинально входившего в состав Османской империи. Россия, окончательно утвердившись в качестве великой державы при Екатерине II, в результате Кучук-Кайнарджикского договора (1774) получает право покровительства над всеми православными, находившимися под властью Османской империи. Полное освобождение христиан (не только Ближнего Востока, но и Румынии, Болгарии, Греции и Сербии) требовало дальнейших усилий со стороны России. Поэтому российская ближневосточная и балканская политика конца XVIII в. и всего XIX в. была направлена, в том числе на решение этих задач. В ответ на обращение за военной помощью греков, начавших национально-освободительную войну (1821–1830), Россия предприняла ряд военных и дипломатических действий, которые привели к завоеванию Грецией независимости, а также расширению прав автономного самоуправления Сербии и других христианских балканских княжеств, номинально входивших в состав Османской империи. Обострением Восточного

³ Ключевский В.О. Русская история. Книга третья. М., 1995. С. 236.

вопроса стало франко-российское соперничество за контроль над христианскими «Святыми местами» в Иерусалиме, который Османское правительство передало в 1853 г. Франции. Результатом обострения российско-турецких отношений стало начало войны, получившей название Крымской (или Восточной) в 1853–1856 гг. Русские войска форсировали реку Прут и вскоре заняли территорию Дунайских княжеств. В ноябре 1853 г. эскадра русского Черноморского флота под командованием адмирала Ушакова разгромила турецкий флот. В декабре 1853 г. русские войска одержали победу на Кавказском фронте в районе между Карсом и Андрианополем. Однако впоследствии военная кампания сложилась неудачно для России в виду вступления в нее Англии и Франции на стороне Османской империи.

Тем не менее, в XIX в. Россия продолжала играть главную роль в освобождении регионов Балканского полуострова, где большинство населения исповедовало православную веру, а также в утверждении прав христиан на Ближнем Востоке. По инициативе России в марте 1877 г. в Лондоне была созвана Конференция шести великих держав и подписан протокол, предполагавший улучшение положения христианских подданных в Османской империи. В результате подписания русско-турецкого мирного договора Сербия, Черногория и Румыния получили независимость, для Болгарии был установлен статус автономного княжества. Также, согласно этому договору, Россия возвращала себе земли Южной Молдавии и закрепляла свой контроль в Ардагане, Баязиде, Батуми и Карсе.

Важным шагом в направлении поддержки населения, исповадовавшего православие в Палестине, явилось создание в 1882 г. Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО), одной из старейших общественных организаций современной России. Свои задачи ИППО решало на Ближнем Востоке и внутри России. Во-первых, это была организация православного паломничества в Палестину и на Афон. Во-вторых, поддержка православной религии и тех, кто исповедует ее в Палестине и Сирии. В-третьих, распространение среди населения России правдивой информации об истории и современном состоянии Святой Земли, а также научное изучение этой территории. Еще одной задачей организации было укрепление позиции России на Ближнем Востоке.

С момента принятия христианства в 988 г. Россию связали со Святой Землей духовные нити. Тысячу лет сюда стремились паломники. С середины XIX века российское правительство начало создавать в Иерусалиме условия для русского присутствия в Библейском регионе и для размещения

паломников из России. В 1847 году в Иерусалиме была открыта Русская Духовная Миссия, а в 1858 году — российское консульство.

К 1864 году был построен целый русский городок в Иерусалиме. На его территории разместились Свято-Троицкий храм, Русская больница, здания Русской Духовной Миссии и консульства, Мариинское (женское) и Елизаветинское (мужское) подворья.

В период после Октябрьской революции 1917 г. и до окончания Второй мировой войны регион Ближнего Востока не являлся приоритетным в советской внешней политике. СССР стал играть важную роль в ближневосточной политике в ходе обострения палестинского вопроса во второй половине 1940-х годов.

В феврале 1947 г. был обнаружен «план Бевина» (по имени министра иностранных дел Англии), предлагавший пятилетний переходный период подготовки независимости единой Палестины при сохранении на этот период английского контроля. По завершении этого периода должны были состояться выборы в Ассамблею, большинство в которой должны были составить представители арабского населения Палестины. Далее Ассамблея должна была решать вопрос о независимом государстве. Однако данный план отвергли, как Высший арабский комитет (ВАК), так и Еврейское Агентство.

Стремясь найти выход из кризисной ситуации, правительство Англии передало в феврале 1947 г. вопрос о Палестине в ООН. СССР стал одним из основных инициаторов решения палестинской проблемы путем создания палестинского и израильского государств на основе резолюции ГА ООН, принятой 29 ноября 1947 г. В соответствии с резолюцией предлагалось создать в Палестине два государства — еврейское и арабское, а также выделить Иерусалим в качестве международной зоны. Английский мандат должен был закончиться 15 мая 1948 г., а вывод войск завершиться к 1 августа 1948 г. В связи с ростом напряженности в Палестине, английское правительство приняло решение ускорить вывод своих войск и завершить его 14 мая 1948 г. В тот же день было провозглашено создание Израиля как независимого еврейского государства. В результате последовавшей за этим арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Израиль оккупировал часть территории, предназначенной ООН для создания палестинского государства. Сектор Газа перешел под административный контроль Египта, Западный берег р. Иордан перешел под юрисдикцию Иордании, западная часть Иерусалима — под контроль Израиля, а восточная — под контроль Иордании. Палестинское государство так и не было создано и более 800 тыс. палестинских арабов были вынуждены покинуть свои дома и стали беженцами.

В последующий период произошли значительные политические изменения, как на Ближнем Востоке, так и в геополитической ситуации в целом. В 1950–1960-х гг. сформировался блок социалистических государств, во главе которого выступал СССР, успешно конкурировавший с Западным блоком во главе с США. Между двумя блоками сложился военный паритет, но в то же время имела место ситуация «холодной войны». В целом ряде арабских стран победили национально-освободительные и антиколониальные революции. Многие из них заявили о своем стремлении идти по пути строительства социализма. Наряду с этим возникло и играло значительную роль в мировой политике Движение неприсоединения. Все эти изменения на мировой арене способствовали формированию Палестинского движения сопротивления (ПДС), выступавшего за реализацию права палестинцев на создание своего независимого государства в соответствии с резолюцией ГА ООН 1947 г. ПДС противостояло политике Израиля, продолжавшего аннексировать часть территории, предназначенной для палестинского государства. В этот период СССР постоянно поддерживал ПДС в его борьбе за создание палестинского государства и выступал на стороне арабских стран в их противостоянии Израилю, который поддерживал Западный блок во главе с США. Что касается Палестинского движения сопротивления, то в 1960-х гг. оно организационно структурируется, создается Организация освобождения Палестины (ООП), в которое вошли 12 организаций различной идеологической направленности. Наиболее влиятельными являлись ФАТХ, Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП). Председателем ООП с 1969 по 2004 гг. являлся видный лидер Палестинского движения сопротивления, руководитель ФАТХ Ясир Арафат. С 2004 г. ООП возглавлял Махмуд Аббас. В 1993 г. в результате переговоров в Осло было достигнуто соглашение о передаче под палестинский контроль территории Сектора Газы и части Западного берега реки Иордан и формирования здесь официальной палестинской власти. Впоследствии в Секторе Газы в результате всеобщих выборов властные функции стало осуществлять движение ХАМАС.

В 2000-х гг. Россия восстановила свою роль в качестве мировой державы и вновь стала активной геополитической силой на Ближнем Востоке. Признавая интересы безопасности Израиля, Россия в то же время выступала за реализацию законного права палестинцев на создание своего полноправного государства.

В 2010-х гг. в регионе Ближнего Востока начались массовые движения социального протеста, получившие название «Арабская весна».

Их результатом стал крах правящих режимов в ряде арабских стран, усиление на волне протестных манифестаций движений политического ислама, в том числе их радикальных течений, возникновение вооруженных конфликтов и исход из конфликтных зон большого числа беженцев. События «Арабской весны» и возникшие конфликты в Ливии, Сирии, Йемене привели к некоему расколу в арабо-мусульманском мире и в определенной степени отодвинули палестинский вопрос на второй план. В известной мере используя эту ситуацию, руководство Израиля стремится закрепить состояние статус-кво и даже пошло в 2018 г. на провозглашение Иерусалима столицей Израиля, что признали США и перенесли сюда свое посольство. Тем не менее, решение палестинского вопроса на основе решений ООН является насущной необходимостью и отвечает интересам, как палестинского народа, так и безопасности Израиля. В сложившейся ситуации, когда США фактически перестали быть объективным посредником и поддерживают интересы Израиля, значительно возрастает роль России на Ближнем Востоке и в частности в справедливом урегулировании палестинской проблемы.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д.Д. СМЫШЛЯЕВА ПО СОЗДАНИЮ РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЫ ВО СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828–1893) — уроженец Пермской губернии. Его предки были священнослужителями г. Соликамска. Отец — Дмитрий Емельянович Смышляев был крупным предпринимателем-купцом первой гильдии. Получил известность как меценат и благотворитель, избирался пермским городским головой и построил храм Всех Святых на Егошихинском кладбище Перми². Сам Дмитрий Дмитриевич также был известной личностью в Пермской губернии, посвятившей себя без остатка общественному служению. Человек неиссякаемой энергии, одаренный от природы многочисленными талантами, Дмитрий Дмитриевич стал первым председателем Пермской губернской земской управы, которую он возглавлял в 1870–1879 гг. Он поставил на твердую основу хозяйство губернского земства: реорганизовал губернскую Александровскую больницу, создал страховое дело, положил начало статистическим исследованиям края и литературному изданию «Сборник пермского земства». Его трудами в Перми были открыты: бесплатный покой для бедных, родильное отделение, санитарная комиссия, земская типография, фельдшерская школа, созван первый губернский съезд врачей. В Перми чтут Смышляева как выдающегося историка-краеведа и мецената³.

Именно ему выпала честь стать первым уполномоченным ИППО в Иерусалиме (1885–1889). По протекции В.Н. Хитрово 10 октября 1885 г. в подмосковном Ильинском состоялась его встреча с Великим Князем Сергием Александровичем. Произведя хорошее впечатление, Смышляев получил распоряжение «отравиться в Иерусалим по делам общества»⁴.

---

¹ Марченко Алексей, протоиерей — доктор исторических наук, доктор церковной истории, директор Пермской православной классической гимназии.

² Марченко А., прот. Летопись православных храмов на Егошихинском кладбище города Перми. Пермь, 2007. С. 94–96.

³ Дмитриев А. Смышляев Д.Д. // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1902. Вып. 5. С. 61–64.

⁴ Смышляев Д.Д. Воспоминания о Востоке // Пермские епархиальные ведомости. 1890. № 2. Л. 33.

06 ноября 1885 г. он прибыл в Иерусалим в статусе простого паломника и незамедлительно приступил к выполнению первых поручений Августейшего Председателя: изыскать возможность для сооружения здания-футляра в Иерусалиме над произведенными обществом раскопками в Русском месте рядом с храмом Гроба Господня, организовать для русских паломников чайную и баню на Русских постройках, провести эксперимент использования военных войлочных кибиток, оставшихся после Русско-Турецкой войны в качестве убежищ для паломников⁵. Однако, эти задачи стали только проверкой способностей и прелюдией крупных и важных дел, которые Общество собиралось поручить Смышляеву.

Православное Палестинское Общество стремилось к расширению площадей для приема паломников, и уже весной 1886 г. взвалило на Смышляева тяжелую ношу — строительство сразу двух крупных архитектурно-строительных объектов в Иерусалиме — Сергиевского (или Нового подворья) по соседству с Русской Духовной миссией и Александровского (Русского дома у Порога Судных Врат). Чтобы успешно вести эту сложную работу, Д.Д. Смышляев нуждался в изменении своего правового статуса, поскольку такого рода деятельность предусматривала постоянный контакт не только с русскими церковно-политическими учреждениями, но и с турецкими властями. В сентябре 1886 г. Дмитрий Дмитриевич был утвержден в статусе уполномоченного Общества во Святой Земле с жалованием 600 фунтов в месяц, получив дополнительное поручение — осуществлять контроль за деятельностью школ, открытых ППО в Палестине⁶. Таким образом, круг обязанностей Смышляева в Палестине на посту уполномоченного оказался чрезвычайно широк.

Уже 18 сентября 1886 г. Смышляеву удалось получить разрешение турецких властей строить на купленном у частного лица участке

⁵ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2000. Т. 1. С. 479–480.

⁶ Там же. С. 481.

Сергиевское подворье в Иерусалиме. Стоимость участка 4252 кв. м. составила 28100 франков (11469 рублей)⁷. Строительство началось 25 октября, в целях удешевления, Смышляев решил строить «хозяйственным способом без подрядчика». Это стало невероятным подвигом, поскольку под рукой у Смышляева не было квалифицированной рабочей силы, инженеров, необходимых материалов. Осуществление крупного строительства в насквозь коррумпированной феодальной стране — Османской Турции было невозможно без взяток чиновникам, постоянно создававшим множество препятствий и условий.

Главную рабочую силу составляли арабы-палестинцы, нанятые из соседних деревень. Этих неграмотных, полудиких людей приходилось обучать строительным профессиям. В отличие от других подрядчиков, нещадно эксплуатировавших дешевую рабочую силу, Смышляев по-христиански заботился о своих строителях. Для облегчения их труда уполномоченный закупал в Европе дорогостоящую строительную технику, строил мастерские по обработке материалов. Организаторские способности уполномоченного позволили привлечь к работе не только арабов, а также греков, итальянцев, которые постепенно сплотились в дружный коллектив, способный к выполнению сложных технологических задач. Благодаря подвижническим трудам Смышляева и его команды строительство быстро продвигалось вперед⁸.

Несмотря на то, что из Петербурга постоянно торопили с выполнением строительных работ, в мае 1887 г. Смышляев обратился в Совет с предложением об изменениях в первоначальном проекте Сергиевского подворья. Уполномоченный предложил расширить масштаб постройки строительством второго этажа над столовой, буфетом и гостиной. Во втором этаже он намеревался расположить библиотеку и музей, обещая пожертвовать Обществу свою собственную богатую библиотеку⁹.

29 апреля 1889 г., в день рождения Председателя ИППО, на угловой башне Сергиевского подворья был поднят флаг Палестинского общества. Строительство было завершено 20 октября 1889 г.

Одновременно с Сергиевским подворьем в 1887 г. началось строительство Александровского подворья с храмом св. Александра

⁷ Лисовой Н.Н. Д.Д. Смышляев и Императорское Православной Палестинское общество // От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д.Д. Смышляева. К 180-летию со дня рождения. Материалы церковно-научной конференции. Пермь, 2008. С. 29.

⁸ Там же. С. 30–32.

⁹ Россия во Святой Земле... С. 488.

Невского и Порогом Судных врат. По идее Смышляева здание должно было иметь помещения для отдыха паломников после ночной службы у Гроба Господня. Значительная его часть предназначалась для сохранения от разрушения и засорения «остатков древних построек, обнаруженных во время археологических раскопок». Со временем в этой части постройки Смышляев мечтал разместить музей палестинских древностей¹⁰.

Помимо строительных работ уполномоченный Смышляев решал иные вопросы. Он занимался поиском для покупки участка в Назарете под строительство здания учительской семинарии. По распоряжению Совета Общества Дмитрий Дмитриевич проводил археологические раскопки на участке в Иерихоне, подаренном иеромонахом Иоасафом (Плехановым)¹¹.

Таким образом, анализируя деятельность Д.Д. Смышляева на посту уполномоченного в Иерусалиме необходимо констатировать, что свою работу он исполнял в высшей степени профессионально. Его деятельность в Святой Земле опиралась на богатый опыт хозяйственной и общественно-политической жизни, полученный в Пермский губернии на посту председателя Пермского губернского земства. Он легко входил в юридические, инженерно-архитектурные и научные детали порученных ему дел и вопросов. Будучи человеком прямым и открытым, Смышляев смело брал на себя ответственность за русское дело в Святой Земле, не боясь порой неординарных решений.

Отдельной оценки требует дипломатическая составляющая деятельности Смышляева. Как уполномоченному Палестинского Общества Дмитрию Дмитриевичу было необходимо установить деловые, доброжелательные отношения с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме, с Иерусалимской Патриархией, с дипломатическими службами России и иностранными консульствами. Всё это было не так-то просто. Русские дипломаты с опаской и недовольством смотрели на бурную деятельность ИППО, видя в нем опасного конкурента Палестинской комиссии при Азиатском департаменте МИД. Даже начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) — как и Смышляев уроженец Пермской губернии, с недоверием относился к Палестинскому Обществу и русской дипломатии. Иерусалимский Патриарх Никодим ненавидел ППО и смотрел на него «благосклонно» как на возможный источник получения материальной помощи.

¹⁰ Там же. С. 564–565.

¹¹ Там же. С. 481–484.

Как писал Д.Д. Смышляев: «Все здесь хитрят; и блаженнейший Патриарх Иерусалимский и Высокопреподобный архимандрит Антонин и Высокородный консул в Иерусалиме, и все воображают себя дипломатами. А по правде сказать, вся их дипломатия шита белыми нитками»¹².

Дополнительным психологическим бременем ложились на тонкую, ранимую душу Дмитрия Дмитриевича несогласия в руководстве Палестинского Общества. Тяжело переживал он максимализм и безжалостную напористость В.Н. Хитрово, требовавшего ускорения строительных работ, большей активности и инициативности. Четыре года «каторжного труда» и «подковерная дипломатия» дорого стоили Смышляеву. В Иерусалиме он надорвал свое здоровье. В 1888 г. после очередного конфликта с В.Н. Хитрово Смышляев подал прошение Великому Князю Сергию об отказе от должности уполномоченного. Несмотря на попытки Великого Князя удержать Смышляева в Палестине, Дмитрий Дмитриевич официально заявил о своем уходе 7 июня 1889 г.

Заслуги Дмитрия Дмитриевича были отмечены следующим образом: решением Совета ИППО его портрет был вывешен в приемной Русского подворья в Иерусалиме, Иерусалимский Патриарх Никодим вручил ему наперсный крест с частицей Животворящего Креста и наградил титулом рыцаря-кавалера Святого Гроба Господня. Российское правительство отметило заслуги Д.Д. Смышляева орденом св. Владимира 3-й степени.

Смерть настигла Д.Д. Смышляева на 66-м году жизни. Он скончался 28 ноября 1893 г. от паралича (инфаркта) сердца и был погребен рядом со своим отцом, в фамильном склепе храма Всех Святых г. Перми¹³.

¹² Цит. по: Лисовой Н.Н. Д.Д. Смышляев и Императорское Православное Палестинское общество. // От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д.Д. Смышляева. К 180-летию со дня рождения. Материалы церковно-научной конференции. Пермь, 2008. С. 38.

¹³ Марченко А., прот. Летопись православных храмов...С. 122–126.

ПОЗИЦИЯ МИДА И СИНОДА ПО ГРЕКО-БОЛГАРСКОМУ ВОПРОСУ В ХОДЕ И ПОСЛЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.: НОВАЯ ДИСКУССИЯ С КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ ПАТРИАРХАТОМ

Греко-болгарский церковный спор, в ходе которого болгарский народ вел борьбу за национальную автокефальную Церковь, в XIX — начале XX вв. был, как известно, одним из ключевых вопросов церковно-политической жизни на Православном Востоке. Россия, в сферу интересов и влияния которой традиционно входили Балканы и Ближний Восток, не могла остаться в стороне от этого конфликта. Опираясь на принцип единства православия на Востоке, усиливавший, по мнению российских властей, позиции как православных народов, проживавших в исламском государстве, так и оказывавшей им покровительство России, русская церковная и светская дипломатия пыталась добиться примирения противоборствующих сторон путем взаимных уступок и достижения разумного компромисса. В основу программы действий российского посланника в Константинополе графа Н.П. Игнатьева была положена идея о каноническом наделении Болгарской Церкви определенными правами с сохранением ее неразрывной связи с Константинопольским Патриархатом. В том же русле, хотя и с гораздо большей осторожностью, действовала и Русская Церковь, традиционно поддерживавшая тесные канонические отношения с Восточными Патриархатами, на которые во многом опиралась российская внешняя политика на Ближнем Востоке².

Из-за упорства, как греческой, так и болгарской сторон, не всё запланированное удалось осуществить. 27 февраля 1870 г. султанским фирманом был учрежден Болгарский экзархат, однако канонического признания со стороны Константинопольского Патриархата он так и не получил. Более того, 16 сентября 1872 г. Константинопольский собор Восточных Православных Церквей, как известно, принял постановление о провозглашении Болгарской Церкви схизматической, изолировав ее тем самым от духовного общения с Вселенской Церковью. Российский Святейший

---

¹ Мельникова Любовь Владимировна — кандидат исторических наук, член МОО «ИППО», ведущий научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН.

² Подробнее об этом см.: Мельникова Л.В. Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х — 1870-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 147–161.

Синод, дважды (в апреле 1869 г. и в марте 1871 г.) пытавшийся убедить Константинопольского Патриарха Григория VI отказаться от идеи созыва Собора и пойти на определенные уступки болгарам, уклонился от участия в соборе и не присоединился к его приговору, оставив без ответа послание Вселенского Патриарха Анфима VI о провозглашении схизмы. В то же время Святейший Синод со свойственной ему осторожностью не ответил и на послание Болгарского экзарха Анфима I, считавшего несправедливым решение собора и искавшего поддержки Предстоятелей Поместных Православных Церквей.

В 1873 г. в Азиатский департамент МИД России, который пытался найти выход из создавшегося положения, поступила записка архиепископа Литовского и Виленского Макария (Булгакова) «Греко-болгарский церковный вопрос и его решение». В ней будущий митрополит Московский подчеркивал недействительность болгарской схизмы для России: «Определение Константинопольского Собора, как поместного, обязательно лишь для тех Церквей, архипастыри которых на нем присутствовали, а для всех прочих самостоятельных Церквей нисколько не обязательно... Мы можем, мы должны признавать и болгар, как и греков, несмотря на совершившийся между ними разрыв, равно нашими братьями по вере и православию»³. Эта записка в феврале 1879 г. была положена в основу официального ответа российского Святейшего Синода Константинопольскому Патриархату по вопросу о болгарской схизме.

То есть оценки Русской Церковью решения Собора 1872 г. Константинополю пришлось ждать более шести лет. При этом непосредственная деятельность русского духовенства в течение всего этого времени недвусмысленно свидетельствовала о непризнании болгар схизматиками. На начальном этапе Восточного кризиса (в 1875–1876 гг.), когда в России возник широкий общественный подъем в поддержку «братьев-славян», Русская Церковь вместе со Славянскими комитетами, по сути, встала во главе российского «славянского движения». Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Церковь выступила в тесном единстве с правительством Российской империи и большей частью русского общества. Она благословила начавшуюся войну как справедливую и священную брань за освобождение единоверных и единоплеменных народов («великое и святое дело»), как выполнение Россией своего исторического призвания и религиозно-нравственного долга. Действуя в тесной связке

³ АВРП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3389а. Л. 330–332; Макарий, митрополит. Греко-болгарский церковный вопрос и его решение // Православное обозрение. 1891. Т. III. (Ноябрь, декабрь). С. 752–754.

с Обществом попечения о раненых и больных воинах, Синод принял целый ряд мер, направленных на организацию духовной и материальной помощи русской армии, сражавшейся за освобождение Болгарии.

Совместные богослужения русских полковых священников с болгарскими клириками, проводимые на Балканах во время войны, усилили и без того существовавшую напряженность между Россией и Константинопольским Патриархатом и вызвали между ними новый диалог по греко-болгарскому вопросу.

В конце июля 1878 г. викарий Константинопольского Патриархата митрополит Эфесский Агафангел передал российскому послу в Константинополе князю А.Б. Лобанову-Ростовскому послание Святейшему Синоду, в котором от имени Патриархии указал на «незаконные, антиканонические и соблазнительные поступки» священников русской армии, «по неведению искреннему или притворному о схизме» вступающих в Болгарию и Фракию в литургическое общение то с православными (греческими) священниками, то со схизматическими иереями Болгарского экзархата, «преступая таким образом существующую между ними преграду», и просил принять надлежащие меры к исправлению их образа действий и к «успокоению смущаемой чрез то совести православных»⁴.

Пересылая этот документ в Петербург, 7 августа 1878 г. А.Б. Лобанов-Ростовский писал в своей депеше: «Не предпреляя вопроса по существу, я стараюсь при своих сношениях с высшим греческим духовенством дать ему понять, что для армии, временно находящейся в стране, нет возможности делать тонкое различие между священниками православными и так называемыми схизматическими. Это тем более справедливо, что в большей части местностей, на кои указывает Патриархия, нет других священников, кроме тех, которых греки называют схизматическими»⁵.

9 декабря 1878 г. Вселенский Патриарх Иоаким III передал А.Б. Лобанову-Ростовскому письмо по тому же предмету, где обвинил российский Святейший Синод в нарушении «постановлений и правил церковных» и заявил, что, если совместное священнодействие русского духовенства с болгарским продолжится, то Великая Церковь «будет вынуждена действовать сообразно с постановлениями святых канонов православной веры, на защиту себя и своих верных чад»⁶.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 44–44 об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 3–4.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 2–2 об.

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 17–18; РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 56–57.

Почувствовав угрозу, А.Б. Лобанов-Ростовский поручил первому драгоману посольства М.К. Ону объясниться с Патриархом Иоакимом III. Согласно донесению М.К. Ону князю А.Б. Лобанову-Ростовскому от 18 декабря 1878 г., во время встречи он «начал с вопроса, должны ли мы смотреть на это сообщение как на ультиматум». «Озадаченный и сконфуженный» Патриарх ответил, что «был вынужден сделать это вследствие ропота своего Синода», который, кроме того, «составил проект циркуляра к епископам Румелийских епархий» о запрещении греческому духовенству иметь общение с теми из русских священников, которые служили с болгарскими иереями. М.К. Ону заручился обещанием Патриарха Иоакима не давать хода этому циркуляру, а также показал практическую невозможность воспретить русским полковым священникам совершать службу в болгарских храмах: «Война 1877 года имела целью спасти Болгарию от турецких жестокостей. Было ли бы разумно требовать, чтобы солдаты, проливавшие свою кровь за болгарское дело, воздерживались от всякого духовного общения со своими совероисповедниками, страданиями коих потрясены сердца всех русских? Сверх того, не нужно забывать, что, если русский Святейший Синод не признал официально и канонически Болгарскую Церковь, то это — по уважению к Великой Церкви Константинопольской; но он отнюдь не одобрил провозглашения схизмы. Было бы справедливо довольствоваться нашею умеренностью и щадить впредь щекотливость русской армии в Румелии». После приведенных М.К. Ону аргументов Патриарх «перешел к уверениям в преданности к Государю Императору и к России» и просил «лишь о том, чтобы оказываемо было беспристрастие по отношению к грекам и болгарам и сохранена была по крайней мере благопристойность», исходя из принципа икономии. По просьбе Иоакима III М.К. Ону объяснился также с членами патриаршего Синода, которые показали себя «более возбужденными, чем Патриарх»⁷.

Несмотря на то, что Иоаким III и М.К. Ону расстались, по словам последнего, «в лучших отношениях», через несколько дней А.Б. Лобанов-Ростовский получил от Патриарха записку, в которой в еще более резких выражениях были повторены жалобы Константинопольской Патриархии на русских полковых священников и фактически содержалось требование к Русской Церкви признать отлучение болгар. Русский Святейший Синод обвинялся в несоблюдении «канонических прав любви и полного церковного единения в вере по случаю церковной схизмы филетистов», в «безучастии и пристрастии»,

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 68–69 об.

ему напоминали, что, согласно определению Собора 1872 г., схизматиками признаны и все те, «кои стали бы иметь общение со схизматиками-филетистами»⁸.

Сообщая об этом в МИД, российский посол в Константинополе подчеркнул, что указанный документ «поставляет наш Святейший Синод в необходимость высказаться по этому делу». «Нужно заметить, — писал он, — что со времени возникновения этой прискорбной греко-болгарской распри наше духовенство в первый раз вызывается к прямому вмешательству в это дело. Доселе нам удавалось держаться в роли примирителей и посредников при сопернических притязаниях греков и болгар. Дело относительно наших священников может видоизменить тот осторожный образ действий, какой мы соблюдаем по отношению к обеим сторонам»⁹.

Рассмотрев все эти документы, Святейший Синод в ответном послании, датированном 22 февраля 1879 г., впервые официально и прямо выразил Константинопольской Патриархии свою позицию относительно болгарской схизмы. Проект ответа был составлен архиепископом Макарием (Булгаковым) в духе упоминавшейся выше записки по греко-болгарскому вопросу, написанной им в 1873 г.¹⁰ Прежде всего, Синод заявил, что постановление Константинопольского Собора 1872 г., как поместного, не имеет обязательной силы для Русской Церкви, так как ни один из ее епископов не присутствовал на соборных заседаниях. Более того, по мнению Синода, Русская Церковь не может подчиниться решению этого Собора также потому, что оно состоялось «не канонически», то есть с нарушением «ясных священных правил»: обвиняемые болгарские архиереи не были призваны на заседания, их осудили и предали анафеме заочно, «вместе со всею их духовною паствою»; «между архипастырями, созданными на Собор, не было согласия в мнениях», постановление было принято под давлением Патриарха Анфима. Синод отметил также, что «болгары ищут и домогаются не чего-либо нового и особенного в Церкви, а того, что они уже имели и чем пользовались в продолжение нескольких веков до 1767 г.», а также подчеркнул, что их желания «совершенно тождественны» стремлениям русских и греков Греческого королевства, просивших себе некогда церковной независимости; «ни русских, ни греков не обвиняли тогда за эти желания ни в филетизме,

⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 29–30; РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 62–63.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 920. Л. 52–53.

¹⁰ Там же. Л. 70–74.

ни в схизме, напротив, тех и других нашли возможным удовлетворить», «так же следовало бы, по духу христианской любви и справедливости, поступить ныне и с болгарами». Отвергнув само обвинение болгар в филиетизме (поднятый ими вопрос касался лишь церковного управления), Синод заявил, что «не может не признавать болгар православными» и «не видит никакого основания прервать с ними церковное общение, в частности, возбранить такое общение и сослужение с болгарским духовенством русским священникам, находящимся ныне на Балканском полуострове при императорской армии». «Единственное исключение», которое Синод нашел возможным сделать в этом отношении, заключалось в том, чтобы русские священники непосредственно «в епархиях Константинопольского Патриархата и вообще в тех епархиях, епископы которых присутствовали на Константинопольском Соборе и признали болгар схизматиками, но не в епархиях, принадлежащих к Болгарскому экзархату», не входили в церковное сношение с болгарским духовенством, ибо «духовные лица одной какой-либо страны, когда находятся в другой единоверной стране, обязаны соблюдать с точностью все местные решения и распоряжения той Церкви». В заключение Синод вновь повторил «свой братский совет и просьбу, как греческим, так и болгарским иерархам, чтобы они старались всеми мерами, при взаимных уступках, войти в возможное соглашение и примирение между собою — ко благу своих собственных церковных округов и на радость нашей общей Матери Святой Христовой Православной Церкви»¹¹.

Император Александр II, ознакомившись с приведенным документом, собственноручно написал на нем карандашом: «Я вполне одобряю проект ответа Святейшего Синода. Сообщить его немедленно Министерству иностранных дел»¹².

Получив твердый и прямой, а потому довольно резкий ответ Синода, МИД, в свою очередь, решил проявить некоторую осторожность. 6 марта 1879 г. управляющий Азиатским департаментом, товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс, сообщая обер-прокурору Святейшего Синода графу Д.А. Толстому о получении документа, присовокупил, что «МИД полагал бы не стеснять посла нашего в *выборе времени* для сообщения Патриарху ответа Святейшего Синода, ибо, если бы он по каким-либо особым местным обстоятельствам ... признал необходимым воздержаться в настоящее время от такого сообщения во избежание новых

¹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 35–42 об; АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3389а. Л. 526–533.

¹² РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 44.

неминуемых усложнений со стороны Патриархии в церковном вопросе, то, казалось, было бы правильным принять во внимание при этом случае его мнение»¹³. Тем не менее, судя по всеподданнейшему отчету Д.А. Толстого, ответ Синода в том же 1879 году был доставлен по назначению¹⁴.

Приведенный пример был не единственным случаем выражения протеста с греческой стороны. Во время войны 1877–1878 гг. и Временного русского управления в Болгарии (1878–1879 гг.) греческое духовенство неоднократно подавало жалобы на различные злоупотребления болгар, совершаемые якобы под «пристрастным покровительством» русских военных властей. При проверке этих жалоб изложенные в них данные, как правило, оказывались либо сильно преувеличенными, либо умышленно искаженными. Так, например, 27 июля 1878 г. князь А.Б. Лобанов-Ростовский сообщил императорскому российскому комиссару в Болгарии князю А.М. Дондукову-Корсакову о получении им ноты, в которой Порты «ходатайствует за права Вселенского Патриархата и просит принятия соответствующих мер к их ограждению». Суть претензий заключалась в том, что, по словам Патриарха Иоакима II, греческое население городов Румелии, занятых русскими войсками, будто бы подвергалось со стороны болгар притеснениям — «лишению религиозной свободы и даже истязаниям», при этом болгарское духовенство захватывало «самым произвольным и незаконным образом церкви, монастыри и школы, всегда доныне бывшие в ведении греческого духовенства»¹⁵. Ответ А.М. Дондукова-Корсакова гласил: «Сколько мне известно, нигде ничего подобного не происходило, и потому я склонен думать, что жалоба Вселенского Патриарха есть не более как один из видов беззастенчивой клеветы, пущенной в ход как бы в предупреждение могущих возникнуть со стороны болгар вполне справедливых и основанных на законных документах претензий на принадлежность им некоторых церквей и благотворительных учреждений, произвольно захваченных греками в исключительно свое пользование». Глава оккупационной администрации предложил также запросить у Патриархии «точного указания тех местностей, в которых происходили будто бы упоминаемые бесчинства болгар, а также наименования церквей и школ, отнятых у греков, так как голословные жалобы, не подкрепленные ссылкой на факты, не могут подлежать расследованию»¹⁶.

¹³ Там же. Л. 50–51.

¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 620. Л. 282–283.

¹⁵ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3389а. Л. 452.

¹⁶ Там же. Л. 453–453 об.

«Пристрастного покровительства» болгарам не оказывал и МИД. Так, в октябре 1878 г. в Азиатском департаменте была рассмотрена, составленная во Временном русском управлении записка «Болгарский церковный вопрос в связи с Берлинским трактатом», в которой отмечалось, что, поскольку 62-я статья трактата «выговорила» в пользу всех вероисповеданий в Турции «полную свободу», то тем самым, по мнению болгар, устранены будто бы и «все доселе существовавшие препятствия» к установлению их церковной самостоятельности. 25 октября 1878 г. Н.К. Гирс ответил А.М. Дондукову-Корсакову, что «МИД не может согласиться с подобным толкованием 62-й статьи Берлинского трактата», поскольку «с точки зрения Вселенской Православной Церкви» она «может относиться только к тем религиозным общинам, самостоятельность которых была уже признана канонически», и полагает, что «образ действий российского правительства» в греко-болгарском церковном вопросе «должен по-прежнему оставаться примирительным». «Мы сделали бы большую ошибку, — писал Н.К. Гирс, — если бы уклонились от такого образа действий и стали бы в ущерб единства Вселенской Церкви потворствовать нынешним стремлениям болгар образовать самостоятельную Церковь без соглашения с Патриархией; ...напротив, мы должны стараться убеждать их в неотложной необходимости подобного соглашения, без которого немыслимо признание болгарской иерархии каноническою. Если же в среде болгар будет распространяться мнение, что в силу Берлинского трактата они вправе во всех трех частях Болгарии разорвать всякую связь с Патриархией, то это может повести к самым печальным для Восточной Церкви последствиям. Вместо единения Церквей рознь и вражда будут усиливаться и расширяться, и страсти могут увлечь стороны к самым крайним решениям».

Особое внимание обращалось на необходимость остерегаться осложнений, которые могли возникнуть из-за поднятого вопроса в отношениях России с Константинополем: «Особенно мы должны избегать подавать Греческой Патриархии повод к предположению, что болгары действуют по нашим указаниям, ... и не допускать во время нашего военного занятия Болгарии со стороны болгар никаких действий, которые клонились бы к возбуждению новых усложнений с Греческой Патриархией. Действуя в примирительном духе, чрез Ваше посредство на болгар, а чрез посредство императорского посольства в Константинополе на Патриархию, мы, может быть, достигнем какого-либо соглашения между сторонами, которое могло бы иметь весьма большое значение в политическом отношении. Буде же все старания Ваши и посла нашего в Константинополе не увенчаются успехом, то для нас

было бы удобнее, чтобы окончательное объявление болгарами независимости их Церкви от Патриархии последовало бы уже после выхода нашего из Болгарии». Н.К. Гирс подчеркнул при этом, что изложенные им соображения МИДа удостоились одобрения императора¹⁷.

В сложившихся условиях греки очень внимательно следили за происходившим. Особенно ревностно они относились к вопросу о сослужении русского духовенства с болгарским. Принимая во внимание позицию Константинопольского Патриархата и стремясь сохранить с ним братские отношения, российский Святейший Синод не поддерживал с Болгарской Церковью полного канонического общения. В частности, не допускал сослужения российских иерархов с болгарским высшим духовенством. Так произошло, например, в июле–августе 1879 г. во время приезда в Россию болгарской делегации во главе с митрополитом Видинским Анфимом для выражения благодарности императору Александру II за освобождение Болгарии от турецкого ига.

Отмечу, что в Константинополе в это время был распространен ложный слух о том, что 27 июля 1879 г., в день рождения императрицы Марии Александровны, в Александро-Невской лавре митрополит Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) совершил богослужение совместно с болгарскими архиереями — митрополитом Анфимом и епископом Климентом, и что нечто подобное должно было произойти в Москве во время проезда через нее болгарской делегации. Вселенский Патриарх Иоаким III тут же направил соответствующий запрос российскому послу А.Б. Лобанову-Ростовскому, подчеркнув при этом, что полученное известие его «глубоко поразило», погрузив «в печаль и скорбь», и что в случае подтверждения информации он окажется «в большом и безвыходном затруднении»¹⁸. Сообщая об этом в МИД, князь А.Б. Лобанов-Ростовский отметил в своей депеше, что «в Патриархии нет недостатка в личностях, которые выставляют случившееся в Петербурге как скандал и проявление неуважения со стороны нашего высшего духовенства к Вселенскому престолу, ... доходят до того, что побуждают Патриарха потребовать объяснений непосредственно от нашего Святейшего Синода»¹⁹. Российские церковные власти опровергли поступивший слух, заявив, что болгарские архиереи не служили с митрополитом Исидором «ни в Александро-Невской лавре, ни в других церквях Санкт-Петербургской епархии», 27 июля они лишь

¹⁷ Там же. Л. 482–484.

¹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156. Л. 58.

¹⁹ Там же. Л. 57–57 об.

присутствовали во время молебствия в Исаакиевском кафедральном соборе, «сслужения означенных лиц с русским духовенством не было и в Москве»²⁰. И хотя товарищ обер-прокурора Святейшего Синода Н. Смирнов, отправляя этот ответ в МИД, сослался на упоминавшееся послание Синода Константинопольской Патриархии от 22 февраля 1879 г., не запрещающее в принципе российским священникам совместное священнодействие с болгарскими иереями, я полагаю, что русские иерархи далеко не случайно воздержались от литургического общения с членами болгарской делегации.

Подобная практика продолжалась и в дальнейшем. Хотя в особо значимых случаях иногда делались исключения. Так произошло 15 сентября 1902 г. при торжественном освящении храма Рождества Христова на Шипке, построенного в память освободивших Болгарию русских воинов на добровольные пожертвования русского народа по инициативе матери героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерала М.Д. Скобелева О.Н. Скобелевой и Н.П. Игнатьева. Хотя этот храм-памятник находился в ведении Русской Православной Церкви, именно совместное его освящение было крайне важно для болгар. Еще в 1901 г. экзарх Иосиф I заявил российскому послу И.А. Зиновьеву, что «на болгарский народ произведет плохое впечатление, если храм на Шипке будет освящен без участия болгарского духовенства, и это будет чувствительным ударом для Болгарской Церкви. Зиновьев отвечал, что Русская Церковь никогда не считала Болгарскую схизматической; схизма, провозглашенная Патриархией, — это злоупотребление властью. Сам он писал в Петербург и надеется, что освящение будет совершено с участием болгарского духовенства, только до поры до времени это нужно держать в тайне от греков, чтобы они не помешали»²¹. В беседе с болгарским посланником в Петербурге Д. Станчевым экзарх Иосиф I также подчеркнул, что при освящении храма на Шипке «очень желательным является совместное служение русского и болгарского духовенства, как происходило во время войны»²².

Оказавшись в щекотливом положении из-за возможных нареканий со стороны Константинопольского Патриархата, русская сторона предложила некую полумеру, рассматривая ее как «большую уступку» болгарам: протопресвитер русского военного и морского духовенства освятит один престол, местный болгарский архиерей — остальные

²⁰ Там же. Л. 65–65 об.

²¹ Герд Л.А. Константинопольский Патриархат и Россия. 1901–1914 гг. М., 2012. С. 141.

²² Там же.

два (до или после русского освящения), затем будет отслужена литургия болгарским владыкой в сослужении с русским протопресвитером. Об этом, в частности, 29 августа 1902 г. болгарский министр финансов М.К. Сафаров сообщил митрополиту Варненскому и Преславскому Симеону. В ответном письме от 31 августа 1902 г. Симеон выразил недоумение по этому поводу: «По правде говоря, трудно понять, почему делается подобное предложение. Если дело в схизме, то в таком случае не следовало бы допускать совершение и божественной литургии в сослужении»²³. Правильно понимая сложное положение русских между греками и болгарами, митрополит Симеон на следующий день даже написал М.К. Сафарову, что болгарскому духовенству, возможно, вообще следует устраниваться от участия в церемонии: «...По моему личному мнению, следует оставить людей освящать свой храм и служить в нем, без малейших притязаний с нашей стороны вмешиваться в освящение храма и их священнодействия; нам следует держаться совершенно в стороне, чтобы не смущать их совесть»²⁴.

Выяснить, каким именно образом произошло освящение каждого из трех престолов (по приведенному выше плану или нет), к сожалению, не удалось. Однако, несомненно, то, что сослужение русского и болгарского духовенства имело при этом место. Из сообщений периодической печати и воспоминаний очевидцев следует, что чин освящения совершил митрополит Старо-Загорский Мефодий в сослужении протопресвитера русского военного и морского духовенства Александра Желобовского, русских полковых протоиереев Иоанна Философова и Александра Мещерского, 14-ти болгарских священников и певчих лейб-гвардии Преображенского полка, в присутствии великого князя Николая Николаевича старшего и болгарского князя Фердинанда²⁵. Церемония освящения храма-памятника действительно произвела глубокое впечатление на местных жителей. Присутствовавший в то время на Шипке писатель и журналист В.А. Гиляровский писал: «И умиляется, и полон радостью народ болгарский, что русское и болгарское духовенство служат вместе!.. Со слезами умиления высказывали нам эти чувства почтенные люди Болгарии. Светлый, прекрасный храм полон молящимися»²⁶.

²³ Там же. С. 142.

²⁴ Там же. С. 143.

²⁵ Торжество на Шипке // Прибавления к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1902. № 38. С. 1340; Гиляровский В.А. Шипка прежде и теперь. 1877–1902. М., 1902. С. 34–35.

²⁶ Гиляровский В.А. Шипка прежде и теперь. 1877–1902. С. 34–35.

Как и следовало ожидать, произошедшее не осталось незамеченным в Константинопольской Патриархии. В октябре 1902 г. на заседаниях патриаршего Синода дважды предлагалось заявить протест (сначала — потребовать от российского Синода наказать сослуживших русских клириков в соответствии с решениями собора 1872 г., затем — доложить в Петербург недоумение Великой Церкви по поводу сослужения), однако оба раза Патриарх Иоаким III откладывал обсуждение этого вопроса. Наконец, 19 ноября 1902 г. Патриарх доложил на заседании Синода, что сообщил российскому послу И.А. Зиновьеву о «беспокойстве, которое проявляет Великая Церковь по поводу события на Шипке». Тот объяснил случившееся тем, что «два из сослуживших священников были полковыми и поэтому были вынуждены подчиниться военному министру»; протопресвитер же «до последнего момента отказывался служить со Старо-Загорским митрополитом». Иоакиму III пришлось удовлетвориться таким объяснением и отвечать, что «в Константинополе так и думали, что российский Святейший Синод не мог допустить подобных действий без давления со стороны светских властей»²⁷.

Как видим, по сравнению с 1878 г. недовольство Константинопольской Патриархии было выражено в довольно мягкой форме. Тем не менее, российский Святейший Синод, в ведении которого находился храм Рождества Христова на Шипке, вновь проявил осторожность и по церковно-политическим соображениям так и не открыл уже построенную при храме Духовную семинарию для болгар.

Таким образом, во время и после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. МИД и Синод придерживались той же примирительной позиции, которую они заняли в разгар греко-болгарского конфликта. Несмотря на то, что в начале 1879 г. Синод был вынужден открыто заявить Вселенскому Патриарху свою позицию по поводу болгарской схизмы, он все же не поддерживал с Болгарской Церковью полного канонического общения. Россия по-прежнему не могла «выбрать» какую-то одну из конфликтующих сторон и порвать отношения с другой. И светская, и церковная дипломатия оказывала поддержку Болгарской Церкви, но делала это очень осторожно, пытаясь добиться канонического признания ее независимости.

²⁷ Герд Л.А. Константинопольский Патриархат и Россия. 1901–1914 гг. С. 143.

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ПАЛЕСТИНЕ И КАБИНЕТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА В 1881–1917 гг.

Статья посвящена неизвестным аспектам взаимодействия Русской Духовной Миссии в Иерусалиме с таким мощным административным учреждением как Кабинет Его Величества во времена двух последних царствований представителей Дома Романовых в 1881–1917 гг. Хронологический диапазон выбран по времени учреждения ИППО.

Кабинет Его Величества был учрежден в 1704 году царем Петром I, являлся собственно канцелярией государя, ведал его казной и личным имуществом Императорской фамилии, вел переписку. Закрыт, после смерти Петра Алексеевича, в мае 1727 года. При Императрице Елизавете Петровне Кабинет был восстановлен в декабре 1741 года, как личная канцелярия императрицы. В ведение Кабинета передавались предприятия, обслуживавшие императорские дворцы. Екатерина II выделила из состава кабинета канцелярию статс-секретарей, которая ведала её собственными делами, в т. ч. разбирала прошения и челобитные на имя государыни. С образованием Министерства Императорского двора в 1826 году Кабинет вошел в его состав. В правление Императора Александра I Кабинет занимал помещения в Аничковом дворце на углу Невского проспекта и Фонтанки.

Выдача подарков из Кабинета, точнее из Камерального отделения (в разное время называлось Камеральной частью) происходила по распоряжению Министра Императорского Двора. Министерства и соответствующие установления (канцелярии Императриц, Главные управления), Прокурор Священного Синода выходили с ходатайством на Министра Императорского двора на выдачу соответствующих подарков и наград. Министр делал соответствующий доклад Государю Императору и после утверждения происходило движение наград и подарков из Кабинета. Запрашивалось пожелание кавалера о подарке в пределах обозначенной суммы. Можно было получить и деньгами, но за вычетом 10% в пользу Александровского комитета о раненых. Также можно было вернуть подарок в Кабинет, за вычетом тех же 10%.

Историки Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) констатируют непростые (иногда даже неприязненные)

---

¹ Скурлов Валентин Васильевич — кандидат искусствоведения, эксперт по оценке художественных ценностей Министерства культуры член Симбирского отделения МОО «ИППО».

отношения, вплоть до конфликтов, сложившиеся между Министерством иностранных дел, ИППО, Палестинским комитетом, Палестинской комиссией, Священным Синодом РПЦ. Возможно, это способствовало тому факту, что среди отмеченных достойными наградами и подарками из Кабинета Его Величества мы не видим выдающихся деятелей ИППО: генерала Михаила Петровича Степанова (кавалера 10 российских и 21-го иностранного ордена), действительных тайных советников Василия Николаевича Хитрово, и Бориса Павловича Мансурова (управляющего делами Палестинского комитета, Палестинской комиссии). Некоторой компенсацией можно считать награждение супруги Б.П. Мансурова, урожденной княжны М.Н. Долгоруковой в 1878 г. малым крестом ордена Св. Екатерины, что делало ее «кавалерственной дамой». Обе дочери Мансурова стали фрейлинами и получили из Кабинета Е.В. соответствующие знаки. Возведение во фрейлины было признаком Высочайшего благоволения и проходило в условиях сильной конкуренции.

Нельзя считать адекватным подарок из Кабинета Е.В. за 30-летнюю работу в ИППО Сергею Васильевичу Арсеньеву, действительному статскому советнику и камергеру. 10 марта 1913 г. Арсеньев получил «Портсигар, золотой с эмблемой в память 300-летия Дома Романовых, Торговый дом «И.Е. Морозова», 230 руб.».

Отметим еще одного деятеля ИППО, отмеченного подарком из Кабинета Е.В.: Алексей Фёдорович Круглов (1864–1948) — российский дипломат, статский советник, генеральный консул в Багдаде, Алеппо, Иерусалиме; почетный член Императорского Православного Палестинского Общества. 06 марта 1914 г. — перстень с бриллиантом, от ювелира Бланка, 386 руб. Справедливости ради отметим, что часто награждение зависело еще от настойчивости министерств и ведомств в представлении наградных документов и знания «канцелярской кухни», алгоритма движения документов.

* * *

По воле Императора Александра II, считавшего, как и все Романовы, «палестинский вопрос» «вопросом сердца», в 1859 году был создан «Комитет для принятия мер по устройству в Палестине русских богоугодных заведений для православных поклонников». Первым из членов Императорской Фамилии паломничество в Святую Землю в 1859 году (160 лет назад) совершил Великий Князь Константин Николаевич. Этот визит дал мощный толчок к приобретению новых русских владений в Палестине. Приведем пример пожертвования в Иерусалим от лица Императора и Императрицы в 1870 году:

16.12.1870. Икона св. благоверного Великого Князя Александра Невского, в серебряном позолоченном окладе, от фабриканта Сазикова, 715 руб. 16.12.1870. Пожертвована **ИХ ВЕЛИЧЕСТВАМИ** в дар Храму Гроба Господня.

В XIX веке в России стремительно развивается паломничество на Святую Землю. Чтобы удовлетворить духовные нужды православных верующих, в Иерусалиме и окрестностях началось активное строительство православных храмов и монастырей. Василию Макаровичу Пешехонову (1818–1888), придворному иконописцу, разрешен сбор средств для иконостаса Троицкого собора Русской Духовной Миссии в Иерусалиме [РГИА, Ф. 797. Оп. 32. II отд. Д. 71. 1862–1864]. В.М. Пешехонов до начала 1880-х гг. выполнял ростовые иконы для высокопородженных членов императорской семьи, в частности, для будущего Императора-страстотерпца Николая II, его братьев Великих Князей Георгия и Михаила и сестер великих княжон Ксении и Ольги. В Иерусалиме сохранилась большая коллекция икон XIX века, которые пока не описаны и не систематизированы. Архивные документы об этих иконах пока не выявлены. Осмотр иконостасов Троицкого собора и храма св. мученицы Александры обнаруживает явное влияние пешехоновской мастерской в характере иконописных решений.

Любое из августейших паломничеств на Святую землю было связано с задачами внешней политики, имело далеко идущие последствия, шлейф политических, экономических и гуманитарных задач, что академик Ф.И. Успенский называл «конкуренцией народов на Ближнем Востоке». Визит в Иерусалим принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII, привел к созданию в 1865 г. Британского фонда исследований Палестины. Приезд прусского кронпринца, будущего императора Фридриха III — к учреждению в 1872 г. Немецкого палестинского общества. Паломничество кайзера Вильгельма II в 1898 г. — к германо-турецкому сближению и последующему вовлечению Османской империи в Тройственный союз. Шла отчаянная конкуренция указанных держав за привлечение на свою сторону церковных иерархов: Антиохийских, Иерусалимских и Константинопольских Патриархов. Практика награждения иерархов бриллиантовыми орденскими знаками и одаривания другими подарками из Кабинета Его Величества вписывалась в концепцию «мягкой силы» при решениях не только тактических, но и стратегических дипломатических задач России на Ближнем Востоке.

Внебogosлужебными наградами — государственными орденами и медалями, духовенство начали награждать именно в Синодальный период. Уже при Петре I церковным служителям были предоставлены гражданские

привилегии, наряду с государственными служащими. Согласно «Табели о рангах» иерархи приравнивались к чиновникам первых трех классов. Одних церковных наград священнослужитель мог быть удостоен от лица Святейшего Синода, другими мог быть только Высочайше пожалован.

В 1820 г. в продолжение инициативы Императора Павла I о наградных наперсных крестах были учреждены т. н. «кабинетные кресты», выдаваемые по Высочайшему указу из Кабинета Е.И.В. Они могли украшаться бриллиантами или драгоценными камнями, в оформлении присутствовала государственная символика. Священникам, назначаемым в заграничные миссии и храмы, золотой кабинетный крест выдавался по Положению (то — есть, не награда, а должностной знак. — В.С.).

Если они прослужили за границей не менее семи лет, этот крест оставался у них уже в качестве личной награды. Такой награды был удостоен, например, архимандрит Антонин (Капустин), глава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме на протяжении почти тридцати лет.

В 1882 году по воле Императора Александра III было учреждено Императорское Православное Палестинское Общество, которое Великий Князь Сергей Александрович возглавлял до своей гибели в 1905 году, после чего руководство перешло к Великой Княгине Елизавете Федоровне. Мы не рассматриваем многочисленные награды Велико-го Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны, полученные ими из Кабинета Его Величества. Еще 3 марта 1884 г. по Высочайшему повелению Ея Великогерцогскому Высочеству, принцессе Елизавете Гессен-Дармштадской были доставлены бриллиантовые знаки ордена св. Екатерины 1-ой степени, работы ювелира Зефтигена, стоимостью 5000 руб. После трагической гибели супруга в 1905 г., Елизавета Федоровна реализовала свою многочисленную коллекцию ювелирных изделий и обратила полученные средства на строительство Марфо - Мариинской обители.

Приведем примеры вручения наперсных крестов из Кабинета Его Величества в Иерусалим (РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1018):

№ 11. 19.01.1882 г. Наперсный крест золотой с цепочкой. Куплено от ювелира Зефтигена, 200 руб. — 19.01.1882 члену Иерусалимской Духовной Миссии, иеромонаху **ПАРФЕНУ**.

№ 50. 11.04.1887 г. Наперсный крест золотой с цепочкой, куплен в магазине Хлебникова, 200 руб. — 12.04.1888 Члену Русской Духовной миссии в Иерусалиме, Александру **АНИСИМОВУ**.

№ 116. 08.06.1893 г. Наперсный крест золотой с цепочкой, куплен от ювелира Зефтигена, 170 руб. — 01.02.1894 Члену Российской Иерусалимской Духовной Миссии игумену **ГЕОРГИЮ**.

№ 126. 05.08.1900 г. Наперсный крест и цепочкой, ювелир Ган, 151 руб. — 02.01.1901 Назначенному в состав Иерусалимской Духовной Миссии иеромонаху **ВЛАДИМИРУ**.

№ 262. 20.09.1904 г. Наперсный крест, золотой, с цепочкою, от фирмы ювелира Гана, 154 руб. — 09.02.1905 Назначенному в составе Иерусалимской Духовной Миссии, иеромонаху **ВИКТОРУ**.

Есть пример награждения турецкого подданного «кабинетским» портсигаром. Особенность таких наград состояла в том, что они несли императорскую символику — государственный герб или корону.

24.11.1895 г. Портсигар, серебряный с золотом, с государственным гербом, с бриллиантом, сапфиром и розами, ювелир Ган, 200 руб. — 24.11.1895 г. Писцу при Российском Генеральном консульстве в Иерусалиме, турецкому подданному **ФАРРАДЖУ**.

Особый случай представляют награждения Антиохийских и Константинопольских Патриархов, которым, по определению полагались награды высшего ранга. Таковыми были бриллиантовые знаки Ордена св. Александра Невского, высокочтимого на Востоке.

Патриарх ГЕРАСИМ (в миру **Константинос Протопапас**, 1839/1841, деревня Астрас, Пелопоннес – 9 февраля 1897, Иерусалим), епископ Иерусалимской и Антиохийской Православных Церквей, Патриарх града Иерусалима и всея Палестины (1891–1897), Патриарх Антиохийский и всего Востока (1885–1891).

10.02.1896. Бриллиантовые знаки ордена св. Александра Невского, куплены от генерала от инфантерии Анучина, 2400 руб. (ранее вручены Анучину в дек. 1895 г.) — 28.06.1896. Патриарху Иерусалимскому **ГЕРАСИМУ**.

Наиболее отмечен был подарками из Кабинета Его Величества Патриарх Григорий IV, причем не только он лично, но члены его свиты и даже его родная сестра, во время визита в 1913 г.

Патриарх ГРИГОРИЙ IV (в миру **Гантос Георгий Хаддад**; 1859–1928), — епископ Антиохийской Православной Церкви; с 1906 года Патриарх Антиохийский и всего Востока. 10 мая 1890 года хиротонисан во епископа Триполи Сирийского Патриархом Антиохийским Герасимом. В 1890-е годы начал сотрудничать с российским Императорским Православным Палестинским Обществом в создании школ в Триполитской епархии. После смерти первого Антиохийского Патриарха-араба Мелетия II, 5 июня 1906 года был избран на патриарший престол; избрание было сразу признано российским Святейшим Синодом. Прибыв в феврале 1913 года, по приглашению российского императора Николая II, в Россию, посетил Санкт-Петербург, Москву и ряд других городов России, принял участие в торжествах 300-летия дома Романовых,

21 февраля возглавил торжественную литургию в Казанском соборе Петербурга, читал Евангелие на арабском языке, в сослужении сонма российских и иностранных иерархов. Оставался в Санкт-Петербурге до 16 апреля 1913 года, ожидая положительного решения на ходатайство о пособии своей патриархии, в чем было отказано Государственной думой. Возглавил хиротонии ряда священников, а также епископов Киприана (Шнитникова), Алексия (Симанского) (впоследствии Патриарх Московский и всея Руси) и Дионисия (Валединского).

В Иерусалиме, 21 февраля 1913 г. в храме Воскресения Господня, богослужение было совершено блаженнейшим патриархом Дамианом, с собором иерархов Сионской церкви.

14.03.1913. Бриллиантовый крест на клобук, ювелир Бланк, 800 руб. — 14.03.1913. Антиохийскому Патриарху **ГРИГОРИУ IV**.

№ 280. 12.01.1913. Брошь с гербом, ювелир Фаберже, 225 руб. — 14.03.1913. Сестре Антиохийского Патриарха **С. ХАДДАД**.

№№ 434 и 434. 14.03.1913. Два Портсигара золотые с гербом, Торговый дом «И.Е. Морозова». По 150 руб. каждый — 14.03.1913. Лицам свиты Антиохийского Патриарха Григория IV.

* * *

Июнь 1896 г. **СОФРОНИЙ IV**, Патриарх Александрийский — Орден Александра Невского, 2700 руб.

Июнь 1893 г. — **МКРТИЧ**, Эчмиадзинский Верховный Патриарх — Крест на клобук бриллиантовый, 2709 руб.

27.08.1888 г. Орден Св. Александра Невского. Куплено от ювелира Зефтигена, 2870 руб. — 01.09.1888. Патриарху Иерусалимскому **НИКОДИМУ**.

Патриарх НИКОДИМ (1828–1910), в миру Николаос Цинцонис, епископ Иерусалимской Православной Церкви; 135-й Патриарх града Иерусалима и всея Палестины (1883–1890). В 1877 году был командирован в Москву на пост настоятеля Иерусалимского подворья и представителя Иерусалимского патриарха в России. Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) возглавил его хиротонию во епископа Фаворского. Вступивши на престол, он начал бороться с активизировавшейся католической и протестантской миссионерской деятельностью в Палестине, и преуспел в этом, удержав многих из своей паствы в лоне Православия, и даже обратив некоторых католиков и протестантов. В 1885 году предпринял осмотр территории всей Палестины. По возвращении в Иерусалим, ходатайствовал

перед османским правительством о присоединении святынь, находящихся во владении мусульман, к владениям православных. За период своего предстоятельства построил и восстановил значительное количество храмов и монастырей, почти вдвое увеличил число народных школ. 30 июля 1890 года оставил свой пост и удалился на покой на остров Халки. До своей кончины получал пенсию от Иерусалимской Патриархии (около 5000 рублей в год) и такую же сумму из России (на основании указа Императора Александра III из его личных средств). От пенсии в размере 600 лир (около 5400 рублей) в год, предложенной от имени Султана, отказался.

№ 25. 05.01.1896. Бриллиантовые знаки св. Александра Невского, ювелир Бутц, 2565 руб. — 28.06.1896. Патриарху Вселенскому **АНФИМУ VII**.

Патриарх Анфим VII, в миру Ангелос Цацос (1827–1913), архиепископ Константинополя, Нового Рима и Вселенский Патриарх (1895–1897).

Взаимодействие Русской Православной Миссии в Иерусалиме с иерархами Константинопольского, Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов не означало автоматического награждения последних наградами и подарками из Кабинета Его Величества. Например, Патриарх **ДАМИАН Касатос** (1848–1931, Иерусалим), епископ Иерусалимской Православной Церкви, Патриарх Иерусалимский. В качестве архиепископа Филадельфийского Дамиан представлял Иерусалимскую Церковь на торжествах по поводу коронации Императора Николая II в 1896 году в Москве, так и не получил соответствующей его уровню награды, например, (бриллиантовые знаки ордена Александра Невского), несмотря на то, что был на Коронации 1896 г.

На примере награждения восточных церковных иерархов высшими российскими наградами (теория «мягкой силы») можно судить о сложнейшей дипломатической борьбе за политическое влияние на Ближнем Востоке и конкретно в Палестине. Не были отмечены русскими наградами из Кабинета Е.В.: Патриарх **Дионисий V** (1820–1891), Патриарх Константинопольский с 23 января 1887 года до своей кончины. До избрания Патриархом в русских правящих кругах имел репутацию крайнего туркофила и русофоба, правда, его патриаршество было отмечено нейтральным отношением к России. Патриарх **Спиридон**, в миру Анастасиос Евфимиу (1839–1921), епископ Антиохийской Православной Церкви; Патриарх Антиохийский и всего Востока (1891–1898). Патриарх **Мелетий II Думани** (1837–1906), епископ Антиохийской православной церкви; в 1899 по 1906 годы – Патриарх Антиохийский и всего Востока. 15 апреля 1899 года Синодом епископов Антиохийской Православной Церкви был избран первым

арабофонным Патриархом Антиохийским, что было восторженно встречено сирийской паствой. Однако, избрание было опротестовано Патриархами: Константинопольским Константином V, Александрийским Софронием IV и Иерусалимским Дамианом, отказавшимися признать законность выборов.

* * *

Церковь святой Марии Магдалины в Гефсимании – русский православный храм в Восточном. Расположена в Гефсимании, недалеко от гробницы Богородицы, на склоне Елеонской горы. Построена Императорским Православным Палестинским Обществом на средства императорской семьи, в память об Императрице Марии Александровне. Освящена в 1888 году в честь святой Марии Магдалины. С 1921 года в храме хранятся мощи святых преподобномучениц Великой Княгини Елизаветы Федоровны и инокини Варвары.

Строительство храма в память императрицы Марии Александровны было предложено начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустиным). Он же предложил участок для возведения храма на склоне Елеонской горы. К осени 1882 года земля была куплена. **Архитектор Давид ГРИММ** составил проект, и церковь была заложена 21 января 1885 года. Сами работы по строительству храма вели иерусалимские архитекторы Конрад Шик, а затем Георгий Франгия. На сооружение храма Император Александр III внес 100 тысяч рублей, его четверо братьев — по 15 тысяч; великая княжна Мария Александровна — 5 тысяч рублей. Патриарх Иерусалимский освятил храм 1/13 октября 1888 года в присутствии Великих Князей Сергея Александровича и Павла Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

Архитектор Давид Иванович ГРИММ. Награды из Кабинета.

10.03.1876. Перстень с рубином, ювелир Бутц, 400 руб. — 10.03.1876. Статскому советнику **ГРИММУ**.

05.10.1891. Табакерка с вензелем Императора Александра III, куплена от тайного советника Венедиктова, 1460 руб. (Изготовлена ранее ювелиром Бутцем 18.04.1891, по цене 1080 руб. и увеличена в стоимости до 1460 руб.) — 26.08.1893. Члену Инженерного комитета Главного Инженерного управления, тайному советнику **ГРИММУ**.

1895 ноябрь. — Табакерка с вензелем Императора Николая Второго, 1400 руб. — Тайному советнику, члену совета Инженерного управления, профессору архитектуры **ГРИММУ**.

* * *

Николай Владимирович СУЛТАНОВ (1850–1908, Висбаден) русский архитектор (гражданский инженер), искусствовед и историк архитектуры, реставратор, преподаватель, действительный член Императорской академии художеств, директор Института гражданских инженеров Императора Николая I (1895–1903). Идеолог и исследователь русского стиля в архитектуре. Автор собора свв. Петра и Павла в Петергофе. Автор проекта лампад для храма св. Марии Магдалины в Гефсимани.

№ 34. 10.03.1892. Табакерка золотая, украшена бриллиантами, куплена от шталмейстера Датского двора Шелля, 641 руб. — 08.06.1893. Преподавателю Института гражданских инженеров Императора Николая I, гражданскому инженеру, статскому советнику **СУЛТАНОВУ**.

12.06.1896. Портсигар золотой, с синей эмалью и бриллиантом, от ювелира Гана, 350 руб. — 12.06.1896. Директору Института гражданских инженеров, статскому советнику инженеру **СУЛТАНОВУ**.

* * *

РГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 4. Об освящении вновь построенной новой церкви близ Иерусалима и расходе сумм на ее постройку. 11 апреля 1896 — 01 июля 1897.

Л. 4.: Расход на постройку храма св. равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимани, близ Иерусалима.

1. Переведено на имя архимандрита **Антонина (Капустина)** 78 500 руб.
2. Тайному советнику **ГРИММУ** за составление проектов церкви, утвари и иконостаса 10 000 руб.

3. Гг. **Художникам** из ассигнованных 25 000 руб. — 18 000 руб. [Главным украшением интерьера стал иконостас белого мрамора с темной бронзой, иконы для которого были написаны известным мастером исторической живописи **В.П. Верещагиным** (1835–1909), профессор ИАХ. Большие панно на каждой из четырех стен храма работы художника **С.В. Иванова** (1864–1910), академик ИАХ, профессор (живопись по холсту, прикрепленному затем к стене), отражают основные эпизоды из жизни св. Марии Магдалины. Работу по размещению икон и холстов осуществлял командированный из Петербурга художник-реставратор **П.К. Соколов** (закончил ИАХ). В 1854 г. звание неклассного художника. Художник-реставратор ИАХ. с 1858 г. по 1894 г. — В.С.]

4. **Трусову и Крутикову** за иконопись 3635 руб.

5. **Жевержееву** [Жевержеев Иван, фабрика парчовых изделий, Санкт-Петербург. Поставщик Высочайшего Двора с 1895 г. — В.С.] за облачение, плащаницу, хоругвь, занавесь и проч. 6726 руб.

6. Церковные книги 106 руб.

7. **Оловянишникову** [Оловянишников Порфирий, колокола. Поставщик Высочайшего двора с 1878 г. Оловянишниковы Иван и Сергей, колокола. Поставщики Высочайшего двора с 1883 г. — В.С.] за колокола 569 руб. [Колокола в числе 6 отлиты в Ярославле на **заводе братьев Оловянишниковых** по указаниям отца Аристарха Израилева, который гармонически настроил их в минорный аккорд. За что получил подарок из Кабинета Е.В. — 30.07.1885. Перстень с жемчугом, изумрудом и рубином, изготовлено ювелиром Фаберже, 366 руб. — 07.11.1886 Заштатному протоиерею Рождественского женского монастыря в г. Ростове Ярославской губернии Аристарху Израилеву. Ранее получил подарок из Кабинета Е.В.: 25.06.1883. Перстень с изумрудом и розами, куплено от ювелира Фаберже, 467 руб. 75 коп. — 17.07.1884 Священнику Рождественского женского монастыря города Ростова Ярославской губернии Аристарху Израилеву. — В.С.]

8. **Хлебников** [Хлебников Иван Павлович (1819–1885). Поставщик Высочайшего двора с 1879 г. — В.С.] за бронзовую утварь 9-ти лампад (лампады по проекту архитектора, гражданского инженера Сабанеева), два подсвечника, крест и проч. 1745 руб.

9. **Овчинникову** [Овчинников Павел Акимович (1830–1888), поставщик Наследника Цесаревича Александра Александровича, 1865 г. Придворный фабрикант с 1881 г. — В.С.] за серебряную утварь 7100 руб.

10. **Виклеру** [Карл Иванович Винклер (1845–1900), инженер, заводчик, предприниматель, поставщик Двора Его Императорского Величества (1882). Основатель и владелец «Художественно-строительно-слесарного завода К.И. Винклера» в Санкт-Петербурге. — В.С.] за изделия из кованого железа 1410 руб.

11. **Винклеру** за 7 крестов из железа, обложенного цинком на купол 800 руб.

12. За деревянные и бронзированные рамки 800 руб.

13. **Архитектору Прейсу** [Константин Георгиевич (Егорович) Прейс (1851–1903), архитектор, академик Императорской Академии художеств. Техник-ревизор контроля Министерства Императорского Двора. Сын архитектора Г.А. Прейса. Прейс Георгий Андреевич (1820–1892), академик архитектуры — В.С.] за вычерчивание проектов Гримма 500 руб.

14. **Корнилов** [Михаил Корнилов, владелец с 1869 г. Фарфорового завода в Петербурге под названием «Братья Корниловы». С 1893 г.

Товарищество. Не были Поставщиками двора, но имели три высшие награды художественно-промышленных и мануфактурных выставок — право употребления Государственного герба. — В.С.] за стеклянные лампы 65 руб.

15. **Лессингу** за цинковые листы кровли 1842 руб.

16. **Фраже** [Фирма «Иосиф Фраже» плакированного серебра в Варшаве с начала 1840-х гг. Не имели звания Поставщика Высочайшего двора, но на выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде получили право употребления Государственного герба. — В.С.] за утварь из «нового серебра» 200 руб.

17. Материи для обивки иконостаса 186 руб.

18. Линолеум на мраморный пол 481 руб.

Поступило в контору Великого Князя Павла Александровича от Его Величества 100 000 руб. От Их высочеств Великих Князей Владимира, Алексия, Сергия и Павла Александровичей 65 000 руб., от Великой Княгини Марии Александровны 5000 руб.

Уплатить: за систерну [цистерну. — В.С.] 4800 руб.

Архитектору **Франгя** [Руководил строительством молодой инженер-архитектор из левантийских греков Георгий Франгя, учившийся во Франции и по возвращении назначенный городским архитектором Иерусалима. — В.С.], за работы 5000 руб.

Сильвиати за мозаичный образ св. Марии Магдалины и перевозу из Венеции 1200 руб. [Антонио Сальвиати (1816–1890) – итальянский мозаичист. В 1860 г. на острове Мурано близ Венеции им была открыта мозаичная фабрика. — В.С.]

Художникам из ассигнованных 25 000 руб. еще уплатить 7000 руб.

Анализ показывает, что из ассигнованной суммы в 165 000 руб. работа архитекторов оценивалась в 15 500 руб., художникам и ювелирам — 45 661 руб. Итого: 61 161 руб. (37% всех затрат), что говорит об исключительном внимании к художественным достоинствам храма. Этому способствовало привлечение ряда самых лучших серебряно-золотых фирм России — придворных фабрикантов, художников и архитекторов — профессоров и академиков Императорской академии художеств.

* * *

Татьяна Константиновна (1890 — 28 августа 1979, Иерусалим), русская княжна императорской крови, дочь Великого Князя Константина Константиновича и Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны, правнучка Императора Николая Первого.

24 августа 1911 года состоялась свадьба Татьяны Константиновны и князя Константина Александровича Багратион-Мухранского (1889–1915). В семье родилось двое детей: Теймураз (1912–1992), Наталья (1914–1984). Старшая сестра Константина княгиня Елизавета Багратион-Мухранская (1880–1915), в замужестве Шереметева — бабушка Татьяны Федоровны Фаберже (род. в 1930 г. в Женеве). Татьяна Фаберже в 1954–1956 г. работала в организации американского Красного Креста в Бейруте и многократно встречалась с «тетей Тamarой», которой она приходилась внучатой племянницей.

В 1946 году в Женеве Татьяна Константиновна постриглась в монашество с именем Тамара (в память о грузинской царице Тамаре, потомком которой был ее первый муж) и переехала в Иерусалим, став настоятельницей Елеонского монастыря

Подарки и награды из Кабинета Его Величества.

04.09.1911. Образ Спаса Вседержителя, в серебряном окладе, 460 руб. — 04.09. 1911. Ея Высочеству княжне **ТАТИАНЕ КОНСТАНТИНОВНЕ**.

17.01.1908. Бриллиантовые знаки ордена Св. Екатерины 1-ой степени, ювелир Ган, 3544 руб. — 17.01.1908. Ея Высочеству княжне **ТАТИАНЕ КОНСТАНТИНОВНЕ**.

04.09.1911. Диадема из бриллиантов, ювелир Фаберже, 9650 руб. — 04.09.1911. Ея Высочеству княжне **ТАТИАНЕ КОНСТАНТИНОВНЕ**.

04.09. 1912. Брошь с бриллиантами и аквамаринами, ювелир Фаберже, 1250 руб. — 04.09.1912. Крестильный подарок Ея Высочеству княжне **ТАТИАНЕ КОНСТАНТИНОВНЕ**.

05.05.1914. Крест золотой, Торговый дом «И.Е. Морозов», 21 руб. — 05.05.1914. Новорожденной дочери княгини **Татианы Константиновны НАТАЛИИ**.

Резюме. Исследование практики награждения российских и зарубежных подданных наградами и подарками из Кабинета Его Величества следует продолжать. В настоящей статье выявлены 20 фамилий кавалеров наград и подарков из Кабинета, что является важным дополнением к биографиям исторических персонажей. В то же время, отмечено недостаточное награждение опытных и достойных деятелей ИППО, в результате внутрироссийских ведомственных распрей, разного понимания целей и задач, стоящих перед ведомствами, обществом и комитетами. Выявлены факты выборочного награждения ближневосточных церковных иерархов, лояльных к российскому государству — использован фактор «мягкой силы», весьма действенный в дипломатии.

**А. Н. МУРАВЬЕВ И «АФОНСКИЙ ВОПРОС»
(1850–1870-Е ГГ.)²**

При непреходящем интересе к проблематике Русского Афона вне внимания исследователей остается вопрос российско-греческих отношений на Афоне в контексте противостояния великих держав, во внешней политике которых на Православном Востоке широко использовались церковные каналы. Революционные события в Европе в 1848–1849 гг. и последующее участие России в Венгерских событиях спровоцировали обострение Восточного вопроса. И хотя до разрыва дипломатических отношений с Османской империей дело не дошло, позиции России были поколеблены давлением на Порту западных дипломатий, цель которых заключалась в ослаблении российского влияния на Православном Востоке и вытеснении России из региона. Эти тенденции не обошли и Святой Афон, который в конце 1840-х — начале 1850-х гг. оказался в центре внимания европейской, прежде всего британской и российской, дипломатии.

В сентябре 1849 г. Афон посетил известный церковный деятель А.Н. Муравьев в сопровождении российского посланника в Константинополе В.П. Титова, членов дипломатической миссии и видных представителей российской аристократии. Итогом визита стало успешное, несмотря на «препятствия со стороны греков»³, обращение Серайской келлии, принадлежавшей Ватопедскому монастырю, в Андреевский скит. Сам же Муравьев получил статус ктитора и впоследствии занимался оказанием материальной помощи афонским монастырям и упрочением положения русского скита. Одновременно начались переговоры об учреждении афонского подворья в Москве, однако дело было остановлено Филаретом Московским⁴, и возобновлено лишь в 1867 г. при посредничестве российского посланника в Константинополе Н.П. Игнатьева.

---

¹ Смирнова Ирина Юрьевна, член ИППО, учёный секретарь Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-09-41010.

³ Письма Митрополита Московского Филарета к А.Н.М<уравьеву>. Киев, 1869. С. 316.

⁴ См. подробнее: Смирнова И.Ю. Русский Афон в переписке митрополита Филарета и А.Н. Муравьева // Палестинский Православный сборник. Вып. 112. М., 2016. С. 351–386.

Внимание Петербурга к Святой Горе не могло не насторожить британского посла в Константинополе сэра Стрэтфорда Каннинга, который проявлял особую бдительность в делах, касавшихся церковной политики России на Христианском Востоке. В октябре 1850 г. состоялась его поездка на Афон в сопровождении секретаря посольства и членов их семей⁵. Внешней мотивацией к тому послужили осложнения греко-британских отношений в связи с так называемым «делом Пасифико», или «Паркеровскими событиями». Блокада греческого побережья и захват британским флотом греческих судов вызвали широкий международный резонанс, и в середине 1850 г. греко-британские отношения перешли в дипломатическое противостояние Британии, с одной стороны, и Франции и России — с другой. Соответственно, возросли подозрения Форин офиса в отношении России и ее влияния в Греции, которую в британском Парламенте, как всегда преувеличивая, называли «русской марионеткой в Леванте» и «вассалом России»⁶. Так что в политических кругах Европы не исключали новой войны.

Сэр Каннинг информировал адмирала Паркера, что «собирался посетить монастыри на Афоне (который считал «одной из твердынь русского влияния в Греции»), поскольку у него «были основания полагать, что там недавно проводилась подготовка к приведению в движение какой-то активной интриги»⁷. Суть интриги так и осталась неназванной, но из донесений Титова в МИД известно, что Каннинг собирался проверить верность «слухов о многочисленных складах оружия, скрытых за стенами афонских монастырей», в чем, по-видимому, британские дипломаты готовы были усматривать причастность России. По словам Титова, «британский поверенный думал сделать одолжение Порте», так как среди турок «нашлись те, кто подозревал монахов в изготовлении военных снарядов и переправлении их в Грецию». Насколько оправдан был вояж британского посла на Афон, можно судить по сообщению Титова, убежденного, что «визит сэра Каннинга не сможет содействовать рассеиванию необоснованных и нелепых подозрений»⁸. Тем не менее, слухи об «оружии для Греции» в очередной раз вызвали

⁵ См. подробнее: Смирнова И.Ю. Поездка британского посла в Константинополе Стрэтфорда Каннинга на Афон (1850 г.) в документах Архива внешней политики Российской империи // Отечественные архивы. 2013. № 4. С. 53–60.

⁶ Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 84.

⁷ Письмо сэра Стрэтфорда Каннинга к адмиралу В. Паркеру. Дарданеллы, 4/16 октября 1850 г. // FO 352/33A.

⁸ АВП РИ. Ф. 161. СПб. Гл. Арх., II–9. Оп. 46. Ед. хр. 22. Л. 2.

в сознании британских дипломатов и политиков образ «личного врага» в лице России, что было особенно характерно для Форин офиса при лорде Пальмерстоне.

Таким образом, к осени 1850 г. Святая Гора оказалась в поле зрения британских дипломатов. Каннинг понимал, что Афон, как и святые места Палестины, с его многонациональным населением и сложными межэтническими отношениями, обладал необходимым ресурсом, который можно использовать в качестве инструмента влияния в политическом противостоянии держав на Христианском Востоке, а потому ситуация на Афоне должна находиться под контролем британской дипломатии.

Стиль работы Каннинга был присущ и его константинопольским преемникам. Так, летом 1866 г. Афон посетил сэр Генри Бульвер в целях оказания дипломатической поддержки греческим монастырям, просившим британского протектората. Вслед за ним на Афон прибыл и русский посланник при Порте Н.П. Игнатьев, который мог лично убедиться в притеснениях русских монахов греками и бедствующем положении русских обителей. Узнав о визите русского посла на Афон, архимандрит Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Антонин (Капустин) писал: «Давно следовало изгладить там следы диктаторского посещения г. Бульвера»⁹.

Мотивы и итоги «диктаторского посещения» Бульвера не вполне ясны, однако очевидно, что оно было связано с расцветом русского иночества на Святой Горе и реакции определенных греческих «партий», настороженно воспринимавших усиление «русского элемента» и использовавших в качестве «противовеса» британских дипломатов. По аналогии с действием представителей Британии в других регионах, можно предположить, что Бульвер разыгрывал карту покровительства Великобритании прежде всего тем, кто относился к подданным британской короны, как, например, грекам с Ионических островов в монастыре Святого Павла¹⁰.

Посещение афонских обителей российским посланником принесло заметные плоды: его присутствие оказало заметную поддержку русским монахам; в 1872 г. в Москве было открыто Афонское подворье для поддержания материального положения Русского монастыря на Афоне;

⁹ Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым (1865–1893). М., 2014. С. 72.

¹⁰ Порфирий (Успенский), епископ. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 году. Киев, 1877. Запись от 16–30 августа 1845 г.

но главное — при отсутствии официального покровительства Российского правительства Игнатъев взял на себя дипломатическую защиту русского иночества на Святой Горе. Так, в 1874 г., когда отношения между греческими и русскими насельниками Свято-Пантелеимонова монастыря обострились до реальных угроз со стороны греков, Игнатъев, прибыв на Афон, употребил всё свое влияние, чтобы не дать конфликту перейти в греко-русскую схизму, к чему стремились британские дипломаты. Однако эта поездка могла бы не состояться, если бы не настоячивые призывы А.Н. Муравьева, совершившего весной 1874 г. свое последнее путешествие на Православный Восток уже не в качестве чиновника Азиатского департамента МИД¹¹, а как частное лицо.

В сопровождении двух послов, германского и американского, Игнатъев посетил Протат, что «произвело сильную демонстрацию в пользу русских иноков, мира и согласия на Св. Горе»¹². Он решительно поставил на место проанглийски настроенного «председателя» Протата архимандрита Св. Лавры Павла, «в нем же корень зла», выразив ему «общее удивление, что вместо монахов, посвящающих себя исключительно молитве и служению Богу, встречаем на Афоне людей, поселяющих раздор и смуты и руководящихся какими-то политическими соображениями»¹³.

Позже стало известно, что конфликт был спровоцирован британскими дипломатами при участии высокопоставленных греков, в том числе архиепископом Александром Ликургисом, намеренно разжигавшими вражду в греко-русской общине, призывая греков к крестовому походу против славян. При этом все документы и протоколы, относящиеся к греко-русской распре, греки передавали английскому послу, тесно связанному с зачинщиками конфликта.

Впоследствии, оценивая позицию Великобритании в ее отношении к России, Игнатъев писал: «Эта держава неизменно находит общий язык со всеми, кто нам враждебен. Она демонстрирует нам отчужденность, недоверие, ревность, которые порождают бесконечное соперничество. ... Дабы навредить нам, они в отношениях с Портой становятся

¹¹ 28 февраля 1866 г. Высочайшим приказом по Министерству иностранных дел А.Н. Муравьев был уволен от службы «по случаю упразднения должности, которую занимал он в Азиатском департаменте» (ОР РНБ. Ф. 498. Д. 1. Л. 1–2 об.).

¹² Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка. М., 2019. С. 459.

¹³ Там же. С. 462.

более турками, чем сами турки»¹⁴. Предостерегал он и о вымышленных подозрениях британской дипломатии в отношении России, и о мнимом интересе к судьбам православных христиан на Востоке, и о двойных стандартах британской внешней политики.

При этом Игнатьев не исключал и мирных отношений между двумя державами: «Не было бы ничего проще, чем установить сердечное согласие между Россией и Англией в Турции». Но это было возможно лишь при условии искренних действий с британской стороны и доверительном отношении к добрым намерениям российского правительства.

К сожалению, междоцивилизационное взаимодействие в контексте Восточного вопроса приходится оценивать чаще в негативном ключе — здесь наблюдается весь спектр проблем — межэтнических, межцерковных, межконфессиональных, внешнеполитических, что выражалось как в соперничестве держав, так и в национальных конфликтах не только между христианами и мусульманами, но и между единоверными православными народами — греками, болгарами, русскими. Игра на этих разделениях была главным вектором внешней политики Британии, основными задачами которой на Христианском Востоке было препятствовать сближению Элладской Церкви с Константинопольским Патриархатом, сеять вражду между Греческой и Русской Церквями, не допускать роста российского присутствия и, соответственно, влияния на Святой Горе. В этой связи предметом особой заботы российских светских и церковных дипломатов было сохранение союза Православных Церквей и единства православного монашества, в том числе на Святой Горе, служивших важным фактором политической стабильности на Христианском Востоке.

Приложения.

После выхода в свет в начале 2019 г. дипломатических записок и переписки А.Н. Муравьева, в Архиве внешней политики Российской империи были выявлены новые документы, относящиеся к «афонскому делу» 1874 года, но не вошедшие в сборник. Первый документ (АВПРИ. Ф. 279 (Консульство в Салониках). Ед. хр. 128. Л. 1–50 об.) был составлен

¹⁴ Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1. Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. М., 2015. С. 336.

в апреле 1874 г. в преддверии приезда А.Н. Муравьева, когда по поручению генерального консула в Солуни Николая Федоровича Якубовского монах Пантелеимон опросил проживавших на Святой Горе русских иноков-келлиотов о притеснениях со стороны афонских греков и записал их рассказы.

Второй документ представляет собой записку А.Н. Муравьева, составленную им 29 мая 1874 г. во время пребывания на Афоне и адресованную послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву (АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Ед. хр. 3210. Л. 1–10 об.). Написанная под тягостным впечатлением от греко-русской распри, эта записка существенно отличается от статьи Муравьева, написанной летом 1874 г. и известной под названием «Афон. Руссик», которая стала последним прижизненным трудом известного церковного деятеля. Опубликованная уже после смерти автора, в 1880 г., в «Трудах Киевской духовной академии»¹⁵, эта статья была рассчитана на широкий круг читателей, в то время как в записке, предназначенной для Игнатьева и служившей по сути дипломатическим донесением, без прикрас излагалась предыстория и суть конфликта между единоверными насельниками Афона.

В связи с тем, что обе записки были написаны во время обострения греко-русского вопроса 1870-х гг., они наилучшим образом характеризуют ситуацию, сложившуюся на Афоне, а также позволяют оценить роль А.Н. Муравьева в разрешении конфликта, перешедшего к весне 1874 г. в критическую фазу. В связи с тем, что эти документы, относившиеся к дипломатической корреспонденции, в силу обстоятельств не вошли в «муравьевский» сборник, мы посчитали возможным опубликовать их в качестве приложения к статье «А.Н. Муравьев и “афонский вопрос”», сохранив авторскую стилистику.

Заявления русских об обидах и притеснениях от греческих монастырей на Афоне. 1874.

Обиды от Лавры.

Заявление 1-е.

В 1861 г. о. Игнатий купил келлию на Провате, во имя Св. В[елико]м[ученика] Артемия, принадлежавшую Лавре. Келья была самая ветхая, так что нельзя было и жить в ней, а усадьба запущенная и неразработанная.

¹⁵ Муравьев А.Н. Афон. Руссик // Труды Киевской духовной академии. 1880. № 11. С. 433–446.

По водворении на купленном месте о. Игнатий занялся обработкою местности и с великим трудом, особенно в начале, очищал, возделывал и распространял ее, разводя огороды и виноградники, которые теперь в таком развитии и объеме, что ни на одной из Проватских келлий нет таких.

Всё это делалось, как и всё прочее, до самых мелочей с ведома и благословения лаврских старцев и, само собою разумеется, с большими расходами.

Но главнее всего нужно было возобновить келью, ибо старая распадалась. Для сего о. Игнатий избрал новое, удобное место недалеко от прежней кельи и по благословию Лавры построил келью 3-этажную, длиною 40 аршин¹⁶, шириною 13 аршин (а в концах, где архондарики — 18 аршин), и устроил в ней две церкви: в верхнем этаже во имя Св. В.-М. Артемия, во 2-м — во имя Покрова Б. М., и в этих двух этажах 28 келлий и 4 архондарика, в нижнем же — подвал и хлебня. При постройке сей новой кельи, когда готовы были церкви, русский духовник о. Иероним посоветовал сломать старую малую церковь, которая, по разобрании ветхой прежней келлии, осталась в отдалении; но лаврские старцы не позволили ломать, а сказали: «что эта старая церковь останется у тебя (о. Игнатия) за параклис».

Кроме сего лаврские старцы благословили построить еще два здания: одно в 20 аршин длины и 9 аршин шириною, в котором: внизу склад всего нужного и помещение для мулов, аверху — сено и помещение для рабочих; другое — в 18 аршин длины, где помещены потатир (на 700 литров), прачешная и маслобойня¹⁷. Все эти постройки стоили о. Игнатию весьма значительных расходов.

Давая благословение на такое устройство, Лавра, конечно, имела в виду, что в такой келье будут жить не 5 или 10 человек, а всячески более 20 и даже 30 человек, тем более, что, не дозволив разломать старую церковь и оставив ее за параклис, при 2-х настоящих церквях, имела в виду, что будет кому и служить во всех трех.

Благословение Лавра давала на всё невозбранно и даже содействовала при постройке выдачею строевого леса, именно: при постройке кельи выдала 70 деревьев, при постройке сарая — 40 деревьев, а на калибу, где потатир — 70 деревьев каштановых и 18 дубов, за что ничего не взяла, даже никакого подарка, только в последние годы подарен был в Лавру

¹⁶ 1 аршин = 71,2 см.

¹⁷ Такие хозяйственные заведения есть при каждой келье, только размер и величина разные, соответственно потребности. — Примеч. автора записки.

от собственного произволения о. Игнатия колокол в 8 пудов и Евангелие на греческом языке.

Поступая так, Лавра действовала совершенно в духе прежнего времени, т. е. по правилам издревле на Афоне существующим, по которым каждый монастырь должен выдавать на постройку из собственного монастырского леса сколько бы то ни потребовалось какому келлиоту на таковую, лишь бы не для продажи.

Но когда разнесся слух по Афону, что Протатом решено втайне¹⁸ вытеснить русских с Афона, чему содействовал и возведенный на трон Патриарх Анфим, то это тайное совещание, разнесенное прежде в виде молвы, скоро стало подтверждаться в различных, соответственных намерению, проявлениях, и притом по всему Афону. В частности, же о. Игнатию притеснения были следующие: прежде всего с шумом и угрозами взяли с дороги крест, указывавший поворот тропы на Артемьевскую келью, вследствие разных наговоров, будто на кресте написано: «Поворот в скит Св. Артемия». Хотя и посрамились клеветавшие на суде в Лавре, куда был призван и о. Игнатий, но Лавра не отдала этого креста и предложила о. Игнатию поставить другой — маленький и без надписи.

Вслед за тем Лавра приказала о. Игнатию уменьшить число колоколов, пожертвованных из усердия благодетелями, а потом распорядилась снять и все, кроме одного небольшого. С того времени звон колоколов преследуем везде у русских по Афону, и монастыри, выводя [как] причину запрещения пустыньность места и ограниченность кельи, и якобы ради безмолвия, выказали только то, что православные стали запрещать православным же то, что дозволили самые турки, вследствие последнего трактата с Россиею.

Наконец, потребовала Лавра, чтобы на келье Св. Артемия было только 5 или 7 человек, и дала срок от осени до весны, чтобы в это время удалил о. Игнатий остальных, обещаясь (в лице своих проэстов) приехать после Пасхи и разогнать, если кто найдется сверх сего числа. Говоря и делая это, Лавра знала, что у о. Игнатия только стариков шесть человек, коим нужно служить кому-нибудь, именно: самому ему 65 лет, другому 70, третьему — 75, четвертому — 80, пятому — 85 и шестому — 97.

Такое насилие должно привести келью в упадок и запустение. И такое действие Лавры порождает вопрос: для кого же построено столько келлий? Кому обрабатывать и поддерживать разделанный огромный виноградник и ходить за маслинами, коих 500 деревьев, кои тоже все обложены камнем

¹⁸ Здесь и далее подчеркивание в оригинале.

и бизюлю (стена из камня для поддержки земли на склоне горы) и удобрения с большим расходом? Кому работать в маслобойне и проч.? И, наконец, кто же будет служить в церкви и для чего три церкви? Если Лавра имела в виду сделать такое ограничение в жителях келлии, то для чего же благословляла и даже содействовала таким постройкам?!

Прежде архимандрит Лавры говорил, что для писем стамбы (изображения) ничего не стоят, и обещал дать о. Игнатию печать Св. В[елико]м[ученика] Артемия, но не только не дали ее, а даже простую, именную его, взяли и не отдают более года.

Придирчивость Лавры дошла до того, что по клевете недоброжелателей, проэтосы приезжали однажды и взяли печати у учеников о. Игнатия, о которых о. Игнатий не знал, и хотя рассмотрено было в Протате, что в печатях тех нет ничего такого, к чему бы можно было придраться, т. е. нет названия скита и т. п., но посадили о. Игнатия на ½ часа в пиргу¹⁹ и после всего того не выдали не только этих печатей, но и стомб (разных картин) и книг, тогда же забранных ими, из коих адресная [книга] благодетелей так необходима о. Игнатию, что он без нее не знает кому, куда, по получаемым письмам отвечать или по какой-либо надобности известить кого из благодетелей. А чрез это о. Игнатий и приведен в самое затруднительное положение и даже лишается и пожертвований вновь, и самых благодетелей, да и не знает, что делают Протат или Лавра по тем книгам.

*Показание это замечено 9 апреля 1874 г.
со слов о. Игнатия после переговоров его с г. консулом.*

Заявление 2-е.

Все сиромахи²⁰ русские обижены монастырями в разных видах, их теснят на каждом шагу, и в конце концов законоположили, что русский каливит и келиот не может продать калибы или кельи никому, кроме грека, а в некоторых даже совершенно никому, и кроме сего не позволяют принять и записать ученика.

а) О ските Василия Великого иеромонах о. Иоанникий хотел сделать особое пространное объяснение.

б) О. Макарий, пещерник на Керашах, устроивший церковь и келью при пещере, по старости лет и по существующему издавна обычаю хотел записать принятого им ученика в омологию, но Лавра не только не записала, а взявши омологию у него, не отдала назад, сказав: «На что

¹⁹ Пирга — монастырская тюрьма на Афоне.

²⁰ Сиромахами называют афонских монахов-отшельников.

тебе омология? Ступай с Богом, живи, безмолвствуй; а место наше, келья наша, тебе ничего не нужно, ступай!» Прежде же сего отняла у него воду и передала ее греку (о чем упомянуто ниже).

в) То же сказали и старцу Герасиму, когда он хотел продать устроенную им келью или записать ученика. Келья его очень отдаленна, воды близко нет, а он не может ходить за нею при 80-летнем возрасте и дряхлости сил, почему и нужно было ему переселиться на другое место или иметь ученика, но Лавра не позволила ни ученика принять, ни продать калибы (а идти с пустою торбою из устроенного жилища никому из русских не запрещает).

г) Пониже пещерника Макария, в овраге, построился некто о. Филипп с ведома и благословения Лавры, которая два раза разоряла ему оную, хотя оба раза давали благословение построить и только в 3-й раз сказали ему: «Теперь русским нет места!» (то есть на Афоне). Это было Великим Постом. Филипп же человек бедный и почти слепой, истратил всё свое маленькое достояние и остался ни с чем.

д) На Керахах в усадьбе кельи Иоанна Богослова у о. Ионы вырубили весь лес, так что и на дрова ему не оставили. Это сделали угольщики с ведома Лавры, как хозяева, купившие весь керашанский лес на уголья.

Эти же угольщики, видя беззащитность русских, когда поспела черешня, не только не спросясь приходили рвать, а даже и при них рвали и ломали с ветками, отрубая иногда большие суки, чтобы удобнее было обрывать черешню и есть. Против такого насилия ничего не могли ни сделать, ни сказать русские.

е) То же делали эти угольщики у о. Игнатия на келье Св. В[елико]м[ученика] Георгия. Когда о. Игнатий застал их на черешне, то стал спрашивать, для чего они так делают, ибо за плоды этой черешни он рассчитывал получить 4 лиры? На это рвавший сказал: «А я напавлю тебе 4 метания». Тем и кончилось дело.

ж) На Керахах же у о. Варлаама на келье св. Иоанна Предтечи сосед грек захватил земли от его местности, но о. Варлаам не мог об этом даже пожалиться. Вообще на все притеснения русские теперь безгласны. Если кто хочет идти жалиться, то прежде должен наполнить карманы.

з) Но вырубая лес на проданной усадьбе и делая другие притеснения, уменьшает ли Лавра, по крайней мере, данку? Напротив, время от времени увеличивает, и некоторые русские стали платить вдвое.

Притом при продаже келлий она берет 15% называемых здесь рясмою, и притесняет только русских, а по смерти одного из записанных в омологию взыскивает третью часть стоимость кельи, чего не было от самого водворения монашества на Афоне и введено не более 10 лет назад.

и) После того слуха, что решено русских вытеснить с Афона, некто русский монах Иаков хотел купить келью в скиту Св. Анны и сторговал было у грека, но от Лавры было строжайше приказано скиту никак не продавать русскому ни кельи, ни калибы, и Иакову отказали, хотя он обещал сделать хороший вклад в [нрзб], — хлопотал, но ничего не успел.

и) Один сербин именем Пахомий стал строить 2-этажную келью, но по доносу на него кураджия (здесь лесничий, играет важную роль), ему велели сломать один этаж, и когда тот не мог даже заплатить и за постройку мастерам, то вынудили его продать, и он продал греку с большим убытком, именно за ту только цену, сколько приходилось уплатить мастерам. После в оправдание своего поступка жалелись от Лавры нашему духовнику [иерсхимонаху Иерониму (Соломенцеву)], что «как худо Ваши руссы делают, построив 2-й этаж без ведома проэстосов». Лавра считала о. Пахомия за русского, ибо он общение имел с русскими, говорил по-русски и книги имел славянские, почему и сделали ему такое притеснение.

Когда же купил грек, то и второй этаж уже не помешал, и не разламывали ничего, и в таком жительстве грека уже ничего худого не находили, как нашли тогда, когда думали, что построил ее русский. Кроме сего отдали этому греку воду, которая текла к русскому пещернику о. Макарию и была записана в его омологию.

Взяв омологию у о. Макария, исключили в ней воду и вписали ее в омологию греку, оправдывая свое насилие такими словами: что «вода туда принадлежит», тогда как прежде вода эта была Лаврою же вписана в омологию о. Макария. И когда о. Макарий просил хоть немного уделить ему из этой воды, так как там воды обильно, и тогда лавриоты ничего не дали.

Вышеприведенные заявления переданы разными лицами и схимонахами: Евфимием, живущим на Катанаках, и Виссарионом, живущим на Керашах.
8 апреля 1874 г.

Заявление 3-е.

Схимонах о. Евфимий поселился в пещере на Катанаках и за 10 лет обстроил ее, постепенно, прибавляя по смотрению и силам, а теперь Лавра не позволяет ни продать, ни ученика записать: «Земля наша и келья наша, — живи до смерти, а умрешь — всё наше».

Это говорят и делают и прочим русским келиотам. При поселении возьмут за отведенное место плату, а когда кто построится и нужно ему почему либо переселиться на другое место, то должен всё оставить и идти с пустою торбою. Прискорбнее всего то, что не записывают ученика, как было прежде: ибо каждый, умирая, был бы спокоен, что оставляет наследника, который помолится за него, и всё

приобретенное им поступило бы своему, т. е. осталось бы всё дома, а то кому по смерти теперь всё достанется?

Для достижения сей цели Лавра давно стала выдавать вместо омологий (как было всегда на Афоне и как они дают и теперь своим грекам) ничтожные записочки, содержание которых почти в таком смысле: «Сиди, безмолвствуй до смерти; а не захочешь — иди куда знаешь, келья останется за Лаврою, которую она и продаст сама первоявившемуся покупателю».

Надо при этом сказать, что каждый монастырь при построении кем-либо кельи обязан давать деревья, какие и сколько нужно для постройки, а равно и на гурны (деревянные желоба) для проведения воды, что существует издревле, и греки пользуются этим правом доселе; а если какое дерево лежит срубленное и должно сгнить, то всякий, откуда и как только может взять, берет невозбранно и просто на дрова; то русские лишены и этого права, и вот что было с вышеупомянутым о. Евфимием: ему понадобилась гурна под крышу для собрания дождевой воды, и он нашел лежавшее и гниущее дерево в лесу, стал долбить его, но напался на него кураджий (лесничий) и такого на него нагнал страху, что он не знал, что делать; никакими молениями и прошениями не мог смягчить кураджия, который повлек его в Лавру к ответу, и о. Евфимий прожил там 4 дня в ожидании уехавших проэстосов. Но и после того лесничий этот притеснял о. Евфимия во всем, так несколько раз обрезал веревки у мастеров, которые таскали плаку (плиты каменные) для крыши о. Евфимию, и, хотя лаврские отцы благословляли ему покрыть, кураджий несколько раз опять таскал его в Лавру и делал разные пакости. (Нужно заметить, что в Лавре при русском нередко говорят этому кураджиию не только не обижать русских, но и делать им всякое пособие, но после приказывают ему совсем не то, почему он и делает такие насилия).

Кроме этого пастухи козлов пригоняли их к самой его пещере, и они взбирались на крышу, становились по 3, по 4 пред окном, загораживая свет, так что о. Евфимий не мог делать и рукоделия, но он не смеет даже рукой отмахнуть их, ибо строжайше преследуют за это и угрожают даже выгнать, или разметать калибу, говоря: «Козы приносят пользу, а монахи — какую?!»

Успокоить или уговорить пастухов, чтобы не пригоняли коз к келье не было средства, кроме бакшиша, но [поскольку] у о. Евфимия ничего нет, то он два раза угостил их чаем, но это не только не остановило пастухов, а ради сего они стали чаще пригонять коз к его келье.

Личные показания о. Евфимия Катанского.

8 апреля 1874 г.

Заявление 4.

1) В Кавсокаливском скиту иером. Товия хотел продать свою келью (во имя Всех святых) русскому. Условившись в цене, пошли в Лавру для переписания омологии, но там сказали: «Продать кельи мы не запрещаем, но только не русскому, а греку. Зная же тебя много лет и уважая как достопочтенного старца, скажем тебе: лучше не продавай никому, а сиди в ней до смерти, ибо если продашь, то на всем Афоне не продадут тебе кельи». «Почему так? — спросил о. Товия. «Нам так предписано от Патриарха», — отвечали старцы Лавры. Это было более года назад [то есть в конце 1872 — начале 1873 г.], и о. Товия остался в этой келье.

2) В том же Кавсокаливском скиту случился в прошлом марте месяце грустный скандал: один из скитян по имени Анфим, придя на келью русского духовника Нифонта, насилием хотел взять нанятых им мастеров для своей работы, и когда о. Нифонт не стал давать, говоря, что они наняты им и когда кончат, тогда кто хочет, тот и наймет их, Анфим ожесточился и стал придирчивее требовать, говоря, что греки здесь хозяева, и русские не могут и не должны делать им никакого прекословия, что бы они не делали. Затем стал поносить русских, именуя их еретиками, и когда дерзнул назвать Русского Императора еретиком, то о. Нифонт, несмотря на свою старость, едва не поразил его палкою, с которою ходил. После этого Анфим досказал свою задушевную мысль, крича во все горло: «Я всех здесь (на Кавсокалибе) русских перережу». С этою похвальбою он и ушел в свою келью.

Духовник же Нифонт сделал донесение о сем в Лавру, так как скит находится во владениях Лавры, и Лавра прислала от себя какую-то бумагу в Собор (кирияка), где прочли ее, не показывая русским, и, позвав после о. Нифонта, сказали: «Мы сделали выговор о. Анфиму, и он не будет ничего подобного говорить вам».

Со слов о. Товии иеромонаха.

Март-апрель 1874 г.

Обиды и притеснения от Ватопеда.

По праву сильного Ватопед отнял у сербина отца Василия келью, проданную ему за 9600 левов. О. Василий держал ее 9 лет. Жил один, а данку платил за двух по 500 левов каждый год. Чрез 9 лет своей жизни на этой келье о. Василий захотел записать ученика в омологию, но Ватопед отказал ему в этом, тогда о. Василий сказал: «Если не запишите ученика, то я не буду платить данки, ибо у меня ничего нет». Тогда Ватопед продал его каймокану, и Василий вынужден был

заплатить назначенное. А назначили сколько хотели. После чего Ватопед потребовал от о. Василия омологию, а он, боясь злоупотребления, сказал, что уничтожил ее, тогда ватопедцы тут же велели отдать ключ другому, а его изгнали, не давши ему ничего.

Всё это известно духовнику Карейскому Савве, у которого хранится омология о. Василия.

Это насилие выступает из ряда других и ярко отображает ненависть греков к славянам. Ибо они (греки) брали дань, равную и даже в 4 раза меньше с греческих келлий, кои приносили доход, иные до 5 т. левов в год, а Василий Сербин не имел не только доходов, но и куска хлеба, монастырь же не обращал на это внимания, а хочешь, не хочешь — давай.

Такими средствами монастыри стали достигать своих целей к вытеснению русских и вообще славян с Афона.

Показание м. Василия Сербина.

Апрель 1874 г.

[Обиды] от Пантократора.

1) Тот же монах Василий Сербин, которого Ватопед насильственно лишил кельи, купил себе калибу в монастыре Пантократоре на Капсале. Когда отдавали ему место и когда он устроился, ничего не сказали и ничем не предварили, а когда отстроился, то открыто стали притеснять его. Он срубил дуб на своей усадьбе; проэстосы, узнавши об этом, потребовали с него 9 червонцев, несмотря на то, что дуб был полугнилой, и тут же объявили, что он и никто из келлиотов не имеют права срубить в своей усадьбе никакого дерева!

Кроме сего, у самой кельи лежали деревья от прежней постройки, 8 уже лет и уже почернели, которые он принял с калибою как купленные, но когда деревья эти о. Василию стали нужны, то монастырцы отнимают их и запрещают касаться с угрозой строгой ответственности. Василий говорил Пантократору: «Почему Вы не сказали мне прежде, что так будете поступать, а требуете только теперь? Если бы я знал, то никогда не купил бы здесь калибы? А теперь что я буду вам давать, когда у меня нет и куска хлеба?»

Показание монаха Василия Сербина.

Апреля 1874 г.

2) Так же на Капсале в келье Св. Саввы Освященного старцу Варсонофию монастырь не позволили срубить в своей усадьбе и на лестницу жердей, тогда как прежде, лет за 20, когда о. Варсонофий покупал

келью, давали даже на постройку из монастырского леса, а своей усадьбы келлиот был полный хозяин и распорядитель.

Показание старца Варсонофия.

Апрель, 1874 г.

3) На той же Капсале в келье св. Василия Великого старец Митрофан с учениками строили сарай и срубили по благословению старшего архимандрита монастыря потребное число деревьев, давши ему бакшиш; но вскоре после того приехали с метохом другие проэстосы, которые придрались к этому и потребовали 64 лиры, — по лире за дерево. На это требование о. Митрофан отказался, ссылаясь при том на благословение монастыря; тогда проэстосы потребовали разломать калибу и отдать им лес, употребленный в постройку.

Несмотря на такую нелепость требования, о. Митрофан согласился разломать. А так как проэстосам хотелось вовсе не того, а только собрать взятку, то они вышли из себя и сказали, что за упрямство заставят его продать самую келью. После таких угроз начали сходитьсь на мировую и, взяв 20 лир, уехали, довольные своею выдумкою. Кому же на них пожалуешься?

За несколько лет пред сим, когда монастырь распорядился срубить лес на усадьбе о. Митрофана, то он, по общему тогда праву всех келлиотов, возразил на это, но его успокоили, говоря, что, когда тебе понадобится, возмешь из монастырского лесу, сколько будет нужно. Но вот теперь, когда случилась надобность, и давши благословение, содрали такую огромную взятку, которая для бедного человека весьма и весьма чувствительна.

Показание иеромонаха Кирилла,

ученика старца Митрофана.

Апрель 1874 г.

4) На том же Капсале русский монах Климент согласился срубить, по предложению мастера, каштан, росший около самой его калибы, который нужно было срубить и для очистки места; по срубе употребили его на постройку. После сего этот самый мастер, который присоветовал срубить оное дерево, потребовал бакшиш с о. Климента 20 левов, тот отказал; тогда мастер пригрозил, что если не дашь 20 левов, то заплатишь лиру, и пошел, сказал тому подрядчику, который откупил у Пантократора лес всей Капсалы. Этот, как полный хозяин, придя, потребовал лиру, прибавляя: «Если не заплатишь, то две отдашь». Климент не дал. Они пошли в монастырь, рассказали там, как хотели

и знали, и Климента позвали в монастырь. Но когда рассказал Климент, как было и что дерево росло у самой калибы, что срубить его нужно было и без того для одной очистки места, притом это присоветовал сделать самый тот мастер, который срубил дерево и теперь доносит, то монастырь не нашелся, как после такого показания требовать плату, и отклонили дело до другого дня.

На другой день пригласили и того мастера, который срубил дерево, и того, кому запродали на сруб капсальский лес, и так как о. Климент не может говорить по-гречески, то мастера при нем же натолковали проэстосам, что и как хотели, и монастырцы, не входя в ненужное для них исследование, прямо потребовали с него и взяли лиру. В самом деле, какая надобность проэстосам исследовать дело и заботиться о правоте оногo, когда представился случай взять лиру, тогда как они и без того нарочно изобретают причины, чтобы брать лиры.

После такого успеха в своих наговорах мастер приходил еще к о. Клименту и требовал от него снова бакшиш и угрожал уже не одною лирою, а изгнанием из калибы, говоря: «Это не твоя калиба, ты продашь ее!». И это повторял многократно, конечно, узнав мнение проэстосов Ставро-никитского монастыря в отношении русских, что очень смущает о. Климента. Бессовестный этот мастер (Константин) сам подлежал ответственности за то, что не сделал по договору в постройке того, как условились с о. Климентом, и наказал его на 3 лиры, но Климент не имел право жаловаться на дерзкого. И Константин вместо благодарности стал делать ему вышеупомянутые обиды и угрозы небоязненно.

Показание монаха Климента.

Апрель, 1874 г.

5) Беззащитность русских дала повод обижать их не только монастырям, но и всякому, кто может и хочет. Вышеупомянутый мастер Константин чем-то испортил своего мула и привязал его при келье о. Израйля, у которого он с товарищами обдeldывали келью. Долго ли стоял там мул, неизвестно, только в это время случилось иеродиакону Макарию, далеко от о. Израйля живущему, выгнать с своего двора иного мула, здорового, и мастер придрался к нему, говоря, что «ты испортил моего мула», и требовал за него 20 лир.

Мастер избил бы о. Макария, если бы посторонние не заступились за него. Это было так: в Неделю Ваий (24 марта) иеродиакон Макарий стоял со своим учеником на портарейке, и видят, что один из пасущихся мастерских мулов вломился в их изгородь, сделанную из кустарников, и влек ее на себе; ученик пошел согнать, а за ним шел и о. Макарий. Мула

выгнали, но не били, ибо и в руках ничего не было. Загородив живую свою изгородь, о. Макарий вышел с намерением отогнать всех мулов от изгороди и, прикрикивая, махал издали хворостиной; мулы ушли по дорожке вниз; а чтобы они ушли далеко, то о. Макарий прикрикнул еще с бугра и хотел идти назад, вдруг снизу бежит к нему с криком мастер Константин и машет. О. Макарий остановился и ждет мастера, чтобы узнать, чего он хочет. Но тот подбежал, схватил его за руку, за шиворот платья на груди, поднимая кулак с намерением бить его.

О. Макарий вскрикнул ученику, тот прибежал и стал отнимать о. Макария у мастера, но снизу прибежал его товарищ, и ухватили оба Макария и тащат в кусты. В это время подбежал к ним и третий мастер. Мимошедший на бдение о. Вениамин с кельи Св. Саввы, услышав шум, подошел и видит исступление мастера и его насилие, остановил его и товарищей кроткими увещаниями, но те в такую пришли ярость, что никак не хотели остановиться и кричали, что Макарий испортил им мула, а мул стоил 20 лир, и повели о. Макария, только не к прогнанным мулам, а в противоположную сторону, к келье о. Израйля, где у них давно был привязан испорченный мул, и, показывая его, говорили, что он стоит им 20 лир. Но Макарий отвечал, сколько бы он ни стоил, но я этого мула не видел, а бить никакого не бил. За ним пришли ученик его и о. Вениамин, и после долгого разговора кончили тем, что пойдут жалиться в монастырь, тогда он заплатит 30 лир. Макарий отвечал, что согласен идти куда хотят, но мула он не бил и не видал его. Вся ночь на Благовещение прошла для него в большом смущении.

Утром на Благовещение заходит мастер и говорит о. Макарию: «Поедем в монастырь». Тот сказал: «Сейчас», и пошел надеть ряску; но мастер скрылся. О. Макарий пошел к иеромонаху о. Антонию, хорошо знающему греческий язык, и рассказал о случившемся.

Днем к о. Макарию зашли два мастера и говорили, что придет кураджий, возьмет о. Макария в монастырь, а они поведут туда мула, после сего, говорили, о. Макария поведут в Протат и мула туда же, и он заплатит 30 лир.

Макарий не противоречил. В Великий Пяток пришел мастер и говорит: «Что потоптал у тебя мул, я заплачу, но ты заплати мне за мула». О. Макарий показал, что у него ничего нет посаженного и мулу нечего было топтать, а ему бить мула было не за что. Поговорив несколько и видя, что угрозы не действительны, мастер стал смиряться и говорить — дай лиру, я метание тебе направляю. Тот отвечал: «Ты скажи, что ты или кто из твоих видели, что я бил мула, тогда я отдам»; но мастер замылся. Макарий, чтобы отвязаться, обещал дать поллиры

и, давши лиру, просил сдачи, тот дал 30 левов, а 20 обещал принести, но ушел и не приходил.

Еще не прошла одна гроза, как налетела другая. Кураджий недавно взял бакшиш с о. Макария за пригороженную сажень земли, взошедшую в его изгородь с другого пустого места; потом зашел и говорит, что он мало взял и просил еще 20 левов, но о. Макарий отказал ему, и когда тот стал настаивать, о. Макарий сказал: «Место это мне не нужно, я отгорожу его, а ты отдай мне, что взял прежде, 40 левов». Он рассердился и ушел с угрозой. Через некоторое время приходит и говорит: «Ты нехороший человек (подозрительный). Я скажу в монастыре, что ты украл 50 досок, которые лежали там-то на бугру, и ты отдашь за них по лире!» (доски эти кураджий, вероятно, продал кому-нибудь без ведома монастыря и хочет оправдаться выдуманною клеветой), затем стал угрожать, что его изгонят из калибы.

Теперь о. Макарий ожидает, что его будут терзать за доски, о коих ему и во сне не грезилося.

О поведении и высокой нравственности сего иеродиакона Макария могут поручиться все знающие его.

*Два эти заявления показаны были прежде сторонними,
а потом рассказал то же и о. Макарий.*

12 апреля 1874 г.

6) Около двух лет назад [1872], когда только начиналось явное притеснение русских, Пантократор первый открыл это притеснение, надеясь на помощь Патриарха Анфима, который хотел пантократорского архимандрита Даниила сделать экзархом Афона. Келлиоты вдруг увидели пришедших с топорами рабочих с их предводителем — мастером, которые начали без всякого спросу рубить кипарисы, если при какой келлии таковые были. Пантократор, запродав предварительно их в Андреевский скит, прислал рабочих рубить, не сделав никакого предварения келлиотам, и таким образом срубили при кельях: Введения во храм Пресвятой Богородицы у иеромонаха Антония, на Троицкой келлии у иеромонаха Илиодора, духовника, на калибе у о. Мануила, на келье Св. Апостолов у Варлаама и на других. Кипарисы были вековые.

Вскоре за тем Ставроникитский монастырь, Каракалл и другие последовали примеру Пантократора.

Русские собрались, потолковали между собою, и на том остались — жалиться было некому! Некоторые высказали было скорбь свою пантократорцам, но получили от них такой во утешение ответ: «Ведь не вы сажали эти кипарисы, то нечего и искать!»

После того как удался пантократорцам этот первый опыт притеснения, они открыли другой, более чувствительный для каждого, чего не бывало на Афоне никогда. Продали на сруб весь Капсальский лес (на Капсале живут одни русские с малым исключением), и откупщик сего стал рубить на всех усадьбах келлиотов, коим всегда лес нужен самим. Такая нечаянность и наглая обида побудила их обратиться с жалобой в монастырь, конечно, словесною, но там не только не вняли справедливой жалобе, но даже объявили им, что с этого времени никто из келлиотов (конечно, русских) не имеет права срубить у себя ни одного полена, а должен заплатить за него монастырю. Вот почему так притязательно и нагло стали притеснять русских и самые даже мастера.

А так как в последние годы, кроме Пантократора, никакой другой монастырь не продавал русским калиб или места, то, пользуясь сим, пантократорцы за каждую безделицу стали брать чудовищные бакшиши, под именем благословения. Это пантократорское начало скоро отозвалось и в других монастырях.

Последние два показания говорили все келлиоты, знающие это дело.

8) На том же Капсале м[онах] Аникита, живописец, купил, можно сказать, развалины калибы за 25 лир; прожил на ней 5 лет, обстроил ее как ему нужно было, израсходовав на то 100 лир. Монастырь же нашел после того причину изгнать его из этой калибы.

Давно кураджий (лесничий) обижал русских в разных видах; с тем же намерением однажды он оборвал и у о. Аникиты черешню ночью, как уже пришлось оборвать, но потом пришел и днем и начал обрывать другую. О. Аникита увидал и стал бранить и отгонять его, но кураджий не слушал и рвал спокойно; он не боялся словесных угроз, потому что кроме телесной крепости был вооружен ружьем, пистолетом и ножами; нарвав сколько ему хотелось, ушел.

(Это насилие кураджий делал и на других келлиях русских). Недостаточно было ему этой обиды, он отправился в монастырь, нажалился проэстосам, как знал, и возбудил их энергию до того, что на другой же день один из них с двумя вооруженными кураджиями приехал к о. Аниките и все трое взошли в его калибу. Проэстос грозно потребовал от него омологию. Видя их прямое намерение выгнать его из калибы, о. Аникита отвечал, что омология его хранится у русского духовника о. Иеронима. Это взбесило проэстоса, и он, сказавши гнусное слово на о. Иеронима, стал бить себя в грудь и кричать: «Я здесь царь! Я, я, я!» И после разных угроз сказал: «В три дня чтобы ты доставил омологию в монастырь и выбрался из калибы».

Когда уехали грозные эти гости, о. Аникита отправился в Рус-сик и объяснил все это о. Иерониму, но духовник не мог оказать ему никакого пособия, а посоветовал только скорее продать калибу, иначе омологию возьмут и его с калибы прогонят, а если и дадут ему что, то по омологии только, т. е. сколько стоила калиба до отстройки.

После сего о. Аникита нашел русского покупателя и продал ему за 25 лир, с тем, конечно, предварением покупателя, что монастырь возьмет еще с него вдвое больше, т. е. монастырь будет снова продавать ему эту калибу от себя. Когда они отнесли омологию, то монастырь продал этому русскому его калибу за 30 золотых, и затем дали ему новую омологию. (Купивший лишь недолго [прожил] в этой калибе, только два месяца, уезжая восвояси продал ее тоже русскому за 80 лир).

О[тец] же Аникита остался без калибы и скитается, не зная, где и как придется доживать, ибо теперь нигде не продают русским и теснят всесторонне.

Все греки и Протат согласились и действуют заодно, чтобы русским нигде места не продать, а поселившихся прежде русских, болгар и молдаван изгнать, и всевозможным родом [и сколько теперь причиняют... — *зачеркнуто карандашом.*] вреда русским и притеснениям нет конца! Из собственных келлий изгоняют, на усадьбах при кельях лес рубят и жгут из него уголья, деньги берут себе и келлиотов оставляют без дров, даже кипарисы порубили при кельях русских; проданную келлиоту землю отрезают и продают другому; научают своих лесничих обижать во всем русских и слушают всякие их клеветы, после чего не только притесняют, но и изгоняют русских; все требуют денег, а если нет и не даст кто того, сколько они просят, то ступай из кельи.

Увы! Беда, и горе, и плачь! — заключает свое заявление о. Аникита, — куда бежать и что делать? Не знаем. Только одно упование на Господа Бога, Царицу Небесную и на сердобольное наше отечество и батюшку царя нашего.

«Просим все, во-первых, Бога и потом Государя нашего Александра Николаевича и всё наше любезное отечество: защитите нас на чужой стороне от этих извергов-греков, разоряют нас вконец! Всех нас на Святой Горе русских утесняют, во всем без числа и делают нам всякие обиды. Умилосердитесь!»

*Заявление о. Аникиты-живописца.
12 и 13 апреля 1874 г.*

Обиды от Ивера.

1) Выстроившие новую, на 25 человек, келью грузины сделали подробное заявление об обидах им от Ивера Его В[высоко]превосходительству г. послу в Константинополь.

Об этом лично передавал мне старец кельи о. Венедикт.

2) Там же, близ грузин, русские купили келью Св. Николая, и вот их заявление.

Когда старец их о. Иларий уехал в Иерусалим, то сосед-грек Иоаким (келлиот) два раза вырубил на их местности лес. Когда в первый раз грек Иоаким срубил 100 деревьев, то оставшиеся ученики о. Илария ходили жаловаться в монастырь, но там горько над ними насмеялись, говоря: «Разве о. Иоаким у вас не спросился?» «Нет», — отвечали простодушные. «И у нас не спросился», — добавили иверцы, — «Но мы его позовем и спросим его».

Затем велели придти русским через неделю. Когда они пришли и чаяли получить вознаграждение за вырубку их леса или услышать что-либо утешительное, иверцы сказали: «Ведь он срубил для постройки, ему нужно!» С тем утешением русские и ушли.

На другой день после сего тот же Иоаким срубил еще 80 деревьев на их же усадьбе. Русские опять пошли с жалобою в монастырь; там опять отвечали вопросно с тою же насмешкою и прибавляли, что они дадут Иоакиму канон (эпитимию, наказание), как он смеет обижать русских? Кончилось же тем, что Иоаким благополучно (спокойно) забрал все деревья и строился преспокойно, а русским в благодарность сделал новую пакость: раскапывая виноградник, подкопал под их местность так, что и земля обвалилась, и маслина упала. На жалобу русских монастырь отвечал: «А вы зачем же допускали его подкапывать под вашу усадьбу?»

Вскоре после того этим самым русским потребовалось срубить несколько деревьев для гурн, кои нужны для кельи, купленной недорого ими. Монастырь обязан был дать им на гурны из своего даже леса, как это было всегда по прежним правам или как они позволили соседу-греку порубить лес чужой для его постройки. Но для Ивера дать русским лес было еще обязательнее тем, что его быки пьют эту воду в устроенном вдали корыте, чрез которое проходят эти гурны. Но иверцы сказали: «Если дерево вам нужно, то срубить позволяем, только за каждый пих (аршин) заплатите по 6 левов».

Иеромонах Иов возразил: «Ведь эти деревья на нашей усадьбе и лес наш, как это говорили и при покупке келлии». Иверцы отвечали: «Нет! Ваша только келья, а лес наш, рубить ничего не смее! Если же срубите, увидите, что будет!» О. Иона сказал на это: «Мы в Протат пойдем

жалиться». «А мы кто? — возразили проэстосы. — И в Протате мы же заседаем, да мы и не позволим вам идти туда!»

Таков суд в самосудном Афоне. Одним не позволяют пользоваться собственностью и даже отнимают ее, потому что они — русские, а другим отдают и чужое, потому что те — греки, соплеменники! Кроме этого иверцы недавно стали брать с одной кельи дань и за четвертого монаха, не записанного в омологию, тогда как никогда прежде сего не брали не только с греков, но и с русских, кроме 3-х лиц, означенных в омологии.

Показание о. Ионы иеромонаха.

Апрель 1874.

3) На местности иверской, называемой Магула, монах Николай купил келью во имя преподобных Петра и Онуфрия и на первый раз загородил от скотины только то, что необходимо было, т. е. виноградник и огород, а лес, как и другие части усадьбы своей, оставил не загороженным до времени.

Так прошло 5 лет. Лес же при келье этой строевой, хороший и много его, что означено и в омологии, как принадлежность кельи. Но теперь, когда потребовалось для постройки возобновляемой кельи срубить несколько деревьев, то монастырь взял с о. Николая 25 лир, и расширяя свое притеснение, добавил: «Ты не можешь владеть больше того, что загорожено тобою, а прочее наше!»...

Притеснения от Симопетра (sic)

1) Русский монах Пахомий купил на местности Симопетрской у русского же калибу с кубанью, т. е. с тем вкладом 2500 левов, который сделал первый покупатель в монастырь для получения на пожизненное время хлеба, по здешнему обычаю. Но когда о. Пахомию нужно было переселиться на Капсал, то он долго хлопотал и с великим затруднением получил только 1800 левов, а 700 левов монастырь удержал у себя. Обида эта тем чувствительнее, что о. Пахомий и его предшественник в три года своей там жизни не брали хлеба от монастыря нисколько.

(По переходе на Капсал сего же о. Пахомия обидел Пантократор, взял два разу рясму²¹ 472 лева за купленную калибу).

Личное заявление о. Пахомия (дважды).

Апрель 1874.

²¹ Плата при совершении купчей.

2) В тот же Симопетрский монастырь: двое — старец Феофан (молдаванин) с учеником Виссарионом (русским), живущие на Керашах, внесли вклад в августе 1863 г. с условием получать ежегодно от монастыря за проценты с положенной ими суммы пшеницу, овощи, масло деревянное в определенном количестве — до смерти, а по смерти обоим сумма вклада должна остаться вся в пользу монастыря (так делают здесь все, кто может и имеет в том нужду).

Но с первых еще лет Симопетр начал делать разные обиды в самом недобросовестном отпуске выговоренной провизии (удовлетворительно выдавали только первые два года). Видя, что никакие просьбы не действительны, вкладчики вынуждены были обратиться к русско-ковским старцам с просьбой оказать свое содействие и помощь в возвращении суммы, ибо раз за разом симопетрцы выдают худшую провизию. Например, пшеницу с песком и камушками, масло горькое, которое ни в лампадке не горит и есть нельзя в кушанье, и проч. т. п. и притесняют разнообразно, так что потеряна всякая надежда на лучшее удовлетворение кубанью (провизией).

Наши старцы, сознавая просьбу старца Феофана справедливою и видя натяжки и обиды Симопетра, написали туда письмо. По получении этого письма Симопетр вежливо отвечал старцам Руссика форменным письмом, что выдадут обратно сделанный вышеупомянутый старцем вклад. Это было в августе 1870 г. Письмо это хранится у старца Феофана. Но на самом деле до сих пор не возвращают этой суммы и делают не менее прежних разные насилия в выдаче провизии, нисколько не менее прежних, и даже угрожают лишить и такой выдачи.

Обстоятельство это вынудило старца Феофана и ученика его снова обратиться к нашим старцам с просьбою о помощи, но они не могли уже принять большего участия, ибо получили однажды письмо от Симопетра, удовлетворительное.

По всем данным следовало бы после того обратиться с просьбою в Протат, но от этого, знают, не будет лучше, а скорее — хуже, как показывают и многие опыты. Ибо Протат не предпочтет сиромаш русских монастырю, от которого заседает в Протате антипросоп: от такой жалобы на монастырь, естественнее всего, присудят ничего не выдавать или велят успокоиться, и монастырь после того не только денег, но и плохой кубани (провизии) не будет давать и, как захочет, так и притеснит бедных.

Теперь они желают одного, чтобы обратно получить свой вклад и положить оный в другой монастырь, но только минуя Протат,

а потому желают обратиться к г. русскому консулу с жалобой, но боятся, чтобы не узнал Протат, тогда — и житья им нигде не будет.

*Личное и письменное заявление
о. Виссариона (дважды), о. Феофана.
Апрель 1874 г.*

Обиды от Каракалла.

1) Продавши келью Воздвижения Честного Креста русским, монастырь Каракалл 15 лет относился к ним миролюбиво и никогда не говорил, что они делают не так или владеют не своим. Но когда сделалось общее движение греческих насилий русским, не отстал и Каракалл.

В прошлом году сам игумен с несколькими братьями и многими рабочими пришли с шумом и бранью, отгородили половину местности, которая самим же монастырем введена была в омологию этой кельи. А чтобы насилие было виднее и обида чувствительнее, то игумен потребовал, чтобы русские заплатили рабочим за труд, что отделили и отняли у них половину земли с лесом. С того времени теснят там русских разнообразно и теперь не позволяют даже копать усадьбы под виноград и вообще под посадку необходимых для кельи продуктов, и, как прочим русским, не позволяют рубить дерево ни на какие potrzeby.

*Заявление сторонних лиц, вследствие уезда старца кельи иеромонаха
Иеронима в Иерусалим, и монаха Иосифа с сей Воздвиженской кельи.
1873 и апрель 1874 г.,*

2) На той же Каракальской местности 2 года назад скончался монах Сильвестр (бывший казанский купец Степан Григорьевич Зилотин) в купленной им келье во имя св. Иоанна Златоуста. Оставшийся ученик его монах Тихон хотел продать келью, по заповеди старца, русскому с тем, чтобы и самому остаться при нем навсегда, и обрел такового, именно иеромонаха Павла, живущего в Ксенофском скиту, с которым и условились за 30000 левов, но монастырь не дозволил продавать русскому, сколько они не хлопотали об этом, и настойчиво требовал продать келью греку.

На это о. Тихон долго не соглашался, тем более, что покупателей из греков нет, и они не заплатят этой цены, к тому же он хотел и себя поместить на той же келье. Принуждая к продаже, монастырцы говорили, что они имеют власть взять у него келью и не дать ему ничего,

имеют власть посадить его в пиргу и проч. На что о. Тихон отвечал: «Ну — сажайте, а я греку не продам, ибо старец не благословил, и мне место нужно самому».

Вскоре после того до слуха о. Тихона стали доноситься и другие угрозы, которые, по местным положениям, не нестаточны, и когда он посоветовался с знающими и узнал, что эта угроза может осуществиться, решился продать приведенному монастырцами греку за 25 т[ысяч] пиастров, лишась таким образом 5 т[ысяч] пиастров в келье; и купленных для перестройки кельи досок и лесу на 2 т[ысяч] левов, что всё там и осталось.

Это случилось прошлый год.

Заявление о. Тихона.

Апрель 1874 г.

3) Келью Введение во храм Пресвятой Богородицы купил о. Варсонофий и взял в монастыре благословение перестроить и распространить церковь, для чего сделал и контракт с монастырем. При этом он по необходимости делал пристройку к келье одного архондарика, для чего запасся камнем, досками, гвоздями и проч. Когда начал строить, приходили проэстосы, пили чай, разговаривали, но ничего не сказали; но когда о. Варсонофий воздвиг уже до пола, то пришли и привязались (разумеется, чтобы сорвать что-нибудь), говоря: «Как ты строишься без благословения?» Он отвечал, что дали ему полное благословение и контракт с мастерами они же заключили, но те отвечали: «Мы дали тебе благословение на церковь, а про архондарик ничего не говорили». «Но вы были тогда-то и видели?» — говорил о. Варсонофий. Монастырцы отвечали, «что мы разломаем». О. Варсонофий говорит: «А я поленом вас, если станете разламывать», и они ушли.

На тот же или на другой день пришли 35 человек монастырские братия, эргаты и мастера и разметали постройку.

О. Варсонофий стал жаловаться, обращался в Протат, в Константинополь, но ничего не помогло. Между тем, мастера потребовали и взыскали с него за работу, хотя она и не была докончена, и когда о. Варсонофий согласился с другими келлиотами подать жалобу на монастырь, то жизнь его была в опасности, особенно когда он обратился с просьбою в Константинополь. Прознав об этом, о. Варсонофий и ученик его Иоанн бежали с Афона в Россию, и сами не едут, и известий не подают.

При взятии благословения на постройку, о. Варсонофий заплатил 9 лир за лес — срубить его сколько понадобится на таковую; деньги эти

остались в монастыре, равно и лес, и теперь монастырь хочет продать эту келью, а оставшегося ученика Склеона выслать. Отсрочки только до июля.

*Заявление сторонних многих лиц, знающих это дело.
1873 и 1874 гг.*

[Обиды] от Ксенофского.

1) Иеромонах Павел купил келью в Ксенофском скиту в 1867 г. и имел, как и другие келлиоты на Афоне, омологию правильную, но в 1873 г., когда нужно было ему вписать ученика, эту омологию монастырь переделал, так что о. Павел не имеет теперь права продать келью никому, кроме грека, и кроме того, в омологию внесены такие обязательства, кои не могут быть выполнены русским, например:

«Во все праздничные дни ходить на бдение в соборную скита церковь, где пение и чтение, как заведено издавна, будет греческое, и чтобы русские в это отнюдь не вмешивались. Наложенную монастырем данку платить без всяких оговорок. (Данка же эта налагается по произволу монастыря, о чем будет пояснено ниже).

Послушания монастырские, когда позовут, отбывать без всякого отлагательства. Кельи ни под каким предлогом русскому не продавать, а только греку. Ни постройки, ни перестройки, ни поправки без ведома монастыря не производить».

Таких омологий не существовало на Афоне, — насилия, притеснения и обиды явные, здесь вся основа последнего плана греков — вытеснить русских с Афона.

И бедные русские, истратив всё свое достояние на покупку и обстройку кельи, должны лишаться всего, не имея возможности ни перейти в другое место, ни продать кельи, ибо из греков покупателей нет, а если бы когда и нашелся кто, то не заплатит и третьей части сколько она стоит; посему — с кого же брать остальное русскому и куда идти?

2) Болгарин Даниил хотел продать келью русскому, но монастырь не позволил, а продать ему было нужно, и он настаивал, ибо из греков покупателя не было, то монастырь решился выдать ему по омологии 6 т[ысяч] левов; на это о. Даниил не согласился, говоря, что русские давали ему 8 т[ысяч]. Вследствие такого притеснения о. Даниил ходил в Протат, ездил и в Солунь жалиться, так что монастырь решился или был вынужден заплатить ему 8 т[ысяч] левов.

Но заплатя болгарину 8 т[ысяч] левов, монастырь не потерял чрез это ничего, ибо придумал препремудрый оборот: он разложил

на русских в виде возвышения данки, и русские выплатили этот налог, тогда как на греков ничего не налагали!

Оба эти показания заявлены иером. Павлом.

11 апреля 1874 г.

3) В Ксенофском скиту при старце Симеоне находится ученик о. Досифей, достаточно знающий греческий язык, и так как в последнее время ему пришлось объясняться и за себя и за других, то греки условились изгнать его из скита и чего не изобретали, чтобы найти к сему какой-нибудь предлог. Наконец, остановились на одном: «Ты нам не угоден, выходи из скита». Цель же греков та, чтобы прежде изгнать его, как знающего их язык и некоторое плутное, а с остальными управиться после, высылая по одному, что не представляет никакого труда.

Калибу эту, почти в развалинах, совершенно одни стены, купил за 17 злотых лет 16 назад м. Владимир; к нему поступили лет 12 назад прежде о. Симеон, который и записан в омологию, а потом о. Досифей, который монашество принял и записан после уже смерти о. Владимира, скончавшегося лет 9 назад. Сам о. Владимир употребил на обстройку калибы 200 р. сер., а сии после него, с проводом купленной воды, употребили еще до 500 руб.²², так что вся калиба теперь им стоит 800 руб. сер.

Когда греки согласились изгнать о. Досифея, то придирки, насилия и обиды открылись разные. Так, однажды за сложенную бизюлю (стена из камня для поддержки земли на скате горы) потребовали 2 лиры, и когда о. Досифей сказал, что пойду к о. Иерониму и попрошу, если даст, отдам, то один из приехавших проэстосов, не поняв поначалу слов о. Досифея, возразил: «А! к Иерониму? Что нам твой Иероним? Мы здесь хозяева, ты к нам пришел, а не творишь послушания?! Не хотим (тебя), вон отсюда!» Но когда о. Досифей разъяснил, что пойдет попросить денег, то успокоились, но ненадолго. Ибо когда вместо 2 лир получили в ответ от о. Иеронима, что не случалось еще того, чтобы платить им за бизюлю деньги, то монастырцы стали притеснять Досифея еще более.

По случаю введения купленной воды в омологию переписали ее и переменили, как уже хотели и знали. На всем Афоне нет хуже омологии, как у о. Досифея со старцем Симеоном. Прежде была дана хорошая, как и всем на Афоне, по которой русский мог продать келью русскому или кому он найдет удобнее и сходнее, но переменив омологию три раза, каждый раз изменяли и в последней написали такую, что хуже быть не может.

²² Одна вода стоила им 200 руб.

Когда прочли эту омологию, то о. Досифей не хотел брать, говоря: «Зачем же вы написали: «не продать русскому»? Кто же мне заплатит за воду и за всё, что я истратил?» Проэстосы, кладя омологию за пазуху и показывая, что и этой не дадут, если он будет возражать, сказали: «Не спорь и не ссорься, бери, если хочешь и молчи; после видно будет!» Дело кончалось тем, что если о. Досифей будет противиться, не дали бы ему никакой омологии, а выдали бы только 17 золотых, т. е. первоначальную плату за развалины калибы, и велели бы выходить из скита.

Несмотря на такое насилие, требовали с него в виде бакшиша колокол для скита и хотели взять лир 5 в подарок от него.

Когда стали притеснять за данку и требовать вдвое и втрое с русских, то о. Досифей говорил за себя и за русских и представил на вид, что в 1863 году в Ксенофский скит поступило от русского благодетеля 1000 р. (за упокой Иоанна и Веры) собственно для уплаты данки за русских, в чем была выдача и записка от духовника руссиковского о. Иеронима. Но тогда греки, желая скрыть это и, чтобы и слуху не было о пожертвовании русским благодетелем, прибавив к ним 2500 левов (133 руб.), положили в селе (?) св. Николая из процентов и перестали поминать имена Иоанна и Веры.

Хотя бы и с большей суммы поступали проценты, но они должны поступать в общую пользу скита и все должны знать, куда они употребляются, но получает дикей²³ — грек, и никто не знает, куда эти деньги деваются, ибо ни поправок не делают, ни других расходов для соборной церкви и, кроме того, налагают еще вдвое на русских данку.

Такое выяснение о. Досифея еще более ожесточило греков, и они сказали, что в селе св. Николая положены не те деньги, а русских денег нет, заключили тем, чтобы удалить Досифея из скита во что бы то ни стало. Стали возводить на него разные клеветы и, наконец, сказали: «Ты нам не угоден, удались из скита». Потом призвали его старца Симеона и потребовали, чтобы он выслал Досифея от себя. Тот говорил: «Куда и как я удалю его? Он мой монах, со мною и ради меня трудился, положил здоровье и капитал в устроение калибы и воды, то как я его удалю или куда с ним пойду?» Но греки не хотели слушать сего, а потребовали окончательно, чтобы не было его в скиту, и дали старцу 10 дней, и если в 10 дней не удалится Досифей, то призовут сардаров и силою изгонят его из скита. И теперь оба они не знают, что будет!

²³ Дикей (греч. δικάζος, от греч. δίκαιος — справедливый) — в настоящее время выборный настоятель монашеской общины в афонских скитах. В общительных скитах избирается пожизненно.

Кроме сего на Страстной неделе (в последних числах марта) до того ожесточились греки, что хотели связать Досифею руки и как преступника посадить в пиргу. Составили от скита донесение в монастырь, в котором написали разный набор клеветы, но ни одной из них ни доказать, ни подтвердить не могут, кроме одного того, что он знает по-гречески и говорит свободно за себя и за русских. Под эту бумагу только двое из скитских келлиотов, богобоязненные люди, не подписались.

Записка, выданная в 1863 г. духовником Руссика о. Иеронимом, что 1000 р. поступают в скит единственно на уплату данки, не сохранилась; но о. Иероним сказал: «что как тогда дал записку, так и теперь подтвердит, что деньги те 1000 р. пожертвованы в скит для уплаты данки за русских».

Бывший в то время дикей Даниил болгарин и теперь жив и подтвердит о 1000 р., ибо он в свое дикейство не брал данки ни с кого из скитских: ни с грека, ни с русского. Живы и русские, при коих поступила эта жертва: схимонахи Симеон и Гавриил.

Показание о. Досифея.

18 апреля 1874 г.

4) В том же Ксенофском скиту по смерти русского монаха Иоанникия, монастырцы обобрали по существующему здесь праву, келью его (во имя Священномученика Харалампия) и церковь обнажили самым возмутительным образом. Потом келью эту, обнаженную, продали русскому о. Серафису, там же в скиту живущему в калибе, взяв с него 8 т. левов за нее и называемой рясмы 450 левов. Это было в прошлом году. Давно уже законоположили, чтобы русскому никто из келлиотов не смел продать калибы или живи, и после того сам монастырь (т. е. сами законоположившие) продал русскому; но это потому что, во-первых, русский заплатил столько, сколько ни один грек не заплатит, а второе, что, продавши, обязали русского такую же омологиею, какую выдали и прочим русским, т. е. какой до сего времени на Афоне не существовало.

Но так как у о. Серафима осталась калиба, которая стоит ему 4500 левов и которую он должен продать, и непременно греку, то недавно призвали о. Серафима в монастырь и спросили, почему он не продает калибы? Тот отвечал, что нет покупателей. Они подослали грека, который торговал у него калибу и давал только 4 т. левов, почему о. Серафим не продал ее, не желая лишиться 500 левов и одида, когда явится такой, коему он мог бы продать без убытка за 4500 левов.

После сего монастырь снова призвал о. Серафима и уже грозно стал спрашивать, почему он не продает калибы? О. Серафим отвечал, что грек не дал ему той цены, что она стоит. Тогда они стали кричать, бить себя в грудь и вспрыгивать как обезумевшие, требуя немедленно омологии, по которой выдадут ему, как там написано (а калиба записана в омологии в 3000 левов при покупке). Серафим совсем растерялся, увидя себя в такой среде, которая готова растерзать его, и только спросил: кто же мне заплатит остальное, ведь калиба стоит мне 4500 левов? Прозостосы с тем же неистовством требовали омологию и говорили: «Или отдай омологию, или позовем сардара²⁴ и отправим тебя в Протат, там вытребуют уже от тебя омологию». На это о. Серафим сказал, чтобы не заботились призывать сардара, он сам пойдет в Протат.

Не выдавши никогда в таком азарте проэстосов, о. Серафим думал, что он попал в зверинец; наконец, сказали ему, что они послали уже за сардаром, который придет и возьмет его.

Показание о. Серафима.

18 апреля 1874 г.

5) Вышеупомянутый о. Серафим живет один, а данку греки требуют с него за трех. Он давал уже за двух, не взяли. С других же уже взяли двойную подать: с иеромонаха Ириней — за 2-х, со. Гавриила — за 1 ½ человека.

В оправдание своего насилия греки говорили: «Вы не трудитесь, не несете тягостей церковных — не поете, не читаете, а только слушаете, то и давайте нам лишнюю данку».

Когда же русские возразили, что у нас есть иеромонахи, чтецы и певцы, и мы сами будем читать и петь, тем более здесь русских половина, т. е. равное число, как и греков. На это греки отвечали: «Мы не хотим слушать вашего чтения и пения, а нам деньги давайте за то, что мы читаем и поем».

Кроме сего, чтобы ни понадобилось сделать в калибе — починить, устроить, хотя бы самую ничтожность, непременно нужно взять благословение. Но если кто что сделает, то возьмут омологию, отдадут по ней деньги, т. е. первоначальную ее цену, и прогонят из скита.

Показание игумена Павла,

схимонаха Серафима, монаха Досифея.

18 апреля 1874 г.

²⁴ Сардар — в Османской империи титул командующего полевой армией.

Притеснения от Протата.

1. В 1863 г. Р[усский] Андреевский скит по скудости воды счел необходимым приобрести Хилендарскую келью во имя св. Николая, находящуюся выше скита с обильною водою. Келья эта приносила дохода Хилендарскому монастырю от 400 до 450 и никогда более 500 пиастров, и по своему положению и ограниченности места была незначительна, но скит условился с старцами монастыря за 10 т. рублей, которые должны положиться в банки, монастырь будет пользоваться процентами по 500 р. в год. Кроме сего 2 т. руб. определяли на совершение актов и на другие частные расходы.

Для монастыря лестно было получить такую сумму, а притом скит делал еще некоторые ему уступки и обещания, довольно важные по своему объему и существенной пользе, почему старцы монастыря согласились охотно. Но между ними был один проэстос из куцовлахов Нил, который питал неприязнь к русским: он отправился в Протат и объявил о том в общем собрании антипросопов и, конечно, в соответственном своего к русским расположения тоне.

Антипросопы по обсуждении решили, что Хилендар не должен ни под каким предлогом уступать кельи скиту, дабы не дать русским возможности расширяться и укрепляться, тем более близ Кареи, где резиденция их правления. В противном случае, если что случится впоследствии от русских, то в этом будет виновен Хилендар, и все монастыри будут в претензии на него. Вследствие сего монастырь отказал скиту в оной келье.

После того убеждали монастырь г. Муравьев А.Н. и г. посол Игнатьев, принимавшие участие в этом необходимом желании скита: г. Муравьев перепискою с Хилендарем и митрополитом Сербским, а г. посол лично просил дважды об уступке сказанной кельи; но монастырь не уважил ни ходатайство скита, ни просьбу таких сановников и отказывал под разными предложениями.

Проэстосы отвечали г. Муравьеву, что мы не можем сего сделать, потому что Лавра Сербская и хозяин и попечитель монастыря — митрополит и князь Сербские; то же говорили и г. послу, что келья ктиторская и монастырь не вправе уступить древнее ее достояние. Но когда г. Муравьев написал к митрополиту Сербскому [Михаилу], и тот писал от себя и просил монастырь уступить келью, тогда монастырь отвечал митрополиту: «Если ты имеешь право уступать, то уступай, а мы не можем, — келья эта ктиторская».

Не говоря уже о том, что монастырь был властен уступить и ктиторскую келью, но нужно пояснить здесь то, что келья эта вовсе

не ктиторская, то есть построена не Св. Саввою, основателем Хилендарского монастыря, а не более как лет за 150 пред сим одним султанским цирюльником-христианином, который по выслуге положенных лет пожелал поступить в монашество, приехал на Афон, купил это место и выстроил келью. Следовательно, уклончивость и ложные извороты ответов монастыря показывают только на нерасположение к русским, а вместе и фанатизм Протата, ради угроз которого монастырь отказал ходатайству таких высоких сановников и потерял всегдашний доход от такой, не по достоинству кельи, выгодной и важной продажи.

В прошлом, 1873 г. г. посол предлагал в Константинополе эпитропу Хилендара Савве, чтобы он похлопотал пред монастырем, митрополитом и князем об уступке кельи скиту, на что Савва отвечал уклончиво: 1-е, что он писал в монастырь, но — то старцы не все в сборе, то — что не в праве распорядиться, имея попечителями монастыря Князя Сербского и Митрополита и пр.

После сего г. посол просил поверенного в делах Сербии, чтобы он написал старцам Хилендарским и убедил их уступить келью, обещая Хилендарю очень многое в пользу его; поверенный сказал лично архимандриту скита, бывшему в тот раз в Константинополе, чтобы скит подал прошение в монастырь Хилендарь, тогда он потребует от монастыря это прошение и представит князю; но когда о. архимандрит возвратился из Константинополя и посоветовался здесь, и, узнав, что хлопоты будут бесполезны, оставил подавать прошение.

*Личное заявление архимандрита скита о. Феодорита.
12 апреля 1874 г.*

2. Все на Афоне скиты имеют от своих монастырей лес на дрова, который рубят невозбранно, и каждый свою арсану (пристань), но русский Андреевский лишен сего.

Имея настоятельную надобность в арсане, скитяне в продолжении 30 лет хлопотали, стараясь приобрести оную покупкою, для чего обращались с просьбою к монастырям: Ватопеду, Ксенофу, Ксиропотами, Иверу, Пантократору и Ставрениките, прося уступить для сего несколько аршин пустой на берегу земли, но никакие цены, ни обещания, ни разного рода подарки не могли смягчить нерасположенных к русским и ни один из них не уступил и немногих аршин пустой земли!

Когда же Ставреникитский монастырь, страдающий паче всех недостатками, изъявил согласие на уступку, не из расположения, конечно, или любви к русским, а по крайней своей бедности, которая, можно сказать, одна и вынудила на такую уступку и монастырь

за условную громадную цену, совершенно несогласною с местностию, указал при море самое непотребное, пустое, бесплотное место, то это так ожесточило фанатиков, что Протат тут же вступился и начал писать в Ставроникиту самые пасквильные, поносные на русских письма, с добавлением всегда угроз монастырю, и ставроникитцы не могли исполнить по условию, а должны были отказать скиту. Это было два раза, по настоянию Протата и бывших здесь дважды экзархов от Патриархата, получивших, впрочем, от скита немаловажные презенты.

Впрочем, монастырь, получая такие письма, грубо и грустно относившиеся ко всему населению русских на Афоне, снимал копии и посылал кому он знал, для засвидетельствования о недоброжелательстве к русским.

В последнее время возвели на Ставроникитский монастырь страшную клевету за его уступку немногих аршин пустой земли, будто монастырь тайно согласился со скитом: скит — купить монастырь, а монастырские проэстосы — продать свой монастырь скиту, чего никогда не было и быть не могло! Вследствие такой клеветы Протат решил арестовать монастырь и их кассу, чего ни по каким законам не должно быть, выражая тем явно свою ненависть и недоброжелательство к русским, и подтверждая это даже письменными афишами и пр.

Арест монастыря продолжается доселе, и несчастные ставроникитцы страдают теперь из-за русских. При их бедности нельзя было не согласиться на такую ничтожную уступку места для арсаны, ибо кроме громадности единовременного взноса, скит обещался поддерживать монастырь, поуплатить некоторые долги и затем доставлять старцам монастыря ежегодно пропорцию красной рыбы, черной икры, просфорной муки и прочие продукты, обещал еще построить ветряную мельницу и всю годовую пропорцию пшеницы молоть обязательно и за всем тем, во-первых, к ним приводить поклонников и убеждать к пожертвованию, одним словом — поддерживать монастырь, как и чем возможно.

Ставроникитцы видели, что всё это верно осуществится, и монастырь их чрез то воскреснет, почему охотно согласились тогда на уступку сказанного места для арсаны, но за такое маловажное, и притом доброе дело, вследствие вышесказанной клеветы, подвергнулись со стороны Протата преследованию и крайнему насилию.

Подвергнув аресту Ставроникитский монастырь, Протат поставил от себя 2-х избранных людей, каракальского иеродиакона N и филофеевского монаха, за распорядителей монастыря, которые

в засвидетельствование своей преданности воле и намерениям Протата, действуя в духе его распоряжений, стали притеснять русских, как и чем только могут, и вот того доказательства:

Личное заявление архимандрита Андреевского скита о. Феодорита.

18 апреля 1874 г.

[Притеснения] от Ставроникитского монастыря.

На ставроникитской местности 3 монаха построили калибу, положи каждый свою часть. В недолгом времени двое из них умерли, остался один, по имени Иаков, то монастырь потребовал с него 8 лир. Это было шесть лет назад. О. Иаков много кланялся, умолял, просил, говоря, что у него ничего нет, даже должен 500 левов, но монастырцы требовали наступательно и, наконец, сказали, чтобы он непременно продал калибу, на что дают ему 2 месяца сроку.

Делать было нечего. О. Иаков продал за полцены и шесть лет бедствовал, не имея, где главы приклонить, проживая в разных местах. После того купил у того же монастыря самое малое место за 3 лиры для постройки на оном калибы, с условием отвести прилегающую к этому месту дорогу повыше и поставить бизюлю (высокую каменную загородку), чтобы не заходили мимоходящие мирские люди. Прежде о. Иаков построил крошечную калибку, лишь бы было где укрыться от непогоды, а потом, собравшись с средствами и подрядив мастеров, построил каменную, оставив одну половину недостроенную.

В то время приходили монастырские проэстосы и, желая сорвать бакшиш, говорили, как бы забывши условие: «А! Ты дорогу отвел вверх? Давай 2 лиры за это», но про постройку ничего не сказали. О. Иаков, не имея ничего, говорил: «Почему вы, когда давали благословение, не сказали сего, я бы не стал строиться, а теперь нет у меня ничего, впрочем, если будут, отдам после».

Чрез некоторое после того время монастырь Ставроникитский подвергся аресту, почему введены были в него от Протата 2 доверенные проэстоса, каракальский и филофеевский, кои и распоряжались монастырем, как полные хозяева. В это время о. Иаков делал надстройку кельи с одной стороны, где у него было оставлено место, из чекмы²⁵, легенькую, и уже стали крыть плахою. Новое правление, водворившись с правами распорядителей, призвало о. Иакова и стали требовать

²⁵ Между столбиками, близко один от другого поставленными кладут остатки кирпича и замазывают глиной, — такая стенка называется чекмой.

с него 10 лир, но как у него ничего не было, то он отказывался со смирением, на что проэстосы сказали: «Если к вечеру не принесешь 10 лир, то келья твоя будет в море. Иаков повторил, что у него нет и 10 левов, то где ему взять 10 лир, посему лучше развалить келью. Проэстосы спросили у переводчика: что он говорит? Переводчик повторил, что нет денег, обещается развалить.

С тем о. Иаков и пошел от них и, придя, сказал мастерам, что проэстосы велели разломать келью. Мастера сильно взроптали, говоря, что так и турки не делают, и давали свои 2 лиры, чтобы о. Иаков отнес проэстосам и отдал, но Иаков, не имея, чем после заплатить, велел разламывать, и скоро всю постройку развалили.

Чрез 3 после того седмицы проэстосы призвали опять о. Иакова и говорят: «Есть благословение (т. е. даем позволение) сделать и покрыть пристройку. Иаков отвечал, что у него нет денег, но они отвечали, что это малое дело, о бакшише же, т. е. о 10 лирах и не поминали, устыдясь своего насилия и слыша даже от мастеров нареkanie за безбожный свой поступок.

Обида была глубокая и по наглому насилию, и по трате денег, ибо о. Иаков опять должен был нанять мастеров и достроить начаток (заплатил 1 лиру).

По постройке калибы он сложил и бизюлю, на которую взял благословение у прежних проэстосов, но новое правление не упустило из виду и тут придратся и сорвать.

Опять призвали о. Иакова в монастырь и опять стали требовать лиры, уступая постепенно понемногу и с 15 лир остановились на 6. Сбавку эту они сделали не в один день, а в течение многих, терзая каждый день о. Иакова своим требованием, то призывая в монастырь, то приходя к нему сами, то присылая кураджия (лесничего). А так как у него нет и 10 левов, то он запер келью и оба с учеником ушли, чтобы хоть на малое время отдохнуть от такого притеснения, ибо так грустно, так тяжело, что впору бросить келью и бежать, как и сделали некоторые, не вынеся натиска насилий и обид.

Показание о. Иакова, которое прежде его заявляли многие.

12 апреля 1874 г.

2) Близ Ставроникиты монах Михаил купил в 1871 г. пустое место под калибу и построил оную. Потом обгородил отведенное ему место, очистил гурман и, перекопав, насадил виноградник.

Чрез ½ года пришли к нему проэстосы монастыря с намерением отрезать у него половину усадьбы и говорят: «У тебя места много, нужно

половину отдать другому. О. Михаил возразил: ведь вы сами продавали и указывали место, а теперь отнимаете? На это ведь есть 4 свидетеля». Монастырцы отвечали, что «земля наша, мы что хотим, то и делаем», и тут же отрезали половину проданной ему местности для монаха Платона, дав ему благословение строить, а Михаилу сказали: «Теперь загородись себе и копай, та часть — твоя земля».

Не прошло и шести месяцев после того, пришли опять монастырцы и отрезали еще двум — Никодиму и Мирону, и велели им строиться, так что под отрезанную землю поступил и вскопанный Михаилом виноградник. Он плакал, молил, просил проэстосов не делать сего, указывая на виноградник, который он вскопал по их же благословению, то зачем же отрезываете? Монастырцы ничему не внимали и сказали только: «А тебя кто заставляет копать?» Тогда Михаил сказал: «Стало быть, вы и калибу после сего отберете?» «Мы что хотим, то и сделаем!» — отвечали проэстосы.

От скорби о. Михаил не знал, что делать и плакал горько.

Теперь стоят 4 калибы одна около другой, так что и для себя выйти некуда.

После такого насилия о. Михаил пошел жалиться в Протат и подал прошение, но там антипросопы расхохотались и так осмеяли его, что от стыда он ушел. Прощение же ему отдали назад.

При покупке места омологии не давали, и даже по постройке калибы, и только успокаивали Михаила, говоря: «Стройся, делай что нужно, будь спокоен» и т. п. Потом же, когда продали его место и еще троим, дали ему и омологий.

Одним словом, такое насилие, что и купленное уже место отнимают и продают еще другим, и никто в своей усадьбе не смеет ничем распорядиться, чего никогда не бывало, да и теперь это делается только русским и славянам.

Показание м. Михаила, которое подтвердили многие.

14 апреля 1874 г.

3) На Ставреникитской местности в этом году старец о. Никифор купил келью св. Архангелов. Церковь была ветхая и малая, он пожелал построить вновь и побольше (по размеру почти вдвое), на что и взял благословение в монастыре. Нанял мастеров за 5500 пиастров с условием — построить, отштукатурить и сделать двойной пол. Условие с мастерами делали в монастыре, но монастырь почему-то не включил в контракт штукатурку и пол, и ничего об этом не сказали о. Никифору, хотя и был переводчик, и знал это, а сказали, когда уже мастера кончили вчерне постройку.

Мастера же, по обычаю, во время самой работы забрали почти все деньги, оставалось только 300 левов, и они стали их требовать, но о. Никифор не отдавал, заставляя закончить по договору. Мастера пожалелись в монастырь, и о. Никифора потребовали туда, где и настаивали отдать остальные деньги, уверяя или поручаясь, что мастера закончат.

Два раза призывали о. Никифора в монастырь, а в третий — пришли в его келью и насильно заставили отдать деньги, впрочем, успокаивали еще его, говоря: «Мы на себя берем достройку, и если они сами не закончат, то найму вместо себя и сделают всё по договору». О. Никифор отдал 300 левов.

Но мастера, получив деньги, сказали, что мы пола настилать не будем, а если настилать — то заплати нам поденно. Наутро, собрав калабалык, мастера уехали, получив от монастыря одобрительное удостоверение на получение им билета от турецкого аги, а о. Михаил так и остался и должен был после нанимать от себя и платить мастеру с мальчиком по 21 леву в день!

Церковь построить мастера подрядились с своим лесом, за что и было им заплачено, а они сами уже условливались с монастырем и рубили в разных местах и на самой усадьбе о. Никифора, и когда кончили, а лес еще остался, то мастера стали его продавать сторонним, и о. Никифор упросил их продать ему и заплатил им за свой лес условную плату, лишь бы не продавали другим, чтобы не было ему после затруднения покупать таковой вдали и возить.

Когда мастера рубили и были сами здесь, то монастырские молчали, но когда отпустили их и они уехали, то прислали к о. Никифору кураджия, который стал спрашивать: зачем он порубил лес? О. Никифор отвечал, что это порубили мастера, когда строили, и я купил у них оставшийся. Кураджий притязательно и строго стал придирается, говоря: «Как ты смел порубить? Мы в монастырь заберем». И ушел.

После того распорядился монастырь порубить весь лес на его усадьбе и теперь рубят и возят 3 дня на 6 мулах, и будут возить до того, пока всё кончат.

Показания о. Никифора и о. Илариона.

14 апреля 1874 г.

4) [В связи с тем, что] вышеупомянутый о. Никифор сам не может говорить по-гречески, то просит о том соседа о. Илариона, который за него и говорил, и хлопотал, чтобы не обижали греки, но за это навлек на себя такую беду, что непременно теперь велят продать ему келью и уходить с их местности.

О. Иларион купил в Ставроникитском монастыре келью Св. Иоанна Предтечи и жил там спокойно до времени, когда вступился и хлопотал за о. Никифора.

Однажды, когда он пришел к проэстосам и стал говорить за о. Никифора: «Отцы святые! мы прибегаем и просим вашей помощи и защиты». На это проэстосы отвечали: «А у старика (т. е. у о. Никифора) есть деньги?» «Есть немного», — отвечал о. Иларион. «Не даст ли он нам 10 лир?» — О. Иларион сказал: «Надо прежде дело докончить, построить церковь». За это проэстосы стали гнать на него и вытеснять, а он к тому же срубил два ария (дровяной лес) на своей усадьбе, на что они сами дали прежде благословение, но теперь окончательно стали требовать: «Продавай келью и уходи!» Приказ этот повторили несколько раз. И теперь он не знает, что делать, тем более, что идти некуда, ни один монастырь не продаст ему, как русскому, калибы, и прибегнуть с просьбою о помощи, видит, уже не к кому.

Показание о. Илариона.

Апрель 1874.

5) В 1872 году монах Иннокентий купил у иеромонаха Евсевия келью во имя Свв. Петра и Онуфрия, принадлежащую Ставроникитскому монастырю, за 10000 левов, единственно для сына своего Григория (в монашестве Геннадия) и так как сын не был еще пострижен в монашество, то монастырь не включил его в омологию, сказав, что когда пострижет его отец, то во всякое время впишут его. Но не включив его в омологию, монастырь не оставил и места для его имени, как это делают всегда в таких случаях.

По пострижении сына о. Иннокентий заботился вписать его в омологию и хлопотал об этом, но монастырь потребовал с него за вписание 15 лир, которых о. Иннокентий не мог взнести, истратив весь капитал свой (принадлежащий сыну как наследственный его матери) и заняв еще в Андреевском скиту 300 левов, то монастырь отказал в записи сына, хотя он сам и чрез монаха Кириака хлопотал о сем усердно.

Вскоре после того о. Иннокентий заболел и о записи сына его монаха Геннадия хлопотал уже вышеупомянутый о. Кириак, но монастырь, узнав о болезни, с большею еще стойкостью уклонялся от вписания под разными предлогами, в сущности же надеясь завладеть кельею, если умрет о. Иннокентий, как это случалось ему делать не раз. Видя такое несправедливое отклонение и узнав о намерении монастыря, о. Иннокентий продал эту келью монаху Тимофею, дабы и долг

Андреевскому скиту заплатить, и чтобы не оставить сына в бедствии чрез затрату его капитала.

Но монастырь и продажи сей не принял, а узнав, что о. Иннокентий заболел сильнее, распорядился без ведома владельца срезать весь виноград и даже приставил к келье стражу, чтобы не допустить вынести из нее что-либо, хотя в ней была только собственность о. Иннокентия.

От такой несправедливости болезнь о. Иннокентия усилилась, и он умер 22 августа того же 1872 г.

После сего сын умершего м. Геннадий отправился в монастырь с тем же о. Кириаком и другим, приглашенным за драгомана о. Илиодором просить о вписании его в омологию, как предмете, монастырю известном и законном, но монастырцы отвечали, что теперь Геннадий потерял уже права на келью, и когда тот возразил: «Почему же не вписали его при жизни родителя, но потребовали 15 лир, как бы за несовершеннолетие, тогда как у соседа молдаванина записали 10-летнего мальчика?» Проэстосы в присутствии означенных лиц объяснили, что они просили уже не 15 лир, а только 8 лир за него у отца, но молдаванин дал за своего сына 10 лир!»

Лишив таким образом права на наследство келлиею, монастырь распорядился затем взять из кельи имущество о. Иннокентия, не дав сыну ничего, забрав даже и русские книги, в числе которых находились и такие, кои были взяты для прочтения у разных здесь лиц.

Монах Геннадий обращался с прошением в Протат, изъяснив все обстоятельства и представляя свидетелей, но Священный Собор не обратил внимания на такую просьбу, и Геннадий должен был остаться без крова, без хлеба, без средств, на чужой стороне в 15-летнем возрасте!

Тронувшись его слезами, Андреевский скит из сострадания принял его в свое братство, и теперь он находится в скиту.

Далее монастыря и Протата есть ли место, куда бы можно было и можно ли отнестись с мольбою бедному келлиоту?

Показание сие извлечено с прошения в Протат и со слов архимандрита скита о. Феодорита, самого о. Геннадия и др. лиц.

13 апреля 1874 г.

6) Русский иеромонах Доромидонт купил старую келью Св. Троицы, принадлежащую Ставроникитскому монастырю, и на месте ее построил новую, хорошую и большую келью с новою церковью, ублагодарив церковь, обзавелся всем необходимым по хозяйству и всеми потребностями кельи, что всё стоило ему очень значительных расходов.

В последнее время его жизни у него оставался один ученик монах Аверкий, живший при нем 7 лет, и по случаю болезни старца заведывал всею его усадьбою и самою кельею, почему монастырь всегда его видел и знал очень хорошо, но так как сам он не хлопотал о вписании себя в омологию, а старец не заботился, то и кончилось тем, что старец умер, и келья досталась монастырю.

В болезни о. Доромидонт старался уже о вписании о. Аверкия в омологию, но монастырцы, видя, что болезнь его серьезная, отклоняли запись под разными предлогами и только лишь ублажали старца и о. Аверкия разными обещаниями, а между тем осведомлялись о его здоровье. То проэстосы не все в сборе, то дело другое повстречалось, то иные какие-нибудь отводы были употребляемы монастырцами, чтобы не вводить в омологию наследника.

Наконец, о. Доромидонт умер. Ученик, заперши келью, пошел в монастырь и живущему там русскому иеромонаху сказал, что старец умер и он пришел просить окончательно о вписании себя в омологию от имени старца, не говоря о смерти его.

Иеромонах передал проэстосам, только так, как он желал, и о. Аверкия пригласили подождать до вечерни (а пришел он рано утром), когда соберутся все проэстосы. Дождидается, наступила вечерня, спрашивает: «Что же проэстосы, собрались?» Ему отвечают, что они давно уже уехали на его келью. Дождидаться больше было нечего. Ключ был при нем; спешит в келью... и что же? Старца нашел вынесенным из церкви наружу и поставленным около дверей, а монастырцев буквально ограбляющих келью и церковь, кто что и сколько успел захватить. Даже св. алтарь опустошили, как будто бедуины напали на беззащитных. И что говорить, даже имущество о. Аверкия всё забрали и ему ничего не дали, а пригласили переходить в монастырь их.

Деньги, мебель, имущество и всё, что только находилось в келье и церкви, было ограблено начисто.

Но этим еще не кончилось. Жадность грабивших небедное состояние о. Доромидонта простерлась до того, что, когда его похороняли, то некоторые, увидав на нем новые башмаки и плисовую или полубархатную камилавку, скинули это уже в могиле и закопали непокрытого! От необычайной поспешности при грабеже его не успели зашить, по обычаю, в мантию, то покрыли ею тело его; но нашлись усердствующие, подобные снявшим башмаки и камилавку, которые сняли с о. Доромидонта мантию и погребли его как последнего нищего или хуже.

По всей вероятности они не стали бы и погребать его, если бы не боялись зловония от гниения трупа, и только это, а не христианская обязанность, заставило монастырцев предать о. Доромидонта земле.

Келью эту монастырь скоро продал одному русскому за 1500 р. сер. Отца же Аверкия ублажали в монастыре месяца два и давши ему келью, кормили его и черной икрой и красною рыбою, захваченною проэстосами у старца его на келье, но после всё это кончилось, и о. Аверкия обязывали только столярною работою, называя это послушанием, так как он отличный столяр, и ничего ему не выдали, даже из его собственности.

Пожив там 8 месяцев и видя, что дальнейшее жительство не обещает ничего хорошего ни внешне, ни тем более духовно, о. Аверкий перешел в Руссик и живет вот уже 4 года на келье св. в[елико]м[ученика] Георгия при старце о. Пантелеимоне.

Подробности такого ограбления кельи, когда кто станет рассказывать, возмутительны!

*Показания описаны со слов, кроме о. Аверкия
и живущего в Ставрониките монаха о. Саввы,
еще от архимандрита Андреевского скита о. Феодорита.
1873–1874 гг.*

7) Тот же Ставроникитский монастырь обобрал все имущество старца схимонаха Павла, скончавшегося после 30-летней жизни на Афоне в калибе, принадлежащей монастырю, потому что живший с ним иеромонах Израиль не был внесен в омологию. Причем так притеснили иеромонаха, что вынудили его отдать всё, что он имел от старца. Это случилось года за 4 пред сим.

*Заявление сторонних лиц, знавших это событие и Андреевского скита
архимандрита Феодорита и иеромонаха Антония.
Апрель 1874 г.*

[Притеснения] от Филофеевского монастыря.

8) Монах Даниил купил келью Преображения Г[осподня] с хорошою усадьбою, на которой был строевой лес. Прожил 5 лет спокойно, но когда и Филофеевский монастырь, по примеру прочих, вознамерился теснить русских, то в прошлом марте распорядился порубить лес на усадьбе о. Даниила. При таком насилии для о. Даниила было еще

прискорбнее то, что ему самому нужен был лес для постройки, а делать было ничего нельзя, как только пойти и просить монастырь, чтобы не рубили его лес, а продали бы ему, сторговавшись. Отдал 12 лир за свой лес, сколько его пойдет на предназначаемую постройку.

Трудно было заплатить ему такую сумму, но необходимость перестройки кельи, уверенность, что тем кончится притеснение монастыря, отдал эти 12 лир.

Но когда разломал старую келью и приступил к постройке новой, то монастырь потребовал еще 8 лир, а у него нет их, и он такую принес ему жалобу: зачем дали благословение ему строиться, если имели намерение требовать с него еще 8 лир, и потребовали тогда уже, когда он разломал старую келью, и у него ничего нет.

После такой жалобы и просьбы, монастырь сделал уступку и просит теперь уже 6 лир, наконец, уже 5, но о. Даниил сказал: хоть работу остановите, и я останусь без кельи, но дать мне решительно нечего. На том дело и остановилось.

В то же время нанятые для постройки мастера, подстрекаемые монастырем, стали наступательно требовать работы, иначе заплатит за остановку. И теперь о. Даниила терзают, как бы на части: монастырь не позволяет рубить леса, уже проданного ему (хотя и на своей усадьбе), а мастера требуют работы и потребуют плату за нее, если не начнут делать.

*Показание это делали от о. Даниила
о Николай с Магулы и о. Тихон, с каракальской местности.*

Апрель 1874 г.

При келье Вознесения, купленной о. Евфимием 6 лет назад, монастырь срубил в прошлом году три больших кипариса, стоящих не менее 200 р. сер., теперь же не позволяет о. Евфимию рубить лес на его усадьбе. Кроме этого обидел о. Евфимия года три назад тем, что забрал все у него кипарисные доски, от 300 до 400 досок, которые он купил с кельею, и когда понадобились ему деньги, то продал их в Руссик, но монастырцы остановили даже руссиковских 16 мулов, когда начали перевозить доски от о. Евфимия, взяли их себе и потом забрали у него все доски.

Лично от о. Евфимия и чрез о. Николая.

Апрель 1874 г.

9) О. Александр, имеющий келью во имя Евфимия Великого, на Филофейской местности, постриг своего ученика в монашество, как это делают все, но только без ведома монастыря, за что подвергся такому гонению, какое только греки могли придумать для русского.

1-е, не пускают теперь его в монастырские ворота, 2-е, на мельнице не позволяют молотить пшеницы, и 3-е, не дают для Литургии просфор.

Потом как бы за канон (за наказание) требуют с него 15 ок воску, то потребовали 6 лир, чтобы разрешить непощенный грех его.

После такого притеснения постриженный ученик ушел от о. Александра, но монастырь всё-таки теснит его по-прежнему. Кроме выше-приведенного, срубили при его келье 2 кипариса, а на гурны деревьев не дают, но данку требуют.

*Показание это сообщили по просьбе о. Александра
соседи его о. Евфимий и о. Тихон.
Апрель 1874.*

10) Всем русским монастырь Филофей говорит теперь: «Лес наш, ваша только земля!» Такие открылись обиды и притеснения бедным киллиотам от всех почти монастырей Афона.

Обиды русских в Руссике.

Приведем здесь заявления Русского общества монастыря Руссика, представленные Афонскому Протату.

Заявление I.

В Священный Собор Афонской горы.

22 марта 1874 г.

С 1857 г. мы начали терпеть притеснения от греческой братии и до 1863 г. были постоянные неудовольствия, но особенным Промыслом Божиим мы были успокоены выходом из монастыря главных зачинщиков, которые, выходя, между прочим, говорили, что оставляют свой корень и что он возрастет свое временно.

Предсказание это, к сожалению, стало исполняться с наступлением 1873 г., в продолжение коего начались притязания, нарушающие порядок обители и спокойствие братии. Так, мы слышали чрез о. Савву угрозы и обещания, ужасающие душу, именно: 50 человек имели намерение сделать русским такое зло, какого еще не бывало в истории Афона, с подтверждением, что рано или поздно они осуществят свои замыслы, подробности которых, а также и других враждебных против

нас действий мы объясним в свое время. 1874 г. с 8 января мы начали подвергаться постоянным возмутительным неприятностям: некоторые из греческой братии, имея во главе оо. Евгения, Анастасия и Елевферия, заявляли пренебрежение к распоряжениям игумена о. Илариона и нашим. Самозванно начали управлять именем братства. Обзывать о. Илариона Иудой, предателем и прочими дерзкими словами, сопровождаемыми даже угрозами, коими устрашали и нас.

Два раза выпускали из систерны и присекали в матке воду, угрожая пожаром. Поступок же с монахом Феодулом в церкви доказывает неприязненность их не только ко всей братии русской, но даже и явное гонение и к тем, которые имеют к нам братские отношения; обещают изгнать их из обители и называют предателями.

Вынужденно поставили симпракторов, которые приняли на себя самоправное распоряжение. Запретили бедным приходить в праздничные дни за милостынею. Постоянно требовали: то печати, то хрисовулов, в чем, получив удовлетворение, они начали требовать сумм, будто бы у нас находящихся, несмотря на то, что уплата долгов, всё содержание большого братства, очень многие капитальные постройки, ремонт и всё видимое теперь благолепие обители в продолжение 34-х лет лежало единственно на нашем попечении.

Все требования сопровождалось с их стороны шумными собраниями. Наконец, ненависть и недоверие их к нам дошли до того, что нас не стали допускать и до Геронты. Подобные и другие действия не оставались даже и в дни Св. Четырдесятницы.

Всё вышеизложенное могут подтвердить даже братия и из их общины.

А потому мы усердно молим Священный Синокс пригласить пред нас всю греческую братию, как для этой цели, так и для объяснения, если кто из них чем и кем недоволен, дабы сим способом открыть истину.

22 марта 1874 г.

Заключение по форме.

Прошение второе.

Вследствие представленного Священному Собору показания со стороны русского общества от 22 марта сего 1874 г. и заявленного обещания объяснить подробнее некоторые обстоятельства случившихся неприятностей в нашей обители, мы с горьким прискорбием приступаем к такому объяснению. Но прежде да позволено будет вспомнить кратко прежнее наше сожительство с разноплеменной братиею и самое наше вступление в обитель.

После политических переворотов 1820–1830-х гг. на Востоке, когда водворился мир, рассыпавшиеся во время смут на Афоне иноки стали снова собираться в свои духовные гнезда воспевать славу Божию и соделовать свое спасение. В то время возвратился и настоящий игумен наш старец Герасим с немногими из братий и с некоторыми остатками из всего того, что он при выезде с Афона взял с собою, желая сохранить достояние св. обители.

Бедствие страны от долговременной и изнурительной войны с первых еще лет поставило обитель нашу в самое затруднительное положение, тем более, что она и до сего времени не имела основных доходов к своему обеспечению. Все тогдашние братия, во главе коих был старец Венедикт, увидели себя в необходимости пригласить русских, сколько для поддержания обители, столько и по братолюбному расположению к ним, зная из актов, что монастырь этот есть достояние русских.

Вступление в 1834 г. в обитель иеромонаха Аникиты [(Ширинского-Шихматова)] было отрадным явлением для всего братства, но жительство его и поселившихся тогда русских было непродолжительно, по случившимся тогда обстоятельствам и проискам некоторых обителей.

Скоро всё братство Руссика увидало всю важность потери в выходе русских: монастырь стал бедствовать, начал продавать и закладывать земли и всё, что мог, впал в огромные долги, и не видел никаких средств не только к уплате их (долгов), но и ко взносу нарастающих процентов.

Безысходность положения заставила горько раскаяться братство в удалении иеромонаха Аникиты, ибо монастырь стал приходить в совершенный упадок и дошел до такой крайности, что было публично объявлено на Кареи, чтобы никто не доверял ему и 25 левов. Как необходима была тогда помощь и вожделенно вселение русских, могли понимать только отцы того времени, которые нередко за трапезу сажались с одним хлебом и то неполнопшеничным, а смешанным с молотым бобом, о чем они рассказывали нам после со слезами.

Находясь в такой крайности, братство усердно желало, искало и просило русских на всегдашнее жительство, окончательно сознавши, что без них (русских) монастырь их поправиться и существовать не может. Самый искренний желатель сего был старец Венедикт²⁶, который будучи около ста лет, говорил, что он не умрет без того, пока не увидит русских в Руссике. Вера и упование его оправдались.

В 1839 г. по их теплой молитве ко Господу и усердной просьбе перешел наконец в Руссик из Ильинского скита иеромонах Павел,

²⁶ Духовный старец теперешнего игумена Герасима.

сделал в обитель взнос 70 т[ысяч] пиастр. Цифра эта, значительная сама по себе, имела несравненно большее значение по тогдашнему времени; но понять и оценить важность такой помощи могли только те, кому не велено доверять и 25 пиастров.

Но эти 70 т[ысяч] тогда же были внесены за один долг, а иеромонах Павел чрез 8 месяцев умер, почему монастырь опять остался в нужде и бедствии, едва не по-прежнему, хотя и оставались некоторые русские из поступивших с иеромонахом Павлом. Почему братство монастыря снова вынуждено было искать русских, и главным образом такого человека, который мог бы духовно окормлять русскую братию и пещись о содержании всего монастыря.

По Промыслу Божию и указанию сторонних лиц избрание это пало на русского монаха Иоаникия, поселившегося тогда в келье Ставроникитского монастыря. Вследствие чего старцы Руссика обратились к нему с просьбою, усердно умоляя его перейти к ним на жительство. Такие искренние просьбы братии и благословение известного в то время старца и духовника о. Арсения, подтвердившего, что в этом есть воля Божия, заставили о. Иоаникия согласиться и он в октябре 1840 г. переселился с находившимися при нем братьями в Руссик. Скоро по вступлении своем он был рукоположен в иеромонаха и сделан духовником русского общества, и затем принял схиму с именем Иероним.

Обстоятельства обители того времени были настолько грустны и стеснительны, что долго, долго о. Иерониму нужно было преодолеть всякого рода трудности, чтобы приобрести какой-нибудь источник в милостыне, так как других доходов никаких не было — ни тогда, ни после, во всё время его здесь жительства; и это было тем труднее к исполнению, что не было такого скорого и удобного сообщения с Россиею, какое есть теперь. Не без скорби и не без горького труда проторена была дорога в благословенную Россию. Но благий Господь, благословивший чрез духовника о. Арсения вступить о. Иерониму в сию обитель, благоволил оказывать ему и видимую Свою помощь. Ибо вскоре после того приехали и другие русские, которые, вступая под руководство о. Иеронима, сделали вклады и с помощью своих родных и знакомых поддерживали обитель, не без труда однако же, хотя и было тогда греческой братии только 60 человек.

Затем стали посещать Св. Гору и оставаться по приглашению игумена в этом монастыре и другие русские, которые много послужили после для блага обители, из коих по важным вкладам и приобретению иных для обители источников благосостояния в [18]50 гг. были

иеросхимонах Сергей, архимандрит Амвросий, старец о. Серафим (Комаров), схимонах Феодосий и особенно нынешний архимандрит о. Макарий.

В 1857 г. поступили в обитель и еще некоторые уважаемые братья, сделавшие и пользу и заслуги обители немаловажные.

Последующие годы были продолжением, хотя и медленным, [18]57-го года. Но с этого времени открылись свободные сообщения с Россиею, почему вступающие в братство русские, кроме личных вкладов, посылали письма своим родителям и знакомым, кои по чувству христианской сострадательности к нуждающимся и не менее по чувству родственному оказывали иные единовременно, а большая часть — постоянно, свои благодеяния обители. Ибо иноки ее с благословения игумена писали, что братство монастыря нуждается во всем, и монастырь, имея многие долги, не имеет никаких доходов, хотя и называется русским.

Причем по долгу благодетельствуемой обители к благодетельствующим обещали имена жертвователей и их сродников поминать вечно по уставу монастырскому, чрез что составили довольно обширные книги с именами для поминовения как памятник благотворений обители на все время ее существования.

Итак, русское братство по силам оправдало надежду приглашавших их братий-греков; оно стремилось всеми силами к улучшению и распространению монастыря как личными вкладами, так и привлечением своих родных и знакомых к благотворению обители. Следствием сего было то, что:

1. Братство обеих наций содержалось безбедно во всё это время, т. е. в течение 34 лет;

2. Уплатились громадные долги, простиравшиеся свыше 800 т[ысяч] пиастров, что кончилось только в 1866 г. А так как уплата эта не могла совершиться единовременно, то от 1840 до 1866 г. платимы были нелегкие для бедной общины проценты.

3. По милости и благословению Геронты и по сознаваемой надобности были сделаны очень многие капитальные постройки церкви и корпусов с кельями как внутри, так и вне обители, стоившие очень значительных сумм.

4. Как прежние, так и новые постройки и вообще всё требовало своего ремонту, и это составляло тоже немалую цифру.

5. Все церкви, не имея приличного благолепия, старанием русского братства не только ублагоукрасились, но и воссияли своим благолепием, которому отдают справедливость и прочие афонские обители.

Одним словом, как содержание многочисленного братства от 1840 г. до настоящего времени лежало единственно на попечении русских, так и все видимое теперь распространение и благоуукрашение обители сделано братством русским. Но так как невозможно было содержать столь многочисленное братство, возраставшее быстро от 100 до 200, от 200 до 300, от 300 до 400 и т. д. одними вкладами русских, поступавших в обитель и пособием их родных и знакомых, то заведены были в монастыре разные мастерские (иконописные, литографичные, фотографные), кои не вдруг, а постепенно стали приносить соразмерный доход, который в последние годы сделался довольно значительным, особенно распространенная продажа душеполезных книг, составляемых некоторыми русскими братьями обители, так что всё это в совокупности с вкладами и пособием благотворителей дало возможность монастырю содержать огромное братство и сделать значительные постройки, не входя в новые займы.

После приведенных здесь данных нелишне упомянуть и о моральной стороне русских: все они, приезжая на Св. Гору и поступая на жительство в обитель, не имели никаких других целей, кроме спасения души. Это подтвердит всякий из нас, а также и следующие факты.

Всё получаемое от русского братства и благодетелей, как деньги, так и всякие вещи, поступали в распоряжение греческого братства — деньги до последней пары, а из вещей им отдавали всё, что они хотели и всегда лучшее; на что русское братство по сказанной причине, никогда не заявляло претензий и никогда не требовало никакого отчета в растрате немалых сумм, хотя и доносились до слуха его разные и немалые злоупотребления. Это продолжалось 23 года, т. е. от 1840 до 1863 г.

Такое бескорыстное, вполне благодетельное в истинно христианском и монашеском духе поведение русских видели игумен Герасим и благомыслящие из [греческой] братии; видели, понимали и ценили оное; [остальные же из греческой братии не обращали] никакого внимания на такое, можно сказать, до чрезмерности скромное поведение русских, на все их труды и благоприобретения для обители, но раз от разу проявляли дух неприязни, который явно обнаружился по окончании постройки больничного корпуса с церковью всех святых афонских стоивший свыше 60 т[ысяч] р. сер. Это было в 1863 г.

Достойно замечания, что пока монастырь находился в нуждах и не был еще обстроен, и долги не были еще уплачены, дотоле братия оказывали к нам расположение и любовь, а когда же отстроился и стал улучшаться и процветать, тогда некоторые из них стали относиться

к нам подозрительно и завистливо! Еще в 1857 г. мы увидели нерасположение к нам греческого братства, когда с умножением русских попросили у Геронты русского чтения в трапезе. По общему рассмотрению и обсуждению просьба эта была удовлетворена со стороны игумена и с согласия старшего братства, но в других это братолюбное отношение произвело сильное потрясение, чем и выразилось явное к нам нерасположение, нас прямо стали называть пришельцами и делать разные оскорбления, как бы давая тем понять, что мы не на своем месте.

Затем небратские отношения к русским проявлялись постоянно, однако с нашей стороны были покрываемы любовью и терпением; но мера эта — мира и любви «для ненавидящих мир была недействительна»: многие из них в 1863 г. открыто заявили свои небратолюбные отношения к русским, и когда оные достигли до насилий и несообразных требований, то сам Геронта и другие посредники нашли оные несправедливыми, почему многие недовольны Геронтою за неуважение их самолюбивого и небратолюбного требования, сами вышли из обители, получив однако же приличное вспомоществование.

Неприязненных действий того времени мы не перечисляем, потому что оно покончено тогда домашним образом с ведома, благословения и решения Геронты. Но неизбежно упомянуть о том, что сказано и в поданном Священному Собору заявлении, что, уходя из обители, некоторые из тех отцов сказали явно, что хотя они и уходят, но корень их остается здесь в обители, который, они уверены, произрастет плоды в свое время. Говорили это старшие представители бывшего возмущения и говорили не без основания, потому что оставшийся корень действительно пустил еще большие прежнего отрасли зла и принес достойные сего плоды.

Вследствие такого потрясения обители чрез неблагодарные поступки оных братьев, по общему соглашению, игумен нашел необходимым расход и частью экономические дела вверить надзору и распоряжению русских, сколько по добросовестности и беспристрастию их братолюбного отношения к другим нациям, столько же и потому, что всё поступало и поступает в обитель от них же.

Впрочем, для успокоения прочих по просьбе русских к кассе был определен один из греческих старцев. И с 1863 г. всё пошло благоустроенным чинным порядком, все были довольны, никто не скажет, что он остался без одежды, обуви, пищи и т. п., а между тем расход приведен был в гласность, так что громадные цифры его годовых итогов с 1863 г. по сие время могут быть нами открыты, в случае надобности, местному или высшему начальству.

При таком порядке беспристрастия русских и неразличии ими братства других наций, принес ли кто в обитель что или нет, делает ли кто что в пользу или нет, оставалось им благодарить только Господа Бога, Пресвятую Деву Богородицу и Св. В[елико]м[ученика] Пантелеимона, внимать своему спасению и быть в искренних братолюбивых отношениях к потрудившимся в благоустроении обители и успокоению братства; но, допустим, если они не находили уже причины быть признательными к русским, то по крайней мере не должны питать к ним духа неприязни и действовать против облагодетельствовавших их враждебно. Но к несчастью, страсти разгорались, и корень зла, оставшийся с 1863 г., разросся за 10 лет в гигантское дерево, которое и начало приносить соответственные плоды, что подтверждается и словами одного из симпракторов, о. Агафона, который высказался недавно, что они ждали сего времени 10 лет.

Исконный враг спасения, завистник мира и любви влил в сердца успокоенных и, преимущественно, уволивших себя от всяких занятий, такое недоброжелательство и такую неприязнь, что действия их и намерения могут и на постороннего зрителя произвести самое грустное впечатление, о чем и говорить содрогательно! Это недоброжелательство так было развито в греческом братстве, что даже самые новоначальные, поступая едва не нагие, окопировавшись, на утро провозглашают: «Я хозяин, а русские здесь пришельцы!» Тогда как без русских не только они (новоначальные), но и прежние братия, уже умершие, давно бы разорились, и монастырь, по неимению никаких средств к существованию, давно бы оставался в запустении.

Но так недоброжелательство развивалось всюдно и не от меньших, то нам приходилось выслушивать самые грустные несправедливости и видеть самые возмутительные выходки многих выражавших своими, нередко дикими поступками всю неприязнь своего общества.

Мы видели и покрывали это молчанием и любовью, и старались привести всех во взаимно-братские отношения друг ко другу, но напрасно: неприязнь и зложелательство выходили из границ и дошли до иступления, так что и сама жизнь наша была в опасности, что подтвердилось в разных проявлениях.

Поименуем здесь некоторые с большею, нежели как сказано было в последнем заявлении Священному Собору, ясностью.

По разноместности греческое братство прежде сего разделилось между собою на две партии, что говорили их духовники, жаловавшиеся, что никакими духовными убеждениями не могли склонить их к единодушию и братской любви; но в это время деятельным

старанием избранного ими духовника о. Саввы сделались все единомысленными; только к этому единомыслию привела их не братская любовь, не обеты монашеские, не заповеди Евангельские, а недоброжелательство к русским, кои не терпимы стали ими за то, что всё идет, содержится, питается и улучшается чрез них (русских).

Следствием такого противохристианского единомыслия были разные оскорбления, притеснения и, наконец, самые покушения на злодеяния.

При всем сочувствии и деятельном возбуждении возмущившихся, духовник о. Савва, однако, остановил их разными увещаниями от злейшего умысла. К нему однажды пришли толпою человек 16 из соумышленников и говорили, что их есть в готовности 50 или 60 человек, которые решились произвести с русскими новую и такую катастрофу, какой не видела еще история Афона! Они считали себя достаточными произвести над русскими такой нечеловеческий, а, еще менее — христианский свой замысел, и подтверждали неоднократно, что рано или поздно они осуществят-таки задуманное ими (злодеяние), если только потеряют надежду на владение монастырем.

После того, как стала распространяться мысль об искоренении русских, однажды некто о. Навкратий, давно живущий в обители, дошел до такой откровенности, что громко стал говорить: «Я не выйду без того из монастыря, чтобы не зарезать 3-х, 4-х русских», и обратясь к одному из живущих с ним, повторил несколько раз: «Будь покоен, (папу) о. Алипий, это не проминет, что я сказал!!!» Бывший внизу русский колесник, слыша такую странную похвальбу, возразил на это, но о. Навкратий не смутился тем, а сказал: «А! ты слышишь? но мы не боимся! Ступай, жалуйся своему Иерониму и хоть Геронте!» После сего начал совокупно с бывшим при нем громко насмехаться и поносить игумена, о. Илариона, архимандрита Макария и о. Иеронима.

Намерение это носило у них характер тот, что истреблением русских они сделают услугу Афону и всей Церкви, ибо говорили, что русских не терпит ни Протат, ни монастыри, ни В[еликая] Церковь, ни вся нация греческая и самое даже Правительство, и что после сего они явятся к начальству и скажут так: «Чего вы не могли сделать, то сделали мы», в той уверенности, что и Священный Собор и В[еликая] Церковь разделяют с ними их убеждения, и что за такой подвиг их похвалят и наградят; а если не оценит сего (оле помрачения») власть церковная и если Правительство предаст их казни, то они будут «яко мученики».

Такого омрачения прельстившихся, дозволивших себе так низко понимать о высокой и Священной нравственности Св[ятой] Православной Церкви, и истолковывать в пользу своего умысла справедливые законы Правительства гражданского и духовного!

Общее возбуждение по-видимому разливалось более и более и проторгалось в соответственных задуманного умысла видах:

В прошлом 1873 г., накануне памяти Св. В[елико]м[ученика] Пантелеимона, во время бдения, один из соучастников в неприязненных замыслах против русских хотел произвести убийство в церкви во время Великого выхода ножом, и как он говорил, оо. Иеронима и Макария, но был случайно задержан в порте и опоздал исполнить свой гнусный замысел. Несчастный этот покушитель носит имя монаха Софония — грек. После сего, остановившись в святых вратах пред русским вратарем Фирсом и размахивая принесенным им ножом, говорил: «Вот так, вот так, надо всех русских!» При этих словах он опускал раскрытый нож почти до земли и поднимал кверху до самого лица вратаря, едва не зацепляя его. Грустное это обстоятельство, усложненное в тот день еще некоторыми неприятными случаями, произвело в чувстве нашем содрогание и крайнее сожаление за таких недоброжелателей.

В ноябре того же года некто из братии, по имени Спиридон, намеревался поразить ножом русского монаха о. Никиту, и, если бы два раза не отняли у него о. Никиту, он умертвил бы его. Это было на Каламарийском метохе. Умысел этот по своим подробностям ужасен! Но кроме этого о. Спиридон и по приезде в обитель при некоторых братиях не раз похвалялся и сжечь монастырь, и сделать другое зло русским, выражая тем большую энергию против других соумышленников.

Ужасное это исступление охватило умы враждебных братий до того, что один из них, по имени Христодул, решился высказать в лицо о. Илариону, что он так озлоблен на него, что хотел или его убить, или себя. О нем же Христодул говорил, что однажды он покушался и на жизнь о. Иеронима. Все эти и другие угрозы вынудили нас поставить стражу внутри и вне монастыря в полном сознании буквальная опасности своего сожительства с такими братиями, для коих как бы не существует ничего священного. Думали ли мы когда-либо, что дойдем до такого состояния, что нужно будет заботиться еще о сохранении себя и о целостности всего монастыря? И от кого же!!!

Притеснения же их и другие поступки, нарушающие порядок и правила монастырские, были следующие.

Прежде всего они оказали пренебрежение к распоряжениям Геронты, о. Илариона и нашим, и начали самозванно управлять именем братства, говоря, что теперь управляет не игумен, а братство. Представителями сего нарушения порядков правил общежития были оо. Евгений, Анастасий и Елевферий.

Именем братства они отвергли назначение Геронты и о. Илариона в смене эконома, оказавшего в своих действиях пристрастное и самовольное распоряжение; потом насильственно с шумом и угрозами потребовали смены грамматика Нафанаила, возбудив к тому едва не всё братство, затем открыли мятеж и волнение по случаю назначения Геронты, чтобы удалился в свое жилище скитянин о. Савва, который, хотя и был поставлен в духовника, но оказался потом противодействующим порядкам и стал внушать братству, что не должно слушать ни игумена, ни оо. Илариона, ни Иеронима и Макария.

Вследствие чего Геронта и приказал ему оставить духовничество и отправиться восвояси; но он тут же восставил всю братию, которые пришли к Геронте и стали настоятельно и с угрозами требовать, чтобы он оставил им Савву за духовника и что другого они никого не примут, хотя и были предлагаемы им достойные духовники. И Геронта вынужденно должен был допустить опять остаться о. Савве, что и повторилось три раза.

Раздуваемый сим духовником в братстве пламень возмущения они называли «восстанием». Стали делать свои шумные сборища и большею частью ночью; перестали поминать в церкви оо. Иеронима, Макария и Илариона, явно выражая тем, какое расположение и благодарность имеют к русскому обществу; вынужденно поставили сим-практоров, которые тут же дали понять, что они приняли это звание ни для совета и помощи о. Илариону, а для большего поддержания возмущения и успешнейшего достижения своих целей, почему с первых еще дней оказали противление и самоуправное во всем распоряжение; запретили бедным приходить в воскресенье и праздничные дни за милостынею и даже в церковь, потребовали смены русского портаря, поставили по разным послушаниям своих братий с тем, чтобы иметь в своих руках всё.

Угрозами вытребовали акты и распоряжаясь самоуправно, стали принудительно заставлять братию, чтобы слушались только нового сего самозванного правления, именуемого себя эпитропаит. Тех же, кто не соглашался с ними, притесняли и делали разные угрозы, и кто был в братских отношениях к русским называли предателями, иудами и другими неприязненными словами, не стыдясь называть так

и первого по Геронте старца Илариона, который остался один из звавшихся в обитель нас русских и знавший всё прежнее ее положение и бедствие. Не ограничиваясь сим, делали ему разные оскорбления и кроме вышеприведенного случая многие угрозы.

Из всех таких возмущающих душу действий ясно видно, как глубоко внедрилась в душах сих деятелей ненависть к русским и какие приняла она обширные размеры. Ибо не только самих русских, но, если и другой кто имел к ним братские отношения, укоряли, преследовали, гнали, угрожали. Бесчинно извлеченный из церкви и избитый монах Феодул, подавший заявление о сем Священному Собору, избит единственно за расположение к русским, и все оскорбления и угрозы старцу Илариону были положительно за таковое же по духу христианской любви расположение и неразличие национальностей. После сего какого же исхода должно ожидать от таких грустных к нам отношений враждебных братий?

Когда открылись разные, хотя и несправедливые требования, о коих упомянули выше, то мы, если и сознавали всю несправедливость таких притязаний, но делали по их желанию и соглашались, думая, что этим способом умиротворим недовольных, и они останутся спокойны; к сожалению, все такие уступки лишь только увеличивали дерзость их и побуждали к новым большим требованиям, выходившим из границ, так что в последнее время стали требовать даже каких-то капиталов, будто хранящихся у нас; и новое самозванное управление не ограничивалось одними требованиями, а простиралось и к разным угрозам.

После заявления духовника о. Саввы о покушении на русских более 50 или 60 человек наш слух стал исполняться разными напрягающими вестями; в числе коих прошел оголосок и о сожжении монастыря, чему мы никак не хотели верить; однако ж неоднократный выпуск воды в ночное время из большой систерны и присечение воды в матке подтверждали и этот даже замысел. И так, все намерения и действия, возмущившихся из греческого братства, ясно показывают всю опасность совместного жительства с такими лицами, на коих не действуют не только духовные увещания, но для них как бы не существует ничего священного! Они не почтили даже и дней Св. Четыредесятницы, сколько мы их не просили провести оную по-христиански и тем паче по-монашески, но со 2-й недели Св. Поста открыли снова свои шумные сходки, требования, притязания, насилия и т. п., что продолжалось и после уезда членов Священного Собора; хотя и обязались подпискою ничего такого не делать до вторичного прибытия синокса.

В то время, когда открылись враждебные против нас действия, и когда дошли они до таких размеров, что нам нужно было опасаться за свою жизнь и за целостность монастыря, то многие из старшей братии нашей половины не произволяли на выдачу требуемых возмущавшимися братьями актов, положительно сомневаясь в сохранности оных, то представители возмущения всчески уверяли, что 1) положат их в железный сундук, 2) повесят два замка, т. е. от обоих обществ и 3) дадут даже в получении их расписку, тогда мы согласились, но как была ночь, то просили отложить до утра, на это они решительно сказали, что если сейчас не выдадут им актов, то они не выпустят нашего архимандрита Макария, приготовившегося ехать в Константинополь, обозвав его похитителем и даже разобьют сундук и возьмут печать в свое распоряжение (само собою разумеется к довершению задуманных зол). Видя такое насилие и, можно сказать, иступление требовавших, мы отнесли акты и ночью. По получении же актов они не исполнили ни одного из вышесказанных условий, т. е. не положили их в железный сундук, не выдали расписки и не дали ключа.

При таких грустных небратолюбных действиях греческого братства и иступленных выходках возмущившихся давно бы следовало заявить о том, но мы, желая и ища одного мира и любви, не доносили сего Священному Собору всё время, ожидая успокоения искушаемых, как не доносили прежде в 1863 г., да и во все 34 года нашего здесь жительства ничем не беспокоили оный. Но так как некоторые из возмущившихся увидали, что зашли слишком далеко в своих замыслах и принимая наше братолюбное снисхождение за упадок духа, стали просить о приглашении Священного Собора, то и мы изъявили на то свое согласие, сознавши окончательно, что увещательные домашние меры при таком крайнем ожесточении объятых искушением, недействительны, будучи вполне уверены, что Священный Собор, рассмотрев всё дело с точки зрения законной, христианской и монашеской, окажет должное внимание к такому важному и действительно беспримерному потрясению священной нашей обители, от развившейся страсти ничем не укротимой злобы и ненависти к нам враждебных братий и рассудит справедливо, приняв во внимание и печальный опыт 1863 г.

Горький оный опыт показал, что 1) обитель наша должна и теперь лишиться половины или более милостыни от наших близких родных и знакомых, которые, если бы знали прежде, что греки находятся с нами в таких отношениях, то никогда бы не оказали никакого участия к нуждам обители! 2) Кроме сего, обитель уже лишилась вступления в число братства некоторых почетных лиц, которые стали

уклоняться даже от посещения обители, и, наконец, 3) выбыли из нее некоторые из братии, взяв обратно свои вклады.

Следовательно, в поступках недоброжелательных к нам братий заключается вред, как нравственный, так и материальный и немаловажный, и одно это делает возмущившихся виновными пред благосостоянием обители и во всем том нравственном вреде, который происходит от потрясения, возбужденного ими.

Посему мы должны довести до сведения Священного Собора, что большого числа братства мы отселе содержать не можем, а также и уравновесить его количество, потому что: каждый русский, как мы сказали выше, при вступлении делает и лично вклад, и перепискою с родными может вспомоществовать обители, тогда как от других наций мы ничего не получали ни при вступлении их в обитель, ни после от их сродников.

Притом у нас ежегодно многие отправляются на таксид, о трудности которого в России ни один из других наций, не испытавший сего, не знает. А также одни русские исполняли и те послушания (живописное, литографное, фотографное, сочинение душеполезных книг и пр.), которые приносят доход обители. А так как представители греческого братства высказали публично, что они не хотят наших вспомоществований, а будут копать землю и питаться трудами рук своих, то и просим Священный Собор не отказать в удовлетворении такового благочестивого желания оного братства.

За всем тем просим Священный Собор обратить внимание и на то еще, что о. Феодосий, заседающий в Синоде, избран греческим братством и должен быть представителем их заявлений и хлопотать в пользу оных, т. е. быть просителем и вместе судиею? ...

Не лишним считаем представить на вид Священному Собору то обстоятельство, что нас не стали допускать к Геронте, дабы свободнее могли склонить его на свою сторону и заставить его подписывать бумаги, которых содержания он и не знает. Такая бумага, клонившаяся к обвинению русских и к преследованию их местною властью, и была составлена во время насильственного их требования хрисовулов [...]. Ибо не без причины же было недопущение нас к Геронте, даже в присутствии Священного Собора, когда было уже сказано, что какие-то будто его мнения от него уже отобраны. По всем вышесказанным причинам и обстоятельствам, это последнее насилие делается для нас весьма сомнительным и обеспокоивающим, на что и просим Священный Собор обратить достоподобное внимание, равно как и на следующее.

Когда в основе возмущения некоторых из братий есть намерение изгнать русских и, как похвалялись иные, «в одних рубашках», а если случится неудача — покончить-таки с ними задуманным ими образом, и они надеются достигнуть своих целей какими бы то ни было способами, то обстоятельство это, при всех прочих, заставляет нас просить Священный Собор о принятии необходимых мер против такого умысла, чтоб безопасность последующей нашей жизни была вполне обеспечена, дабы не беспокоить нам об этом высшее начальство, потому что чрез объявление высшей власти такого скандала должна произойти неприятная опасность, которая может бросить темную тень на всех православных в глазах всех иноверцев, так как монашество считается цветом христианства и примером благочестия.

АВПРИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. 1800–1917. Ед. хр. 128. Л. 1–50 об.

А.Н. Муравьев.

Записка об Афоне. 29 мая 1874 г.

Посетив вторично чрез 25 лет Афон, изумился я той нравственной перемене, какую столь неожиданно я в нем нашел. Могу сказать, что я даже не узнал Св. Горы, до такой степени изменился ее дух и иссякла всякая любовь между единоверными, хотя и разноплеменными ее иноками.

Искры неприязни давно уже вероятно тлелись, но схизма болгарская положила последнюю печать на эту вражду.

Теперь можно сказать, это уже не болгарская, а прямо русская схизма, потому что болгаре остались в тени при той явной ненависти, какую питают разъяренные, обезумевшие греки к русским.

Они видят в них корень и силу славянства и, забывая свое бессилие, на них собственно обращают всю свою злобу.

Несколько мораитов, воспитанников эллинских школ, возмущают весь Афон и хотят постепенно ввести эллинизм, чрез старейших игуменов, во все обители. Это уже удалось им в 4-х или 5-ти, но корень зла близ Карей, в монастыре Кутламуш, которого антипросоп есть первый нарушитель покоя и, по своим связям с журналистами распространяет все вредные толки о России. Его поддерживают антипросопы Лавры, Пантократора, Ватопеда и Ивера; прочие же депутаты, как смиренное стадо, им повинуются, а славянские обители, Зограф и Хиландар, которые могли бы им противиться в Протате, не понимают своего значения и достоинства и посылают ничтожные епистатов и антипросопов для заседания в Протате, где не смеют поднять голоса против греков.

Антипросоп Руссика — также грек, и самый злостный противник русских, хотя греков в обители не более 150 человек, а русских более 300 человек, и они содержат всю обитель. При таком настроении и порядке дел, можно ли чего ожидать доброго?

Между тем, это не какая-либо частная неприязнь внутри обители или, как бывало прежде, монастыря к монастырю, что и доселе выражается разорительными тяжбами, без различия племени. Нет, это ярый филетизм греческий, или, вернее сказать, общий тайный заговор всех греков против русских, несмотря на все благодеяния России, хотя до 1000 человек русских обитает на Святой Горе в трех монастырях и в рассеянных повсюду келлиях; с ними борются теперь 5 т[ысяч] греков, разумеется, без сознания самой массы, а только в лице своих коноводов, которые надеются достигнуть желанной цели, начав с поражения Руссика.

А болгары, как Панургово стадо, глупо дремлют в своих обителях, не поддерживая русских и не разумея своей опасности, что их самих вскоре объявят схизматиками, потому что из их монастырей вышло более 10 болгарских архиереев и еще готовится столько же на вновь открывающиеся македонские епархии.

Зограф еще в полной силе, по своему вещественному благосостоянию и общежитию, и мог бы действовать с успехом, если бы имел более благоразумия; но там беспрестанно сменяют игуменов, и старшая братия, выбрав настоятелем совершенно простого старца, духовника Феодосия, думает только о своей независимости в обители и посылает самых ничтожных представителей в Протат.

А о Хиландаре и говорить нечего, потому что эта распадающаяся обитель без всяких средств, сербская только по имени, а между тем упорная в своем образе мыслей и только на словах благоприятная русским.

Необходимо было бы внушить князю и митрополиту Сербскому, чтобы они взяли ее совершенно в свои руки и прислали бы от себя дельного игумена, который восстановил бы благосостояние и общежитие в обители, имеющей до 40 т[ысяч] десятин лесов и земли на одном Афоне, кроме своих метохов, коими не умеют пользоваться.

Итак, монастырь Руссик (полугреческий и полурусский) и новый скит Апостола Андрея близ Кареи, зависящий от Ватопеда (в коем считается русских до 250 человек), и малороссийский скит Св. Илии Пророка (с 80 монахами, зависящий от Пантократора) составляют теперь корень и основу русского населения на Афоне; но из них процветает только один Андреевский скит, по счастливому своему

положению в центре Св. Горы, по единодушию несмешанной русской братии и по благополучию своего настоятеля архимандрита Феогноста, который в течение 25 лет привел его в благовидное положение, но и ему угрожает опасность, если не удержится Руссик, несмотря на то, что он, кажется, в хороших отношениях со всеми и в мире со своим главным монастырем Ватопедом.

Ильинский скит, где всегда были беспокойные из запорожцев, пришел опять в упадок после смерти дельного своего настоятеля отца Паисия, и избрав себе безгласного игумена Андрея, совершенно подчинился произволу своей начальной обители Пантократору, которая, хотя и сама чуть дышит от долгов, однако отобрала все хрисовулы у своего скита и может посягнуть на его независимость.

Теперь все усилия греков обращены против Руссика, чтобы сломить сию главную твердыню русских, так как это не есть зависимый скит, а самобытный монастырь, имеющий свои права и хрисовулы и своего антипросопа в Протате. Хрисовулы же все искони дарованы были на имя собственно русских, даже и после уничтожения старого Руссика по ненависти греков, и в новом Руссике на берегу моря невольно опять привился элемент русский, без которого, по старой памяти, не смогут существовать там греки, несмотря на свою ненависть к русским.

Два раза уже они приглашали их в свою обитель, и два раза изгоняли, но тогда число русских было незначительно, а теперь их возросло до 300 человек под руководством двух опытных духовников оо. Иеронима и Макария, они восстановили благосостояние монастыря, обустроили его и содержат на свой счет при совершенной нищете греков, которые приходят без всяких средств в обитель и, пользуясь русским хлебом, смеют подымать голос против России. Но если бы им удалось выжить русских, то монастырь их пришел бы в два-три года в прежний упадок, так что опять Протат запретил бы доверять им даже 25 левов.

Всё это, однако, забыто, хотя еще недавно, при нынешней ссоре греков с русскими в Троицын день во всей греческой половине не нашлось 30 пиастров для покупки кислого молока на трапезу, и они должны были довольствоваться одними кислыми своими физиономиями, а спросить у русских было совестно.

Несмотря на то, они вопиют, что им ничего не нужно и что лучше помрут с голоду, чем будут иметь общение с русскими; они хвалятся, что даже могут жить без Бессарабских имений, за утрату коих, однако, очень злятся, не надеясь получить их обратно, хотя в Царском указе и обещаны им бывшие доходы, но злоба их ослепляет, а между

тем каждый монастырь отдельно на Святой Горе просит себе сбора в России и смиренно кланяется пред послом, чтобы только получить дозволение.

Возмущение в Руссике достигло до крайних пределов язычества, едва ли собрание дервишей могло бы произвести нечто подобное. Пользуясь дряхлостью 100-летнего своего игумена Герасима, пять человек, во главе коих бывший капитан Кабатазинова судна Елевферий, Евгений и Анастас, остатки прежних возмутителей взволновали всю греческую часть обители, разумеется, при тайном содействии моратитов и нескольких антипросопов Протата, которые имеют поддержку здесь, в Патриархии и в тайной Этерии Элладской, рассеянной по всему государству и грозящей немалую опасностью, если не будут приняты против нее деятельные меры.

Трудно даже поверить, до какой степени дошло ожесточение греков. Три раза покушались они пересечь воду в цистернах, покушались зажечь обитель. Не говоря о побоях в церкви за участие к русским своих же единоплеменников, двое из них явно угрожали ножом, называя тех, кого хотели убить, и сам духовник греческий Савва, хотя и потворствовал мятежным, но вынужден был, однако, по совести предупредить духовников русских, чтобы они были осторожны, потому что 50 человек греков (коих разумеется, не назвал) открыли ему на духу, что они готовятся нанести такое зло русским, о каком даже не было слышно и в истории; а по истории известно, что за 200 лет пред сим, при уничтожении Старого Руссика, греки вырезали всех русских и сожгли монастырь. Но это обстоятельство было иначе объяснено впоследствии антипросопами, вызванными на следствие, будто бы сия угроза относилась к какому-то злу нравственному, а не вещественному, и потому оставлено без внимания, как и все прочие случаи и жалобы.

При таком жестоком напоре со стороны греков русская часть обители, хотя и вдвое многочисленнее, руководимая смирением своих духовников, едва ли уместным в сих обстоятельствах, вместо должного сопротивления, постепенно всё уступала грекам, и так как они грозили посадить в пиргу отца Макария, если им не выдадут хрисовулы и печать монастырские, то они малодушно им всё выдали, а сами остались не при чем, так что теперь дело трудно поправить и вырвать из рук их грамоты.

По жалобе русских 9 антипросопов, т. е. почти половина Протата, из самых ярых эллинистов, была послана для исследования в Руссик, где отвергнуты были ими жалобы и свидетели, и только написано 22 канона, ради мнимого умиротворения греков с русскими, хотя

в этих канонах, с явным пристрастием, русские подчинены были грекам чрез выбор игумена и епитропов, а их заслуженные духовники отрешены от должности; даже не принят был их протест против объявленного им решения ни в Руссике, ни в Протате, так что они принуждены обратиться с жалобой в Патриархию. Но и там, вероятно, столь же пристрастно будет обсуждено их дело, [зачеркнуто: ибо адвокат Патриарший Акселос уже послан им негласно на Афон для собрания сведений и, без всякого сомнения, будет держаться партии греческой²⁷, а между тем сами...] русские видят на опыте совершенную невозможность дальнейшего сожительства с греками, требуют окончательного разделения с ними, но они не хотят терять своих привилегий и готовы были бы даже перейти на Старый Руссик, сохранив однако свои хрисовулы и независимость монастыря, на что едва ли согласится Патриарх. Иначе же умиротворить их невозможно: если даже, выгнав возмутителей и по дряхлости игумена, предоставить им новый выбор, который, конечно, по многолюдству русских и по достоинству отца Макария, необходимо падет на него, то и тогда нельзя отвечать, чтобы какой-либо отчаянный грек не исполнил над ним свою угрозу и не сожгли бы монастырь, который и теперь по ночам должны караулить русские.

Вот каково их сожительство с греческими дервишами, у коих иссякло всякое христианство под личиною православия или, вернее сказать, филетизма.

Не надобно думать, что такое ожесточение греков в одном только Руссике и против одного лишь Руссика. Нет, с некоторого времени все русские келиоты подвергаются всякого рода гонениям от своих монастырей, особенно от Лавры и даже от Протата, который действует с чрезвычайным произволом, под влиянием мораитов. У иных отнимают келии, несмотря на омологии, других облагают сильными налогами, рубят их лес, врываются в их огороды, снимают у них колокола, запрещают кресты на кельях, что разрешают теперь и турки (колокол Андреевский им особенно солон по своему благозвучию), даже и своих греков теснит Протат за расположение к русским. Так, под предлогом

²⁷ Мнение А.Н. Муравьева об Акселосе отличалось от мнения русских старцев на Афоне. Так, отец Макарий (Сушкин) писал к иеромонаху Арсению в письме от 4 октября 1874 г.: «Старичок Акселос ожидает от Правительства смены, очень жаль, если так случится; но к достоинству его сказать, что он не только [не] упадает духом, но торжествует и ликует и нас зело поддерживает своим энергичным тоном и доказательством, что мы имеем полные права на монастырь, удивляется бездействию нашего посольства, говоря, что таким действием, как идут наши, никогда не уйдешь вперед и дело расстроишь, говорит справедливо» (ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 204. Л. 65).

долгов, наложено запрещение на самостоятельный монастырь Ставроникиту, который хотел продать место для пристани русскому скиту, и туда посланы епитропы для управления монастырем; они едва дают там скудную пищу братии, а между тем, несмотря на все жалобы Патриархии, нельзя найти никакого суда на произвольные действия Протата, и теперь ждут лишь падения Руссика на Святой Горе, начав, разумеется, с Андреевского Скита, так как он всем колет глаза, по своему благоустройству и единодушию русских в центре Святой Горы и по тем благодеяниям, какие оказывает всем келлиотам, видящим в нем свою единственную опору.

В одном только ошиблись ярые эллины мораиты: во времени! Они думали, что нынешний посол, твердый защитник православия не только русского, но вообще греческого и болгарского, должен оставить свое место, и несвоевременно подняли знамя бунта, в чем теперь уже более благоразумные раскаиваются, потому что некоторые монастыри Святой Горы подняли голос против нелепых канонов на Руссик и требуют собрания игуменов для обсуждения сего дела; но таким образом оно может продлиться нескончаемо, и при нынешнем пристрастии Патриаршего Совета никак не обойдется без разрешения Порты, чего особенно боятся греки при влиянии нашего посла; а между тем в Руссике может вспыхнуть такой скандал, который ничем нельзя будет исправить.

АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе.

Он. 517/2. Ед. хр. 3210. Л. 1–10 об.

РОЛЬ РОССИЙСКИХ ЦЕНТРОВ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ (РЦНК) В СОВМЕСТНОЙ РАБОТЕ С МИД РФ ПО РАСШИРЕНИЮ РОССИЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ (НА ПРИМЕРЕ РЦНК В ТУНИССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ)

Прошу заранее простить меня за сужение ранее объявленной темы моего выступления. Решил поделиться с уважаемой аудиторией опытом моей работы в качестве директора РЦНК в Сирии, Тунисе и Египте, ограничившись лишь тунисским периодом. Основная причина — желание избежать перегруженности материалом, тем более, что основные направления деятельности как советских, так и российских Культурных центров практически совпадают. И в советский и в российский периоды существования нашего государства основной задачей Советских культурных центров, а затем Российских центров науки и культуры являлось расширение российского присутствия через двустороннее культурное, научно-техническое, образовательное и другое сотрудничество и создание привлекательного образа СССР, а затем России среди общественности и населения страны пребывания.

Итак, осенью 1994 г., в разгар так называемых «лихих 90-х» мне был поручен Руководителем Центра международного научного и культурного сотрудничества (РЦМНиКС) при правительстве Российской Федерации В.В. Терешковой пост представителя РЦМНиКС и директора РЦНК в столице Тунисской Республики — Тунисе.

Через год с небольшим посол Российской Федерации в Тунисе в официальном письме В.В. Терешковой сообщил: «Сотрудничество России с Тунисом носит многоплановый характер и имеет давние, глубокие корни, восходящие к двадцатым годам, когда тунисская земля стала последним пристанищем кораблей русской эскадры, пришедшей в порт Бизерта в 1919 г. Построенные в Тунисе на средства русских моряков две русские церкви являются свидетелями того времени. И не случайно, что Тунис стал одним из особых мест проведения мероприятий по празднованию 300-летия Российского Флота».

Говоря о возрастающем интересе со стороны Туниса к нашей стране, как-то: расширение двустороннего культурного сотрудничества,

---

¹ Фомин Олег Иванович — кандидат исторических наук, член Совета МОО «ИППО», заместитель руководителя Международной секции МОО «ИППО».

стремление тунисской молодежи к получению высшего образования в России, заинтересованность в научно-техническом сотрудничестве с нашей страной, посол, указывая на важную роль, которую призвано играть в реализации этих процессов, представительство РЦМНиКС, отмечает: «Однако, в 1991–1994 годах Российский культурный центр в Тунисе практически бездействовал и культурные связи между нашими странами были по существу прерваны. С приездом нового руководителя РЦНК Фомина О.И. и благодаря его большим усилиям уже сейчас многое из упущенного наверстывается. Теперь Центр является единственным в своем роде местом налаживания не только культурных, но и научно-технических связей между нашими странами. Намечаются благоприятные перспективы для российско-тунисского культурного сотрудничества в связи с объявлением ЮНЕСКО Туниса культурной столицей Средиземноморья в 1997 году, празднованием в стране столетия провозглашения независимости Республики и десятилетней годовщины прихода к власти нынешнего президента страны З.А. Бен Али. После закрытия в Тунисе нашего торгпредства, Российский центр науки и культуры приобретает всё большее значение и для экономического сотрудничества и продвижения на рынок этой страны отечественных научно-технических разработок и технологий».

В феврале 1997 г. Руководитель Росзарубежцентра (так кратко в то время назывался РЦМНиКС при Правительстве Российской Федерации) В.В. Терешкова пишет послу Российской Федерации в Тунисе В.В. Попову: «Уважаемый Вениамин Викторович! С удовольствием восприняли Ваш отзыв о деятельности Российского центра науки и культуры в Тунисе и о работе его руководителя Фомина О.И.

Поддерживаем Ваше предложение о выдаче паспорта советника представителю-директору РЦНК Фомину О.И.».

Во всех отзывах московского руководства на годовые итоговые отчеты о деятельности представительства Росзарубежцентра в Тунисе отмечается плановый характер и умелая координация плодотворного и конструктивного сотрудничества представительства и РЦНК с Посольством Российской Федерации, рядом российских министерств, ведомств, учебных заведений, творческих союзов, субъектами и городами Российской Федерации, а также тунисскими государственными и общественными организациями, образовательными учреждениями, творческими и деловыми кругами страны, средствами массовой информации.

Продолжаю ссылаться на анализы деятельности РЦНК со стороны руководства дабы не быть обвиненным в недостатке объективности.

Так, к примеру, в 2000 г. отмечается эффективная информационно-разъяснительная работа представительства, широкий спектр применяемых средств для правдивого отражения внутренней и внешней политики России, формирования привлекательного образа нашей страны в глазах тунисцев. В этом контексте заметный резонанс в общественной и культурной жизни Туниса имели организованные представительством мероприятия, посвященные 40-летию полета в космос Ю.А. Гагарина, которые с достаточной убедительностью показали тунисской общественности всемирно-историческое значение научного и технического подвига нашего народа, ведущую роль России в мирном освоении космического пространства. Важной формой работы Представительства в информационной сфере Москва считает использование интеллектуального потенциала посетивших в отчетном году Тунис российских политиков и ученых. В этой связи особо отмечены усилия Представительства в организации участия в проходящих в Тунисе международных симпозиумах специального представителя Президента РФ Е.М. Примакова, председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова и других известных российских фигур.

В других отзывах на работу представительства одобряется его роль в налаживании технических и деловых связей с тунисскими фирмами и компаниями, направление в Центр предложений на выставку в Тунис отечественных технологий. В этих целях на базе РЦНК проводилась презентация Екатеринбургского завода по производству электрооборудования «Уралэлектротяжмаш», обеспечивалось участие российских делегаций во Всемирном конгрессе талассотерапии и другие подобные мероприятия.

В рамках развития российско-тунисских межвузовских и научных связей РЦНК способствовал активизации контактов между Высшим институтом языков Туниса и Институтом стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, Национальной школой инженеров Туниса и Московским государственным строительным университетом, а также, по вопросам образования, культуры и науки (ALECSO) и Институтом востоковедения Российской Академии наук.

В Москве выражали удовлетворение работой Представительства по установлению контактов с регионами России, служащими хорошей базой при реализации культурных, научных и образовательных программ.

В анализах на отчеты о годовой деятельности Представительства сообщалось, что некоторые из полученных Росзарубежцентром материалов и предложений направлялись в заинтересованные министерства, ведомства и организации.

Представительство добилось возрождения Общества тунисско-русской дружбы, активно взаимодействовало с тунисской Ассоциацией выпускников советских и российских вузов, создало Клуб соотечественников из жен тунисских выпускников и детей от смешанных браков — выходцев из России и стран СНГ.

На базе РЦНК действовали популярные в тунисской столице Русский клуб им. А.С. Пушкина, хореографическая школа имени Сергея Дягилева, единственная в своем роде в Северной Африке.

В то же время в 1997 г. руководство в Москве информировало, что «... текущий год будет непростым в финансовом отношении для Росзарубежцентра. В очередной раз значительно сокращены валютные ассигнования, выделяемые на содержание представительств и РЦНК за рубежом. Центр будет иметь крайне ограниченные возможности по финансированию и информационному обеспечению деятельности представительства и РЦНК». А в январе 1998 г. председатель Ассоциации выпускников советских и российских вузов и университетов Хедди бен Салах и Генеральный секретарь Ассоциации Мохамед Хабиб Ауні обратились с официальным письмом к Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину, премьер-министру Российской Федерации С.В. Кириенко и Руководителю РЦМНиКС при Правительстве Российской Федерации В.В. Терешковой. В письме говорится: «Наша Ассоциация с глубоким беспокойством и смятением восприняла слухи о возможном отказе России от собственности на здание Российского центра науки и культуры (РЦНК) в Тунисе и его закрытии. Подтверждение этих слухов вызвало бы глубокое разочарование и чувство горечи у более 2500 выпускников советских и российских вузов.

Подавляющее большинство выпускников, успешно работающих во всех сферах экономики, науки и культуры Туниса, в той или иной степени связаны с РЦНК. Для них это — животворный источник цивилизации и культуры России, ее замечательных научных и технических достижений, место встречи с выдающимися российскими учеными, писателями, деятелями искусств. Для нас РЦНК — в буквальном смысле родной дом еще и потому, что именно в его здании нашла гостеприимный кров штаб-квартира нашей организации. Здесь, на частице русской земли в Тунисе, мы ощущаем неразрывную связь с нашей второй родиной, питаемся ее живительными соками. Этот же Центр широко открывает перед нами дверь во внешний мир — в частности, отсюда осуществляется наша связь с Международной корпорацией выпускников российских учебных заведений (ИНКОРВУЗ), членом которой является Ассоциация».

Свое взволнованное послание руководители Ассоциации завершают следующими словами: «Российский центр науки и культуры нам нужен как воздух и вода. Это — главный и единственный канал, связывающий нас с Россией, которая за годы студенчества стала нашей второй родиной. Лишение нас этого Центра равносильно отлучению ребенка от матери. Наше сиротство ощущалось бы особенно горько на фоне тесного сотрудничества туниских выпускников вузов западных стран с действующими в столице Туниса Культурными центрами США, Франции, Великобритании, Германии, Италии, Испании.

Мы надеемся, что руководители России услышат наш голос и не позволят совершиться непоправимому. Главная опора тунисско-российского сотрудничества в лице выпускников советских и российских вузов убедительно просит сохранить здание РЦНК в собственности России и не допустить его закрытия».

РЦНК выстоял. Он продолжает действовать по сей день на радость благодарным тунисцам, многие из которых уже являются внуками его первых посетителей.

О тесном сотрудничестве представительства Росзарубежцентра с Посольством России свидетельствует и Акт комплексной проверки деятельности РЦНК в Тунисе, направленный в феврале 2003 г. послом России в Тунисской Республике А.Б. Подцеробом в Департамент по культурным связям и делам ЮНЕСКО МИД России. Он в частности сообщает, что «За последние годы РЦНК превратился в один из самых активных и посещаемых иностранных культурных центров в стране пребывания. Представительство Росзарубежцентра и РЦНК эффективно используют свои разносторонние и широкие связи в тунисском обществе для решения задач, поставленных перед ними Центром и Посольством.

Помимо своих непосредственных задач представительству и РЦНК приходится выполнять функции, ранее являвшиеся прерогативой РИА «Новости», АО «Международная книга», АО «Совэкспортфильм», заграничные учреждения, которые в Тунисе упразднены».

Посол также информирует, что «... деятельность представительства и РЦНК неоднократно отмечалась благодарственными письмами руководителей российских министерств и ведомств, глав администраций субъектов РФ, руководством культурных учреждений, научных и образовательных центров и институтов России». Он особо отметил, что «Основные тунисские партнеры представительства Росзарубежцентра — Министерство культуры и Министерство высшего образования высоко оценивают деятельность РЦНК, рассматривая

его как надежного и эффективного союзника в деле противодействия не только реакционному исламскому фундаментализму, но и тоталитарному глобализму, угрожающему национальной духовности, культуре и нравственности».

В заключение для иллюстрации роли представительства Росзарубежцентра и РЦНК в Тунисе в расширении культурно-просветительского и научно-образовательного присутствия России в этой замечательной стране-наследнице карфагенской цивилизации, родине Блаженного Августина, приведу несколько благодарственных писем как в адрес Представительства, так и самого Росзарубежцентра относительно разносторонней, многовекторной деятельности РЦНК в Тунисе.

Так первый вице-губернатор Санкт-Петербурга В.Н. Щербаков от имени Администрации города выражает «глубокую признательность и благодарность за содействие в реализации Санкт-Петербургских историко-патриотических программ «Бизерта», «Морская слава России», за заботу о восстановлении русских кладбищ и сохранении памяти о подвигах русских моряков». Он также благодарит директора РЦНК за то, что благодаря его заботам в России узнали о великой патриотке — хранительнице памяти о традициях и святынях Российского флота — дочери морского офицера — Анастасии Александровне Ширинской, «Воениздатом» была выпущена ее книга «Бизерта. Последняя стоянка».

В марте 2001 г. на адрес О.И. Фомина пришло письмо из Священного Синода Русской Православной Церкви, Московского Патриархата следующего содержания: «Уважаемый Олег Иванович! По возвращению в Москву спешу выразить Вам сердечную признательность за помощь и содействие по организации моего визита в Тунис. Пользуясь настоящей возможностью, хотел бы от души поблагодарить Вас за постоянное внимание к нашим храмам в Тунисе и Бизерте и к нуждам православных верующих.

С пожеланием Вам помощи Божией и успехов в трудах

Председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл».

Директор Института востоковедения Российской Академии наук В.Б. Рыбаков в письме В.В. Терешковой просил выразить благодарность представителю Росзарубежцентра и сотрудникам РЦНК в Тунисе, при поддержке которых «... удалось восстановить былые связи с ведущими тунисскими научными организациями и центрами, согласовать с ними условия и тексты соглашений, договориться о расширении сотрудничества. По существу мы вышли на более высокий уровень

отношений в области науки, культуры, образования со страной, имевшей с Россией давние добрые связи».

В ноябре 2002 г. в письме представителю Росзарубежцентра в Тунисе с копией В.В. Терешковой Генеральный директор Международного координационного совета выпускников учебных заведений (INCORVUZ — XXI) Г.Д. Калюжный благодарил сотрудников РЦНК за «прекрасную организацию IV Всеарабской встречи выпускников советских и российских вузов». Он особо отметил важность принятого на встрече решения о создании Союза объединений выпускников арабских стран, которое носит историческое значение для всемирного движения выпускников».

Хотел бы особо подчеркнуть благотворную роль В.В. Терешковой в качестве Руководителя Росзарубежцентра сменившей на этом посту временно захвативших его псевдолибералов. За годы работы на этом посту она проявила себя пламенным патриотом России, вызывающим уважение своей сердечностью, искренностью, благожелательностью, отношением к делу и людям. Кстати, текст для чтения «Валентина Терешкова» известного ливанского писателя Михаила Наима был включен в обязательную программу изучения арабского языка в 9-ом классе тунисской средней школы.

Моя командировка в Тунисе была благополучно завершена одновременно с официальным визитом в эту страну В.В. Терешковой, когда Президент Тунисской Республики наградил ее как «Первую и лучшую женщину в истории человечества» высшей правительственной наградой.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ С ВОСТОЧНЫМИ ПАТРИАРХАТАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. в КОНТЕКСТЕ ПОДДЕРЖКИ РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Взаимодействие Русской Православной Церкви (РПЦ) с иерархами Восточных Поместных Церквей во 2-ой пол XIX в. происходило в тесной взаимосвязи с внешнеполитическими задачами Министерства иностранных дел Российской империи. Желая укрепить свои позиции на территориях Вселенских Патриархатов Ближневосточного региона, Россия уже с 1830-х гг., через церковные структуры, осуществляла политику покровительства православных христиан на территории Османской империи. Порты, в свою очередь, считались с протекторатом Российской империи над христианским населением Ближнего Востока.

До 1840-х гг. Константинополь прямо влиял на Антиохийскую и Иерусалимскую Церкви, в том числе в вопросе избрания Патриархов. При этом Антиохийский и Иерусалимский Патриархи до 1845 г. постоянно находились в Константинополе, что затрудняло управление делами автокефалий на местах. Такая ситуация была выгодна турецкому султану, который, таким образом, держал в подчинении весь Православный Восток.

Активность протестантов и католиков, которые в начале 40-х гг. XIX в. учредили в Иерусалиме свои епископства, побудила русское правительство искать пути укрепления своего присутствия на Святой Земле. Поводом для этого стало тяжелое положение русских паломников, направлявшихся к святым местам Палестины, и не имевших возможность получить со стороны РПЦ поддержку в виде места временного пребывания и питания. С учетом того, что еще в 1818 г. в Москве было открыто подворье Иерусалимской Церкви, а Святейший Синод оказывал материальную поддержку Иерусалимскому Патриарху, создание представительства РПЦ в Святой Земле было бы логичным и закономерным. Вопрос о строительстве или покупке странноприимного дома в Иерусалиме поднимался уже давно, однако без воли Святейшего Синода положительное решение данного вопроса было затруднительно. В этой связи, именно в 40-х гг. XIX в. наметились основные направления взаимодействия РПЦ с Православным Востоком.

---

¹ Абакумов Станислав Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, секретарь Орловского отделения МОО «ИППО», председатель Орловского областного отделения ВООПИК.

В 1847 г. в Иерусалиме была открыта Русская Духовная Миссия (РДМ), которая была призвана поддерживать русских поклонников и содействовать укреплению братских отношений с Иерусалимской Православной Церковью. Руководителем Миссии был назначен архимандрит Порфирий (Успенский). Важно отметить, что подобная активность РПЦ не нравилась греческой Церкви, которая рассматривала действия России как угрожающие ее господству на Ближнем Востоке. Однако, несмотря на то, что архимандрит Порфирий в Константинополе и затем в Иерусалиме был принят греками настороженно, впоследствии он сумел добиться расположения и даже братской любви со стороны Иерусалимского Патриарха Кирилла II. РДМ был выделен для поселения и временного владения Архангельский монастырь в 700 м. от Храмовой горы. Несмотря на тесноту келий монастыря, здесь долгое время останавливались паломники из России, как до, так и после образования Миссии. Благие дела, связанные с созданием Русской Духовной Миссии в Иерусалиме были нарушены начавшейся Крымской войной. По требованию турецких властей 8 мая 1854 г. архимандрит Порфирий вместе с другими членами первой РДМ покинул Иерусалим².

С учетом необходимости сближения с арабским и греческим населением Ближнего Востока, возобновление Миссии уже во главе с епископом Мелитопольским Кириллом (Наумовым) состоялось в 1857 г. Ее деятельность в этот период особенно выразилась в строительстве на Святой Земле больниц, учебных заведений и развитии благотворительности. Подробно задачи второй Миссии были изложены в специальной инструкции, утвержденной императором Александром II³. Одной из важнейших целей Миссии виделось почтенное взаимодействие с греческим и арабским духовенством, а также армянской и католической иерархией с целью воспитания дружбы между ними. Также инструкции предписывали активно взаимодействовать с Антиохийским и Александрийским Патриархатами для превращения Миссии в определенный источник мягкой силы в данном регионе.

Взаимодействие Преосвященнейшего Кирилла (Наумова) с Иерусалимским Патриархом было омрачено тем, что договоренность о возобновлении русского присутствия на Святой Земле была достигнута между российским МИДом и османским правительством,

² Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами (вторая треть XIX в.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. Т. 27. № 4. С. 256–268.

³ Никодим (Ротов), архим. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Л., 1959.

но не с Кириллом II. Русские дипломаты в своей работе не руководствовались канонические правилами взаимного общения автокефальных Церквей, утвержденными еще Вселенскими Соборами, и, тем самым, нарушили суверенитет Восточных Патриархов⁴.

Это обстоятельство несколько осложнило последующие контакты Кирилла (Наумова) с Иерусалимским Патриархом в Константинополе во время пребывания там РДМ с 14 декабря 1857 по 15 января 1858 гг. перед отбытием в Иерусалим. В Константинополе состоялся целый ряд взаимных встреч и посещений начальника Миссии епископа Мелитопольского с Патриархами Константинопольским и Иерусалимским, митрополитами Никомидийским, Ефесским, Кизическим и Халкидонским, а также блюстителем Константинопольской армянской кафедры епископом Давидом⁵. Во время таких встреч с Кириллом II Иерусалимским поднимались вопросы устройства и поддержки Миссии. Можно с уверенностью сказать, что за этот короткий период был сделан значительный шаг к активизации добрых взаимоотношений между РПЦ и Иерусалимским Патриархатом. Налаженные доверительные отношения с армянским епископатом в Константинополе позволили получить епископу Кириллу (Наумову) письмо к Армянскому Патриарху в Иерусалиме с просьбой оказать необходимую помощь Миссии.

Русское архиерейское богослужение в Иерусалиме проводилось в храме Архангельского монастыря, который ранее в период первой Миссии был предоставлен Порфирию (Успенскому). Во время пребывания Преосвященного Кирилла (Наумова) в Иерусалиме снова обнаружилось недоверие со стороны Кирилла II. По мнению начальника Миссии, Иерусалимский Патриарх желал «...вооружить против присутствия Русской Миссии на Востоке Антиохийского патриарха»⁶. В течение последующих нескольких лет под влиянием митрополита Филарета и МИДа Кирилл (Наумов) смог наладить доверительные отношения с Иерусалимским Патриархатом.

Учитывая, что материальное содержание Русской Духовной Миссии было весьма скудным, говорить о серьезных благотворительных мероприятиях, которые вменялись соответствующими инструкциями, не приходилось. Определенными достижениями Кирилла (Наумова)

⁴ Смирнова И.Ю. К истории становления российского церковного присутствия в Святой Земле: миссия епископа Кирилла (Наумова) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29. № 3–4. С. 365–387.

⁵ Никодим (Ротов), архим. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Л., 1959.

⁶ Никодим (Ротов), архим. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Л., 1959.

на посту начальника РДМ можно считать сбор данных о состоянии паломничества в Святую Землю, помощь паломникам в виде ремонта и поиска помещений для временного размещения богомольцев из России, в том числе на средства Миссии, а также организацию больницы на 10 кроватей для паломников⁷.

В 1858 г. в Иерусалиме было сформировано российское консульство во главе с В.И. Доргобужиновым. Это привело к полному освобождению РДМ от политических и гражданских сношений с турецким правительством. Таким образом, основной задачей начальника Миссии осталось взаимодействие с Восточными Патриархатами с целью расположения тех к РПЦ и достижения согласия между православными поместными церквями, содействие паломничеству и благотворительность, чем он и занимался. В декабре 1858 г. Кирилл (Наумов) совершил поездку в Антиохийский Патриархат и посетил несколько городов Сирии. Состояние духовенства, за исключением Дамаска, было удручающим, что впоследствии описал епископ Мелитопольский в своем докладе в Россию.

Интерес представляет взаимодействие РДМ с паломниками из России. Несмотря на учреждение консульства, ей приходилось заниматься вопросами светского характера — оформление документов, необходимых паломникам для возвращения в Россию, перепиской по вопросу оказания помощи паломникам, попавшим в трудную ситуацию и т. п. На имя начальника Миссии частные лица из России неоднократно высылали денежные пожертвования, которые направлялись на Гроб Господень, бедным и на поддержку паломников.

Надо сказать, что с момента учреждения в Иерусалиме консульства, положение Миссии стало осложняться тем, что оно подчинялось одновременно Синоду и Министерству иностранных дел. Дублирование части функций консульства, РДМ, а также вновь учрежденных агентства «Русского общества Пароходства и Торговли» (РОПИТ) и «Палестинского Комитета» привело к рассогласованности, а затем к подозрительному отношению друг к другу. Это не могло не привести к разногласиям с консульством и изъятию у епископа Кирилла светских полномочий, что, в свою очередь, значительно ухудшило положение Миссии. В конечном итоге разногласия между Кириллом и В.И. Дорогобужским были разрешены Великим Князем Константином — председателем Палестинского комитета, приехавшим по поручению императора в Иерусалим. За РДМ были окончательно

⁷ Смирнова И.Ю. К истории становления российского церковного присутствия в Святой Земле: миссия епископа Кирилла (Наумова) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29. № 3–4. С. 365–387.

закреплены лишь духовные функции: попечительство о паломниках, взаимодействие с Восточными Патриархатами, отправдение богослужений, сношение с консулом по вопросам оказания помощи поклонникам из России⁸. К сожалению, даже после этого трения между консульством и РДМ продолжились. После доноса в 1863 г. консула на епископа Кирилла, который содержал нелицеприятные сведения «об образе жизни» начальника Миссии, тот по прямому указанию императора был уволен.

В 1864 г. на должность начальника РДМ был назначен архимандрит Леонид (Кавелин), который в мае того же года прибыл в Иерусалим. Однако, не успев наладить взаимоотношений с восточными Патриархами, архимандрит Леонид настроил против себя членов Миссии, а также консульство. В начале 1865 г. члены Миссии — иеромонах Иоанн и иеродиакон Арсений написали жалобу уже на нового начальника РДМ в Иерусалиме в консульство, Св. Синод и на имя наместника Патриарха Иерусалимского Мелетия. Рассмотрев донос, Св. Синод постановил освободить архимандрита Леонида от службы в Миссии. На место начальника Миссии назначен архимандрит Антонин (Капустин), который пробыл на этой должности почти 30 лет до 1894 г.

Как стало известно Антонину (Капустину), Патриарху Иерусалимскому Кириллу попали в руки нелицеприятные донесения Леонида (Кавелина) к своему руководству об иерархах греческой Церкви. Это и привело к отрицательному отношению Кирилла II к начальнику Миссии. Более того, Патриарх Иерусалимский в апреле 1866 г. направил письмо на имя митрополита Петербургского Исидора (Никольского), в котором просил о недопущении возврата архимандрита Леонида (Кавелина) в Иерусалим. Назначение архимандрита Антонина (Капустина) начальником Миссии стало судьбоносным и очень быстро способствовало сближению РПЦ с Иерусалимской Церковью. Антонин (Капустин) признал за Иерусалимом каноническое преимущество, чем расположил к себе Кирилла II.

Особое значение пребывание начальника РДМ в Иерусалиме приобрело в рамках решения вопроса о независимости Болгарской Церкви. Решение 1860 г. об одностороннем отделении Болгарской Церкви, как оказалось, было согласовано с Портой, которая стремилась ослабить влияние РПЦ на христиан на территории Османской империи. Одностороннее провозглашение иерархами Константинопольского Патриархата болгарского происхождения 11 мая 1872 г. автокефалии привело к тому, что на соборе в Константинополе Восточные Патриархи, за исключением

⁸ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006.

Кирилл II, наложили на Болгарскую Церковь схизму. Такое решение Кирилл II стоило ему Патриаршества — на заседании Синода Свято-гробского Братства 7 ноября 1872 г. он был лишен престола.

Новый Патриарх Прокопий, видя симпатии РДМ к низложенному Кириллу II, не изъявил желания поддерживать Миссию, которая не признала его законно избранным. Несмотря на прямые указания руководства св. Синода в лице графа Д.А. Толстого, а также послания Патриарха Прокопия архимандриту Антонину (Капустину) с предложением возобновить контакты с Патриархией, Миссия так и не признала вновь избранного иерарха Иерусалимской Церкви.

Неизвестно, чем закончилось бы это противостояние, если бы не низложение Патриарха Прокопия в 1875 г. и избрание главой Иерусалимской Церкви Иерофея, чему способствовало русское правительство. Иерофей признал Константинопольский Собор 1872 г., согласившись тем самым с объявлением Болгарской Церкви схизмы. После смерти Иерофея в 1882 г. и отказа Порты от утверждения на патриаршем престоле вновь избранного 29-летнего архимандрита Фотия, Патриархом Иерусалимским, не без участия России, был избран архиепископ Фаворский Никодим.

Несмотря на это, отношения Никодима с РДМ нельзя считать добрососедскими. Никодим своими действиями призывал РДМ подчиниться напрямую ему и пытался распространить свою власть на прибывающих из России паломников. Сохранилась переписка начальника Миссии с Патриархом Никодимом, которая свидетельствует о противостоянии по вопросу совершения треб над русскими паломниками. Лишь только после низложения Никодима и избрания в 1891 г. Патриархом Герасима (бывшего Патриарха Антиохийского), отношения РДМ с Иерусалимской Церковью наладились.

За период своего пребывания в должности начальника Миссии архимандрит Антоний (Капустин) сумел завоевать уважение и авторитет как в России, так и на Святой Земле, где он способствовал приобретению православных святынь и земельных участков в собственность Российской империи. При непосредственном участии архимандрита были проведены археологические раскопки вблизи храма Гроба Господня, в ходе которых были обнаружены стены старого Иерусалима и Порог Судных Врат, где впоследствии было выстроено Александровское подворье. В 1894 г. на участке в городе Яффе, приобретенном при участии Антонина (Капустина) в 1868 г., был достроен храм во имя апостола Петра и праведной Тавифы. На его освящении присутствовал сам Патриарх Иерусалимский Герасим. 24 марта 1894 г. начальник РДМ архимандрит Антонин (Капустин) закончил свой жизненный путь.

Таким образом, взаимоотношения Русской Православной Церкви с Восточными Патриархатами по вопросу поддержки русского присутствия на Святой земле во 2-ой пол. XIX в. выстраивались на основе общей линии правительства Российской империи, что продолжилось и в начале XX в.⁹. Ввиду активной политики католиков и протестантов на Ближнем Востоке, выражавшейся, в том числе, в выкупе земельных участков и церковной недвижимости, Россия создала в Иерусалиме Русскую Духовную Миссию. Прямые контакты начальства Миссии с Константинопольским, Иерусалимским и Антиохийским Патриархами позволили усилить влияние РПЦ на Ближнем Востоке путем устройства школ, больниц, благотворительных пожертвований на строительство странноприимных домов для паломников и т. п. Несмотря на определенное недоверие со стороны Иерусалимского Патриархата, Миссия сумела во 2-ой пол. XIX в., благодаря усилиям архимандрита Антонина (Капустина), приобрести для России ряд земельных участков на Святой Земле, которые являются неоценимыми с точки зрения духовного и исторического значения.

Список использованной литературы и источников

1. Абакумов С.Н. Взаимодействие РПЦ с православными церквями в контексте формирования идей экуменизма в начале XX века // Запад — восток: цивилизационный выбор России Материалы международной научно-практической конференции. 2015. С. 68–72.
2. Ливцов В.А. Экуменическое движение и Русская Православная Церковь в контексте государственной конфессиональной политики России с середины XIX в. по начало XXI в. Орел, 2015.
3. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006.
4. Никодим (Ротов), архим. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Л., 1959.
5. Смирнова И.Ю. К истории становления российского церковного присутствия в Святой Земле: миссия епископа Кирилла (Наумова) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29. № 3–4. С. 365–387.
6. Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами (вторая треть XIX в.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. Т. 27. № 4. С. 256–268.

---

⁹ Абакумов С.Н. Взаимодействие РПЦ с православными церквями в контексте формирования идей экуменизма в начале XX века // Запад — восток: цивилизационный выбор России. Материалы международной научно-практической конференции. 2015. С. 68–72.

ВОПРОС ОРГАНИЧЕСКОГО СТАТУТА ЛИВАНСКОЙ АВТОНОМИИ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ГЕНКОНСУЛОВ (90-Е ГОДЫ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)²

Российские генконсулы в Бейруте в своих донесениях, адресованных в «Посольство в Константинополе», уделяли большое внимание международному договору, который регулировал положение Горного Ливана, провинции Османской империи, получившей значительные права автономии после миротворческой военной экспедиции европейцев в 1860–1861 гг. Это был так называемый Органический статут Горного Ливана (Джебель Любнан), подписанный Османской империей, Россией, Британией, Францией, Австрией и Пруссией. Он содержал статьи об административном делении объединенной автономии, о статусе генерал-губернатора (мутасаррифа), который назначался султаном и должен был принадлежать к греко-католической общине, о налогообложении автономии и особом порядке поддержания общественной безопасности.

Европейские дипломаты живо реагировали, например, когда имели место попытки генерал-губернаторов обхода положений Ливанского статута или давления и вмешательства османских властей с той же целью. Можно понять, чем была продиктована обеспокоенность, в том числе российских генконсулов: корень проблемы лежал в соперничестве держав в Ливане через покровительствуемые местные общины³. Ливанский экономист и социолог Жорж Корм заявлял, возможно, излишне категорично: «Исторически существовала колониальная политика и соперничество в той международной системе, где доминировали Франция, Англия, Россия и Австрия. Система европейских держав была нацелена на раздел мира XIX столетия»⁴.

¹ Сарабьев Алексей Викторович — кандидат исторических наук, член МОО «ИППО», ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, главный редактор периодического издания ИВ РАН «Религия и общество на Востоке».

² Статья подготовлена на основе доклада на Всероссийской научной конференции «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания Азиатского департамента МИД Российской Империи», октябрь 2019 г., СПб.

³ АВПРИ. Ф. 180 Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 1375. Донесение К.Д. Петковича из Бейрута от 30 июня 1892 г.

⁴ La politique française au Proche-Orient? Hier et aujourd'hui. Table-ronde avec Damien Beauchamp, Georges Corm, Jean Leca, Rémi Leveau, Olivier Mongin, Olivier Roy and Ghassan Salamé // Esprit, No. 127(6), Juin 1987. P. 57.

Российские дипломаты-авторы донесений в вышестоящие структуры МИДа оценивали ливанские дела к концу XIX в. именно в этом ракурсе. Однако принимались во внимание и те глубокие процессы в арабском обществе, которые изменили самосознание арабов и вывели наиболее активных из них — в частности, бейрутинцев и ливанцев — в авангард борьбы за относительную политическую самостоятельность, по крайней мере в форме децентрализации. Так, генконсул К.Д. Петкович руководствовался далеко не только внешнеполитическими соображениями, но трезво оценивал сдвиги в горноливанском обществе. В июне 1896 г. он писал, что «нужно выработать новый устав на новых основаниях сообразно потребностям нового времени и нуждам края»⁵. К.Д. Петкович предлагал провести перепись населения Горного Ливана и обновить кадастр с тем, чтобы привести налогообложение населения в соответствие с новыми условиями. Обосновывая свои предложения, он так описывал изменения, произошедшие в жизни ливанцев: «Нынешний Ливан не тот, каким он был в 1861 году. Он поменялся к лучшему во всех отношениях. Народонаселение удвоилось, а недвижимая собственность и культура достигли весьма значительного развития, так что нынешняя администрация со своими ограниченными средствами не может больше удовлетворить всем потребностям жителей»⁶.

По документам тех лет складывается впечатление, что российский генконсул в Бейруте и консулы на местах органично входили в «клуб» своих европейских коллег-дипломатов. Тем не менее, ясно было, что опасливое отношение к России со стороны англичан и французов оставались еще со времен Крымской войны, в то время как между Лондоном и Парижем наибольшее взаимопонимание, даже несмотря на их историческое соперничество. В ближневосточных дипломатических баталиях и вопросах, касающихся арабских территорий вообще это находило свое особенно яркое отражение. О первоочередности арабского вопроса в восстановлении англо-французского альянса упоминал и бывший глава российского МИДа А.П. Извольский в его изданной в эмиграции книге (сразу на английском и французском языках): «Как в Париже, так и в Лондоне ясно сознавалось, что равновесие сил не может быть восстановлено, если Англия не откажется от своей традиционной политики “полного одиночества” и не войдет в наиболее тесное

⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1375. Донесение К.Д. Петковича из Бейрута от 10 июня 1896 г. Л. 43.

⁶ Там же.

сотрудничество с Францией. Наиболее важным шагом в этом направлении нужно признать англо-французское соглашение 1904 года относительно Египта и Марокко, предпринятое по инициативе короля Эдуарда VII. Это соглашение ускорило и быстро оформило то, что принято называть *Entente Cordiale*»⁷.

После печальных итогов русско-японской войны наши стратеги пытались укрепить свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке. Российская империя на этом направлении выбрала политическую линию, тактически близкую Англии и Франции, а именно ограничения слабеющей и сотрясаемой внутренними противоречиями Османской империи, вплоть до попыток отчуждения в свою пользу ряда закрепившихся за ней политико-экономических прерогатив⁸.

К началу второго десятилетия XX в. «слабым звеном» в ближневосточных арабских владениях османов уже полвека оставался Горный Ливан. Подконтрольный европейским державам на основании соглашений 1861 и 1864 гг., т. н. Органического статута (фр. — *Règlement organique*)⁹, эта османская автономия (мутасаррифия) переживала серьезные изменения. Они были вызваны во многом с трансформацией системы землевладения (икта)¹⁰ и хозяйственных связей, а также смещением демографического и конфессионального балансов, усиленного сиро-ливанской эмиграцией через порты Бейрута и Триполи, в которой значительную долю составляли жители Горного Ливана.

Местное самоуправление в этой стратегически важной и густонаселенной горной провинции стало для держав-наблюдательниц ареной конкуренции, действующими лицами на которой выступали покровительствуемые теми местные религиозные общины. Османское правительство (т. н. Блистательная Порта) ревниво относилось

---

⁷ Извольский А.П. Воспоминания. / Пер. с англ. А. Сперанского. Петроград — Москва: Петроград, 1924. С. 30.

⁸ О наиболее одиозных из этих планов Совет министров Российской империи отказался только зимой 1916 г., о чем свидетельствуют изданные советским правительством внешнеполитические документы: Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел / Издание Народного комиссариата по иностранным делам. Петроград, декабрь 1917. Вып. 2. С. 56–67.

⁹ Akarli, Engin Deniz. *The Long Peace: Ottoman Lebanon, 1861–1920*. Berkeley: Univ. of California Press, 1993. P. 149.

¹⁰ См. подробнее об этом: Сейранян Б.Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX в. — 60-е годы XX в. / Институт востоковедения РАН. Изд. 2-е, испр.; отв. ред. А.В. Сарабьев. М., ИВ РАН, 2018.

к ущемлению своих прав в Горном Ливане со стороны европейцев. Особенно болезненно воспринимались любые идеи и инициативы касательно усиления внешнего контроля, то есть, по сути, реформирования Органического статута.

Тем не менее, наш генконсул в Бейруте Б.Н. Батюшков уже в 1912 г. докладывал, по его выражению, «по поводу желательных изменений в Статуте Ливана»¹¹. При этом и его собственным желанием, и намерениями его зарубежных коллег — французского и британского генконсулов в Бейруте — было, «не пугая Порту “изменением статута”, напротив, сохраняя в общем *status quo*, комментировать его в протоколе так, чтобы обеспечить возможную справедливость в управлении автономной провинции»¹².

«Что же касается вопросов принципиальных, — писал наш генконсул, — то круг их расширяется с каждым днем, но они еще не выливаются во вполне конкретные формы, т. е. в форму проекта протокола, которая позволила бы Порте и пяти (за неучастием Италии) посольствам ограничиться принятием готового проекта с теми или иными изменениями. Одно из предположений такого рода выработано, между прочим, Административным Советом Ливана...»¹³. На этом именно предложении от марта 1912 г. и останавливался подробно Б.Н. Батюшков, справедливо полагая, что у этого проекта как исходящего от самих ливанцев были наибольшие шансы оказаться реализованным.

Впрочем, он расставлял акценты в соответствии с российской точкой зрения на нужды Горного Ливана. Так, в своем донесении генконсул, по сути дела, возвращался к предложению, в общих чертах выдвинутому за два десятка лет до него (упомянутые выше рассуждения К.Д. Петковича), — к пересмотру кадастра и справедливому взиманию земельных налогов. Комментируя заявление ливанского Административного совета, Батюшков сообщал: «Сумма в 60 тысяч лир, которой ныне почти достигает, вернее должен достигнуть действительный расход на администрацию и милицию, сокращенную “в видах экономии” до неприемлемого минимума в 800 человек, совершенно недостаточного для исполнения возлагаемой на нее задачи, — могла бы легко быть получена при современном развитии земледелия, если бы проверить и исправить кадастр, составленный в [18]60-м году, причем с того

¹¹ АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482, 1912–1914. Д. 413. Донесение из Бейрута № 239 от 30 марта 1912 г. (Доверительно) в I Департамент МИД. Л. 50 об.

¹² Там же. Л. 54 об.

¹³ Там же. Л. 50 об.

времени масса земель, тогда пустовавших, ныне обрабатывается, а кроме того, многочисленные земли всеильного маронитского духовенства оказываются не обложенными податью. Таким образом, необходимость пересмотра кадастра совершенно очевидна, но об этом Совет не мог высказать пожелания, ибо маронитские члены его не только не могли бы предложить его, но даже выразить согласия на такую меру, которая сильно заденет интересы их духовенства, — а у маронитов дисциплина во всем, что касается духовенства, очень строга»¹⁴.

Продолжая эту тему, генконсул писал: «Обсуждая вопрос о пересмотре кадастра, возникла мысль, нельзя ли было бы, в видах обеспечения наибольшего беспристрастия, чтобы все покровительствующие державы командировали по инженеру или землемеру, авансировав совместно требуемую для производства этих работ сумму, которую сам Ливан легко покрыв бы из увеличившихся от этой реформы доходов. Действительно, теперь обширнейшие владения маронитского патриарха не платят никакого налога, как и многие новообразованные имения»¹⁵.

Административный совет, по сведениям генконсула, предлагал принять следующие положения, которые во многом представляли собой дополнения к Статуту Горного Ливана:

«1) Необходимость требований по улучшению курса администрирования, предусмотренных ст. 15 Органического статута Ливана в настоящее время требует увеличения на 25 тысяч турецких лир до нынешнего показателя бюджета.

2) Разрешить ливанским судам рассматривать коммерческие вопросы или создать специальный коммерческий суд (*tribunal de commerce spécial*) в Ливане.

3) Открытие ливанских портов для стоянки судов¹⁶.

4) Не требовать военной службы ливанцев, проживающих в вилайетах (то есть, в других областях Османской империи, за пределами Горного Ливана. — А. С.), гражданство которых (принадлежность к Горно-Ливанской автономии. — А. С.) неоспоримо, если им предоставлены мазбаты и справки ливанских властей, подтверждающие принятие от них налогов ливанским казначейством.

¹⁴ Там же. Л. 51–51 об.

¹⁵ Там же. Л. 54 об.

¹⁶ Ни Бейрут, ни Триполи с их портами не входили в Горный Ливан. Очевидно, в первую очередь, имелся в виду порт в Джуние, близ резиденции маронитского патриарха. Об этом марониты ходатайствовали многие годы, что нашло отражение в донесениях наших генконсулов в Бейруте, в частности.

5) Не допускать ареста или отстранения от должности любого административного советника или судьи до проведения расследования и принятия Советом решения по данному вопросу.

6) Любая жалоба на судей должна быть рассмотрена Советом, который вынесет решение»¹⁷.

Свои предложения члены Административного совета направили генерал-губернатору (мутасаррифу) автономии с просьбой передать их «по своим каналам в Блистательную Порту», то есть младотурецкому правительству.

Из документа видно, что предложения касались лишь повышения самостоятельности автономии, но в то же время члены Совета обходили молчанием важнейшие вопросы, которые поднимал неоднократно, в частности, российский генконсул, а именно налогообложение ливанцев и связанный с ним пересмотр кадастра.

Ливанский генерал-губернатор Юсуф-паша (Франко) повел себя осторожно, не стал выступать посредником в указанной инициативе и счел целесообразным адресовать ливанских делегатов непосредственно в османское правительство: «...Прошение, подписанное всеми членами Совета Ливана не было принято Юсуфом Пашою, как касающееся вопросов, не подлежащих рассмотрению Административного Совета, компетентного-де лишь в распределении бюджета. Генерал-Губернатор рекомендовал Совету, буде члены его делегаты хлопотать о дополнении устава, обратиться частным образом непосредственно в Константинополь. Для этой цели им рекомендовать избрать 2–3-х лиц, которые стали бы отстаивать интересы ливанцев»¹⁸.

Далее генконсул Батюшков обобщал: «Впрочем, никогда еще при составлении протокола ливанцы не участвовали, и защиту их интересов всегда брали на себя представители 5–6 Великих Держав (в сущности 3-х), и ныне лишь провозглашение конституции и действие парламента, пробуждает самолюбие ливанцев, не желающих отстать от остальной Турции¹⁹, сохранив, однако, свои льготы. Таким образом, вопрос, в сущности, сводится к тому, насколько Посольства 3-х Держав в Константинополе сочувственно относятся к проведению необходимых для Ливана дополнений Статута, предложенных

¹⁷ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 413. Приложение к №239: Перевод предложений от лица Административного совета Ливана Его Прев. Юсуфу Паше, 19 марта 1328/1912 г. Л. 55–55 об. (на франц. яз.)

¹⁸ Там же. Л. 76.

¹⁹ Видимо, имелись в виду административные реформы младотурок.

[французским генконсулом] m-г Couget, весьма подробно комментировавшему таковой и с которым, в общих чертах, мы с британским коллегой согласны...»²⁰.

Российский генконсул также доводил до сведения Посольства и I Департамента МИДа и другую инициативу по реформированию Статута — «еще одну попытку ливанцев, на сей раз не официальных лиц, а “du Comité des Cèdres du Liban” изложить свои desiderata и м. б. наиболее удачно»²¹. Он писал, что предложения этого «Комитета кедров Ливана»²² в целом соответствовали его собственным, однако высказывал следующее критическое замечание: «...О пересмотре кадастра и вообще о какой-либо мере не говорится определенно, предпочитая в общих чертах указать на недостатки и предоставить изыскать средства к устранению таковых самим представителям покровительствующих держав»²³.

Все инициативы подобного рода имели своих сторонников и противников среди европейских дипломатических представителей. В конце концов, ливанский Органический статут являлся результатом международного соглашения, а следовательно, всякие изменения в нем должны были быть ни чем иным, как компромиссом между всеми заинтересованными сторонами — державами-наблюдательницами, Портой и, увы, лишь в определенной степени, самими ливанцами, представленными Административным советом.

В декабре 1912 г. в результате напряженных дипломатических усилий, державы-гаранты, с одной стороны, и младотурецкое правительство, с другой, выработали согласованный документ по Горному Ливану — протокол. Они согласились с необходимостью реформировать ливанскую систему налогообложения, схему формирования бюджета, а также увеличить численность местных внутренних войск. К тому времени новым ливанским мутасаррифом стал Оганес-паша (Куюмджян). Как пишет, турецкий профессор Энгин Акарлы, хотя дипломатам удалось договориться о нескольких конкретных шагах

²⁰ Там же. Л. 76–76 об.

²¹ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 413. Донесение из Бейрута в I Департамент МИД № 282 от 18 апреля 1912 г. Л. 75.

²² Б.Н. Батюшков так характеризовал его членов: «Состоит этот комитет почти целиком из лиц, стремящихся получить места, причем душою его является даже слишком энергичный и способный Хабиб Паша Саад (маронит), бывший депутат меджлиса и удаление коего своевременно сильно добивались Российское и В.-Британское Генеральные Консульства». См.: Там же. Л. 75 об.

²³ Там же. Л. 75.

в области финансов Горного Ливана, решающий вопрос оптимизации налогообложения был отложен. До того момента мутасарриф должен был организовать новую кадастровую съемку и перепись населения, подготовив в соответствии с этими данными предложения по налоговой реформе. Полномочия Административного совета были расширены, в частности, в подготовке бюджета Горного Ливана. Но османское правительство предполагало субсидирование ливанских реформ за счет увеличения налоговых сборов с самих ливанцев. «Всё еще борясь с катастрофическими последствиями Итальянской и Балканских войн, правительство Османской империи не могло решить финансовых проблем Горного Ливана»²⁴.

Неожиданное препятствие возникло со стороны ливанского Административного совета: поскольку налогообложение в соответствии с устаревшим кадастровым планом автономии было в интересах крупных землевладельцев и богатых маронитских монастырей, проведение кадастровой съемки затягивалось Советом, где ведущую роль продолжали играть марониты (при поддержке Франции). Тем самым, источник покрытия бюджетного дефицита на 1913–1914 финансовый год оставался неясным.

Мутасарриф попробовал обойти непреклонность ливанского Совета, ряд членов которого блокировали реформу: он попытался убедить имперское правительство заключить контракт с частным инженерным бюро в Бейруте с тем условием, чтобы после повышения налогов затраченные Портой на эти работы средства были возмещены из местного бюджета. Очевидно, что не имея еще достаточного опыта, мутасарриф наивно полагал, что Административный совет, получивший по протоколу широкие права в формировании статей бюджета, будет испытывать давление держав. Но европейские державы не достигли консенсуса в части изменений ст. 15 Статута, которая обязывала центральное правительство оплачивать расходы, превышающие доходы от налогообложения. Напротив, ливанский Совет, по протоколу 1912 г., мог накладывать вето на попытки поднять налоги, а свои расходные статьи повышать в надежде на покрытие их из имперской казны.

Далеко не только соображения политического влияния через местные общины руководило европейцами в отношении Ливана. Прямая экономическая заинтересованность заключалась

²⁴ Akarli, Engin Deniz. *The Long Peace: Ottoman Lebanon, 1861–1920*. Berkeley: Univ. of California Press, 1993. P. 122–123.

в привилегиях приобретения концессий и режиме торговых капитуляций²⁵. Стамбул воспользовался начавшимся летом 1914 г. военным противостоянием с Антантой и поставил вопрос об упразднении капитуляций. Вот, что писал тогда об этом российский генконсул: «Вскоре после объявления нынешней войны здесь распространилось известие, будто великий визирь циркулярно сообщил в Посольства в Константинополе, что Турция сохранит нейтралитет лишь на условии уничтожения капитуляций и привилегий. Слух этот вызвал величайшую тревогу среди христиан и особенно на Ливане, где все без различия вероисповедания испугались за свою дальнейшую судьбу. Последнее вызывается между прочим тем обстоятельством, что как раз за последнее время Ливан обсуждал вопрос об организации торговли в этой провинции товарами, отданными Османским Правительством монополиям (соль, табак, тумбеки), причем со стороны центрального управления всё время красной нитью проходит стремление распространить монополии в той или иной форме на Ливан. В виде противовеса, ливанцы требуют себе не предоставленного им статутном права вводить у себя монополии и встречают в этом энергичную поддержку г-на Пико»²⁶.

Следующий пассаж из донесения российского генконсула напрямую увязывает экономические интересы европейцев, вопрос ливанской автономии и возможные силовые действия против турецкой армии с участием ливанцев: «Из сопоставления этих фактов ливанцы заключают, что победа немецкой лиги (бывший тройственный союз) окажет на Турецкое Правительство влияние в смысле уничтожения трудов тройственного согласия (Антанты, «Entente cordiale», «Сердечного согласия». — А.С.), которое хлопотало об утверждении и даже расширении дарованных ливанцам привилегий, а французское здесь представительство думает добиться расширения территории этой привилегированной провинции путем возвращения ей долины Бекаа и присоединения города Бейрута²⁷. Уяснив себе этот вопрос, они с чрезвычайной опаской смотрят на воинственные приготовления Турции, каковые они объясняют себе намерением ее при первой

²⁵ См. подробнее: Ahmad, Feroz. Ottoman perceptions of the capitulations 1800–1914 // *Journal of Islamic Studies*, 2000, Vol. 11, Issue 1. P. 1–20.

²⁶ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 413. Донесение из Бейрута в I Департамент МИД № 599 от 31 июля 1914 г. Л. 526–526 об.

²⁷ И Бейрут, и долина Бекаа вошли впоследствии в созданное французами подмандатное государство Великий Ливан.

неудаче тройственного согласия кинуться на Россию и в нагрудку за эту помощь получить приятные для самолюбия младотурок награды — отмену капитуляций и привилегий, ливанцы дошли до того, что предлагают в таком случае парализовать часть армии турецкой, подняв восстание на защиту своих прав, но лишь при условии обозначения им поддержки со стороны некоторых Держав. Поддержка эта должна быть, как нравственная так и материальная, в виде снабжения ливанцев оружием и патронами, ибо теперь провинция эта очень мало вооружена»²⁸.

Не обошлось и без гражданского размежевания в среде сиро-ливанского населения, которое пролегло по границам конфессиональных общин, покровительствуемых разными европейскими государствами. «Мусульмане, — писал генконсул Батюшков, — вполне разделяют симпатии к немцам, заявляя, что если Германия победит, Турция сможет отменить свои капитуляции и поставить на место Ливан, "обыкновенную, мол, турецкую провинцию почему-то пользующуюся разными льготами и привилегиями", между прочим, служа[щую] убежищем для всех уклоняющихся от воинской повинности, или скрывающих своих животных. По последнему поводу у Валия был даже любопытный разговор с г-ном Пико, которому тот, возмущаясь, говорил, что пошлет войска в горы забрать всех беглецов и отобрать всех вьючных животных бейрутинцев. Французский Генеральный Консул советовал ему воздержаться от такого нарушения автономии Ливана, напомнив, что война будет не вечна, и что впоследствии придется Турции расплачиваться за всякое нарушение международных договоров, каким является и статут Ливана»²⁹. Органический статут, тем самым, был использован французским дипломатом как оружие воздействия на местного османского правителя (бейрутского вали). Угроза заключалась, по сути, в применении международно-правовых воздействий, вплоть до военных, в наказание за нарушение положений Статута.

Наш генконсул продолжал в этом ключе: «Несомненно также, что вали постарается распространить толкование отмены капитуляций в смысле уничтожения Ливанского статута, и командующий IV армией Зекки Паша является в этом его единомышленником.

²⁸ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 413. Донесение из Бейрута в I Департамент МИД № 599 от 31 июля 1914 г. Л. 526 об.-527

²⁹ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 413. Донесение из Бейрута в I Департамент МИД №624 от 9 августа 1914 г. Л. 533 об.

Эти вопросы сейчас волнуют Бейрут и Ливан и удручают их, так как они считают, что державы не будут ради них в настоящее время осложнять положение»³⁰. Иными словами, ливанцы сомневались, станут ли европейцы воевать за их благополучие, наподобие их спасительного вмешательства в конфликт в 1861 г. Желательный пример они видели в решительном противодействии туркам со стороны американцев и, по словам автора донесения, ливанцам «...удовлетворение доставляет повествование об американском стационаре в Константинополь, командир коего, будто бы, отказал снять аппарат беспроволочного телеграфа, и когда комиссия вернулась к пароходу, велел снять чехлы с орудий и поднять трап. Такой энергичный отпор подает им надежду, что так же поступят великие державы, когда турки начнут нарушать капитуляции и статут Ливана»³¹.

Противопоставление ливанцев турецкой администрации имело под собой не только внешние мотивы: в годы Первой мировой войны лишь окрепли те внутренние течения, которые уже сформировались в среде горно-ливанской интеллигенции, особенно в эмиграции. Наиболее активной в этом отношении стала ливанская диаспора в Египте. Политическое выражение ливанский партикуляризм получил в рамках Османской партии административной децентрализации, созданная в Каире 27 декабря 1912 г.³² В более широком плане вели дискуссии так называемые «ливанисты», не желавшие отказываться от автономии Горного Ливана. Они разрабатывали собственный дискурс и с этой целью основали в Каире и Александрии «Ливанский альянс» (*аль-Иттихад аль-любнани*), как пишет парижская историк Лейла Дахли, ассоциацию для продвижения исторической сирийско-ливанской идентичности, основанную на финикиизме, на особых качествах ливанцев, находившихся в самом перекрестье культур и цивилизаций, — с их выраженной коммерческой жилкой и открытостью для всего мира. Эта идейная конструкция служила опорой для обоснования культурной автономии ливанцев, их профессионального и национального своеобразия. Известно о проведении «Ливанским альянсом» большого мероприятия 2 ноября 1913 г. в каирском кинотеатре Le Paris, где была сделана попытка подвести

³⁰ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 413. Донесение из Бейрута в I Департамент МИД №724 от 13 сентября 1914 г. Л. 559.

³¹ Там же. Л. 560.

³² Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии (1908–1914 гг.). М.: Наука, 1986. С. 276.

итоги деятельности партикуляристов за 1909–1913 гг. и преобразовать ассоциацию в политический орган³³.

Впрочем, самостоятельность ливанцев в этом деле можно поставить под сомнение, поскольку результаты работы Альянса сводились, по сути, к разработке и укреплению франко-ливанской политической оси, а множество публикаций ливанских и французских авторов обосновывали не только необходимость самостоятельности ливанских территорий, но и их неразрывную связь с Францией... Как лаконично заключает цитируемый автор, «"Ливанский вопрос" родился»³⁴.

И действительно, ни Россия с ее историческим влиянием на ливанские дела и симпатией к ней целых общин Горного Ливана, ни Британия с ее откровенной ставкой на некоторые ливанские конфессиональные сообщества, ни Италия, прямо воевавшая с турками за североафриканские колонии, ни Германия с ее стратегическими планами на Ближнем Востоке, не смогли закрепить за собой в качестве «зоны особых интересов» Горный Ливан и получить от международного сообщества (через Лигу наций) санкцию на новую форму колониальной зависимости — мандат. Органический статут автономии Горного Ливана, являвшийся международно-правовым инструментом контроля над ливанскими делами сразу нескольких государств Европы, потерял силу в связи с начавшейся войной и распадом Османской империи. Но попытки дипломатического регулирования статуса ливанской автономии оркестром европейских стран представляет большой научный интерес, в том числе как историческая иллюстрация возможностей «мягкой силы» в сердцевинном регионе схождения интересов мировых держав. Документы архива российского внешнеполитического ведомства могут предоставить для исследований вопросов этого порядка богатейший материал.

Источники

АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 413.

АВПРИ. Ф. 180 Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 1375.

Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел / Издание Народного комиссариата по иностранным делам. Петроград, декабрь 1917. Вып. 1–5.

³³ Dakhli, Leyla. Une génération d'intellectuels arabes: Syrie et Liban (1908–1940) / l'École des Hautes Études en Sciences Sociales, l'Institut d'études de l'Islam et des Sociétés du Monde Musulman. Paris: Karthala, 2009. P. 76–78.

³⁴ Ibid. P. 78.

Литература

- Извольский А.П. Воспоминания / пер. с англ. А. Сперанского. Петроград — Москва: Петроград, 1924.
- Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии (1908–1914 гг.). М., 1986.
- Сейранян Б.Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX в. — 60-е годы XX в. / Ин-т востоковедения РАН. 2 изд., испр.; отв. ред. А.В. Сарабьев. М., 2018.
- Ahmad, Feroz. Ottoman perceptions of the capitulations 1800–1914 // *Journal of Islamic Studies*, 2000, Vol. 11, Issue 1. P. 1–20.
- Akarli, Engin Deniz. The Long Peace: Ottoman Lebanon, 1861–1920. Berkeley: Univ. of California Press, 1993.
- Dakhli, Leyla. Une génération d'intellectuels arabes: Syrie et Liban (1908–1940) / l'École des Hautes Études en Sciences Sociales, l'Institut d'études de l'Islam et des Sociétés du Monde Musulman. Paris: Karthala, 2009. (Collection «Terres et gens d'islam»).
- La politique française au Proche-Orient? Hier et aujourd'hui. Table-ronde avec Damien Beauchamp, Georges Corm, Jean Leca, Rémi Leveau, Olivier Mongin, Olivier Roy and Ghassan Salamé // *Esprit*, No. 127(6), Juin 1987. P. 54–80.

**УЧАСТИЕ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ
И ПАЛОМНИЧЕСТВА НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ
СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВСКОГО КРАЯ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Изучение места и роли России в мировой истории содействует укреплению гражданской идентичности и единству многонационального народа Российской Федерации. Поэтому необходимо творчески осмыслить и продвигать нравственные ценности, традиции и обычаи, характерные для российского общества, аккумулируя опыт членов Императорского Православного Палестинского Общества, который сложился в результате просветительской работы и организации паломничества на Святую Землю среди населения Мордовского края.

Главные факторы паломнических путешествий на Святую Землю из Мордовского края были связаны с народными религиозными чувствами, а финансовое подкрепление формировалось из частных пожертвований и так называемых палестинских сборов, проводившихся в Вербное воскресенье по всем храмам и монастырям России.

Паломничество в Мордовском крае известно с XVII века². В Православии оно приобрело характер благочестивого «хождения» по самым отдаленным уголкам, как главного способа распространения сакральных знаний. Паломники на своем пути оставляли богатейшие устные предания. Обычаи паломничества распространялись как на простых людей, так и на просвещенные слои населения. Это порождало у православных верующих единое чувство благоговения к национальным и общехристианским святыням. Долгое время паломничество носило стихийный характер и устойчивые паломнические маршруты к святыням у населения, проживавшего на территории современной Мордовии сложились лишь во второй половине XIX века³.

---

¹ Реброва Татьяна Павловна — секретарь Мордовского отделения МОО «ИППО», кандидат исторических наук, заместитель председателя республиканской общественной организации «Ассамблея народов Мордовии».

² Бахмутов С.Б. Из истории духовной культуры Мордовского края. Краеведческие очерки. Саранск, 2006. С. 168.

³ Там же. С. 170.

До революции 1917 года территория современной Мордовии входила в состав четырех губерний: Симбирской, Тамбовской, Нижегородской и большая часть в составе Саранского, Инсарского, Краснослободского, мордовских селений Наровчатского уездов — Пензенской губернии. Духовенство и жители данных уездов принимали активное участие в деятельности отдела Императорского Православного Палестинского Общества, открытого 30 января 1894 года под председательством епископа Пензенского и Саранского Павла. Из 100 членов, вступивших в общество при организации Отдела, 27 человек проживали в уездах Мордовии, в том числе в г. Саранске — 2, Саранском уезде — 10, в г. Краснослободске — 5, в Краснослободском уезде — 3, в Инсарском уезде — 7 ⁴.

В разные годы в числе действительных пожизненных членов Общества были: настоятельница Пайгармского Параскево-Вознесенского женского монастыря Инсарского уезда игуменья Евпраксия, протоиерей того же монастыря Иоанн Белозерский. Сам монастырь был основан почетным членом Императорского Православного Палестинского Общества пензенской дворянкой М.М. Киселевой, на средства которой были построены и два христианских храма на Святой Земле, в Назарете и Иерихоне. Память о великой благотворительнице Императорское Православное Палестинское Общество увековечило на мемориальной доске Александровского подворья в Иерусалиме. Пожизненными членами-сотрудниками Общества являлись: архимандрит Краснослободского Спасо-Преображенского монастыря Григорий, игуменья: Краснослободского Успенского монастыря Евагрия, Чуфаровского Троицкого монастыря Саранского уезда Евгения, Куриловского Тихвинского монастыря Саранского уезда Серафима, а также: благочинный 1 округа Инсарского уезда протоиерей Иоанн Щепотин, краснослободский купец И.Д. Голов; членами-сотрудниками с ежегодным взносом были: vikarий Пензенской епархии, епископ Краснослободский Григорий, благочинные Саранских градских церквей протоиерей Димитрий Охотин, 1 и 3 округов Саранского уезда протоиерей Иоанн Сатурнов и Валериан Успенский, 1, 2, 3 и 4 округов Инсарского уезда священник Константин Виноградов, протоиерей Василий Александровский, священники Николай Свищев, и Павел Конкретов, 2 и 3 округа Краснослободского уезда священники Алексей Гроздов и Василий Викторов;

⁴ Пензенские епархиальные ведомости. Часть официальная. «Отчет о деятельности Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за первый отчетный 1894–95 г. его существования (с 13 мая 1894 г. по 1 марта 1895 г.)». 1895. № 11. С. 111–123.

игумен Саранского Петропавловского монастыря Митрофан, священник Пайгармского монастыря Иоанн Кочетов, игуменья Краснослободского Троицкого монастыря Рафаила, священники Саранского уезда сел Подлесная Тавла Николай Рысаков, Воротники — Феодор Тихов, Архангельское Голицыно — Иоанн Феодосиевский, с. Ключищи Инсарского уезда Иоанн Шуструйский, с. Покровское Наровчатского уезда Михаил Прозоров, земский начальник П.А. Олферьев, нотариус В.П. Теплов (Саранск) инсарский уездный исправник П.И. Иванов, земский начальник М.Д. Макулов, городской голова купец Н.А. Ненюков (Краснослободск)⁵.

Члены ИППО занимались ознакомлением населения уездов со Святой Землей путем проведения народных чтений, раздачи книг, брошюр, листов. Как следует из «Отчета о состоянии и деятельности Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества» за 1899 год, деятельность Отдела, направляемая по правилам и указаниям Совета общества, состояла в распространении сведений о Святой Земле, состоянии в ней православия, о материальных и религиозных нуждах живущих в ней православных⁶. Чтения проводились не только в храмах, но и в школах, военных казармах, тюрьмах. В первые годы существования отдела чтения проводились в следующих уездах Мордовского края. Только в храме села Сивиньский завод Краснослободского уезда в конце 1890-х годов к ним присоединились жители сел Шувары, Новое Акшино — Инсарского, Ромоданово, Кочкурово — Саранского, Кочелаево — Наровчатского, Урей, Мамолаево, г. Троицк — Краснослободского уездов. Затем, как количество храмов, так и количество проводимых в них чтений, значительно возросло.

Так, в течение года, с 1 марта 1910 г. по 1 марта 1911 г., в селах Саранского уезда было проведено 45 чтений, Инсарского — 54, Краснослободского — 65, мордовских селах Наровчатского уезда — 25,

⁵ Пензенские епархиальные ведомости. Часть официальная. «Список членов Императорского Православного Палестинского Общества по Пензенскому Отделу к 1 марта 1898 г.». 1898, № 16. С. 203–206; там же: «Отчет о состоянии и деятельности Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за период времени с 1 марта 1898 по 1 марта 1899 г. Состав отдела». 1899, № 16. С. 146–147; там же: «Список почетных членов, действительных членов и членов-сотрудников, входящих в Пензенский отдел Императорского Православного Палестинского Общества. 1911, № 17. С. 666–673.

⁶ Пензенские епархиальные ведомости. Часть официальная. «Отчет о состоянии и деятельности Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за период времени с 1 марта 1898 по 1 марта 1900 г.». 1900, № 16. С. 148–154.

всего 189. При проведении чтений о Святой Земле в этом году наиболее отличились: священник церкви с. Унуевский Майдан Инсарского уезда Иоанн Европейцев, который провел 13 чтений и с. Колопино Краснослободского уезда Феодор Каменский — 11 чтений. В 1913 году было проведено чтений в г. Саранске — 54, уезде — 186, в г. Инсаре — 8, уезде — 380, в г. Краснослободске — 32, уезде — 416, в мордовских селах Наровчатского уезда — 166, всего — 1658 чтений. В отчете о деятельности Пензенского отдела Императорского Палестинского Православного Общества сохранился «список особо потрудившихся в 1910–1911 гг. в деле устройства чтений о Святой Земле»⁷.

Кроме уплаты членских взносов члены Общества занимались сбором пожертвований на нужды православных христиан в Иерусалиме и на Святой Земле путем кружечных и тарелочных сборов в церквях, в местах проведения чтений, продаж паломнических билетов и др. Так, в 1910 году на эти цели было пожертвовано архимандритом Саранского Петропавловского монастыря Алексеем — 20 руб., игуменьей Пайгармского монастыря Евпраксией — 14 руб. и др. За собранные средства неоднократно получались благодарности Председателя ИППО Великой Княгини Елизаветы Федоровны⁸.

В фонде Саровского монастыря, хранящегося в Центральном государственном архиве Республики Мордовия, имеются документы о связи этого монастыря со Святой Землей, а именно:

- «Описание мест, связанных с Иисусом Христом в Иерусалиме», составленное во время пребывания монахов Саровского монастыря в этом городе;

- сообщение Тамбовской Духовной консистории игумену Саровского монастыря Иерофею об оставлении иеромонаха Саровской пустыни Фотия по ходатайству начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида в этой миссии на третий срок;

- удостоверение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, выданное иеромонаху Саровской пустыни Фотию о службе в миссии в течение 15 лет;

⁷ Пензенские епархиальные ведомости. Часть официальная. «Отчет о состоянии и деятельности Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за период времени с 1 марта 1910 по 1 марта 1911 г.». 1911, № 17. С. 558–673.

⁸ Пензенские епархиальные ведомости. Часть официальная. «Рескрипт Председателя Императорского Православного Палестинского Общества Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны на имя Преосвященнейшего Митрофана, Епископа Пензенского и Саранского от 23 января 1914 г. № 12» 1914, № 5. С. 121–123.

– заграничный паспорт монаха Саровского монастыря Парфения, направленного в Иерусалим и др.⁹

Так же в фондах Саровского монастыря хранится дело «О доставлении Палестинскому Обществу рукописи иеромонаха Милетия о путешествии его в 1794 году в Иерусалим» и сама рукопись. Интересна для изучения просветительской деятельности членов Императорского Православного Палестинского Общества в Мордовском крае переписка Тамбовского отделения ИППО с настоятелем Саровской Пустыни Игуменом Иерофеем о денежных переводах в пользу Иерусалимской Церкви; на нужды православных христиан в Иерусалиме и Святой Земле; на улучшение быта православных паломников. Сохранились также бланки денежных переводов и др.

Обращение к теме организации просветительской работы и паломничества на Святую Землю в уездах Мордовского края в дореволюционной России, а именно: изучению различных форм просвещения населения, исторической роли в этом подвижническом служении обществу членов Императорского Православного Палестинского Общества носит закономерный характер.

22 декабря 2017 года по благословению Митрополита Саранского и Мордовского Зиновия в Саранске состоялось учредительное собрание, на котором было создано Мордовское отделение МОО «ИППО». Знакомство с просветительской деятельностью членов Императорского Православного Палестинского Общества среди населения Мордовского края, проживавшего на территориях Симбирской, Тамбовской, Нижегородской и Пензенской губерниях, позже вошедших в состав современной Мордовии, распространение знаний о Святой Земле, формах паломнической деятельности является одним из приоритетных направлений работы Мордовского отделения Императорского Православного Палестинского Общества в новых исторических условиях ¹⁰.

⁹ Центральный Государственный архив Республики Мордовия. Ф–1. Оп. 1. Д. 489, л. 58–61; Д. 1255. Л. 65; Д. 1255. Л. 92 об.; Д. 332.

¹⁰ См.: сайт Саранской епархии — www.sarep.ru; сайт Императорского Православного Палестинского общества — www.ippo.ru

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПАЛОМНИЧЕСТВА В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ ВЛАДИМИРСКИМ ОТДЕЛОМ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Важным дополнением усилий русских дипломатов по укреплению влияния России на Ближнем Востоке являлась паломническая активность российских подданных, посещавших Святые места. Эти поездки не только способствовали расширению русского духовного присутствия в этом регионе, но и развивали неформальные контакты, «народную» дипломатию, помогавшую поддерживать заинтересованность местного населения в отношениях с Россией. Немаловажным было и то, что паломнические поездки привлекали внимание самых разных слоев общества к активности Российской империи в ближневосточном регионе и формировали в обществе понимание необходимости и важности деятельности дипломатов и Русской Православной Церкви, направленной на расширение российского присутствия в Святой Земле.

В связи с этим организация поездок русских паломников к Святым местам Вселенского Православия приобретала важное значение для действия дипломатической работе на Ближнем Востоке. Решением этой задачи в конце XIX — начале XX веков активно занималось Православное Палестинское Общество, созданное в 1882 году и занявшее заметное место в духовной жизни Российской империи. Общество с самого начала находилось под покровительством императорской фамилии, а в 1889 году получило статус Императорского. Председателем общества с момента его образования был генерал-губернатор Москвы, дядя императора Николая II, Великий Князь Сергей Александрович. После

---

¹ Чайковская Нина Владимировна — доктор экономических наук, председатель Муромского отделения МОО «ИППО» во Владимирской обл., директор Муромского института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых».

² Кузнецов Игорь Владимирович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и правовых дисциплин Муромского института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых».

его трагической гибели в феврале 1905 года руководство Обществом взяла на себя его жена Великая Княгиня Елизавета Федоровна.

Первоначально Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) имело только центральные органы, но уже в середине девяностых годов XIX века начался активный процесс создания отделов Общества на местах. Среди первых в апреле 1895 года был образован Владимирский отдел ИППО, который возглавил архиепископ Владимирский и Суздальский Сергей.³ По его инициативе во «Владимирских епархиальных ведомостях», предваряя организацию отдела, были опубликованы Устав ИППО и другие руководящие документы Общества, определявшие направления и порядок деятельности местных его отделов.

Устав Общества определял среди его главных целей распространение в России сведений о Святых местах Востока и содействие православным паломникам этих мест. Общество отмечало давние традиции паломничества к Святым местам, зародившиеся еще в Древней Руси, и придавало ему большой внутренний смысл, видя в нем стремление простого русского человека «к высшему идеалу, который во многих случаях и выше, и чище идеалов, преследуемых так называемыми образованными людьми».⁴

Задачи местных отделов разъяснялись в Руководящих правилах для действия местных отделов и уполномоченных Императорского Православного Палестинского Общества. Эти правила стали основой для организации работы Владимирского Отдела ИППО. Руководящие правила подчеркивали тесную связь между развитием паломничества к Святым местам Востока и ознакомлением православных верующих с прошлым и настоящим Святой Земли, поскольку истинное сочувствие возможно лишь тому, что знаешь и понимаешь.

Наиболее продуктивной формой такой религиозно-просветительской работы стало, в соответствии с рекомендациями Совета ИППО, проведение бесед и чтений о Святой Земле, как правило, приуроченных к дням Великого Поста. Беседы сопровождались раздачей книг, брошюр и других материалов, полученных Владимирским отделом из Петербурга. Совет Общества рекомендовал использовать книги М.П. Соловьева «Святая Земля и Императорское Православное

³ Владимирские епархиальные ведомости. — 1895. — 1 июня (№ 11).

См. также Балдин, К.Е. Создание Владимирского отдела Императорского Православного Палестинского Общества (1895 г.) [электронный ресурс] / К.Е. Балдин. — Режим доступа: <http://www.ippo.ru/historyippo/article/sozdanie-vladimirskogo-otdela-imperatorskogo-pravo-200431>.

⁴ Владимирские епархиальные ведомости. — 1895. — 15 февраля (№ 4).

Палестинское Общество», «Святая Земля и Россия», «По Святой Земле» С.И. Пономарева, «Неделя в Палестине» В.Н. Хитрово, а также брошюры: «Поездка в Палестину», 12 выпусков «Чтений о Святой Земле», «Русские богомольцы в Святой Земле».

При этом руководство Владимирского отдела ИППО стремилось охватить как можно более широкую аудиторию, в том числе и крестьянскую. В отчете отдела за 1898 год указано, что в Муромском уезде чтения о Святой Земле проводились как в ближайших к уездному городу Карачаровском и Панфиловском, так и в удаленных Красненском, Арефинском, Зяблицком и Яковлевском приходах.⁵ Чтения сопровождались организацией тарелочных и кружечных сборов, средства от которых передавались в ИППО. Рассказы о христианских святынях Ближнего Востока и поездках в Святую Землю, очевидно, находили отклик у прихожан, поскольку они проявляли достаточно высокую активность в пожертвованиях. Например, священник удаленного Арефинского прихода Петр Соколов собрал для Общества 20 рублей, что составляло немалую сумму для сельской местности.⁶

Успех проводившихся Обществом чтений во многом зависел от личных качеств священников. Так, в городе Муроме центром деятельности ИППО стал кафедральный собор Рождества Богородицы, где чтения о Святой Земле привлекали прихожан благодаря проповедническому таланту служившего там протоиерея Алексея Боброва, члена-сотрудника Общества. Отец Алексей за свою работу и регулярные пожертвования в пользу Общества был не раз отмечен благодарностями Владимирского отдела Императорского Православного Палестинского Общества.⁷

Организация чтений и бесед помогала добиться того, чтобы паломничество в Святую Землю стало настоящей духовной школой для верующего. Одновременно верующие могли получить разъяснения, касающиеся организации паломнических поездок при поддержке Общества, которое сделало очень многое, чтобы такие поездки стали более доступными и удобными. Желающие совершить паломничество могли получить информацию о проезде, местах проживания, порядке оформления паспортов и других документов, им рассказывали и о возможности получить необходимую помощь в случае возникновения проблем. Информация о паломнических поездках публиковалась и в губернской прессе, прежде всего во «Владимирских епархиальных ведомостях». Чтобы облегчить путь паломников к святыням Ближнего

⁵ Владимирские епархиальные ведомости. — 1898. — 1 мая (№ 9).

⁶ Там же.

⁷ Владимирские епархиальные ведомости. — 1914. — 15 февраля (№ 7).

Востока согласно указаниям Совета Общества Владимирский отдел ИППО организовал в губернском центре продажу паломнических книжек, позволявших удешевить проезд.

Финансирование паломнических поездок составляло одну из главных статей расходов Императорского Православного Палестинского Общества, поэтому местные отделы уделяли большое внимание организации сборов средств в пользу Общества. С этой целью проводилось два вида сборов: единовременный в Вербную неделю и круглогодичные кружечные сборы. Порядок сбора и пересылки собранных денег четко регламентировался Руководящими правилами. Согласно отчетам Владимирского отдела, сборы ежегодно давали несколько тысяч рублей.

Другими источниками средств для финансирования деятельности ИППО были членские взносы и пожертвования. В первые годы существования Владимирского отдела число его членов быстро росло (за три года, с 1895 по 1898, оно увеличилось с 19 до 89 человек).⁸ Среди членов Императорского Православного Палестинского Общества особенно выделялись те, кто внес единовременно 500 рублей и получил статус пожизненного действительного члена. Как правило, это были представители купечества, отличавшиеся не только богатством, но и благочестием. В качестве примера можно привести потомственного почетного гражданина, купца 2 гильдии с. Жайское Муромского уезда Иродиона Гавриловича Быкова, построившего на свои средства церкви в двух приходах. Он внес по 500 рублей за себя и своего сына Ивана, а позднее пожертвовал еще 47 рублей. Общая сумма взносов членов Владимирского отдела ИППО в конце XIX века составляла более 2225 рублей. Все средства перечислялись руководству Императорского Православного Палестинского Общества, способствуя дальнейшему развитию его деятельности.

Литература

1. Владимирские епархиальные ведомости. — 1895. — 1 июня (№ 11).
См. также Балдин, К.Е. Создание Владимирского отдела Императорского Православного Палестинского Общества (1895 г.) [электронный ресурс] / К.Е. Балдин. — Режим доступа: <http://www.ippo.ru/historyippo/article/sozdanie-vladimirskogo-otdela-imperatorskogo-pravo-200431>.
2. Владимирские епархиальные ведомости. — 1895. — 15 февраля (№ 4).
3. Владимирские епархиальные ведомости. — 1898. — 1 мая (№ 9).
4. Владимирские епархиальные ведомости. — 1914. — 15 февраля (№ 7).

---

⁸ Владимирские епархиальные ведомости. — 1898. — 1 мая (№ 9).

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИД РОССИИ И ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ СЕРГИЕВСКОГО ПОДВОРЬЯ В ИЕРУСАЛИМЕ

Регион Ближнего Востока всегда играл ведущую роль в истории человечества. Именно на Святой Земле на протяжении всей истории находился центр формирования международной политики, здесь определялся вектор развития стран и народов. Происходит это и по сей день.

С падением Византийской империи и укрепляющимся владычеством на Ближнем Востоке исламских государств и, в первую очередь, Османской империи, многие страны постепенной начали осознавать значимость поддержки христианских общин и христиан, проживающих в этом регионе, благодаря которым было возможно сохранить христианские святыни, а также помочь тысячам паломников со всей Европы прикоснуться к ним и совершить молитву. Полностью провалившаяся насильственная политика Крестовых походов в Средние века привела к пониманию необходимости проведения иной политики, мирными методами, путем просвещения, заботы о местном населении и создании необходимой инфраструктуры на этой благословенной земле.

Российская Империя, как преемница Византии, особенно глубоко осознавала значимость поддержки христиан на Ближнем Востоке, и приняла на себя ведущую роль в решении этого исторического вопроса. Созданный Всероссийским Императором Александром I в 1819 г. Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской Империи совместно с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме и Императорским Православным Палестинским Обществом, стали ведущими инструментами русской ближневосточной политики и остаются ими до сих пор. Как известно, благодаря усилиям и ежедневной титанической работе этих трех формально независимых друг от друга, но всегда тесно работающих плечом к плечу организаций, менее чем за 100 лет на Святой Земле была создана большая и развитая инфраструктура, включающая в себя более 100 русских школ, ряд подворий, православных храмов, больниц — более 200 объектов всего. Первая

---

¹ Бурдыга Даниил Олегович — и.о. управляющего делами МОО «ИППО».

мировая война, Октябрьская революция в России привели сначала к фактической, а печально известное Соглашение между правительствами СССР и Государством Израиль в 1964 г., получившее неофициальное название «апельсиновая сделка», и к юридической потере связи собственника с большей частью своего имущества. Разрыв дипломатических отношений между СССР и Израилем в 1967 г. только привел к усугублению данной ситуации. Восстановление в 1991 г. дипломатических отношений между Россией и Израилем, а также возвращение Императорскому Православному Палестинскому Обществу в 1992 г. его исторического названия и придания ему статуса международной общественной организации открыли новую страницу в истории русского присутствия на Святой Земле.

В декабре 2019 г. исполнится десять лет знаменательного события в современной истории России — возвращения в российскую собственность символа русского присутствия на Святой Земле — Сергиевского подворья в Иерусалиме. Сегодня, как и более ста лет назад, над ним вновь развевается флаг Императорского Православного Палестинского Общества — старейшей в нашей стране неправительственной международной общественной организации.

В 1886 г. уполномоченный ИППО в Иерусалиме Дмитрий Дмитриевич Смышляев приобрел у частного лица за сумму в 11 469 рублей участок земли в городе размером 4 тыс. 252 м². Для проектирования здания он же пригласил иерусалимского архитектора Георгия Франга. Потребность в строительстве подворья была вызвана растущим числом русских паломников, желающих поклониться православным святыням, а также необходимостью улучшения их бытовых условий. Средства на строительство были выделены самим Обществом. Основные строительные работы были закончены в 1889 г., а 29 апреля над угловой башней подворья был поднят флаг ИППО, и осенью того же года здание приняло первых паломников.

На подворье находились комнаты первого, второго и третьего классов, кухня, столовая, библиотека, музей, водогрейная, народная трапезная. Из всех русских построек в Иерусалиме только здесь имелись баня и прачечная. Также подворье было официальным местом расположения администрации ИППО вплоть до начала Первой мировой войны. К 1914 г. среднее количество останавливающихся на подворье паломников достигало 10 тыс. человек в год.

По законам Османской империи Общество не имело статуса юридического лица и не могло оформить участок и здание подворья в собственность. Поэтому в 1887 г. оно было записано на имя секретаря

организации Михаила Петровича Степанова. В 1895 г., когда появилась соответствующая возможность, Российская Империя попыталась перевести подворье в государственную собственность. Однако к моменту подписания указа султана о передаче зданий в собственность зарубежным миссиям, русское посольство в Константинополе не успело включить документы о Сергиевском подворье в Иерусалиме в пакет документации, представленной правительству Османской империи. Поскольку в собственность государства подворье оформить не удалось, в мае 1899 г. его формальным собственником стал Председатель Общества, московский генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович (отсюда пошло историческое название подворья — Сергиевское).

После Первой мировой войны и революции 1917 г., связь России с Палестиной прервалась на несколько десятилетий. Палестина с 1922 г. была передана Лигой Наций в подмандатное управление Великобритании. Сергиевское подворье в Иерусалиме было захвачено и сдавалось английскими колониальными властями в аренду. Из-за его неопределенного правового статуса неоднократные попытки советского правительства признать здание собственностью СССР (нота представителя РСФСР в Лондоне Л.Б. Красина от 18 мая 1923 г., ноты 5 марта и 17 сентября 1945 г.) не имели успеха. Ввиду того что формальным собственником подворья был Великий Князь Сергей Александрович, трагически погибший в 1905 г. и не успевший оставить распоряжений относительно имущества, подворье продолжало считаться частной собственностью.

Начиная с 1948 г., после образования Государства Израиль, СССР не оставлял попытки добиться признания подворья и другого недвижимого имущества ИППО собственностью советского государства как правопреемника Российской Империи. Некоторые постройки были признаны таковыми и вошли в т. н. «апельсиновую сделку», заключенную 7 октября 1964 г. В соответствии с условиями этого соглашения Израиль выкупил у СССР 22 объекта недвижимости общей площадью около 167 тыс. м², приобретенных и построенных в Палестине ИППО, Русской Духовной Миссией и Российской Империей до 1917 г. По сделке Израиль расплатился текстилем и двумя баржами апельсинов на общую сумму \$4,5 млн. Однако Сергиевское подворье в Иерусалиме в этот список проданного имущества не вошло. С марта 1951 г. по июнь 1967 г. восточное крыло подворья занимали представители правопреемника ИППО — Российского Палестинского Общества при Академии наук СССР. В 1952 г. израильский суд передал подворье государственному опекуну.

В 1967 г. в результате Шестидневной войны Израиль нанес крупное поражение Египту и Сирии, пользовавшимся поддержкой СССР.

Вслед за этим Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем, сотрудники РПО при АН СССР покинули Сергиевское подворье в Иерусалиме. С тех пор вплоть до 2008 г. здание занимали арендаторы, среди которых было, в частности, министерство сельского хозяйства Израиля.

Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 25 мая 1992 г. за № 2835-1, которым ИППО было переведено под юрисдикцию Российской Федерации, а правительству Российской Федерации было рекомендовано «принять необходимые меры по практическому восстановлению и возвращению ИППО имущества (архивов, книжных фондов, культурных и других исторических ценностей) по имеющимся документам и другим официальным свидетельствам». Это дало юридическую возможность в новых условиях возобновить работу по возвращению Сергиевского подворья в Иерусалиме. Другим исходным пунктом было распоряжение Правительства Российской Федерации за № 832 от 1993 г., которым предусмотрена передача помещений восточного крыла Сергиевского подворья под Представительство ИППО на Ближнем Востоке.

Вместе с тем представители Израиля продолжали считать Сергиевское подворье в Иерусалиме частной собственностью и на этом основании отказывались вести речь о его возвращении в пользование ИППО. В начале 2000-х гг. началась активизация деятельности Императорского Православного Палестинского Общества, в том числе и по возвращению комплекса зданий Сергиевского подворья в Иерусалиме.

В конце 2004 г. делегация ИППО в составе: Председателя Общества, члена-корреспондента РАН Я.Н. Щапова, зампреда Комитета по международным делам Госдумы РФ Н.А. Нарочницкой, заместителя директора департамента МИД России О.Б. Озерова, сотрудников Российской академии наук, заместителя Председателя ИППО Н.Н. Лисового и руководителя Научной секции ИППО А.В. Назаренко, гендиректора Паломнического центра Московского Патриархата С.Ю. Житенёва, члена Совета ИППО С.В. Лукши, посетила Грецию, Израиль, Палестину и Египет. В Иерусалиме на встречах в МИД Израиля с юридическим советником израильского правительства Э. Кейнаном и начальником управления по делам неиудейских вероисповеданий МВД Израиля С. Марджи обсуждались вопросы регистрации ИППО, восстановления его прав собственности, в том числе на комплекс зданий Сергиевского подворья в Иерусалиме, возможная деятельность Общества по организации паломничества и развешиванию его культурных программ в Израиле.

Тогда же делегация в сопровождении заведующего отделом по делам религии местного Минюста Г. Гилана посетила Сергиевское

подворье в Иерусалиме, осмотрев историческую штаб-квартиру ИППО. Этого удалось добиться впервые после 1989 г. Осмотр показал, что указанное помещение находится в крайне запущенном состоянии, используется израильянами под склад. Дополнительный ущерб квартире был нанесен в результате пожара в августе 2004 г., причины возникновения которого так и остались невыясненными. В ходе того пожара полностью выгорела крыша над Восточным корпусом подворья. Поездка делегации ИППО показала востребованность Общества на Ближнем Востоке в качестве негосударственной структуры, способствующей развитию дружеских отношений между народами России и Святой Земли. Поездка также подтвердила продуктивность взаимодействия ИППО с МИД России, Русской Православной Церковью, парламентскими, научными и общественными организациями России.

В феврале 2005 г. делегация ИППО в составе: Н.Н. Лисового и С.Ю. Житенёва, продолжила переговоры, начатые в декабре 2004 г., с Шмуэлем Зивом, старшим инспектором департамента генерального опекуна Министерства юстиции Израиля, по вопросам возвращения Обществу квартиры ИППО на Сергиевском подворье в Иерусалиме. В переговорах, помимо членов делегации, принимали участие: начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Елисей (Ганаба), атташе по вопросам культуры посольства России в Израиле В.М. Морозов и адвокат Славик Роденко. Делегация ИППО передала Ш. Зиву надлежащим образом оформленный акт о состоянии квартиры Общества в Сергиевском подворье в Иерусалиме от 5 декабря 2004 г., а также список документов, подтверждающих права Общества на указанные помещения. В ходе переговоров Ш. Зив заявил, что Сергиевское подворье в Иерусалиме не внесено в государственный кадастр собственности Израиля и является спорным объектом и что, пока никто официально не сделал заявления о своем праве собственности на это имущество, ремонт помещений могут делать только собственники или официальные арендаторы.

В марте 2005 г. делегация ИППО в составе: Н.Н. Лисового и С.Ю. Житенёва, посетила посольство России в Израиле. В посольстве состоялась встреча с советником-посланником А.В. Демидовым и советником А.Л. Юрковым, которые согласились с предложением делегации ИППО о том, что во время визита Президента России В.В. Путина в Израиль необходимо поднять в ходе переговоров на высшем уровне вопрос о возвращении ИППО Сергиевского подворья в Иерусалиме. Дипломаты заверили делегацию ИППО в том, что в рамках их полномочий они будут и впредь оказывать поддержку деятельности Общества в Израиле.

Этот визит делегации ИППО на Святую Землю носил конструктивный и деловой характер, практическим его результатом было прояснение конкретных шагов дальнейшей работы ИППО совместно с МИД России и Русской Духовной Миссией в Иерусалиме по возвращению Сергиевского подворья, т. к. переговорный процесс с Минюстом Израиля впервые был поставлен на юридическую основу. В 2005 г. вопрос о возвращении Сергиевского подворья в Иерусалиме российской стороне был также поднят Министром иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавровым на переговорах с израильской стороной.

Дальнейшие события хорошо известны. ИППО подготовило при поддержке МИД России заявку в израильский суд на возвращение подворья России. Важную роль в этом сыграл член Общества, видный российский дипломат В.Л. Журавлев, собравший в архивах МИД России часть необходимых документов о праве ИППО на Сергиевское подворье. Основная часть документов была собрана заместителем Председателя ИППО Н.Н. Лисовым и оформлена членом Совета ИППО О.Б. Озеровым. С согласия МИД России эти документы были привезены в апреле 2005 г. ученым секретарем ИППО С.Ю. Житенёвым в Иерусалим и от имени Общества в апреле 2005 г. были официально внесены адвокатом С. Роденко в израильский суд.

Однако, совершенно очевидно, что быстрого продвижения в вопросе возвращения подворья нашей стране не было бы, если бы не твердая и ясная позиция Президента Российской Федерации В.В. Путина, который в ходе своего визита в Израиль 27–29 апреля 2005 г. в сопровождении министра иностранных дел России С.В. Лаврова посетил подворье и дал соответствующие директивы МИД России — предпринять все необходимые меры по возвращению этой собственности нашей стране. Обращение Общества в суд в этой ситуации стало важным элементом давления на израильскую сторону, что неоднократно обсуждалось на двусторонних российско-израильских переговорах по российской недвижимости в Иерусалиме.

Вопрос о судьбе Сергиевского подворья в Иерусалиме вновь был поднят в ходе беседы Президента России В.В. Путина с премьер-министром Израиля А. Шароном 28 мая и 7 сентября 2005 г. Президент России В.В. Путин направил два послания Президенту Израиля М. Кацаву по подворью. В ответном послании Президент Израиля сообщил, что им были даны соответствующие указания по изучению сложившейся ситуации. В ходе переговоров и консультаций, в том числе во время визита в Москву 3 июля и телефонного разговора 5 июля 2006 г., министр иностранных дел Израиля Ц. Ливни подтвердила С.В. Лаврову намерение

израильской стороны положительно решить вопросы российской недвижимой собственности в Иерусалиме. Была достигнута договоренность о создании соответствующего межмидовского механизма.

По результатам трех туров межмидовских консультаций с участием представителей ИППО израильская сторона только в июне 2007 г. заявила о готовности начать процедуру по перерегистрации Сергиевского подворья в Иерусалиме в собственность Российской Федерации. При этом израильская сторона взяла на себя обязательство завершить регистрацию в шестимесячный срок, сразу по получении двух документов: гарантийного письма российской стороны взять на себя выплаты по искам, которые могут быть внесены израильскому правительству и выиграны в суде другими претендентами в связи с перерегистрацией (так называемое *Letter of Indemnity*), и нотариально заверенного отказа ИППО от притязаний на эту недвижимость, заявленных в письме в Управление государственного опекуна от 20 апреля 2005 г., подписанном официальным представителем ИППО С.Ю. Житенёвым. Израильская схема перерегистрации предусматривала два этапа: вначале — перевод Сергиевского подворья в собственность Государства Израиль, затем — его перерегистрация на Российскую Федерацию. По мнению израильской стороны, вся юридическая процедура должна была занять не более шести месяцев. При этом израильтяне не имели возражений против последующей передачи пустовавших с 1967 г. помещений подворья в пользование ИППО.

Качественно новое измерение в работе по возвращению Сергиевского подворья появилось, благодаря избранию в июне 2007 г. Председателем ИППО С.В. Степашина, который тут же со всей присущей ему энергией включился в эту деятельность. И вот, 6 августа 2007 г. российское посольство в Тель-Авиве направило в МИД Израиля ноту за № 119-п, где было сказано, что «российская сторона ожидает от Министерства иностранных дел Израиля официальной ноты, в которой будет заявлено о начале процесса регистрации Сергиевского подворья в качестве собственности Российской Федерации». К ноте были приложены отказ ИППО от претензий на право собственности на Сергиевское подворье в Иерусалиме за подписью С.В. Степашина, а так же гарантийное письмо за подписями С.В. Лаврова и С.В. Степашина. Правда, израильская сторона не приняла последний документ и в последующем настояла на представлении гарантийного письма от имени Правительства России, что и было сделано за подписью его председателя В.А. Зубкова.

6 сентября 2007 г. координатор по вопросам российской недвижимости в МИД Израиля, посол по специальным поручениям Э. Маргалит,

сославшись на мнение экспертов Минюста и Минфина, сообщил, что обязательства российской стороны, содержащиеся в гарантийном письме, не являются достаточными с точки зрения израильского законодательства, поскольку они сводятся к компенсации расходов, непосредственно связанных с перерегистрацией, тогда как израильтяне могли бы устроить только формулировки, содержащиеся в их проекте, передававшемся нам ранее: об «обязательстве компенсировать любые платежи и/или расходы, которые могут быть возложены на Государство Израиль в соответствии с постановлением суда по возможным претензиям в связи с перерегистрацией Сергиевского подворья на имя Российской Федерации».

Большую роль в возвращении Сергиевского подворья России сыграло подписанное С.В. Степашиным и архиепископом Берлинским и Германским Марком Русской Православной Церкви за границей 31 октября 2007 г. Соглашение о долгосрочном сотрудничестве между ИППО и ППО в Святой Земле, в котором стороны договорились вести дело к объединению двух обществ. В нем также говорится о содействии двух структур восстановлению прав собственности на Сергиевское подворье в Иерусалиме. Без этого соглашения невозможно было организовать дальнейшую работу по укреплению российского присутствия в Святой Земле.

В ноябре 2007 г. израильтяне дали согласие включить в текст своей обменной ноты следующее обязательство: «Сразу по окончании процесса перерегистрации Правительство Израиля будет готово вступить в переговоры с Правительством Российской Федерации по вопросу о тех помещениях Сергиевского подворья, которые заняты арендаторами». В этот момент действия Председателя ИППО С.В. Степашина снова сыграли важную и конструктивную роль. 15–19 ноября 2007 г. он, находясь в Израиле во главе делегации Счетной палаты России в сопровождении представителей МИД Израиля и Управления государственного опекуна, посетил Сергиевское подворье в Иерусалиме, а также встретился с вице-премьером израильского правительства А. Либерманом. Он передал ему послание В.В. Путина, в котором вновь был затронут вопрос о Сергиевском подворье. Нашим посольством в Тель-Авиве в этой связи было внесено предложение приурочить к визиту С.В. Степашина обмен нотами с израильтянами. Тут уже пришлось импровизировать российскому посольству. Его руководством было принято решение провести предварительный обмен нотами с МИД Израиля для того, чтобы как можно быстрее начался обратный отсчет шестимесячного срока перерегистрации. В дополнение к августовской ноте Э. Маргалиту 12 декабря 2007 г. была вручена (под эмбарго) нота с приложением гарантийного письма

за подписью нашего посла России в Израиле П.В. Стегния. В свою очередь, израильтяне передали нам собственную обменную ноту, текст которой был согласован еще в ноябре того же года.

Далее события развивались драматически. 14 декабря 2007 г. в газете «Маарив» появилась статья о состоявшемся обмене нотами, что нарушило конфиденциальный характер процесса перерегистрации. Одновременно в СМИ была вброшена тема о претензиях на наследство Великого Князя Сергея Александровича его дальнего родственника по боковой линии английского принца Филиппа, герцога Эдинбургского. В тот же день в письме на имя заместителя генерального директора МИД Израиля по СНГ, Центральной и Восточной Европе П. Авиви российский посол выразил надежду, что ситуация вокруг Сергиевского подворья в Иерусалиме будет возвращена в конфиденциальное русло, на что в письме П. Авиви на его имя был дан положительный ответ.

И вот, 10 января 2008 г., по завершении согласования вопроса о направлении нового гарантийного письма в Правительстве и Минфине России, что было достигнуто благодаря энергичным действиям председателя ИППО С.В. Степашина и при полной поддержке МИД России, российское посольство смогло проинформировать П. Авиви о том, что считает процедуру обмена нотами завершенной начиная с указанной даты. В МИД Израиля была передана нота посольства от 12 декабря 2007 г. с приложением гарантийного письма. В текст письма была внесена одна поправка (российская сторона теперь «не гарантирует», а «берет на себя обязательство» компенсировать возможные израильские расходы). В ответном письме П. Авиви подтвердил обязательство израильской стороны начать процесс перерегистрации с целью завершить его в течение шести месяцев, т. е. к середине июля 2008 г.

14 января 2008 г. Управление госопекуна подало заявление в Иерусалимский окружной суд с просьбой перерегистрировать в соответствии с законом Сергиевское подворье в Иерусалиме на Государство Израиль как собственность, чей владелец находится в отсутствии более 15 лет. Одновременно в газете «Едиот Ахронот» было опубликовано объявление, в котором говорилось, что судебное заседание по подворью состоится спустя три месяца после подачи заявления и что в этот срок судом могут приниматься заявки других претендентов. Иными словами, все желающие имели возможность подать заявки на владение Сергиевским подворьем до 14 апреля 2008 г. включительно.

Права России на подворье пыталась оспорить структура, именуемая себя Палестинским обществом в Париже (Т. Каменева), и раскольническая, отколовшаяся от Палестинского Православного Общества

в Святой Земле структура, от имени которой некто Н. Гофман-Воронцов продолжает идентифицировать ее с ИППО, созданным в России в 1882 г. Соответственно, в феврале и мае 2008 г. ими были направлены письма на имя министра иностранных дел Израиля Ц. Ливни с требованием приостановить перерегистрацию. Однако реальных шансов на удовлетворение этих исков у подобных структур не было, но они затягивали решение вопросов по подворью.

Принятие судебного решения по подворью, планировавшееся на апрель 2008 г., затянулось на практике на два с половиной месяца. Фактором, затормозившим назначение даты судебного заседания, стало поданное в суд 14 апреля 2008 г., то есть в последний день подачи заявлений, обращение Общества охраны природы с просьбой принять в нем участие. Поскольку Общество было, в отличие от Минсельхоза, незащищенным арендатором, оно изначально выразило крайнюю обеспокоенность тем, что после передачи подворья России, оно может быть на законном основании оттуда выселено. Ведущий дело судья долго не мог определиться по вопросу о допуске к участию в рассмотрении дела представителей Общества охраны природы Израиля.

Судебное решение по Сергиевскому подворью в Иерусалиме состоялось только 27 июля 2008 г., после долгих судебных проволочек. В постановлении суда подворье квалифицировалось как выморочная собственность в связи с отсутствием претензий со стороны наследников Великого Князя Сергея Александровича и на этом основании подлежало передаче в собственность Государства Израиль. Таким образом, первый этап перерегистрации вместо отводившихся на него израильянами трех месяцев занял шесть с лишним. Как свидетельствует наше посольство в Тель-Авиве, надолго затянулся и второй этап — перерегистрация подворья с Государства Израиль на Российскую Федерацию, хотя израильские чиновники заверяли, что он будет чисто техническим. Для изменения записи в книге земельного кадастра Иерусалима, как уверяли российскую сторону, было достаточно распоряжения за подписью министра финансов Государства Израиль.

В июле-августе 2008 г. в израильских СМИ стала появляться информация, что договоренность о передаче России Сергиевского подворья в Иерусалиме может быть оспорена в Верховном суде Израиля. Ряд израильских общественных организаций и политиков правого толка с подачи Общества охраны природы выступили с требованием приостановить дальнейшую реализацию израильско-российских договоренностей и оставить подворье в собственности Государства Израиль. 24 августа 2008 г. адвокат «Юридического форума в защиту Эрец-Исраэль»

(«Единый и неделимый Израиль») А. Бульштейн направил запрос по поводу законности и правомочности действий правительства в отношении подворья государственному контролеру М. Линденштраусу. Запрос был проверен и признан необоснованным.

3 сентября 2008 г. по инициативе депутатов от партии «Ликуд» М. Эйтана и Ю. Эдельштейна состоялись парламентские слушания по вопросу о Сергиевском подворье в Иерусалиме в Комиссии по госконтролю. Суть их претензий сводилась к тому, что правительство не имеет права безвозмездно передавать принадлежащую ему недвижимость в собственность иностранного государства без одобрения Кнессета. Посольство в этой связи провело контакты с лидером «Ликуда» Б. Нетаньяху и Ю. Эдельштейном, изложив им существо вопроса. Впоследствии в телефонном разговоре Б. Нетаньяху сообщил, что депутаты от его партии больше не планируют выносить этот вопрос на обсуждение в Кнессете, полагая теперь эту транзакцию легитимной.

Далее события развивались еще более неожиданно. 15 сентября 2008 г. в Верховный суд был подан иск от «Юридического форума в защиту Эрец-Исраэль». Адвокат И. Бам в комментариях местным СМИ отметил, что иск был подан против Государства Израиль, израильского правительства и МИД Израиля: «Решения по поводу подворья заключались без всякого общественного обсуждения, к этой договоренности стороны пришли потайными путями. Насколько нам известно, в отношении Сергиевского подворья был заключен международный договор. В принципе это возможно, но международные соглашения, в которых Израиль берет на себя те или иные обязательства, должны быть утверждены правительством, а затем ратифицированы Кнессетом».

Не оспаривая законности перевода Сергиевского подворья в Иерусалиме в израильскую госсобственность, адвокат вместе с тем пытался опротестовать передачу его Российской Федерации на том основании, что действия израильского правительства в этой части противоречат законодательству и имевшим место судебным прецедентам. Свою позицию он аргументировал тем, что поскольку передача подворья России — это не рядовая сделка с недвижимостью, а акт межгосударственных отношений, то она подлежит утверждению правительством с принятием соответствующего постановления и ратификации Кнессетом. Адвокат также утверждал, что передача недвижимости в центре Иерусалима иностранному государству должна получить одобрение муниципалитета. А поскольку этого сделано не было, то, по мнению И. Бама, министр финансов не правомочен «единолично» принимать решение о передаче Российской Федерации подворья. Свою позицию

адвокат мотивировал также тем, что премьер-министр Израиля Э. Ольмерт вскоре должен был подать в отставку, что автоматически означает отставку всего правительства, после чего оно получит статус «переходного» и, дескать, потеряет «моральное право» принимать такие важные решения, как передача госсобственности иностранному государству. На основании вышеизложенной аргументации И. Бама от Верховного суда требовалось принять решение о приостановке процесса перерегистрации.

Израильские власти с самого начала считали, что исковое заявление И. Бама не имеет судебной перспективы. Они дали заключение о том, что для передачи подворья достаточно уже состоявшегося обмена нотами и заключения межгосударственного соглашения с последующей его ратификацией эта процедура не требует. Финальным аккордом этой затянувшейся борьбы стало постановление израильского правительства о передаче Сергиевского подворья в Иерусалиме России от 5 октября 2008 г. Оно сняло с повестки дня один из главных аргументов искового заявления И. Бама. Адвокат в тот же день подал второй иск — против решения, которое «правительство переходного периода» (с 21 сентября кабинет Э. Ольмерта считался ушедшим в отставку) не правомочно принимать. Однако он был фактически сразу отозван по причине юридической несостоятельности, поскольку такое правительство до парламентских выборов и формирования по их результатам новой коалиции обладает всей полнотой прав и полномочий.

6 октября 2008 г. об итогах этого обсуждения и решении израильского правительства Э. Ольмерт сообщил лично Президенту России Д.А. Медведеву во время встречи в Москве. Однако рассмотрение иска «Юридического форума» Верховным судом Израиля неоправданно затянулось. Только 10 ноября 2008 г. российским посольством через МИД Израиля был получен из Министерства юстиции (Управления регистрации недвижимости) бланк «Сертификата о безвозмездной передаче», в котором принимающей стороной объекта, находящегося в собственности Государства Израиль и «известного как Сергиевское подворье в Иерусалиме», указывается Российская Федерация. Представители МИД России с целью ускорить процедуру оформления документов, необходимых для перерегистрации, обратились с просьбой к послу подписать сертификат и заверить подпись у адвоката посольства. Заполненные бланки сертификата в количестве пяти экземпляров 17 ноября 2008 г. были переданы для подписания израильской стороной.

И вот, 5 декабря 2008 г. П. Авиви после настоятельных демаршей российского посольства проинформировал о том, что с учетом

длительного рассмотрения Верховным судом Израиля иска И. Бама, юридический советник правительства М. Мазуз санкционировал завершение процесса передачи подворья немедленно. Соответствующее решение, сказал он, будет принято правительством до конца года.

На этой заключительной стадии крайне важным оказалось подключение к этому процессу Председателя ИППО С.В. Степашина. В ходе его встречи с Э. Ольмертом 15 декабря 2008 г. в Иерусалиме премьер-министр Израиля подтвердил, что перерегистрация подворья — вопрос считанных дней. Официально (де-юре) Сергиевское подворье в Иерусалиме перешло в собственность Российской Федерации 28 декабря 2008 г. Израильское правительство, не дожидаясь решений суда, завершило все необходимые юридические процедуры перерегистрации. 31 декабря 2008 г. МИД Израиля передал посольству оригинал соответствующей выписки из книги земельного кадастра. 5 января 2009 г. в МИД Израиля состоялась церемония передачи ключей и документации по Сергиевскому подворью в Иерусалиме.

С 2009 г. историческая справедливость начала восстанавливаться. Благодаря выделению средств по решению Президента России В.В. Путина, Обществом была не только проведена консервация Восточного крыла Сергиевского подворья в Иерусалиме, но и обнаружены ценнейшие архивы и историческая библиотека ИППО, которые там сейчас частично и находятся.

В результате двух совещаний в Администрации Президента Российской Федерации (9 апреля и 9 ноября 2009 г.) было принято решение о передаче Сергиевского подворья в Иерусалиме на баланс Управления делами Президента России, а в декабре 2009 г. вышло в свет соответствующее распоряжение Правительства РФ. Таким образом, мы можем констатировать, что интенсивная дипломатическая и общественная работа по возвращению России Сергиевского подворья в Иерусалиме увенчалась блистательной победой во многом потому, что миру была продемонстрирована способность России должным образом координировать действия всех ветвей государственной власти, Русской Православной Церкви и такой мощной общественной силы, как ИППО.

В настоящее время после почти 10 лет масштабной реконструкции и капитального ремонта, вновь открытое 18 июля 2017 г. Сергиевское подворье в Иерусалиме становится центром духовной и светской жизни Иерусалима, а также, как и в начале своей истории, принимает паломников.

В июне 2018 г. на территории Сергиевского подворья в Иерусалиме впервые состоялось празднования Дня России. С данной инициативой

выступило Посольство России в Израиле. Данное мероприятие посетило высшее руководство Израиля, включая премьер-министра Б. Нетаньяху. На Сергиевском подворье регулярно проводятся научные и культурно-просветительские мероприятия: конференции, семинары, круглые столы, лекции и чтения, а также выставки и концерты классической музыки.

Сергиевское подворье становится интересным не только для наших соотечественников, проживающих в Израиле, но также является привлекательным объектом для посещения и реализации различных проектов среди израильтян. Ведущая роль в формировании позитивного образа России через становление Сергиевского подворья в Иерусалиме как центра Русского мира на Ближнем Востоке принадлежит Иерусалимскому отделению МОО «ИППО» и лично председателю его Совета И.Р. Ашурбейли.

Литература

1. Официальный интернет-сайт ИППО: ippro.ru.
2. Россия в Святой Земле. Документы и материалы. В 2 тт. / Отв. ред. и сост. Н.Н. Лисовой. М., 2000. Т. 1. С. 479–536.
3. О работе по возвращению зарубежной собственности Императорского Православного Палестинского Общества // Православный Палестинский Сборник. Вып. 102. М., 2005. С. 204–206.
4. Гулятьев Р.К. Судьба Сергиевского подворья в Иерусалиме // Православный Палестинский Сборник. Вып. 105. М., 2007. С. 91–99.
5. Тарасов Г.П. Сергиевское подворье — история обретения // Православный Палестинский Сборник. Вып. 107. М., Индрик, 2011. С. 54–58.
6. Чистяков А.Ф. Вопрос о наследии в Святой Земле (к предыстории возвращения Сергиевского подворья) // Православный Палестинский Сборник. Вып. 107. М., Индрик, 2011. С. 59–74.
7. Грачев Ю.А., Озеров О.Б. Сергиевское подворье: между прошлым и будущим // Журнал «Международная жизнь». Январь 2011 г.
8. Лисовой Н.Н. Сергиевское подворье: судьба, история, перспективы. Куратор проекта И.Р. Ашурбейли. / Отв. ред. Р.Б. Бутова. Москва-Иерусалим: Индрик, 2017.

АЗИАТСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

19 апреля 2019 года исполнилось 200 лет со дня создания Азиатского департамента Министерства иностранных дел России.

В результате походов армии императора Петра I на Азов и в Закавказье, а также нескольких Русско-турецких и Русско-персидских войн XVIII — начала XIX вв. под власть России оказались огромные территории на юге и востоке страны. Этот факт, а также расширяющиеся торгово-экономические связи с государствами на южных и восточных рубежах вызвали необходимость определенных изменений в структуре соответствующего государственного ведомства.

Предшественником Азиатского департамента был особый отдел Коллегии иностранных дел, созданный по Указу императора Павла I от 26 февраля 1797 года, в котором говорилось: «Для отправления дел, касающихся до Азиатских народов, как в подданстве Нашем состоящих, так и тех, с коими по соседству торговля и другие сношения производятся, повелеваем учредить в Коллегии иностранных дел особый Департамент или Экспедицию, в которой присутствовать и под руководством министерства Нашего дела вести действительному статскому советнику Лашкареву и коллежскому советнику Константинову».

Императорский указ знаменовал собой лишь более определенное, чем раньше, сосредоточение азиатских дел в «особой экспедиции», т. е. в отделе Коллегии. Однако особому отделу коллегии не хватало ни кадров, ни денег, ни опыта, чтобы справиться с новыми задачами и с новыми реалиями международной обстановки. Подлинную активность и результативность в исследовании Востока это ведомство начало проявлять лишь после указа 19 апреля 1819 года, который, собственно, и положил начало Азиатскому департаменту МИД России.

Создание Азиатского департамента было ускорено возникновением Восточного кризиса, который затронул интересы не только России, но и всех крупнейших европейских держав. Кризис начался с того, что турецкое правительство, пользуясь соперничеством великих держав, начало предпринимать шаги к возвращению Крыма и территорий, которыми Турция владела ранее в Закавказье. Франция, с трудом

---

¹ Тончу Елена Александровна — доктор экономических наук, председатель Дорогомиловского местного отделения МОО «ИППО» в г. Москве, президент Издательского Дома «ТОНЧУ».

преодолев последствия понесенного разгрома наполеоновской армии в 1815 году, начинала вновь обращать внимание на Восток. Особую активность на Ближнем Востоке и в Средиземноморье проявляла английская дипломатия, пытаясь вытеснить оттуда европейских соперников. В Персии англичане вели провокационную политику, натравливая шаха и его окружение на Россию. Они внушали в Тегеране мысль о возможности возврата под власть Персии Грузии и тех княжеств, которые отошли России по Гюлистанскому мирному договору. Австрия помышляла о захвате Сербии, Молдавии и Валахии. Это также побуждало Россию активизировать свою внешнюю политику на Ближнем Востоке, охраняя свои права и завоевания в районе Средиземного моря (вопрос о проливах, об острове Мальта, Ионических островах и другие). Учитывая политику английского правительства в Персии и возможность нового столкновения в Закавказье, Россия укрепляла свои позиции в Грузии и во вновь присоединенных мусульманских ханствах.

Заняв доминирующее положение в Европе, Россия получила возможность перенести основное внимание на Восток, тем более, что ни Бухарестский, ни Гюлистанский мирные договоры не решили полностью вопроса о восточных границах России: статьи этих договоров, касающиеся границ, были сформулированы очень туманно и не определяли конкретного разграничения. Всё это обусловило появление приведенного ниже указа царя о создании нового департамента в Министерстве иностранных дел Российской Империи — Азиатского.

Указ Государственной коллегии иностранных дел.

Действительному статскому советнику Родофиникину повелеваем быть директором Азиатского департамента, предоставляя управляющему сим Министерством составить оный департамент из существующего ныне при Коллегии иностранных дел, распределить находящихся в нем чиновников и установить порядок течения дел. Жалованье же директору, сверх получаемого им ныне производить, и положенное штатом члену Азиатского департамента Коллегии.

Петербург

Апрель, 19 дня 1819 г.

АЛЕКСАНДР.

На основании этого указа управляющий Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде 22 апреля 1819 года составил записку, в которой давалось подробное описание задач, стоящих перед департаментом, и определялся круг его обязанностей. Изначально Азиатский департамент состоял из двух отделений. Первое ведало «а) делами турецкими и б) делами персидскими, грузинскими и горских народов».

Второе отделение ведало: «а) делами кочевых народов, обитающих в губерниях Кавказской, Астраханской и частью Саратовской, а также делами Киргиз-кайсаков всех орд; б) делами всех прочих азиатских народов и делами, касающимися личного состава департамента».

Посольствам и миссиям на Востоке было предписано по «делам собственно политическим по-прежнему сноситься» с управляющим Министерством иностранных дел, по делам денежным — с Коллегией иностранных дел, а по всем остальным текущим делам — с Азиатским департаментом.

В 1823 году при Азиатском департаменте учреждается Учебное отделение восточных языков для подготовки переводчиков по турецкому, персидскому и арабскому языкам. Среди преподавательского состава Учебного отделения были выдающиеся ученые-востоковеды. Выпускниками его впоследствии стали и офицеры Генерального штаба.

Проведенные князем А.М. Горчаковым преобразования центрального аппарата министерства не затронули его структуру. Формально Канцелярия МИД по-прежнему являлась главным политическим подразделением министерства, его «мозговым центром», где создавалась большая политика, что было законодательно закреплено в МИД. Директор Канцелярии, наряду с товарищем министра и старшим советником, был наиболее приближенным к министру лицом, пользующимся его особым доверием. Вместе с тем, с начала 60-х годов XIX века в министерстве шел процесс фактического перераспределения компетенции и роли в подготовке решений по политическим вопросам между Канцелярией и Азиатским департаментом.

От Канцелярии Азиатский департамент отличался тем, что в его компетенции находились не только политические, но и неполитические дела. Бытовало мнение, что на Востоке административные, консульские, правовые и иные дела носят политический характер. При этом правоведы и политики западных стран и России объясняли это отсутствием «цивилизованных» норм права в странах Востока. Отличался Азиатский департамент от всех других подразделений министерства еще и тем, что он был разделен на отделения и столы (по регионам и странам), в то время как остальные департаменты состояли из специализированных отделов.

Возрастание значения Азиатского департамента было результатом расширения геополитических интересов России на Восток. Появились самостоятельные среднеазиатское и дальневосточное направления, обретавшие взаимосвязь с другими направлениями внешней политики. Объединение в Азиатском департаменте всего комплекса вопросов

по делам стран Востока превращало его в структуру, где формировались взгляды на политику европейских держав. Император Александр III признавал Азиатский департамент «особой частью» в своем дипломатическом ведомстве.

Примечательно, что именно император Александр III вошел в историю России как царь-миротворец. Его заветной мечтой было вернуть России ее прежнее значение первенствующей державы в Европе. Он отдавал себе отчет в том, что за ним стоит страна с подорванной после Русско-турецкой войны экономикой и финансами, с незавершенной военной реформой, и не позволил втянуть страну ни в один из намечавшихся в Европе, на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке международных конфликтов.

Внешнеполитическое ведомство России в конце XIX столетия функционировало по законам и административно-правовым нормам первой половины века, с явным опозданием приспособляясь к быстро текущим переменам в международной и внутренней жизни страны. Основным законом для него являлось Учреждение Министерства иностранных дел 1868 года. Деятельность МИД регулировалась также Учреждением Государственного совета, Учреждением министерств, Учреждением комитета министров, Уставом службы правительственной, Консульским уставом 1858 года и некоторыми другими законодательными актами. Они определяли задачи, компетенцию, организационную структуру МИД, регламентировали положение и условия прохождения службы личного состава ведомства, а также его делопроизводство. Определяли взаимоотношения с высшими и центральными органами государственной власти.

В годы Первой мировой войны происходила серьезная структурная перестройка центрального аппарата МИД России, связанная как с принятием 24 июня 1914 года закона о новом учреждении министерства, так и с условиями военной и политической борьбы с противником. По предложению Государственной думы в законе были расширены задачи МИД. К уже существующим добавились покровительство и защита «в чужих краях экономических интересов и в особенности развитие торгово-промышленных сношений с Россией», а также забота о поддержке и о достойном положении православия за границей и об укреплении русского влияния на почве церковных интересов.

Итак, всё вышеизложенное дает основание сделать выводы, что создание Азиатского департамента МИД Российской империи было продиктовано поворотом во внешней политике царского правительства с европейских дел на восточные. Азиатская политика России дала

возможность царской дипломатии решить внешнеполитические задачи на Ближнем Востоке и успешно завершить присоединение к России калмыков, киргизов и других кочевых народов.

При этом создание Учебного отделения Восточных языков привело к подготовке высокопрофессиональных кадров для дипломатической работы на Востоке.

Азиатский департамент всегда занимал центральное положение в российском МИД, что определялось огромным значением, которое имело данное направление во внешней политике России как евразийской державы.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВИЗИТ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА В ПАЛЕСТИНУ. ПО МАТЕРИАЛАМ МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

С принятием христианства на Руси ее князья, цари и императоры стремились «взойти» в Святой град Иерусалим, где ступал по земле Спаситель, *Царь царствующих и Господь господствующих* (1 Тим. 6, 15), дарующий власть правителям мира сего. После Смуты рубежа XVI–XVII веков на Всероссийский Престол вступила Династия Романовых, продолжившая традиции русско-палестинских взаимоотношений, заложенные еще равноапостольным Великим Князем Владимиром, Крестителем Руси².

В 1890–1891 годах, когда путешествие на Восток совершил Наследник Цесаревич Николай Александрович, в «Своде Основных государственных законов Российской Империи» глава государства определялся «как верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры», и в этом смысле именовался Главою Церкви³. Соответственно высоко понимаемой миссии Всероссийского Императора в мире, Иерусалимский Патриарх Никодим в сослужении с другими греческими архиереями и членами Святогробского братства, а также русскими священниками из Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и приезжими совершает в дни тезоименитства, годовщины священного коронования Императорской Четы и других высокаторжественных дат Божественные Литургии и молебны на Голгофе. «Русские паломники и другие христиане приносили свои горячие молитвы о здравии и долголетьи обожаемых нами Монарха и Монархини», — как сообщал в своем донесении в МИД России консул в Иерусалиме В. Максимов⁴.

¹ Хвалин Андрей Юрьевич — член МОО «ИППО», председатель Юбилейного комитета к 130-летию путешествия на Восток Цесаревича.

² См.: Назаренко А.В. Русские в Святой земле. «Русская история». № 3(17), 2011. С. 20–23; Хвалин А. Память сердца. Святая Земля и Дом Романовых. В кн.: Имперский архив. М., 2014. С. 12–26.

³ «ИМПЕРАТОР, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоправия и всякого в Церкви святой благочиния. 1721 Янв. 25 (3718) ч. 1, введ. — В сем смысле ИМПЕРАТОР, в акте о наследии Престола 1797 Апр. 5(17910) именуется Главою Церкви. — 1906 Апр. 23., собр. узак., 603, ст. 24.

⁴ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 796. Л. 75 об.

Когда Государь Александр III в конце позапрошлого века задумал отправить Наследника Престола Великого Князя Николая Александровича на Восток, то перед Министерством иностранных дел России (министр Николай Карлович Гирс, глава Азиатского департамента Иван Алексеевич Зиновьев) была поставлена задача невиданная и нерешаемая прежде. Надо было обеспечить посещение вторым лицом государства не только христианских стран Европы, что было привычным делом, но африканских и восточноазиатских государств с иными религиями и верованиями.

Программа Восточного путешествия Цесаревича, которая обсуждалась на совещаниях Императора Александра III несколько месяцев, одной из главных своих целей ставила **поклонение святым местам**. Первоначально было запланировано и посещение Святой Земли. Специально к этому событию был подготовлен к освящению храм на Александровском подворье в Иерусалиме.

Дневник Цесаревича за 1889–1890 гг. полон записей, позволяющих судить о его интенсивных занятиях по государственному управлению, военному и морскому делу, по культурному развитию и физической подготовке. В обязательный круг интересов Цесаревича входила дипломатия и международные отношения. Великий Князь Николай Александрович не только регулярно посещал заседания Государственного Совета, но и принимал у себя с докладами или «за завтраками» различных должностных лиц, могущих ему быть полезными в ходе подготовки к путешествию на Восток. С начала 1890 года и до отправления в путь Цесаревича у него неоднократно бывает Н.К. Гирс, министр даже ходит вместе с Императорской Фамилией на охоту, о чем свидетельствуют великокняжеские дневниковые записи⁵.

Помимо личных бесед с Цесаревичем Н.К. Гирс, как глава внешнеполитического ведомства, регулярно представлял на Высочайшее имя «Политические бюллетени» о международном положении России, составленные на основе донесений наших послов и консулов. Изложенные в них сведения, сделанный на их основе анализ ситуации, скорректированный международный курс, одобренный и утвержденный Императором Александром III, и лег в основу действий Наследника

---

⁵ Обычно такие встречи проходили по вторникам: 9 января, 16 января, 23 января, 6, 13 марта, 3 апреля, 14 августа, 22 сентября, 9 октября, 16 октября — последняя запись сделана за неделю до путешествия. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 223. Л. 365; Д. 224. Лл. 13, 20, 27, 69, 76, 97, 230, 269, 286, 293.

Цесаревича Николая Александровича при посещении иностранных государств в ходе своего путешествия на Восток⁶.

Для реализации данной международной части путешествия привлекались следующие сотрудники МИДа. **Константинополь:** Чрезвычайный и Полномочный посол, тайный советник Александр Иванович Нелидов. **Бейрут:** генеральный консул Действительный статский советник Константин Дмитриевич Петкович. **Яффа:** Консульский агент Владимир Николаевич Тимофеев. **Иерусалим:** Консул Статский советник Виктор Александрович Максимов⁷. О предполагаемом маршруте путешествия узнаем из конфиденциального письма воспитателя Цесаревича генерала Григория Григорьевича Даниловича в Министерство иностранных дел от 19 июля 1890 года, т. е. за три с небольшим месяца до отправления в путь.

«С соизволения Государя Императора, — пишет Г.Г. Данилович, — имею честь сообщить (...) следующие общие предположения относительно предстоящего путешествия Государя Наследника Цесаревича на Восток — от Севастополя или Одессы до Владивостока.

1. Отъезд Цесаревича предположен около половины октября. Остановка в Константинополе на три дня, затем в Греции на семь дней, в Яффе с поездкой в Иерусалим на десять дней... (выделено мною. — А.Х.) (...). 2. В Иерусалиме Наследник Цесаревич предполагает остановиться в новом здании подворья Православного Палестинского Общества. Желательно было бы иметь разрешение из Константинополя на посещение в Хевроне гробницы патриархов: Авраама, Исаака и Иакова (и т. д. по пунктам маршрута. — А.Х.).

Подробный план плаванья эскадры, с которою Государь Наследник Цесаревич идет из Севастополя или Одессы (выделено мною. — А.Х.) во Владивосток, будет доставлен мною (...) немедленно по окончательном его утверждении», — заканчивает свое письмо генерал Г.Г. Данилович⁸.

Что же послужило причиной того, что первоначальный план пришлось изменить? Вспыхнувший в конце 1889 г. конфликт между Иерусалимским Патриархом Никодимом и секретарем ИППО Василием Николаевичем Хитрово по поводу постройки нового храма в деревне Раме, недалеко от Назарета, не имел первостепенного значения и вряд ли, на наш взгляд, мог бы помешать визиту Цесаревича на Святую Землю.

⁶ АВПРИ. Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 5203. Л. 51–81.

⁷ АВПРИ. Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3376. Л. 17–17 Б. об.

⁸ АВПРИ. Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3376. Л. 2–4 об.

В письме Обер-Прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева министру иностранных дел Н.К. Гирсу № 47 от 17 мая 1890 г. положение в Иерусалиме названо «печальным» в результате того, что «Греческая Патриархия, обремененная долгами, связанная Святогробским братством, постоянно озабоченная шаткостью своего положения и необходимостью противодействовать ежедневным местным интригам и проискам, давно уже оказывается бессильною (...) поддерживать церковное благолепие, внешний порядок и утверждать в православной вере местное население. Эти задачи, во всякое время трудные, приобрели особую сложность и трудность с тех пор, как Иерусалим стал ареною политических замыслов и стремлений Европейских Правительств, и, под покровом дипломатии, развилась в Палестине до небывалых прежде размеров иноверная пропаганда, действующая посредством школ и благотворительных учреждений. Для борьбы с этою пропагандою местное греческое духовенство не приготовлено и не в состоянии орудовать даже теми скудными средствами, коими располагает Патриархия. Между тем вопрос об охранении в православии местного населения на Востоке имеет для России не меньшую, если еще не большую важность, чем для греческого духовенства.

В таком положении дел, — продолжает Обер-Прокурор, — Палестинское Общество является учреждением, действующим именно для этой цели посредством заводимых им школ и поддерживаемых им церковных и благотворительных учреждений».

Автор письма считал, что материальные средства, идущие из России на миссионерскую деятельность в Святой Земле, должны строго контролироваться, а «Иерусалимскую Патриархию возможно сдерживать только посредством постоянной и непрерывной (подчеркнуто в тексте — А.Х.) ее зависимости в денежном отношении от Русского Правительства», — делает вывод Обер-Прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев⁹.

Уже началась кропотливая дипломатическая работа, шла переписка МИД с Главным морским штабом для получения разрешения от Османской Порты на проход русских военных судов через Босфор, как пришлось менять намеченные планы из-за возникшего препятствия, а именно: обострения «распри между Портою и Вселенскою Церковью», как она названа в дипломатической переписке. Суть конфликта сводилась к защите Константинопольской Патриархией юридических и экономических прав своего духовенства перед лицом турецких

⁹ АВПРИ. Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3563. Л. 80–84 об.

властей, начавших очередное наступление на православных христиан. В сложившейся обстановке русские дипломаты высказывают тревогу за успех визита Цесаревича в Константинополь, а без него невозможно отправиться в Иерусалим. В депеше советника посольства в Константинополе В.В. Жадовского из Буюкдере от 27 авг./8 сент. 1890 г. за № 121 в Министерство иностранных дел сообщается: «... В разглашенном молвою предстоящем приезде в Царьград Государя Цесаревича Православный мир видит знамение Провидения и лучший залог успеха к восстановлению благоденствия православного населения Востока. Он не может допустить, чтобы Султан надеялся на честь увидеть в своей столице первородного Сына Православного Царя в момент ничем не оправдываемого угнетения Церкви и посягательства на ее вековые права, торжественно освященные договорами и не раз восстановленные в прошлом ценою русской крови.

Я желал бы, чтобы прибытие Цесаревича на Восток ознаменовано было сердечным взрывом благородного восторга Православного Мира и проявлением той духовной силы России, которую никто не в силах у нея оспаривать или отнять»¹⁰. И хотя со временем конфликт между Константинопольской Патриархией и Оттоманской Портою с помощью российской дипломатии был улажен, маршрут путешествия Цесаревича был вынужденно изменен.

Другим неожиданным, но веским аргументом отменить посещение Цесаревичем Константинополя и Иерусалима стало обнаружение чинами полиции информации о готовившейся провокации армянскими националистами.

При вскрытии в Кавказском Цензурном комитете армянских заграничных газет в двух из них оказались письма, в которых имелись указания, что в Константинополе образовалась армянская революционная организация «Хнчак». Вожаки ее намеревались произвести кровавую политическую демонстрацию во время ожидаемого прибытия в Константинополь Государя Наследника Цесаревича и подать Его Высочеству петицию. Информация попала во Всеподданнейший доклад управляющего Министерством Внутренних Дел В.К. Плеве, была сообщена министру иностранных дел, начались розыски адресата газеты и лиц, указываемых в письмах.¹¹

Возникший непредвиденный риск посещения Цесаревичем Константинополя и Иерусалима взвешивался Императором Александром

¹⁰ АВПРИ. Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3569. Л. 56–57.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 11. Л. 82–82 об.

III и министерством иностранных дел буквально до последнего момента. Еще за три недели до начала восточного путешествия в доверительном письме от 2-го октября 1890 г. статс-секретарь Н.К. Гирс сообщал послу в Константинополе А.И. Нелидову, что «никаких Высочайших указаний относительно посещения Государем Наследником Цесаревичем Султана, я не имею сообщить Вам ничего нового по этому предмету». Относительно же резкого обострения ситуации Н.К. Гирс пишет, что «недовольство армян против Турецкого правительства принимает революционное направление и выражается чуть ли не ежедневными насилиями. Мы крайне опасаемся того, что такое положение дел послужит непреодолимым препятствием к миролюбивому и обоюдовыгодному разрешению армянского вопроса»¹².

В результате возникших затруднений первоначальный маршрут восточного путешествия Наследника Цесаревича был изменен. В нем не осталось ни Севастополя с Одессой, ни Константинополя с Иерусалимом. Августейший путешественник 23-го октября 1890 г. отправился из Гатчины через Варшаву и Вену в порт Триест, где поднялся на борт фрегата «Память Азова», взявшего курс на Египет. В Красном море с борта судна руководитель экспедиции князь В. Барятинский написал письмо начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Антонину (Капустину). В письме говорилось, что «Его Императорское Высочество глубоко сожалеет о том, что в этот раз Ему не удалось выполнить душевное свое желание лично посетить Святой град и места столь дорогие всему христианскому миру и нашему Царскому Дому в особенности. Государь Наследник утешается мыслью, что Ему удастся в будущем посетить Иерусалим и поклониться Гробу Господню»¹³. Однако «взойти» в Иерусалим и «испытать блаженное чувство» святому Царю-страстотерпцу Николаю II Александровичу так и не удалось.

¹² АВПРИ. Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 974. Л. 134 об.

¹³ Письмо генерал-майора князя В. Барятинского, состоящего при Наследнике Цесаревиче Великом Князе Николае Александровиче, к архимандриту Антонину. Красное море, 30 ноября 1890 г. // Архив РДМ. Ф.1. Оп. 1. Д. 1442. См.: Хвалин А. Имперский архив. М., 2014. С. 16–17.

Научное издание

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

200 лет

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ
РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА
МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Санкт-Петербург,
Государственный Эрмитаж
3–4 октября 2019 г.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Оригинал-макет А. Старчеус

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 70×100 ¹/₁₆.
32,0 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988–63–87